МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ

1878-1917

КОМИССИЯ
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ
ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1 9 4 0

RELATIONS INTERNATIONALES
DE L'ÉPOQUE DE L'IMPÉRIALISME

DOCUMENTS DES ARCHIVES
DES GOUVERNEMENTS
IMPÉRIAL ET PROVISOIRE
1878-1917

2-E SÉRIE
1900-1913

1940

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ
ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878-1917

СЕРИЯ ВТОРАЯ
1900-1913

1940

КОМИССИЯ
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ
ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА

А. С. ЕРУСАЛИМСКИЙ

А. А. МОГИЛЕВИЧ

Ф. А. РОТШТЕЙН

ТОМ ДВАДЦАТЫЙ

ЧАСТЬ II

14 АВГУСТА — 17 ОКТЯБРЯ 1912 г.

ПОДГОТОВИЛА К ПЕЧАТИ

Л. А. ТЕЛЕШЕВА

ПРИ УЧАСТИИ

Э. С. АЛЬТШУЛЕР

И

Е. М. ГЛЯЗЕР

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ[1].

Помимо общепринятых, в редакционном тексте примечаний допускались следующие сокращения:
Военное министерство — воен. м-во.
Генеральное консульство — ген. консульство.
Депеша — деп.
Докладная записка — докл. записка.
Константинополь — К-поль.
Литографская копия — лит. копия.
Министерство иностранных дел — м-во ин. дел.
Министерство торговли и промышленности — м-во торг. и пром.
Министерство финансов — м-во фин.
Министр — м-р.
Памятная записка — пам. записка.
Посольство — пос-во.
Правительство — прав-во.
Телеграмма — тел.
Действительный статский советник — д. с. с.
Действительный тайный советник — д. т. с.
Тайный советник — т. с.

British Documents on the Origins of the War, 1898—1914, London — Brit. Doc.
Documents Diplomatiques Français (1871—1914), Commission de Publication des Documents Relatifs aux Origines de la Guerre de 1914, Paris — Doc. Dipl.
«Красный Архив», изд. Центрархива — Кр. Арх.
Материалы по истории франко-русских отношений, Москва 1922 г. — М.
Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове, август 1912 г. — июль 1913 г. (Оранжевая книга), Петербург 1914 — Ор. кн.
Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу, 23 августа 1912 г. — 2 ноября 1913 г. (Оранжевая книга), Петербург 1914 — Ор. кн. М.
Siebert, B.—Graf Benckendorffs Diplomatischer Schriftwechsel, Verlag von Walter de Gruyter u. Co, Berlin und Leipzig 1928 — Siebert.
Stieve, Friedrich.—Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolskis — Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, Berlin 1925—Stieve.

---

[1] О методах и приемах публикации, принятых в настоящем издании, см. серия III, т. I., стр. XXV—XXXII.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

ТОМ XX

(14/1 мая 1912 г. — 17/4 октября 1912 г.)

Часть вторая

(14/1 августа 1912 г. — 17/4 октября 1912 г.)

№№ п/п	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
803	28/15.IX	Депеша № 84	М. Гирс — Нератову	П. А. 1044	298
804	28/15.IX	Депеша № 85	М. Гирс — Нератову	П. А. 1044	300
805	29/16.IX	Пам. записка	Англ. пос-во в Петербурге — м-ву ин. дел	К. ст. 880	300
806	29/16.IX	Тел. № 1955	Козаков — Люба	С. А. 931	303
807	29/16.IX	Тел. № 1959	Нератов — М. Гирсу	П. А. 3179	303
808	29/16.IX	Тел. № 1960	Нератов — М. Гирсу	П. А. 3696	304
809	29/16.IX	Тел. № 1961	Нератов — Сазонову	П. А. 2602	304
810	29/16.IX	Тел. № 240	Сазонов — Нератову	К. 80	305
811	29/16.IX	Тел. № 241	Сазонов — Нератову	К. 87	305
812	29/16.IX	Тел. № 242	Сазонов — Нератову	К. 80	305
813	29/16.IX	Тел. № 243	Сазонов — Извольскому, Броневскому и Кудашеву	К. 87	306
814	29/16.IX	Тел. № 206	Извольский — Нератову	К. 101	306
815	29/16.IX	Тел. № 114	Броневский — Нератову	К. 19	307
816	29/16.IX	Тел. № 59	Урусов — Нератову	К. 7	307
817	29/16.IX	Рапорт № 137	Искрицкий — в отдел ген.-квартирмейстера ген. штаба	ЦВИА, ф. 2000, II, № 10340	308
818	29/16.IX	Тел. № 145	Гартвиг — Нератову	К. 17	309
819	29/16.IX	Рапорт № 202	Хольмсен — в отдел ген.-квартирмейстера ген. штаба	ЦВИА, ф. 2000, II, № 10389	310
820	29/16.IX	Тел. № 762	Поклевский — Нератову	К. 119	311
821	29/16.IX	Тел. № 764	Поклевский — Нератову	С. А. 925	312
822	30/17.IX	Тел. № 1970	Нератов — Гартвигу	П. А. 3696	313
823	30/17.IX	Тел. № 1973	Нератов — Сазонову	К. 88	313
824	30/17.IX	Тел. № 1979	Нератов — Сазонову	П. ст. 345б	314
825	30/17.IX	Тел. № 1981	Нератов — Бенкендорфу	П. А. 3696	314
826	30/17.IX	Письмо	Сазонов — Никольсону	К. 213	315
827	30/17.IX	Тел. № 127	Неклюдов — Нератову	П. А. 1350	316
828	30/17.IX	Тел. № 128	Неклюдов — Нератову	П. А. 1350	317
829	30/17.IX	Тел. № 130	Неклюдов — Нератову	П. А. 1350	318
830	30/17.IX	Тел. № 62	Урусов — Нератову	К. 7	318
831	30/17.IX	Тел. № 146	Гартвиг — Нератову	К. 17	319
832	30/17.IX	Тел. № 147	Гартвиг — Нератову	К. 17	319
833	30/17.IX	Тел. № 157	А. Гирс — Нератову	К. 138	319
834	30/17.IX	Тел. № 731	М. Гирс — Нератову	П. А. 1045	320
835	30/17.IX	Письмо	М. Гирс — Нератову	П. А. 1044	320
836	30/17.IX	Письмо	М. Гирс — Нератову	П. А. 1044	321
837	30/17.IX	Тел. № 805	В. Крупенский—Нератову	К. 105	321
838	1.X/18.IX	Тел. № 1982	Нератов — Извольскому	К. ст. 880	322
839	1.X/18.IX	Тел. № 1988	Нератов — Сазонову	П. А. 3696	323
840	1.X/18.IX	Тел. № 1991	Нератов — Шебеко	П. А. 3739	324
841	1.X/18.IX	Тел. № 1992	Нератов — В. Крупенскому и Малевскому	К. ст. 1774	324
842	1.X/18.IX	Тел. № 1996	Нератов — Сазонову	П. А. 3696	325
843	1.X/18.IX	Тел. № 1998	Нератов — М. Гирсу	П. А. 3179	326
844	1.X/18.IX	Тел. № 244	Сазонов — Нератову	К. 80	326
845	1.X/18.IX	Тел. № 72	Н. Гирс — Нератову	К. 125	327
846	1.X/18.IX	Тел. № 74	Н. Гирс — Нератову	К. 125	327
847	1.X/18.IX	Тел. № 133	Неклюдов — Нератову	П. А. 1350	327
848	1.X/18.IX	Тел. № 151	Гартвиг — Нератову	К. 17	328
849	1.X/18.IX	Тел. № 161	А. Гирс — Нератову	К. 21	328
850	1.X/18.IX	Тел. № 164	А. Гирс — Нератову	К. 21	329
851	1.X/18.IX	Тел. № 734	М. Гирс — Нератову	П. А. 1045	329
852	1.X/18.IX	Тел. № 740	М. Гирс — Нератову	П. А. 1045	330
853	1.X/18.IX	Тел. № 745	М. Гирс — Нератову	П. А. 1045	330
854	1.X/18.IX	Письмо № 2334	Сухомлинов — Нератову	П. А. 3696	330
855	2.X/19.IX	Сообщение	Турец. пос-во в Петербурге — м-ву ин. дел	П. А. 3697	331
856	2.X/19.IX	Тел. № 2014	Нератов — Сазонову	С. А. 931	333
857	2.X/19.IX	Тел. № 2016	Нератов — Извольскому	П. А. 3696	333
858	2.X/19.IX	Тел. № 212	Сазонов — Нератову	К. 101	334
859	2.X/19.IX	Тел. № 213	Сазонов — Нератову	К. 101	334
860	2.X/19.IX	Письмо	Броневский — Сазонову	К. 18	335

ПРИЛОЖЕНИЯ К ТОМУ

№ 467. Поверенный в делах в Лондоне[1] временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 14/1 августа 1912 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

С прекращением работ парламента Лондон совершенно опустел, весь официальный мир разъехался и министерством иностранных дел ныне номинально управляет Sir Louis Mallet, который держит Sir E. Grey'я постоянно в курсе дел.

Из последних моих разговоров с Маллетом я вынес впечатление, что в Лондоне ныне немало встревожены положением вещей, создавшимся в Турции после роспуска парламента [2]. Здесь не слишком доверчиво, повидимому, относятся ни к возможности для Мухтар-паши прочно утвердиться у власти, ни к благополучному исходу предстоящих выборов, и не думают, чтобы младотурки и их комитеты, — успевшие как бы то ни было пустить глубокие корни в стране, —безропотно примирились с «временной» неудачей.

Здешние представители Болгарии и Сербии рисуют положение вещей на Балканах в мрачных красках.

Первый не скрывает опасений г. Гешова и упоминает о бессилии правительства удержать революционные македонские комитеты в случае нарушения status quo и дарования преимуществ и особенно «расширения территории» Албании.

Г. Груич при каждом случае упоминает о предстоящем поглощении Сербии и во всяком случае Санджака Австро-Венгрией.

Не говоря открыто о состоявшемся «соглашении», оба представителя, однако, с удовольствием отмечают улучшившиеся отношения между их странами, признавая этот факт главным обеспечением их неприкосновенности.

Упомянув о последнем, решаюсь прибавить, что, до опубликования еще слухов об этом соглашении в печати, до моего ведома дошло из самого верного источника, что факт его осуществления известен здешнему австрийскому военному агенту, недавно распространявшемуся о неизбежном будто бы столкновении на Балканах, об оккупировании в близком будущем Сербии Австро-Венгрией и о предоставлении при этом Болгарии всей Македонии «за исключением Салоник», — от чего Болгария, по его мнению, не откажется, хотя бы ценой разрыва с Сербией.

Я бы не упомянул об этих фантастических толках, исшедших из военной среды, если бы не ознакомился из последней полученной дипломатической переписки о подобных же приблизительно сведениях, также исходящих из австро-венгерских центров или источников.

К тому же оптимистически настроенный до сего г. Маллет за последние дни, вероятно под влиянием балканских агентов, стал менее уверен в прочности положения на Ближнем Востоке.

---

[1] Тел. от 30/17 июля Бенкендорф известил о своем отъезде в отпуск.
[2] Турец. палата депутатов была распущена 5 авг./23 июля.

Общее впечатление таково, что Австро-Венгрия мало кому в данное время внушает доверие, но что поддержание спокойствия на Балканах, к счастью, зависит от совместного образа действий России, Франции и Англии, а также — после свидания в Балтийском Порте [1] — от Германии.

Ваше превосходительство изволили осведомиться из моих телеграмм, что при возникновении последних конфликтов здешнее правительство немедленно выступало с примирительными представлениями [2]. Сэр Л. Маллет каждый раз при этом заручается разрешением сэра Э. Грея.

Примите и пр.

Н. Эттер.

№ 468. Вр. и. д. военного агента в Англии в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Рапорт № 108. 14/1 августа 1912 г.
В. секретно.

О взглядах австрийского военного агента на балканские дела.

Доношу, что 8 августа/26 июля я имел продолжительный разговор с здешним австрийским военным агентом, капитаном Хорватом, который пространно изложил мне соображения, якобы свои собственные, на неизбежное будущее переустройство Балканского полуострова.

При этом капитан Хорват начал с заявления, что владычеству Турции в Европе пришел конец и поддержание ее призрачного существования перестало быть желательным для всех без исключения государств.

Вот что изложил мне капитан Хорват:

1) Если Россия пожелает занять Константинополь и Проливы и присоединить их к составу Российской империи, то это не встретит со стороны Австрии ни противодействия, ни неудовольствия.

2) *Болгария* должна быть одновременно увеличена присоединением большей части Македонии и всей Румелии, за исключением той части Адрианопольского вилайета, которую Россия признает желательным включить в новый константинопольский укрепленный район. Таким образом, Болгария образует, по выражению капитана Хорвата, «государство средней величины», примерно с 9 млн. населения, способное иметь армию в 6 армейских корпусов. В отношении флота на Черном море Болгария, как и Румыния, будут, вероятно, ограничены по желанию России.

3) *Греция* получает, по окончании итало-турецкой войны, все ныне занятые Италией острова Эгейского моря (Южные Спорады). Усиленная таким образом Греция составит некоторый противовес усиленной Болгарии.

4) *Австрия* присоединяет Сербию, которая, по словам капитана Хорвата, «неспособна к самостоятельному существованию», Новобазарский санджак, Салоники, которые она немедленно обращает в первоклассную морскую базу, и железную дорогу до Салоник, которая в будущем, естественно, заменит собой теперешнюю магистраль Багдадской железной дороги, становящуюся неудобной с присоединением Константинополя и Босфора к России.

5) *Албания* не имеет определенного центра, вокруг которого она могла бы сгруппироваться в нечто самостоятельное, поэтому ее надо отдать под протекторат Италии.

6) *Черногория* останется в своем теперешнем положении; увеличивать ее Австрия признает крайне нежелательным.

---

[1] См. № 273.
[2] См. ч. I, стр. 424, прим. 5, и стр. 445, прим. 3.

Изложив мне приведенные выше соображения, капитан Хорват прибавил, что Австрия естественно идет к преобразованию в тройственную монархию из немецкой, венгерской и славянской групп; с присоединением Боснии и Герцеговины, а по излагаемому проекту и всей Сербии и Ново-базарского санджака, громадный наплыв нового славянского элемента сделает такую перегруппировку насущной необходимостью. При этом Кроация отошла бы от Венгрии к славянам. Идеалом же Австрии всегда будет осуществление идеи Наполеона III — создание Придунайской федерации.

Уступку Албании Италии капитан Хорват назвал неизбежной, потому что при другом разделе Италия непременно останется озлобленной и неудовлетворенной, в чем будет крыться зерно будущих осложнений. Однако он (кап. Хорват), повидимому, думал о каких-то ограничениях Италии на Далматинском побережьи; в чем эти ограничения заключаются и как они могут быть проведены в жизнь, кап. Хорват мне не сказал, но прибавил, что раз у Австрии будет громадный военный порт в Салониках и в судостроении она не будет уступать Италии, то Адриатическое море всегда останется открытым.

Что касается островов Эгейского моря, то капитан Хорват чрезвычайно подчеркивал убеждение, что последние не могут быть в руках какой-либо из великих держав: влияние этой державы на судьбы Средиземного моря было бы слишком велико, в руках же Греции они останутся незначительными.

В заключение кап. Хорват высказал, что дележ турецкого наследства должен быть сделан между двумя — Россией и Австрией, «не приглашая со стороны никаких третьих друзей». Благополучное разрешение Восточного вопроса заключается в дружественном содействии Австрии и России и возвращении к политике Союза трех императоров и Священного союза начала прошлого столетия.

В дополнение вышеизложенного, считаю долгом донести, что весь разговор капитан Хорват начал и провел в полной последовательности *сам*, не предлагая мне никаких вопросов. Он производил впечатление человека, или лично тщательно продумавшего все сказанное или имевшего подробную инструкцию с определенными решениями по каждому пункту; в последнем особенно убеждают меня готовые ответы с цифровыми данными, например, население новой Болгарии — 9 млн.; армия ее — 6 арм. корпусов и т. п.

Я, со своей стороны, выслушал капитана Хорвата почти молча и вставил только нижеследующие замечания:

1) Выразил удивление той легкости, с которой Австрия полагает положить конец существованию Сербии.

2) Спросил, отчего бы не предоставить Албанию Черногории, — что вызвало энергичный протест моего собеседника.

3) Спросил, не будет ли беспокойно для самой Австрии столь значительное усиление Болгарии.

4) Шутливо заметил, что нельзя называть дележом операцию, при которой одна сторона (Австрия) берет все себе, и добавил, что, насколько пока видно, еще нельзя принимать гибель Турции за совершившийся факт.

Разговор мой с капитаном Хорватом может представить некоторый интерес в числе других сведений по тому же вопросу. Во всяком случае он указывает на современное направление взглядов в Австрии. Могу добавить, что это вполне совпадает с установившимся в нашем здешнем посольстве взглядом на современное отношение Австрии к балканской политике.

Приложение: схема [1].

Подполковник Голеевский.

---

[1] В письме на имя Сазонова от 6 ноября/24 окт. 1912 г. за № 2455 нач. ген. штаба ген. Жилинский, исполнявший в то время обязанности военного министра,

№ 469. Поверенный в делах в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 147 [1]. 14/1 августа 1912 г.

Австро-венгерский поверенный в делах сообщил сегодня Палеологу телеграмму своего министра иностранных дел. В ней указывается, что хотя по последним сведениям автономия, которую турецкое правительство намерено даровать албанцам [2], далеко не так широка, как предполагалось, тем не менее брожение среди остальных христианских национальностей усиливается и внушает венскому кабинету серьезные беспокойства за сохранение мира. Вследствие сего, граф Берхтольд желал бы знать, согласны ли державы совместно с ним, во-первых, посоветовать Порте дать удовлетворение законным вожделениям христианских национальностей, а во-вторых, внушить сим последним необходимость сохранения спокойствия. Палеолог сказал поверенному в делах, что даст ему ответ; он присовокупил, что Франция всегда готова содействовать сохранению мира и поддержанию status quo.

Севастопуло.

№ 470. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

/. Письмо [3]. 14/1 августа 1912 г.

Совершенно доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Г. Палеолог рассказал мне о своих разговорах с германским и австро-венгерским поверенными в делах, а также и с турецким послом по поводу недавних разоблачений о франко-русской морской конвенции [4] и об имевших недавно место между державами Тройственного соглашения переговорах по поводу восточных дел.

Касательно морской конвенции г. Палеолог отрицал недавнее заключение таковой, признав, однако, в общих чертах, что между начальниками морских штабов союзных наций происходили действительно технические переговоры, о сущности коих ему ничего неизвестно.

Германскому поверенному в делах он сказал, — присовокупив, что эти заявления он делает официально, — что в политику г. Пуанкаре входит возможно полное развитие Тройственного соглашения в военном, морском, дипломатическом и финансовом отношениях в интересах европейского концерта. Поверенный в делах благодарил его и, повидимому, удовлетворился этими объяснениями.

Что касается до австрийского поверенного в делах, то он в полушутливом тоне, но весьма упорно старался добиться признания г. Палеолога в заключении морской конвенции, причем особенно настаивал на том, что эти вопросы предлагает, не имея на сей предмет никаких инструкций.

Рифаат-паша особенно интересовался переговорами о восточных делах и, главным образом, не коснулись ли они вопроса о Проливах. Г. Палеолог заметил послу, что он не считает возможным посвящать его в подроб-

---

изложил содержание публикуемого документа и писал: «Ввиду событий на Балканах, приближающихся, повидимому, к развязке, считаю своим долгом ознакомить ваше превосходительство со взглядами австрийского военного агента в Великобритании по поводу будущего раздела Балканского полуострова». К письму была приложена карта-схема (см. приложение к тому).

[1] Опубл. М., стр. 242.

[2] См. № 457.

[3] Опубл. М., стр. 243.

[4] См. № 415.

ности имевших место между державами Тройственного соглашения переговоров, но заверил, что политика Франции по восточным делам неизменно имеет в виду целость Оттоманской империи и ее упрочение.

Примите и пр.

М. Севастопуло.

№ 471. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо [1]. 14/1 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

От внимания вашего высокопревосходительства, вероятно, не ускользнуло появившееся 6 августа н. ст. в газете «Figaro» пространное интервью г. Кидерлен-Вехтера, у сего в вырезке приложенное [2].

Газета эта уже очень давно подозревается в германских симпатиях, притом небескорыстных.

Г. фон Кидерлен-Вехтер старается всячески объяснить и оправдать политику Германии по отношению к Франции, и вряд ли можно считать, что он успешно справился с этой неблагодарной задачей. Но наиболее существенной частью всего интервью является место, в коем статс-секретарь говорит о возможности франко-германской финансовой кооперации и, в частности, об участии Франции в Багдадской ж. д. Он проводит идею, что как бы ни были живы еще во Франции воспоминания [18]70 г. и каковы бы ни были нынешние политические отношения, они не должны служить препятствием к выгодным для обеих стран совместным предприятиям; он идет далее и развивает мысль, что установление таких отношений должно повести к улучшению политического положения.

Большинство местных газет ограничилось перепечаткой выдержки из этого интервью с несколькими скептическими комментариями.

Из более пространных статей, вызванных этим интервью, обращает на себя внимание прилагаемая у сего вырезка из «Journal des Débats» [2].

Как ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, в ней проводится главным образом мысль, что Франция, отнюдь не уклоняясь от разрешения в самом дружелюбном духе вопросов, представляющихся в силу естественного развития вещей, не должна в то же время искусственно создавать вместе с Германией поводы для общей деятельности обеих стран, тем более что, как показал опыт, подобная совместная деятельность может повести к весьма нежелательным трениям.

Следует отметить, что упомянутое интервью написано не главным редактором «Figaro» по иностранной политике, г. Рекули, а одним из других сотрудников, отправившимся, повидимому, с этой целью в Киссинген.

Г. Рекули, которого ваше высокопревосходительство, быть может, изволите помнить по его многолетней деятельности в Лондоне, где он был корреспондентом «Temps», повидимому, был непричастен к этому интервью германского министра иностранных дел; он недвусмысленно выразил свой протест, поместив на другой день в том же «Figaro» статью, в коей отвечает на различные заявления министра и, между прочим, приводит перечень инцидентов, вызванных Германией с 1875 г. с целью унизить или задеть Францию.

Примите и пр.

М. Севастопуло.

---

[1] Опубл. М., стр. 245.

[2] Приложение не воспроизводится.

№ 472. Особый журнал совета министров [1].

15/2 августа 1912 г.

По вопросу о заключении соглашения с ургинским хутухтой и князьями Халхи.

С высочайшего вашего императорского величества соизволения, министром иностранных дел в заседании Государственной думы [26] 13 апреля т. г. заявлено было, что главной задачей нашей в Северной Монголии является воспрепятствование образованию в этой пограничной с нами области сильного в военном отношении государства [2]. При этом ближайшими в этих видах целями нами ставится, с одной стороны, сохранение в Халхе управления национальными властями, а с другой — недопущение ввода в эту страну китайских вооруженных сил и колонизации ее китайскими земледельцами. В то же время, стремясь к обеспечению практического достижения изъясненных целей, мы согласились выступить посредниками между китайским правительством и ургинским хутухтой и неоднократно указывали китайцам на нашу готовность содействовать их примирению с монголами, при условии сохранения в Халхе ее самобытного строя. Первоначально китайское правительство согласилось на наше посредничество, но затем прекратило переговоры по сему предмету, надеясь, повидимому, восстановить свою власть в Халхе помимо нас. Вместе с тем, противодействуя приобретенному нами в Халхе преобладающему влиянию, китайцы вознамерились воспользоваться существующей между хутухтой и князьями Халхи рознью для того, чтобы расстроить их планы о создании автономии и вновь подчинить своей власти. Но даже если бы китайцам не удалось осуществить эти замыслы, они могли бы в значительной мере подорвать наше положение в Монголии провозглашением в ней равноправия всех иностранцев и принципа открытых дверей, ибо подобная мера повела бы к возникновению здесь иностранных торговых интересов и наводнению этой страны китайцами, а может быть, даже и к коренному преобразованию ее внутреннего строя [3]. Ввиду приведенных обстоятельств, министерство иностранных дел пришло к убеждению, что политика выжидания в монгольском вопросе становится опасной и что наилучшим решением его в данное время было бы заключение между Россией и Халхой двустороннего дипломатического акта, сущность которого сводилась бы к обещанию русского правительства отстаивать самобытный строй Халхи и не допускать как ввода в Монголию китайских войск, так равно и колонизации ее китайцами. С другой стороны, на правителей Халхи следовало бы возложить обязательство не заключать никакого договора, нарушающего указанные начала, и обеспечить за русскими подданными и за русской тор-

[1] Лит. копия. На копии надпись: «На подлинном его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать: «Согласен». В Беловеже [23] 10 сентября 1912 г.». Копия этого журнала была препровождена Сазонову управляющим делами совета м-ров при отношении от 27/14 сент. за № 5236.

[2] См. ч. I, стр. 150, прим. 4.

[3] В письме от 28/15 мая за № 542 Коковцов, касаясь истории русско-китайско-монгольских отношений, отмечал, что, по его мнению, попытка России расширить свои права и привилегии в Монголии не встретит протеста со стороны иностранных держав ввиду того, что «для последних Монголия в силу самого географического ее положения не может иметь особо важного значения». И далее Коковцов писал: «Равным образом я не усматриваю особой опасности в проникновении иностранцев в Северную Монголию. Особое положение, которое мы занимаем в отношении этой страны благодаря ее непосредственному соседству с нашими владениями, а равно вследствие дружелюбного отношения к нам ее населения и нынешних правителей, создают для проявления нашей торгово-промышленной деятельности там столь благоприятные условия, что для нас не должна быть страшна иностранная конкуренция». Эта фраза подчеркнута, и на полях помета Сазонова: «Это знаменательное заявление, которое не мешает иметь в виду. Действительность, конечно, скоро рассеет сладкие иллюзии министра финансов».

говлей свободное пользование в пределах Монголии всеми правами и преимуществами, принадлежащими им в силу прежних договоров между Россией и Китаем. Политическое значение такого акта было бы весьма серьезно, ибо китайцы оказались бы вынужденными считаться с совершившимся фактом сепаратного соглашения нашего с монголами, а эти последние оказались бы в ответственных и, впрочем, весьма для них выгодных отношениях с нашим отечеством; наконец, соглашение это значительно затруднило бы интриги иностранных держав против занятого нами положения в Халхе. При заключении проектируемого акта министерство иностранных дел имеет в виду потребовать, чтобы он был подписан не одним хутухтой, но и влиятельнейшими князьями Халхи, так как участие в этом договоре представителей светской власти придаст ему значительно бо̀льшую прочность. Что же касается территориального объема настоящего соглашения, то, впредь до времени, предполагалось бы ограничить его четырьмя аймаками Халхи. Таким образом, отдельные части Внутренней Монголии и Барги, объявившие уже о своем присоединении к ургинскому правительству, останутся пока вне упомянутого соглашения. Отношение же к этому соглашению Кобдоского и Алтайского округов, из которых первый уже присоединился к Халхе, будет зависеть от обстоятельств, которые должны выясниться на месте во время переговоров нашего уполномоченного с ургинскими правителями. Изложенные в торговой части проектируемого соглашения предположения министерства иностранных дел относительно определения прав русских в Монголии основаны на работах особого, под председательством товарища министра иностранных дел, гофмейстера Нератова, междуведомственного совещания [1], которое, одобряя вообще эти предположения, не достигло единогласного заключения лишь по двум частным вопросам, касающимся: а) прав русских подданных по владению недвижимостью в Монголии и б) порядка обеспечения заключаемых ими в этой стране сделок. В отношении первого вопроса представители министерств финансов и торговли и промышленности заметили, что неупоминание в предположенном договоре о предоставлении русским подданным прав по приобретению недвижимых имуществ повсеместно в Монголии чрезвычайно вредно отразилось бы на возможности осуществления русскими предприятиями экономической в Монголии деятельности. Ввиду сего, представители названных ведомств признавали существенно необходимым оговорить это право в предстоящем договоре. В то же время, в видах устранения замечаемой ныне необеспеченности сделок между русскими и монголами, являющейся серьезным тормозом для развития в Монголии русской торговли, представители указанных ведомств считали полезным установить принцип имущественной ответственности монгольских властей за действительное исполнение этих сделок.

Предположения совещания гофмейстера Нератова были сообщены на отзыв заинтересованных ведомств [2], причем министры финансов и торговли и промышленности, не настаивая на установлении имущественной ответственности монгольских властей за исполнение торговых сделок, присоединились к заключению своих представителей в совещании относительно необходимости обеспечить в намечаемом договоре за русскими подданными право приобретения повсеместно в Монголии недвижимых имуществ [3].

---

[1] Имеется в виду междуведомственное совещание по монгольскому вопросу, созванное под председательством Нератова и имевшее 3 заседания: 6 мая/23 апр., 14/1 мая и 18/5 мая. Содержание журнала этого совещания в основном изложено в публикуемом документе.

[2] Имеется в виду письмо Нератова от 25/12 июля, отправленное Коковцову за № 687 и Тимашеву за № 688.

[3] Тимашев ответил письмом от 3 авг./21 июля за № 277, а Коковцов письмом от 7 авг./25 июля за № 752. Содержание этих писем исчерпывается публикуемым документом.

О вышеизложенном управляющий министерством иностранных дел, гофмейстер Нератов, представил на уважение совета министров, пояснив при этом, что ведомство иностранных дел не усматривало бы, за всем тем, достаточных оснований ко включению в наш договор с монгольскими князьями особой оговорки о правах русских по приобретению повсеместно в Монголии земельной собственности, ибо, как показывает опыт, для нас гораздо важнее заручиться преобладающим политическим в этой стране влиянием, чем изложенными на бумаге обширными договорными правами, которые местные власти всегда найдут возможность истолковать в самом узком и неблагоприятном для нас смысле, если общее положение наше в Монголии окажется не вполне прочным.

В дополнение к сему, министр иностранных дел, гофмейстер Сазонов, изустно объяснил в заседании совета министров, что главной своей целью при разрешении монгольского вопроса министерство иностранных дел поставило сохранение в Монголии административного и военного status quo. Задача эта имеет первостепенное государственное значение, так как создание на границе значительной части наших сибирских владений слабого в военном отношении и зависимого от нас государства в существеннейшей степени обеспечит безопасность этой части русской территории и позволит нам сделать крупные сбережения народных сил и средств по охране нашей сибирской границы. При выполнении указанной задачи приходится, однако, считаться с своеобразными условиями международного характера, сложившимися в Китае. В нем переплетаются и сосредоточиваются важнейшие политические и торговые интересы как наши, так и иностранных держав, причем взаимное соперничество их может сдерживаться в рамках мирного развития лишь при строгом соблюдении существующих трактатов и договоров. Поскольку успехи отдельных государств основываются на постановлениях последних, конкурирующие державы с ними примиряются. Но раз создаются новые отношения, выходящие за пределы таковых актов, является повод для попыток к расширению прав и других государств. Очевидно, постановления действующих трактатов обязательны и для России, и только при условии неукоснительного их соблюдения мы могли бы использовать к нашей выгоде благоприятно складывающееся для нас в Китае положение. Если бы, однако, мы вышли за пределы существующих соглашений, то со стороны других держав немедленно же возникли бы притязания на получение однородных с нами преимуществ. Считаясь с отмеченными обстоятельствами, министр иностранных дел находит благоразумным положить в основу проектируемого договора с Монголией мысль об обеспечении в ней за Россией лишь тех прав, которыми уже пользуются там русские подданные по силе действующих договоров. Всякое в этом отношении новшество, хотя бы даже являющееся лишь развитием постановлений этих договоров, возбудит соперничество конкурирующих с нами в Китае держав, которые в этом случае не преминут, конечно, приложить все усилия к тому, чтобы толкнуть Китай на новые попытки к восстановлению своего господства над Монголией или же, по крайней мере, будут домогаться установления и для своих подданных выговоренных в пользу русских преимуществ. Между тем, всякое усиление Китая в Монголии, а в особенности проникновение в нее иностранного влияния было бы не в наших интересах. С другой стороны, при заключении с Монголией договора нельзя не принимать в соображение и пробудившегося в настоящее время национального самосознания монголов, побуждающего их к весьма ревнивому отношению к своим правам, как самостоятельного государства. Щадя эти чувства, необходимо при начертании обсуждаемого договора исходить, по возможности, из начала равенства обеих договаривающихся сторон и не предъявлять к монголам чрезмерных требований, несовместных с их новым, эмансипированным от Китая, положением и пре-

тящих их национальному чувству. Ввиду вышесказанных соображений, министр иностранных дел предполагал бы ныне заключить с хутухтой и князьями четырех аймаков Халхи двусторонний акт, в силу коего императорское российское правительство гарантировало бы монголам право управляться своими национальными властями и содержать собственное войско, не допуская в Монголию китайских войск и китайской земледельческой колонизации. Со своей же стороны, хутухта и князья Халхи обязывались бы этим актом не заключать никакого соглашения, нарушающего указанные начала, и предоставлять русским подданным и русской торговле попрежнему пользоваться в своих владениях правами и преимуществами, принадлежащими им в силу договоров между Россией и Китаем. В развитие сего последнего положения проектируется, как объяснил гофмейстер Сазонов, заключить договор, в существенных частях воспроизводящий касающиеся Внешней Монголии постановления С.-Петербургского трактата 1881 г. Последовательно проводя изложенные общие начала, министр иностранных дел считал бы необходимым не вводить в этот договор указания на предоставление русским подданным права приобретения повсеместно в Монголии недвижимой собственности, так как обеспечение за нами такового права не отвечало бы точному смыслу постановлений С.-Петербургского договора, оговаривающего подобное право лишь по отношению к городам, в которые российское правительство имеет право назначить своих консулов, а не по отношению ко всей Монголии, где, как в стране, населенной кочевниками, принцип частной земельной собственности вообще неизвестен. С другой стороны, рассматриваемое постановление могло бы вызвать в монголах подозрение, что путем договора мы стремимся к захвату принадлежащей им территории для колонизации ее русскими крестьянами. Подобное опасение, могущее натолкнуть их на мысль о своекорыстии нашей политики, значительно затруднило бы, конечно, заключение предстоящего договора, и без того связанное с немалыми трудностями.

Сообразив настоящее дело, совет министров принял во внимание, что, несмотря на недавнее сравнительно возникновение монгольского вопроса, отношение к нему русского правительства имеет уже свою историю. Первоначально, когда среди монголов обнаружились первые попытки, порвав свои вассальные отношения к Китаю, создать независимое государство, мы выступили в качестве незаинтересованных в том или ином исходе сего дела посредников, стремящихся лишь закрепить и оформить фактически сложившиеся отношения. А именно, мы предлагали поддерживать суверенитет Китая в этой стране, но с освобождением ее от китайской администрации, от постоя в ней китайских войск и от колонизации монгольских земель китайцами-земледельцами. Сообразно сему, депутация монгольских князей, направлявшаяся в минувшем году с ходатайством к российскому правительству о поддержке, не была допущена в С.-Петербург [1]. Однако китайское правительство не пошло навстречу изъясненным предположениям и предпочло, уклоняясь от принятия наших условий, выжидать более благоприятного для него времени, дабы попытаться вновь подчинить Монголию своему полному владычеству. При таком обороте дела быстро развертывающиеся в Китае и Монголии события вынудили нас принять по отношению к ним более определенное положение. С высочайшего вашего императорского величества соизволения, в заседании Государственной думы [26] 13 апреля 1912 г., министром иностранных дел было заявлено, что российское правительство обеспечивает сохранение в Халхе управления

[1] В докл. записке от 24/11 февр. 1912 г. Николаю II Сазонов высказывался против приезда монгольской депутации в Петербург «до того времени, когда судьба Халхи будет устроена попечением императорского правительства». На этой записке имеется помета Николая II: «С[огласен]». Царское Село, 24/11 февр.

национальными монгольскими властями и не допустит ввода во Внешнюю Монголию китайских вооруженных сил и колонизации ее китайскими земледельцами. Вслед засим это заявление было сообщено китайскому правительству российским посланником в Пекине. Тем самым наша политика в монгольском вопросе приняла новое и более решительное направление, причем в проектируемом договоре мы готовимся торжественно подтвердить автономию Халхи и берем ее под свою защиту. Вследствие сего, русское правительство может быть поставлено в необходимость в ближайшем же времени принять на себя заботы по устройству военных сил Монголии и по обеспечению займов, которые, несомненно, понадобятся ей при организации внутреннего управления страной; наконец, не исключена возможность, что нам придется защищать обещанные нами Халхе преимущества и вооруженной рукой. При таких условиях, ныне, когда предстоит подтвердить изъясненные начала двусторонним, заключаемым между русским правительством и монгольскими правителями — выборным хутухтой и князьями, — актом, на первую очередь должен быть поставлен вопрос, в достаточной ли и соответствующей предвидимым с нашей стороны жертвам степени обеспечиваются проектируемым соглашением русские интересы. Ввиду сего и разделяя в существе мысль министра иностранных дел о своевременности заключения с Монголией указанного акта политического характера, совет министров, при ближайшем рассмотрении настоящего дела, не мог не заметить, что С.-Петербургский договор 1881 г. определил, главным образом, права, предоставляемые нам Китаем по отношению к вассальному его владению — Монголии. Коль скоро в настоящее время последняя приобретает автономные права, нами к тому же гарантируемые, то естественным последствием такого изменения государственно-правового положения сей страны должно быть сохранение в ней за русскими подданными, по крайней мере, тех прав, которые были предоставлены им в период нахождения Монголии под китайским господством. Предъявлять подобное требование возможно, казалось бы, без всяких опасений возбудить недоверчивость или подозрительность монголов, так как, беря на себя защиту их самостоятельности, мы не можем не выговорить себе тех прав, которые обеспечат нам необходимое для сего в названной стране положение. При этом нельзя забывать, что статьей 13-й С.-Петербургского договора русским подданным в Монголии предоставлено уже право строить в местах, где российское правительство имеет право учреждать консульства, собственные дома, лавки, амбары и другие здания на участках, кои будут приобретаться или же отводиться местными властями. Сохранение за нами этого права и распространение его на всю вообще Халху безусловно необходимо для возможности упрочения и развития нашей торговли и промышленности в Монголии, и, очевидно, не время было бы отказываться от означенных преимуществ накануне предполагаемого дальнейшего укрепления нашего влияния в этом крае. Но, вместе с тем, считаясь с вышеприведенной статьей С.-Петербургского трактата, совет министров не встретил бы препятствий к тому, чтобы при предстоящих при заключении обсуждаемого договора переговорах было точно установлено, что обеспечиваемое за русскими подданными право приобретения повсеместно в Монголии недвижимой собственности имеет в виду покупку земли в торговых и промышленных целях и, в частности, для жилья и для устройства складов, контор, магазинов, фабрик, заводов, факторий и тому подобных экономических предприятий. Переходя засим к вопросу о том, насколько права русских в Монголии ограждаются от конкуренции иностранцев и китайцев, совет министров заметил, что, по силе статьи 2-й проекта основного договора, хутухта и князья Халхи обязываются лишь не заключать никакого соглашения, нарушающего установленные в статье 1-й начала, т. е. автономию Монголии и недопущение в оную китайских войск, администра-

ции и китайских земледельцев. При изъясненном изложении сего договора, монгольское правительство имело бы, повидимому, право предоставить китайцам или другим иностранцам такие права, коими не пользуются русские подданные. Во избежание возможных отсюда недоразумений, необходимо было бы, по мнению совета, дополнить проект договора категорическим указанием на то, что иностранцам, а в том числе и китайцам, не может быть предоставлено бо̀льших, сравнительно с обеспеченными договором за русскими, прав.

В заключение своих суждений по рассматриваемому делу, совет министров остановился на вопросе о том, подлежит ли специальному в данном договоре упоминанию наше требование об отмене постановлений С.-Петербургского трактата, предоставляющих русским подданным право беспошлинной торговли в Китае в пятидесятиверстной от русской границы полосе, по аналогии с отменой означенного постановления по границе с Китаем. В сем отношении совет нашел, что по отношению к Монголии нет надобности в подобной оговорке, так как статьей 2-й проекта договора о праве русских в Халхе русским подданным предоставляется право беспошлинной торговли во всей Внешней Монголии. Что же касается упомянутых прав в пятидесятиверстной полосе от границы на русской территории, то с прекращением в Халхе суверенных прав Китая, с которым были заключены соответствующие о таковой полосе взаимные соглашения, сохранение или отмена рассматриваемой льготы зависит, по мнению совета министров, исключительно от российского правительства, и, как известно, льгота эта подлежит упразднению с исходом нынешнего года.

На основании вышеизложенного, совет министров *полагает:*

Заявленные министром иностранных дел предположения о заключении, на проектированных им основаниях, договора с ургинским хутухтой и князьями Халхи одобрить, со включением в этот договор намеченных советом министров добавлений, касающихся: а) прав русских подданных по приобретению в собственность недвижимых имуществ в Монголии и б) непредоставления в названной стране иностранцам и китайцам бо̀льших прав, нежели те, коими пользуются в ней русские подданные.

Такое заключение свое совет министров всеподданнейшим долгом почитает повергнуть на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение.

Подлинный журнал подписан гг. председателем и членами совета министров и скреплен помощником управляющего делами совета.

№ 473. Особый журнал совета министров [1].

15/2 августа 1912 г.

По вопросу о продлении С.-Петербургского русско-китайского договора 1881 г.

Существующие между Россией и Китаем торговые отношения определяются договором, заключенным в С.-Петербурге 24/12 февраля 1881 г., причем в статье 15-й означенного договора указано, что «торговые постановления настоящего договора и правила, составляющие дополнение к ним, могут быть подвергнуты пересмотру по прошествии 10 лет со дня размена ратификаций договора; но если в течение 6 месяцев до окончания

[1] Лит. копия. На копии надпись: «На подлинном его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать: «Согласен». В Беловеже [23] 10 сентября 1912 г.».

этого срока ни одна из договаривающихся сторон не заявит желания приступить к их пересмотру, торговые постановления и правила останутся в силе на новый десятилетний срок».

Так как размен упомянутых ратификаций последовал [19] 7 августа 1881 г., то впервые вопрос о пересмотре С.-Петербургского трактата мог настать [19] 7 февраля 1891 г. За отсутствием, однако, соответствующих заявлений со стороны как России, так и Китая, договор 1881 г. остался в силе на новое десятилетие, т. е. до [20] 7 августа 1901 г., а затем по той же причине на следующее десятилетие — до [20] 7 августа 1911 г. Ввиду предполагавшейся в начале последне-указанного года денонсиации китайским правительством рассматриваемого договора, министерством торговли и промышленности был предпринят ряд подготовительных работ по пересмотру его, и выработанные министерством по сему предмету в особом междуведомственном совещании основные положения одобрены были в декабре 1910 г. советом министров. Со своей стороны, пекинское правительство выразило намерение, сохраняя основные положения договора 1881 г., внести в него на наступающее десятилетие некоторые частичные исправления. В связи с этим, для ведения необходимых по этому поводу переговоров, имевших состояться в С.-Петербурге, назначены были русским и китайским правительствами особые уполномоченные. Начавшиеся между уполномоченными совещания пришлось, однако, вскоре прервать вследствие наступившего в Китае полнейшего расстройства всего управления, при котором местные правящие лица, поглощенные заботами о своем положении и даже о личной безопасности, оказались решительно не в состоянии вести какие-либо ответственные переговоры с иностранными державами. При изъясненных условиях, министерство иностранных дел пришло к заключению, что в настоящее время не только нельзя продолжать начатые с Китаем переговоры по пересмотру С.-Петербургского договора 1881 г., но невозможно даже добиться подписания уполномоченными от Китая лицами протокола о бессрочном оставлении этого трактата в силе на будущее время, к чему также сделана была нами попытка. Вместе с тем, не в наших, конечно, интересах откладывать решение вопроса о С.-Петербургском договоре до того времени, которое китайцы найдут для себя наиболее выгодным. Изыскивая посему способы к дальнейшему сохранению в общем благоприятного для России С.-Петербургского трактата 1881 г., министр иностранных дел остановился на мысли о продлении сего договора, равно об отмене установленной им крайне стеснительной для нас пятидесятиверстной беспошлинной полосы вдоль русско-китайской границы, односторонним заявлением императорского правительства. К такому направлению настоящего дела, по мнению гофмейстера Сазонова, имеются в обстоятельствах данного времени вполне достаточные основания, позволяющие заявить китайскому правительству, что если оно, в силу тех или других причин, устранить которые не во власти русского правительства, не в состоянии вести с нами переговоры о пересмотре С.-Петербургского договора, то тем самым этот договор должен быть признан остающимся в силе на новый десятилетний срок, т. е. до августа 1921 г. Такое заявление с нашей стороны будет вполне понятно для общественного мнения как в России, так и за границей, и потому китайский протест против подобной меры, если бы таковой последовал, не мог бы встретить поддержку в остальных державах. Равным образом, весьма благовременно было бы объявить, в порядке автономного с нашей стороны акта, об отмене льготы по беспошлинному ввозу китайских товаров в пределы пятидесятиверстной полосы, с предоставлением тем самым китайскому правительству поступить точно так же относительно пятидесятиверстной полосы на китайской территории, о чем оно само уже включило соответствующее предложение в проект изменений С.-Петербургского договора. Останавливаясь

на изъясненном решении, гофмейстер Сазонов полагал в то же время, что при проектируемом одностороннем заявлении отпадает возможность предъявить какие-либо дополнительные к Китаю требования в связи с продлением действия С.-Петербургского договора 1881 г.

Поставленный в известность о вышеизложенных предположениях министерства иностранных дел министр торговли и промышленности вполне присоединился к мысли о продлении С.-Петербургского торгового договора 1881 г. и об отмене пятидесятиверстной полосы односторонним актом русского правительства, причем признал, однако, полезным попутно с этой мерой: 1) подтвердить Китаю необходимость неукоснительного исполнения наших ультимативных требований[1], заявленных нами и принятых Китаем в марте 1911 г., 2) оговорить обязательство Небесной империи соблюдать договорные постановления относительно беспошлинной торговли русскими товарами в Синьцзянской провинции, 3) постановить за правило, что уплата всех обусловленных договором пошлин при ввозе русских товаров в Китай освобождает их, засим, от каких-либо при дальнейшем передвижении в пределах Китая дополнительных сборов, и 4) выговорить для русских купцов факультативное право уплачивать при ввозе своих товаров в Китай сухим путем либо транзитную пошлину, либо ликин — по их усмотрению.

Так как при ведомственных по сему поводу сношениях вопрос о предъявлении нами, в связи с продлением названного договора, намеченных министром торговли и промышленности дополнительных требований вызвал возражения министра иностранных дел, то статс-секретарь Коковцов счел необходимым обсудить изъясненный вопрос в совете министров[2].

Войдя вследствие сего в рассмотрение настоящего дела, совет министров принял прежде всего во внимание, что, согласно словесным объяснениям т. с.. Тимашева, предоставляемые трактатом 1881 г. русским людям права по торговле с Китаем терпят постоянные стеснения от китайских властей. Об этом убедительно свидетельствуют многократные жалобы русского купечества и донесения наших консульских представителей в названной стране, причем случаи нарушения Китаем наших законных прав особенно участились за последние годы. При таких условиях возобновление на новый десятилетний срок действия нашего договора с Небесной империей окажется имеющим для нас вполне реальное значение лишь в том случае, если постановления означенного договора будут действительно соблюдаться Китаем. Ввиду сего, сообщая китайскому правительству о признании нами трактата 1881 г. сохраняющим свою силу, желательно, казалось бы, напомнить китайским властям о необходимости точного исполнения наших ультимативных требований 1911 г., сущность коих состояла именно в подтверждении прав, закрепленных за Россией договором 1881 г. Такой же характер *подтверждения*, а не *изменения* этого договора имеют, по заявлению т. с. Тимашева, и проектированные им четыре дополнительных пункта, не вносящие в наши отношения с Китаем ничего нового сравнительно с постановлениями С.-Петербургского договора 1881 г. Однако министерство иностранных дел находило бы предъявление намеченных министром торговли и промышленности дополнительных к Китаю требований неудобным и несоответствующим одностороннему характеру проектируемого нами заявления о продлении вышеуказанного договора.

---

[1] См. т. XIX, ч. II, стр. 49, прим. 2.

[2] В письме от 10 авг./28 июля за № 4494 Коковцов писал Сазонову, что из сообщенной ему переписки м-ва ин. дел с м-вом торг. и пром. по вопросу о продлении С.-Петербургского русско-кит. договора 1881 г. он усматривает, что «не вполне соглашенным остается, повидимому, лишь вопрос о возможности предъявления нами, в связи с продлением С.-Петербургского договора, некоторых дополнительных к Китаю требований». Коковцов считал «наиболее правильным» обсудить этот вопрос на ближайшем заседании совета м-ров 15/2 авг.

По мнению гофмейстера Сазонова, подобные требования дали бы китайцам повод и возможность выдвинуть свои ответные предложения и таким образом лишить наш шаг характера односторонности, единственно целесообразного в отношении нынешнего китайского правительства. Ибо даже если бы нам удалось ныне договориться с ним относительно удовлетворения взаимных пожеланий, то соглашение это оказалось бы в действительности обязательным лишь для императорского правительства, которое считало бы себя связанным данными обещаниями, тогда как принятые временным китайским правительством обязательства легко могут быть признаны его преемниками ничтожными, а современное анархическое состояние страны вполне допускает возможность неисполнения местными властями и населением Китая взятых на себя его центральным правительством обязательств. Признавая за приведенными соображениями министра иностранных дел весьма серьезное значение, совет министров и со своей стороны счел предпочтительным ограничиться в предстоящем заявлении нашем Китаю указанием на признание нами договора 1881 г. сохраняющим свою силу, так как начатые по пересмотру его переговоры были прерваны самим китайским правительством, а денонсиации сего договора со стороны Китая в установленный срок не последовало. В этих пределах означенное заявление вполне соответствовало бы, по мнению совета, вышеприведенному постановлению статьи XV трактата 1881 г. и не вовлекало бы русское правительство в какие-либо дальнейшие по сему предмету переговоры с Китаем. Единственно, чем следовало бы дополнить проектируемое заявление, заключалось бы в указании с нашей стороны на принятое Россией решение отменить действующее ныне, согласно статье 1-й правил, приложенных к договору 1881 г., постановление о беспошлинной торговле в пятидесятиверстной полосе вдоль русско-китайской границы, поскольку постановление сие касается, разумеется, русской территории. При этом надлежало бы пояснить китайскому правительству, что, принимая эту меру, приуроченную к [14] 1 января 1913 г., мы имеем в виду пойти навстречу заявленному нам китайским уполномоченным в его первых предложениях по пересмотру договора 1881 г. желанию Китая упразднить существующую льготу по беспошлинной торговле в пятидесятиверстной полосе вдоль русско-китайской границы. Что же касается дополнительных пожеланий, намеченных министром торговли и промышленности, то, оценивая вполне серьезное значение их для нашей торговли с Китаем, совет признал желательным, чтобы министерство иностранных дел вошло по поводу них в соответствующие сношения с китайским правительством, но независимо от предстоящего заявления о продлении договора 1881 г. и после него. Наконец, остановившись на вопросе о сроке продления упомянутого договора, совет нашел, что с точки зрения русских интересов всего предпочтительнее было бы заявить китайскому правительству о признании нами рассматриваемого договора продолжающим свое действие на новый десятилетний срок, т. е. до [20] 7 августа 1921 г. Засим, если бы, однако, при ближайшем осуществлении настоящих предположений выяснилось, что сохранение в силе сего договора на полный десятилетний срок не представляется возможным, то допустимо было бы, по ходу дела, принять и более сокращенный срок, устанавливаемый, во всяком случае, точно определенным числом лет.

Руководствуясь изложенным и за изъявленным на сие т. с. Тимашевым согласием, совет министров *полагает:*

Предоставить министру иностранных дел заявить китайскому правительству: 1) что действие С.-Петербургского русско-китайского торгового договора 1881 г. признается нами сохраняющим свою силу на новое десятилетие, т. е. по 20/7 августа 1921 г., и 2) что предусмотренное в статье 1-й приложенных к сему договору правил постановление о беспошлинной

торговле на нашей территории в пределах пятидесятиверстной полосы вдоль русско-китайской границы отменяется с [14] 1 января 1913 г.

О таковом своем заключении совет министров долгом почитает всеподданнейше представить на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение.

Подлинный журнал подписан гг. председателем и членами совета министров и скреплен помощником управляющего делами совета.

№ 474. Российский министр иностранных дел[1] председателю французского совета министров и министру иностранных дел Пуанкаре.

Письмо. 15/2 августа 1912 г.

Monsieur le Président du Conseil,

Le projet de convention navale, élaboré et signé le 16 juillet a. c. à Paris par les chefs d'État-major des Marines française et russe, a été examiné par le Gouvernement impérial et soumis, avec avis favorable, à Sa Majesté l'Empereur qui a daigné lui accorder son approbation.

Les flottes des deux pays ont eu déjà plus d'une fois l'occasion de se prouver mutuellement leurs sentiments de camaraderie. La convention actuelle venant compléter les engagements militaires qui existent entre la France et la Russie depuis vingt ans, établit désormais entre les deux Marines un contact permanent et régulier.

Je me félicite tout particulièrement, Monsieur le Président du Conseil, de voir cette convention devenir exécutoire précisément au moment où Votre Excellence se trouve parmi nous.

Veuillez agréer, etc.

[Sazonow.]

С[огласен].
Петергоф, [14] 1 августа 1912 г.

Перевод.

Г. председатель совета,

Проект морской конвенции, выработанный и подписанный 16 июля т. г. в Париже начальниками французского и российского морских генеральных штабов, был рассмотрен императорским правительством и с благоприятным отзывом представлен на утверждение его императорского величества, который соблаговолил его одобрить.

Флоты обеих держав уже неоднократно имели случай взаимно доказать свою дружбу. Настоящая конвенция, дополняя военные обязательства, существующие между Францией и Россией в течение двадцати лет, устанавливает отныне постоянный и регулярный контакт между обоими морскими министерствами.

Я особенно счастлив, г. председатель совета, что эта конвенция вступила в силу как раз в момент пребывания вашего превосходительства среди нас.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 475. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

Письмо[2]. 15/2 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вашему высокопревосходительству, без сомнения, известно из агентских телеграмм сочувствие, с коим местная печать отнеслась к поездке г. Пуанкаре в Россию, а также глубокое впечатление, произведенное здесь телеграммами о милостивом приеме, оказанном президенту совета министров государем императором, и о внимании, предметом коего он был со

[1] См. ч. I, стр. 435, прим. 1.
[2] Опубл. М., стр. 251.

стороны императорского правительства и населения. Общественное мнение очень тронуто присутствием государыни императрицы Александры Федоровны на высочайшей аудиенции и непредусмотренным по программе помещением президента совета во дворце; прием его признается почти равным тому, что положено в этом отношении для главы государства.

При чтении газет получается определенное впечатление, что Франция глубоко верит в незыблемость союза с Россией и дорожит им не менее, чем когда-либо раньше.

Такому настроению, повидимому, очень способствовало последовавшее за свиданием в Балтийском Порте правительственное сообщение [1], в коем впервые Германия ясно признала нынешнюю группировку держав и равноправность Тройственного соглашения и Тройственного союза; газета «Temps», например, с удовольствием останавливается на сказанном признании и видимо благодарна нам за этот результат.

Следует при этом отметить, что общий тон печати весьма спокойный и свидетельствует о глубоко миролюбивом настроении страны.

Однако бестактные выходки некоторых немецких газет, тенденциозное толкование ими поездки г. Пуанкаре морским путем и т. д. вызвали резкий отпор со стороны местной прессы, которая впала в некоторую крайность и стала приводить выдержки даже из газет, лишенных политического веса в Германии.

Отвечая на нападки, французская печать, ссылаясь на вышеуказанное русско-германское правительственное сообщение, указывала на нелогичность и неуместность дальнейших газетных нападок по поводу осязательных проявлений официально признанной в Берлине политической группировки.

Примите и пр.

М. Севастопуло.

№ 476. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

Письмо. 15/2 августа 1912 г.

Милейший Сергей Дмитриевич,

Из одного из моих донесений вы увидите, что в разговорах с немцами и австрийцами Палеолог категорически отрицает заключение морской конвенции [2]. Мы с ним говорили, между прочим, и о прилагаемой телеграмме Гаваса, судя по которой в Петербурге конвенция эта более не отрицается; он считает, что хотя Agence Havas обыкновенно очень осторожно в своих сообщениях, тем не менее данной телеграмме не следует придавать чересчур много значения [3].

Он мне ничего не сказал о прилагаемых двух interview наших адмиралов [4];

[1] См. ч. I, стр. 266, прим. 2.

[2] См. № 470.

[3] При документе приложена тел. агентства Гавас из Петербурга от 13 авг./31 июля относительно поездки Пуанкаре в Россию. По поводу морской конвенции в этой тел. сказано: «Это путешествие способствовало не только новому подтверждению, но и дальнейшему расширению франко-русского союза, так как, повидимому, достигнуто также соглашение по большей части пунктов морской конвенции, о которой столь много говорили за последние дни. Эта конвенция, характер которой, как уверяют, не должен никому внушать беспокойства, доказывает, по крайней мере, что Россия, внимательно следя за событиями на Востоке, вовсе не склонна забывать ни своих интересов в Европе, ни своих западных союзников».

[4] Речь идет об интервью, данном вице-адмиралом Бубновым Рене Маршану (помещенном в «Figaro» 14/1 авг.), и об интервью контр-адмирала Ливена, данном корреспонденту «Kölnische Zeitung» (появившемся в «Écho de Paris» от того же числа). Согласно приложенным к письму газетным вырезкам, Бубнов сказал, между прочим, следующее: «...союзные флоты оказали бы поддержку друг другу в случае конфликта и без конвенции, но гораздо лучше согласовать заранее их действия на

вероятнее всего, что он их не заметил, потому что он страшно занят, в особенности Мулай-Гафидом и Мулай-Юссефом[1]; между тем, внимательное чтение газет или даже одних вырезок отнимает здесь очень много времени именно теперь, когда политические их части переполнены.

Моя единственная цель, посылая вам эти interview, обратить ваше внимание на противоречие между заявлениями адмирала Бубнова и отрицаниями Quai d'Orsay. Благодаря глухому времени года, я мало кого видел из журналистов и коллег, так что я не попал в щекотливое положение, в какое г. Палеолог был поставлен назойливостью австрийца.

Но, мне кажется, необходимо было бы условиться с французами о том, как надлежит отвечать на такие запросы. Впрочем, я пишу все это только на тот случай, если бы этот вопрос не был уже вами выяснен с Пуанкаре, о чем здесь, может быть, и не известно, так как он, по словам Палеолога, не балует своего министерства особенно обильными сообщениями; он только им телеграфировал, между прочим: M. Sazonow n'attache pas trop d'importance à la divulgation, d'ailleurs fâcheuse, de la convention navale; il n'a pas été embarrassé pour répondre à ce sujet à une question de l'Ambassadeur d'Allemagne[2].

Не понимаю, как это ни прочие французские газеты, ни «Times» не занимаются статьей «Écho de Paris» о Société des Transports fluviaux en Orient[3]. Во всяком случае это известие показывает, насколько отношение Линча к Трансперсидской дороге является бескорыстным.

Я с большим удовольствием узнал о вашей предстоящей поездке в Лондон; во-первых, мне кажется, это очень хорошо, а затем буду ужасно рад видеть вас затем здесь.

От души преданный вам

М. Севастопуло.

№ 477. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 84. 15/2 августа 1912 г.

N 2[4].

Le Gouvernement italien demande au Gouvernement français de s'assurer, avant d'accorder passage à la mission, qu'elle a bien pour objet, d'une part, d'engager les Arabes à cesser la lutte, d'autre part, de s'enquérir des conditions qu'ils jugeront nécessaires d'obtenir auparavant[5]. Il devrait être entendu

основании точного документа, чем устраняется возможность всяких недоразумений в последнюю минуту. Это и является как раз назначением конвенции. Мы считаем ее не только желательной, но и необходимой, ввиду колоссального увеличения германского флота в последние годы».

Начальник морск. ген. штаба Ливен сделал следующее заявление: «Я не подписывал и не подготовлял в Париже морской конвенции. Я совершенно случайно был в Париже перед отъездом г. Пуанкаре в Петербург. Мы, естественно, беседовали о результатах голосования в Думе по поводу новой морской программы, но мы не договаривались даже по вопросу о технических подробностях». Ливен добавил в этом интервью, что «энтузиазм французской прессы является простым маневром и французские газеты приписали ему слова, которых он не говорил, между прочим, что морская конвенция направлена против Германии».

[1] См. ч. I, стр. 131, прим. 2.

[2] «Г. Сазонов не придает большого значения разглашению — правда, неприятному — морской конвенции; он не затруднился дать ответ по этому поводу на запрос германского посла».

[3] См. № 523.

[4] Тел. от 15/2 авг. за № 83 (1) А. Крупенский уведомил Нератова о согласии Сан-Джулиано на посылку турец. миссии в Триполитанию (см. № 462).

[5] В тел. от 17/4 авг. за № 663, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Грей уведомил Бьюкенена о получении им тел. из Парижа, согласно которой итал. прав-во изменило свое отношение к предложению Турции и в настоящее время готово принять его безоговорочно.

que la mission ne recherchera que les desiderata des Arabes se référant aux usages et privilèges locaux et s'engagera à éviter tout ce qui pourrait soulever la question de la souveraineté, laquelle concerne exclusivement les deux Gouvernements.

Kroupensky.

Перевод.

№ 2.

Итальянское правительство просит французское правительство, прежде чем дать разрешение на проезд миссии, удостовериться в том, что она действительно имеет целью, с одной стороны, склонить арабов к прекращению борьбы и, с другой — осведомиться об условиях, которые они сочтут необходимым предварительно себе выговорить. Надлежит установить, что миссия будет только выяснять пожелания арабов, относящиеся к местным обычаям и привилегиям, и даст обязательство избегать всего, что могло бы поднять вопрос о суверенитете, который касается исключительно обоих правительств.

Крупенский.

№ 478. Поверенный в делах в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 28[1]. 15/2 августа 1912 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Имев честь получить секретную телеграмму вашего превосходительства от [6 августа] 24 июля за № 1487[2], я не преминул воспользоваться первым представившимся мне случаем, чтобы осведомиться об отношении графа Берхтольда к происходящим на Балканах событиям.

Из разговора моего с австро-венгерским министром иностранных дел, как вашему превосходительству известно из секретной телеграммы моей от [8 августа] 26 июля за № 61[3], я вынес впечатление, что граф Берхтольд не менее нас желает «локализирования конфликтов» на Балканском полуострове. Он мне дословно повторил упоминаемую в телеграмме вашей фразу, сказанную им не только английскому, но и императорскому послу, о чем гофмейстер Гирс упомянул в своем весьма доверительном письме от 17/4 минувшего июля[4]. Опасность конфликта он усматривает не столько в связи с недавним черногорским пограничным инцидентом, сколько с какими-либо событиями, вроде кочанской резни, способными вызвать Болгарию к деятельным выступлениям. Ключом же политического положения он считает Константинополь: если там удастся правительству окрепнуть, то, по его мнению, на локализирование конфликтов всегда есть надежда. Учесть же последствия водворения там анархии, даже продолжительной неурядицы, конечно, нет возможности.

Вышеизложенное позволяю себе дополнить следующими соображениями.

Несмотря на несомненно существующую здесь беспокойную военную партию и несмотря на не менее несомненные военные приготовления Австро-Венгрии, — краткая оценка коих изложена в особом донесении[5], — по моему убеждению, нет серьезных оснований опасаться, чтобы Австро-Венгрия именно теперь выступила с агрессивными действиями по направлению к Балканскому полуострову. Здесь прекрасно сознают, какие последствия могли бы иметь такого рода выступления: они могут послужить сигналом для общеевропейской войны. Такая война — дело слишком большое, слиш-

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 432, N 666, где ошибочно дана подпись Крупенского и отсутствует номер депеши.

[2] См. № 420.

[3] См. № 433.

[4] См. № 318. Слова: «Он мне... минувшего июля» у Siebert'а опущены.

[5] См. № 479.

ком опасное для Австро-Венгрии, равно как и для любой из других великих держав, чтобы она сама сознательно что-либо предприняла, чтобы ее вызвать[1]. Для Австро-Венгрии война, быть может, еще менее желательна, нежели для другой великой державы, ввиду как ее финансовой, так и в особенности военной неподготовленности. Последняя явствует хотя бы уже из всей совокупности обстоятельств, сопровождавших проведение военной реформы, результаты которой не успели еще проявиться, а также из поднятого в самое последнее время вопроса о перевооружении всей артиллерии. Ко всему этому прибавляется соображение из области простой психологии: неужели инициатива общеевропейской войны будет взята на себя государством, во главе которого стоит 82-летний монарх, успевший на склоне своих лет вернуть себе и своей стране хотя бы часть того положения, которое монархия имела в начале его царствования и которое в течение многих лет она постепенно утрачивала? Большой внешний кризис способен только скомпрометировать достигнутые результаты.

Будучи вполне убежден в отсутствии в настоящее время у Австро-Венгрии всяких агрессивных инициатив, — это убеждение разделяется и теми дипломатами и хорошо знающими страну иностранными журналистами, с которыми мне приходится говорить[2], — я не менее убежден и в том, что Австрия, невзирая на свою теперешнюю военную неготовность, не устоит от искушения активно выступить на защиту того, что̀ она считает своей исторической миссией на Балканах, если этой миссии будет угрожать опасность. Такой опасностью будет сочтено всякое нарушение status quo на соседнем полуострове. Я не имею положительных данных, чтобы судить о взглядах здешнего правительства специально на какое-либо нарушение status quo в Проливах, но не могу скрыть от вашего превосходительства, что когда появилось известие, впервые помещенное в «Temps», о заключении русско-французской морской конвенции и когда газетные комментарии поставили ее в связь с возможными изменениями режима в Проливах, то печать здесь громко заговорила об опасности, грозящей пресловутому status quo. К могущему стать неизбежным, но на мой взгляд нежелаемому здешним правительством завлечению Австро-Венгрии на Балканский полуостров здесь делают приготовления в сравнительно скромных размерах, в соответствии с указанным миролюбивым настроением правительства. Тем не менее эти приготовления все же происходят. Без всякого сомнения в связь с ними следует поставить и предстоящую поездку в сентябре месяце графа Берхтольда в Румынию и его свидание (между 5 и 15 сентября по нов. ст.) с германским канцлером в Бухлау, где, надо думать, будет происходить обмен мнений о степени и роде взаимной поддержки при том или другом обороте, который могут принять дела на Балканах.

В заключение я должен отметить, что, судя по общему тону здешней прессы, трудно допустить, чтобы население находилось в том повышенном настроении, при котором только и возможно в наше время приготовление к наступательной войне. Впрочем, не всякое правило, применимое к большинству государств, верно в применении к своеобразной австро-венгерской монархии.

Примите и пр.

Кн. Н. Кудашев.

---

[1] Эта фраза у Siebert'а читается: «Ein solcher Krieg ist für Oesterreich zu gefährlich, als dass es ebenso wie irgend ein anderes Land mit vollem Bewusstsein eine solche Katastrophe hervorrufen würde». («Такая война — дело слишком опасное для Австрии, чтобы она, так же как и любая другая страна, сознательно вызвала такую катастрофу».)

[2] У Siebert'а слова: «это убеждение... приходится говорить» опущены.

№ 479. Поверенный в делах в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 29[1]. 15/2 августа 1912 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Принося вашему превосходительству выражение моей глубокой признательности за любезную присылку мне для прочтения, при предписании от [8 августа] 26 минувшего июля за № 494[2], копии секретного рапорта нашего военного агента в Сербии от 28 июля[3] с. г. за № 106, а также за весьма интересные подробности разговора вашего с графом Турном касательно военных приготовлений Австрии в сторону Сербии, позволяю себе доложить нижеследующее[4].

По имеющимся в императорском посольстве сведениям, которыми я главным образом обязан военному агенту полковнику Занкевичу, незаурядные военные меры, принимаемые в настоящее время здешним правительством, сводятся к следующему:

I) возведение укреплений против устьев рек Моравы и Млавы, о которых так обстоятельно доносит наш военный агент в Сербии;

II) подготовление 10 батальонов из состава III корпуса, расположенного около Граца и в Крайне, к возможной перевозке в Боснию — Герцеговину для усиления расположенных там войск;

III) предполагаемая в конце августа по новому стилю мобилизация двух дивизий названного III корпуса в полном боевом составе со всеми обычными лишь в военное время тыловыми частями для двусторонних маневров на итальянской границе;

IV) сосредоточение большего против обыкновения железнодорожного подвижного состава в Славонии и Южной Венгрии под предлогом предстоящих там больших маневров.

Конечно, все эти меры не лишены политического значения, и весьма естественно, что сербское королевство особенно нервно и даже подозрительно должно к ним относиться. Политическое значение это, как я думаю, в полном соответствии с тем отношением Австро-Венгрии к происходящим на Балканах событиям, о котором я имел честь донести секретной телеграммой моей от [8 августа] 26 июля за № 61[5]: если бы Австро-Венгрия имела намерение взять инициативу агрессивного выступления, то сказанные меры были бы недостаточны, но как подготовительные действия на случай развития еще до сего числа не вспыхнувшего конфликта на соседнем полуострове, изложенные распоряжения вполне понятны и отнюдь не могут быть рассматриваемы нами как элементы, способные ускорить наступление кризиса на Балканах. Равным образом, производящиеся, как я только что узнаю от полковника Занкевича, работы по укреплению некоторых пунктов в Галиции, имеющих значение в случае войны с Россией[6], указывают лишь на учитываемую Австрией возможность вооруженного с нами столкновения в случае вынужденного выступления Австрии на юг и юго-восток.

Хотя таково мое убеждение, я, разумеется, не высказывал его графу Берхтольду, когда имел случай [8 августа] 26 июля вести с ним разговор о политическом положении на Балканах[5]. Я ему намекнул на опасения сербов, вызванные возведением укреплений на пограничном острове и о которых делал на Ball-Platz еще недавно соответствующие заявления императорский

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 435, N 667, где ошибочно дана подпись Крупенского и отсутствует номер депеши.

[2] См. № 430.

[3] В оригинале ошибка; следует читать: «июня» (см. ч. I, стр. 316, прим. 2).

[4] У Siebert'а этот абзац опущен.

[5] См. № 433.

[6] См. стр. 23, прим. 2.

посол[1]. Повторив мне сделанное гофмейстеру Гирсу бароном Маккио заверение об отсутствии будто бы агрессивного характера этих укреплений, граф Берхтольд прибавил, что на тревогу Сербии ему было указано и из Берлина, куда сербское правительство, повидимому, тоже обращалось по этому поводу. Затем он меня спросил, не слыхал ли я о тайной поставке оружия Сербией албанцам? Сказано это было им свойственным графу Берхтольду равнодушным, спокойным тоном. Тем не менее вопрос был, очевидно, поставлен для того, чтобы указать на некорректный образ действия сербского правительства, а не для проверки хорошо известного ему факта.

Возвращая при сем, по миновании в них надобности, упоминаемый выше рапорт полковника Артамонова за № 106 с двумя приложениями, имею честь и пр.

Кн. Н. Кудашев.

№ 480. Военный агент в Австро-Венгрии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 180. **15/2 августа 1912 г.**

Секретно.

В бытность мою в Киссингене я встретился с одним русским политическим деятелем, только что вернувшимся из поездки по Болгарии[2], где ему пришлось вести продолжительные беседы с некоторыми видными членами болгарского правительства.

Упомянутое лицо сообщило мне, что его собеседники с полной откровенностью заявили ему о, будто бы, принятом болгарским правительством решении использовать настоящее критическое положение Турции и во второй половине сентября, совместно с сербами и греками, открыть военные действия против Оттоманской империи. Необходимые соглашения с сербами и греками болгарским правительством, будто бы, уже заключены.

Открытие военных действий откладывается до второй половины сентября по следующим причинам: а) к этому времени заканчиваются намеченные приготовления в болгарской армии; б) в начале сентября будет реализирован в Париже 180-млн. болгарский заем; в) резервисты, закончив полевые работы, охотнее отзовутся на призыв под знамена.

По словам болгарских деятелей, король румынский за последние месяцы три раза предупреждал представителя Болгарии в Бухаресте, что, в случае движения болгар на юг, румынская армия будет мобилизована и сосредоточена в их тылу; учитывая выступление румын, болгары, тем не менее, решили оставить против них лишь слабые заслоны и все свои усилия направить на юг. К аналогичному же решению, будто бы, пришли и сербы, учитывая неизбежность появления австрийцев в тылу сербской армии, действующей против турок.

Король Фердинанд, понимая невозможность противиться общественному мнению, настойчиво высказывающемуся за войну с турками, принужден подчиниться решению своего правительства.

«Мы не намереваемся втягивать Россию в эту войну», говорили болгары моему собеседнику, «но хотим, чтобы Россия была сильна и сказала бы свое властное слово к моменту заключения мира».

Ясно, однако, насколько неискренне это заявление: болгары прекрасно сознают то тяжелое положение, в которое была бы поставлена Россия в случае славяно-турецкой войны, ближайшим результатом которой будет агрессивное выступление Австро-Венгрии на южной ее границе. В Киссингене же мне пришлось несколько раз беседовать с г. Гешовым, болгарским посланником в Берлине.

[1] Ср. ч. I, стр. 373, прим. 3.
[2] Имеется в виду Гучков (см. № 365).

Этот хитрый и осторожный дипломат уверял меня, что болгарское правительство делает все возможное, чтобы избежать войны, но общественное мнение страны настойчиво требует использования настоящего критического положения Оттоманской империи; противиться же такому течению правительство может только до известных пределов.

В недоговоренных фразах г. Гешова проглядывало убеждение в неизбежности болгаро-турецкой войны.

Г. Гешов очень интересовался тем положением, которое займет румынская армия в случае движения болгар на юг.

Я сказал г. Гешову, что первые же выстрелы на болгаро-турецкой границе вызовут мобилизацию румынской армии; затем румыны, по всей вероятности, вторгнутся в пределы Болгарии и прежде всего займут Силистрию, предмет долголетних споров между обеими странами. На вопрос г. Гешова, что же сделает Россия в случае вторжения румын в Болгарию, я ответил, что совершенно некомпетентен в разрешении этого вопроса.

Не желая впадать в излишний пессимизм, все же полагаю, что если сведения о принятом болгарским правительством решении открыть военные действия против турок верны, — мы находимся накануне полной возможности быть вовлеченными в вооруженный конфликт с Австрией.

Считая своей исторической миссией на Балканах занятие Сербии, Новобазарского санджака и Салоник, Австрия вынуждена будет к агрессивному выступлению на юге в случае общего пожара на Балканах, угрожающего разделом турецких владений в Европе.

В Вене прекрасно сознают, что занятие австрийскими войсками славянских земель грозит серьезной опасностью войны с Россией, и это обстоятельство сильно озабочивает австрийцев.

По причинам, неоднократно приведенным в предыдущих моих донесениях, вооруженный конфликт с Россией нежелателен для Австрии в данное время; кроме того, война с нами признается здесь возможной с шансами на успех лишь при деятельной поддержке Германии. Германия, слишком заинтересованная в сохранении Турции, поддержит Австрию (на северо-восточном ее фронте) лишь в том случае, если Турция окажется в положении умирающего человека; в таком именно безнадежном положении и будет Оттоманская империя, одновременно атакованная итальянцами, болгарами, греками и сербами, при общем восстании в Македонии.

При таких условиях следует ожидать, что Австрия, желая избегнуть столкновения с нами, постарается придать своим действиям полулойяльную форму: занятие ею славянских земель немедленно же будет оповещено миру, как временная оккупация, — в ограждение политических и экономических интересов империи. В заключение, не могу не заметить, что усилия всех великих держав (не исключая и Австрии), направленные к предупреждению войны на Балканах, все же дают некоторую надежду на благополучный исход назревающего крупного кризиса.

Генерального штаба полковник Занкевич.

№ 481. Военный агент в Австро-Венгрии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 181. 15/2 августа 1912 г.
Секретно.

Политическое положение и воен[ные] приг[отовления].

Кровавые события в Кочанах [1] вызвали большую тревогу в австрийских правительственных сферах.

[1] См. № 429.

Здесь справедливо считают, что ни итало-турецкая война, ни революция в Албании, ни тяжелая борьба политических партий в Турции не представляют такой угрозы для серьезного нарушения мира на Балканах, как террористические действия македонского комитета: рассчитанные на возбуждение общественного мнения в Болгарии, они очень легко могут повести к взрыву болгаро-турецкой войны.

Австро-Венгрия, считая занятие Салоник своей исторической миссией, не может остаться пассивной зрительницей общего пожара на Балканах, вероятным результатом которого будет раздел европейских владений Турции.

Война на Балканском полуострове послужит поэтому сигналом для агрессивного выступления Австрии на юге.

Занятие Новобазарского санджака и Сербии, для дальнейшего движения долиной Моравы к Салоникам, — вот наиболее вероятный план действий австрийской армии.

Вполне возможна и одновременная с этим высадка австрийских войск на албанском побережьи.

Серьезно озабоченное угрозой вооруженного конфликта с Россией, где занятие австрийцами славянских областей не замедлит вызвать общее негодование, австрийское правительство принимает все меры, чтобы договориться с Германией о том положении, которое она займет при таких условиях на русской своей границе.

Из заслуживающего доверия источника я узнал, что предстоящее свидание графа Берхтольда с германским министром-президентом имеет целью окончательное и вполне определенное выяснение роли Германии, в случае занятия австрийцами славянских областей [1].

Как на одно из доказательств учитываемой здесь возможности войны с Россией, укажу на полученные мной сведения об энергично ведущихся работах по укреплению различных пунктов Галиции; особенно энергично ведутся работы по линии Днестра (у Залещиков, Нижниова, Галича) у Черновиц, Станиславова, Злочева.

Есть у меня также сведения об укреплении ряда (мне неизвестных) пунктов на линии Львов, Перемышль, Краков.

Наблюдаемая теперь в Галиции усиленная деятельность по постройке укреплений может служить указанием на решение австрийцев придерживаться выжидательного образа действий до выяснения намерений России [2].

Генерального штаба полковник З а н к е в и ч.

№ 482. Поверенный в делах в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 28. 15/2 августа 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Я не преминул объясниться с эллинским министром иностранных дел по предмету секретной телеграммы вашего превосходительства за № 1480 касательно турецко-черногорского конфликта [3]. Сегодня г. Коромилас, кроме вопросов, связанных с этим конфликтом и с возмущением в Албании,

---

[1] Против слов: «Из заслуживающего доверия... славянских областей» на полях имеются следующие пометы: «Следовало бы и нам выяснить роль Франции согласно п. 2 конвенции и протоколов. Ж[илинский]». «Да. С[ухомлинов]».

[2] Рапортом от 15/2 авг. за № 182 Занкевич сообщил Данилову, что в различных пунктах Галиции ведутся «усиленные работы по возведению укреплений». В том же рапорте он сообщал, что «10 батальонов III корпуса (Грац) получили приказание подготовиться к перевозке в аннексированные области».

[3] См. № 413.

затронул также и критский вопрос. Министр высказал то беспокойство, которое продолжают причинять греческому правительству неопределенное положение острова и неизбежность новых нежелательных осложнений при возобновлении деятельности афинской палаты депутатов. Г. Коромилас, настаивая на необходимости установить более нормальный режим управления островом, высказал уверенность, что Россия могла бы сломить сопротивление Англии в вопросе о назначении на Крит верховного комиссара. Таковое назначение было бы единственным, на время, решением дела и дало бы эллинскому правительству возможность справиться с этим наболевшим вопросом по крайней мере до тех пор, пока судьба острова не будет окончательно решена державами. Подобная точка зрения, мне кажется, не могла бы вызвать неодобрения или подозрения держав-покровительниц, являясь лишь временной мерой, способной отвратить от кабинета г. Венизелоса опасность быть сверженным оппозицией.

В общем, греческое правительство, видимо, прониклось необходимостью, подчиняясь преподаваемым ему советам, не прибегать ни к каким активным выступлениям по отношению к Оттоманской империи, настроено вполне миролюбиво и пока чуждо каких бы то ни было воинственных замыслов.

Примите и пр.

Кн. С. Урусов.

№ 483. Поверенный в делах в Бухаресте временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 52. 15/2 августа 1912 г.

Сохраняя полное спокойствие и не принимая никаких непосредственных мер, румынское правительство озабочено возможностью дальнейших осложнений на Ближнем Востоке. Председатель совета министров настойчиво повторил мне сегодня, что Румыния, искренне стремясь к сохранению мира и status quo, не предполагает изменять пока своей политики, но что она к этому может быть вынуждена действиями болгар [1].

Лысаковский.

№ 484. Председатель французского совета министров и министр иностранных дел российскому министру иностранных дел Сазонову.

Письмо. Петербург, 16/3 августа 1912 г.

Monsieur le Ministre,

Je m'empresse d'accuser réception à Votre Excellence de la lettre qu'elle a bien voulu m'adresser et par laquelle elle m'informe que le projet de convention navale, élaboré et signé le 16 juillet a. c. à Paris par les chefs d'Etat-major des Marines russe et française a été examiné par le Gouvernement impérial et soumis avec avis favorable à Sa Majesté l'Empereur qui a daigné lui accorder son approbation [2].

---

[1] В деп. от 15/2 авг. за № 44 Лысаковский, отмечая, что война с Болгарией нежелательна для Румынии, писал следующее: «Если здесь считают необходимым, для сохранения равновесия на Ближнем Востоке, соответственное усиление Румынии в случае увеличения Болгарии, то мирный способ достижения этого путем сделки с Болгарией несомненно более желателен. Исходя из этого начала, румынское правительство, быть может, и покажет в действительности на первых порах бо̀льшую решимость и вероятно будет стремиться доказать свою готовность силой защищать свои интересы, дабы затем заполучить при переговорах с Болгарией бо̀льшую цену за свой нейтралитет. На практике разговор бы шел в таком случае об исправлении добруджской границы. «Исправление» это могло бы быть более или менее значительно в зависимости от обстоятельств».

[2] См. № 474.

Comme vous le rappelez, les flottes des deux pays ont eu déjà plus d'une fois l'occasion de se témoigner leurs sentiments de camaraderie. La convention actuelle vient heureusement compléter la convention militaire qui existe entre les deux pays depuis le 4 janvier 1894/23 décembre 1893, et qui aux termes des lettres échangées le 9 août/28 juillet 1899 entre le comte Mouravieff et M. Delcassé doit demeurer en vigueur autant que l'accord diplomatique conclu le 27/15 août 1891 pour la sauvegarde des intérêts communs de la Russie et de la France. Cette convention établit désormais entre nos deux Marines un contact permanent et régulier, et j'ai l'honneur de vous informer que le Gouvernement de la République y accorde son approbation.

Je me félicite tout particulièrement de voir cet acte consacré par les deux Gouvernements pendant mon séjour en Russie.

Veuillez agréer, Monsieur le Ministre, les assurances de ma haute considération.

R. Poincaré.

Перевод.

Г. министр,

Спешу подтвердить вашему превосходительству получение письма, с которым вы соблаговолили обратиться ко мне и которым вы уведомили меня, что проект морской конвенции, выработанный и подписанный 16 июля т. г. в Париже начальниками российского и французского морских генеральных штабов, был рассмотрен императорским правительством и с благоприятным отзывом представлен на утверждение его императорского величества, который соблаговолил его одобрить.

Как вы об этом упоминаете, флоты обеих держав уже имели неоднократно случай взаимно доказать свою дружбу. Настоящая конвенция удачно дополняет военную конвенцию, существующую между обеими державами с 4 января 1894 г./23 декабря 1893 г.; последняя согласно текста писем, которыми обменялись 9 августа/28 июля 1899 г. между собой граф Муравьев и г. Делькассе, должна оставаться в силе, пока остается в силе дипломатическое соглашение, заключенное 27/15 августа 1891 г. для защиты общих интересов России и Франции. Эта конвенция устанавливает отныне между нашими двумя морскими министерствами постоянный и регулярный контакт, и я имею честь поставить вас в известность, что правительство Республики дает на нее свое согласие.

Я особенно счастлив, что утверждение этого акта обоими правительствами произошло во время моего пребывания в России.

Примите и пр. Р. Пуанкаре.

№ 485. Памятная записка австро-венгерского посла в Петербурге министру иностранных дел.

16/3 августа 1912 г.[1]

D'après de différentes nouvelles parvenues au Gouvernement impérial et royal, il semblerait que depuis la formation du Cabinet Ghazi Mouktar Pacha[2] une accalmie s'est produite dans la crise intérieure de la Turquie et que le nouveau Gouvernement ottoman s'efforce, avec quelque chance de succès, par de sages concessions, de mettre un terme au mouvement révolutionnaire en Albanie.

A cette circonstance favorable vient cependant s'opposer la considération moins satisfaisante que sur différents points des Balkans des symptômes commencent à se manifester, symptômes qui dans leurs conséquences ultérieures pourraient apporter des perturbations du status quo venant du dehors.

Parmi ces symptômes il y a lieu de noter les différends de frontière turco-monténégrins, l'apparition de bandes grecques en Epire et, principalement,

[1] В оригинале дата отсутствует. На полях имеется помета: «Reçu le 16/3 août 1912» («Получено 16/3 авг. 1912 г.»). Эта пам. записка вместе с телеграммами м-ва от 18/5 авг. за №№ 1564 и 1566 (см. №№ 495 и 496) была представлена Нератовым Николаю II при докл. записке от 19/6 авг.

[2] См. ч. I, стр. 352, прим. 1.

l'effervescence qui s'est emparée de l'opinion publique en Bulgarie par suite du massacre de Kotchana et qui pourrait causer de sérieuses difficultés au Cabinet Guéchow quant à la continuation de sa politique pacifique.

Il ne semblerait pas impossible que cet état d'esprit en Bulgarie, ainsi que probablement aussi la formation de bandes grecques en Épire, seraient influencés par l'idée que la Porte voudrait accorder une sorte d'autonomie aux Albanais, ou du moins délimiter le territoire en question d'une façon préjudiciable aux intérêts des autres nationalités des Balkans. Du côté bulgare et grec on semble vouloir parer à une telle éventualité, ou tout au moins la prendre comme prétexte pour propager les diverses aspirations de leurs co-nationaux. On remarque du côté serbe une tendance analogue.

Contrairement à cette manière des nationalités des Balkans d'envisager les concessions susceptibles d'être accordées aux Albanais par la Porte, les informations du Cabinet impérial et royal portent plutôt à supposer que la Porte n'a aucune intention ni d'accorder aux Albanais des privilèges d'autonomie ni de s'occuper d'une nouvelle délimitation de ce territoire, mais qu'il s'agit exclusivement de confirmer des prérogatives traditionnelles et de mettre la langue albanaise sur le même pied légal que la langue turque.

Selon l'avis du Cabinet impérial et royal il n'y a rien dans cette intention qui puisse inquiéter les nationalités balkaniques ni nuire à leurs intérêts.

Les nationalités de la Turquie Européenne ont, au contraire, toute raison de saluer avec joie ce premier pas vers une décentralisation de l'administration, et cela parce qu'au moment où la Porte aura rompu avec le système de centralisation rigide des Jeunes Turcs, dont ont souffert non seulement les Albanais mais aussi les autres nationalités ottomanes, elles auront toute la possibilité de faire valoir par des moyens pacifiques leurs desiderata légaux. Il est, par conséquent, dans leur propre intérêt qu'il ne soit pas apporté d'obstacle de l'extérieur à l'action du nouveau Gouvernement à Constantinople et qu'il lui soit laissé le temps de progresser dans la voie nouvelle de traiter chaque nationalité selon les besoins particuliers de chacune.

Cette manière de procéder serait également dans l'intérêt du maintien de la tranquillité aux Balkans, et partant de la paix européenne.

Le Cabinet de Vienne qui poursuit comme toujours sa politique consistant à favoriser le développement tranquille et pacifique de toutes les nationalités des Balkans attacherait du prix à entrer dans un échange de vues avec les Cabinets des autres Grandes Puissances et notamment avec celui de St.-Pétersbourg pour savoir s'ils inclineraient, d'une part, à confirmer la Porte par des conseils amicaux dans ses principes nouveaux de décentralisation administrative, et d'autre part, à rappeler aux États balkaniques qu'il serait dans l'intérêt même de leur co-nationaux en Turquie de laisser le temps nécessaire à Ghazi Mouktar Pacha pour réaliser sa méthode individualiste, et d'éviter dans ce but tout ce qui pourrait menacer la tranquillité des Balkans et partant empêcher la Porte d'apporter tous ses soins à la solution des questions intérieures.

Перевод.

Согласно дошедшим до императорского и королевского правительства различным сведениям, после образования кабинета Гази-Мухтар-паши, во внутреннем кризисе, переживаемом Турцией, наступило, повидимому, успокоение, и новое оттоманское правительство старается, с некоторыми шансами на успех, положить конец революционному движению в Албании путем разумных уступок.

Однако этому благоприятному обстоятельству противостоят соображения менее удовлетворительного свойства: в различных местах на Балканах начинают проявляться симптомы, которые по своим дальнейшим последствиям могут привести к нарушениям status quo извне.

Среди этих симптомов следует отметить столкновения на турецко-черногорской границе, появление греческих банд в Эпире и, в особенности, возбуждение, охватившее

общественное мнение Болгарии в связи с резней в Кочанах, которое может создать серьезные затруднения кабинету Гешова в деле продолжения его мирной политики.

Не лишено вероятия, что на такое состояние умов в Болгарии, а также, возможно, и на формирование греческих банд в Эпире оказали влияние опасения, что Порта хочет даровать албанцам нечто вроде автономии или, по крайней мере, установить границы их территории в ущерб интересам других балканских народностей. Со стороны болгар и греков имеется, повидимому, стремление предотвратить такую возможность или, по крайней мере, воспользоваться ею как предлогом для пропагандирования различных притязаний их соплеменников. Со стороны Сербии замечается аналогичная тенденция.

В противовес такому взгляду балканских народов на уступки, которые могут быть предоставлены албанцам со стороны Порты, сведения, полученные императорским и королевским правительством, заставляют скорее предположить, что Порта не имеет никакого намерения ни даровать албанцам автономию, ни заниматься установлением новых границ этой территории и что дело идет исключительно о подтверждении традиционных привилегий и признании за албанским языком равных прав с турецким.

По мнению императорского и королевского кабинета, в этом намерении нет ничего, что могло бы вызвать беспокойство балканских народностей или нанести ущерб их интересам.

Народности Европейской Турции имеют, наоборот, все основания с радостью приветствовать этот первый шаг на пути к децентрализации управления, потому что, как только Порта покончит с младотурецкой системой строгой централизации, от которой страдали не только албанцы, но и другие оттоманские народности, последние получат полную возможность отстаивать мирным путем свои законные пожелания. Следовательно, они сами заинтересованы в том, чтобы деятельность нового константинопольского правительства не встречала препятствий извне и чтобы ему было дано время успешно следовать по новому пути: поступать по отношению к отдельным народностям в соответствии с особыми потребностями каждой из них.

Такой образ действий был бы также в интересах сохранения спокойствия на Балканах, а следовательно, и европейского мира.

Венский кабинет, следуя, как всегда, своей политике содействия мирному и спокойному развитию всех балканских народностей, считал бы желательным обмен взглядов с кабинетами других великих держав, и в особенности с петербургским кабинетом, для того чтобы выяснить, склонны ли они, с одной стороны, поддержать Порту путем дружеских советов в ее новых принципах административной децентрализации, и, с другой стороны, напомнить балканским государствам, что в собственных интересах их соплеменников в Турции — предоставить Гази-Мухтар-паше необходимое время для проведения в жизнь его индивидуалистических методов и избегать с этой целью всего, что могло бы угрожать спокойствию на Балканах, а стало быть, и помешать Порте обратить все усилия на разрешение внутренних вопросов.

№ 486. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 120. 16/3 августа 1912 г.

В связи с полученными сведениями о происшедшем под Беранами, близ черногорской границы, вооруженном столкновении местных сербов с турецкими войсками, подкрепленными башибузуками, о чем подробно доносит сегодня наш военный агент по телеграфу, черногорское правительство сообщило циркулярно представителям великих держав поименный список убитых турками мирных жителей, в числе коих имеются женщины и дети. Не преувеличивая значения этого печального события, которое здесь приравнивают к кочанскому, опасаюсь его последствий для настроения в Черногории. Приложу со своей стороны все старания к тому, чтобы черногорское правительство не использовало его в своих несколько воинственных видах, но вместе с тем полагал бы по местным соображениям весьма желательным воздействовать на Порту в видах выбора более дисциплинированных войск, сосредоточиваемых ею в этих местностях, и приостановки движения посланных ею, как мне сообщают, новых значительных подкреплений.

Гирс.

№ 487. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 572. 16/3 августа 1912 г.

№ 1.

Получил телеграмму № 1543 [1].

Марлинг уже [14] 1 августа передал мне текст проекта конвенции о Шат-эль-Арабе [2]. Таким образом, о новом выступлении Англии нам вновь сообщено, как о совершившемся факте. Не могу судить о техническом значении конвенции для русского судоходства, что может быть выяснено компетентными ведомствами. Во всяком случае, предполагаемой комиссии будет принадлежать право обложения судов за пользование улучшенными сообщениями и до франка за тонну. Политическое значение конвенции для англичан весьма значительно: чрез своего комиссара они получат фактический контроль за всем течением Шат-эль-Араба, надзор за берегами, § 6,f, издание полицейских мер, § 6,c. Между прочим, существенно изменяется положение международной реки Каруна, подступом к которой служит Шат-эль-Араб. Фактически Англия вовлекает в свою сферу юго-западный угол Персии, расширяя зону, предоставленную ей соглашением 1907 г. Ввиду этого казалось бы возможным и нам воспользоваться случаем, чтобы внести какие-либо поправки в нашу зону, например, чтобы округлить с юга географически прямую линию, лишь проходящую чрез Керманшах, не захватывая его округа и т. д. Все вышеперечисленные выгоды Англия надеется выговорить себе путем лишения Персии законно принадлежащей ей половины течения по тальвегу. Англия пользуется вопросом турецко-персидского разграничения для проведения посторонних ему целей, составляющих предмет англо-турецких переговоров, — моя телеграмма № 487 [3]. Было бы желательно, чтобы выговариваемые Англией преимущества не покупались ценой последующих уступок за счет Персии в районах, относящихся к нашей сфере, раз цель наша совпадает с принципом поддержания существующей персидской территории, заявленным в соглашении 1907 г. Если же пришлось бы уступить впоследствии персидские участки для проведения английских целей, то было бы желательно выяснить, не представлялось ли бы и для нас необходимым получить какие-либо льготы помимо простого восстановления status quo.

Гирс.

---

[1] Тел. от 13 авг./31 июля за № 1543 Нератов известил М. Гирса, что Бьюкенен сообщил ему проект конвенции между Англией и Турцией «относительно установления на Шат-эль-Арабе навигационной комиссии». «Принятие этой конвенции, — сообщал Нератов, — является одним из условий, на коих великобританское правительство готово побудить персидское правительство и шейха Мохаммеры признать суверенитет Турции над всем течением Шат-эль-Араба».

Проект конвенции был передан Нератову Бьюкененом при письме от 11 авг./29 июля. Проект этот был вручен турец. послу в Лондоне для передачи турец. прав-ву.

[2] Согласно ст. 1-й этого проекта «навигация по Шат-эль-Арабу должна остаться открытой для судов всех наций». По ст. 2-й турец. прав-во должно было учредить комиссию, которая осуществляла бы контроль по Шат-эль-Арабу от Курны до моря. Ст. 8-я устанавливала, что «с судов и товаров, проходящих по Шат-эль-Арабу, ни Портой, ни Комиссией не будут взиматься никакие налоги, пошлины или сборы в силу самого факта их прохождения по нему». Ст. 9-я конвенции гласила: «Комиссии предоставляется только право взимать пошлины и сборы в размерах, необходимых для покрытия расходов по предпринятым ею работам и поддержанию пароходного движения. Если такое обложение окажется необходимым, оно не должно превышать сумм, требуемых для указанных целей, включая административные расходы Комиссии. Суммы, получаемые от этих сборов, должны итти исключительно на покрытие означенных расходов, а в случае образования остатка, таковой должен быть употреблен на снижение этих сборов. Тариф ни в коем случае не должен превышать одного франка с тонны регистрируемого груза».

[3] Тел. М. Гирса за № 487 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

№ 488. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 706. 16/3 августа 1912 г.

Займы.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 689 [1].

В ответ на свой запрос германский посол получил инструкцию не оказывать поддержки никаким займам, устраиваемым для китайцев германскими подданными. В случае же получения им от вай-цзяо-бу сообщения о согласии центрального правительства на подобную сделку, он должен, если последняя имеет чисто финансовый характер, ответить, что он ее не может одобрить; если же она имеет и промышленную сторону, предусматривая какие-либо заказы или получение концессий, то ему следует оставить китайское сообщение вовсе без ответа и не вмешиваться в дело. Таковая постановка вопроса, очевидно, предоставляет германским фирмам полный простор продолжать ссужать китайское правительство небольшими суммами взамен предоставления им выгодных концессий или под условием заказов в Германии [2].

Крупенский.

№ 489. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

·/. 17/4 августа 1912 г. [3]

Приемлю смелость повергнуть у сего на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение отчет о моих совещаниях с французским председателем совета министров г. Пуанкаре во время его пребывания в С.-Петербурге.

Сазонов.

·/.

Приложение [4].

За время пребывания в С.-Петербурге французского председателя совета министров, министра иностранных дел, г. Пуанкаре, я имел с ним неоднократные совещания.

Морское соглашение.

Прежде всего мы воспользовались одной из первых наших встреч, чтобы выразить друг другу взаимное удовольствие по поводу успешного завершения недавних переговоров между начальниками обоих морских генеральных штабов [5]. Подписанный в Париже адмиралами Обер и князем Ливен проект морского соглашения удостоился высочайшего одобрения,

---

[1] См. № 448.

[2] В тел. от 17/4 авг. за № 717 В. Крупенский сообщал, что «японский и американский представители получили от своих правительств инструкции, в случае если ими будет получено от китайского правительства извещение о каком бы то ни было займе, делаемом у их соотечественников, отказаться принять таковое к сведению под условием, чтобы подобные же указания были получены всеми остальными миссиями».

[3] Опубл. М., стр. 255.

[4] В лит. копии публикуемого документа отсутствуют разделы: 1) стратегические пути, 2) отношения между Францией и Англией, 3) болгаро-сербское соглашение, 4) личный вопрос касательно Жоржа Луи. На этой лит. копии имеется следующая помета рукой Базили: «В посольства в Берлине, Париже, Лондоне, Вене, Риме и Константинополе и председателю совета министров (последнему с добавлением части всеподданнейшего отчета касательно Жоржа Луи). Отправлено с курьером 22/9 августа 1912 г.».

[5] См. № 299.

и я был всемилостивейше уполномочен скрепить его моей подписью. Так как заключенная около 20 лет тому назад между Россией и Францией военная конвенция получила в свое время утверждение правительств путем обмена отдельных нот, то, по соглашению с г. Пуанкаре, было решено и на этот раз применить означенный способ для утверждения морской конвенции. Сообразно с этим, [15] 2 и [16] 3 августа мы обменялись с г. Пуанкаре письмами, в которых с той и с другой стороны содержится заявление о признании за состоявшимся морским соглашением обязательной силы [1].

Стратегические пути.

Заговорив со мной также о протоколе последнего совещания начальников генеральных штабов сухопутных армий, г. Пуанкаре сказал мне, что он придает весьма важное значение исполнению нами выраженного в этом протоколе пожелания французского генерального штаба об усилении провозоспособности нашей железнодорожной сети, ведущей к западной границе, путем прокладки второй колеи на указанных в протоколе линиях [2]. Я ответил, что пожелания эти мне известны и что они, вероятно, будут нами, по мере возможности, приняты во внимание.

Отношения между Францией и Англией.

Предметом особенно откровенного обмена мыслей между г. Пуанкаре и мной были отношения между Францией и Англией.

Указав, что эти отношения приняли за последнее время, под влиянием агрессивной по отношению к Франции политики Германии, характер особенной близости, французский первый министр поведал мне, что, хотя между Францией и Англией не существует никакого писанного договора, тем не менее как сухопутные, так и морские генеральные штабы обоих государств находятся между собой в тесном общении и непрерывно сообщают друг другу, с полной откровенностью, все могущие их интересовать сведения. Этот постоянный обмен мыслей имел своим последствием заключение между французским и английским правительствами устного соглашения, в силу которого Англия выразила готовность оказать Франции, в случае нападения со стороны Германии, помощь как морскими, так и сухопутными силами. На суше Англия обещала поддержать Францию посылкой стотысячного отряда на бельгийскую границу для отражения ожидаемого французским генеральным штабом вторжения германской армии во Францию через Бельгию.

Сообщение это г. Пуанкаре убедительно просил меня держать в самой строгой тайне и не давать даже англичанам повода предполагать, что оно было нам сделано.

В связи с поддержкой, которую Англия и Франция намерены оказать друг другу на море, г. Пуанкаре затронул вопрос о возможном согласовании действий военно-морских сил России и Англии.

В силу нашей морской конвенции, Франция обязалась оказать нам содействие в смысле отвлечения от нас австрийского флота в Средиземном море и задержки его от проникновения в Черное море. Подобную роль в Балтийском море, на которое французский флот не может распространить свои действия, могли бы, по мнению г. Пуанкаре, взять на себя английские морские силы. Ввиду этого г. Пуанкаре спросил меня, не предполагаю ли я воспользоваться предстоящим моим путешествием в Англию, чтобы в моих разговорах с руководителями английской политики поставить на очередь

[1] См. №№ 474 и 484.
[2] См. № 288.

вопрос о совместных действиях русского и английского флотов в случае столкновения держав Тройственного согласия с Германией.

Я ответил г. Пуанкаре, что вопрос этот требует внимательного обсуждения.

Франко-итальянские отношения.

Коснувшись отношений между Францией и Италией, я выразил г. Пуанкаре искреннее удовольствие по поводу того, что эти отношения, казавшиеся одно время столь натянутыми, повидимому, улучшаются [1], что особенно важно именно теперь, накануне возобновления Тройственного союза.

При этом я обратил внимание моего собеседника на то, что для Франции весьма существенно удержать Италию в строгих рамках формального выполнения своих обязательств перед союзницами, не побуждая ее теснее сплотиться с последними, ибо это могло бы оказаться крайне невыгодным в случае столкновения Франции с Германией.

При условии поддержания дружественных и доверчивых отношений между Италией и державами Тройственного согласия, сохранение Италии в качестве мертвого груза в составе Тройственного союза полезно не только Франции, но и России и даже самой Италии, являясь обеспечением против итальянско-австрийской войны, в которую могли бы так или иначе быть втянуты и другие державы.

Пуанкаре сказал мне, что он вполне уясняет себе справедливость изложенных мною взглядов и прилагает все старания к достижению цели в означенном смысле. Он надеется, что его усилия не останутся тщетными и что ему удастся поставить на прочную почву добрососедские отношения Франции и Италии. В этом направлении, по его словам, уже достигнуты существенные результаты.

Итальянско-турецкая война.

По поводу итальянско-турецкой войны Пуанкаре высказал сожаление, что французское правительство не могло оказать нашим примирительным усилиям поддержку в той мере, как оно этого желало. Невольная сдержанность эта объясняется, во-первых, необходимостью считаться с настроением мусульманского населения в африканских владениях Франции, где всякое давление на Турцию вызвало бы среди арабов волнения, особенно опасные в настоящую минуту, когда установление французского протектората в Марокко встречает столько затруднений; во-вторых, упомянутая сдержанность была обусловлена существовавшей в Париже уверенностью, что ни Германия, ни, конечно, Австрия не сделали бы в то время ничего, чтобы своим влиянием в Константинополе облегчить нам нашу задачу.

Вместе с тем Пуанкаре заявил мне, что он более чем когда-либо желает прекращения войны между Италией и Турцией, а потому надеется, что России и Франции удастся воспользоваться первой возможностью, чтобы совместно возобновить усилия для достижения этой цели с привлечением к делу также и других европейских великих держав. Повод к такому выступлению, по мнению г. Пуанкаре, может легко представиться ввиду того, что ведущиеся в Швейцарии между турками и итальянцами непосредственные переговоры еще не прекращены и что турецкое правительство, с согласия итальянского, собирается отправить в Триполитанию особую миссию, которой будет поручено подготовить там почву для перехода к новому порядку и приучить арабов к мысли о возможности перемирия [2].

---

[1] См. № 191.

[2] См. № 477.

В связи с итальянско-турецкой войной Пуанкаре заговорил также о дальнейшей судьбе занятых Италией островов Эгейского моря. Вопрос этот весьма озабочивает французское правительство, которое опасается, что Италия может не удовольствоваться удержанием островов в качестве залога до окончания войны, а захочет продлить их занятие до получения от Турции обеспечения в даровании им некоторой автономии. Против такого оборота дела Франция намерена энергично восстать, ибо она усматривает в нем опасность для сохранения политического равновесия в восточной части Средиземного моря.

На вопрос Пуанкаре, как отнеслось бы русское правительство к попытке Италии упрочиться в Архипелаге, я ответил, что и мы также не могли бы сочувствовать подобной попытке.

Я воспользовался этим случаем, чтобы, согласно обращенной ко мне через здешнего итальянского поверенного в делах просьбе римского кабинета, осведомиться у французского министра иностранных дел, есть ли какое-либо вероятие, чтобы Турция могла поместить заем на парижской бирже еще до окончания войны. Пуанкаре, не колеблясь, ответил на это отрицательно, но прибавил, что после заключения мира Турция при условии серьезных гарантий может надеяться найти во Франции нужные деньги для ликвидации военных издержек. С подобной же просьбой о деньгах, по сведениям Пуанкаре, к Франции обратится также и Италия.

Болгаро-сербское соглашение.

Относительно болгаро-сербского соглашения, доверительно сообщенного нами французскому правительству, г. Пуанкаре не скрыл от меня, что относится к факту его заключения не без некоторого беспокойства. Приветствуя это соглашение как фактор усиления военной мощи балканских государств, он вместе с тем считает его имеющим более наступательный, чем оборонительный характер и усматривает в этом обстоятельстве серьезную опасность ввиду возможности ежеминутных осложнений на Балканском полуострове. Я заметил французскому министру, что мы предупредили Болгарию и Сербию о намерении России признавать заключенный между ними союз исключительно как оборонительную меру, имеющую в виду обеспечение независимости и свободы этих государств от посягательств со стороны Австро-Венгрии, и что мы отнюдь не хотим содействовать каким-либо их наступательным замыслам.

Возможные осложнения на Балканах.

Подтвердив обоюдное намерение зорко следить за происходящим на Балканах и постоянно делиться мыслями и сведениями по этому поводу, мы вновь согласились с г. Пуанкаре, в случае возникновения каких-либо осложнений, тотчас установить, сообразно с обстоятельствами, совместный образ действий для предотвращения дипломатическим путем дальнейшего обострения положения.

При этом г. Пуанкаре счел своим долгом отметить, что французское общественное мнение не позволит правительству Республики решиться на военные действия из-за чисто балканских вопросов, если Германия останется безучастной и не вызовет по собственному почину применения casus foederis, в каковом случае мы, разумеется, могли бы рассчитывать на полное и точное выполнение Францией связывающих ее по отношению к нам обязательств.

Я, со своей стороны, сказал французскому министру, что, всегда готовые решительно встать на сторону Франции в случае наступления предвиденных нашим союзом обстоятельств, мы также не могли бы оправдать

перед русским общественным мнением нашего активного участия в военных действиях, вызванных какими-нибудь внеевропейскими колониальными вопросами, до тех пор, пока жизненные интересы Франции в Европе останутся незатронутыми.

Рассмотрев сообща главные общеполитические вопросы, мы остановились более подробно на некоторых отдельных предметах, в числе коих одно из первых мест занял вопрос о железнодорожном строительстве в Малой Азии.

Анатолийские железные дороги.

Напомнив о деле Багдадской ж. д., в котором Франция, будто бы, потерпела материальный и нравственный ущерб, г. Пуанкаре выразил мне опасение, как бы то же самое не повторилось в вопросе об Анатолийских ж. д., причем на этот раз французское общественное мнение не преминуло бы привлечь правительство к ответу за подобный оборот дела.

Я возразил, что едва ли можно говорить о потерях, понесенных Францией из-за нас в упомянутом вопросе, ибо в постройке Багдадской дороги французский капитал участвует в размере 30%; что же касается права голоса в управлении и контроле, то вряд ли Германия когда-либо согласилась предоставить Франции такое право. Как бы то ни было, в вопросе об Анатолийских ж. д., во избежание худшего, т. е., например, передачи постройки Честеру, мы готовы не противиться осуществлению дела французской компанией, но надеемся, что будут приняты во внимание наши пожелания как в отношении не менее 15-тилетнего срока постройки, так и восточного предела линий, каковым могло бы быть, судя по переговорам М. Н. Гирса с Ассим-беем, какое-нибудь место между Эрзингяном и Эрзерумом, например, Пекеридж [1].

Пуанкаре настаивал на необходимости доведения линии до Эрзерума из опасения, как бы отказ французской компании от завершения сети в полном объеме не побудил турок передать все дело в руки американцев или по крайней мере заключить с ними сделку о достройке незаконченных участков. На основании имеющихся у него веских данных, французский министр убежден, что турецкое правительство ни за что не откажется от проведения линии Трапезунд—Пекеридж ввиду ее торгового значения. Во всяком случае он полагает, что нам нужно добиваться желательных нам уступок путем переговоров с турецким правительством, а не с железнодорожными предпринимателями.

Я тем не менее просил Пуанкаре, со своей стороны, воздействовать на своих соотечественников, чтобы они не принимали турецких интересов ближе к сердцу, нежели сами турки, и не настаивали на получении подряда на постройку линии Пекеридж—Эрзерум, если турки, — как о том упоминал Ассим-бей, — сами от нее откажутся.

В общем, из нашего разговора по изложенному предмету я вынес впечатление, что если нынешнее турецкое правительство сочтет себя связанным предложением Ассим-бея, — нам, может быть, удастся предотвратить до поры до времени постройку ж.-д. линий к востоку от Пекериджа, но что мы едва ли сможем отсрочить окончание предположенных построек долее, чем на 13 лет.

Китайский заем.

Китайского займа мы коснулись лишь немного, причем я напомнил моему собеседнику не раз высказанные нами доводы против поспешности,

[1] См. ч. I, стр. 246, прим. 1.

с которой выдавались авансы до соглашения по основным вопросам. Я указал также на несомненную для нас опасность усиления военной мощи сопредельной с нами обширной империи.

Французский министр иностранных дел вполне согласился с этим и выразил готовность по возможности воздействовать на французских банкиров в смысле наших пожеланий и обещал не давать согласия французского правительства ни на какие меры, могущие нанести ущерб нашим интересам.

Личный вопрос касательно Жоржа Луи.

Наконец, Пуанкаре обратился ко мне с просьбой совершенно доверительно, но с полной откровенностью высказать ему причины, почему г. Жорж Луи, как это ему известно, не считается у нас подходящим лицом для занимаемой им должности.

Я ответил, что эти причины сводятся главным образом к двум обстоятельствам. Во-первых, за время итальянско-турецкой войны французский посол не только не оказывал никакого содействия нашим усилиям найти способ для примирения воюющих, но даже, как я имею основание полагать, относился с постоянным недоверием к моей деятельности и приписывал мне неведомо какие воинственные замыслы против Турции. Во-вторых, он до такой степени неточно передавал в Париж сущность моих разговоров с ним, что неоднократно происходили из-за этого, как г. Пуанкаре сам помнит, весьма нежелательные недоразумения. И то и другое создавало затруднительные для плодотворной совместной работы условия, а это тем более прискорбно, что в силу наших союзнических отношений, казалось бы, особенно важно, чтобы между нами существовали полное доверие и взаимное понимание.

Пуанкаре восстал против первого предположения, уверяя, что Жорж Луи не мог питать недоверия к моей деятельности и что если он не выказал более участия к нашим стараниям найти почву для итальянско-турецкого примирения, то это было обусловлено особыми соображениями, вытекающими из положения Франции в Северной Африке и суть коих изложена выше.

Что же касается второго предмета моего неудовольствия, то Пуанкаре не мог не признать, что действительно Жорж Луи не проявил способности ясно схватывать сообщаемую ему мысль и точно передавать ее в своих выражениях. Он приписывает этот недостаток болезненному состоянию посла и удручающим его семейным обстоятельствам.

Я подчеркнул, что не имею в виду моими откровенными объяснениями вызвать немедленное отозвание г. Жоржа Луи из С.-Петербурга, но не могу скрыть, что замена его со временем более подходящим лицом представляется мне желательным с точки зрения сношений между обоими кабинетами, с чем г. Пуанкаре вполне согласился.

Общие впечатления о личности г. Пуанкаре.

В заключение считаю долгом отметить, что я был чрезвычайно рад возможности познакомиться с г. Пуанкаре и войти с ним в личные отношения, тем более что из моего обмена мыслей с ним я вынес впечатление, что в его лице Россия имеет верного и надежного друга, обладающего недюжинным государственным умом и непреклонной волей. В случае наступления критического момента в международных отношениях было бы весьма желательно, чтобы во главе правительства нашей союзницы стоял если не сам г. Пуанкаре, то лицо, обладающее столь же решительным характером и чуждое боязни ответственности, как нынешний французский первый министр.

№ 490. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 579. 17/4 августа 1912 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 567 [1].

Министр иностранных дел послал мне мустишара министерства заявить, что Порта нисколько не отказывается от протокола о разграничении с Черногорией [11 июня] 29 мая, но желает отложить ратификацию его до успокоения албанского вопроса, опасаясь осложнить его. Я ответил настойчивым советом возможно скорее покончить с этим пограничным делом, в коем Турция находится на почве совершенно не защитимой в международном отношении. Как личное мое мнение я высказал, что Порте надлежит скорее приступить к ратификации и попытаться, если в этом крайняя нужда, путем непосредственных дружественных объяснений сговориться с Черногорией о приведении в исполнение протокола лишь тогда, когда только окажется малейшая к тому возможность, при этом, конечно, срок должен быть возможно краткий. Я присовокупил, что, по моему мнению, Турции надлежит именно ныне воспользоваться переговорами своими с албанцами, чтобы включить в число условий обязательство с их стороны не противиться исполнению протокола. Некоторым затруднением для ратификации является то обстоятельство, что турецкий парламент ныне распущен [2]. Прошу передать эту телеграмму в Цетинье, так как непосредственно отправляемые оттуда телеграммы приходят лишь на 12 день [3].

Гирс.

№ 491. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 581. 17/4 августа 1912 г.

Парижский кабинет сообщил Бомпару австрийское предложение об обмене мнений между великими державами в видах содействия Турции в деле предоставления большей свободы национальностям и воздействия на последних в смысле призыва их к благоразумию [4]. Бомпар, относясь вполне отрицательно к этому предложению, ответил, будто бы, что нельзя было бы найти лучшего средства ускорить распадение Турции. Полагаю, что обмен мнений между великими державами в рамках австрийского предложения мог бы принести некоторую пользу, при непременном условии сохранения за ним до поры до времени вполне доверительного характера. Преждевременное же оглашение его во всей прессе принесет безусловно лишь один вред, возбуждая вожделения национальностей. Такое широкое оглашение побуждает необходимость относиться с крайней подозрительностью к действительным намерениям Австро-Венгрии.

Гирс.

№ 492. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 647. 17/4 августа 1912 г.

№ 1.

Дополнение моей телеграммы № 622 [5].

В ответной ноте [6] министр иностранных дел сообщает, что персидское

---

[1] См. № 466.

[2] См. стр. 1, прим. 2.

[3] Публикуемая тел. была передана Нератовым в Цетинье 19/6 авг. за № 1567.

[4] См. №№ 469 и 485.

[5] См. ч. I, стр. 412, прим. 2.

[6] Содержание ответной ноты перс. прав-ва от 16/3 авг. за № 6936 (копия препровождена Поклевским Нератову при деп. от 22/9 авг. за № 43) полностью изложено в публикуемом документе.

правительство, стремясь к упрочению уз дружбы с нами и развитию торговли между обоими государствами, разделяет взгляд императорского правительства относительно улучшения путей сообщения, насколько это соответствует пользе и интересам Персии. Вследствие вышеизложенного, министр иностранных дел готов вступить в переговоры о проведении ж.-д. линии от Джульфы до Тавриза, с веткой к какому-либо пункту на севере Урмийского озера, с лицом, которое будет сюда для этого прислано. В заключение министр выразил надежду, что императорское правительство примет во внимание положение здешнего правительства по отношению к основным государственным законам. Я указал кабинету на неясность последней фразы и на ее неуместность, так как она, повидимому, заключает в себе намек на невозможность для кабинета закрепить за нами концессию, о которой будут вестись переговоры. Ввиду этого я позволил себе предложить совершенно исключить эту фразу из ноты. В ответ на это, кабинет обратил мое внимание на затруднительность своего положения в отсутствии регента и меджлиса, но при наличности неотмененной конституции. Заключение этой фразой ноты именно является намеком на последнюю и обозначает, что кабинет может с нами договориться об условиях концессии, но утверждение ее принадлежит меджлису или, при отсутствии такового, регенту, если он пожелает взять на себя ответственность за подобный акт. Я заметил на это, что такой взгляд здешнего правительства дает и нам право считать принятие авансов неконституционным.

Поклевский.

№ 493. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 647. 17/4 августа 1912 г.

№ 2.

Продолжение.

Передавая вышеизложенную ноту, министр иностранных дел на словах указал, что за время переговоров об авансе возросли денежные нужды персидского правительства, которое просит ныне оба правительства выдать ему сейчас по 50 000 ф. ст. и столько же через некоторое время, дабы довести таким образом денежную ссуду до 200 000 ф. ст., о которых недавно упомянул сэр Э. Грей в английском парламенте [1]. По поводу этой просьбы считаю долгом заметить, что в тот момент, когда мы найдем возможным выдать персам аванс, таковой окажет теперь действительную пользу лишь в случае доведения его до 50 000 ф. ст. со стороны каждого из двух правительств. Из английской части аванса 10 000 ф. ст. уже предназначены для Шираза [2], а из нашей доли придется также удержать около 5 000 ф. ст., которые захвачены Ферман-Ферма из таможенных поступлений Керманшаха на оплату фидаев и бахтиар и для защиты города от Салар-эд-Доуле. На мой протест, персидское правительство и Морнар обещали возместить нашему банку присвоенную Ферман-Ферма сумму из будущего аванса. Прошу указаний [3].

Поклевский.

[1] Повидимому, имеется в виду речь, произнесенная Греем 10 июля/27 июня (ср. ч. I, стр. 306, прим. 1).

[2] См. ч. I, стр. 432, прим. 2.

[3] В тел. от 20/7 авг. за № 1584 Нератов ответил Поклевскому, что, по словам Исаак-хана, тегеранский кабинет «затрудняется иначе ответить» на ноту Поклевского, «в которой, будто бы, определенно поставлен вопрос о концессии». Далее Нератов спрашивал: «Не полагаете ли вы, что можно было бы не настаивать на изменении персидской ноты и ограничиться уведомлением в ответ на нее, что мы принимаем к сведению готовность правительства вступить с нами в переговоры по ж.-д. вопросу, обойдя молчанием заключительную фразу ноты». Вместе с тем Нератов сообщал, что не может быть

№ 494. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 648. 17/4 августа 1912 г.

Персидское правительство обратилось к нидерландскому правительству с просьбой о командировании сюда офицеров для организации небольшой армии в Тегеране. О подобном намерении здешнего правительства министр иностранных дел упомянул мне мельком, но ничего не сообщил о том Тоунлею и вообще не запрашивал согласия обоих правительств и на приглашение голландских инструкторов. Кроме того, персидское правительство не представило еще обоим одобренного им плана организации армии, хотя оно и обязано было сделать это на основании своей ноты от [20] 7 прошлого марта [1]. Мы с Тоунлеем в совместной ноте [2] обращаем внимание персидского правительства на оба эти обстоятельства [3].

П о к л е в с к и й.

№ 495. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенным в делах в Париже и Лондоне — Севастопуло и Эттеру.

·/. Телеграмма № 1564 [4]. 18/5 августа 1912 г.

Сообщается послу в Константинополе.

Болгарский и греческий представители передали просьбу своих правительств взять почин, когда мы признаем это удобным, к обеспечению за христианским населением Европейской Турции таких же прав, которые могли бы быть дарованы албанцам, как результаты нынешних переговоров последних с турками. Означенная просьба вызвана затруднительным положением обоих правительств ввиду существующего брожения в их странах и среди соплеменников в Турции. Это брожение еще усилилось бы, если бы оказалось, что албанцы, взявшись за оружие, добились существенных результатов, а другие народности, подчиняясь воле держав, продолжали оставаться в прежних нетерпимых условиях.

Со своей стороны думаем, что выступление Болгарии и Греции в С.-Петербурге не может быть оставлено без внимания ввиду предпринятого графом Берхтольдом шага [5]. Хотя последний и полагает, что перемены, вводимые в Албании, будут, естественно, распространены в будущем на другие

и речи об увеличении аванса до 50 000 ф. ст., так как Коковцов обусловил всякую дальнейшую выдачу денег перс. прав-ву предоставлением предварительно концессии. Нератов признавал только возможным «попытаться склонить» Коковцова не настаивать на немедленном возмещении 5 000 ф. ст. из доходов керманшахской таможни.

[1] См. т. XIX, № 665.

[2] Копия совместной ноты от 17/4 авг. была препровождена Поклевским Нератову при деп. от 22/9 авг. за № 42.

[3] В тел. от 26/13 авг. за № 695 Поклевский сообщил: «Из слов голландского посланника можно заключить, что его правительство едва ли согласится на командирование голландских офицеров для организации персидской армии. Испанский поверенный в делах запросил недавно Тоунлея и меня о возможности приглашения на персидскую службу испанских офицеров».

Тел. от 29/16 авг. за № 1677 Сазонов просил Эттера узнать мнение лондонского кабинета о том, насколько «приглашение испанцев в Персию соответствовало бы принципу, что на персидскую службу должны допускаться лишь подданные второстепенных держав». Ответной тел. от 31/18 авг. за № 219 Эттер, со слов Маллета, сообщил Сазонову, что «Грей не сочувствует предложению о назначении испанских офицеров на персидскую службу и полагает, что оно могло бы быть отклонено ссылкой на принцип допущения офицеров лишь только второстепенных государств». Тел. от 3 сент./21 авг. за № 1711 Сазонов сообщил поверенному в делах в Тегеране Саблину о нежелательности приглашения на перс. службу испан. офицеров, «как подданных великой державы».

[4] Лит. копия. Опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 15.

[5] См. № 485.

народности, все же нельзя не опасаться, что одни предположения и советы едва ли будут достаточно убедительны для мирного течения дел.

Мы думаем, что самым правильным выходом было бы в некоторой степени удовлетворить пожелания софийского и афинского кабинетов. Для этого надлежало бы сократить по возможности льготы для албанцев с прямым обещанием турецкого правительства подготовить применение подобных же льгот к местностям с другими национальностями. Почин к этому мог бы принадлежать самим туркам после предварительных их бесед с послами в Константинополе.

Наше мнение не находится, повидимому, в противоречии с выступлением Берхтольда.

Благоволите доверительным образом объясниться по этому предмету с правительством, при коем вы аккредитованы, и о взгляде его телеграфировать [1].

Заключение посла в Константинополе запрошено [2].

Нератов.

№ 496. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Вене Кудашеву.

*/. Телеграмма № 1566 [3]. 18/5 августа 1912 г.

Сообщается в Париж, Лондон, Берлин, Рим и Константинополь.

Австрийский посол вручил министру памятную записку, в которой венский кабинет предлагает державам вступить в обмен мнений по поводу положения на Балканах [4].

Венский кабинет, относясь вполне одобрительно к проявляемому нынешним турецким правительством намерению даровать албанцам льготы, находит, что прочие национальности Европейской Турции должны были бы приветствовать этот первый шаг к административной децентрализации, которой они сами могут впоследствии добиться.

Между тем Болгария и Греция и даже Сербия склонны усматривать в уступках албанцам угрозу интересам других национальностей, и настроение в Болгарии таково, что может создать серьезные затруднения в мирной политике кабинета Гешова.

Австро-венгерское правительство предлагает поэтому, с одной стороны, дружескими советами в Константинополе поддерживать стремление Порты к проведению новой внутренней политики, а с другой — сделать вновь представления балканским государствам с целью указать, что таковая политика Порты соответствует интересам их сородичей в Турции и что им следует поэтому воздерживаться от всего, что могло бы угрожать спокойствию па Балканах и препятствовать ее проведению.

Вполне соглашаясь с возможностью вышесказанных советов в Константинополе, поскольку дело не будет касаться широких автономных начал, гофмейстер Сазонов высказал послу, что таковые советы не должны бы иметь, однако, характер коллективных представлений, неприятных турецкому правительству. Что же касается выступлений в балканских столицах, таковые, после неоднократно преподанных там в последнее время советов

[1] Нота росс. пос-ва в Париже франц. м-ру ин. дел, составленная на основании этой тел., опубл. в Doc. Dipl., 3-me série, t. III, p. 373, N 299.

[2] В тот же день тел. за № 1565 Нератов просил М. Гирса высказаться «относительно возможного при нынешней обстановке в Константинополе достижения результатов, намеченных в телеграмме № 1564». «В интересах Турции, — добавлял Нератов, — содействовать успокоению умов в соседних странах и водворению в европейской ее части порядков, дающих удовлетворение мирному населению».

[3] Лит. копия. Опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 15.

[4] См. № 485.

сдержанности, не имели бы, по нашему мнению, особого практического значения и могли бы даже при известных обстоятельствах привести к обратным результатам, ослабив положение местных правительств.

Поэтому означенная часть предложения венского кабинета требовала бы особо внимательного обсуждения.

В заключение министр высказал полное удовлетворение тем, что венский кабинет стоит на той же почве, на которой он взаимно сошелся с нами в 1910 г., касательно балканских дел, т. е. стремления к успокоению на Балканах и сохранения status quo на принципе мирного развития балканских народов [1].

Нератов.

№ 497. Запись директора канцелярии министерства иностранных дел [2].

18/5 августа 1912 г.

По взаимному соглашению министров С. Д. Сазонова и г. Пуанкаре было решено придать утверждению военно-морского соглашения форму обмена писем [3], как это было в свое время сделано для военного соглашения.

Соответственно с этим С. Д. Сазонов на личном своем всеподданнейшем докладе в Петергофе [14] 1 августа представил его величеству проект письма, получивший высочайшее одобрение [4].

[15] 2 августа это письмо было отвезено во французское посольство вместе с экземпляром № 2 самого соглашения, находившимся у нас, так как он был привезен сюда из Парижа капитаном 1-го ранга Карцовым для скрепления подписью морского министра, адмирала Григоровича.

Утром [16] 3 августа, тотчас по возвращении своем из Москвы, г. Пуанкаре, в свою очередь, доставил С. Д. Сазонову свое ответное письмо [5].

Что касается выработанного уже на основании упомянутого соглашения первого протокола совещаний начальников генеральных штабов обоих флотов, то протокол этот был представлен на прочтение С. Д. Сазонову и В. Н. Коковцову, причем первый из них дал свой отзыв в краткой пометке на самом протоколе, а председатель совета министров, которому я лично возил этот документ, изложил свой взгляд в небольшой отдельной записке [6].

Шиллинг.

---

[1] В самом начале 1910 г. по инициативе росс. прав-ва велись переговоры с Австро-Венгрией по балканским делам и о восстановлении нормальных дипломатических отношений, нарушенных в результате Боснийского кризиса. Росс. прав-во предлагало установить следующие пункты, которые затем могли бы быть сообщены другим державам: «а) сохранение status quo на Балканском полуострове; б) так как в основу нового режима в Турции положено равенство в правах всех народностей, — сохранение и укрепление такового нового порядка; в) независимость, укрепление и мирное развитие малых балканских государств». Австро-венг. прав-во, соглашаясь в принципе с этими пунктами, возражало против заявления державам о состоявшемся обмене мнений и ограничилось сообщением о нем в печати. Росс. прав-во 21/8 марта 1910 г. также опубликовало сообщение о том, что в результате обмена мнений выяснилось, что «на почве балканских дел между Россией и Австро-Венгрией существует полное соответствие политических принципов». Далее сообщалось, что об этом обмене мнений росс. прав-во осведомило другие прав-ва, передав им текст соответствующих документов; содержание документов было изложено в этом сообщении («Новое время», 21/8 марта 1910 г., № 12208).

[2] Опубл. Stieve, II, S. 227, N 403.

[3] См. № 489.

[4] См. № 474.

[5] См. № 484.

[6] См. № 301 и приложение к нему.

№ 498. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 86. 18/5 августа 1912 г.

Министр иностранных дел очень доволен выбором Наби-бея [1] и надеется, что переговоры, возобновленные в Ко, в Швейцарии, с итальянской стороны теми же уполномоченными, что и прежде, облегчат мир, на который, однако, не рассчитывают в скором времени. На австрийское предложение об обмене мнений между великими державами о децентрализации турецкого правительства и местных автономиях [2] министр иностранных дел ответил полным согласием.

Крупенский.

№ 499. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 94. 18/5 августа 1912 г.

Сообщаю копию в Константинополь почтой.

Русские газеты сильно преувеличивают обстановку и значение софийского митинга [3]. На деле все обошлось заурядно и спокойно. Действительную опасность представляют в настоящую минуту: 1) усиленная деятельность македонской организации и 2) настроение пограничного населения и частей войска на границе. По сведениям нашего агента полиции, македонская организация намерена во что бы то ни стало зажечь пожар в Македонии и готовит, будто бы, там самые отчаянные покушения. Эти сведения правдоподобны. С другой стороны, не исключена возможность, что при первом более значительном пограничном столкновении или при известии о новой резне какая-нибудь часть болгарского войска с офицерами перейдет границу и начнет военные действия, поддержанная вооруженным пограничным населением. Правительство понимает это и принимает все зависящие меры. Но необходимо искреннее содействие турецкого правительства, т. е. примерное и быстрое наказание виновников резни в Кочане и строгое приказание пограничным военным властям не вызывать столкновений.

Неклюдов.

№ 500. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 582. 18/5 августа 1912 г.

Копия в Цетинье.

Черногория.

До сих пор черногорский поверенный в делах усиленно добивался ратификации Портой пограничного протокола [11 июня] 29 мая, и я поддерживал его в этом. Сегодня Пламенац прочел мне весьма доверительную телеграмму, в коей, для личного его сведения, ему предписывается не говорить более о протоколе, так как Черногория ныне желает, чтобы разграничение было произведено великими державами [4] на основании постановлений Берлинского трактата, а не на основании соглашения смешанной

---

[1] Тел. от 12 авг./30 июля за № 92 Неклюдов сообщал, что «здешний турецкий посланник Наби-бей, проведший последний месяц в Константинополе, назначен для секретной встречи и непосредственных разговоров с итальянским уполномоченным».

[2] См. № 485.

[3] См. № 455.

[4] См. № 446.

черногорско-турецкой комиссии. Такая постановка вопроса совершенно меняет положение дела в ущерб Черногории, на которую падут заслуженные обвинения, что, предвидя скорое согласие Порты утвердить протокол, она ныне сама отказывается от него и стремится создать новые затруднения. Полагаю необходимым удержать Черногорию от этого необдуманного шага. Пламенац вполне разделяет мое мнение и просит меня о воздействии на его правительство. Прошу, однако, насколько возможно, не выдавать Пламенаца.

Гирс.

№ 501. Военный агент в Турции в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Рапорт № 172. 18/5 августа 1912 г.

Доношу, что контракты германских инструкторов, кои уже провели условленное трехлетие в турецкой армии, с турецкой стороны больше не возобновляются. Исключение сделано только для двух офицеров, полковника Поссельта и полковника Топчуевского, которые стоят во главе артиллерийских стрелковых школ: первый — тяжелой артиллерии, второй — полевой артиллерии. Эти школы только немного больше года как функционируют.

Начальник же пехотной стрелковой школы, равно как инструкторы в образцовых полках и преподаватели в военных школах, контракты коих кончаются, должны будут покинуть Турцию.

Остаются те из немецких офицеров, контракты коих еще не окончены. Но затем и они будут уволены, так как турки считают, что они больше в услугах иностранных офицеров не нуждаются.

Генерального штаба генерал-майор Хольмсен.

№ 502. Военный агент в Турции в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Рапорт № 173 [1]. 18/5 августа 1912 г.

Еще в начале истекшей недели албанские дела, по единодушному свидетельству всех членов правительства, представлялись весьма близкими к окончательному и благоприятному для турок концу, как вдруг в конце недели было получено известие о том, что албанцы массами двигаются на Ускюб, куда они, судя по консульской телеграмме, прибыли в числе 15 000 человек [2].

Войскам было приказано не мешать им вступить в город, и их там пребывание не дало повода к большим беспорядкам, за исключением того, что они выпустили каторжников из тюрьмы.

Вчерашнее вечернее известие гласило, что албанцы, не получив полного удовлетворения, решили двинуться дальше на Салоники и что их авангард уже дошел до Кепрюлю в числе 3 000 человек.

Главными деятелями этого весьма странного движения являются северо-албанские главари, которые почти все находятся в Ускюбе для ведения переговоров. Албанцы пользуются железной дорогой для своих передвижений и применяют реквизиционный способ. Тот же способ служит и для продовольствия из окрестных сел, по уверению болгарского посланника, исключительно христианских.

---

[1] Маш. копия.

[2] Тел. от 14/1 авг. (без номера) Калмыков сообщал, что «албанцы вошли в Ускюб».

Переговоры с албанцами, по одним источникам, продолжаются, по другим — прерваны, так как правительство наотрез отказалось выдать маузеровские винтовки в тех случаях, когда в складах отобранного в прошлом году у населения оружия налицо не оказывается; а говорят, что младотурки продали все, что имело цену.

Невыясненным остается, каким образом могло случиться, что турки допустили албанцев проникнуть в Вардарскую долину без всякого сопротивления, и почему правительство пока не приняло мер против дальнейшего наступления на Салоники. Между тем, консул в Ускюбе не упоминает в своих телеграммах о ненадежности войск, напротив, он высказывает опасения, как бы не произошло столкновение с войсками, из чего можно было заключить, что они настроены против албанцев.

Вероятнее всего, что правительство желает избегать кровопролития, считая конец переговоров близким. Иначе трудно себе представить причину такого на вид явного бездействия правительства.

Проникновение албанцев в Македонию и домогательства их на признание вилайетов Шкодра, Косово, Янина и Монастырь, входящими в состав автономной Албании, сильно раздражают сербов, болгар и греков, которые считают интересы македонцев в таком случае в серьезной опасности от нового тяжелого албанского ига. Христианские соседние народы поэтому следят за событиями с напряженным вниманием и весьма заметным раздражением.

Настоящее поведение правительства в этом вопросе не указывает на ясное понимание положения, а потому дает повод ко всевозможным догадкам и предположениям, и во всяком случае не носит характера решительного отстаивания общественного порядка.

Странным представляется также факт отозвания войск из Албании, пока положение окончательно не выяснилось. Двинутые из Монастыря части VI корпуса и IV дивизии возвращены обратно в Монастырь, а кроме того, всего за несколько недель войска в Албании ослаблены на 10 000 человек запасных, которые уже прошли через Константинополь на родину.

В довершение всего, последнее время турки еще имеют дело с черногорским пограничным инцидентом и с кочаникским делом, которое вызвало целую бурю негодования в соседней Болгарии.

При всем этом, турецкие министры продолжают давать самые успокоительные заверения по поводу происходящих событий, которые, по их словам, сильно преувеличены. Характерно, однако, то, что они более внимательно относятся к необходимости заключения мира с Италией в случае крупного осложнения на Балканском полуострове. Официозно веденные в Швейцарии переговоры о мире не прерываются, и таким образом им возможно в любой момент заключить перемирие для ведения затем мирных переговоров.

Генерального штаба генерал-майор Хольмсен.

№ 503. Посол в Вашингтоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 18/5 августа 1912 г.
Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Перед отъездом в Японию государственный секретарь[1] переслал мне через Вильсона, замещающего его во время его отсутствия, прилагаемое

[1] Тел. от 11 авг./29 июля за № 76 Бахметев сообщал, что Нокс «отправляется в Японию во главе чрезвычайного посольства, в качестве представителя президента на похороны микадо».

при сем в копии доверительное письмо [1] с проектом или «попыткой» проекта (tentative draft), как он выразился, установления между Россией и Соединенными Штатами временного modus vivendi по торговым делам до окончательного заключения нового трактата [2].

Предлагая этот modus vivendi, г. Нокс вместе с тем замечает, что в его уме возникло некоторое сомнение касательно «конституционного вопроса», согласно которому нужно будет сообразить, насколько таковой modus vivendi, устанавливающий взаимные права наиболее благоприятствуемых наций, будет обязателен для других американских властей, кроме исполнительной, и насколько он может законно быть сделан принудительным. Этот вопрос, по его мнению, не может быть оставлен без внимания, так как некоторые обстоятельства могли бы возбудить важные недоразумения, и он потому подлежит серьезному изучению на том основании, что, тогда как modus vivendi был бы обязательным для политической отрасли правительства и был бы ею соблюдаем, равно как и судебными учреждениями в соответственных случаях, тем не менее, так как согласно американской конституции *верховный* закон делится между самой конституцией, законами Соединенных Штатов и трактатами, иногда могли бы представиться случаи, где судебные власти отказались бы подчиниться условиям этого modus vivendi, не считая их первенствующими над постановлениями федеральных или местных законов. Однако он на практике не ожидает серьезных неудобств, ибо права иностранцев и правила внешней торговли в большей степени руководятся общими статутами, а не трактатами. Составление проекта на эту тему поручено юридическому отделу государственного департамента и на это потребуется, по крайней мере, два месяца, после чего он будет представлен на одобрение императорского правительства.

Передавая мне последнее, Вильсон объяснил, что это, по-моему не вполне ясное, изложение касается *исключительно* судебных тяжебных и тому подобных дел, в которых замешаны русские подданные вообще, и что в нем не следует искать ни малейшего поползновения так или иначе затронуть паспортный вопрос.

Эту работу, конечно, было возможно заблаговременно изготовить, но г. Нокс выбрал ее удобным предлогом для двухмесячной отсрочки, стесняясь высказать прямую причину, т. е. политическую невозможность для правительства даже академически поднять вопрос о трактате до 5 ноября, дня избрания президента, и потому, желая, с одной стороны, высказать по отношению к нам наибольшую предупредительность, а с другой, не давать обеим оппозициям и жидовствующей печати возможность, исказив все дело по-своему, обвинить Тафта в том, что он собирается в угоду России пожертвовать достоинством американских «граждан» и пр. и пр., одним словом, разогреть заваренную в прошлом году кашу и этим поколебать не вполне верные шансы его на избрание, — он ссылается на этот технический труд. Это до того естественно, что нельзя на него пенять, ибо правительство подготовляется к последней решительной партии и должно играть ее с неимоверной осторожностью, не давая противникам ни одного случая воспользоваться малейшей оплошностью или неловким ходом, и я еще в письме от [12 февраля] 30 января с. г. [3] высказывал предположение, что нельзя будет ожидать никакого движения отсюда по этому вопросу ранее июля месяца.

Г. Нокс пишет также, что он готов начать официальные переговоры со мной по его возвращении в половине октября, т. е. за 2 недели до избрания. Ежели г. Тафт сохранит власть, дело может пойти быстро, так

---

[1] Содержание письма Нокса от 16/3 авг. изложено в публикуемом документе.

[2] См. приложение к публикуемому документу.

[3] Содержание письма Бахметева от 12 февр./30 янв. в основном изложено в публикуемом документе.

как он уже не будет заботиться об общественном мнении, какой бы шум в нем ни был поднят вокруг старого дела. Уверенный в том, что в продолжение 4 лет его никто не сможет сдвинуть, его руки будут развязаны, но ежели ему не удастся остаться в Белом Доме и придется уступить место [Вудро] Вильсону, то нам нужно будет начать все с начала с несравненно бо̀льшими затруднениями, как по причине новости у дел и неосведомленности демократов, так и потому, что они, вероятно, захотят выказать моральную независимость от взглядов их предшественников и захотят обсуждать и разбирать весь вопрос ab ovo [1]; Тафт же и Нокс стремятся к дружескому соглашению, и я, со своей стороны, верю в их искренность, тем более что это стремление не основано на одной сантиментальной идее возобновления исторической дружбы, а на расчетливом сознании, что без более тесного сближения с нами вся их западная политика будет заторможена, в особенности, ежели те новые соглашения между нами и Японией, которыми в последнее время здешние газеты так угрожают, до некоторой степени осуществятся.

Вильсон, передавая мне вчера письмо и слова Нокса, прибавил, что, по его взгляду, в настоящую минуту есть только два важных поста: русского посла в Вашингтоне и американского в С.-Петербурге, и что ежели бы он, Вильсон, был на месте Гайльда, его единственной задачей и заботой было бы рассеяние недоброжелательного впечатления, еще существующего в умах русских государственных людей, и общественного мнения вообще, на что я ему дружески заметил, что добиться этого всего легче действиями, а не одними объяснениями, как бы искренни и прочувственны они ни были.

Примите и пр.

Ю. Бахметев.

Приложение.

16/3 августа 1912 г.
Private and confidential.

Tentative draft [2].

Inasmuch as the Treaty of Commerce and Navigation concluded between the United States and Russia on December 18/6, 1832, will expire on December 31/18, 1912, I have the honor to propose, in behalf of the Government of the United States, in order to avert those mutual inconveniences and embarrassments which would ensue from the absence of any understanding on commercial matters between the two nations, that pending the conclusion of negotiations looking to conventional arrangements more adequately responsive to the needs of the relations which have come to exist between Russia and this country, there be provisionally adopted by the two Governments a *modus vivendi* whereby the minimum tariff of the United States, which is most-favoured-nation treatment, shall continue to be extended to Russia in return for a continuance for the benefit of this country of the so-called conventional tariff of the Russian Empire, and whereby, pending such negotiations the broad principle of reciprocal most-favoured-nation treatment shall generally continue, as heretofore, to govern the relations of the two countries.

In pursuance of this understanding, I would in particular propose on the part of this Government to continue the effect of the proclamation, under date of January 18, 1910, wherein the President of the United States of America, in accordance with the provisions of the Act of Congress approved August 5, 1909, entitled «An act to provide revenue, equalize duties and encou-

[1] «с самого начала».

[2] Маш. копия.

rage the industries of the United States and for other purpose», declared as follows:

«Now, therefore, I, William Howard Taft, President of the United States of America, by virtue of the power in me vested by the aforesaid Act of Congress, do hereby make known and proclaim that from and after March 31, 1910, and so long thereafter as the aforesaid Act of Congress is in existence and the Government of Russia imposes no terms or restrictions upon the importation or sale in the Russian Empire of the products of the United States which unduly discriminate against the United States, all articles when imported into the United States, or any of its possessions (except the Philippine Islands and the islands of Guam and Tutuila), from the Russian Empire shall be admitted under the terms of the minimum tariff of the United States as prescribed by Section one of the Tariff Act of the United States approved August 5, 1909».

In proposing thus to continue in effect the proclamation of January 18, 1910, which I had the honor to communicate to the Imperial Embassy under date of February 1, 1910, I assume that the Imperial Russian Government will consider it a full and just equivalent for continuing to extend to this country the benefits of the so-called conventional tariff of the Russian Empire.

Should these views be acceptable to the Imperial Russian Government, I have the honor to ask that you confirm to me its formal acceptance of the proposals herein made, in order thus to complete the exchange of notes establishing the *modus vivendi* [1].

Перевод.

Частное и доверительное.

Черновой проект.

Поскольку срок договора о торговле и мореплавании, заключенного между Соединенными Штатами и Россией 18/6 декабря 1832 г., истекает 31/18 декабря 1912 г., во избежание тех взаимных неудобств и затруднений, которые явились бы следствием отсутствия какого-либо соглашения по торговым делам между обеими нациями, имею честь предложить от имени правительства Соединенных Штатов, чтобы, — в ожидании окончания переговоров о заключении конвенции, более отвечающей отношениям, установившимся между Россией и Соединенными Штатами, — оба правительства временно приняли такой *modus vivendi*, согласно которого минимальный американский тариф, который является тарифом для наиболее благоприятствуемой нации, будет попрежнему распространен на Россию в обмен за продление в пользу Соединенных Штатов так называемого конвенционного тарифа Российской империи, благодаря чему, до завершения указанных переговоров, широкий принцип наиболее благоприятствуемой нации, примененный на основе взаимности, будет попрежнему руководить отнощениями между обеими странами.

Во исполнение настоящего соглашения, я, в частности, предложил бы от имени своего правительства продлить действие Объявления от 18 января 1910 г., в котором президент Соединенных Штатов Америки, в соответствии с постановлениями акта, одобренного конгрессом 5 августа 1909 г. и озаглавленного «Акт об обеспечении государственных доходов, уравнении пошлин и поощрении промышленности Соединенных Штатов и для прочих целей», объявил нижеследующее:

«Ныне поэтому я, Вилльям Гоуард Тафт, президент Соединенных Штатов Америки, в силу полномочий, данных мне указанным актом конгресса, настоящим довожу до всеобщего сведения и объявляю, что, начиная с 31 марта 1910 г. и до тех пор, пока указанный акт будет оставаться в силе и российское правительство не будет ставить каких-либо условий и налагать ограничений на ввоз и продажу американских товаров в Российской империи, — что поставило бы Соединенные Штаты в несправедливо неблагоприятные условия, — все товары, ввозимые в Соединенные Штаты и их владения (за исключением островов: Филиппинских, Гуам и Тутуила) из Российской империи, будут облагаться пошлиной по минимальному тарифу, принятому в Соединенных Штатах, как то предписано в разделе 1 акта о тарифах Соединенных Штатов, одобренного 5 августа 1909 г.».

---

[1] Краткое содержание публикуемого документа было передано Бахметевым в м-во ин. дел в тел. от 18/5 авг. за № 75.

Предлагая продлить таким образом действие Объявления от 18 января 1910 г., которое я имел честь сообщить императорскому посольству 1 февраля 1910 г., я полагаю, что императорское российское правительство признает его полным и справедливым эквивалентом для продления в пользу нашей страны льгот так называемого конвенционного тарифа Российской империи.

Если эта точка зрения приемлема для российского императорского правительства, то я имею честь просить, чтобы вы официально подтвердили мне его согласие на изложенное предложение, чтобы таким путем завершить обмен нотами, устанавливающий *modus vivendi*.

№ 504. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому.

%. Телеграмма № 1569. 19/6 августа 1912 г.

Монголия.

№ 708 получен [1].

Нам представляется возможным воспрепятствовать прибытию Наянту в Улясутай с отрядом, назначаемым для его охраны. Если бы для этого было недостаточно посылаемой в Улясутай полусотни в составе 72 казаков при двух офицерах, туда могла бы быть выдвинута часть ургинского отряда.

Сделать то же в Кобдо, куда, впрочем, также направлена полусотня, нам представляется преждевременным, так как этот город находится в руках китайцев. Полагаем, однако, что прибытие в Кобдо войск из Синьцзяна вызвало бы там обостренное положение, которое оправдывало бы занятие этого пункта нашими войсками для водворения порядка, необходимого в интересах наших подданных и торговли.

Желательно иметь ваше заключение о соответствии положению дел на местах такой программы действий [2].

[Нератов.]

№ 505. Поверенный в делах в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

%. Телеграмма № 211. 19/6 августа 1912 г.

Получил №№ 1564 и 1566 [3].

Австро-венгерскому поверенному в делах, словесно передавшему лондонскому кабинету предложение австро-венгерского министра иностранных дел, английский министр иностранных дел поручил ответить, что он приветствует всякое предложение, имеющее в виду умиротворение и восстановление спокойствия, и готов приступить к обмену взглядов. По доверительном ознакомлении с содержанием № 1564, Маллет обещал сообщить взгляд министра иностранных дел. Он прибавил, что министр признает

[1] В тел. от 16/3 авг. за № 708 В. Крупенский, передавая появившееся в кит. газетах сообщение о намерении кит. прав-ва отклонить предъявленные росс. прав-вом требования относительно Монголии, указывал, что «все это вместе с известиями о движении в Монголию китайских войск заставляет думать, что китайцы действительно решили действовать, не считаясь с нашими требованиями, и нам, мне кажется, следовало бы быть готовыми к принятию соответствующих мер».

[2] В ответной тел. от 21/8 авг. за № 723 В. Крупенский сообщал: «Посылаемой в Улясутай полусотни, даже подкрепленной частью ургинского отряда, могло бы оказаться недостаточно для воспрепятствования прибытию Наянту или наступлению китайских войск с запада. Мне казалось бы поэтому желательным усиление отрядов как в Улясутае, так и в Урге с придачей им пулеметов, а может быть и подготовление, на случай необходимости, серьезного отряда с артиллерией». «Что касается Кобдо, — добавлял Крупенский, — то я полагаю, что обострение положения, которое оправдывало бы занятие этого пункта нашими войсками, существует и теперь».

[3] См. №№ 495 и 496.

всякое давление на Турцию несвоевременным и опасным. Таково же мнение турецкого посла. Сокращение льгот для Албании представляется Маллету затруднительным, так как, по словам турецкого посла, они уже дарованы Портой [1].

Эттер.

№ 506. Поверенный в делах в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 211 [2]. 19/6 августа 1912 г.

Ссылаюсь на № 179 [3].

Грей сообщает нотой о принятом решении формальным актом определить отношение английского правительства к Тибету. Посланнику в Пекине поручено уведомить китайское правительство, что, признавая сюзеренные права Китая, Англия отрицает его права единолично и активно вмешиваться в управление Тибетом, что̀ противоречит ст. 1-й конвенции 1906 г. [4]. Англия поэтому не может допустить замещения китайцами административных должностей в Тибете, ни доктрины, обнародованной Юань Ши-каем о приравнении Тибета к собственно-китайской провинции [5]. Формально возражая против подобного определения статута Тибета, Англия противится усилению настоящего состава китайских войск в Лхассе и Тибете. Настаивая на необходимости письменного соглашения на означенной базе с Китаем, лондонский кабинет предупреждает о прекращении отныне же сообщений между Китаем и Тибетом чрез Индию за исключением случаев вывода войск обратно в Китай [6].

Подлинник ноты первым случаем [7].

Эттер.

Это может пригодиться нам относительно Монголии.

Петергоф, [21] 8 августа 1912 г.

№ 507. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Депеша № 39. 19/6 августа 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Я имел честь получить сегодня секретную телеграмму от вчерашнего числа за № 1566 [8], коей ваше превосходительство изволили довести до

---

[1] В письме от 20/7 авг. Бьюкенен сообщал Нератову, что хотя Грей «готов согласиться с точкой зрения, высказанной графом Берхтольдом, и снабдить английского посла в Константинополе инструкциями занять благожелательную позицию по отношению к предложениям реформ, исходящим от Высокой Порты», тем не менее он считает, что «формальное выступление перед Портой могло бы только затруднить задачу последней и подвергнуть ее обвинениям, что ее политика была продиктована державами».

[2] Номер тел. повторяется (см. № 505).

[3] См. ч. I, стр. 220, прим. 6.

[4] Имеется в виду англо-китайская конвенция о Тибете от 27 апреля 1906 г. Ст. 1-я этой конвенции подтверждала англо-тибетскую конвенцию 1904 г.; обе стороны обязались «во всякое время предпринимать такие шаги, которые могут оказаться необходимыми для обеспечения должного выполнения изложенных в ней условий».

[5] См. т. XIX, ч. II, стр. 451, прим. 1.

[6] Содержание этой тел. было сообщено Нератовым ген. консулу в Калькутте тел. от 22/9 авг. за № 1603.

[7] См. № 567.

[8] См. № 496.

моего сведения как сущность предложения, сделанного австро-венгерским министром иностранных дел в связи с настоящим положением на Балканском полуострове, так и ответ, данный гофмейстером Сазоновым графу Турну по первом ознакомлении с предложением венского кабинета.

Здесь то же сообщение было сделано вечером 14/1 августа австро-венгерским поверенным в делах статс-секретарю по иностранным делам. Так как г. Кидерлен-Вехтер на следующий день отправился в деревню, а оттуда в нынешнюю резиденцию императора, в Wilhelmshöhe, то ни я, ни другие мои коллеги, желавшие переговорить с ним по тому же поводу, не могли его видеть и принуждены были отложить свое посещение до ближайшего дипломатического приема, к которому г. Кидерлен-Вехтер обещал вернуться.

Спрошенный мной об отношении к инициативе графа Берхтольда берлинского кабинета, помощник статс-секретаря сказал мне, что его правительство, конечно, принимает сочувственно австрийское предложение как направленное в довольно критическую минуту к поддержанию мира.

На мой вопрос, ожидает ли он, по смыслу австрийского меморандума и полученных, быть может, в Берлине других дополнительных разъяснений, что в случае согласия всех великих держав, со стороны венского кабинета последует предложение какой-либо более определенной программы действий, он ответил отрицательно, прибавив, что в случае общего согласия можно будет просто приступить к обмену мнений между кабинетами в духе и направлении, указанных в предложении. Г. Циммерман несколько раз оттенил, что Германия охотно принимает австрийскую инициативу, как с одинаковой охотой приняла бы всякое другое предложение, от кого бы оно ни исходило, раз оно направлено к поддержанию мира. «Ни о каком давлении на Турцию, ни о каком навязывании ей — по примерам прошлого — реформ для македонских вилайетов не может быть и речи», — добавил мой собеседник. Не имеется также в виду давать в Константинополе совета в коллективной форме, против чего Турция имела бы основание протестовать.

Если предстоящий завтра дипломатический прием действительно состоится, — в чем с постоянно разъезжающим г. Кидерлен-Вехтером никогда нельзя быть уверенным, — я не премину сообщить вашему превосходительству все, что̀ дополнительно к вышеизложенному выяснится из нашего разговора относительно отношения берлинского кабинета к выступлению графа Берхтольда.

Здешний турецкий посол относится к предложению Австрии отрицательно; так же отрицательно и даже с некоторой тревогой смотрит на него и здешний болгарский посланник, посетивший меня немедленно после того, как в прессе стал известен шаг австро-венгерской дипломатии и просивший меня не отказать — если возможно — держать его в курсе отношения к этому шагу императорского правительства.

Примите и пр.

А. Броневский.

№ 508. Военный агент в Черногории в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Телеграмма № 901. 19/6 августа 1912 г.

Из достоверного источника узнал, что здешнее правительство намерено ожидать ответа держав на просьбу свою о посредничестве в пограничных недоразумениях с Турцией [1] только несколько дней. Если через

[1] См. № 446.

несколько дней ответ этот будет неудовлетворительным или если его вовсе не последует, то решено разрушить до основания всю линию турецких блокгаузов вдоль крайней восточной границы, приготовление к чему уже производится, а заодно произвести карательную экспедицию в направлении Ипека для наказания заклятых врагов Черногории — албанцев села Ругова. В Беранском округе не прекращаются жестокие бои между сербскими повстанцами, с одной стороны, и низамами-башибузуками, — с другой [1]. Черногорцы помогают восставшим не только оружием и патронами, но, повидимому, также и людьми.

Потапов.

№ 509. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 590. 19/6 августа 1912 г.

Министр иностранных дел очень встревожен вестями из Черногории. Он утверждает, будто бы король Николай лично заявил иностранным представителям о мобилизации черногорских войск, несмотря на отрицание здешнего черногорского поверенного в делах. Черногорцы захватили, будто бы, несколько караколов, взяв в плен более 50 турецких солдат. Министр говорит, что, несмотря на все его старания водворить спокойствие на границе, черногорские вызовы переходят, будто бы, пределы терпимого, и остальные члены кабинета требуют уже энергичных мер. Порта посылает в Бераны Джавид-пашу с войсками для производства следствия, при этом она поручила своему представителю в Цетинье предупредить о необходимости отодвинуть с границы черногорские войска во избежание столкновения их с турецкими войсками. Министр спросил меня, можем ли мы воздействовать на Черногорию: я ответил, что сообщу его сведения императорскому правительству, но что посылка отряда в Бераны представляет собой опасность, которой следовало избегнуть. Настроение здесь очень приподнятое против Черногории, которую обвиняют в решении вызвать войну. Войска, повидимому, стягиваются к ее границе [2].

Прошу сообщить в Цетинье [3]. Телеграммы оттуда продолжают прибывать в посольство на 12-й день.

Гирс.

№ 510. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 19/6 августа 1912 г.
Строго доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

При последнем свидании моем с министром иностранных дел Норадунгиан спросил меня, каковы, по моему мнению, могли бы быть средства

---

[1] См. № 486.

[2] Тел. от 19/6 авг. за № 125 (опубл. Siebert, II, S. 437, N 669) А. Гирс сообщал Нератову: «Дело под Беранами грозит осложнениями. Телеграммой от сего числа наш военный агент сообщает в главный штаб о том, что черногорцы помогают повстанцам оружием, патронами и людьми. Такие же сведения имею от австрийского посланника Гизля, не скрывающего от меня своих опасений за возможность дальнейших, еще более активных выступлений Черногории. Опасения эти я не могу не разделять ввиду несомненных военных приготовлений Черногории в течение последних дней и недвусмысленных намеков на воинственное настроение правительства, сделанных мне недавно наследником. В дружеской частной беседе со мной Гизль высказал мысль, что лишь параллельное безотлагательное воздействие России и Австрии на короля Николая, находящегося под сильным давлением некоторых из своих министров, могло бы удержать его от какого-либо опрометчивого шага».

[3] Публикуемая тел. была передана Нератовым в Цетинье 22/9 авг. за № 1598.

достижения восстановления мира между Турцией и Италией, если бы прямые переговоры остались безуспешными [1].

Я ему указал на обращение к посредничеству великих держав как на первую ступень пользования их добрыми услугами. При этом я добавил, что Турция не имеет малейшего повода опасаться пристрастия какой-либо из держав ввиду последовавшего между ними согласия участвовать всем совместно в деле примирения воюющих. Следующей ступенью, в случае неувенчания успехом посредничества, у Турции была бы возможность ходатайствовать о созыве конференции, призванной положить конец столкновению, угрожающему европейскому миру. Как последнее средство, к которому Турция могла бы прибегнуть, был бы арбитраж. Габриэль-эффенди заметил на это, что его мнение тождественно с высказанным мной личным моим взглядом.

Вообще из разговора моего с министром я вынес впечатление, что сознание необходимости скорейшего заключения мира его не покидает.

Как я уже имел честь телеграфировать вчера вашему превосходительству, сообщение Оттоманского агентства было выработано министром иностранных дел вместе с инженером Ногара [2], о котором я упоминал в предыдущих моих письмах и телеграммах [3]. Габриэль-эффенди поручил Ногара испросить на это согласие итальянского правительства, ввиду того, что представители иностранных держав постоянно расспрашивают его о ходе мирных переговоров. Г. Ногара во вчерашней беседе своей с К. Н. Гулькевичем казался настроенным довольно пессимистически. По его словам, турки недостаточно выказывают до сих пор готовности прийти к соглашению.

Так, например, Наби-бей и Фахреддин-бей предъявили итальянским уполномоченным требования, последними уже отвергнутые в совещаниях с Саид-Халимом. Итальянцы поставили хотя и не особенно новые условия, но во всяком случае более умеренные, нежели то, что от них слышал египетский принц. Ввиду последовавшего роспуска турецкой палаты депутатов [4] и невозможности подписать мирный договор без согласия народных представителей, итальянцы предложили заключить без указания срока простое соглашение о modus vivendi, в силу коего Турция обязалась бы отозвать свои отряды из Ливии, а Италия очистила бы занятые ею острова в Эгейском море. Она согласилась бы также на пребывание в Триполитании духовного делегата халифа, выбранного султаном из представленных Италией на его выбор кандидатов. Чтобы доказать искренность своих намерений, Италия, при посылке в Швейцарию новых турецких уполномоченных, обязалась не возобновлять военных действий в Архипелаге. Этим объясняются, с одной стороны, слова румынского короля к его посланнику,

[1] В тел. от 13 авг./31 июля за № 569 М. Гирс сообщал о полученных им из итал. источников сведениях, что ведение переговоров со стороны Турции поручено турец. посланнику в Софии Наби-бею и турец. ген. консулу в Венгрии Фахреддину, выехавшим «на прошлой неделе» в Монтре. «Инженер Ногара, — добавлял Гирс, — остается здесь в качестве звена между оттоманским правительством и итальянской делегацией в Швейцарии. Норадунгиан крайне озабочен сохранением в тайне обстоятельства возобновления переговоров. Он даже согласился с Ногара насчет общности ответов, которые они будут давать германскому послу на возможные его запросы по этому поводу». Ср. № 498.

[2] В тел. от 18/5 авг. за № 583 (опубл. Siebert, II, S. 437, N 668) М. Гирс передавал: «Сообщение Оттоманского агентства о возобновившихся мирных переговорах выработано с согласия итальянского правительства Норадунгианом и инженером Ногара. Итальянцы, приостановившие по просьбе Турции военные действия в Эгейском море на время переговоров, в случае безуспешности таковых сообщат, примерно дней через 10, великим державам предъявленные ими Турции требования. Если бы державы отказались повлиять на Турцию, дабы итальянские условия были приняты, война возобновится, причем Италия не намерена стеснять себя какими-либо ограничениями».

[3] См. №№ 287 и 407.

[4] См. стр. 1, прим. 2.

отъезжавшему в Константинополь, и с другой — сведения, полученные нашим военным агентом о роспуске смирнского гарнизона [1].

Принимая вчера г. Ногара, Норадунгиан коснулся положения дел в Албании, «едва ли разрешимого без помощи пушек». Министр пожаловался затем на поведение Черногории и обмолвился, что «тесть действует, вероятно, по наущению своего зятя» [2], на что г. Ногара решительно возразил, что он уполномочен своим правительством категорически заявить министру, что Италия безусловно непричастна к происходящим на Балканах событиям, что она заинтересована в соблюдении status quo на полуострове и что в ее расчеты вовсе не входит нарушение его. Г. Ногара воспользовался словами министра, чтобы указать ему, насколько заключение мира с Италией облегчило бы оттоманскому правительству задачу успокоения страны и выход из тяжелого финансового кризиса. Норадунгиан ответил ему на это, едва ли вполне искренне: «Таково ваше мнение. Его не разделяют некоторые из моих сотоварищей по кабинету. Они находят, что примирение в настоящую минуту с Италией было бы сочтено балканскими государствами за слабость оттоманского правительства и было бы ими использовано в целях усиления пропаганды. Эти же коллеги смотрят весьма косо на ваше нынешнее пребывание в Константинополе». Ногара подозревает, что неназванные Норадунгианом министры должны быть Киамиль и Хильми. Ногара не отрицает, что, отправляя новых уполномоченных в Швейцарию, Норадунгиан предупреждал его, что «начало будет крайне трудное, но что, спустя некоторое непродолжительное время, удастся сговориться». Хотя итальянские последние предложения были получены Габриэлем-эффенди в минувшую пятницу [3], но они, по случаю затребования им дополнительных данных от Наби-бея и Фахреддина, могут сделаться предметом обсуждения совета министров лишь сегодня или завтра.

Г. Ногара высказал затем, что, по его мнению, если Турция не примет итальянских условий, то Италия обратится к великим державам с сообщением, указывающим условия, на которых она соглашалась прекратить войну, и предложит им повлиять на несговорчивость Турции. Если бы Турция не подчинилась советам держав, то Италия возобновит войну, не стесняясь уже какими бы то ни было соображениями. В этих словах как бы заключалось предупреждение возможности повторения морского набега на Дарданеллы.

Прося ваше превосходительство не отказать хранить вышеизложенное в тайне, ввиду источника получения сказанных сведений, пользуюсь случаем и пр.

М. Гирс.

№ 511. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 651. **19/6 августа 1912 г.**

Получил телеграмму № 1524 [4]. Ссылаюсь на телеграмму Никольского № 36 [5].

Персидское правительство действительно очень встревожено угрозами

[1] См. № 451.

[2] Итал. королева — дочь черног. короля.

[3] 16/3 авг.

[4] В тел. от 10 авг./28 июля за № 1524 Нератов сообщал М. Гирсу, что для разрешения турец.-перс. пограничного спора Персии, по мнению англ. прав-ва, «придется очистить территорию в Зохабе».

[5] Тел. от 9 авг./27 июля за № 36 консул в Керманшахе Никольский сообщал, со слов Ферман-Ферма, о полученном последним от перс. прав-ва предписании «немедленно принять энергичные меры к прекращению грабежей и восстановлению

Порты ввести войска в Керманшахскую провинцию и опасается, что Турция ищет лишь предлога для захвата Зохаба. Тревога эта усиливается от доходящих сюда слухов, что для окончания пограничного спора с турками от персов потребуют уступок именно в этой местности. Насколько я мог убедиться, здесь очень дорожат Зохабом, который сплошь населен шиитами и был до сих пор свободен от турецких захватов, и уступка его туркам не была бы, по мнению персов, достаточно компенсирована сохранением шейхом Мохаммеры его нынешних владений [1].

Поклевский.

№ 512. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 667. 19/6 августа 1912 г.

Получил телеграммы №№ 1506 [2] и 1563 [3].

Министр иностранных дел упомянул мне некоторое время тому назад о желании персидского правительства купить у нас указанное вашим превосходительством количество винтовок и патронов, и немного ранее здешнее правительство просило о продаже нами 3 000 винтовок для Азербайджана и 1 000 для Хорасана, с соответствующим количеством патронов. Я тогда же советовал министру, прежде покупки оружия, выработать план организации регулярной армии и обдумать способ получения денежных средств, необходимых для осуществления этих предположений персидского правительства. Ныне Ала-эс-Солтане пояснил мне, что план организации небольшой армии для Тегерана уже выработан и что для вооружения последней решено купить в России 6 000 винтовок и 6 млн. патронов. Он сознался при этом, что деньги за это оружие могли бы быть уплачены лишь из будущего займа и что содержать эту армию вначале правительство не будет в состоянии без крупного аванса от нас и великобританского правительства. Ввиду вышеизложенного мне кажется, что персидское правительство должно, прежде всего, сообщить обеим миссиям упомянутый план, обсудить с ними вопрос о приглашении иностранных инструкторов,

---

торгового движения по дороге Ханекен — Керманшах, ибо Порта, по жалобе здешнего турецкого консула, угрожает ввести войска в Керманшахскую провинцию, если порядок на дороге не восстановится через 15 дней». По словам Ферман-Ферма, перс. м-р ин. дел «опасается, что Турция, основательно отстаивающая на заседаниях персидско-турецкой пограничной комиссии в Константинополе свое право на территорию от Ханекена до Зохаба, ищет лишь предлога занять эту пограничную полосу».

[1] Ср. № 363. В тел. от 1 авг./19 июля за № 527 М. Гирс, выражая мнение, что «хотя некоторые уступки в области Зохаба и возможны», сообщал, что он все же «полагал бы преждевременным поднимать в настоящий же момент вопрос о вознаграждении Турции».

Тел. от 16/3 авг. за № 573 Гирс снова сообщал: «Вообще считаю несвоевременным говорить о Зохабе, дабы Англия не поспешила пообещать в этой области уступки туркам в обмен на status quo Мохаммеры».

[2] В тел. от 8 авг./26 июля за № 1506 Нератов сообщал: «Персидский посланник, по поручению своего правительства, просит изготовить и доставить в Энзели в двухмесячный срок 6 000 винтовок и 6 000 000 патронов. Стоимость этого заказа, которую правительство обещает внести немедленно, составит в общем около 452 000 рублей и поглотит, следовательно, почти весь аванс, выдаваемый ныне Персии нами и англичанами. Известно ли вам об этом, для какой цели нужно это оружие и предусмотрен ли расход этот бюджетами?».

[3] Тел. от 17/4 авг. за № 1563 Клемм просил Поклевского ускорить ответ относительно ружей и патронов для перс. прав-ва ввиду настойчивого ходатайства Исаак-хана.

и после этого обоим правительствам придется решить вопрос, следует ли сейчас же снабдить здешнее правительство нужными для образования этой армии деньгами и оружием в кредит [1].

Поклевский.

№ 513. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенным в делах в Париже и Лондоне — Севастопуло и Эттеру.

Телеграмма № 1576 [2]. 20/7 августа 1912 г.

Российский посол в Константинополе, настаивая перед Портой на скорейшей ликвидации пограничных с Черногорией вопросов [3], высказал мнение, что Турции надлежит именно ныне воспользоваться переговорами своими с албанцами, чтобы включить в число условий обязательство с их стороны не противиться исполнению состоявшегося [11 июня] 29 мая соглашения Турции с Черногорией о разграничении, не приведенного еще в исполнение вследствие опасения турок осложнить положение ввиду наступившей албанской смуты.

Вполне разделяя мнение гофмейстера Гирса, мы желали бы знать, не находили ли бы французское и великобританское правительства полезным поддержать оное со своей стороны чрез своих представителей в Константинополе. Такой образ действий служил бы косвенным ответом на обращенный Черногорией к державам меморандум о вмешательстве в пограничный вопрос [4].

О последующем благоволите телеграфировать [5].

[Нератов.]

№ 514. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому.

Телеграмма № 1579. 20/7 августа 1912 г.

Китайские займы.

№№ 689 [6] и 693 получены [7].

Вполне одобряем данную вами вопросу о мелких займах на местные нужды постановку. Вы можете открыто высказываться против заключения финансовыми группами Консорциума таких займов, как несвоевременных

---

[1] Тел. от 29/16 авг. за № 1672 Сазонов сообщил Поклевскому о сделанном Исаак-хану заявлении, что росс. прав-во считает «преждевременным обсуждать вопрос об отпуске Персии ружей и патронов».

[2] Маш. копия. Нота росс. пос-ва в Париже франц. м-ру ин. дел, составленная на основании этой тел., опубликована в Doc. Dipl., 3-me série, t. III, p. 379, N 305.

[3] См. № 490.

[4] См. № 446. В тел. от 20/7 авг. за № 1577 Нератов передал А. Гирсу содержание публикуемого документа и сообщил, что заявления М. Гирса турец. м-ру ин. дел, изложенные в его тел. за № 579 (см. № 490), «являются, по нашему мнению, достаточным ответом на ходатайство, заключавшееся в полученной нами вчера черногорской ноте».

[5] Тел. от 21/8 авг. за № 213 Эттер сообщил Нератову, что Марлингу поручено сговориться с М. Гирсом «относительно возможной с его стороны поддержки в деле ликвидации пограничных вопросов». Далее Эттер сообщал, что последние сведения о турец.-черног. столкновениях по обе стороны границы побудили лондонский кабинет вновь выступить с соответствующими представлениями в Цетинье и К-поле, и Грей надеется, что росс. прав-во преподаст такие же советы в Цетинье.

Тел. от 23/10 авг. за № 154 Севастопуло передал ответ Пуанкаре на публикуемую тел. и на тел. Нератова № 1564 (см. № 495). Пуанкаре соглашался с мнением Нератова «о желательности сокращения уступок албанцам», но «по делу о черногорской границе он боится, что настаивание перед Портой в этом отношении может побудить ее к чрезвычайным уступкам албанцам, чтобы добиться требуемого от них согласия».

[6] См. № 448.

[7] См. ч. I, стр. 439, прим. 2.

и препятствующих достижению поставленной при образовании Консорциума основной цели установления иностранного контроля над расходованием китайским правительством получаемых путем займов сумм. В случае заключения местного займа русской фирмой — можете отказать ему в утверждении.

Имейте, однако, в виду, что мы не отказываемся от принципиального права заключать местные займы в областях нашего преимущественного влияния, хотя не имеем в виду ныне же осуществлять это право, но считаем излишним подчеркивать перед другими участниками Консорциума наш взгляд на этот последний вопрос.

Нератов.

№ 515. Временно управляющий министерством иностранных дел помощнику наместника на Кавказе Шатилову.

Письмо № 926[1]. 20/7 августа 1912 г.
Секретно.

М. г. Николай Павлович,

В секретной телеграмме от [1 августа] 19 минувшего июля за № 1309[2], в коей вашему высокопревосходительству угодно было передать мне содержание телеграммы на имя наместника его императорского величества на Кавказе от жителей города Тавриза, ходатайствовавших об оставлении азербайджанским генерал-губернатором Шоджа-эд-Доуле и о недопущении назначения на эту должность Сепехдара, вы изволили, со своей стороны, поддержать означенное ходатайство.

Вполне разделяя ваше мнение относительно первого из этих персидских сановников, который со времени вступления в управление Азербайджаном был нам весьма полезен и выказал себя усердным нашим сторонником, я должен, однако, заметить, что закрепление за ним должности генерал-губернатора этой провинции представлялось в настоящее время, к сожалению, невозможным.

Как известно вашему высокопревосходительству, Шоджа-эд-Доуле еще сравнительно недавно был одним из главных сторонников бывшего шаха Мохамеда-Али и противником настоящего персидского правительства и, в бытность еще таковым, он самовольно завладел генерал-губернаторством. Хотя вслед за тем он и подчинился добровольно правительству, тем не менее тегеранский кабинет не решился утвердить его в захваченной должности, так как это не замедлило бы подорвать престиж правительства и могло бы явиться весьма опасным прецедентом. Независимо от этого, шахское правительство в то время нуждалось в подходящей должности для Сепехдара, дальнейшее пребывание которого в Тегеране представлялось по многим причинам нежелательным, причем единственным выходом являлось назначение его на высокий пост правителя Азербайджана.

В силу представленных нам тегеранским кабинетом веских соображений мы изъявили согласие на назначение Сепехдара в Тавриз, выговорив при этом для Шоджа-эд-Доуле подходящую компенсацию в виде предоставления ему губернаторства в Мараге и некоторых смежных округах, а равно весьма желательное нам учреждение в Тавризе отдела шахской казачьей бригады[3].

---

[1] На полях помета: «Сообщить копию председателю совета министров для сведения и военному министру».

[2] Тел. от 1 авг./19 июля за № 1309 Шатилов передал Нератову текст тел., посланной на имя наместника на Кавказе духовенством, чиновничеством и купечеством Таврива «с мольбой» к росс. прав-ву «поддержать Шоджа-эд-Доуле в качестве генерал-губернатора Азербайджана». Со своей стороны, Шатилов указывал, что Сепехдар, «связанный отношениями с революционными элементами, не будет в состоянии поддерживать надлежащий порядок в Тавризе и несомненно будет покровительствовать фидаям и нашим беглым преступникам».

[3] См. № 329.

Само собой разумеется, что Шоджа-эд-Доуле за оказанные им нам услуги будет и впредь иметь право на особое наше покровительство и что с нашей стороны будут приняты все зависящие меры к ограждению его от каких-либо притеснений, доколе он будет вести себя корректно по отношению к шахскому правительству.

Что касается Сепехдара, то распространяемые о нем неблагоприятные сведения, судя по отзывам нашего посланника в Тегеране, лишены всякого основания [1]. О нем судят по старой памяти, как о бывшем начальнике гилянских фидаев, совершивших движение на Тегеран с целью низложения Мохамед-Али-шаха, забывая при этом, что Сепехдар в значительной степени лишь по принуждению принял на себя эту роль и, в сущности, никогда не был не только революционером, но и убежденным сторонником конституции. Напротив, есть много оснований полагать, что он был одним из тайных сторонников бывшего шаха во время недавней неудачной попытки последнего вернуть себе утраченный престол.

У нас нет поэтому никаких данных опасаться, чтобы этот сановник стал на сторону революционных элементов в Тавризе, как на то указывают приверженцы Шоджа-эд-Доуле, и мы, напротив, можем надеяться, что он не менее усердно будет бороться против фидаев и разных других беспокойных элементов, чем его временный заместитель, и не менее ревностно будет стремиться заслужить наше благоволение.

Распространению неблагоприятных сведений о Сепехдаре в значительной мере способствовал, повидимому, сам Шоджа. Но когда последний убедился в бесцельности этой тактики, он примирился с положением и, как вам, без сомнения, уже известно, согласился даже остаться в Тавризе в качестве помощника Сепехдара по управлению Азербайджаном [2].

Такой исход этого дела представляется с нашей точки зрения наиболее благоприятным, и потому в настоящее время едва ли требуется какое-либо вмешательство в него с нашей стороны. Само собой разумеется, однако, что если бы надежды, возлагаемые на Сепехдара, не оправдались и он стал бы вести нежелательную нам политику, то мы не замедлим принять решительные меры к его устранению [3].

Сообщая об изложенном для вашего сведения, пользуюсь случаем и пр.

[Нератов.]

№ 516. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма [4]. **20/7 августа 1912 г.**

Здешний турецкий посол, по поручению своего правительства, обратился к статс-секретарю по иностранным делам с просьбой спешного воздействия

[1] См. № 251 и ч. I, стр. 264, прим. 3. В деп. от 22/9 авг. за № 41 Поклевский писал Нератову, что Сепехдар, «несмотря на окружавших его демократов, фидаев и революционеров, сумел установить самые дружеские отношения с императорской миссией. Своим трезвым умом он быстро постиг полную недостижимость при современном состоянии Персии тех идеалов, ради которых он встал во главе освободительного движения». Далее Поклевский писал, что Сепехдар «искренне убедился, что единственное спасение Персии заключается в поддержке ее Россией и что нынешняя форма правления не только не лучше прежней, но прямо губительна для его родины».

[2] См. ч. I, стр. 403, прим. 3.

[3] Тел. от 24/11 авг. за № 442 Преображенский сообщал о своем свидании с Сепехдаром в Неметабаде, «где он пока проживает гостем у Шоджа-эд-Доуле». Сепехдар, по словам Преображенского, сказал ему, что «принял пост правителя лишь только по настоянию императорского правительства и что потому во всех отношениях будет советоваться с генеральным консульством и руководствоваться его указаниями. Между ним и Шоджа-эд-Доуле состоялось полное соглашение».

[4] Номер отсутствует.

в Цетинье ввиду вчерашнего нападения и занятия черногорцами Беран [1]. Статс-секретарь ответил, что готов воздействовать в Цетинье, если на то согласны и другие державы. Он дал сегодня германскому посланнику в Черногории указания, не беря на себя инициативы присоединиться к своим коллегам, если хотя бы большинство из них оказались уполномоченными преподать Черногории серьезные советы благоразумия и немедленного прекращения нарушений пограничной черты. Об этом данном им германскому представителю указании статс-секретарь просил меня поставить ваше превосходительство в известность.

Броневский.

№ 517. Военный агент в Болгарии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 106. **20/7 августа 1912 г.**
Секретно.

Как я уже донес телеграммой № 105 [2], настроение болгарского офицерства и общества довольно воинственное.

[13 августа] 31 июля, в день моего возвращения в Софию, здесь состоялся грандиозный митинг с целью протеста против событий в Кочанике [3]. Результатом этого митинга явилась напечатанная в газетах резолюция, в которой к правительству предъявлено требование энергично реагировать на избиение болгар в Македонии, причем в заключение указывается, что все действия царя и правительства, предпринятые для облегчения участи Македонии, встретят полную поддержку всего болгарского народа.

Такого же рода митинги состоялись по всей Болгарии, но резолюции их несравненно воинственнее.

Тем не менее пока правительство сохраняет полное спокойствие, а на торжествах в Тырнове [4] все речи царя носили подчеркнуто мирный характер.

Однако можно опасаться, что дальнейшие выступления македонских революционеров и повторение инцидентов вроде кочаникского, а также столкновения пограничных частей могут вывести Болгарию из состояния равновесия и привести к войне с Турцией.

Сведения о деятельности проживающих в Софии македонцев, представленные мной при рапорте № 102, проверены мной на месте и оказались вполне точными [5].

Из вполне достоверного источника мне удалось выяснить, что в Софии в последнее время вербуются добровольцы для македонских чет; формирует эти четы запасный подполковник Протогеров, македонец по происхождению, принимавший уже участие в македонском революционном движении. Одна из таких чет на-днях перешла в Турцию и в близком будущем можно ожидать повторения взрывов вроде кочаникского.

---

[1] Ср. № 509 и прим. к нему.

[2] Указанная тел. в делах Воен.-Истор. Арх. не обнаружена.

[3] См. №№ 455 и 499.

[4] Празднование 25-летнего юбилея царствования короля Фердинанда состоялось в Тырнове 15/2 авг.

[5] При рапорте от 8 авг./26 июля за № 102 Романовский передавал сведения «негласного агента» в Софии от 13 июля/30 июня, в которых указывалось, что депутация македонско-одринской организации явилась к болг. воен. м-ру ген. Никифорову с сообщением, что она располагает стотысячной армией, готовой вступить в бой с турками, но не имеет достаточно оружия; что македонский комитет решил, воспользовавшись итало-турец. войной, поднять восстание в Македонии, и поэтому депутация просит отпустить оружие и боевые припасы. Никифоров, сообщалось далее, предложил депутации отложить это решение, так как болг. прав-во хотя и готовится воевать с Турцией, но ведет переговоры с соседними державами, и македонское восстание может помешать его планам; по окончании же этих переговоров Болгария объявит войну Турции и тогда выдаст македонскому комитету нужное вооружение.

По тем же сведениям, македонский комитет решил энергично продолжать свою деятельность, дабы вызвать вмешательство Европы или втянуть Болгарию в войну [1].

Болгарское правительство пока не поддерживает македонские революционные организации, и они действуют на свой страх; воспрепятствовать переходу чет через границу крайне трудно не только из-за растянутости последней, но главным образом благодаря наличию в пограничных частях значительного числа офицеров-македонцев, сочувствующих четникам.

В последние дни общественное мнение и пресса сильно встревожены событиями в Албании и особенно захватом Ускюба [2]. Болгары опасаются, что турки способствуют распространению албанцев к востоку — вплоть до р. Вардара, дабы ослабить этим славянский элемент и лишить его права голоса.

С другой стороны, по мнению прессы, за спиной албанцев стоит Австрия, для которой автономная Албания до реки Вардар явится первым этапом на пути к Салоникам. По тщательно проверенным мной сведениям, до настоящего времени все мероприятия военного министерства носят характер простой предосторожности и выражаются в следующем: проверены мобилизационные планы и реквизиционные списки, всем запасным вручены призывные карточки и, наконец, усилены огнестрельные склады и запасы патронов в пограничных частях; других мероприятий, указывающих на подготовку к войне, нет.

С [18] 5 по [28] 15 сентября под Шумлой состоятся крепостные маневры, которые предполагались еще в прошлом году, но были отменены по финансовым соображениям.

Полковник Романовский.

№ 518. Поверенный в делах в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 108 [3]. 20/7 августа 1912 г.

Обращение Берхтольда к державам [4].

Министр иностранных дел считает выступление Австрии, поскольку оно касается децентрализации власти Турции, продолжением политики Эренталя, стремившегося создать автономную Албанию из вилайетов Косовского, Монастырского, Янинского и Скутарийского, которые тяготеют к четырем прилегающим к ним государствам. Поэтому последние не могут сочувственно встретить весть о предложении Берхтольда, которое направлено против их интересов в Албании и вряд ли способно служить делу успокоения. В изложенном смысле министр иностранных дел высказался перед австро-

---

[1] Тел. от 20/7 авг. за № 95 Неклюдов также сообщал Нератову: «По сообщению агента нашей полиции, сведения которого касательно македонского движения оказывались зачастую правильными», македонские организации, во главе которых стоит подполковник запаса болгарской армии македонец Протогеров, «намерены в ближайшем будущем совершить в провокационных целях ряд покушений, между прочим на иностранные консульства в Македонии».

[2] См. № 502. Тел. от 20/7 авг. за № 599 М. Гирс передал Нератову следующую тел. Калмыкова: «Албанцы ожидают получить оружие, потому и покидают город [Ускюб]. Спокойствие восстановлено».

В донесении от 21/8 авг. за № 317 Калмыков, сообщая в первый департамент, что албанцы 20/7 авг. покинули Ускюб, писал следующее: «Уход албанцев вызвали причины физические: трудность пропитания в Ускюбе и опасность столкновения с сильным турецким гарнизоном, и моральные: желание сохранить национальное единство с Турцией и опасность политического положения (возможность войны с Болгарией и Черногорией, и вмешательства Австрии)».

[3] Опубл. Siebert, II, S. 438, N 670.

[4] См. № 485.

венгерским поверенным в делах Пфлюгелем. Иованович надеется установить единство взглядов с болгарским правительством. Ходатайствую об инструкции вашего высокопревосходительства для руководства при запросах министра об отношении императорского правительства к вопросу. Ограничиваюсь пока общими указаниями на незыблемость покровительства России славянам вообще и на точную осведомленность императорского правительства о близких ему интересах и нуждах Сербии. Печать и общественное мнение выражают полное недоверие заявленным, якобы, беспристрастным намерениям Австрии, которая нынешним выступлением лишний раз доказывает свою заинтересованность в поддержании смуты на Балканах [1].

Штрандтман.

№ 519. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 126. 20/7 августа 1912 г.

Продолжение моей телеграммы № 125, отправленной вчера [2].

Беранское дело вызвало здесь министерский кризис: кабинет подал в отставку, которую король доселе не принял. Не касаясь вопроса о том, по инициативе самого короля или его министров сделаны были все военные приготовления к выступлению против турок, не могу не усмотреть в этом кризисе несколько успокоительный симптом. По местным условиям полагал бы весьма желательным воспользоваться такой обстановкой для умеряющих воздействий на турок, сообщение коих о движении к Беранам Джавида-паши с войсками [3] усилило тревожное возбуждение [4].

Гирс.

№ 520. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 593. 20/7 августа 1912 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1565 [5].

Выступление Берхтольда произвело здесь неблагоприятное впечатление. По отзыву министра иностранных дел, Австрия предлагает поощрить Порту в продолжении политики децентрализации, которой Порта никогда и не намеревалась следовать. По мнению великого визиря, цель Австрии—побудить албанцев требовать автономию, которой они не просили. Паллавичини еще не объяснялся здесь с министром по поводу австрийского предложения, но о нем говорил [6] в Вене турецкому послу, ответившему, будто бы, что если венский кабинет доволен нынешним турецким правительством, то он должен воздержаться от каких-либо одобрительных шагов в Констан-

---

[1] Ответной тел. от 22/9 авг. за № 1602 Нератов сообщил Штрандтману: «Вполне одобряем делаемые вами сербскому правительству указания на заботы России о славянах в связи с выступлением Австрии по албанскому вопросу. Имейте в виду, что о какой бы то ни было автономной Албании нет речи, и Порта согласна лишь удовлетворить албанские требования культурно-экономического характера».

[2] См. стр. 49, прим. 2.

[3] См. № 509.

[4] В частном письме от 25/12 авг. А. Гирс писал Нератову, что поводом к министерскому кризису послужил отказ короля исполнить требование министров «вооруженной рукой снести всякие турецкие укрепления вдоль черногорской границы», если в известный срок не будет получен ответ держав по вопросу об урегулировании границы (см. № 446). Далее Гирс сообщал, что король отказался принять отставку кабинета и «в письменной мотивировке своего отказа заявил, что Черногория ничего не предпримет, пока не получит ожидаемого ею ответа держав на свое ходатайство».

[5] См. стр. 38, прим. 2.

[6] Так в оригинале. Повидимому, следует читать: «говорили».

тинополе, могущих только поколебать положение правительства в Турции. Ответ этот был одобрен Портой, опасающейся всяких выступлений здесь европейских держав. Продолжаю думать, что преждевременное шумное оглашение австрийского шага повредило делу. При этих условиях всякое общее выступление держав в Константинополе в смысле австрийского предложения пока несвоевременно.

Продолжение следует [1].

Гирс.

№ 521. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 72. 20/7 августа 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В дополнение к донесению моему от [6 августа] 24 минувшего июля за № 65 [2], имею честь уведомить ваше превосходительство, что, как я узнал из достоверного источника, бывшему послу Соединенных Штатов при высочайшем дворе, ныне послу в Константинополе г. Рокхиллю, известному знатоку Китая, был предложен китайским правительством пост советника при президенте по дипломатической части. Против ожидания, г. Рокхилль выразил принципиальное согласие принять сделанное ему предложение, но поставил при этом условием, чтобы китайское правительство действительно пользовалось его советами и указаниями, и заявил, что он ни в коем случае не согласится играть ту показную лишь роль, которая не так давно выпала на долю сэра Уолтера Хиллиера [3]. Насколько мне известно, китайское правительство не дало еще никакого ответа г. Рокхиллю по поводу поставленных последним условий. Если, однако, требования его будут признаны приемлемыми и он будет назначен дипломатическим советником при президенте, то, несомненно, его умение и опытность, а также его авторитет в европейской и американской печати будут главным образом использованы для противодействия укреплению влияния России и Японии в сферах интересов обеих этих держав.

Секретной телеграммой от [16] 3 сего августа за № 708 [4] я имел уже честь

[1] 20/7 авг. за № 595 М. Гирс телеграфировал Нератову: «По доверительным объяснениям Паллавичини, австрийское выступление вызвано будто бы желанием найти удобный случай вновь произвести давление на балканские государства. Не сомневаюсь, что его вызвало, главным образом, желание содействовать образованию автономной Албании». На этой тел. против слов: «Не сомневаюсь... автономной Албании» имеется помета Николая II: «Вероятно». Петергоф, 22/9 августа 1912 г.

[2] В деп. от 6 авг./24 июля за № 65 В. Крупенский сообщал, что кит. прав-вом приглашен «на 5 лет советником по политическим делам при президенте» корреспондент газеты «Times» д-р Моррисон, в течение долгого времени живший в Китае. Крупенский высказывал предположение, что «его советами собираются главным образом пользоваться по отношению к различным окраинам Китая», и полагал, что это «должно было бы считаться скорее мало благоприятным для наших интересов в Манчжурии, Монголии и Западном Китае». По мнению Крупенского, «главной причиной, побудившей Юань Ши-кая заручиться услугами г. Моррисона, было, скорее всего, соображение о возможности таким путем воздействовать в желательном для него смысле на европейское общественное мнение». Далее Крупенский сообщал, что, по его сведениям, кит. прав-вом «окончательно решено приглашение еще целого ряда других иностранных советников». По мнению Крупенского, «самый факт нахождения их на китайской службе будет использован пекинским правительством, в случае надобности, как основание для отклонения возможных требований держав о передаче в заведывание указываемых ими лиц тех или иных отраслей управления для введения в них необходимых преобразований».

[3] Уолтер Хиллиер, б. англ. ген. консул в Корее, был в 1901 г. прикомандирован к англ. миссии в Пекине в качестве политического агента по кит. делам; он исполнял обязанности первого секретаря по дипломатической части при кит. прав-ве.

[4] В оригинале, повидимому, ошибка, так как указанная тел. касается монгольского вопроса (см. стр. 46, прим. 1).

донести об упорно держащемся здесь слухе о предполагаемом назначении германского подданного доктора Хемелинга, секретаря для китайской переписки при главном управлении китайских морских таможен, советником китайского правительства по делам соляной монополии. Если назначение это действительно состоится, то это будет верным доказательством желания Китая лишь для виду назначить на этот пост иностранца, не предоставляя ему ни малейшей доли самостоятельности и влияния. Дело в том, что г. Хемелинг, хотя и считается хорошим знатоком китайского языка, пользуется здесь столь установившейся репутацией крайне тупого и ограниченного, чтобы не сказать более, человека, что ни о какой деятельной роли его в реорганизации соляной монополии и речи быть не может.

Столь же показной характер должны, по моему мнению, иметь и другие два назначения иностранных советников, о которых за последнее время здесь усиленно говорят, а именно — австрийского подданного Фишера, члена торгового дома Фишер и К⁰ в Тяньцзине, при министерстве торговли и промышленности, и русского подданного, старшего преподавателя здешней русско-китайской школы, с. с. Брандта при министерстве народного просвещения.

Последние три назначения могут объясниться также отчасти желанием Юань Ши-кая показать, будто он соблюдает равновесие между великими державами при приглашении их подданных советниками китайского правительства, и тем избежать возможных со стороны той или другой из них претензий и выражения неудовольствия.

При этом, однако, китайцы стараются избегать всякого участия иностранных миссий в деле приглашения советников и намерены заключать контракты непосредственно с последними, дабы тем предотвратить по мере возможности какое-либо официальное вмешательство в будущем со стороны иностранных представителей в эти вопросы.

Что касается назначения с. с. Брандта, то я уже имел честь представить вашему превосходительству мои соображения по этому поводу в секретной телеграмме моей от [13 августа] 31 минувшего июля за № 690 [1]. Самому г. Брандту, пытавшемуся побудить меня высказаться перед китайцами в том смысле, что его назначение было бы для нас приятно, я ответил, что без прямых на то указаний императорского правительства никакой инициативы в этом деле я принимать на себя не считаю возможным [2].

Судя по последним известиям, американский профессор Дженкс поставил условием своего поступления на китайскую службу назначение ему столь высокого оклада содержания, что начатые с ним переговоры не приведут, вероятно, ни к какому результату.

Примите и пр.

В. Крупенский.

---

[1] В тел. от 13 авг./31 июля за № 690 В. Крупенский сообщал, что он не усматривает «никакой пользы для наших интересов от предположенного назначения Брандта. Если бы императорским правительством было признано желательным, чтобы среди других иностранцев на китайской службе был бы и русский советник, — продолжал Крупенский, — то мне казалось бы предпочтительным постараться провести более энергичное лицо и по другому, имеющему большее значение, ведомству. Затруднение, однако, состояло бы в подыскании подходящего и приемлемого для китайцев кандидата. Я мог бы указать лишь на Коновалова по финансовым вопросам».

[2] В ответной тел. от 22/9 авг. за № 1600 Нератов признавал бесполезность назначения Брандта и указывал, что «назначение Коновалова мы готовы приветствовать, если он будет назначен советником в одном из имеющих действительное значение ведомств, например, финансов или по заведыванию соляным налогом». В деп. от 3 сент./21 авг. за № 77 Крупенский сообщил, что в этом смысле он высказался перед лицами, близко стоящими к Юань Ши-каю и Лу Чжен-сяну, прося довести до сведения последних точку зрения росс. прав-ва.

№ 522. Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II.

*/. 21/8 августа 1912 г.

Повергая у сего на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение секретную телеграмму российского посла в Риме от [18] 5 сего августа, за № 86 [1], касательно возобновления переговоров о мире между итальянскими и турецкими уполномоченными в Швейцарии, приемлю смелость доложить, что посетивший меня вчера итальянский поверенный в делах в С.-Петербурге сообщил мне о том же доверительным образом, по поручению своего правительства, причем прибавил, что в зависимости, повидимому, от хода переговоров этих явится возможность посылки турецкой миссии в Триполитанию для переговоров с арабами в видах прекращения военных действий [2].

Нератов.

№ 523. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Лондоне Эттеру.

Телеграмма № 1591 [3]. 21/8 августа 1912 г.

В газете «Écho de Paris» 12 августа [нов. ст.] сообщено было о состоявшемся в Брюсселе соглашении между Линчем и Deutsche Bank относительно учреждения на Тигре и Евфрате компании под именем «Общества речных транспортов на Востоке» для перевозки материалов и рабочих для постройки Багдадской дороги, а равно и частных грузов [4]. К компании этой имеется в виду привлечь и турецкое пароходное общество.

Благоволите проверить это известие и по возможности выяснить цель этого предприятия, которое явилось бы первым англо-германским [5].

Нератов.

№ 524. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Цетинье А. Гирсу.

*/. Телеграмма № 1596 [6]. 21/8 августа 1912 г.

Сообщается в Константинополь и Вену.

Получил вашу телеграмму № 125 [7].

Ссылаюсь на телеграмму из Буюкдере № 590 [8].

По поводу беранского инцидента Турхан-паша в беседе со мной также

---

[1] См. № 498.

[2] См. № 477. Тел. от 22/9 авг. за № 88 А. Крупенский передал полученное франц. представителем в Риме сообщение из К-поля, что турец. прав-во пошлет миссию в Триполитанию лишь в том случае, если начатые в Швейцарии переговоры «приведут к результату».

[3] Опубл. Siebert, II, S. 440, N 672.

[4] В тел. от 13 авг./31 июля за № 144 Севастопуло сообщил, что в «Écho de Paris» появилась указанная статья, которую он посылает в Петербург (ср. № 476).

В тел. от 14/1 авг. за № 145 (опубл. М., стр. 242) Севастопуло указывал, что Н. Рафалович придает очень большое значение известию «об учреждении нового общества, если только это известие окажется верным. Это показывает, по его мнению, что Багдадское общество решило начать постройку от Багдада и вести линию на Садидже с веткой на Ханекен с целью побудить нас к постройке линии Ханекен — Тегеран». Севастопуло добавлял, что из статьи неясно, «признано ли новое общество турецким правительством. Если признание еще не обещано прежним правительством, то неизвестно, как отнесется к этому делу нынешний кабинет».

[5] Публикуемая тел. была передана Сазоновым в К-поль 26/13 авг. за № 1643.

[6] Лит. копия.

[7] См. стр. 49, прим. 2.

[8] См. № 509.

просил о давлении на Черногорию в целях отозвания ее войск с турецкой территории во избежание дальнейших столкновений, могущих повести к крайне опасным последствиям, тем более что, по турецким сведениям, в Черногории начата мобилизация.

Вам надлежит самым энергичным образом воздействовать с этой целью на правительство и самого короля, указав на тяжелую ответственность, которую они приняли бы на себя усвоением непримиримого образа действий.

Мы не встречали бы при этом возражений против того, чтобы вы действовали параллельно с австрийским или другими посланниками. Нельзя, кроме того, терять из виду вероятность примирения Порты с албанцами, требования которых она согласилась удовлетворить, в каковом случае Черногория оказалась бы лицом к лицу с Турцией и, может быть, даже албанцами, и лишенной чьей бы то ни было поддержки.

Нератов.

№ 525. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

⁄. Телеграмма № 1597[1]. 21/8 августа 1912 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

Турхан-паша сообщил мне, что Порта решила удовлетворить почти все требования албанцев[2], распространив даруемые привилегии на вилайеты Скутари, Янины, Косово и Битоли.

На мой вопрос, получит ли те же права также и неалбанское население четырех вилайетов, посол ответил, что не может допустить иного толкования, добавив, что население это и раньше уже пользовалось в школьном, например, вопросе правами, даруемыми теперь албанцам.

Обратив внимание посла на то, что я далек от мысли вмешиваться во внутренние дела Турции, я высказал ему в дальнейшей беседе, принявшей совершенно частный и дружеский характер, что для общего успокоения в интересах самой Турции было бы существенно важно, чтобы высказанная послом мысль действительно была осуществлена и реформы были введены для всех без различия национальностей.

Турхан-паша выразил намерение телеграфировать в этом смысле своему правительству.

[Нератов.]

№ 526. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма[3]. 21/8 августа 1912 г.

Получил телеграмму от [18] 5 августа[4].

Боллати считает самым важным в инициативе Австрии отмеченный вами и удививший его факт, что венский кабинет стоит на почве соглашения 1910 г., т. е. сохранение status quo на принципах «мирного» развития. Соглашаясь в принципе на предложение Австрии или, вернее, на вторую часть его, так как первая не касается Италии, итальянское правительство считает, однако, точно так же, как и мы, бесполезными и даже опасными предложенные Австрией выступления в балканских столицах. При этом Боллати склонен думать, что австрийская инициатива останется мертвой буквой.

[1] Опубл. М., стр. 252.
[2] См. стр. 79, прим. 4.
[3] Номер отсутствует. Опубл. Siebert, II, S. 439, N 671.
[4] См. № 496.

Посетившие меня сегодня представители балканских государств сказали мне, что их правительства весьма встревожены австрийской инициативой. Я старался их успокоить, возразив им, что императорское правительство, рассчитывая на благоразумие балканских кабинетов, едва ли возобновит теперь преподанные им уже неоднократно советы. По словам болгарского посланника, в случае отказа Турции ввести теперь же в Македонии серьезные реформы и назначить христианского губернатора, болгарское правительство будет вынуждено, под угрозой неминуемой революции, объявить войну Турции.

Крупенский.

№ 527. Военный агент в Болгарии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 108.

21/8 августа 1912 г.
Весьма секретно.

Во время моего пребывания в России здесь была окончательно выработана и подписана военная конвенция между Болгарией и Сербией, разработанная совместно генералами Фичевым и Путником [1].

В течение августа месяца близ Кюстендиля должно состояться свидание между генералом Фичевым и начальником сербского генерального штаба.

Текст конвенции рассчитываю сообщить со следующим курьером.

Недавно также подписаны соглашение и военная конвенция между Болгарией и Грецией [2]. Соглашение это преследует цель сохранения status quo и охрану интересов и прав обеих народностей.

Генерал Фичев сообщил мне, что хотя рассчитывать на наступательную способность греческой армии особенно не приходится, но, во всяком случае, она оттянет на себя значительные силы турок и этим облегчит действия болгарской и сербской армий.

Полковник Романовский.

№ 528. Поверенный в делах в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо.

21/8 августа 1912 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Под влиянием развертывающихся в Албании событий эллинское правительство опять начинает выказывать некоторую нервность. Более спокойное отношение министра иностранных дел к действиям албанцев в Эпире, отмеченное мной в предыдущем моем донесении [3], снова сменилось обостренным; подобное же тревожное настроение охватило и местную печать.

Не менее последней встревожены и здешние сербский и болгарский посланники. Они имели на-днях долгое совещание с г. Коромиласом, и, хотя точное содержание переговоров их и осталось мне неизвестным, не трудно предположить, что разговор касался общего плана действий этих трех задетых в своих интересах балканских государств в том случае, если оттоманское правительство не сумеет положить предел албанскому засилию. Из бесед, которые я почти ежедневно веду со сказанными посланниками — гг. Хаджи-Мишевым и Божковичем, я усматриваю, что они не вполне уверены в твердом желании турецкого кабинета прибегнуть к достаточно энергичным мерам

[1] См. т. XIX, приложение к № 888.
[2] О греко-болг. договоре см. № 214. Греко-болг. военная конвенция была подписана 5 окт./22 сент. (см. стр. 266, прим. 1).
[3] См. № 482.

для подавления албанского восстания. Они полагают, что если подобные меры и будут приняты под влиянием настояния европейских держав, то проведены они будут без надлежащей последовательности и твердости. Вряд ли захотят турки вызвать междоусобную войну среди самих мусульман, да, кроме того, помощь, оказанная албанцами в деле свержения младотурок, до известной степени связывает руки нынешнему правительству, во главе которого, к тому же, стоит столь надежный друг Албании, как великий визирь Гази-Мухтар-паша. Наконец, турки вряд ли склонны отказаться от услуг этого воинственного племени и при проведении излюбленной ими политики притеснения балканских христиан. Предоставляя роль активных притеснителей албанцам, Турция не несет в столь полной мере ответственности перед державами. Оказывая тайное поощрение выступлениям албанцев, она в то же время может, для виду, посылать в качестве усмирителей солдат, которые, однако, стрелять будут в кого угодно, только не в самих албанцев.

Настоящий фазис албанского вопроса представляет для нас ту опасность, что он облегчает Австрии проникновение в облюбованные ею области. Почва для этого уже подготовлена ею в Албании, часть которой она считает под своим покровительством. В этом порядке мыслей и самое обращенное к великим державам предложение графа Берхтольда обменяться взглядами на положение дел в Турции поневоле наводит на предположение, как бы Австрия не стала предлагать свои услуги для водворения спокойствия в Албании и как бы она не воспользовалась этим для преследования собственных своих затаенных задач; если даже и наступит теперь затишье, то осуществление подобного плана в будущем может стать предметом ее постоянных забот.

Считаю, кстати, долгом уведомить ваше превосходительство, что здешний австрийский поверенный в делах возвратился третьего дня из Корфу, где провел 10 дней, несмотря на то, что кроме него в настоящее летнее время в австрийской миссии в Афинах никого нет. Не имея явного повода заключить, чтобы поездка эта связана была с определенной политической задачей, не могу тем не менее не подозревать, что, ввиду существования на упомянутом острове албанского комитета, князь Фюрстенберг вел с ним по поручению своего правительства переговоры.

Примите и пр. Кн. С. Урусов.

№ 529. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 128. 21/8 августа 1912 г.

N 1.

Ce matin le Roi m'a appelé pour me communiquer la démarche qu'avait faite auprès de lui hier au soir le Chargé d'Affaires de Grèce d'ordre de Vénizélos. Ce dernier fait part au Roi de Monténégro de la vive émotion que cause en Grèce l'ensemble de la situation en Albanie en connexion avec l'idée d'une autonomie à octroyer à cette province et avec la récente démarche du comte Berchtold [1]. Le Gouvernement grec prévoit la nécessité d'un changement d'attitude et propose au Roi Nicolas d'entrer dans un échange de vues à ce sujet. Le Roi confidentiellement m'a lu la réponse qu'il a donnée. Cette dernière conçue en termes assez vagues en substance, mais sympathiques et pompeux en forme, est une adhésion, mais sans aucun engagement et sans définition d'un but à être posé [2].

Giers.

---

[1] См. № 485.

[2] В тот же день тел. за № 129 (2) А. Гирс передал Нератову, что король Николай просил сохранить в абсолютной тайне от греч. прав-ва сделанное им сообщение.

Перевод.

№ 1.

Сегодня утром король вызвал меня, чтобы сообщить мне о демарше, предпринятом перед ним вчера вечером, по распоряжению Венизелоса, греческим поверенным в делах. Последний довел до сведения черногорского короля о сильном возбуждении, которое вызывает в Греции общее положение вещей в Албании в связи с предположением о даровании этой провинции автономии, а также в связи с недавним выступлением графа Берхтольда. Греческое правительство предвидит необходимость изменения позиции и предлагает королю Николаю вступить в обмен мнений по этому вопросу. Король прочел мне доверительно ответ, который он дал. Ответ этот, составленный в выражениях довольно туманных по существу, но сочувственных и напыщенных по форме, выражает согласие, но без всяких обязательств и без определения цели, которая должна быть поставлена.

Гирс.

№ 530. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 130. 21/8 августа 1912 г.

№ 3.

Воздержавшись от обсуждения по существу сделанного мне королем сообщения, переданного вашему превосходительству в № 1[1], я воспользовался случаем, чтобы в самой дружеской, но вместе с тем категорической форме указать его величеству на необходимость для него в данное время относиться с опаской ко всему тому, что могло бы его связать и быть может уклонить от подчинения неоднократно разъясненным ему взглядам императорского правительства и преподанным совершенно определенно советам. При этом я счел полезным в дальнейшей весьма продолжительной беседе с полной откровенностью изложить мое отрицательное отношение к образу действия черногорского правительства за самое последнее время. Аргументацию свою я завершил выражением личного мнения, что если Черногория не сойдет со столь опасного при данных обстоятельствах пути, на который она, повидимому, намерена вступить, она может поставить Россию, преследующую задачи высшего порядка, в невозможность оказать ей какую-либо поддержку, на которую, точно руководясь нашими советами, она всегда могла бы рассчитывать[2].

Гирс.

№ 531. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1605. 22/9 августа 1912 г.

Ссылаюсь на передаваемую вам телеграмму Гирса № 596[3].

Благоволите сговориться с Тоунлеем относительно соответствующего заявления шахскому правительству. Нет сомнения, что принятие объяснительной ноты было единственным средством предотвратить отказ турок от Эрзерумского трактата, который, в свою очередь, служит единственной прочной базой для отстаивания прав Персии на прочем протяжении границы. К тому же, благодаря англо-турецким переговорам, Персия, по всей

[1] См. № 529.

[2] Ответной тел. от 23/10 авг. за № 1616 Нератов сообщал А. Гирсу: «Сделанные вами королю Николаю заявления вполне одобряются». На этой тел. имеется помета Николая II: «С[огласен]». Петергоф, 24/11 августа 1912 г.

[3] В тел. от 21/8 авг. за № 596 М. Гирс сообщал: «Персидским делегатам предписано из Тегерана не признавать объяснительной ноты до дальнейших инструкций. Нота, однако, уже принята делегатами. Желательно поручить русскому и английскому посланникам в Тегеране разъяснить всю разумность и необходимость этого шага и объяснить, что оба правительства принимают действительные меры к наилучшему обеспечению персидских интересов».

вероятности, все же получит часть территории, признанной турецкой в объяснительной ноте [1].

Нератов.

№ 532. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Софии Неклюдову и поверенным в делах в Белграде и Афинах — Штрандтману и Урусову.

⁄. Телеграмма № 1608 [2]. 22/9 августа 1912 г.

Сообщается в Константинополь, Цетинье и Вену.

Мы продолжаем как в Константинополе, так и в Цетинье умиротворяющее воздействие в видах разрешения настоящего конфликта, надежды на благоприятный исход которого возрастают ввиду общей решимости держав действовать в том же смысле и сведений об отступлении черногорцев от Бераны, полученных из Константинополя.

Вам надлежит настаивать перед правительством, при коем вы аккредитованы, на необходимости воздерживаться от всякого активного вмешательства в создавшееся положение, так как таковое могло бы самым пагубным образом отозваться на судьбе страны, решившейся на подобный шаг.

Нератов.

№ 533. Поверенный в делах в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 151 [3]. 22/9 августа 1912 г.

Получил № 1566 [4].

Г. Пуанкаре, которого я встречал вчера на вокзале и у которого я был сегодня, начал беседу с того, как он тронут оказанным ему в С.-Петербурге приемом. По поводу австрийского предложения он опасается, что оно имеет в виду воздействие на Порту в целях предоставления албанцам возможно широких прав. Положение всего дела представляется ему не совсем ясным, так как он еще не имеет точных сведений ни об албанских требованиях, ни о том, на какие именно уступки соглашается Турция, о чем не имеется указаний и в телеграмме № 1597 [5], сообщенной мной министру. Пуанкаре ответил Австрии, что он готов встретиться в обмене мыслей, но что он не намерен настаивать перед Портой на даровании албанцам никаких льгот сверх тех, на какие турки сами сочтут возможным согласиться.

Отвечу завтра на №№ 1564 [6] и 1576 [7].

Севастопуло.

---

[1] Тел. от 30/17 авг. за № 703 поверенный в делах в Тегеране Саблин, заменявший уехавшего 27/14 авг. Поклевского, извещал, что в ответ на сделанное им и Тоунлеем в смысле публикуемой тел. заявление, перс. м-р ин. дел сказал, что перс. прав-во готово было бы признать объяснительную ноту, «если бы оно получило уверение, что Персии не придется пожертвовать Зохабом», так как потеря Зохаба могла бы «повлечь и потерю плодородной долины Ќеринда с втекающими в него водами, и Керманшах очутился бы в опасном положении».

[2] Лит. копия.

[3] Опубл. М., стр. 252.

[4] См. № 496.

[5] См. № 525.

[6] См. № 495.

[7] См. № 513. В дополнение к публикуемой тел. Севастопуло телеграфировал 23/10 авг. за № 153 (2), что он с Палеологом просматривал опубликованный в агентских телеграммах перечень 14-ти албанских требований, из которых 12 приняты Турцией (см. стр. 79, прим. 4). По мнению Палеолога, большинство уступок, предоставляемых Портой албанцам, «либо неприменимы к прочим христианским народностям, либо касаются прав, уже ранее им предоставленных».

Тел. от 23/10 авг. за № 156 Севастопуло сообщил, что болг. поверенный в делах в беседе с ним, говоря об опубликованных албанских привилегиях, «признал таковые для христианского населения несущественными и объяснил, впрочем неофициально, что это население заинтересовано в получении не «тех же» прав, что албанцы, а других «эквивалентных».

№ 534. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 40. 22/9 августа 1912 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

На состоявшемся во вторник[1] первом, после двухмесячного отсутствия статс-секретаря по иностранным делам, дипломатическом приеме, я обратился к нему с просьбой высказать свое мнение о предложении графа Берхтольда[2].

Г. Кидерлен, принявший меня вскоре после часовой беседы с австро-венгерским послом, сказал приблизительно следующее.

«Как я понимаю австрийское предложение после полученных разъяснений, — все сводится к тому, чтобы, с одной стороны, воспользоваться происшедшей в Константинополе переменой режима: централизация, проводившаяся младотурками, дала, надо в том сознаться, очень неблагоприятные результаты; в этом отношении политика Абдул-Гамида была более ловкой; теперь мы видим, что турецкое правительство склонно считаться с некоторыми особенностями албанского населения и, приветствуя подобное направление как залог будущего спокойствия, могли бы посоветовать туркам подобное же отношение к другим народностям Европейской Турции.

С другой стороны, не мешает одновременно внушить маленьким балканским государствам, что дело вовсе еще не идет о даровании автономии населяющим Европейскую Турцию народностям; что итти так далеко и толкать на этот путь родственные им в Македонии народности — значило бы действовать во вред этим последним и лишить их возможности получить и то немногое, на что перемена направления в Турции позволяет им надеяться. В этом смысле необходимы, следовательно, самые серьезные советы благоразумия, которые окажутся тем действительнее, чем балканским государствам будет яснее, что в подобных вопросах между державами не имеется ни малейшего разногласия.

Если бы мы действительно были накануне войны на Балканском полуострове, то предложение графа Берхтольда, конечно, не в состоянии было бы оную предотвратить; но так как положение там, хотя и осложненное, все же нельзя признать безнадежным, то есть все основания, чтобы испытать указываемый графом Берхтольдом путь».

Из всего разговора с г. Кидерленом я вынес впечатление, что он хвалит австрийское предложение скорее ex officio, без особенного убеждения и даже без особенного желания убедить, — хвалит главным образом как средство, не могущее, по его мнению, принести вреда, а от которого все же возможна и некоторая слабая доля пользы. Как большинство коллег моих, так и я склонны верить, что — хотя и союзное — германское правительство не было ранее других посвящено в планы графа Берхтольда и узнало о них одновременно с другими кабинетами 14/1 сего августа.

Доносят вашему превосходительству о вышеизложенном, в дополнение к депеше моей по тому же вопросу от 19/6 сего августа за № 39[3], прошу вас принять и пр.

А. Броневский.

P. S. Вышеприведенное мнение по поводу отношения здешнего статс-секретаря по иностранным делам к австрийскому предложению находит подтверждение еще и в следующих словах, сказанных им одному моему

[1] 20/7 августа.
[2] См. № 485.
[3] См. № 507.

коллеге в ответ на вопрос, ожидает ли он от этого шага каких-либо серьезных результатов. Г. Кидерлен на это ответил, что если бы предложение Берхтольда могло действительно иметь таковые, то венский кабинет вряд ли бы решился выступить с ним, не посоветовавшись предварительно с Берлином.

Ut in litteris [А. Броневский.]

№ 535. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 22/9 августа 1912 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

С последней экспедицией я получил с надписью «для личного сведения» литографию доверительного письма Броневского от 15/2 июля [1].

Повидимому, управляющий в то время германским министерством иностранных дел г. Циммерман имел впечатление, — *или же желал, чтобы получилось впечатление,* — будто бы в Софии состоялось «не всегда обычное совместное выступление России и Германии» для преподания советов миролюбия болгарскому правительству. Считаю долгом восстановить факты в их настоящем виде.

Как известно вашему превосходительству, в ответ на мою тревожную телеграмму от [4 июля] 21 июня, № 66 [2], я получил телеграммой же от [8 июля] 25 июня, № 1265 [3], предписание «дать понять болгарам», что возможное и ожидаемое в близком будущем замирение Турции с Италией «отняло бы всякую практическую почву выступления Болгарии и сразу изменило бы не в ее пользу теперешнюю конъюнктуру: Болгария оказалась бы один на один против Турции». Из телеграммы моей от [9 июля] 26 июня, № 68 [4], ваше превосходительство изволили усмотреть, что я, еще до получения этого предписания, основательно объяснился с г. Гешовым в вышеуказанном духе, чем и ограничилось мое воздействие. Одновременно с сим я узнал от моих коллег, французского и британского, о разговорах, которые имел по этому поводу С. Д. Сазонов с послами остальных держав Тройственного соглашения, а также и с германским канцлером. Как я имел честь доносить в весьма доверительном письме моем от [25] 12 июля [5], между мною и гг. Панафье и Барклаем было условлено, что никаких формальных представлений г. Гешову мы делать не будем, так как поведение болгарского правительства по отношению к Турции было доселе вполне корректно и так как нас обеспокоивают лишь дошедшие до нас слухи о *личных* воззрениях некоторых из членов кабинета и г. Данева.

Германский посланник был в то время в отпуску, и отсутствовал также секретарь миссии, князь Витгенштейн, а дела были поручены германскому консулу. Узнав от г. Панафье, что князь Витгенштейн накануне вернулся, я поспешил назначить ему немедленно свидание, дабы предупредить и его возможное выступление с советами благоразумия. Князь Витгенштейн прибыл ко мне часа два спустя, и я узнал от него, что за час перед тем он был уже у Гешова, но не имел случая сделать этому последнему предписанных из Берлина формальных представлений, так как болгарский министр иностранных дел сам немедленно навел разговор на разыгрывающиеся в Турции события и поспешил заверить германского поверенного в делах,

[1] См. № 297.
[2] См. № 267.
[3] См. № 278.
[4] Лит. копия упомянутой тел. датирована 10 июля/27 июня (см. № 283).
[5] См. № 359.

что болгарское правительство продолжает относиться к этим событиям с полной осторожностью и корректностью; князю Витгенштейну оставалось только одобрить это поведение Болгарии, что он и поспешил сделать. Я выразил князю, что очень рад подобному обороту его разговора с Гешовым, и повторил ему то, что я думал (и продолжаю думать) о неуместности каких-либо формальных представлений г. Гешову, доказавшему неоднократно и продолжающему доказывать искреннее миролюбие и должную осмотрительность.

Небезынтересно сопоставить все вышеизложенное с доверительным сведением, сообщенным мне на-днях г. Гешовым: вернувшись из-за границы к своему юбилею [1], король Фердинанд рассказал Гешову, что до него дошел слух, будто бы на свидании в Балтийском Порте с немецкой стороны сделана была попытка навести нас на мысль о необходимости предпринять что-либо для удовлетворения справедливых вожделений Болгарии, но будто бы *мы* решительно отклонили эти намеки, противопоставив им твердое намерение охранять во что бы то ни стало status quo. Король Фердинанд, по словам Гешова, не особенно доверяет этому сведению, но желал бы проверить оное через меня. Я ответил, что не имею решительно никакого понятия о том, какие разговоры велись в Балтийском Порте, но что я все-таки убежден в абсолютной неправдоподобности переданного его величеству слуха.

Примите и пр. Неклюдов.

№ 536. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 605. 22/9 августа 1912 г.

Получил № 601 [2].

Я передал сегодня министру иностранных дел ноту касательно северного участка турецко-персидской границы, указав на необходимость обратить на ноту самое серьезное внимание, и, изложив вкратце обстоятельства, побуждающие нас ныне настаивать на восстановлении status quo 1848 г. на севере, я предупредил министра, что (копия) с этой ноты будет передана вашим превосходительством Турхан-паше [3]. «Мне известны, — сказал я ему доверительно, — предложения Англии на южной границе, и я получил приказание поддержать их, точно так же как ей известно настоящее наше выступление. Оно вдохновлено необходимостью защитить серьезные наши интересы, а не желанием нанести вред Турции. Мы всегда готовы и в этом вопросе в пределах возможного поддержать интересы последней, когда они основаны на законной почве. Мы дали тому доказательство еще на-днях, преподав совет Персии признать объяснительную ноту» [4]. Министр просил меня дать ему возможность ознакомиться с нашей нотой, и лишь тогда он даст мне ответ. Беседа наша носила серьезный, но дружеский характер. Весьма желательно, чтобы Турция отдала себе отчет с самого начала, что мы действуем заодно с Англией [5]. Ни на какие

---

[1] Король Фердинанд вернулся в Софию 10 авг./28 июля (см. стр. 56, прим. 4).

[2] В оригинале ошибка. Повидимому, следует читать: «Ссылаюсь на № 601». В тел. от 21/8 авг. за № 601 М. Гирс сообщал, что на следующий день он передаст турец. м-ру ин. дел ноту, которая (как он указывал в своей деп. от 12 авг./30 июля за № 41) касалась «необходимости проведения турецко-персидского разграничения на основе status quo 1848 г.».

[3] Об этом Нератов сообщал М. Гирсу тел. от 19/6 авг. за № 1574.

[4] См. № 531.

[5] Тел. от 27/14 авг. за № 626 М. Гирс сообщил о сделанном накануне Марлингом заявлении турец. м-ру ин. дел, что Англия поддерживает Россию «в вопросе о северном участке турецко-персидской границы».

возможные компенсации в пользу Турции я не указывал, но несомненно без ничего мы не обойдемся. Их характер выяснится при дальнейших переговорах.

Гирс.

№ 537. Генеральный консул в Канее временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⅟. Телеграмма № 80. 22/9 августа 1912 г.

Копия в Константинополь.

По полученным нами сведениям, на острове Самосе в среду, [28] 15, собираются поднять греческий флаг и провозгласить соединение с королевством. Организаторы обратились к Криту за помощью. Под большим секретом в воскресенье на греческий пароход «Николай» будут погружены правительством 600 ружей и патроны к ним, а набранные добровольцы под командой заслуженных македонских четников, сев на пароход в глухом месте острова, принудят капитана вести пароход на Самос. С моими английским и французским коллегами полагаем необходимым сделать все зависящее, чтобы помешать этому предприятию при содействии наших стационеров и, если не получим обратных указаний, примем для сего самые решительные меры, до преследования и арестования парохода в открытом море включительно. К сожалению, в Суде в эту минуту только наш тихоходный «Уралец» и малый английский крейсер «Медея». Французский — у берегов Сирии и едва ли поспеет сюда к воскресенью. По многим соображениям, мы не ставим в известность о наших сведениях и предположениях нашего итальянского коллегу [1].

Шебунин.

№ 538. Временно управляющий министерством иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 800. 23/10 августа 1912 г.
Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Обсуждая в заседании [15] 2 сего августа [2] вопрос о предположенном заключении особого соглашения с Халхой, совет министров поручил министру иностранных дел совместно с вашим высокопревосходительством выработать проект такого соглашения, который должен лечь в основание соответствующих переговоров с монголами.

Разногласие в совете министров произошло лишь по вопросу о приобретении русскими подданными права земельной собственности во Внеш-

---

[1] Тел. от 23/10 авг. за № 1617 Нератов сообщал Шебунину, что его намерения одобряются.

Одновременно за № 1619 (опубл. М., стр. 254) Нератов телеграфировал поверенным в делах в Париже и Лондоне, предлагая им запросить франц. и англ. прав-ва, не считают ли они желательным в случае прорыва парохода «Николай» «оказать ему противодействие у Самоса посылкой туда судов французской и английской эскадр Средиземного моря». Тел. от 24/11 авг. за № 160 Севастопуло сообщил, что франц. прав-во относится к этому делу очень серьезно, но по последним сведениям «отплытие заговорщиков из Крита отложено до среды [28/15 августа], так что французский стационер, коему послано спешное приказание, поспеет вернуться для совместных действий с нашим и английским».

Тел. от 24/11 авг. за № 215 Эттер сообщил, что англ. м-во одобряет намерение консулов на Крите и сносится с адмиралтейством «относительно возможности оказать в крайнем случае противодействие «Николаю» у Самоса».

[2] См. № 472.

ней Монголии. К этому вопросу я считаю долгом еще раз вернуться в настоящем письме и прежде всего установить, какие общие задачи должны, по моему мнению, преследоваться императорским правительством в Монголии.

Монгольский вопрос в его нынешнем фазисе возник для нас вследствие стремления китайцев обратить Монголию в ряд провинций, организованных по образцу Внутреннего Китая. Начало этому делу было положено в некоторых частях Внутренней Монголии, непосредственно прилегающих к Чжилийской провинции и к провинциям Манчжурии, и мы имеем перед глазами картину тех мероприятий, которыми китайское правительство достигает поставленной цели. Мероприятия эти следующие: введение китайской администрации и связанная с ней посылка в монгольские области китайских войск и, с другой стороны, отчуждение монгольских земель для их заселения китайцами-земледельцами. В возможности проведения тех же мероприятий в Халхе, по соседству с нашей территорией, заселенной одноплеменными с монголами бурятами, мы усматривали двоякую опасность: присутствие там китайских войск должно было бы вызвать с нашей стороны ряд ответных мер по укреплению нашей границы в военном отношении, а заселение прилегающих к ней местностей китайцами грозило бы созданием в Забайкальской области и Иркутской губ. положения, однородного с тем, которое испытывает ныне Приамурье и которое побуждает нас принимать ряд законодательных и административных мер против наплыва желтых и против экономической зависимости Приамурского края от соседних манчжурских областей, мер, являющихся, по признанию местных деятелей, лишь паллиативами. Поэтому мы выступили защитниками современного строя Монголии, и задачей нашей сделалось сохранить за ней характер страны, населенной кочевниками и слабой в военном отношении, по крайней мере до тех пор, пока прилегающие к Монголии окраины наши остаются еще мало развитыми. Ставя себе такую задачу, мы избегали также неудобства создания за границей центра, единоплеменного нашим бурятам, на отношение которых к русской власти соседство административно организованной и промышленно развитой Монголии могло бы оказать нежелательное для нас влияние.

Одним из основных условий кочевого быта является, как известно, отсутствие института частной земельной собственности, потребность в котором появляется лишь с переходом кочевников к земледельческому и промышленному хозяйству. Эти два вида хозяйства, напротив, нуждаются в земельной собственности, и отсутствие ее служит тормозом к созданию земледелия и возникновению промышленных заведений. Как последствие вышесказанной задачи, преследуемой нами в монгольском вопросе, министерство иностранных дел пришло к заключению, что создание земледелия и промышленности в Монголии не может соответствовать нашим государственным интересам. В самом деле, самих монголов следует признать явно неспособными стать земледельцами, а тем более завести национальную обрабатывающую промышленность. Впрочем, если бы способности к этим видам труда оказались у монголов, они стали бы для наших сибирских владений столь же нежелательными соседями, как и китайцы. Но при настоящем развитии монголов земледелие и промышленность в этой области могут быть только иностранные. Само собою разумеется, что мы не можем работать ради создания в Монголии китайской или германской, американской и т. п. промышленности. Для нас могла бы быть мыслима лишь цель создать в Монголии русское земледелие и русскую промышленность. Однако преследование такой цели единственно возможным путем — переселением — едва ли можно признать желательным и соответствующим нашим государственным интересам. О насаждении русского земледелия в Монголии, само собой разумеется, не может быть речи, когда даже для

колонизации Сибири нам приходится бороться с рядом трудностей, требующих крупных жертв и усилий.

Что же касается русской обрабатывающей промышленности в Монголии, то нельзя, я думаю, признать нормальным, чтобы русское государство, столь бедное капиталами и промышленными силами, сознательно отвлекало их для деятельности за границей. Если бы попытки наши в этом направлении удались, мы достигли бы лишь развития соседней с нами страны, в ущерб собственным областям.

Если мы хотим извлечь наибольшую сумму выгоды из переработки монгольского сырья, мы должны создать соответствующие заведения на русской территории, а не в монгольских кочевьях. Помимо этого, я не могу не высказать уверенности, что русские промышленные заведения, если бы они создались в Монголии, прибегли бы к услугам китайских рабочих, а не монголов, непривычных к этого рода труду. Таким образом, русская промышленность в Монголии явилась бы источником наплыва туда китайцев и, следовательно, облегчила и ускорила бы тот процесс окитаения Монголии, против которого, по общегосударственным соображениям, мы признаем нужным бороться. Я допускаю, что мы не будем в силах воспрепятствовать проникновению китайцев в Монголию. Но, конечно, есть большая разница между тем, чтобы мириться с неизбежным, и тем, чтобы собственными руками создавать условия, облегчающие нежелательный для нас процесс.

В настоящее время деятельность русских торговцев в Монголии сводится к скупке монгольского сырья и сбыту некоторого количества русских товаров: русские промышленные заведения в Монголии сводятся к нескольким шерстомойкам. Деятельность занимающихся этим русских подданных до сих пор значительно стеснялась отсутствием в трактатах постановления, дающего русским купцам право получить в монгольских хошунах, т. е. вне городов, где есть российские консулы, землю для постройки домов, лавок и для устройства шерстомоек. Фактически русские улаживали это затруднение путем заключения частных сделок с монгольскими хошунными цзахаками. Но такие неоформленные и неимеющие для себя опоры в трактатах сделки, конечно, нельзя признать удовлетворительным решением вопроса. Министерство иностранных дел полагает, однако, что для сказанных целей было бы достаточно, чтобы русские подданные получили право арендовать нужные им участки на более или менее продолжительные сроки. Конечно, аренда недостаточно прочный способ владения землей, чтобы на арендованной земле строить дорогостоящие здания фабрик и заводов, но, как выше сказано, едва ли можно признать, что появление в Монголии русских заводов и фабрик принесет пользу государственным интересам России. Для шерстомойки же или торгового склада того типа, какой ныне существует в Монголии, казалось бы, будет совершенно достаточно, если они будут построены на земле, принадлежащей владельцу их на правах долгосрочной аренды. Что касается городской земельной собственности, то в этом отношении русско-китайский договор 1881 г. создает положение, достаточно обеспечивающее интересы русских торговцев. В силу ст. 13-й этого трактата русским должны быть отведены в городах, где российское правительство имеет право содержать консулов, особые фактории, в пределах которых русские могут приобретать нужные им участки. Мы плохо использовали это право, и дело свелось к отводу русским нужных им участков в сказанных городах. Министерство иностранных дел полагало поэтому, что при заключении торгового соглашения с Халхой надлежит точнее определить, что отводимые русским фактории управляются русской властью. Это дало бы возможность ввести в Монголии на основаниях, соответствующих условиям иностранных концессий во Внутреннем Китае, институт городской земельной

собственности, и тем избегнуть затруднений, которые мы испытываем в полосе отчуждения Китайской Восточной ж. д., где частная земельная собственность оказывается невозможной, так как земли отчуждены для нужд названной железной дороги лишь на 80 лет. В заседании совета министров [15] 2 сего августа высказывалась мысль, что такая постановка вопроса была бы сужением прав, принадлежащих нам по С.-Петербургскому договору. Такое утверждение есть плод недоразумения. Правда, 13-я ст. С.-Петербургского договора говорит о праве русских приобретать участки, не упоминая о том, что эти участки должны быть расположены в пределах русской фактории. Но вслед за тем, названная статья ссылается на 13-ю статью Кульджинского договора, где говорится именно об отводе места под русские фактории. Напротив, предложенный министерством иностранных дел проект торгового соглашения с Халхой расширяет принадлежащие нам по С.-Петербургскому договору права, ибо предусматривает создание русских факторий не только в городах, где есть наш консул, но и в других важных для русской торговли местностях.

Нельзя, мне кажется, не предвидеть, что, если наше торговое соглашение с Халхой будет подписано, среди лиц, которые на первых порах двинутся в эту область, найдется немало таких, которые постараются использовать это соглашение для узких целей быстрой личной наживы. Право земельной собственности, конечно, будет использовано ими в целях спекуляции, как бы ни противодействовали этому. Скупленные же со спекулятивной целью земли будут, без сомнения, перепроданы китайцам, которые, впрочем, и помимо этого, конечно, шире русских используют право земельной собственности в Халхе, которого и они, подобно нам, были до сих пор лишены.

Вот те соображения общегосударственного характера, которые, помимо других, более частных, побуждают министерство иностранных дел считать, что создание в Монголии института частной земельной собственности будет иметь для России гораздо более отрицательных, чем положительных последствий. Давая возможность немногим отдельным личностям извлечь из него более или менее существенные выгоды, этот институт будет широко использован китайцами и послужит к облегчению процесса окитаения Монголии. Едва ли я ошибусь, если предположу также, что русские заводы, которые могут создаться в Монголии на купленных в собственность землях, займутся прежде всего выделкой и контрабандными ввозами в Россию тех продуктов, которые обложены у нас высоким акцизом, — примеров этого мы достаточно видим в Манчжурии.

За всем тем, ввиду высказанного в совете министров мнения, что нам все же следует добиваться в Монголии права владеть землей на правах собственности, имею честь препроводить при сем к вашему высокопревосходительству проект торгового соглашения с внесенными в него вариантами статей 6-й и 8-й [1]. Если бы было признано необходимым настаивать на получении права земельной собственности в Халхе, то в основание переговоров мог бы быть положен либо вариант 6-й статьи, предусматривающей право земельной собственности как в городах, так и в хошунах, либо, в случае невозможности добиться столь широких преимуществ от монголов, вариант ст. 8-й, предусматривающей только право *городской* земельной собственности.

---

[1] Ст. 6-я проекта, приложенного к публикуемому документу, гласит:

«Русские подданные имеют право возводить повсеместно во Внешней Монголии, как в городах, так и хошунах, дома, лавки и склады, а также устраивать разного рода торгово-промышленные заведения. Нужные для этой цели участки будут отводиться им монгольскими властями. Русские подданные могут также нанимать такие участки на срок (и приобретать их в собственность. Само собой разумеется, что эти участки могут приобретаться или наниматься русскими подданными исключительно для

Покорнейше прошу ваше высокопревосходительство почтить меня вашим отзывом по содержанию этого проекта, а равно и прилагаемого при сем проекта политического соглашения с Халхой [1], во вторую статью которого, согласно высказанным на совете министров суждениям, внесено постановление о непредоставлении нерусским подданным бо́льших прав, чем те, которые закрепляются за русскими.

Я был бы признателен вашему высокопревосходительству за доставление мне отзыва вашего в скорейшем по возможности времени, так как все дело соглашения с Халхой представляется спешным [2].

Примите и пр.

[Нератов.]

№ 539. Поверенный в делах в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 152 [3]. 23/10 августа 1912 г.

N 1.

Suite N 151 [4].

En réponse à la proposition autrichienne, Poincaré a adressé à l'Ambassadeur de France à Vienne un télégramme, dont Paléologue vient de me donner lecture et dont voici la substance que je cite de mémoire: la France conseillerait volontiers à la Turquie d'étendre aux populations chrétiennes les privilèges qu'elle serait spontanément disposée à accorder aux Albanais. Mais la France ne saurait prendre sur elle de provoquer un changement au status quo. Avec cette réserve elle serait prête à entamer un échange de vues. Bien entendu elle ne concluerait rien sans s'être entendue avec la Russie et l'Angleterre.

Sevastopoulo.

Перевод.

№ 1.

Продолжение № 151.

В ответ на австрийское предложение Пуанкаре отправил французскому послу в Вене телеграмму, которую Палеолог только что прочел мне и сущность которой передаю по памяти: Франция охотно посоветовала бы Турции распространить на христианские народности привилегии, которые она по своей инициативе расположена предоставить албанцам. Но вызвать изменение status quo Франция не могла бы взять на себя. С этой оговоркой она готова начать обмен мнений. Само собой разумеется, она не решит ничего, не договорившись с Россией и Англией.

Севастопуло.

постройки на них домов, лавок и складов и для устройства торгово-промышленных заведений, а не для колонизации и не для спекулятивных целей)».

Ст. 8-я проекта гласит:

«В пунктах, где имеются российские консулы, а также в других местностях, имеющих значение для русской торговли, будут отводимы, по соглашению между российскими консулами и монгольскими властями, для проживания и разного рода промыслов русских подданных особые фактории, которые будут находиться в исключительном заведывании означенных консулов. (В этих местностях русские подданные могут также нанимать и приобретать в собственность вне фактории нужные им для постройки домов, лавок и складов и для устройства торгово-промышленных заведений участки)». — Слова, взятые в скобки, добавлены к первоначальному проекту статей в качестве вариантов.

[1] См. приложение к № 612.

[2] В ответном письме от 31/18 авг. за № 787 Коковцов продолжал настаивать на необходимости обеспечить за русскими подданными права повсеместного владения землей в Монголии, со включением оговорки, что пункт этот предусматривает только приобретение земли для устройства торгово-промышленных заведений и не допускает покупки земель для колонизации или для спекуляции, которая «может привести к перепродаже земель китайцам и тем способствовать процессу окитаения Монголии».

[3] Опубл. М., стр. 253.

[4] См. № 533.

№ 540. Поверенный в делах в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 157 [1]. 23/10 августа 1912 г.

Некоторые газеты возобновили вопрос об ослаблении наших военных сил на западной границе и спрашивают, выяснил ли Пуанкаре степень этого ослабления и значение военной поддержки России на случай войны с Германией. Военный агент говорит, что военные круги тоже продолжают разделять неудовольствие по поводу того же ослабления. Ему желательно было бы знать, подымался ли военный вопрос с г. Пуанкаре и остался ли министр-президент удовлетворенным данными ему объяснениями. На случай, если бы французский начальник генерального штаба заговорил об этом, Игнатьев хотел бы быть в состоянии ответить, что вопрос этот выяснен с министром-президентом к его удовольствию [2].

Севастопуло.

№ 541. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 23/10 августа 1912 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Приезд короля Фердинанда и Тырновское торжество [3] несколько прояснили атмосферу, как я имел честь доложить вам секретной телеграммой моей от [16] 3 сего месяца [4].

Во вторник, [13 августа] 31 июля, в ту самую минуту, когда происходил митинг у памятника царю-освободителю [5], ко мне пришел Гешов и мы имели с ним полуторачасовую беседу. Признаюсь, что этот разговор оставил во мне тревожное впечатление. Г. Гешов с полным спокойствием начал обсуждать вместе со мной шансы сохранения или нарушения Болгарией мира. Он старался доказать мне, что выступление Болгарии не представлялось бы столь опасным и роковым, как это принято думать, что Румыния могла бы быть удовлетворена в крайнем случае некоторым исправлением границ, а что Австро-Венгрия навряд решилась бы вступлением своих войск в Сербию и Санджак вызвать всеобщую европейскую войну, в которой силам Австрии и Германии противопоставлены были бы превосходные силы держав Тройственного соглашения; между тем как Италия, еще не заключившая мира с Турцией, volens-nolens принуждена была бы принять участие в действиях, направленных к разделу европейской части Оттоманской империи, и постаралась бы лишь обеспечить себе долю в таковом разделе. С таким же спокойствием я начал опровергать один за другим доводы моего собеседника. Я выразил ему уверенность, что при первом же известии о выступлении Болгарии Порта в 24 часа заключит мир с Италией, сделав все решительно требуемые Консультой уступки, и что с той же минуты Италия станет оказывать Турции самую действительную и искреннюю поддержку; что Румыния не удовлетворится никакими второстепенными уступками, а потребует присоединения всей болгарской Добруджи, чуть ли не до линии Рущук — Варна; что

---

[1] Опубл. М., стр. 253.

[2] Сазонов ответил тел. от 25/12 авг. за № 1632 (опубл. М., стр. 253): «Указанный в вашей тел. № 157 вопрос совершенно не был затронут г. Пуанкаре в его разговорах со мной».

[3] См. стр. 69, прим. 1.

[4] Содержание тел. Неклюдова от 16/3 авг. за № 93 о тырновских торжествах исчерпывается публикуемым документом.

[5] См. № 517.

вступление Австрии в Сербию и Санджак отнюдь не может послужить сигналом для совместных *вооруженных* действий России, Франции и Англии, ибо подобные действия должны быть подготовлены предварительными и вовсе нелегкими дипломатическими переговорами и обусловлены наличностью известных обстоятельств. «Все ваши доводы, — сказал я с полной откровенностью Гешову, — основаны на уверенности, что Россия не может позволить Австрии ни при каких условиях вступить в Сербию и в Санджак; но я считаю долгом вас уверить, что и в таком случае многое будет зависеть от причин столкновения и от нашей уверенности в возможности счастливого исхода военных действий. Россия не может дозволить втянуть себя в войну против своей воли и никоим образом не может в настоящее время рисковать последствиями неудачного вооруженного столкновения; мы должны итти наверняка или совсем не итти. Как ни велики и ни искренни личные мои симпатии к болгарскому народу и мое желание видеть осуществление его национального идеала, я обязан предупредить вас без обиняков и без всякой утайки, дабы впоследствии вы сами не могли меня упрекнуть в поощрении или даже в молчаливом попустительстве». Мы вышли из миссии вместе и, тщательно обходя боковыми улицами место митинга, продолжали еще нашу серьезную беседу под доносившиеся до нас отголоски восклицаний ораторов и кликов толпы...

Как я узнал затем, г. Гешов в тот же вечер провел два часа во дворце в беседе с королем, а ночью его величество выехал в Тырново. Мы последовали за ним на следующий вечер.

Как известно вашему превосходительству из вышеупомянутой телеграммы моей [1] и из донесения № 19 от сего числа [2], все речи и здравицы, произнесенные в Тырнове, отличались умеренностью; король же Фердинанд особенно подчеркнул свои миролюбивые намерения в ответном тосте, произнесенном за банкетом. После стола его величество подошел ко мне и сказал: «Вы должны быть довольны тоном и содержанием моих слов. Признаюсь вам, что и мне и моему правительству нужно немало самообладания и мужества, чтобы говорить так, как мы только что говорили. Мы одушевлены искренним миролюбием, но вы сами знаете, как возбуждено болгарское общественное мнение. Мы, как видите, слушаемся ваших советов; в свою очередь Россия должна помочь нам успокоить наше общественное мнение, а для этого единственное средство — произвести должное давление на Порту, чтобы не возобновлялись печальные события вроде последнего». Слова короля звучали искренне и проще обыкновенного.

Я ответил, что, будучи близким свидетелем благоразумия и корректности болгарского правительства, я не премину поддержать всеми силами мужественный и мудрый образ действий его величества; что, впрочем, все зависящее от нас уже сделано; что и министр иностранных дел, и посол наш в Константинополе самым решительным образом настаивают перед турками на безусловной необходимости проявить, наконец, на деле должное беспристрастие к христианскому населению Македонии, строго наказать виновников кочанской резни, принять все меры к обузданию мусульманского фанатизма и преподать для сего недвусмысленные указания местным властям.

Нет сомнения, что наши настойчивые советы возымели на короля и на его правительство должное действие, но весьма может быть, что проявленная им за последние дни стойкая сдержанность обусловлена была до известной степени и последним выступлением графа Берхтольда, о котором король не мог не узнать при проезде своем через Австрию. К чему, в сущ-

---

[1] См. стр. 75, прим. 4.

[2] В деп. от 23/10 авг. за № 19 Неклюдов подробно описывал юбилейные торжества в Тырнове.

ности, сводится это выступление — я не знаю; да едва ли знают об этом и при здешнем дворе; но нет никакого сомнения, что самый факт предстоящего обсуждения кабинетами способов к упорядочению положения христианской райи в Европейской Турции открыл перед болгарами некоторые надежды; что же касается короля Фердинанда, то ему, разумеется, как нельзя более по сердцу подобное перенесение вопроса на почву дипломатических переговоров, к которым он чувствует себя гораздо более способным и призванным, нежели к рассечению Гордиева узла мечом. Во всяком случае открывающиеся ныне переговоры уже тем хороши, что дозволят, быть может, болгарам более терпеливо относиться к происходящему в Македонии.

За всем тем, опасность столкновения Болгарии с Турцией все-таки существует или, вернее, может возникнуть ежечасно. Если резня, подобная иштибской или кочанской, повторится, то здесь может произойти такой взрыв негодования, что правительство не в силах будет противиться воинственному подъему в народе и особенно в войске. Разумеется, многое зависит от времени: если бы новая резня имела место лишь через два или три *месяца*, то можно было бы еще затормозить и предотвратить войну; если такая же резня произойдет через две или три *недели*, то вооруженное выступление Болгарии, по моему убеждению, неминуемо.

Я уже несколько раз свидетельствовал перед императорским министерством и продолжаю свидетельствовать, что со стороны болгарского правительства приняты были и принимаются все меры для воспрепятствования проникновения в Македонию вооруженных банд и динамита [1]; министр внутренних дел Людсканов весьма энергичен в этом отношении. Но здешние македонские организации со своей стороны делают все возможное, чтобы участить провокационные покушения в Македонии [2]; и они встречают потворство и сочувствие со стороны пограничных жителей королевства, среди стражников, рядовых и даже офицеров пограничного кордона. И после всякой резни в Македонии сочувствие и пособничество это высказываются сильнее и активнее. За последние дни, по сведениям нашего тайного агента, переход четников и террористов через границу участился. Ожидают, будто бы, проникновения в Македонию около 500 лиц, обрекших себя на всякие провокационные покушения. Число, быть может, преувеличено; но самый факт правдоподобен, и наш военный агент, по некоторым дошедшим до него сведениям, выражал мне, что питает доверие к вышеуказанным сведениям.

Следовательно, есть все основания опасаться, что снова может произойти, и в непродолжительном времени, погром вроде кочанского, если только турецкие административные и военные власти не сумеют отнестись с хладнокровием и распорядительностью к ожидаемым динамитным покушениям и взрывам.

Существует и другая опасность. Ввиду постоянного возбуждения, сказывающегося среди стражников и войск, расположенных по границе, нарочито же среди молодых офицеров, из коих многие македонского происхождения, не исключена возможность, что, при известии о новой резне или же при более крупном пограничном столкновении кордонов, какой-нибудь батальон с офицерами во главе и поддержанный вооруженными резервистами перейдет турецкую границу и начнет настоящие военные действия. Полковник Романовский разделяет и подобные опасения.

Примите и пр.

Неклюдов.

---

[1] См. №№ 434 и 499.
[2] См. № 517.

№ 542. Поверенный в делах в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 109. 23/10 августа 1912 г.

Обращение Берхтольда к державам.

Греческий поверенный в делах, Караджа, сделал министру от имени своего правительства запрос следующего содержания:

«Le Gouvernement de la Grèce, très inquiet des proportions que prend l'insurrection albanaise, craint que celle-ci ne soit encouragée par la faiblesse de la Turquie et la proposition autrichienne auprès des Puissances en faveur de la décentralisation, auquel cas elle [1] ne pourrait rester impassible et se verrait obligée de changer son attitude. Considérant que les quatre États balkaniques ont intérêt à s'entendre pour réduire les réclamations albanaises à leurs justes limites et faire profiter, d'autre part, les chrétiens, leurs congénères, de la démarche de l'Autriche-Hongrie, le Gouvernement hellénique désirerait savoir, si le Gouvernement de la Serbie partage sa manière de voir, et a fait une démarche identique auprès des autres Cabinets balkaniques» [2].

Тождественные запросы переданы в Софии и Цетинье [3]. Сербское правительство не даст официального ответа, не осведомившись предварительно об отношении императорского правительства к обращению Берхтольда вообще и к изложенному циркулярному запросу в частности. Пока министр иностранных дел высказал греческому поверенному в делах принципиальную свою готовность установить общую точку зрения на положение и крайнюю желательность выработки строго согласованного плана поведения четырех королевств. Он обещал дать ответ сербского правительства после возвращения короля в Белград в субботу, [24] 11 августа. Пашич ожидается сегодня. Министр иностранных дел встревожен оборотом дела. Чрезмерные требования албанцев, с начальниками коих ради жизни и безопасности турецких сербов королевское правительство находится в хороших отношениях, не могут встретить сочувствия Сербии. Открытое же неодобрение последней обособления Албании, поощряемой обращением Берхтольда, грозит серьезнейшими бедствиями единоплеменникам в Старой Сербии. Вместе с тем, принимая во внимание македонский вопрос, министр не уверен в том, как отнесется болгарское правительство к шагу Берхтольда, и он не скрыл от меня некоторых подозрений по этому поводу. Убеждаю Иовановича совсем отбросить и забыть недоверие к Болгарии, обнаружение коего обозначит крупный успех Австрии, основывавшей до сих пор свою политику на Балканах на розни болгар и сербов и быть может чувствующей, что ныне почва эта уходит из-под ног. Должен отметить твердую решимость правительства следовать советам России, несмотря на усиливающиеся нападки общественного мнения за слишком спокойное отношение к событиям, могущим иметь для национальных вожделений Сербии отрицательные по-

---

[1] Так в оригинале. Следует читать: «la Grèce».

[2] «Правительство Греции, очень встревоженное размерами, которые принимает албанское восстание, опасается, что таковое поощряется слабостью Турции и предложением, сделанным Австрией державам в пользу децентрализации, в каком случае она [Греция] не может остаться безучастной и окажется вынужденной изменить свою позицию. Считая, что в интересах четырех балканских государств договориться между собой, чтобы сократить до надлежащих пределов требования албанцев, и, с другой стороны, дать возможность христианам, своим соплеменникам, извлечь пользу из выступления Австро-Венгрии, эллинское правительство желало бы узнать, разделяет ли правительство Сербии его взгляды; оно предприняло идентичные шаги перед другими балканскими кабинетами».

[3] См. №№ 558 и 529.

следствия. Министр иностранных дел будет ожидать указаний вашего высокопревосходительства по содержанию настоящей телеграммы [1].

Штрандтман.

№ 543. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 44. 23/10 августа 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В доверительном моем письме от [8 августа] 26 минувшего июля [2] и телеграмме за № 563 [3] я имел честь изложить, со слов министра иностранных дел, требования, выставлявшиеся албанцами.

Ныне оттоманское правительство нашло полезным обнародовать сказанные пожелания повстанцев, препровождаемые при сем в газетной вырезке [4]. Все 14 пунктов редактированы крайне туманно, и, очевидно, смысл и значение их зависит всецело от толкования при применении их оттоманскими властями. Представленное на благоусмотрение султана назначение министром внутренних дел албанца Даниш-бея, одного из членов посланной в Приштину комиссии [5], может иметь известное влияние на способ их применения. Одно несомненно — даруемые уступки официально не носят до сих пор оттенка льгот, предоставленных исключительно албанцам. Самое слово «албанцы» ни разу не упомянуто в официальном сообщении. Необходимость распространения и на христиан отбывания воинской повинности в пределах родного края, на которую я постоянно указывал в моих объяснениях с турецкими министрами (ср. телеграмму мою за № 593 [6]),

[1] Тел. от 23/10 авг. за № 112, ссылаясь на тел. Нератова за № 1608 (см. № 532), Штрандтман сообщал, что в беседе с ним Пашич, говоря о турец.-черног. столкновении, «подтвердил, что Сербия воздержится от активного выступления». Пашич признавал необходимым «установление полной согласованности поведения четырех королевств» и выражал надежду, что «возбужденный графом Берхтольдом вопрос переговорами будет сведен на-нет».

[2] См. № 437.

[3] См. № 457.

[4] К деп. приложена следующая вырезка из газеты «La Liberté» от 23/10 авг.: «14 требований, предъявленные албанцами, следующие: 1) Разработка специального закона для местностей, где существующая система судопроизводства непригодна. 2) Отбывание воинской повинности всеми рекрутами, набранными в Румелии, только в пределах этой области, за исключением военного времени и чрезвычайных событий внутри страны. 3) Возвращение владельцам ранее конфискованного у них как ценного, так и боевого оружия. 4) Назначение опытных чиновников, знакомых с местным языком и обычаями. 5) Преобразование школ-идадие в Косово, Монастыре и Янине в лицеи. Открытие новых лицеев и сельскохозяйственных школ с включением местного языка в школьную программу в округах, население которых превышает тридцать тысяч человек. 6) Пополнение бюджета министерства евкафа кредитами на содержание медрессэ и на учреждение новых медрессэ в тех местностях, где это будет признано необходимым. 7) Свобода открытия частных школ. 8) Преподавание местного языка в начальных и средних школах. 9) Расширение и развитие общественных работ, торговли и сельского хозяйства, а также железнодорожной сети и проезжих дорог. 10) Учреждение коммунальных округов. 11) Охрана мусульманских нравов и обычаев. 12) Предание верховному суду министерств Хакки-паши и Саид-паши. 13) Всеобщая амнистия всем лицам, принимавшим участие в последних событиях. 14) Уплата возмещения за разрушенные дома. — Эти требования были приняты императорским правительством за исключением пункта 3-го в той части, в которой говорится о возвращении боевого оружия, и требования, изложенного в пункте 12, решение по которому входит в компетенцию палаты депутатов».

[5] Ср. № 426.

[6] В оригинале ошибка — см. № 520. Повидимому, имеется в виду тел. М. Гирса от 20/7 авг. за № 594, в которой он сообщал: «Из известных уже условий, выговоренных албанцами, праву исполнять воинскую повинность в мирное время в пределах Албании надлежало бы несомненно быть распространенным и на христианские

повидимому, должна будет быть принята во внимание. Вышедший ныне из состава министерства Хильми-паша [1] утверждал, что оттоманское правительство тем охотнее пойдет на это, что в Европейской Турции число новобранцев не может удовлетворить требованиям службы и что, при таких условиях, бесполезно посылать молодых солдат в Анатолию и выписывать оттуда то же число тамошних уроженцев.

Я циркулярно предписал нашим консулам в Албании и Македонии доносить мне, как будут проводиться в жизнь обещания, данные ныне повстанцам. Остается также еще выяснить, не были ли выступления Черногории использованы турецким правительством, как средство побуждения албанцев вернуться в свои деревни. Едва ли такое обстоятельство послужило бы, если бы оно оправдалось, к умиротворению умов в пограничной области.

Быть может, что косвенным поводом к последовавшему обнародованию 14-ти албанских пунктов послужило предложение графа Берхтольда. Оно произвело здесь самое отрицательное впечатление, как вашему превосходительству угодно было осведомиться из моих телеграмм [2]. Правительство во что бы то ни стало желало бы видеть похороненным шаг австрийского министра иностранных дел. В печати появились многочисленные статьи, подчеркивающие неуместность и несвоевременность подобных выступлений, возвращающих Турцию к «доконституционным порядкам», терпимым лишь в позорные времена Абдул-Гамида.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 544. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Софии Неклюдову и поверенному в делах в Афинах Урусову.

Телеграмма № 1620 [3]. 24/11 августа 1912 г.

Сообщается в Белград, Цетинье и Константинополь.

Мы узнали доверительно из Белграда и Цетинье об обращении греческого правительства к балканским славянским государствам [4] с предложением установить между ними общность образа действий ввиду разрастающегося турецко-албанского конфликта и австрийского выступления в пользу децентрализации в областях Европейской Турции.

Необходимо иметь в виду, что о даровании албанцам какой бы то ни было автономии нет речи и что Порта готова лишь удовлетворить их культурно-экономические нужды; многими правами, даруемыми ныне албанцам, местное христианское население фактически уже давно пользуется.

Казалось бы, что при этих условиях балканские государства не имеют оснований опасаться в настоящем случае нарушения интересов их соплеменников в Турции, которые мы, конечно, всегда имеем в виду; мы продолжаем поэтому считать всякие активные с их стороны выступления не вызываемыми необходимостью и могущими лишь повести к опасным последствиям.

Нератов.

общины. Полагаю, это не представит затруднений. Вообще же во всех моих объяснениях с турецкими министрами я неоднократно категорически им заявлял, что все, что будет даровано албанцам, должно быть предоставлено всем другим национальностям Турции».

[1] М-р юстиции Хильми-паша вышел в отставку 21/8 авг., и на его место был назначен сенатор Халим-бей.

[2] См. № 520 и стр. 59, прим. 1.

[3] Лит. копия.

[4] См. №№ 529 и 542.

№ 545. Поверенный в делах в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 214 [1]. 24/11 августа 1912 г.

Получил № 1591 [2].

От Маллета узнаю, что соглашение между Линчем и Deutsche Bank действительно состоялось. Подробности сделки ему неизвестны [3]. Переговоры были ведены Линчем самостоятельно, и только по окончании их он осведомился, нет ли со стороны английского правительства препятствий. Не придавая предприятию политического значения, а лишь коммерческое, правительство ответило согласием [4].

Эттер.

№ 546. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 97. 24/11 августа 1912 г.

Посылаю вам сегодня мою экспедицию.

Сообщаю копию в Константинополь.

Мои письма носят скорее успокоительный характер. Но, к сожалению, за последние два дня положение снова ухудшилось. Вчера из разговора с Гешовым и сегодня из разговора с Даневым я убедился, что предложение Берхтольда не произвело того успокоительного действия, на которое я рассчитывал. Правда и то, что здесь не знают вовсе, как намерена Россия использовать этот шаг, и я не мог дать каких-либо объяснений, ибо доселе не имел от вас никаких указаний. Министерский совет собирается ежедневно. Гешов уверил меня, что доселе не принято никаких важных решений, но что болгарское правительство должно что-нибудь предпринять под давлением общественного мнения. Вероятнее всего последует обращение к державам, ходатайствующее о скорейшем приведении в действие 23-й статьи Берлинского трактата [5]. Причины обострения кризиса: 1) неудовлетворительный оборот для болгар расследования резни в Кочанах [6]; 2) дошедшие

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 440, N 673.

[2] См. № 523.

[3] Тел. от 7 сент./25 авг. за № 914 консул в Басре Тухолка, сообщая М. Гирсу о заключении договора между Deutsche Bank и Линчем, писал: «Немцы, однако, желают привлечь в дело и турецкое правительство и с ним ведут переговоры». Тел. от 10 сент./28 авг. за № 661 М. Гирс передал текст следующей тел. ген. консула в Багдаде Орлова от 8 сент./26 авг.: «Соглашение с турками состоялось 3 сент. [нов. ст.]. Линч дает пароходы, Deutsche Bank — баржи, турки — треть капитала. Так как управление будет в руках Линча, все дело приобретает в глазах публики вид самостоятельного развития пароходства Линча». Эта тел. была передана Аргиропуло в Лондон и Париж 11 сент./29 авг. за № 1790 (опубл. Siebert, II, S. 444, N 678).

[4] Публикуемая тел. была отправлена Сазоновым М. Гирсу 26/13 авг. за № 1644.

[5] Статья 23-я Берлинского трактата гласит: «Высокая Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите органический устав 1868 г. с изменениями, которые будут признаны справедливыми. Подобные же уставы, примененные к местным потребностям, за исключением, однако, из них льгот в податях, предоставленных Криту, будут также введены и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не было предусмотрено настоящим трактатом.

Разработка подробностей этих новых уставов будет поручена Высокой Портой в каждой области особым комиссиям, в коих туземное население получит широкое участие. Проекты организаций, которые будут результатом этих трудов, будут представлены на рассмотрение Высокой Порты. Прежде обнародования распоряжений, которыми они будут введены в действие, Высокая Порта посоветуется с европейской комиссией, назначенной для Восточной Румелии».

[6] В донесении от 27/14 авг. за № 322 ген. консул в Ускюбе Калмыков сообщал, что комиссия, которой было поручено расследование кочанского инцидента, постановила арестовать 7 болгар (из которых 6 по подозрению в соучастии с бросившими бомбу) и 9 мусульман (по обвинению в убийстве и избиениях болгар); «никто из солдат не был арестован, так как пострадавшие не могли признать их в лице». Калмыков сообщал, что «Ляпчев остался при особом мнении, настаивая на аресте еще других лиц».

до правительства сведения о брожении в армии, в особенности на пограничном кордоне; 3) ожидание замирения между Турцией и Италией, которое снова открыло бы для Турции морские сношения между столицей и Малой Азией, с одной стороны, и македонским прибрежьем — с другой; 4) опасение дарования автономии албанцам и 5) действительно усилившееся за последние дни брожение общественного мнения. Сегодня на торжественном ежегодном празднике ополченцев настроение в соборе и на площади Кремля было гораздо внушительнее, чем при последнем митинге [1]. Само болгарское знамя встречено и провожено было громкими кликами. В собор внесены были вместе с этим стягом и с другими ополченскими знаменами черные знамена македонцев с надписями: «Иштиб, Кочаны и пр.». Обыкновенно на банкете в этот день присутствуют и состав кабинета и чины русской миссии, но сегодня Гешов и я отклонили заранее это приглашение, так как ожидаются зажигательные речи против Турции и за войну. Я за эти два дня делал уже дважды представления, предписанные мне вашей телеграммой от [22] 9 [2], и убеждениям болгар противопоставляю следующие доводы: 1) вследствие болгарского выступления Турция немедленно заключит мир на любых условиях с Италией; 2) албанцы немедленно же вооружатся против болгар и сербов; 3) в турецких войсках прекратится всякая партийная борьба, и вообще все турки сплотятся; 4) Румыния мобилизуется и станет угрожать линии Рущук — Варна; 5) Австрия совершенно готова к вступлению в Санджак и Сербию и 6) главное, мы не можем дать втянуть себя в войну, будучи убежденными в несвоевременности болгаро-сербского выступления и не застраховав себя наверняка против возможностей роковой и для нас и для всего славянства неудачи. Я не уверен, однако, что мои доводы восторжествуют, ибо и король, и правительство слишком опасаются не менее рокового для них движения среди офицерства. Таково положение. По-моему, необходимо, чтобы мы сами подняли самым решительным (образом) вопрос о коренном изменении в турецких вилайетах и притом как можно скорее, ибо через несколько дней может быть уже слишком поздно. Третьего дня сюда прибыли: 1) член салоникского апелляционного суда Ляпчев, участвовавший на кочанском расследовании и распространяющий здесь вести о полной неудаче этого расследования, и 2) болгарский представитель в Цетинье Колушев, имеющий поручение от короля Николая осведомиться о планах царя Фердинанда и предложить болгарам условиться с Черногорией насчет политических и иных выступлений. Французский посланник разделяет также мои опасения. Английский представитель, к сожалению, третий день болен и лежит в постели.

Неклюдов.

№ 547. Поверенный в делах в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 48. 24/11 августа 1912 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1608 [3].

Министр иностранных дел опасается резни в Беранах и дальнейшего развития турецко-черногорского конфликта. Я не преминул указать ему на всю опасность каких бы то ни было выступлений и необходимость полнейшей сдержанности. Министр возразил, что, глубоко веря доброжелательности России, он сомневается, чтобы, при всем желании следовать ее внушениям, правительство смогло сдержать общественное мнение. Послед-

[1] См. № 517.
[2] Имеется в виду тел. Нератова за № 1608 от 22/9 авг. (см. № 532).
[3] См. № 532.

нее особенно возбуждено действиями албанцев в Эпире, переполняющими чашу терпения греков. Министр доверительно признался, что он уже сделал по этому поводу представления в Константинополе. Он самым конфиденциальным образом доверил мне, что греки уже сговорились с Болгарией, Сербией и Черногорией касательно совместной защиты своих интересов и что, будто бы, эти государства уже обратились в Петербург с настоятельной просьбой поддержать их.

Урусов.

№ 548. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 133. 24/11 августа 1912 г.

Copie Constantinople.

N 2[1].

J'ai fait les représentations à Sa Majesté qui a nié catégoriquement la nouvelle donnée par les Turcs de la prise de Berana par les Monténégrins et leur présence sur le territoire ottoman. Après m'avoir parlé de l'excitation qui règne au Monténégro grâce aux derniers incidents de frontière, le Roi m'a avoué qu'il lui serait excessivement difficile de s'en rendre maître, tant que la Russie et les autres Puissances ne lui donnent aucun témoignage visible d'un bienveillant accueil à sa demande chaleureuse d'intervenir dans le but de régler une fois pour toutes la question de la frontière Turquie — Monténégro, laquelle, à côté de celle de la situation précaire économique du Royaume, pèserait sur le pays tant qu'il existe. Le Roi m'a donné l'assurance catégorique qu'il est, comme toujours, prêt à se conformer aux conseils de la Russie, qu'il est absolument étranger à l'intention de provoquer la Turquie et de troubler la paix européenne, et que Sa Majesté en a donné une preuve en ayant pris sans tarder les mesures nécessaires pour calmer les esprits dans son pays et donné simultanément des ordres précis aux autorités compétentes d'éviter soigneusement tout conflit avec les troupes et la population turques près de la frontière. Le Roi m'a dit aussi qu'il espère que la Russie, dans sa constante sollicitude à l'égard du Monténégro, et pour faciliter à Sa Majesté sa tâche, usera de toute son influence près de la Sublime Porte pour calmer les appréhensions de cette dernière et lui recommander de prendre les mesures de précaution dans le but d'éviter des conflits de frontière ultérieurs, difficultés inévitables tant qu'il se trouve sur le territoire monténégrin des blockhaus et retranchements turcs[2].

Giers.

---

[1] Тел. от того же числа за № 131 (№ 1) А. Гирс, ссылаясь на тел. Нератова за № 1596 (см. № 524), сообщал, что он и другие посланники великих держав сделали королю Николаю аналогичные представления. Гирс отмечал далее, что за последние дни все посланники указали своим правительствам «на крайнюю желательность по возможности скорого благожелательного ответа держав — хотя бы лишь в общих чертах — на обращение к ним Черногории об установлении ее границ» (см. № 446).

[2] В тел. от 26/13 авг. за № 625 М. Гирс, ссылаясь на публикуемую тел., сообщал: «Министр иностранных дел отрицает возможность существования турецких блокгаузов на черногорской территории. Я возразил, что разногласие о положении блокгаузов возможно лишь вследствие неопределенности границы, и вновь указал на необходимость скорее покончить с пограничным вопросом. На заявление министра, что Турция не может уступить угрозам Черногории и что необходимо последней демобилизовать свои войска и устроить у себя нормальный порядок вещей, я ответил, что понимаю требование об удалении от границы при условии удаления и турецких войск, но не советовал бы говорить о восстановлении нормального порядка, так как трудно утверждать, что нормальный порядок существует ныне в Турции. Буду продолжать настояния о скорейшем утверждении протокола. Принципиально против него возражений министр не делает, но под влиянием великого визиря опасается впечатления, что угрозы Черногории действуют на Порту».

Перевод.

Копия в Константинополь.

№ 2.

Я сделал представления его величеству, который категорически отрицал исходящее от турок сообщение о взятии Бераны черногорцами и о пребывании последних на оттоманской территории. Поговорив со мной о возбуждении, царящем в Черногории в связи с последними пограничными инцидентами, король признался мне, что ему будет чрезвычайно трудно внести успокоение, пока Россия и другие державы не дадут ему какого-либо явного доказательства доброжелательного отношения к его горячей просьбе о вмешательстве с целью раз и навсегда урегулировать вопрос о границе между Турцией и Черногорией, который, наряду с непрочным экономическим положением королевства, будет тяготеть над страной все время его существования. Король дал мне категорические заверения, что он, как и всегда, готов следовать советам России; что ему абсолютно чуждо намерение бросить вызов Турции и нарушить мир в Европе; что его величество дал этому доказательство тем, что без промедления принял меры, необходимые для успокоения умов в своей стране, и одновременно дал точные распоряжения надлежащим властям тщательно избегать всяких конфликтов с турецкими войсками и турецким населением на границе. Король сказал мне также, что он надеется, что Россия, в своем постоянном попечении о Черногории и для облегчения задачи его величества, использует все свое влияние на Высокую Порту, чтобы успокоить опасения этой последней и преподать ей совет принять меры предосторожности для предотвращения в будущем пограничных конфликтов, неизбежных до тех пор, пока на черногорской территории будут находиться турецкие блокгаузы и окопы.

Гирс.

№ 549. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

¹/. Депеша № 45. 24/11 августа 1912 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Ко мне явился на-днях член правления и директор-распорядитель вновь учрежденного в Софии Балканского коммерческого земельного банка В. Я. Ляховский.

Как вашему превосходительству небезызвестно, банк этот основан в Болгарии при участии нескольких русских и французских кредитных установлений, причем правление банка приняло на себя перед болгарским правительством обязательство открыть свое отделение в Салониках [1]. Для выяснения условий возможности осуществления этого обязательства и прибыл в Константинополь г. Ляховский.

В разговоре с ним я указал ему на затруднения, которые ему придется здесь встретить. Болгарские учреждения, не пользуясь в Турецкой империи капитуляционными правами, могут приступать в Турции к какой-либо деятельности лишь с разрешения оттоманского правительства. От сего последнего не ускользнет, очевидно, истинное назначение филиального отделения болгарского банка в Салониках, коему предстоит, скорее, содействовать болгарской пропаганде в Македонии, чем преследовать выгоды чисто финансовых операций. Ввиду сего не трудно предсказать отказ оттоманского правительства разрешить открытие названного отделения.

Между тем, в ином положении находятся державы, пользующиеся капитуляционными привилегиями и имеющие право учреждать банки в Турции без особого на то разрешения турецкого правительства. Посему, правлению Балканского коммерческого земельного банка следовало бы, вместо хлопот об открытии своего отделения в Салониках, обсудить возможность учреждения там банка не под болгарским, а под французским или русским флагом. Можно предполагать, что болгарское правительство не отказалось бы признать в такой постановке дела исполнение принятого на себя банком обязательства, если бы солунский банк был учрежден при

[1] Ср. т. XIX, № 389.

участии тех же болгаро-русско-французских кредитных установлений и при том же личном составе правления.

Принимая, однако, во внимание, что французские финансисты, стремясь главным образом извлечь наибольшую финансовую выгоду из субсидируемых ими предприятий, приносят для сего зачастую в жертву политические цели, послужившие причиной их возникновения, можно действительно ожидать, как то предполагает г. Ляховский, что учреждение русского банка в Салониках более соответствовало бы видам болгарского правительства, чем передача этого дела исключительно в руки французских финансовых кругов. Со своей же стороны, я не видел бы затруднений к учреждению именно русского банка, под непременным, конечно, условием, чтобы и политическая его деятельность была подчинена строгому нашему контролю.

О последующем развитии этого дела я не премину своевременно уведомить ваше превосходительство.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 550. Генеральный консул в Канее временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 81. 24/11 августа 1912 г.

Получил телеграмму № 1617 [1].

Ссылаюсь на свою телеграмму № 80 [2].

Движение, повидимому, ведется Софулисом, пребывающим в Греции, и очень серьезно. Приглашенные к нам сейчас члены правительства признали свое участие, ассигновку денежной помощи и разрешение воспользоваться 1 000 ружьями Комитета народной обороны, хранящимися в казармах [Ре]тимо и Кандии. Мы указали им на недопустимость соучастия, их ответственность и гибельные последствия для Крита. Потребовали немедленной остановки движения, задержания денег, оружия и опубликования от лица правительства осуждения движения и угрозы воспротивиться ему силой. В ответ получили только обещание задержать дальнейшие денежные выдачи — ассигновано 6, а выдано пока одна тысяча франков — и воздействовать на вожаков советами; ружья хотя и хранятся в сохранности в казармах, но если народ их потребует, милиция и жандармы выдадут без сопротивления; опубликовывать что бы то ни было против движения отказываются категорически. Приняв к сведению это заявление, мы указали на недостаточность в наших глазах предложенных мер и подтвердили серьезную ответственность, принимаемую правительством, явно уклоняющимся от исполнения наших требований. Французский представитель вызывает свой крейсер, отсутствие которого нас очень затрудняет, так как один стационер не может отлучиться из Суды из-за охраны флагов, и для наблюдения за берегами остается лишь только одно судно.

Шебунин.

№ 551. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Письмо № 929. 24/11 августа 1912 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Я имел честь получить доверительное отношение вашего превосходительства от [8 августа] 26 минувшего июля за № 744 [3], из коего я с

[1] См. стр. 70, прим. 1.
[2] См. № 537.
[3] См. № 431.

живейшим удовлетворением уведомился, что вы изволите вполне разделять высказанную мною в донесении от [23] 10 июля за № 58 [1] мысль, что ни широкая реорганизация китайских финансов, ни предоставление китайскому правительству значительных денежных средств не могут соответствовать нашим интересам.

Вместе с тем ваше превосходительство изволили обратить мое внимание на другую сторону этого вопроса, а именно — на отношение к нему держав Запада и прежде всего Англии и Франции, поддержка коих может быть нам весьма существенно необходима в наиболее для нас важных вопросах окраинного Китая, почему общим направлением нашей политики в китайских делах должна быть возможная уступчивость в вопросах внутреннего Китая желаниям означенных двух держав, заинтересованных в снабжении китайского правительства нужными ему деньгами и приведением в порядок его финансового хозяйства.

Вполне сознавая всю правильность высказываемого вашим превосходительством взгляда, считаю долгом пояснить, что я никогда не терял из виду этой стороны вопроса и как в телеграммах, так и в донесениях своих неоднократно отмечал противоположность в этом отношении наших интересов с французскими и английскими, равно как и с германскими и американскими. Отдавая себе вместе с тем отчет, что для нас невозможно итти явно против стремлений дружественных нам Франции и Англии, с коими нас связывает целый ряд вопросов первостепенной политической важности, не говоря уже о поддержке с их стороны в деле упрочения нашего преимущественного положения в Застенном Китае, — я не только никогда не высказываюсь открыто перед моими коллегами в смысле помянутого моего донесения за № 58, но и всегда тщательно избегаю становиться вразрез с мнениями моих французского и английского сотоварищей и тем обнаружить преследуемую мною задачу, которую, согласно указанию вашего превосходительства, я вижу в том, чтобы помешать созданию реорганизованного по европейскому или японскому образцу Китая.

Путем аргументов, почерпнутых из местных условий и из глубокой неискренности и лживости китайцев, я постоянно стараюсь в частных наших беседах, пользуясь установившимися между нами прекрасными отношениями, склонить сэра Джона Джордана и г. Пико к принятию такой точки зрения, которая соответствовала бы нашим интересам. До сих пор обстоятельства слагались в этом отношении самым благоприятным образом, но я, конечно, не могу льстить себя надеждой, чтобы так всегда продолжалось и впредь, и вполне понимаю необходимость уступчивости с нашей стороны в касающихся займа вопросах интересам обеих дружественных нам держав.

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 552. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенным в делах в Париже и Лондоне — Севастопуло и Эттеру.

*/. Телеграмма № 1636 [2]. 25/12 августа 1912 г.

Сообщается в Афины.

Ссылаюсь на телеграмму из Канеи № 81 [3].

Благоволите осведомиться, не считает ли правительство, при коем вы аккредитованы, желательным поручить русскому, французскому и англий-

---

[1] См. № 355.
[2] Опубл. М., стр. 254.
[3] См. № 550.

скому представителям в Афинах обратить внимание греческого правительства на опасность исходящего из Греции движения в пользу Самоса [1].

Нератов.

№ 553. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

√. Телеграмма № 1637 [2]. 25/12 августа 1912 г.

Сообщается в Софию.

Из достоверных сведений явствует, что положение нынешнего болгарского министерства не может считаться прочным ввиду усвоенной им умеренной политики в македонском вопросе. Я неоднократно высказывал турецкому послу, что, по моему мнению, сохранение у власти гешовского кабинета отвечает турецким интересам и что поэтому и оттоманское правительство должно было бы содействовать укреплению его авторитета в стране, пойдя навстречу Болгарии в вопросах, могущих иметь значение в общественном мнении последней.

Благоволите при удобном случае высказаться в том же смысле пред турецкими министрами.

Нератов.

№ 554. Поверенный в делах в Белграде министру иностранных дел [3].

√. Телеграмма № 114. 25/12 августа 1912 г.

По содержанию № 1608 [4] объяснился с министром, отсутствовавшим два дня и возвратившимся вчера с королем в Белград; он заверил, что сербское правительство не изменит своего отношения к событиям, не вмешается активно и не подаст повода для выступления других государств. Однако поступающие ныне сведения об анархии в Старой Сербии, убийстве в Сенице беранского каймакама-серба, вооружении мусульманского населения Санджака на границе Сербии, требовании беженцев выдать им оружие для защиты и жалобы на грабежи и насилия турок — могут вынудить правительство, кроме протестов, принять меры к оказанию помощи бедствующим. Ныне в Константинополе делается энергичное представление. Если подтвердится полученное вчера известие об избиении сербов в Сенице, правительство намерено обратиться за содействием к России, Франции и Англии. Убеждаю весьма озабоченного министра сохранять спокойствие.

Штрандтман.

---

[1] Тел. от 27/14 авг. за № 217 Эттер сообщил, что англ. представителю в Афинах поручено сговориться с росс. и франц. представителями и что адмиралтейство дало распоряжение о посылке крейсера к Самосу.

Тел. от 27/14 авг. за № 166 Севастопуло сообщил, со слов Палеолога, что франц. представителю в Афинах предписано войти в соглашение с росс. и англ. представителями по поводу заявления греч. прав-ву. Палеолог сказал Севастопуло, что «он получил известие от английского правительства об отправке к Самосу английского военного судна с предписанием воспрепятствовать хотя бы силой десанту экспедиции на острове. Вследствие сего французскому стационеру на Крите «Брюикс», вернувшемуся туда с сирийских берегов, предписано отправиться к Самосу с подобными же инструкциями».

[2] Лит. копия.

[3] 25/12 авг. Сазонов возвратился в Петербург и вступил в управление м-вом ин. дел. Циркуляр об этом был опубликован в «Правительственном вестнике» № 180 от 27/14 авг.

[4] См. № 532.

№ 555. Поверенный в делах в Белграде министру иностранных дел.

Ꞌ/. Депеша № 52. 25/12 августа 1912 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Почти одновременно в заграничной и сербской печати, приблизительно две недели тому назад, появилось известие о начатых, будто бы, председателем державного совета Н. Пашичем и главой напредняков С. Новаковичем, при проезде их незадолго перед тем через Вену, частных переговорах с графом Берхтольдом о визите его величества короля Петра императору Франц-Иосифу.

По поводу распространившегося слуха мною тогда же были приложены старания к выяснению истины, и запрошенный министр иностранных дел в ответ заверил меня, что г. Пашичу никаких поручений в указанном смысле не давалось; что же касается г. Новаковича, то он, вследствие прежнего своего знакомства по Петербургу с графом Берхтольдом [1], действительно виделся с последним и был приглашен им к завтраку. Ручаться за содержание происходившей между ними беседы никто не может, но что таковая, если и коснулась вопроса о визите короля Петра, отнюдь не могла иметь приписываемого ей газетами значения.

Возвратившийся [22] 9 августа в Белград Н. Пашич подтвердил мне сказанное министром иностранных дел, добавив, что, по дошедшим до него сведениям, венский двор ничего не имел бы против приезда его величества, но что король Петр, со своей стороны, отнюдь не намерен возбуждать этот вопрос, и вследствие сего и дабы не подчеркивать слишком резко обхода Вены и Берлина остается в нерешительности относительно поездки в Лондон, к совершению коей, насколько мне известно, у его величества имеется некоторое желание.

Примите и пр. В. Штрандтман.

№ 556. Поверенный в делах в Белграде министру иностранных дел.

Письмо. 25/12 августа 1912 г.
Весьма секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По просьбе министра иностранных дел и в дополнение к доверительному донесению моему за № 53 [2], имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что здесь ныне получено от офицеров сербской национальности, служащих в австро-венгерских войсках, сообщение о делаемых Австрией

[1] Новакович был посланником в Петербурге в 1901—1905 гг.; Берхтольд в 1904—1905 гг. был советником пос-ва там же.

[2] Деп. от 25/12 авг. за № 53 Штрандтман сообщал Сазонову о вновь поступающих сведениях относительно воен. мероприятий Австро-Венгрии на ее южных границах. «Сведения эти заключают в себе указания на передвижение артиллерии XIII корпуса из Загреба к сербской границе, о новой доставке переправочного материала к «Острову» на Дунае против устья Моравы и о военных упражнениях в означенном пункте». «Вполне естественно, — заканчивал Штрандтман, — что в связи с царящим на Балканском полуострове общим беспокойством и под влиянием слухов об агрессивных замыслах Двуединой монархии против Сербии, славянское, главным образом сербское, население Венгрии вдоль Дуная и Савы сильно встревожено различными военными приготовлениями, которые относятся отчасти и до предположенных обширнейших осенних маневров австро-венгерских войск. Офицеры расквартированных в Белой Церкви (Weisskirchen) частей всячески стараются успокоить взволнованное население уверениями, что в случае возникновения войны на Балканском полуострове, австро-венгерская армия, в силу существующей со времен короля Милана военной конвенции с Сербией, не занимая королевства, только пройдет через его территорию долиной Моравы, подобно тому как в 1877 г. русские войска прошли через Бессарабию (!) и Молдавию, и направится затем далее на юг по своему назначению».

общих военных приготовлениях. Одновременно с сим названные офицеры просят своих братьев-сербов королевства, не теряя времени, готовиться к войне.

Министр иностранных дел придает большое значение этому известию и убедительно просил меня осведомить о нем ваше высокопревосходительство, ибо, по мнению г. Иовановича, подобного рода предупреждение со стороны офицеров против своего государства не могло бы иметь места без наличности серьезных поводов.

Ввиду ходатайства министра о сохранении означенного сообщения в глубокой тайне, я счел долгом довести об изложенном до сведения вашего высокопревосходительства настоящим весьма секретным письмом.

Примите и пр.

В. Штрандтман.

№ 557. Поверенный в делах в Берлине товарищу министра иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 41. 26/13 августа 1912 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В дополнение к донесениям моим от [19] 6 и [22] 9 сего месяца за №№ 39 [1] и 40 [2] касательно приема и оценки, которыми здесь встречено выступление графа Берхтольда, имею честь сообщить вашему превосходительству еще некоторые небезынтересные сведения.

Греческий поверенный в делах видел здешнего статс-секретаря по иностранным делам несколькими днями позднее меня, одновременно с представителями других балканских государств. После этого г. Теотоки посетил меня и с большой откровенностью передал мне сущность сказанного ему г. Кидерленом.

Последний старался на этот раз доказать, что австро-венгерское правительство было в некоторой степени вынуждено выступить с последним предложением ввиду возникших у многих подозрений, что Австрия сочувствует албанскому движению, оказывает моральную поддержку домогательствам албанцев в Константинополе и всячески стремится к созданию автономной Албании. Дабы очистить себя от этих подозрений в глазах балканских государств, для нее, конечно, невыгодных, она и выступила с предложением, которое с полной ясностью должно доказать, что некоторую децентрализацию она считает желательной вовсе не для одних албанцев, но для всех вообще народностей Европейской Турции. Впрочем, употребив раз слово «décentralisation» [3], г. Кидерлен поправился и в дальнейшем разговоре заменил его словом «individualisation» [4]. На вопрос г. Теотоки: что, собственно, под этим подразумевается? Ведь у греческого населения Турции имеются свои церкви, свои школы; что же теперь предполагается дать им и другим народностям? — г. Кидерлен ничего не ответил, ограничившись восклицанием: «чего же вам больше нужно!».

По словам г. Теотоки, он убедился, что г. Кидерлен держал ту же речь и болгарскому и сербскому представителям. В общем у него сложилось мнение, что сделанное экспромптом для Германии австрийское предложение не произвело здесь хорошего впечатления, и его постараются здесь свести к минимальным результатам.

Болгарский посланник также остался разочарованным разъяснениями германского статс-секретаря, особенно же полной неопределенностью слова

[1] См. № 507.
[2] См. № 534.
[3] «децентрализация».
[4] «индивидуализация».

«individualisation»; в речах г. Гешова все больше звучит нота, что никакими переговорами нельзя улучшить положение христианских подданных Турции и что все доселе достигавшиеся в этом направлении результаты получены либо благодаря восстаниям, либо благодаря внешнему вооруженному вмешательству.

В противоположность несколько разочарованному настроению двух названных выше представителей балканских государств, турецкий посол, посетивший меня на-днях, оказался настроенным скорее оптимистически, что также наводит на мысль, не получил ли он на Wilhelmstrasse некоторые успокоительные заверения относительно размеров, до которых с германской стороны считается допустимым дать развиться австрийскому предложению.

Примите и пр.

А. Броневский.

№ 558. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 98. 26/13 августа 1912 г.

Копия в Константинополь.

Получил телеграмму [24] 11 августа [1].

Греческое правительство действительно предлагает болгарскому обратиться к державам по вопросу о предложении Берхтольда. Здесь и не ожидают, что Порта даст албанцам автономию, но болгары уверены, что снабжение албанцев оружием и дарование им привилегий после их вооруженного выступления вызовут усиление грабежей и вящшее угнетение албанцами христиан-землевладельцев и горожан, а это, в свою очередь, представит должную благоприятную почву для деятельности македонской организации. Правда, что албанцы до сих пор не пользовались правами церковной и школьной обособленности и привилегиями духовенства христианских «мелети». Но допущение латинского шрифта, небывалое открытие национальных школ и проведение путей сообщения в албанских дебрях весьма мало обеспокоит их христианских соседей и сограждан. Опасным представилось бы дарование диким албанским «байрактарам» и «стахиям» известной административной власти в областях со смешанным населением. Признание Портой существования «арнаут-католик-мелети» также рассматривалось бы здесь как установление важного этапа для проникновения австрийцев в Старую Сербию и оттуда в Македонию. Все это вместе взятое может побудить болгар, сербов и греков еще сильнее добиваться окончательного устроения Македонии на началах автономии или по крайней мере полной независимости от Порты судебных и административных властей и полицейской силы в вилайетах. Предвидя все эти опасения и неминуемые замечания со стороны болгарского правительства, я был бы крайне обязан вам за сообщение мне нашей точки зрения по поводу предложения Берхтольда и по вопросу о том, что в свою очередь предложит Россия для ограждения насущных интересов православного населения в европейских вилайетах. Прошу также разъяснения, как понимать термин «активные выступления», против коих предостерегаете вы болгар. Понимаете ли вы под этим угрозы, обращенные к Порте, и мобилизацию или же выступление балканских государств перед державами с настояниями об из(дан)ии для Македонии вышеизложенных автономных прав? Считаю это разъяснение совершенно необходимым, ибо в настоящую минуту здесь именно решается вопрос об обращении к Порте и державам или же только к державам и скорейшего разъяснения [2] того, как к тому отнесется Россия и возьмет ли она в свои руки интересы православного населения Европейской Турции, —(что) возымеет несомнен-

[1] См. № 544.

[2] Так в оригинале.

ное влияние на развитие событий в ту или иную сторону. Вообще я был бы глубоко благодарен за возможно полное и быстрое уведомление меня о переговорах по поводу предложения Берхтольда, так как лишь при этом условии могу оказывать на болгарское правительство авторитетное давление в смысле успокоения его опасений и предупреждения опаснейших шагов. До сих пор я знаю лишь то, что обязательно сообщает всесторонне осведомленный французский посланник, но и он не имеет отголосков из Петербурга. Лично я не ожидаю чувствительных последствий от наших и общеевропейских настояний в пользу упорядочения европейских вилайетов; но можно какими-нибудь определенными и по наружности, по крайней мере, сильными выступлениями держав занять надежды и общественное мнение балканских государств, нарочито же болгар, дабы выиграть время до ноября. А это, в свою очередь, дало бы отсрочку до весны.

Неклюдов.

№ 559. Посланник в Софии министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 99. 26/13 августа 1912 г.

Сообщаю копию в Константинополь.

Получил № 1622 [1].

Третьего дня в обстоятельном разговоре с нашим военным агентом начальник здешнего главного штаба заверил Романовского, что никаких военных мер Болгария не принимает, но определенно заявил при этом, что, в случае какого-либо сосредоточения турецких войск на болгарской границе, Болгария неукоснительно приступит к мобилизации. Полковник Романовский считает, однако, указание Калмыкова на Кепрюлю, как на «мобилизационный пункт против Болгарии», ошибочным: 4 полка в Кепрюлю выставлены, несомненно, против возможного возвращения албанских ополчений. Мы не преминем разъяснить это болгарам в случае, если эта мера произвела бы у них тревогу. Романовский высказывает далее убеждение, что сообщенные мне Гешовым и Даневым сведения о принимающем опасные размеры брожении среди офицерства либо тенденциозны, либо во всяком случае сильно преувеличены. Дисциплина пока совершенно крепка, но правда, что все офицерство настроено весьма воинственно и что это настроение начинает за последние дни распространяться среди солдат и проникать в села, не только по границе, но и внутри Болгарии. Вчера здесь состоялся довольно внушительный митинг всех депутаций от провинциальных митингов, имевших место одновременно с первым софийским [2]. Настроение было более повышенное, чем на митинге [13 августа] 31 июля [3].

Неклюдов.

№ 560. Поверенный в делах в Бухаресте министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 58. 26/13 августа 1912 г.

Сообщено в Константинополь и Софию.

Болгария.

Из доверительного источника узнаю, что турецкое правительство, указав на вероятность в самом ближайшем времени турецко-болгарской войны,

[1] Тел. от 24/11 авг. за № 1622 Нератов передал в Софию и Цетинье тел. М. Гирса от 22/9 авг. за № 607, в которой последний сообщал: «Калмыков телеграфирует: В Кепрюлю, мобилизационный пункт против Болгарии, прибыли 4 полка из состава V корпуса. В Митровицу против Черногории отправлено 6 батальонов 11-й дивизии».

[2] См. № 517.

[3] Тел. от 26/13 авг. за № 111 Романовский сообщал в отдел ген.-кварт. главного управления ген. штаба: «Воинственное настроение армии, народа возрастает. [По] достоверным сведениям, можно ожидать новых выступлений македонских революционеров в Македонии, что, в связи с возможным пограничным столкновением, может привести к серьезным осложнениям».

предложило бухарестскому кабинету установить на этот случай общность действий. Предложение было отклонено королевским правительством в мягкой форме, причем было указано, что румынские симпатии уже ныне всецело на стороне Турции, но что, ввиду надежды на сохранение мира между Болгарией и Турцией, выяснение общности действий против Болгарии преждевременно. В случае же открытия военных действий Болгарией против Турции, румынское правительство заранее заявляет готовность немедленно обсудить всякое предложение Порты в этом смысле.

Лысаковский.

№ 561. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 620 [1]. 26/13 августа 1912 г.

Копия в Софию.

Ссылаюсь на телеграммы вашу № 1637 [2] и Неклюдова № 97 [3].

Сегодня я имел серьезное объяснение с министром иностранных дел по вопросу турецко-болгарских отношений. Я высказал ему, что возбуждение общественного мнения в Болгарии достигло высшего предела, что она негодует на образ действий Порты в кочанском деле, из-за коего, по доходящим до меня сведениям, положение Гешова сильно поколеблено. Между тем Порте хорошо известно, что с его уходом враждебные ей чувства в Болгарии возьмут верх. Министр ответил мне, что Порта ввела военное положение в Кочане с целью иметь возможность предать военному суду как гражданских, так и военных чинов, виновных в резне. Не скрывает, что следствие обнаружило, что солдаты участвовали в резне. Он заверяет, что военный суд будет скорый и строгий, даже если бы пришлось вешать солдат. Вместе с тем Порта выдала генерал-губернатору 1 000 фунтов для раздачи пострадавшим, предупредив вали, что в случае нужды правительство выдаст больше для удовлетворения всех пострадавших. На мой совет предать гласности следственный акт, он заметил, что акт очень длинен и правительство его еще, будто бы, не имеет, но он получил телеграмму вали, излагающую содержание следственного акта, коим устанавливается виновность некоторых солдат. Он высказал готовность напечатать эту телеграмму в официальном органе. Не сомневаюсь, что министр, вполне сознавая грозящую опасность, готов, насколько позволяет достоинство, приложить старание к отнятию у Болгарии повода начать военные действия. Но лишь через несколько дней возможно будет убедиться, обладает ли он достаточным для этого авторитетом в стране.

Гирс.

№ 562. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 621. 26/13 августа 1912 г.

Копия в Софию.

Продолжение № 620 [4].

Побуждая всеми мерами Порту отстранять все инциденты, могущие дать болгарам повод к разрыву, я тем не менее должен донести, что Турция считает настоящий момент в высшей степени критическим ввиду явного стремления Болгарии итти к разрыву. Несомненно для меня, что митинги негодования в Болгарии [5] поощрялись здешним болгарским представи-

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 1, с сокращениями.
[2] См. № 553.
[3] См. № 546.
[4] См. № 561.
[5] См. № 559.

телем, доказывавшим мне, будто бы эти митинги желательны для давления на Порту. Он же вчера убеждал меня, будто бы в турецкой армии полный развал, что не вполне отвечает действительности. Весьма возможно, что Порта в скором времени отдаст себе отчет, что ее старания избегнуть войны ни к чему не приводят, и такое сознание несомненно ускорит войну.

Гирс.

№ 563. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 623. 26/13 августа 1912 г

Копия в Софию.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1597 [1].

Я передал министру уверения, данные вам Турхан-пашою, что даруемые албанцам права распространяются и на неалбанское население 4-х вилайетов, прося официально подтвердить мне эти уверения. Министр ответил, что лично он вполне согласен с толкованием Турхана и не сомневается, что оно разделяется всем кабинетом, но не может еще официально заявить мне о нем, так как вопрос этот официально не обсуждался, будто бы, еще в совете министров.

Он обещал мне внести его в совет и предложить опубликовать в официальном органе, что права эти вводятся для всех без различия национальности [2].

Гирс.

№ 564. Министр иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому.

Телеграмма № 1647 [3]. 27/14 августа 1912 г.

№ 729 получен [4].

Мы готовы преподать монголам совет отказаться от притеснения живущих среди них китайцев, если их жалобы окажутся основательными. Такого рода защиту мы уже оказывали им с самого момента переворотов в Урге и Улясутае.

Но, конечно, мы не можем взять на себя ответственности за безопасность китайцев в Монголии. Вопрос об их там положении и защите, которой они там будут пользоваться, очевидно может быть решен только по принципиальном решении всего монгольского вопроса. Мы уже неоднократно указывали китайскому правительству основания, которые мы считаем единственно возможными для решения этого последнего вопроса. К сожалению, мы принуждены констатировать, что китайское правительство

[1] См. № 525.

[2] Публикуемая тел. была передана Сазоновым в Париж, Лондон, Белград, Цетинье и Афины 29/16 авг. за № 1669.

Тел. от 29/16 авг. за № 1671 (опубл. М., стр. 263) Сазонов, ссылаясь на публикуемый документ, сообщал Севастопуло и Эттеру: «Мы были бы признательны французскому (английскому) правительству, если бы оно нашло возможным поддержать в Константинополе настояния Гирса касательно опубликования разъяснения о льготах». В ответной тел. от 30/17 авг. за № 171 Севастопуло сообщил, что он передал содержание телеграмм за №№ 1669 и 1671 Палеологу, который «обещал послать в Константинополь инструкции в желаемом вами смысле».

Со своей стороны Эттер сообщил, что, по мнению Маллета, «Грей согласится оказать Гирсу просимую поддержку» (тел. Эттера № 220 от 30/17 авг.).

[3] Лит. копия.

[4] Тел. от 26/13 авг. за № 729 В. Крупенский сообщал, что кит. м-во ин. дел передало в росс. миссию копию письма кит. купцов из Урги с жалобой на грабежи и пытки, которым они подвергаются со стороны монголов. Ссылаясь на возражения России против отправки кит. войск в Монголию, кит. м-во спрашивало, «как можно было бы оградить китайцев от притеснений, терпимых ими в Монголии».

ограничивалось уклончивыми ответами и не выражало желания приступить к коренному решению вопроса. Вина за притеснения, которым могут подвергаться в Монголии китайцы, ложится поэтому не на императорское правительство, а на китайское.

В вышеизложенном смысле вы могли бы объясниться с китайским министром иностранных дел.

Сазонов.

№ 565. Министр иностранных дел поверенным в делах в Париже, Лондоне, Берлине и Вене — Севастопуло, Эттеру, Броневскому и Кудашеву.

Телеграмма № 1654 [1]. 27/14 августа 1912 г.

Сообщается послу в Константинополь.

Согласно сообщенным мне австрийским послом сведениям, Черногория предложила Турции уполномочить командующих войсками обеих держав на границе изыскать сообща средства к успокоению населения пограничных областей, на что Порта изъявила согласие под условием предварительной демобилизации в Черногории, одновременно с отозванием турецких войск от границы.

Порта требует от Черногории ответа в кратчайший срок под угрозою ультиматума; в этих видах Турция сосредоточивает на границе значительные силы.

Ввиду столь тревожного положения, представляется настоятельная необходимость в урегулировании турецко-черногорского пограничного спора, с каковой целью надлежало бы настоять перед Портой на приведении в исполнение состоявшегося [11 июня] 29 мая протокола с Черногорией о разграничении [2], так как ныне препятствия к этому устранены достигнутым с албанцами соглашением [3].

Прежде всего, однако, мне кажется важным достигнуть отозвания обеими сторонами их войск из пограничной зоны, сделав с этой целью совместные представления держав в Константинополе, так как дальнейшее одностороннее давление на Черногорию не может дать существенных результатов.

Благоволите объясниться по содержанию настоящей телеграммы с правительством, при коем вы аккредитованы, и о последующем телеграфировать [4].

[Сазонов.]

---

[1] Царск. экз.

[2] См. № 272.

[3] Ср. № 543.

[4] Тел. от 28/15 авг. за № 168 Севастопуло сообщил, что Пуанкаре согласен с мнением Сазонова о «настоятельной необходимости отозвания турецких войск» и пошлет соответствующие инструкции франц. послу в К-поле. «Что касается протокола [11 июня] 29 мая, — сообщал Севастопуло, — то применение его, по имеющимся здесь сведениям, должно вызвать возобновление албанской смуты, и Пуанкаре не считает возможным настаивать; для того, однако, чтобы существование этого акта вообще не терялось бы из виду, он поручит послу упомянуть о нем».

Тел. от 30/17 авг. за № 218 Эттер сообщил, что Марлингу предписано сговориться с росс. и франц. представителями в К-поле «относительно побуждения турок без потери времени и одновременно с черногорцами отозвать войска с пограничной зоны». Относительно же ратификации черног.-турец. протокола, — добавлял Эттер, — «здесь до известной степени разделяют взгляд парижского кабинета, что его ратификация, к каковой албанцы не перестают, будто бы, встречать препятствий, могла бы вновь воскресить албанский вопрос».

Тел. от 30/17 авг. за № 66 Кудашев сообщил Сазонову, что Маккио предписал австро-венг. представителям в К-поле и Цетинье присоединиться к предложенному Сазоновым выступлению «при условии участия в нем и представителей всех остальных держав».

Тел. от 1 сент./19 авг. за № 91 посол в Берлине Свербеев сообщил, что Кидерлен

№ 566. Министр иностранных дел посланнику в Софии Неклюдову.

*/. Телеграмма № 1655 [1]. 27/14 августа 1912 г.

Сообщается в Белград, Афины, Цетинье, Константинополь, Париж, Лондон и Вену.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 97 [2].

Турецкий посол сообщил мне вчера доверительным образом об отрицательном отношении Порты к австрийскому выступлению и тягостном впечатлении, произведенном в Константинополе мыслью о «децентрализации».

Я считаю поэтому всякие шаги держав там в настоящее время излишними и обреченными заранее на неудачу; взгляд этот разделяется, повидимому, также Францией и Англией.

Нельзя терять из виду, что о даровании албанцам автономии теперь нет речи и что активное выступление балканских государств в защиту христианских народностей Турции не оправдывается необходимостью; оно может лишь повести к крайне печальным результатам для выступившего, против которого обратилось бы общественное мнение Европы, твердо намеренной не допускать возникновения вооруженного конфликта на Балканах и подавить таковой в самом начале.

Со своей стороны я указал Турхан-паше, в самой дружеской форме и вне всякой связи с шагом Берхтольда, на крайнюю желательность как в интересах самой Турции, так и ради облегчения державам взятой ими на себя задачи действовать умеряющим образом на балканские государства, чтобы Турция, по собственному почину, дала своим христианским подданным какие-нибудь удовлетворения, способные положить предел царящему среди них возбуждению.

[Сазонов.]

№ 567. Поверенный в делах в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Депеша № 31. 27/14 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Препровождая у сего вашему высокопревосходительству, в дополнение к телеграмме от 19/6 августа с. г. за № 211 [3], копию памятной записки великобританского министерства иностранных дел от 17 сего августа [нов. ст.] [4], считаю долгом прибавить, что решение вручить эту ноту китайскому правительству не было, как мне сказали в Foreign Office, вызвано каким-либо специальным инцидентом.

Лондонский кабинет счел нужным прибегнуть к этой мере воздействия, или скорее предупреждения, вследствие общего образа действия китайцев, клонящегося, вопреки условиям соглашений, к постепенному расширению их сюзеренных прав над Тибетом.

Частными поводами к вручению ноты, как сказано в записке, послужили заметные попытки китайского правительства постепенно увеличивать состав своего конвоя в Тибете, самовольный образ действия пребывающих там

обещал немедленно снабдить герм. представителей в К-поле и Цетинье инструкциями, уполномочивающими их присоединиться «к совместным представлениям других держав».

[1] Опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 16.

[2] См. № 546.

[3] См. № 506.

[4] Приложение не воспроизводится. Содержание пам. записки в основном изложено в тел. Эттера за № 211. В тел. только не указано, что, настаивая на письменном соглашении с Китаем, Англия выдвигала его в качестве одного из условий признания кит. республики.

китайских чиновников и, наконец, явные стремления низвести Тибет до степени собственно китайской провинции.

Появившаяся вчера в «Times» передовая статья, которую имею честь у сего приложить[1], повидимому, соответствует взглядам английского правительства, во всяком случае, поскольку дело касается образа действий Китая.

Примите и пр. Н. Эттер.

№ 568. Генеральный консул в Калькутте министру иностранных дел.

Телеграмма № 33. 27/14 августа 1912 г.

Получил № 1603[2].

По заслуживающим доверия сведениям из Гьянг-тце, соглашение между тибетцами и китайцами достигнуто. Гарнизон последних выступает на-днях из Лхассы через Индию[3].

Набоков.

№ 569. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 163. 27/14 августа 1912 г.

Палеолог был сегодня несколько озабочен телеграммой французского представителя в Софии о возбуждении умов в Болгарии. В телеграмме говорится, что, в случае усиленного стягивания турецких войск к болгарской границе, Болгария вынуждена будет мобилизировать и не будет затем в состоянии демобилизировать, не заручившись предварительно уступками со стороны Турции. По слухам, в Софию прибыл болгарский посланник из Цетинье с предложениями короля Николая для согласования действий[4].

Севастопуло.

№ 570. Посол в Риме министру иностранных дел.

Депеша № 28. 27/14 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Сделанное здесь австро-венгерским послом лишь устно предложение вступить с венским кабинетом в обмен мнений по поводу возможной децен-

---

[1] К публикуемому документу приложена статья из газеты «Times» от 27/14 авг. под заголовком «Будущее Тибета». В ней отмечалось, что в Тибете за последние несколько недель создалась новая ситуация, которая делает неотложным для Великобритании пересмотр ее «взаимоотношений с этой беспокойной страной». Далее в статье указывалось: «Какое бы направление ни приняла наша политика, одно ясно, что мы должны сейчас настаивать на том, чтобы китайское вмешательство в будущем могло иметь место только в определенных, строго установленных пределах. Мы имеем все основания добиваться, чтобы Тибет никогда больше не был лишен дважды отвоеванной им автономии».

[2] См. стр. 47, прим. 6.

[3] Тел. от 30/17 авг. за № 34 Набоков сообщал: «Китайский гарнизон в Лхассе сложил оружие и ныне направляется через Индию в Китай. Амбань остается в Лхассе с небольшой стражей и номинальной властью». В деп. от 3 сент./21 авг. за № 32 Набоков сообщал Сазонову, что между китайцами и тибетцами «заключено соглашение, главные пункты которого следующие: 1) амбань с небольшой свитой остается в Лхассе; 2) он сохраняет при себе 200 китайских солдат личной охраны; 3) все остальные китайские войска сдают оружие и амуницию и возвращаются в Китай; 4) оружие и амуниция остаются на хранение в Лхассе под печатями: китайского амбаня, тибетского и непальского резидента; 5) тибетцам, бывшим на стороне Китая, обещается прощение. Некоторые из этих пунктов уже приведены в исполнение: около 500 китайских солдат с генералом Чуном без оружия возвращаются в Китай через Индию. Оружие как китайцев, так и тибетцев передано непальскому резиденту и сложено в специальном арсенале под тремя печатями».

[4] См. № 546.

трализации турецких административных учреждений, с одной стороны, и выступлений в балканских столицах — с другой, было принято маркизом ди Сан-Джулиано сочувственно. Под этим формальным сочувствием и принципиальным согласием с инициативой графа Берхтольда кроется, однако, как я об этом не преминул телеграфировать гофмейстеру Нератову, некоторое недоверие [1]. Как мне сказал г. Боллати, первая часть австрийского предложения, ввиду войны, до поры до времени не касается Италии; относительно же выступлений в балканских столицах, римский кабинет, выражаясь, правда, с большой осторожностью, разделяет совершенно нашу точку зрения и не думает, чтобы выступления эти могли иметь практическое значение. В Консульте относятся с подозрением к политике Австро-Венгрии и к ее стремлению к «успокоению на Балканах и к сохранению status quo на принципах «*мирного*» развития балканских народов», но считают, тем не менее, самым важным в предложении венского кабинета стремление Австрии действовать в Константинополе и вообще на Балканах совместно с остальными великими державами. В практические результаты выступления графа Берхтольда здесь не верят, но желают подчеркнуть, что венский кабинет, обращаясь к великим державам, отказывается от единоличного действия в Константинополе. Такое, скорее отрицательное, отношение к австрийскому предложению здесь с каждым днем все более укрепляется, и г. Боллати мне сказал, не без удовлетворения, что предложение это нигде не было принято с энтузиазмом, что во всех полученных венским кабинетом ответах есть серьезные оговорки и что даже германская пресса проявила в этом вопросе некоторую сдержанность. На мое замечание, что итальянская печать отнеслась скорее сочувственно к австрийской инициативе, Боллати мне ответил, что это объясняется указаниями, данными газетам здешним министерством иностранных дел. «Le mot d'ordre est venu de moi» [2], прибавил генеральный секретарь министерства. Хотя ни маркиз ди Сан-Джулиано, ни г. Боллати мне этого прямо не высказывали, но я не сомневаюсь, что они допускают у графа Берхтольда заднюю мысль или, по крайней мере, желание после свидания государя императора с императором германским в Балтийском Порте и посещения г. Пуанкаре вашего высокопревосходительства доказать, что и Австро-Венгрия существует.

Примите и пр.

Крупенский.

№ 571. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Депеша № 29. 27/14 августа 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как из моих телеграмм, так, вероятно, и из константинопольских сообщений вашему высокопревосходительству известно, где и как возобновились частные переговоры турецких и итальянских доверенных лиц об условиях мира [3], который, как видно, становится все более желательным для обеих сторон. Итальянское правительство старалось обставить эти переговоры полной тайной и даже прямо отрицало их существование. Здесь были поэтому неприятно поражены совершенно официальным признанием их турецким министром иностранных дел в беседе с журналистами, тем более что турецкое правительство настаивало вначале само на сохранении переговоров в тайне.

Сведения, полученные из Швейцарии, из Ко, от итальянских уполномоченных, не позволяют пока, как мне было сказано в Консульте, притти

[1] См. № 526.
[2] «Это было сделано по моему указанию».
[3] Ср. №№ 498 и 510.

к какому-нибудь заключению. Но я заметил как будто бы некоторую склонность к уступчивости с итальянской стороны; Боллати мне сказал: «Nous serons coulants sur tout, sauf sur le principe intangible de notre souveraineté qui ne saurait même être discuté» [1], но он тут же прибавил, что Италии совершенно достаточно признания этого суверенитета державами и что она не будет требовать формального признания его со стороны Турции. «Мы опасаемся, однако, — продолжал мой собеседник, — что в Константинополе все еще строят себе иллюзии и надеются на возможность, что Италия, хотя бы в некоторой мере, уступит в вопросе о суверенитете в интересах мира, заключение которого осложняется также неустойчивостью турецкого министерства». «Да и не только Турция, — сказал мне г. Боллати, — но и иностранные представители в Константинополе, за исключением русского посла, недостаточно убеждены в абсолютной невозможности для Италии отказаться хотя бы от малейшей части объявленного суверенитета. Коль скоро турецкое правительство постигнет это и подчинится необходимости, — мир будет заключен без затруднений». «Правда, вопрос о Спорадских островах поднимется сам собой, но решение его будет зависеть от Европы, и римский кабинет до того осторожен и сдержан, — заметил мой собеседник, — что министр иностранных дел намерен отказать в приеме депутации, которую Эгейские острова собираются отправить в Рим» [2].

Примите и пр.

К р у п е н с к и й.

№ 572. Посол в Риме министру иностранных дел.

Ч. Письмо. 27/14 августа 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В записке, препровожденной ко мне при письме вашего высокопревосходительства от [17] 4 августа, о ваших совещаниях с французским председателем совета министров [3] сказано, между прочим, что поводом к совместному выступлению России и Франции для прекращения войны между Италией и Турцией могут легко послужить, по мнению г. Пуанкаре, «ведущиеся в Швейцарии между турками и итальянцами непосредственные переговоры и что турецкое правительство, *с согласия итальянского*, собирается отправить в Триполитанию особую миссию, которой будет поручено подготовить там почву для перехода к новому порядку и приучить арабов к мысли о возможности *перемирия*».

Позволяю себе по поводу этого заметить, что, как мной было донесено императорскому министерству, французское правительство действительно испросило согласие римского кабинета на пропуск в Триполитанию означенной турецкой миссии и что согласие это было дано под известными условиями, о которых я также имел честь доносить [4]. Однако турецкое правительство, как мне это было сказано французским поверенным в делах и подтверждено на-днях в Консульте, не знает, что французское правительство испросило согласие Италии и что вообще квиринальский кабинет осведомлен о посылке миссии. Для Италии она должна составлять, в глазах турок, как бы тайну. Вообще же здесь и, по словам моего французского

[1] «Мы будем сговорчивы во всем, кроме неприкосновенного принципа нашего суверенитета, каковой даже не может подлежать обсуждению».

[2] Деп. от 10 сент./28 авг. за № 33 А. Крупенский сообщил о приезде в Рим депутации от Эгейских островов, которая предполагает вручить итал. прав-ву докл. записку о положении Эгейских островов. По словам Крупенского, члены депутации не были приняты ни премьер-министром, ни м-ром ин. дел, ни другими чиновниками Консульты.

[3] См. стр. 29, прим. 4.

[4] См. № 477.

коллеги, также в Париже склонны думать, что посылка миссии в Триполитанию вызвана желанием турецкого правительства объяснить заключение мира утомлением арабов войной, и таким образом, свалив ответственность на своих африканских подданных, спасти как бы лицо в глазах остальных оттоманов и Европы[1].

Что же касается упоминания г. Пуанкаре о перемирии, то, судя по тому, что мне пришлось слышать в Консульте, о перемирии здесь не думают. Здесь пока допускают только заключение мира под известными императорскому правительству условиями, о которых я еще раз писал в сегодняшнем моем донесении за № 29[2]. В нем также упомянуто об Эгейских островах, и, как ваше высокопревосходительство благоволите усмотреть, я вынес из своих бесед в Консульте положительное впечатление, что итальянское правительство не думает продлить после окончания войны занятия этих островов до дарования им Турцией некоторой автономии. Мне Боллати прямо сказал: «Si nous disons que nous garderons les îles c'est pour peser sur la Turquie pour conclure la paix, mais ce n'est qu'une menace, car il est évident que nous abandonnerons ces îles dès que la paix, tôt ou tard, serait faite»[3].

Я, разумеется, не берусь судить, насколько эти заявления будут соответствовать при будущих политических конъюнктурах окончательному решению Италии, но я не сомневаюсь, что в *данную минуту* слова г. Боллати, мной только что приведенные, выражают действительные намерения римского кабинета.

Примите и пр.

Крупенский.

№ 573. Военный агент в Германии начальнику генерального штаба Жилинскому.

Рапорт № 295. 27/14 августа 1912 г.

Секретно.

[24] 11 сего августа заезжал ко мне член Государственной думы А. И. Гучков.

Цель его посещения заключалась в желании ориентироваться относительно некоторых вопросов, касающихся современного состояния вооруженных сил Германии и значения нового военного закона 1912 г. В частности, г. Гучков более подробно интересовался вопросами вооружения пехоты (пуля S) и артиллерии (легкие гаубицы и тяжелая артиллерия полевой армии), боевой подготовки личного состава и др.

Со своей стороны г. Гучков сообщил мне немало интересных фактов, касающихся, главным образом, отрицательных сторон деятельности наших главного артиллерийского, а также главного инженерного управлений.

Г. Гучков возвращается в Россию после поездки на Балканы, где он пробыл довольно продолжительное время, и пребывания затем в Киссингене[4].

По словам г. Гучкова, личные наблюдения, а также разговоры с государственными людьми Болгарии и Сербии приводят его к глубокому убеждению, что война на Балканах осенью настоящего года неизбежна. Как

---

[1] Письмом от 29/16 авг. Севастопуло сообщал, со слов Палеолога, что «касательно мысли об отправлении турецкой миссии в Триполитанию» в К-поле, «повидимому, взяло верх мнение Хильми-паши, и об означенном проекте нет более речи в настоящее время» (ср. № 458).

[2] См. № 571.

[3] «Если мы и говорим, что мы удержим за собой острова, так это только для того, чтобы побудить Турцию заключить мир; но это только угроза, так как очевидно, что мы уйдем с этих островов, как только мир, рано или поздно, будет заключен».

[4] См. № 480.

в Болгарии, так и в Сербии идут самые энергичные и спешные к ней приготовления. Общественное мнение, признающее момент для окончательного разгрома Турции редко благоприятным, требует войны. Столь благоприятная обстановка может не повториться.

Воодушевление в народе большое. Правительство сознает, что пойти наперекор желаниям и сознанию народа было бы в данном случае слишком рискованным. Это угрожало бы не только для лиц, стоящих у власти, но и для династии потерей всякой популярности и серьезными беспорядками внутри страны. Правительство, впрочем, солидарно с народом. Царь Фердинанд заявил министру-президенту Гешову, что если последний категорически скажет ему, что война *должна* быть объявлена, то он не задумается сейчас же отдать приказ о мобилизации армии и сосредоточении ее к границам Турции.

В настоящее время стараются лишь выиграть время для уборки урожая.

Под Адрианополем болгары рассчитывают встретить не более 300 000 турок и полагают, что им удастся разбить эту армию.

Сербская армия, по словам г. Гучкова, за последнее время также сделала большие шаги на пути к усовершенствованию.

Благодаря тому, что болгарам и сербам удалось, наконец, притти к соглашению относительно имевшихся между ними спорных вопросов, Сербия готова немедленно же открыть военные действия против Турции, как только Болгария объявит войну. Приготовления к последней идут в Сербии также самые деятельные.

Наконец, надеются в ближайшем будущем притти также к соглашению с греками относительно остающихся еще между ними и балканскими государствами спорных вопросов. Это обеспечило бы активную помощь и со стороны Греции.

Черногория и, несомненно, более активная при такой обстановке деятельность Италии оттянут на себя внимание и значительные силы турок, которым придется, кроме того, считаться с целым рядом восстаний как на Балканах, так и в Аравии, а также держать достаточные силы на границах Персии и нашей кавказской.

Болгары, по словам Гучкова, считаются при этом с вероятностью враждебных против них действий со стороны Румынии, которая, может быть, даже займет своими войсками некоторые болгарские области, с тем, чтобы при заключении мира иметь возможность сказать веское слово и получить необходимую ей компенсацию.

Сербы также не скрывают от себя вероятности занятия австрийцами не только Косовского вилайета, но и вступления австрийских войск в Сербию с занятием Белграда.

Тем не менее, как болгары, так и сербы решили, даже при столь неблагоприятной обстановке, не отказываться от главной своей цели — окончательно разгромить Турцию [1].

Собранные на Балканах сведения и личные свои взгляды на общее военно-политическое положение г. Гучков сообщил письмами из Киссингена председателю совета министров Коковцову и министру иностранных дел Сазонову [2].

---

[1] Лично я считаю наступление болгарской и в особенности сербской армии вглубь Турции, при вышеочерченных условиях, неправдоподобным. Полагаю, однако, что мобилизация войск Одесского военного округа и Черноморского флота могла бы удержать румын от вторжения в Болгарию. [Прим. оригинала.]

[2] В дополнение к публикуемому документу Базаров сообщал Жилинскому 30/17 авг. рапортом за № 307 следующее: «Все переданное мне г. Гучковым об общем военно-политическом положении на Балканах сообщил мне вчера также здешний болгарский военный агент майор Ганчев, [28] 15 сего августа вернувшийся из Болгарии, где он присутствовал на юбилейных торжествах 25-летия царствования царя болгарского Фердинанда I. По словам майора Ганчева, война может вспыхнуть каждый

[25] 12 сего августа г. Гучков был у нашего морского агента, капитана Беренса, для ознакомления с некоторыми вопросами, касающимися военно-морских вооруженных сил Германии.

В тот же день императорский поверенный в делах А. Н. Броневский (с которым г. Гучков познакомился здесь в настоящий свой приезд в Берлин), г. Гучков и я обедали в одном из ресторанов, причем в разговоре затрагивались те же вопросы.

[26] 13 августа капитан Беренс пригласил к себе на завтрак г. Гучкова и меня. Разговор шел почти исключительно о морских вооруженных силах Германии, а также России, возможности германского десанта в Финляндии и положении нашего флота на Дальнем Востоке, а также об Амурской флотилии и создании таковой для плавания по финляндским водным путям.

В тот же день вечером г. Гучков выехал через Вержболово в Россию.

Капитан Беренс и я вынесли из наших разговоров с г. Гучковым впечатление, что он не только прекрасно осведомлен по всем коренным и наиболее в данное время острым вопросам нашего военного и даже военно-морского дела, но кроме того весьма основательно знаком и с главнейшими данными о сухопутных и морских вооруженных силах Германии.

Любовь к военному делу, сознание громадной важности вопроса о готовности государства к могущей во всякое время вспыхнуть войне, горячее желание всеми силами содействовать скорейшему проведению самых энергичных мер к завершению нашей боевой готовности и в особенности к перевооружению нашей пехоты и артиллерии, а также крепостей, к созданию воздушного флота и к полному использованию всех новейших средств техники в области, обнимаемой германской General-Inspection des Militär Verkehrswesens[1], наконец, пламенное желание искоренить преступные злоупотребления и непростительную медленность в работе, обнаруженные, по словам г. Гучкова, в некоторых наших ведомствах в связи с неправильной их организацией, — все это, повидимому, поглощает всецело его внимание.

Умение обращать внимание на наиболее важные в данное время вопросы и правильно оценивать их, желание итти вперед, пользуясь опытом других государств, спокойное и вместе с тем стремящееся вникнуть в самую суть дела отношение к разбираемым вопросам — приводят к убеждению, что имеешь перед собой серьезного и выдающегося государственного человека[2].

Генерального штаба полковник Базаров.

№ 574. Поверенный в делах в Бухаресте министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 60. 27/14 августа 1912 г.

Насколько мне удалось пока выяснить, поездка австро-венгерского министра иностранных дел[3] если и подчеркнула близкие отношения соседних монархий, все же не изменила их существенным образом. Повидимому, ближайшею целью графа Берхтольда было выяснить, путем личного обмена мнений с королем Карлом, роль Румынии в дальнейшем развитии ближневосточного кризиса и тех притязаний, которые она заявит в случае верного сотрудничества австро-венгерской политике. В стремления этой политики, насколько можно здесь судить, входит ныне желание использовать румынскую дружбу не только на случай борьбы с нами, но и для

день и только самый безотлагательный созыв международной конференции и провозглашение полной автономии Македонии могли бы, пожалуй, еще предотвратить ее».

[1] Главная инспекция военных сообщений.

[2] На оригинале имеется помета: «Очевидно полковник Базаров не осведомлен, что такое г. Гучков. С[ухомлинов], [7 сентября] 25 августа».

[3] Берхтольд был в Румынии с 24/11 по 26/13. авг. (ср. № 463).

достижения австро-венгерских целей на Ближнем Востоке. Это возбудило здесь некоторое беспокойство вследствие боязни быть вовлеченными в международные осложнения, которых здесь безусловно больше всего боятся, в случае активного выступления Австро-Венгрии в ближневосточных делах. Кроме того, судя по разговору, который я имел с его королевским величеством и некоторыми другими лицами, здесь опасаются, что визит графа Берхтольда вызовет у нас подозрение, и этого всячески хотели бы избежать. Имею основание предполагать, что далее выяснения взаимных точек зрения на балканские дела дело пока не пошло [1].

Лысаковский.

№ 575. Поверенный в делах в Белграде министру иностранных дел.

Депеша № 54. 27/14 августа 1912 г.

Секретно

М. г. Сергей Дмитриевич,

Сербия переживает тревожные дни. Нигде так болезненно не отзываются потрясения политической жизни Балканского полуострова, как здесь.

С севера — всегда угрожающая Австро-Венгрия отнимает у большей части своего сербского населения права свободного национального развития и ставит православную церковь под власть и контроль той части ее духовенства, которая, не отдавая себе отчета в собственных интересах, готова служить орудием в руках самых искусных притеснителей славян.

С юга — Турция, сербское население коей вынуждено для спасения жизни детей и чести жен итти рука об руку с невежественными арнаутами, достигая при этом далеко не удовлетворительных результатов, ибо турки весьма косо смотрят на эту, с их точки зрения, подозрительную дружбу.

При этом как из культурной Австрии, так равно и из полудикой Турции все чаще раздаются обращенные к свободным сербам королевства просьбы о помощи, и трудно сказать, с которой стороны жалобы звучат убедительнее.

А вместе с тем в распоряжении Сербии имеются лишь весьма слабые средства воздействия для того, чтобы хоть сколько-нибудь остановить постоянное преследование и обезличение сербского племени, особенно систематически и беспощадно проводимые Австро-Венгрией.

Поэтому всякое выступление последней, так или иначе касающееся интересов сербства, вызывает здесь глубокое недоверие, которое ныне особенно сильно проявилось по поводу заявленного графом Берхтольдом предположения, что путем децентрализации власти в Оттоманской империи могут быть обеспечены мир и спокойствие для христианских народностей Европейской Турции.

Общее впечатление от предложения Австрии как на правительство, так и на общественное мнение и печать очень сильное и отрицательное. Побудительными причинами инициативы графа Берхтольда здесь считают: 1. Желание Австрии подорвать престиж России, пользуясь коим последняя до сих пор успешно способствовала сохранению мира на Балканском полуострове, и ослабить все растущее русское влияние на балканские госу-

[1] В тот же день тел. за № 61 Лысаковский передал сделанное ему пред. рум. совета м-ров заявление, что «визит графа Берхтольда был лишь актом вежливости со стороны Австро-Венгрии, с которой Румыния находится в самых дружественных отношениях, и что он не желает, чтобы этому визиту придавали чрезмерное значение. Румыния слишком ясно сознает выгоды своего нынешнего положения. Она желает прежде всего сохранить свободу действий и хорошие отношения со всеми государствами и в особенности с Россией, политика коей направлена к сохранению status quo на Ближнем Востоке, столь же необходимого и для Румынии». «Председатель совета министров заверил меня, — писал Лысаковский, — что Берхтольд не привозил письма императора Франц-Иосифа, как то сообщалось в газетах, и не был его посланцем, чем объясняется отсутствие тостов за парадным обедом».

дарства. 2. Посеять раздор среди славянских государств, признаки сближения между коими и даже с Грецией, которая до самого последнего времени склонялась больше в сторону Тройственного союза, беспокоят Австрию, и 3. Выступая с предложением о децентрализации, намекающим, быть может, на создание автономной Албании, подготовить почву для дальнейшего поступательного движения Австрии к Эгейскому морю, наперерез сербским стремлениям к Адриатике и русскому торговому пути через Проливы.

Что же касается ожидаемых сербами результатов от выступления графа Берхтольда, то таковые, в лучшем случае, и по мнению Н. Пашича, переговорами окажутся сведенными на-нет. Пока же между непосредственно соприкасающимися с Албанией четырьмя государствами, а именно — Сербией, Черногорией, Грецией и Болгарией, приступлено к выяснению общей точки зрения на события, для того, чтобы впоследствии, в зависимости от обстоятельств, объединенными стараниями воспрепятствовать могущим существовать у Австро-Венгрии, в связи с замечаемым расслаблением Турции, намерениям относительно Албании.

Как вашему высокопревосходительству известно, инициативу к обмену взглядов по указанному предмету между правительствами четырех королевств взяла на себя Греция [1].

Со слов министра иностранных дел и Н. Пашича, я заключаю, что намеченные переговоры, ввиду преподаваемых императорским правительством советов благоразумия и условий политического положения Сербии, будут вестись последней весьма осторожно [2].

В заключение почитаю долгом отметить проявляющееся за последние дни некоторое возбуждение сербского общества под влиянием как выступления Австрии, так и получаемых из Старой Сербии тревожных известий, о которых я имел честь довести до сведения господина управляющего императорским министерством секретной телеграммой от [25] 12 августа за № 114 [3]. Печать повысила тон, на митингах требуют энергичного вмешательства в события.

Правительство в ответ ныне опубликовало сообщение, призывающее народ к соблюдению спокойствия. На сделанное в Константинополе через сербскую миссию представление в пользу безотлагательного водворения порядка в сопредельных с Сербией турецких областях [4] ответа еще не последовало, и, в случае если бы представление это не имело желаемого действия и смута приняла бы более угрожающие размеры, сербское правительство предполагает обратиться к России, Франции и Англии за содействием и вместе с тем оказать и непосредственно возможную помощь бедствующим сербам. Сообщая мне об изложенном, министр иностранных дел заявил, что королевское правительство попрежнему не намерено выступать активно в смысле вооруженного вмешательства, и что оно не подаст повода к такому и другим государствам, заинтересованным в балканских делах.

Посетивший меня сегодня Н. Пашич показался мне озабоченным. Он теряет надежду на успокоение в Албании и предвидит, согласно получаемым им сведениям, новую и весьма опасную вспышку беспорядков к концу рамазана, когда албанцы убедятся в тщетности своих ожиданий обещанного турками удовлетворения поставленных требований.

Кроме того, нынешний сербский кабинет, под давлением общественного

---

[1] См. № 542.

[2] В ответ на тел. Нератова за № 1620 (см. № 544) Штрандтман в тел. от 27/14 авг. за № 116 сообщил, что в этот день серб. прав-во передало Греции ответ «о своей готовности приступить к обмену мнений по содержанию запроса». М-р ин. дел и Пашич заверили Штрандтмана, что «со стороны Сербии возбуждение вопроса о мерах активного вмешательства совершенно исключено».

[3] См. № 554.

[4] Ср. № 576.

мнения, выказывает склонность сложить власть и уступить место более сильным и влиятельным лицам.

Н. Пашич, по всей вероятности, примет председательство и министерство иностранных дел в коалиционном кабинете, который он надеется составить из старо- и младорадикалов, хотя, по его мнению, предпочтительнее было бы еще повременить, чтобы в партийном отношении иметь возможность лучше подготовиться к предстоящей перемене.

Примите и пр.

В. Штрандтман.

№ 576. Военный агент в Сербии в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Рапорт № 137. 27/14 августа 1912 г.

Секретно.

Обзор текущих событий.

Австрийское предложение вызвало здесь глубочайшее недоверие и нескрываемые опасения. Однако сербы все-таки надеются, что цинично своекорыстные планы Австрии будут разгаданы, и каких-либо практических результатов для Австрии этот ловкий ход не даст; в частности, что австрийский проект создания автономной Албании со включением в нее сербских земель (Старой Сербии и Санджака) не будет осуществлен.

Последние события в Европейской Турции весьма волнуют сербское общественное мнение. Особенно сильно подействовали слухи о резне безоружных сербов в Беранах и Сенице и убийство беранского каймакама, молодого образованного серба Ильи Поповича, пользовавшегося общим уважением христиан и мусульман и верившего в возрождение Турции при новом режиме.

На сербскую границу являются беглецы из Санджака; носятся слухи о резне; [24] 11 августа вечером здесь говорилось о 3 000 убитых сербах и т. п. Неудивительно, что общество волнуется, что газеты требуют от правительства энергичных действий, мобилизации, а если нужно, то и войны с Турцией или, вернее, «похода для освобождения несчастных рабов турецко-албанского произвола».

[24] 11 августа в Белград возвратился из сербского курорта Аранджеловца король Петр. Несколько ранее прибыл из-за границы и Никола Пашич. Возвращение министра-председателя М. Трифковича ожидается на-днях.

Покамест по поводу событий в Санджаке правительством сделано энергичное представление Порте и послан на место происшествия один из старших сербских таможенных чиновников на сербско-турецкой границе, чтобы лично удостовериться в размерах резни и притеснений вообще, имевших место после возвращения арнаутов из Скоплье и сосредоточения турецких войск к Беранам[1], сопровождавшихся формированием мусульманских чет для борьбы с черногорцами и терроризирования населения страны.

Весьма вероятно, что теперь же, во второй половине августа, состоится образование нового кабинета с Н. Пашичем во главе, о чем мной сообщалось в донесении за № 119[2].

Сербское правительство весьма послушно следует всем указаниям из Петербурга; поэтому было бы крайне желательно облегчить его положение перед страной энергичным нашим заступничеством за сербские интересы в Старой Сербии и Санджаке вообще, а в частности по вопросу об имущественной и личной безопасности сербского населения этих провинций от

[1] См. стр. 57, прим. 2, и № 509.
[2] См. № 381.

турецко-албанского произвола и насилий. Это дало бы возможность избежать на некоторое время взрыва национальных страстей, заглушающих голос разума, и вооруженного столкновения на Балканах, признаваемого нами несвоевременным.

Генерального штаба полковник Артамонов.

№ 577. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

·/. Депеша № 49. 27/14 августа 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В продолжение вчерашнего моего разговора с министром иностранных дел я спросил его, в каком положении находятся ныне неофициальные переговоры в Швейцарии. Норадунгиан-эффенди поспешил заверить меня, что беседы между турецким и итальянским уполномоченными следуют нормальным путем, но не стал вдаваться в подробности вопроса. Я выразил министру живейшее мое удовлетворение по этому поводу и добавил, что даже, если бы прямые переговоры не привели к желаемой цели, то и тогда не следовало бы терять надежды на возможность заключения мира. Турция всегда могла бы воспользоваться тогда посредническими услугами держав. Условия, которые Турция была бы вынуждена, быть может, принять, явились в таком случае уступками, сделанными всей Европе, и имели бы менее обидный характер. Министр тогда полюбопытствовал узнать, не прекратилась ли уже предложенная державами медиация. На мою просьбу точнее определить свою мысль, Габриэль-эффенди определенно поставил вопрос, не изменило ли посредничество держав своей формы. В этих словах и еще более во взоре, сопровождавшем их, сквозило, как будто бы, желание дать мне понять, что в этой области произошла некоторая перемена. Точно предложение услуг исходило уже не от пяти держав, или существовало давление какой-либо из держав ради продолжения непосредственных переговоров. Упомянутое в моей телеграмме за № 569 [1] соглашение между министром иностранных дел и г. Ногара относительно ответов на возможные запросы германского посла возбуждает во мне сомнение, не проявила ли Германия за последнее время единоличного почина в целях примирения воюющих. Я ответил министру, что совокупная медиация всех пяти держав будет во всякое время вновь к его услугам, как только Порта пожелает к ней прибегнуть.

В дальнейшей беседе министр возобновил уже ранее поставленный им мне вопрос, влечет ли общая медиация обязательное созвание конференции.

Я вновь высказал ему мое личное мнение, что успех медиации зависит, конечно, от сговорчивости сторон, могущих, несомненно, таким путем избегнуть конференции, нежелательной, конечно, Турции, опасающейся возникновения на ней вопросов, ранее не намечавшихся.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 578. Генеральный консул в Канее министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 83. 27/14 августа 1912 г.

Самосское предприятие.

Английский генеральный консул по приказанию лондонского кабинета сделал сегодня самостоятельно заявление критскому правительству относительно помощи острову Самосу и предупредил от лица великобританского

---

[1] См. стр. 50, прим. 1.

правительства, что самые решительные меры, до употребления силы включительно, будут приняты, чтобы воспрепятствовать высадке на Самосе каких-либо добровольцев. Правительство ответило, что мысль об экспедиции большим отрядом оставлена, но что самая идея еще держится и будет, вероятно, приведена в исполнение отдельными лицами и небольшими группами самостоятельно. По поводу этого изложенного заявления позволяю себе привлечь внимание вашего высокопревосходительства, что, будучи сделано тотчас после нашего общего шага и сообща же принятых нами мер, оказавшихся и своевременными, и успешными, таковое сепаратное выступление является на деле ничем не вызванным, а в отношении местного населения подрывающим, к сожалению, заботливо поддерживаемое нами впечатление полного согласия и единства действий всех держав-покровительниц. Одновременно здешний английский крейсер получил предписание итти к Самосу [1].

Шебунин.

№ 579. Министр иностранных дел поверенным в делах в Париже и Лондоне — Севастопуло и Эттеру.

Телеграмма № 1657. 28/15 августа 1912 г.

Нам известно из достоверного источника, что в Афинах возникла мысль о необходимости получения королем согласия держав-покровительниц на назначение на Крит временного комиссара [2], которому поручено было бы распустить нынешнее революционное собрание и подготовить выборы в новую палату; по сформировании нового законного правительства на Крите он сложил бы свои полномочия и покинул остров.

В этой мере в Афинах видят лучшее средство избавиться от неспособного управлять островом правительства и избежать неминуемых затруднений при возобновлении попытки критян послать депутатов в афинскую палату; там убеждены, что мера эта будет встречена с удовлетворением на Крите и едва ли встретит противодействие Порты, как временная и принимаемая в целях водворения столь необходимого для всех заинтересованных сторон продолжительного спокойствия.

Благоволите осведомиться, известно ли французскому (английскому) правительству о высказанном в Греции пожелании и как оно склонно было бы к нему отнестись [3].

Сазонов.

---

[1] В тел. от 29/16 авг. за № 84 Шебунин сообщал: «Возвратившийся вчера в Суду французский стационер тоже получил приказание итти к Самосу и вышел туда сегодня утром. По слухам, переворот на Самосе, проектированный на вчерашний день и отложенный за неприбытием критян, вследствие принятых здесь мер, предположено осуществить в воскресенье, [1 сентября] 19 августа. Хотя ввиду этого мы и не прекращаем деятельного наблюдения, но мало вероятия, что критяне примут участие в предприятии. Первое воодушевление прошло, и началась уже реакция в виде взаимных обвинений и перекоров на почве подозрения в присвоении денег, розданных на это дело Софулисом и критским правительством».

[2] См. № 423.

[3] В ответной тел. от 29/16 авг. за № 169 Севастопуло сообщил, что, по словам Палеолога, в Париже «по этому делу ничего неизвестно». Палеолог категорически заявил, что Пуанкаре «наверно будет против исходящей из Афин мысли» и что последняя, вероятно, встретит сопротивление в Лондоне. На тел. этой имеется помета Николая II: «Недостаточно все отрицать, нужно противопоставить критике нечто положительное». Петергоф, 30/17 авг.

В тел. от 10 сент./28 авг. за № 228 Эттер сообщил, что Грей предвидит сильную оппозицию назначению комиссара на Крит со стороны Турции, которая никогда не допустит «кандидата, предложенного королем эллинов, хотя бы и назначенного четырьмя державами». Грей считал несвоевременным возбуждение этого вопроса «при наличности многочисленных затруднений, с которыми в данное время борется Турция». В заключение Эттер указывал, что, согласно полученным во франц. пос-ве в Лондоне сведениям, греч. король, «будучи в Париже, будто бы упомянул о кандидатуре королевича Андрея».

№ 580. Поверенный в делах в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Письмо [1]. 28/15 августа 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я имел честь по телеграфу уведомить А. А. Нератова, что Sir E. Grey ограничился общим ответом на предложение графа Берхтольда, переданное ему словесно австро-венгерским поверенным в делах [2]. Министр, до сего времени отсутствующий из Лондона, поручил Sir Louis Mallet'у передать графу Траутмансдорфу о своей всегдашней готовности обсуждать всякие меры, имеющие целью водворение и обеспечение спокойствия на Балканах.

Сообщив мне об этом, Sir L. Mallet прибавил, что статс-секретарь по иностранным делам желает во что бы то ни стало избегнуть всякого подобия давления на Порту и всякого выступления, тем более коллективного, имеющего вид вмешательства во внутренние дела Турции.

При следующем моем с ним свидании г. Маллет заметил, что министр с большим удовольствием осведомился о таковом же отношении к вопросу вашего высокопревосходительства. Он присовокупил, что лондонский кабинет, в ожидании дальнейшего, более подробного развития графом Берхтольдом возбужденного им вопроса, намерен, со своей стороны, его совершенно не подымать, и что ему казалось бы крайне желательным и необходимым, чтобы Россия, Англия и Франция заблаговременно согласовали как свое отношение к австрийскому предложению, так и дальнейший их совместный образ действий.

В Foreign Office'е всецело разделяют мнение Тевфик-паши, что советы держав Порте о направлении ее внутренней политики привели бы к падению правительства Мухтар-паши, которого здесь считают единственным государственным деятелем, способным еще несколько упорядочить положение вещей. Здесь поэтому с удовлетворением узнали о заявлении, сделанном также турецким послом в Вене графу Берхтольду [3], что предлагаемый им обмен взглядов послужил бы не к укреплению положения правительства, а, напротив, к его распадению.

После каждого разговора моего с г. Маллетом я убеждаюсь, что здесь одушевлены желанием поддерживать те более доверчивые отношения с Турцией, которые, в ущерб преобладавшему германскому влиянию, постепенно стали устанавливаться и развиваться после крушения старого режима.

Мухтар-паша, как известно, считается другом Англии, и старания, проявляемые в Лондоне в видах оказания ему поддержки, тем более понятны.

Отставка Хильми-паши [4], предвещавшая, казалось, общий министерский кризис, произвела здесь поэтому неблагоприятное впечатление.

Лондонский кабинет, вследствие сего всегда готовый принимать участие в советах умеренности, преподаваемых Порте при возникновении пограничных или международных инцидентов, повидимому, желает совершенно воздерживаться от участия в каких-либо выступлениях в Константинополе по вопросам, касающимся внутреннего положения вещей или политического строя Турции.

Из слов Sir L. Mallet'а я заключаю, что Sir E. Grey, в общем, скорее несочувственно отнесся к инициативе австро-венгерского министра, признав ее, во всяком случае, несвоевременной.

Находя предложение крайне неопределенным и неясным, г. Маллету (т. е. несомненно и Sir E. Grey) к тому же представляется особенно неумест-

---

[1] Опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 17.
[2] См. № 505.
[3] См. № 520.
[4] См. стр. 80, прим. 1.

ным и неосторожным упоминание о «децентрализации», способное скорее раздразнить, чем успокоить порывы различных балканских народностей.

Тем не менее здесь, как мне кажется, не расположены видеть в выступлении графа Берхтольда скрытых намерений, полагая, что в данную минуту, во всяком случае, Австрия едва ли не лишена возможности рассчитывать для выполнения каких-либо замыслов на албанцев, временно удовлетворенных расширением своих самобытных прав.

Поскольку дело касается поддержания спокойствия среди других национальностей — в Македонии и Старой Сербии, — то здесь также, повидимому, находят, что образ действий, предложенный венским кабинетом, вернее способен привести к обратным результатам.

Советы благоразумия, с указаниями на пример Албании и на смутную возможность приобретения подобных же прав в будущем, едва ли могут явиться для них вескими аргументами, тем более что, вероятно, и христианские народности Балкан не могут отныне рассчитывать на сочувствие и помощь со стороны албанцев.

Позволяю себе прибавить, что французский поверенный в делах совершенно доверительно сказал мне, что, по имеющимся в его посольстве сведениям, выступление графа Берхтольда, будто бы, было вызвано событиями позднейших времен: состоявшимися сближениями между балканскими государствами, укреплением Тройственного согласия и, между прочим, заключением морской конвенции, которую здешний германский посол считает «непосредственно и исключительно» направленной против Австро-Венгрии. Барон Маршалл перед отъездом из Лондона в отпуск, оказывается, в этом смысле высказался перед двумя проживающими здесь австрийскими журналистами, из которых один — натурализованный англичанин.

Примите и пр.

Н. Эттер.

P. S. Я только что ознакомил г. Маллета с содержанием вашей телеграммы за № 1655 [1], полученной сегодня утром.

Г. Маллет, поблагодарив за сообщение сущности разговора вашего высокопревосходительства с Турхан-пашою, прибавил, что Sir E. Grey несомненно воспользуется полученными данными при предстоящем его свидании с Тевфик-пашою. Он при этом вновь подтвердил, что все высказанные вами соображения всецело соответствуют взглядам статс-секретаря, считающего более чем когда-либо опасным затрагивать внутренние дела Турции.

Появившиеся в газетах заявления Джавид-бея, указывающего на возобновление державами, немедленно после падения младотурецкого министерства, применявшихся ими при Абдул-Гамиде приемов вмешательства, по мнению Sir Louis Mallet'a, подтверждают обоснованность вашей точки зрения.

Н. Эттер.

№ 581. Военный агент во Франции начальнику генерального штаба Жилинскому.

Рапорт № 319. 28/15 августа 1912 г.

М. г. Яков Григорьевич,

Как я уже имел случай докладывать вашему высокопревосходительству при посещении вами Парижа [2], в наших союзных отношениях с французами, не оставляющих желать ничего лучшего с внешней стороны, суще-

[1] См. № 566.
[2] См. № 325.

ствует все же, на мой взгляд, некоторая ненормальность, причину которой следовало бы искать в недоверии их к нашему военному могуществу или, точнее, к действиям наших армий в случае войны на германской границе. За короткое пребывание мое во Франции я имел много случаев разговаривать на эту тему, причем всегда подобные беседы начинались по инициативе французов; я, вполне понятно, их избегал, но не считаю вправе не давать успокоительных объяснений, так как полное замалчивание вносило бы еще больше сомнений. Я не хочу этим сказать, чтобы я позволял себе хотя бы намеком раскрывать наши государственные тайны, но я стараюсь всегда объяснить, что Россия в ее собственных интересах не может допустить разгрома Франции и потому вопрос о борьбе с Германией принимает так же близко к сердцу, как и они; что готовность наша к европейской войне за последние годы не только не умалилась, но во многих отношениях улучшилась. Вопросами этими интересуются здесь широкие круги общества; мне приходилось говорить и с начальниками бюро генерального штаба, и с публицистами, и с финансовыми и коммерческими деятелями. Все они, к сожалению, за весьма малыми исключениями, представлялись мне лицами с узким кругозором, чисто французским; они, с одной стороны, до сих пор не имеют представления об общем политическом положении и мировых задачах России, а с другой стороны, находясь под гипнотическим страхом перед Германией, устремляют свой взор на свою восточную границу, на которой только и видят вопрос своего бытия; прямым выводом из этого является их единственное страстное желание видеть наших солдат на германской границе и полное пренебрежение союзниками Германии, окружающими нас со всех сторон.

В силу этих явлений объяснения, данные вашим высокопревосходительством высшим начальникам французской армии, явились, конечно, особенно ценными, так как союзные отношения могут быть ценны, на мой взгляд, только при взаимном доверии, являясь в противном случае вредной обузой. Не знаю, насколько искренни были генералы Joffre и Castelnau, подтвердившие мне еще на-днях, насколько они удовлетворены разъяснениями вашего высокопревосходительства, но во всяком случае надо считать, что лица, стоящие ныне у власти, сознают необходимость поддержания и развития дружеских отношений между союзными армиями.

Иначе дело обстоит с обществом, и мои впечатления, изложенные в начале этого письма, нашли на-днях подтверждение в правых, патриотических органах прессы. Самым значительным выразителем известного недоверия явилось прилагаемое при сем в подлиннике открытое письмо, подписанное резервным офицером полковником Boucher [1] и помещенное в газете «Écho de Paris»; выдержки из этого письма с комментариями появились на следующий день в газете «Libre Parole» (католический орган). Наконец, то же письмо обратило на себя внимание немецкой прессы («Lokal Anzeiger», «Reichsbote» от 26/13 августа), выдержки из коих были помещены в сегодняшнем номере газеты «Temps».

Будучи далек от мысли возводить подобные статьи в акты, имеющие серьезное значение, я не могу не считать их правдивым выражением изложенных выше сомнений широких кругов французского общества. Признаю полезным учитывать этот элемент недоверия союзников не только в нашей внешней политике, к коей не имею прямого отношения, но и в порядке проведения в будущем наших военных реформ. Привыкнув к гласности, доходящей до вредных размеров, французы относятся с невольным подозрением и чрезвычайной чувствительностью к тем событиям, о коих они узнают как о post factum. К таким событиям относятся изменения в нашей дислокации мирного времени, остававшиеся долгое время секретом даже

[1] Указанное приложение отсутствует.

для высших военных французских начальников, с чем, как видно, наши союзники не могут до сих пор примириться.

Прошу принять и пр.

Игнатьев.

№ 582. Поверенный в делах в Вене министру иностранных дел.

⁄. Депеша № 31. 28/15 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Известие о шаге, предпринятом графом Берхтольдом перед правительствами великих держав по балканским делам, было совершенно неожиданно для здешних журналистов и для дипломатов. Даже германское посольство не было о нем предуведомлено. Известие это было опубликовано в двух венских газетах в самый день отправления последнего нашего курьера, а потому я решительно не имел возможности обменяться с кем бы то ни было впечатлениями по этому поводу и представить тогда же отчет императорскому министерству о вызванных этим шагом толках.

Хотя с тех пор прошли две недели и вся европейская пресса занимается предложением графа Берхтольда, истинная подкладка предложения, — если только таковая имеется в противоположность явным его целям, — а также возможные его последствия могут лишь быть предметом более или менее верных догадок.

Потому ли, что до своего отъезда в Румынию, откуда он вернулся лишь вчера [1], граф Берхтольд не получил еще ответов от всех запрошенных им кабинетов, или по другим причинам, но на все обращенные к нему вопросы по поводу его выступления австро-венгерский министр иностранных дел отвечал уклончиво, ничем, повидимому, не желая пояснить или дополнить смысл своего циркулярного предложения. Представителю одной из балканских держав он категорически высказал лишь два отрицательных положения: 1) его выступление отнюдь не имеет в виду какие-либо географические разграничения (т. е. разграничения отдельных провинций Турции по национальностям) и 2) оно отнюдь не должно быть понято как предложение вмешательства в дела Турции, так как Австрия далека от мысли вернуться к политике Мюрцштегского соглашения [2].

Упоминание последнего, как я думаю, было вызвано одной из первых критик предложения графа Берхтольда, появившейся в лондонском «Times» и основанной на той редакции предложения, которая впервые появилась в «Neue Freie Presse» и своей неточностью, как я слышал, вызвала неудовольствие Ball-Platz; согласно этой неточной редакции, Австро-Венгрия, будто бы, имела в виду реформы в Европейской Турции применительно к «действительным этническим обстоятельствам Турции» (an die tatsächlichen ethnischen Verhältnisse in der Türkei).

До сих пор официальное объяснение шага графа Берхтольда, высказанное мне и его временным заместителем бароном Маккио, попросту сводится к тому, что для горячо желаемого Австро-Венгрией сохранения мира и status quo на Балканском полуострове необходимо согласованное воздействие всех великих держав на Порту и на остальные балканские государства.

---

[1] См. стр. 101, прим. 3.

[2] Во время свидания Николая II с Франц-Иосифом в Мюрцштеге 3 окт./20 сент. 1903 г. была принята программа «реформ» для македонских вилайетов Турции. В ней предусматривались реорганизация турец. жандармерии и полиции при участии иностранных офицеров, преобразование административных и судебных учреждений, в которые признавалось желательным открыть доступ местному христианскому населению; для установления контроля над проведением этих реформ предусматривалось прикомандирование к генеральному инспектору гражданских агентов от России и Австро-Венгрии. Эта программа была предложена турец. прав-ву 22/9 окт. 1903 г.

Бесхитростное официальное объяснение это вполне соответствует действительности, но не исключает и другого мотива, который, как я думаю, мог также руководить графом Берхтольдом: желание представить ныне же в самом выгодном, миролюбивом свете Австро-Венгрию перед общественным мнением Европы и тем предупредить упреки в будущем, если бы обострившееся положение на Балканском полуострове, против ее воли, завлекло ее к активным выступлениям в сторону Санджака, Сербии или Албании.

Между тем, уже теперь слышится в европейской прессе немилосердная критика выступления Австрии, особенно критикуется неопределенность ее предложения и неудачное выражение «децентрализация», встреченное со столь нескрываемым неудовольствием в Турции.

Примите и пр.

Кн. Н. Кудашев.

№ 583. Поверенный в делах в Вене министру иностранных дел.

⁄. Депеша № 32. 28/15 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я только что имел разговор с графом Берхтольдом по поводу его выступления по балканским делам.

Он, повидимому, очень недоволен шумом, которым пресса обставила его предложение кабинетам, и особенно превратным толкованием мысли, побудившей его выступить с этим предложением. Последнее, как он мне сказал, имело в виду проверить отношение великих держав к возможным осложнениям на Балканском полуострове и установить с ними соприкосновение (établir avec elles un contact) на почве общего всем желания сохранить мир на Ближнем Востоке, согласуя в каждом конкретном случае действия всех в видах этой общей цели.

Это заявление настолько согласуется с прежним его заявлением о твердом намерении всеми силами способствовать «локализированию конфликтов», могущих вспыхнуть на Балканах [1], что я не вижу ни малейшего основания сомневаться в искренности данного мне графом Берхтольдом объяснения.

На мой вопрос, не последует ли теперь, когда он получил на свое предложение удовлетворительные ответы от всех держав, со стороны Австро-Венгрии какое-либо конкретное предложение, могущее служить продолжением начатого «разговора», граф Берхтольд ответил самым категорическим отрицанием, прибавив при этом, что он собирается на этих днях поручить графу Турну еще раз подробно объясниться с вашим высокопревосходительством по существу своего выступления.

Примите и пр.

Кн. Н. Кудашев.

№ 584. Министр иностранных дел поверенным в делах в Париже и Лондоне — Севастопуло и Эттеру.

⁄. Телеграмма № 1670 [2]. 29/16 августа 1912 г.

Сообщена в Константинополь ([31] 18 августа 1912 г.).

Полученные нами как от посланника в Софии, так и от здешнего болгарского посланника сведения указывают на крайнее возбуждение болгарского общественного мнения; усиливающееся в стране недовольство недостаточно

[1] См. №№ 379 и 420.
[2] Опубл. М., стр. 263.

энергичной по отношению к Турции политикой нынешнего кабинета легко может привести к его падению и появлению у власти весьма нежелательных политических элементов.

С другой стороны, создавшееся в христианском населении Турции впечатление, что интересы его не принимаются в соображение Европой, предоставившей его на произвол судьбы, может, очевидно, толкнуть его на путь террористических актов.

Такое положение вещей вызывает, мне кажется, необходимость в принятии каких-либо мер, способных вселить в балканских государствах и в самих турецких христианах надежду на улучшение их положения; этим путем может быть достигнуто хотя бы временное успокоение на Балканах и возможность предотвращения там вооруженных столкновений до той поры года, когда они, по климатическим условиям, станут невозможными.

Не выступая, со своей стороны, с какими бы то ни было конкретными предложениями с этой целью, я желал бы выяснить, не считают ли французское и английское правительства нужным теперь же вступить с нами в обмен мыслей по настоящему вопросу, дабы не быть застигнутыми врасплох назревающими событиями и согласовать наше к ним отношение.

Благоволите объясниться по содержанию настоящей телеграммы с правительством, при коем вы аккредитованы, и о последующем телеграфировать [1].

[Сазонов.]

№ 585. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо [2]. 29/16 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По прибытии из С.-Петербурга, г. Пуанкаре на другой день утром отправился в Рамбулье для сообщения президенту Республики и совету министров о результатах и подробностях своего путешествия.

Вернувшись оттуда, он с особой поспешностью передал мне, в ответ на мой запрос, что я могу застать его во всякое время.

Отказавшись от свойственной ему сдержанности, министр-президент весьма тепло встретил меня словами о том, как он тронут приемом, оказанным ему государем императором и его министрами.

Г. Палеолог подтвердил мне искренность этих чувств и объяснил, что г. Пуанкаре особенно глубоко оценил доверчивое к нему отношение его императорского величества, а также статс-секретаря Коковцова и вашего высокопревосходительства. Г. Палеолог привел мне, как пример этого безграничного доверия, сообщение вами французскому гостю особо секретных подробностей в области балканской политики последних месяцев.

Без сомнения, известная вашему высокопревосходительству из агентских телеграмм речь г. Пуанкаре в Дюнкирхене [3] произвела во Франции

---

[1] Текст этой тел. был передан 30/17 авг. в виде пам. записки росс. пос-вом в Париже франц. м-ву ин. дел (опубл. Doc. Dipl., 3-me série, t. III, p. 424, N 342) и росс. пос-вом в Лондоне в англ. м-во ин. дел (опубл. Brit. Doc., vol. IX, P. I, p. 666, N 689 encl.).

[2] Опубл. М., стр. 254.

[3] На банкете, устроенном 21/8 авг. местными властями в Дюнкирхене по случаю возвращения Пуанкаре из России, он произнес речь, в которой, между прочим, сказал: «Россия и Франция одинаково заинтересованы в прочности союза, который позволяет им постоянно сочетать образ действий своей дипломатии в направлении взаимодействия, клонящегося к сохранению мира; в то же время они внимательно следят за развивающимися событиями и взаимным согласием обеспечивают себя против возможных случайностей. Этот союз дополняется и расширяется благодаря нашему сердечному соглашению с Англией. Никто, разумеется, не может усматривать в этой мирной группировке трех дружественных держав проявление воли вызывающей или агрессивной». («Новое время», № 13078, 22/9 авг.)

очень благоприятное впечатление относительно результатов поездки и прочности союза; впечатление это усилилось ответами, данными г. Пуанкаре обратившимся к нему журналистам; хотя уклоняясь от интервью, он подчеркивал сердечность оказанного ему приема и прочность существующих между обеими странами отношений.

Примите и пр. М. Севастопуло.

№ 586. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 29/16 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как вашему высокопревосходительству известно из секретной телеграммы моей от 22/9 сего месяца за № 151 [1], г. Пуанкаре, которого я посетил в этот день, крайне осторожно и недоверчиво относился к последнему австро-венгерскому предложению по балканским делам.

Его особенно затрудняло абсолютное неведение, в коем он находился не только об уступках албанцам, на которые соглашалась Турция, но и о самих требованиях албанцев.

Поэтому, как он мне ясно высказал, он склонен был подозревать у графа Берхтольда стремление добиться возможно широкой автономии в пользу албанцев и объяснял себе его выступление желанием заручиться поддержкой держав в этом деле путем обещаний о даровании впоследствии льгот и другим христианским народностям на Балканах.

Это недоверие руководило французским правительством, когда в ответе своем венскому кабинету [2] оно дало ясно понять, что отнюдь не намерено заступаться за албанцев, предоставляя Порте решить это дело по собственному усмотрению и сделать уступки, на какие она сама сочтет возможным согласиться (spontanément).

С тех пор, как говорил мне сегодня г. Палеолог, виды здешнего правительства относительно скрытых побуждений венского кабинета изменились.

Опубликование албанских требований [3] показало, что вряд ли в Вене рассчитывалось [4] добиться в их пользу широкой автономии, о которой они и сами не просили. По мнению французского посла в Вене, граф Берхтольд выступил без всякого твердо определенного плана; теперь, как пишет посол, министр уехал в Румынию [5], предоставив своему заместителю давать дальнейшие объяснения державам.

Наш разговор с политическим директором принял совершенно частный и дружеский оборот, и я тогда спросил его, не является ли, по его мнению, в таком случае правдоподобным сообщение одной газеты, будто граф Берхтольд хотел своим предложением опередить выступление, которого он опасался, как результат ваших разговоров с г. Пуанкаре. Мой собеседник ответил, что подобное объяснение ему отнюдь не представляется невероятным.

Примите и пр.

М. Севастопуло.

№ 587. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 29/16 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как я имел честь донести секретной телеграммой от 26/13 с. м. за № 163 [6], здесь очень озабочены положением дел на Балканах.

---

[1] См. № 533.
[2] См. № 539.
[3] См. № 543.
[4] Так в оригинале.
[5] См. стр. 101, прим. 3.
[6] Лит. копия тел. Севастопуло за № 163 датирована 27/14 авг. (см. № 569).

Г. Пуанкаре сказал мне вчера, что он не перестает действовать в успокоительном духе в Софии и даже, между прочим, предупредил в дружеской форме болгарское правительство, что, пока положение будет так тревожно, французским банкам не будет возможно приступить к выпуску болгарского займа [1].

Но г. Пуанкаре выразил мне, вместе с тем, что все эти советы умеренности в силу вещей мало действительны, ибо преподаются правительству, которое, как софийское, вполне благоразумно и само поставлено в весьма трудное положение ввиду возбуждения общественного мнения.

По мнению очень компетентного в этом вопросе г. Палеолога, главное, что̀ способно отрезвить болгарское общественное мнение, это напоминание о том, что, в случае вооруженного столкновения, Болгария будет предоставлена своим силам и что война может привести к полному ее разгрому.

Примите и пр.

М. Севастопуло.

№ 588. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 29/16 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к письму моему от сего числа по балканским делам в связи с выступлением графа Берхтольда [2], считаю небезынтересным присовокупить несколько слов о первом впечатлении, произведенном здесь этим выступлением, хотя, разумеется, это ныне непосредственного интереса уже не представляет.

Когда я 15/2 с. м. зашел к г. Палеологу, я застал его под свежим впечатлением только что сообщенного ему словесно австрийским поверенным в делах предложения графа Берхтольда [3].

Политический директор показался мне несколько озадаченным и не скрыл своего недоумения по поводу истинного смысла этого шага.

Его первой мыслью было, не учитывает ли венский кабинет вероятность отрицательного отношения держав к его выступлению, что̀ развязало бы ему руки для дальнейшего самостоятельного образа действий. Мы коснулись также с политическим директором вопроса о том, не отразится ли неблагоприятно на положении кабинета Гази-Ахмед-Мухтар-паши возвращение держав к приемам, от коих они отказались за все время нахождения у власти младотурок, более склонявшихся к Тройственному союзу, чем, повидимому, новый кабинет.

Что касается до прессы, то следует отметить отношение к этому делу газеты «Temps», которая, мало вдаваясь в разбор предложения по существу, усматривала в нем, прежде всего, стремление венского кабинета восстановить расстроенный им же концерт держав по балканским делам, причем газета приветствует это стремление.

В той же газете появилось письмо бывшего французского посла в Вене г. Крозье, которое считаю долгом у сего приложить и в коем заключается попытка выставить роль Австрии за последние годы в совершенно неожиданном как для публики, так и для осведомленных кругов свете. Г. Крозье силится доказать, что Австрия даже в 1908/1909 г. далеко не так отрицательно, как думают, относилась к сохранению европейского концерта [4].

---

[1] См. № 146.

[2] См. № 586.

[3] См. № 469.

[4] В письме от 18/5 авг., обращенном к редактору газеты, Крозье писал, что хотя и верно, что во время кризиса, который последовал за аннексией Боснии и Герцеговины, Эренталь вначале старался избежать любой ценой вмешательства других держав, «однако впоследствии, во второй фазе кризиса, после заключения австро-турецкого соглашения, уже не Австро-Венгрия, а главным образом Германия отвергала идею конференции, предложенную г. Извольским».

Я имел случай беседовать, в совершенно частной и дружеской форме, по поводу этого письма с г. Палеологом; он категорически высказал, что заключающиеся в письме «разоблачения» ничто иное, как плод воображения г. Крозье, который давно известен в Quai d'Orsay как человек увлекающийся до такой степени, что нередко в своих донесениях приписывал свои собственные мнения своим собеседникам, которые впоследствии от них отказывались.

Примите и пр.

М. Севастопуло.

P. S. Считаю долгом присовокупить, что по просьбе г. Палеолога я позволил себе передать ему во французском переводе начало секретной телеграммы от 18/5 с. м. за № 1566 [1], резюмирующее австрийское предложение, которое было ему известно только поскольку он мог воспроизвести его на память.

№ 589. Военный агент в Австро-Венгрии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 202. 29/16 августа 1912 г.

Секретно.

Полит[ическое] полож[ение] и военн[ые] пригот[овления].

Предложение графа Берхтольда относительно дипломатического обмена мнений по балканским делам между великими державами, подписавшими Берлинский трактат, живо обсуждается в здешних военных сферах.

Как я мог убедиться, в военных кругах придерживаются убеждения, что инициатива графа Берхтольда не примет реальной формы и, не будучи поэтому в состоянии изменить существующее положение вещей, носит чисто теоретический характер. Нет, однако, никакого сомнения в том, что инициатива графа Берхтольда стремится создать для Австро-Венгрии род нравственного права для агрессивного выступления на Балканах в будущем, если обстоятельства ее к тому принудят: предпринимая этот шаг, австрийское правительство заявит, что им исчерпаны все меры к предотвращению кризиса, и напомнит о безуспешности своих стараний к мирному разрешению балканской неурядицы совместно с другими заинтересованными сторонами.

Не желая обострять кризиса на Балканах и все еще надеясь на мирное его разрешение, австрийское правительство в военных своих приготовлениях продолжает избегать мероприятий, могущих вызвать сильную тревогу на южной границе.

Отмечу, однако, что центральному правительству приходится при этом бороться с безответственной военной партией, стоящей за более решительный образ действий. Во главе этой партии стоят, как известно, наследник престола и его помощник и советник генерал Конрад ф. Гетцендорф; военный министр и начальник генерального штаба представляют из себя послушных клевретов этих лиц.

Что касается собственно военных приготовлений Австро-Венгрии за последние две недели, мной получены в этом отношении следующие сведения.

1. В начале августа, из различных частей, расположенных внутри империи, отправлено около 1000 н[ижних] чинов на усиление кадров частей XV и XVI корпусов.

[1] См. № 496.

2. По получении известия о приведении черногорских войск на военное положение, генерал Ауффенберг доложил императору о необходимости приступить к мобилизации частей XVI корпуса, расположенных в пограничной с Черногорией полосе; однако это предложение не было принято императором, к тому же через несколько дней в военном министерстве были получены более успокоительные сведения, согласно которым на австро-черногорской границе мобилизация коснулась только частей черногорской крепостной артиллерии.

3. В последнее время опять возобновились полевые занятия австро-венгерских войск и постройка ими укреплений на дунайском острове близ Дубицы[1]; как известно, подобное же явление в начале этого лета вызвало большую тревогу в сербском генеральном штабе, о чем полковник Артамонов представил в свое время подробное донесение[2].

4. Большая часть австро-венгерского флота сосредоточена в Поле и содержится в полной готовности к отплытию.

5. Наш консул в Триесте донес в посольство, что с начала августа замечается передвижение войск через Триест в Полу[3].

Последнее известие, в связи с сосредоточением флота в Поле (о чем консул также доносит), могло бы иметь весьма тревожный характер, служа указанием на готовящуюся десантную операцию в Албании.

Однако я не могу придать серьезного значения этому сведению по следующим причинам:

а) другие надежные источники его не подтверждают;

б) в данный момент, ввиду только что разосланного графом Берхтольдом приглашения великим державам относительно совместного обсуждения балканских дел, внезапный десант австрийцев в Албании явился бы предприятием слишком несвоевременным с политической точки зрения. Я склонен поэтому думать, что перевозки войск в Полу, о которых доносит наш консул в Триесте, вызваны повсеместно теперь производящимися маневрами. Возможно также, что перевозимые в Полу войска — нештатные команды, следующие морем в Далмацию и Герцеговину на усиление кадров XVI корпуса.

Вообще же говоря, проверка войсковых передвижений в настоящее время — период маневров — задача крайне трудная; разрешение ее облегчится в начале сентября, по окончании осенних сборов, когда войсковые части осядут в местах постоянного квартирования.

Генерального штаба полковник Занкевич.

№ 590. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма. № 103. 29/16 августа 1912 г.

Копия в Константинополь.

Получил телеграмму № 1655[4].

Министру иностранных дел донес из нее: 1) что к шагу графа Берхтольда мы в сущности относимся отрицательно и 2) что мы сами не предпримем

[1] Так в оригинале. Повидимому, следует читать: «Дубравицы».

[2] См. ч. I, стр. 316, прим. 2.

[3] В донесении от 23/10 авг. за № 813 управляющий консульством в Триесте сообщил в росс. пос-во в Вене следующее: «По полученным мной сведениям, в военном порте Пола с 8 авг./26 июля т. г. идет усиленная подготовка к тому, чтобы во всякое время флот был готов к выходу в море. За последние двенадцать лет, впервые в текущем году, ко дню рождения императора австрийского, против обыкновения, ни один австрийский военный корабль не прибыл в Триестский порт. С 15/2 тек. месяца замечается передвижение австрийских войск через Триест в Полу».

[4] См. № 566.

шагов в смысле статьи 23 Берлинского трактата [1], ибо безрезультатное давление наше на Порту могло бы привести нас к угрозам Турции и вызвать в конце концов опасность того столкновения, которое, по вполне оцениваемым мной причинам, мы считали бы крайне опасным и для России и для самих балканских славян. Я не премину сегодня же иметь самый серьезный разговор с Гешовым и Даневым и сообщить им при этом дословно часть вашей телеграммы от слов «активное выступление балканских государств» до слов «потушить таковой в самом начале», не упустив в то же время указать моим собеседникам на благожелательные и настойчивые старания вашего высокопревосходительства в пользу православного населения европейских вилайетов и на энергичные поступы нашего посла в Константинополе. Столь ясное и категоричное заявление воли русского правительства несомненно произведет должное отрезвляющее воздействие на короля Фердинанда и его министров, если только они сами причастны к агитации, охватившей страну и имеющей целью добиться автономных прав для македонских болгар, и если король и правительство в силах совладать с этой агитацией. Но если агитация в пользу македонских болгар имеет действительно народный характер и если недовольство в офицерской среде примет угрожающий оборот, то болгары, несмотря на наше решительное противодействие, все-таки пойдут напролом, увлекая за собой короля. Подобному исходу предшествовали бы, вероятно, отставка кабинета и призвание королем Радославова или стамбуловистов. Последующие дни выяснят, которая из двух вышеизложенных альтернатив справедлива, и я не премину сообщать вам мои впечатления по сему, первостепенного значения, вопросу. Конечно, весьма многое зависит и от того, проявит ли Порта достаточно энергии к предупреждению и подавлению погромов. В заключение считаю долгом повторить то, что уже доносил в телеграмме моей № 98 [2], а именно, что и помимо несбыточной албанской автономии здесь видят серьезную опасность для славянского населения Македонии в особенных привилегиях, которые исторгнуты были бы у Порты албанцами и которые усугубили бы угнетение православной райи в округах со смешанным населением.

Неклюдов.

№ 591. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 104 [3]. 29/16 августа 1912 г.

Копия в Константинополь почтой.

Ссылаюсь на мою предыдущую телеграмму [4].

Имел только что разговоры с Даневым и Гешовым. Данев сказал, что сообщение не является для него неожиданностью после его разговоров с вами; что он вполне понимает причины и соображения, руководящие императорским правительством, и будет, насколько возможно, сообразовывать свое поведение с нашими категорическими советами, но что волнение, охватившее Болгарию, весьма серьезно и может повести к острому неудовольствию и кабинетом и, в особенности, королем, коего теперь уже публично обвиняют в малодушии и пренебрежении национальными интересами. Что — правда. Гешов был чрезвычайно взволнован моим категорическим сообщением и пытался доказывать мне, что выступление болгар купно с сербами, черногорцами и греками не может зажечь общего европейского пожара, если только балканские государства поставят на своем знамени не изменение территориального status quo, а дарование македонцам прав,

[1] См. стр. 81, прим. 5.
[2] См. № 558.
[3] Опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 19.
[4] См. № 590.

предусмотренных параграфом 23 Берлинского трактата. При подобной постановке вопроса Румыния, по мнению Гешова, не сочла бы себя вынужденной напасть на Болгарию. Далее Гешов высказал опасение, что война может быть (начата) сербами и черногорцами, и что в таком случае, конечно, и невозможно будет отстать от своих союзников. По сведениям Гешова, в Константинополе [1] принимаются в настоящую минуту важные решения, ввиду чего туда и отправился третьего дня здешний сербский посланник. Я самым решительным образом заявил ему, что при каких бы то ни было условиях мы не согласны с выступлением Болгарии и других, и видели бы в таковом истинную и величайшую опасность для самих православных государств полуострова; что мы, несомненно, сумеем воспрепятствовать легкомысленным решениям в Белграде и Цетинье; что во всяком случае Болгария, начав войну, сделала бы это на свой страх и риск и не имела бы права рассчитывать ни на какую с нашей стороны поддержку. Вышеизложенные доводы Гешова заставляют меня подозревать, что между болгарами, сербами и Николаем черногорским уже назревал план совместного выступления. Путешествие Спалайковича, издавна воинственно настроенного, и прибытие сюда из Цетинье Колушева [2] я ставлю в непосредственную связь с этим планом. За всем тем волнение в стране и неудовольствие в офицерской среде существуют в действительности. Проявлениями первого, быть может, пользуется правительство в целях производить известное давление и на Порту и на нас, но они представляют несомненную опасность и для устойчивости нынешнего кабинета и для положения короля. В беседе и с Даневым и с Гешовым я не преминул указать на постоянные и настойчивые шаги ваши и Гирса перед Портой для упорядочения и облегчения положения македонских христиан. Я также обратился к их давнишним чувствам любви и уважения к России, настоятельно прося их не принимать никаких решений, которые были бы не только опасными для самих болгар, но и внесли бы в конце концов охлаждение между ними и Россией.

Неклюдов.

№ 592. Поверенный в делах в Афинах министру иностранных дел.

*/. Письмо. 29/16 августа 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Согласно полученным мною от императорского министерства повторным предписаниям, я при всяком удобном случае, как, например, на сегодняшнем обычном приеме у министра иностранных дел, не перестаю преподавать советы благоразумия и терпения здешнему руководителю иностранной политики; в подобном же смысле высказываюсь я и в беседах своих с аккредитованными в Афинах представителями других балканских государств. Последняя телеграмма вашего высокопревосходительства за № 1655 [3] еще более побудила меня действовать в сказанном направлении. Не могу, однако, скрыть, что постоянные советы эти, хотя и выслушиваются со всем должным вниманием и доверием в искреннее благорасположение России, тем не менее как бы все более и более теряют свою убедительность и уничтожают те надежды, кои возлагали балканские государства на мощную поддержку нашего правительства.

Указание на то, что «о даровании албанцам автономии не может быть и речи», вряд ли может служить к успокоению этих государств: под видом

[1] Так в оригинале; повидимому, следует читать: «в Белграде».
[2] См. № 546.
[3] См. № 566.

удовлетворения лишь «культурно-экономических» требований албанцы получают такие привилегии, которые давно — и притом тщетно — служат предметом домогательства христианского населения Турции. Албанцам выдали оружие, албанцам дали единоплеменного им вали, албанским наречием должны будут пользоваться государственные чиновники. Всего этого и добивается давным-давно славянская и греческая райя. Что же касается до возможных обещаний Турции, то можно ли поставить в вину христианским ее подданным, если они, наученные долгим историческим опытом, окончательно в них изверились.

Нисколько не касаясь высших соображений, руководящих нашей политикой, и всецело сознавая лежащую на мне обязанность продолжать неуклонно действовать в предуказанном мне направлении, считаю, однако, непременным долгом довести об этих печалованиях балканских христиан, поскольку таковые высказываются в Афинах, до сведения вашего высокопревосходительства, особенно ввиду того, что предмет их содержит в себе, по силе вещей, зерно грядущих тяжелых осложнений на Балканском полуострове, осложнений, избежать которые станет все более и более затруднительным.

Примите и пр. С. Урусов.

№ 593. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

Ш/. Телеграмма № 172 [1]. 30/17 августа 1912 г.

Получил № 1670 [2]. Продолжение № 170 [3].

Министр иностранных дел на три дня в деревне. Передал ваше предложение в форме памятной записки Палеологу, на которого оно, видимо, произвело сильное впечатление. Он припомнил, что уже в феврале Франция изъявила готовность на обмен мыслей с нами [4] и спросил, нет ли у меня каких-либо сведений, освещающих нашу цель. Предупредив его, что у меня за последние дни не было из Петербурга никаких телеграмм, кроме тех, о коих я ему говорил в разное время, я в дальнейшем дружеском разговоре напомнил ему об его вчерашнем сообщении и о конференции, и выразил, как совершенно личное и не основанное ни (на) каких сведениях предположение, что, может быть, существует связь между настоящим предложением и мыслью о конференции, которая повела бы к успокоению умов на Балканах и позволила бы выиграть время. По поводу тройственных переговоров он указал, как на крайнее затруднение для правильного хода дела, на отсутствие из Лондона Грея и Никольсона. В заключение он сказал, что не может, конечно, дать мне определенного ответа и напишет сегодня же министру.

Севастопуло.

№ 594. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 781. 30—29/17—16 августа 1912 г.
Срочно. Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Письмом от [26] 13 сего августа за № 952 [5] ваше превосходительство

[1] Опубл. М., стр. 268.

[2] См. № 584.

[3] Тел. от 29/16 авг. за № 170 (опубл. М., стр. 268) Севастопуло сообщал Сазонову: «Как сказал мне сегодня утром Палеолог, Луи телеграфирует, что в Петербурге держится слух о намерении Берхтольда предложить созыв конференции и что вы высказались за желательность, чтобы Тройственное согласие опередило его; почин должен был бы, по вашему мнению, принадлежать Франции. Эта мысль, видимо, здесь очень понравилась. Пока я был у Палеолога, Пуанкаре совещался по сему поводу с великобританским послом».

[4] См. т. XIX, №№ 596 и 699.

[5] Содержание указанного письма Сазонова исчерпывается публикуемым документом.

сообщили мне, что персидское правительство согласилось вступить с нами в переговоры относительно постройки железной дороги от Джульфы до Тавриза с ветвью к Урмийскому озеру, ввиду чего вы полагаете, что наступило время для выдачи названному правительству проектируемой ссуды в 25 000 ф. ст. и для посылки в Тегеран лица, на которое будет возложено ведение, при содействии миссии, переговоров об означенной железной дороге [1].

Вследствие сего, имею честь уведомить ваше превосходительство, что с моей стороны не встречается препятствий к выдаче ныне персидскому правительству указанной ссуды в 25 000 ф. ст. и что одновременно с сим правлению Учетно-ссудного банка Персии даны указания о производстве этой выдачи. При этом считаю долгом еще раз подтвердить, как мною уже было высказано в предшествующей переписке, что условия этой ссуды должны быть одинаковы с условиями мартовского аванса в 100 000 ф. ст. [2], с тем лишь добавлением, что персидское правительство предоставляет нашему банку право, в случае понижения таможенных доходов, приступить к отчислению на погашение ссуды известной части поступающих в банк других государственных доходов. Затем при самой выдаче означенной ссуды главный казначей Персии Морнар должен будет передать директору банка в Тегеране обязательство, подобное выданному им по первому авансу.

Вместе с тем имею честь сообщить вашему превосходительству, что для ведения переговоров с персидским правительством о предоставлении концессии на постройку железной дороги Джульфа — Тавриз с ветвью к Урмийскому озеру мною будет командирован в Тегеран председатель правлений обществ Энзели-Тегеранской и Тавризской дорог д. с. с. Подгурский.

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 595. Министр иностранных дел поверенному в делах в Париже Севастопуло.

*/. Телеграмма № 1692. 31/18 августа 1912 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 170 [3].

Возможность взятия на себя Францией почина созыва конференции допускается мной лишь в том случае, если у нас явится уверенность в намерении Австро-Венгрии предложить таковой, а также в том, что мысль о конференции встретит сочувствие всех держав. Такой уверенности у меня в настоящую минуту нет.

Благоволите разъяснить министру иностранных дел вполне определенно нашу точку зрения в этом вопросе во избежание какого-либо поспешного выступления со стороны Франции [4].

[Сазонов.]

---

[1] В тел. от 20/7 авг. за № 674 Поклевский сообщал о полученном им от перс. м-ра ин. дел письме. В этом письме м-р указывал, что Поклевский неправильно истолковал перс. ноту (см. № 492) и что перс. прав-во «не только расположено вступить в переговоры о постройке железных дорог, но и будет их вести с надеждой на возможность притти к заключению, согласному с интересами страны». В ответ на это Нератов в тел. от 25/12 авг. за № 1634 сообщил, что письмо Ала-эс-Солтане удовлетворяет росс. прав-во и что оно не считает нужным настаивать на исключении последней фразы перс. ноты. «На этом основании, — сообщал Нератов, — просим министра финансов сделать распоряжение о безотлагательной выдаче персам 25 000 ф. ст.».

[2] См. т. XIX, № 665.

[3] См. стр. 119, прим. 3.

[4] В ответной тел. от 1 сент./19 авг. за № 174 (опубл. М., стр. 269) Севастопуло сообщил следующее: «Французское правительство отнеслось к вашей мысли о конференции весьма серьезно, но оно не имеет в виду поспешного выступления. Министр только заметил, что когда выяснится решение Австрии предложить конференцию, то тогда для выступления Франции будет поздно».

№ 596. Начальник отдела Дальнего Востока генеральному консулу в Урге Люба.

⅟. Телеграмма № 1694 [1]. 31/18 августа 1912 г.

Сообщается посланнику в Пекине.

№ 1409 получен [2]:

Военный министр находит возможным снабдить монголов за плату современными винтовками. Передавая об этом монгольским министрам, благоволите воздействовать на них, чтобы удержать их от приобретения иностранного оружия. Благоволите также указать им, что русское оружие отпускается им не для снабжения им Внутренней Монголии, где оно будет бесполезно, ввиду явного военного перевеса китайцев, а для защиты Халхи и примкнувших к ней областей Западной Монголии, для чего монголы могут продолжать рассчитывать на нашу благожелательную поддержку [3].

[Козаков.]

№ 597. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

⅟. Телеграмма № 1699. 31/18 августа 1912 г.

Сообщается в Софию, Белград, Цетинье и Афины.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 623 [4].

Французскому послу в Константинополе предписано настаивать на официальном опубликовании Портой, что даруемые албанцам права распространяются и на неалбанское население четырех вилайетов.

Благоволите согласовать ваши выступления в этом смысле с шагами вашего французского сотоварища [5].

[Сазонов.]

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 442, N 675, где ошибочно дана подпись Нератова.

[2] В тел. от 21/8 авг. за № 1409 Люба сообщал, со слов монг. м-ров, что герм. инженер Генце, стремясь получить концессию на разработку золота, дважды предлагал монголам бесплатно оружие. Предложение это было отклонено. При этом монг. м-ры просили Люба довести до сведения росс. прав-ва, что «в настоящий острый период борьбы Монголии с китайцами отказ наш в удовлетворении ходатайства о продаже им винтовок, пулеметов и пушек вынудит монгольское правительство обратиться за оружием к иностранным фирмам».

[3] В ответной тел. от 3 сент./21 авг. за № 1504 Люба сообщил, что монг. прав-во согласно отказаться от услуг иностранцев, но просит росс. прав-во увеличить отпуск оружия в связи с присоединением Кобдо (см. № 691) и «неизбежности дальнейшей борьбы с китайцами в Алтае». Люба ходатайствовал об удовлетворении просьбы монголов, так как «отказ наш от данного раньше обещания умаляет наш престиж в глазах хутухты и его министров».

[4] См. № 563.

[5] Ссылаясь на публикуемую тел., Сазонов телеграфировал в Софию, Белград, Цетинье, Афины и К-поль 31/18 авг. за № 1700: «Несмотря на высказываемое Болгарией мнение, что даруемые албанцам права не будут иметь цены для турецких христиан [ср. стр. 66, прим. 7], полагаю, что, например, распространение на них права отбывания воинской повинности в пределах родного края явится несомненной льготой».

Тел. от 2 сент./20 авг. за № 122 Штрандтман сообщил: «Не зная, будет ли императорское правительство настаивать на предложенном турецким министром иностранных дел официальном опубликовании, я до сих пор не говорил о нем сербам. Ныне сообщил. Пашич очень доволен, считая действительное уравнение прав, в том числе касающихся отбывания воинской повинности в родном крае и ношения оружия, весьма ценным. Тем не менее он и министр иностранных дел высказали опасение, что в случае дарования албанцам на деле всего обещанного и распространения тех же прав на все население четырех вилайетов, нынешнее турецкое правительство может ожидать со стороны младотурок серьезных выступлений».

№ 598. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 173 [1]. 31/18 августа 1912 г.

Продолжение № 172 [2].

Палеолог просил меня зайти к нему и сказал, что, переговорив вчера по телефону с министром иностранных дел, он передал вам через французского посла, что французское правительство готово на вступление в предполагаемый вами обмен мыслей на основании состоявшегося 25 июня [нов. ст.] соглашения [3], но очень желало бы осведомиться о конкретных мерах, которые вы имеете в виду. Палеолог прибавил, что это для Франции очень важно также и в видах целесообразного выступления в Лондоне для поддержания нашей точки зрения. Позволяю себе присовокупить, что, как мне кажется, чем полнее вы разовьете свою мысль, тем более эта откровенность будет оценена здесь. Затем наш разговор принял неофициальный поворот. Относительно самого балканского кризиса оценка Палеолога не менее тревожна, чем дошедшие до вас сведения. Его нисколько не удивила бы отставка Гешова, которого он знает за человека равнодушного к власти и притом обеспеченного; равным образом на влияние короля он мало надеется. В той же неофициальной форме Палеолог последовательно остановился на различных догадках о могущих последовать с вашей стороны предложениях. Первой ему явилась мысль о конференции, к которой, по его мнению, придется рано или поздно прибегнуть для решения столь многочисленных назревших вопросов; но согласятся ли на участие в ней Турция и Италия. Или, быть может, имеется в виду конференция только пяти невоюющих великих держав. На это я лично от себя заметил, что даже такая ограниченная конференция соответствовала бы указанной вами цели — выиграть время. Политический директор еще упомянул, что, быть может, вы предполагаете указать, как на предмет обмена мыслей, выработку плана общего выступления в Софии в случае падения министерства и наступления там критической минуты.

Севастопуло.

№ 599. Поверенный в делах в Белграде министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 119. 31/18 августа 1912 г.

Копия в Софию.

Получил телеграммы №№ 1655 [4] и 1669 [5].

Ввиду продолжающих поступать из Болгарии сведений, разжигающим образом действующих на здешнее общественное мнение и военных, а равно вследствие склонности Греции занять угрожающее положение по отношению к Турции, о чем мне совсем доверительно сказал Пашич, я счел долгом осведомить последнего и министра иностранных дел о данных в Софии категорических советах благоразумия, указав еще раз на те печальные последствия, которые ожидают выступившее государство, и отметив крайнюю неуместность проявляющегося ныне в Сербии воинственного настроения военных сфер, до сих пор относившихся сдержанно к событиям. Я добавил, что не сомневаюсь в искренности дававшихся королевским правительством мирных заверений, но должен тем не менее самым серьезным образом обратить его внимание на замечаемый чрезмерный подъем духа у высших ответственных начальствующих лиц, не исключая и военного министра, каковое обстоятельство, неспособное, согласно тут же сделанному мне возражению, по-

[1] Опубл. М., стр. 269.
[2] См. № 593.
[3] См. № 227.
[4] См. № 566.
[5] См. стр. 93, прим. 2.

влиять на благоразумие правительства, может, однако, явиться весьма опасным соблазном к активному выступлению прочих балканских государств, на неминуемые печальные последствия коего императорским правительством неоднократно указывалось. Оба признали справедливость высказанного соображения, и в ответ категорически обещали употребить все свое влияние, чтобы теперь же, в самом начале, положить конец недопустимой и по их мнению воинственности. Вместе с тем мне были даны новые заверения неизменности решения следовать советам России. По ходу разговора, дабы укрепить сербское правительство в соблюдаемом им спокойствии, я совсем доверительно, но усиленно подчеркнул отрицательное отношение Порты к предложению Берхтольда и достигнутые вашим высокопревосходительством результаты в деле распространения даруемых албанцам прав на все население четырех вилайетов, без различия национальностей. Пашич принял сообщение с видимым большим удовлетворением и просил передать вашему высокопревосходительству глубокую благодарность за заботливое отношение к сербским интересам.

Штрандтман.

№ 600. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Депеша № 52. 31/18 августа 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из телеграфных моих донесений вашему высокопревосходительству известно, что выступление графа Берхтольда в албанском вопросе произвело на оттоманское правительство самое неблагоприятное впечатление [1].

Отзываясь о нем, министр иностранных дел высказал убеждение, что оно не менее кочанского дела послужило к возбуждению умов в Болгарии, опасающейся пропустить случай сделать шаг вперед на пути своих вожделений в Македонии.

По поводу австрийского выступления маркизу Паллавичини пришлось объясниться с Габриэль-эффенди и с великим визирем Гази-Мухтаром.

По словам моего сотоварища, при посещении им Порты министр просил его перейти с ним к великому визирю, пожелавшему, будто бы, осведомиться о намерениях Ball-Platz.

Маркиз Паллавичини, как сообщил он мне, высказал Гази-Мухтару, что граф Берхтольд имел лишь в виду оказать поддержку нынешнему правительству, разумно уклонившемуся от шовинистских стремлений младотурок, а вместе с тем и главным образом сплотить великие державы в общем воздействии на балканские государства.

Турецкая версия происшедшего разговора несколько отличается от изложения австро-венгерского представителя.

Маршал Гази-Мухтар утверждает, что он категорически заявил маркизу, что Порта сожалеет о выступлении венского кабинета, усматривая в нем вмешательство во внутренние ее дела, и что она решила твердо проводить национальную политику предыдущего младотурецкого министерства, не допуская никакой децентрализации.

Не входя в оценку достоверности той или другой передачи происшедших между Константинополем и Веной объяснений, нельзя не притти к заключению, что австрийский шаг скорее обострил, нежели внес успокоение во взаимные отношения между Турцией и балканскими народностями.

---

[1] См. № 520.

Он обязан этим результатом преждевременному шумному оглашению начинания, могущего при других обстоятельствах несомненно принести пользу.

Примите и пр. М. Гирс.

№ 601. Министр иностранных дел послу в Берлине Свербееву [1].

Письмо № 823 [2]. 1 сентября/19 августа 1912 г.

Из препровожденной вашему превосходительству с последним курьером телеграммы посланника в Пекине № 689 [3], вам известен высказанный им взгляд на несвоевременность мелких китайских займов. Взгляд этот был одобрен императорским правительством [4]. Мы полагаем, что хотя этого рода займы и предусмотрены синдикальным актом Шестерного консорциума, образованного для выпуска китайского реорганизационного займа, но при настоящем положении вещей они дают китайскому правительству возможность уклоняться от принятия условий, ставимых Шестерным консорциумом, и вредят таким образом достижению основной цели создания иностранного контроля за тем, как и на что̀ китайское правительство расходует получаемые им путем иностранных займов суммы. Между тем стремление держав установить такого рода контроль является тем более законным, что Китай оказывается неисправным плательщиком по вознаграждению за боксерское восстание, и многое дает повод опасаться, что предоставленный самому себе он не сумеет настолько упорядочить свое финансовое хозяйство, чтобы исправно платить по своим внешним долговым обязательствам. Ввиду этих соображений, императорское правительство сочло нужным поручить посланнику в Пекине отказывать в утверждении мелких китайских займов на местные нужды, которые могли бы быть заключены русскими банками. Так же точно поступили французское и английское правительства. Между тем германское правительство в данных им его представителю в Пекине указаниях проводит разницу между китайскими займами, имеющими чисто финансовый характер и имеющими промышленную сторону, т. е. предусматривающими получение германскими фирмами каких-либо заказов или концессий. Германскому посланнику предписано относиться неодобрительно к первому из этих двух видов займов, но по отношению вторых — предоставлять германским фирмам свободу действий [5].

Из прилагаемой при сем в копии памятной записки здешнего французского посольства от [30] 17 сего августа ваше превосходительство усмотрите, что французское правительство, считая сказанные инструкции противоречащими духу финансовых соглашений, выразившихся в синдикальном акте Шестерного консорциума и строго проводимых на деле по отношению французских граждан, поручило своему послу в Берлине обратить на это несоответствие внимание германского правительства и предлагает нам сделать сходственное заявление берлинскому кабинету. Французское правительство указывает при этом, что германская фирма Дидрихсен уже воспользовалась той постановкой, которая была придана вопросу в инструкциях германского посланника, и выдала китайскому правительству аванс в 8 млн. марок, взамен чего заручилась концессией на постройку трамваев в Пекине [6].

[1] См. ч. I, стр. 402, прим. 3: Тел. от 31/18 авг. за № 90 Свербеев сообщил, что вручил свои верительные грамоты герм. императору, а тел. от 1 сент./19 авг. Свербеев просил разрешения на двухнедельный отпуск для поездки в Россию.

[2] Лит. копия. Опубл. М., стр. 571.

[3] См. № 448.

[4] См. № 514.

[5] См. № 488.

[6] Содержание франц. пам. записки за № 262 (опубл. М., стр. 573, за № 362) изложено в публикуемом документе.

В пам. записке от 2 сент./20 авг. за № 824 (опубл. М., стр. 574) росс. м-во ин. дел

Я покорнейше прошу ваше превосходительство разъяснить германскому статс-секретарю по иностранным делам наш взгляд на китайские займы, как он изложен в начале настоящего письма, и отметить, что, считая несвоевременными мелкие китайские займы на промышленные цели, мы тем более должны отнестись отрицательно к выдаче денежных авансов китайскому правительству в обход ставимых ему Шестерным консорциумом условий контроля и гарантий. Ибо если при займах на промышленные цели есть хотя теоретическая возможность настаивать на том, чтобы реализованные путем таких займов деньги были истрачены по их официально заявленному назначению, то в случае денежных авансов, не обставленных никакими условиями, кроме предоставления германским фирмам каких-либо концессий или заказов, авансированные китайскому правительству суммы будут, бесспорно, истрачены им столь же непроизводительно, как это практиковалось до сих пор, и лишь создадут для него возможность уклоняться от займа у Шестерного консорциума на условиях, одобренных правительствами держав — участниц Консорциума.

О делаемом вами шаге я покорнейше прошу вас предупредить вашего французского сотоварища, о последующем же не отказать меня уведомить.

Примите и пр.

Сазонов.

№ 602. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 175 [1]. 1 сентября/19 августа 1912 г.

Продолжение № 173 [2].

Как сказал мне в частном разговоре, совершенно конфиденциально, Палеолог, Англия расположена приступить к обмену мыслей втроем, с тем чтобы в случае выступления таковое состоялось не иначе как впятером. Англией руководит забота об европейском концерте, и она особенно боится всего, что может вызвать соперничество между обеими группами держав и преимущественно новое обострение австро-русских отношений.

Севастопуло.

№ 603. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 140. 1 сентября/19 августа 1912 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 135 [3] и на мое частное письмо на имя г. товарища министра от [25] 12 августа [4], получаемое в Петербурге сегодня.

В связи с положением дел в области Велика, с известиями о длящемся кризисе в среде турецкой центральной власти и с идущим своим чередом, поскольку могу судить по разным признакам, обменом мыслей между правительствами балканских государств, нескрываемое нетерпение, с которым король и его правительство ожидают ответ на свою ноту по пограничному

уведомило франц. пос-во в Петербурге, что в инструкциях, данных росс. посланнику в Пекине, оно не делает разницы между займами, имеющими исключительно финансовый характер, и займами промышленными, считая как те, так и другие одинаково несвоевременными при настоящих условиях. Одновременно франц. пос-во извещалось о предписании росс. послу в Берлине осведомить герм. прав-во о взгляде росс. прав-ва на данный вопрос.

[1] Опубл. М., стр. 269.

[2] См. № 598.

[3] В тел. от 28/15 авг. за № 135 А. Гирс запрашивал Сазонова: «Не будет ли признано возможным указать Порте на чрезвычайную опасность непрекращающегося обстрела турецкими пограничными гарнизонами черногорских постов в области Велика? У черногорцев постоянные жертвы».

[4] См. стр. 58, прим. 4.

вопросу [1], заметно растет. Опасаюсь, что может скоро создаться такое положение, при котором наше умеряющее воздействие утратит должную силу, ибо среди населения уже раздаются определенные упреки по адресу правительства и самого короля, обвиняемых в слабости и нерешительности. Все мои коллеги, разделяя таковую точку зрения, не исключают возможности повторения происшедшего недавно под Мойковацом, где черногорцы снесли до основания турецкие укрепления [2], и в этом смысле уже донесли своим правительствам. Не исключая со своей стороны такой возможности, считаю своим долгом обратить на вышеизложенное внимание вашего высокопревосходительства. Руководясь соображениями местного свойства, полагаю, что удовлетворение державами и в особенности нами ходатайства черногорского правительства облегчило бы королю Николаю возложенную на него задачу сдерживать своих воинственно настроенных советников и самого себя.

Гирс.

№ 604. Поверенный в делах в Тегеране [3] министру иностранных дел.

Телеграмма № 712. 1 сентября/19 августа 1912 г.

Получил телеграмму № 1651 [4].

О продаже коронных драгоценностей здесь пока не думают. Позволю себе высказать мнение, что нам не следует подсказывать персам мысли о возможности пополнения их казны таким путем. По имеющимся у меня сведениям, Персия могла бы продать свои драгоценности за миллион фунтов стерлингов. Допустив, что часть этой суммы была бы расхищена министрами и иными сановниками, настоящее правительство могло бы продержаться на эту сумму год — полтора и почувствовало бы себя временно независимым от нас в денежном отношении. Сообразно с этим весьма возможно, что персы, добыв самостоятельным путем средства, могли бы употребить их на цели, противоречащие нашим интересам, не говоря уже о том, что мы несомненно встретили бы препятствия в контролировании расходования реализованной суммы. Подобная перемена финансового положения не замедлила бы сказаться в усилении противодействия нашим начинаниям в Персии, и мы, на время конечно, лишились бы весьма существенного способа давления на персидское правительство [5].

Саблин.

№ 605. Сообщение австро-венгерского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

2 сентября/20 августа 1912 г.
À titre personnel.

Par rapport à l'exécution de sa proposition [6], le comte Berchtold déclare tout d'abord, que, de même que les autres Cabinets, et notamment le Cabinet russe, il attache lui aussi la plus grande valeur à ce que les susceptibilités de la

[1] См. № 446.
[2] См. ч. I, стр. 408, прим. 1.
[3] Тел. от 27/14 авг. за № 20 Поклевский сообщал, что он выезжает в Мазандеран.
[4] Тел. от 27/14 авг. за № 1651 Сазонов поручал Поклевскому, «по соглашению с Тоунлеем, выяснить, в каком положении вопрос о персидских коронных драгоценностях и насколько последние могли бы быть использованы для усиления средств шахского правительства».
[5] В пам. записке от 2 сент./20 авг. м-во ин. дел сообщило Бьюкенену, что, по его просьбе, оно запросило по этому вопросу заключение росс. представителя в Тегеране, и передавало содержание публикуемой тел. Саблина. М-во соглашалось с приведенными последним доводами и признавало необходимым не только воздержаться от поднятия вопроса о продаже перс. коронных драгоценностей, но и воспрепятствовать, насколько возможно, осуществлению такой продажи, если бы перс. прав-во «пришло самостоятельно к подобной мысли».
[6] См. № 485.

Porte soient ménagées et que sa méfiance ne soit pas suscitée; à cette occasion il doit être pris aussi en considération que chaque pas qui pourrait avoir le caractère d'une tentative de tutelle vis-à-vis du Gouvernement ottoman aggraverait nécessairement la situation de ce dernier et éloignerait par conséquent les Puissances de leur but. L'effectuation des démarches collectives à Constantinople n'entrant pas, par conséquent, dans les intentions du comte Berchtold, il ne peut pas être non plus question de pareilles démarches auprès des Gouvernements des États balkaniques; par contre, l'observation du mode de procéder appliqué ces derniers temps à Cettigné paraîtrait parfaitement à sa place. Les égards dûs à la Porte, ainsi que les expériences faites, rendent, — sous les conditions entièrement changées d'aujourd'hui,— peu opportun un retour au système de contrôle et d'intervention administrative. Aujourd'hui il ne peut s'agir — et ceci est le vrai sens de la proposition du comte Berchtold — que de prouver par une manifestation unanime des Puissances que, du revirement de l'opinion publique qui s'est produit en Turquie après l'insuccès du système Jeune Turc, ainsi que du nouveau cours de la politique de la Porte basé sur ce revirement, l'Europe puise l'espoir de voir la tranquillité maintenue dans les Balkans.

Il résulte de ce qui précède qu'il ne peut s'agir que d'un *soutien moral* des initiatives de la Porte, et non pas de la provocation de pareilles initiatives.

Les réserves que le Gouvernement français a émis dans sa réponse à la proposition du comte Berchtold [1] sont devenues sans objets par le fait qu'entretemps les concessions accordées aux Albanais ont été officiellement publiées [2] et que le Grand Vizir a laissé entrevoir à l'Ambassadeur impérial et royal à Constantinople l'extension de ces concessions sur les autres nationalités de la Roumélie. Ceci, ainsi que l'effet calmant produit imméconnaissablement à Cettigné par les démarches faites auprès du Gouvernement monténégrin [3], sont incontestablement les premiers succès de l'unanimité manifestée par les Puissances, succès qui ne sont pas à déprécier. D'après les renseignements parvenus au Gouvernement impérial et royal, le fait de la divulgation de l'initiative du comte Berchtold, ainsi que l'accueil favorable que celle-ci a trouvé auprès des Cabinets, a affermi aussi dans d'autres pays balkaniques la position des Gouvernements — contraires à une politique agressive — vis-à-vis de l'opinion publique surexcitée, produisant partant une détente.

En ce qui concerne l'ordre d'idées général qui a conduit le comte Berchtold à l'intention d'appuyer le nouveau cours de la politique de la Porte, cet ordre d'idées est basé sur la considération que toutes les nationalités balkaniques de l'Empire ottoman profiteront chacune à sa manière de la nouvelle ligne de la politique turque qui semble avoir l'intention d'offrir à celles-ci la possibilité de prendre part à la vie publique. A cette occasion, le comte Berchtold allègue l'exemple — possédant une actualité — du renouvellement du parlement ottoman [4] sur la base d'élections impartialement effectuées, ainsi que l'application du même principe d'impartialité à l'occasion de la formation des «Conseils généraux» dans les vilayets. Il est connu que les abus qui ont eu lieu lors des dernières élections ont été la cause principale du mécontentement qui s'est manifesté contre les Jeunes Turcs à l'occasion de la crise récente. Les Turcs, aussi bien que toutes les autres nationalités des Balkans, ont le plus grand intérêt à posséder dans le nouveau parlement une représentation proportionnée, et il est d'une importance décisive pour l'Europe, ainsi que pour les États balkaniques,

[1] См. №№ 539 и 586.
[2] См. № 543.
[3] См. №№ 524 и 548.
[4] См. стр. 1, прим. 2.

que la Porte profite de l'occasion que lui présentent les nouvelles élections pour démontrer ad oculos de tous les éléments de l'Empire ottoman les bienfaits du nouveau cours de sa politique, ainsi que pour mettre ces éléments à même de pouvoir faire valoir leurs désirs et leurs intérêts par la voie parlementaire, au lieu de les obliger — comme jusqu'à présent — d'avoir recours à des moyens plus ou moins révolutionnaires. Si, par exemple, les événements de Kotschana avaient pu avoir pour suite une interpellation énergique au Parlement de Constantinople d'un groupe de députés proportionné à l'importance de l'élément bulgare dans l'Empire ottoman, et si une réponse correcte du Gouvernement turc avait été donnée à cette interpellation, il peut être admis avec sûreté que la surexcitation n'aurait pas atteint en Bulgarie la mesure actuelle.

En vue de l'importance de l'organisation impartiale des nouvelles élections, illustrée par l'exemple susmentionné, ainsi que de l'importance non moins grande de la reconstruction conforme à la constitution des «Conseils généraux» [1], il semblerait digne de prendre en considération la question, jusqu'à quel point la Porte pourrait être affermie dans son nouveau cours politique, spécialement aussi par des conseils bien intentionnés ayant rapport au sujet des élections.

En ce qui concerne les manifestations éventuelles des Puissances, le comte Berchtold est d'avis qu'il ne pourrait s'agir que de démarches amicales séparées des Ambassadeurs et des Ministres, démarches qui devraient être répétées à chaque occasion propice et qui démontreraient de cette manière le mieux la volonté unanime de l'Europe à maintenir la paix.

En considération de la détente qui s'est produite entre-temps, les démarches des représentants des Puissances auprès des États balkaniques ne devraient avoir lieu qu'au moment où une nouvelle surexcitation menaçant la paix se manifesterait à un point des Balkans; il est évident que ces démarches devraient s'adapter dans chaque cas à la situation et à l'attitude du Gouvernement respectif.

Перевод.

На правах личного.

По поводу осуществления своего предложения граф Берхтольд прежде всего заявляет, что, подобно другим кабинетам и, в частности, российскому, он также считает чрезвычайно важным щадить самолюбие Порты и не возбуждать в ней чувства недоверия; в данном случае следует также принять во внимание, что всякий шаг, который мог бы носить характер попытки установить опеку над оттоманским правительством, неизбежно затруднил бы положение последнего, а следовательно, отдалил бы державы от их цели. Ввиду того, что в намерения графа Берхтольда в связи с этим не входит коллективное выступление в Константинополе, не может быть также и речи о подобных выступлениях перед правительствами балканских государств; образ действий, который практикуется последнее время в Цетинье, был бы, напротив, вполне целесообразным. Должное к Порте уважение, а также опыт прошлого делают несвоевременным, при совершенно изменившихся условиях настоящего момента, возврат к системе контроля и административного вмешательства. В настоящее время речь может итти лишь о том — и в этом-то и заключается истинный смысл предложения графа Берхтольда, — чтобы показать единодушным выступлением держав, что перелом, совершившийся в общественном мнении Турции после неудачи младотурецкого режима, и новое направление политики Порты, основанное на этом переломе, дают Европе надежду, что спокойствие на Балканах будет сохранено.

Из вышеизложенного следует, что речь может итти лишь о *моральной поддержке* начинаний Порты, а не о побуждении ее к таким начинаниям.

---

[1] В донесении от 29/16 сент. за № 293 по вопросу о реформах в Македонии консул в Битоли Петряев, между прочим, писал: «Турецкое правительство имеет в своих руках готовый закон, к сожалению, остающийся до сих [пор] почти мертвой буквой, — именно учреждение генеральных советов при каждом вилайете (закон о вилайетах 11 авг. 1880 г.), в которые население должно было посылать своих выборных и через них заявлять о своих нуждах. После введения конституции в некоторых вилайетах были сделаны попытки призвать к жизни эти советы, но вследствие неспособности высшей администрации они успеха не имели».

Оговорки, сделанные французским правительством в его ответе на предложение графа Берхтольда, утратили смысл, так как за это время уступки, сделанные албанцам, были официально обнародованы и великий визирь дал понять императорскому и королевскому послу в Константинополе, что эти уступки будут распространены и на другие народности Румелии. Это обстоятельство, а также успокаивающее действие, которое, бесспорно, оказали в Цетинье шаги, предпринятые перед черногорским правительством, являются, несомненно, первыми успехами проявленного державами единодушия, успехами, значение которых не следует недооценивать. По сведениям, дошедшим до императорского и королевского правительства, огласка инициативы графа Берхтольда, а также благожелательный прием, оказанный ей кабинетами, упрочили и в других балканских странах перед лицом крайне возбужденного общественного мнения положение настроенных против агрессивной политики правительств, в результате чего последовало некоторое успокоение.

Что касается общего порядка мыслей, который привел графа Берхтольда к намерению поддержать новый политический курс Порты, то он основан на том соображении, что все балканские народности в Оттоманской империи получат, каждая посвоему, известную выгоду от нового направления турецкой политики, имеющей, повидимому, целью дать им возможность принимать участие в общественной жизни. По этому случаю граф Берхтольд ссылается на являющийся актуальным пример обновления состава оттоманского парламента на основе беспристрастных выборов и применения того же принципа беспристрастия при образовании «генеральных советов» в вилайетах. Как известно, злоупотребления, имевшие место во время последних выборов, явились основной причиной недовольства, проявившегося против младотурок во время недавнего кризиса. Турки, так же как и все другие народности на Балканах, в высшей степени заинтересованы в пропорциональном представительстве в новом парламенте, и как для Европы, так и для балканских государств чрезвычайно важно, чтобы Порта воспользовалась случаем, предоставляемым ей новыми выборами, чтобы показать наглядным образом всем народностям Оттоманской империи преимущества своего нового политического курса и дать им возможность отстаивать свои пожелания и интересы парламентским путем, вместо того чтобы вынуждать их, как это было до сих пор, прибегать к более или менее революционным средствам. Если бы, например, события в Кочанах могли иметь последствием энергичный запрос в константинопольском парламенте со стороны группы депутатов, пропорциональной болгарскому населению Оттоманской империи, и если бы турецкое правительство дало правильный ответ на этот запрос, можно с уверенностью сказать, что возбуждение в Болгарии не достигло бы теперешних размеров.

Ввиду важности организации новых беспристрастных выборов, как это явствует из вышеприведенного примера, и не меньшей важности перестройки «генеральных советов» в соответствии с конституцией, казалось бы следует рассмотреть вопрос, в какой мере возможно поддержать Порту в новом направлении ее политики, в особенности и путем добрых советов касательно выборов.

Что же касается возможных выступлений держав, то граф Берхтольд считает, что тут дело может итти только об отдельных, возобновляемых при каждом удобном случае, дружеских выступлениях послов и посланников, которые лучше всего демонстрировали бы таким путем единодушную волю Европы сохранить мир.

Ввиду наступившего с некоторых пор успокоения, выступления представителей держав перед балканскими государствами должны иметь место только в том случае, если где-либо на Балканах вновь вспыхнут угрожающие миру волнения; совершенно очевидно, что такие выступления должны каждый раз сообразовываться с положением и линией поведения соответствующего правительства.

№ 606. Министр иностранных дел поверенному в делах в Париже Севастопуло.

°/. Телеграмма № 1703. 2 сентября/20 августа 1912 г.

Ссылаюсь на ваши телеграммы №№ 174 [1] и 176 [2].

Из сделанного мне сегодня австрийским послом дополнительного к шагу Берхтольда сообщения [3] явствует, что Австрия не имеет в виду предложить созыв конференции [4].

[Сазонов.]

---

[1] См. стр. 120, прим. 4.

[2] В тел. от 2 сент./20 авг. за № 176 Севастопуло сообщал, что на следующий день должен быть дипломатический прием у Пуанкаре, который приезжает на два дня в Париж. Севастопуло спрашивал, не имеет ли Сазонов спешного сообщения для Пуанкаре.

[3] См. № 605.

[4] Ответной тел. от 3 сент./21 авг. за № 179 (опубл. М., стр. 270) Севастопуло,

№ 607. Министр иностранных дел поверенному в делах в Тегеране Саблину.

Телеграмма № 1706. 2 сентября/20 августа 1912 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1658 [1].

Ввиду разделяемого нами мнения Гирса, что вопрос о продлении срока переговоров по турецко-персидскому пограничному спору должен быть возбужден прежде всего персидскими делегатами [2], благоволите, по соглашению с Тоунлеем, побудить персидское правительство снабдить своих представителей в Константинополе соответствующими указаниями. Вы можете при этом объяснить шахскому правительству, что передача пограничного спора в Гаагу совершенно не соответствовала бы персидским интересам, тогда как турки, очевидно, стремятся к этому. Заявление персидских делегатов о продлении срока будет тотчас энергично поддержано нашим и великобританским посольствами в Константинополе.

Сазонов.

№ 608. Поверенный в делах в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 221. 2 сентября/20 августа 1912 г.

Продолжение № 220 [3].

Грей, всецело разделяющий ваше мнение о необходимости принятия каких-нибудь мер, способных успокоить и обнадежить христианские народности Балкан [4], с удовольствием готов вступить в обмен взглядов с императорским и французским правительствами. Считая, между прочим, официальное опубликование турецким правительством разъяснений о льготах мерой весьма действительной, он намерен высказаться в пользу выполнения перед Тевфик-пашой, но не в Константинополе, во избежание придачи увещаниям характера коллективного выступления. Грей также находит, что как означенное мероприятие, так и могущие быть принятыми в будущем, должны быть выполняемы Турцией как бы по собственному почину. Министру представляется безусловно необходимым, чтобы обещания или обязательства, принимаемые на себя Турцией по отношению к своим христианским подданным, не сообщались бы официально правительствам балканских государств через посредство представителей держав, так как балканские правительства не преминули бы приписать таковым выступлениям держав принятие ими на себя гарантий выполнения турками данных ими обещаний [5].

Эттер.

сообщил, что Пуанкаре «также получил дополнительное австрийское сообщение, сделанное ему устно и в весьма общих выражениях. О децентрализации в нем не упоминается». Пуанкаре, по словам Севастопуло, «вполне усвоил себе и разделяет вашу мысль, что следует ограничиться зорким наблюдением для того, чтобы Россия и Франция могли предупредить Австрию в случае, если бы она имела в виду выставить предложение о конференции».

[1] Тел. от 28/15 авг. за № 1658 Сазонов сообщал М. Гирсу и Саблину, что турец. прав-во «стремится к затягиванию спора, чтобы довести дело до Гааги». Сазонов предлагал Гирсу сговориться с Марлингом относительно «возбуждения вопроса о продлении срока переговоров теперь же, а не накануне истечения его, когда возможный отказ со стороны Порты поставил бы нас в весьма затруднительное положение».

[2] Об этом М. Гирс сообщил тел. от 31/18 авг. за № 629.

[3] См. стр. 93, прим. 2.

[4] См. № 584.

[5] В тот же день в тел. за № 223 Эттер сообщал, что Грей, «выражая готовность участвовать в умеряющих советах, обращенных к балканским государствам», спрашивает, не считает ли Сазонов полезным «после уже состоявшихся представлений в Софии сделать таковые и в Белграде». Со своей стороны, Эттер ответил Грею, что Штрандтман «уже неоднократно указывал сербским министрам на необходимость соблюдения благоразумного образа действий и поддержания спокойствия среди сербов».

№ 609. Поверенный в делах в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 222 [1]. 2 сентября/20 августа 1912 г.

По (мнению) Грея, возбуждение вопроса о конференции, о чем телеграфировал Бьюкенен, являлось бы ныне, до окончания войны, преждевременным и способным вызвать нежелательные последствия в Константинополе, где различные политические группы уже учитывают вероятность европейского вмешательства. Руководящим началом для возможного созыва конференции Грей считает предварительное соглашение между всеми державами и, в частности, между Россией и Австро-Венгрией относительно программы и результатов, которых желательно достигнуть, так как при отсутствии этих условий конференция еще более осложнила бы соотношения между державами. Турция и Италия, повидимому, отрицательно относятся к идее конференции: Турция — в предвидении полного ее вытеснения с Балканского полуострова, Италия — вследствие видимого желания единолично урегулировать судьбу занятых ею островов Архипелага, что здесь, по словам Маллета, считается также недопустимым.

Эттер.

№ 610. Военный агент в Болгарии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 113. 2 сентября/20 августа 1912 г.

Секретно.

[25] 12 августа в Софии состоялся, так называемый, «всенародный собор» для обсуждения событий в Македонии. На собор этот съехались делегаты от всех крупных городов Болгарии, и в нем приняли деятельное участие проживающие здесь македонцы. После горячих дебатов была вынесена резолюция, в коей от царя и правительства требуются самые энергичные меры, вплоть до объявления войны, для достижения автономии Македонии.

По моим частным сведениям, в тайном заседании комитета этого собора были высказаны весьма резкие упреки по адресу царя, а отдельные ораторы говорили даже, что надо силой принудить царя к войне.

Вообще, воинственное настроение в стране не только не утихает, но постепенно распространяется среди всех слоев населения, и самая идея войны весьма популярна.

Недавно Данев в разговоре со мной заявил, что положение кабинета крайне трудное, и если вновь повторятся столкновения между турками и христианами, то кабинету трудно будет итти против общественного мнения.

С другой стороны, генерал Фичев, отрицая какие-либо приготовления к войне, заявил мне, что если только Турция начнет стягивать свои войска против Болгарии, то последняя немедленно объявит общую мобилизацию.

Как бы то ни было, но серьезных приготовлений к войне пока, действительно, нет, о чем я уже доносил [2]. Я проехал лично по линии София, Тырново — Сеймен, ст. Загора, и лично мог в этом убедиться.

Впрочем, эти данные сами по себе не могут служить доказательством миролюбия Болгарии, ибо подготовительные к мобилизации операции выполнены заблаговременно, конечно в пределах тех средств, коими располагало военное министерство, а следовательно, самая мобилизация может быть объявлена в любую минуту. Правда, армия встретит недостаток в обуви, форменной одежде, хороших артиллерийских лошадях и отчасти в патронах, но все это, за исключением патронов, до известной степени

[1] Опубл. Siebert, II, S. 443, N 676.
[2] См. № 517.

может быть пополнено домашними средствами, и во всяком случае это обстоятельство не остановит Болгарию от выступления против Турции, если она решит объявить войну.

С [7 сентября] 25 августа начнется призыв запасных в 4-ю и 5-ю дивизии, которые участвуют в больших маневрах под Шумлой; маневры продолжатся до [24] 11 сентября. Дивизии эти расположены в северной Болгарии, а самые маневры назначены уже давно, поэтому трудно предположить, что они преследуют какую-нибудь другую цель, кроме учебной, но само собой разумеется, что, если в течение ближайших двух недель политическая обстановка осложнится, части эти легко могут быть перекинуты к турецкой границе.

В итоге пока нет данных говорить о приготовлениях к войне, но приходится чутко прислушиваться к голосу общественного мнения страны.

Особенно следует опасаться выступлений в Македонии македонских революционеров, которые, судя по некоторым данным, своей провокационной деятельностью решили втянуть Болгарию в войну.

Из достоверного источника мне сообщили, что на этих днях из Софии в Македонию отправлен значительный транспорт динамита и взрывчатых веществ.

Полковник Романовский.

№ 611. Военный агент в Румынии в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Рапорт № 119. 2 сентября/20 августа 1912 г.

Секретно.

К №№ 104 и 109 с. г. [1].

О посещении Синайи графом Берхтольдом.

Австро-венгерский министр иностранных дел граф Берхтольд, с женой и секретарем, прибыл [25] 12 сего августа в Синайю, где провел в качестве гостя короля Карла, во дворце его величества, два дня.

Граф Берхтольд удостоился самого блестящего приема: обед и музыкальный вечер во дворце, катание в окрестностях Синайи с королем и королевской семьей, завтрак у министра иностранных дел г. Майореску и т. д.

Ни за обедом, ни за завтраком не было произнесено никаких речей, а также не состоялось по поводу приезда графа Берхтольда какого-либо обмена телеграмм между королем Карлом и австрийским императором, который позволил бы сделать какое-либо заключение о цели этого приезда.

В настоящее время, по прошествии недели со времени возвращения графа Берхтольда в Австрию и по обсуждении его посещения в печати всех оттенков, а также в тех слоях румынского общества, с представителями которых мне пришлось беседовать, могу высказаться следующим образом о значении визита, нанесенного Румынии австро-венгерским председателем совета министров.

Инициатива этого посещения, так же как и двух предыдущих (группы офицеров XII австро-венгерского армейского корпуса и начальника австро-венгерского генерального штаба [2]), несомненно, принадлежит Австрии. Вероятно, имея в виду активно выступить на Балканах со своими аннексионными стремлениями и опасаясь противодействия России, Австрия желала подтвердить и укрепить свое военное соглашение с Румынией и поэтому как бы делала авансы Румынии, и, надо признать, делала их весьма удачно и своевременно.

---

[1] См. ч. I, стр. 254, прим. 2, и стр. 259, прим. 1.

[2] См. № 266.

Так, посещение Румынии австро-венгерским министром иностранных дел и начальником генерального штаба империи, не посетившими еще официальную союзницу Австро-Венгрии — Италию, не могло не польстить румынскому национальному чувству, так же как и состоявшееся на-днях, как мне сообщали, приглашение румынского начальника генерального штаба, генерала Авереску, на предстоящие большие маневры австро-венгерских войск, приглашение, видимо, очень оцененное в здешних военных кругах.

Неподлежащая сомнению приверженность короля Карла ко всему немецкому и австрийскому, в связи с его политическим влиянием в Румынии, облегчила Австро-Венгрии ее задачу. Кроме того, эта последняя искусно воспользовалась для дальнейшего сближения с Румынией невыгодным для России впечатлением, произведенным в стране состоявшимся весной сего года в России празднованием столетия присоединения Бессарабии [1]; издающаяся на австрийские деньги в Бухаресте немецкая газета «Bucarester Tageblatt» систематически раздувала это, собственно говоря, естественное и чисто местное бессарабское торжество, возбуждая всеми способами нерасположение румын к России на почве факта, ставшего, собственно говоря, уже достоянием истории.

Принимая во внимание настоящее тревожное время грядущих балканских осложнений, на случай возникновения которых Румыния должна иметь заранее подготовленное решение — к кому ей примкнуть, миссии фельдмаршал-лейтенанта Шемуа и графа Берхтольда явились для Австрии вполне своевременными и, будучи, как выше указано, хорошо подготовленными, имели шансы на успех.

В чем точно состояли переговоры графа Берхтольда, конечно, не могу сказать. Румынская пресса, по обыкновению, была полна самых разноречивых и сенсационных сведений; в ней даже указывалось, что Австрия гарантировала Румынии, при условии совместных действий с Австрией, возврат всей Бессарабии. Официальные лица, с которыми мне приходилось беседовать, естественно, были сдержанны и старались придавать визиту значение простого акта вежливости. Король Карл, вероятно, ввиду неблагоприятного впечатления, которое могло бы быть произведено в России указанными газетными сообщениями о Бессарабии, счел нужным, принимая [2 сентября] 20 сего августа в первой аудиенции нашего нового посланника в Бухаресте г. Шебеко [2], высказать ему, что значение визита вежливости графа Берхтольда заключается лишь в поддержании на Балканах существующего положения и, следовательно, этот визит послужил лишь симпатичной королю идее мира.

Ввиду приведенных слов короля, я лично думаю, что едва ли состоялось какое-нибудь письменное соглашение между Австрией и Румынией в Синайе; не сомневаюсь, однако, что был подробно обсужден вопрос о действиях Румынии в случае войны одной Болгарии или же Болгарии, Сербии и Черногории против Турции, а также в случае вооруженного вмешательства России. При этом Румыния, вероятно, пожелала, с оружием в руках, не допустить какого бы то ни было усиления Болгарии за счет Македонии без соответствующей территориальной компенсации.

Отмечаю еще, что хотя большая часть румынской прессы и дала сочувственные отзывы по поводу посещения Синайи графом Берхтольдом, подчеркивая австрийские симпатии румын, все же в некоторой ее части («La Roumanie», «Adevărul») одновременно появились статьи, предостерегающие от невыгодного сближения с страной, притесняющей около 3 млн.

---

[1] Мой рапорт № 81 сего года. [Прим. оригинала.] Указанный рапорт в делах Воен.-Истор. Арх. не обнаружен.

[2] Советник пос-ва в Берлине Шебеко был назначен посланником в Бухаресте после назначения М. Гирса в К-поль (см. т. XIX, ч. II, стр. 280, прим. 1).

зарубежных румын, населяющих Трансильванию, и, видимо, имеющей намерение превратить Румынию в жандарма австрийских интересов на Балканах.

Как бы то ни было, следует констатировать, что в настоящее время результатом троекратных посещений Румынии высшими представителями австро-венгерской дипломатии и ее армии, несомненно, явилось дальнейшее сближение этих двух государств и вероятность согласованных их действий, по крайней мере на первое время, в случае разрешения оружием балканского вопроса [1].

Полковник Искрицкий.

№ 612. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

3 сентября/21 августа 1912 г.

Приемлю смелость повергнуть при сем на высочайшее благовоззрение вашего императорского величества согласованные с взглядами заинтересованных ведомств проекты политического и торгового соглашений с монголами [2].

Для ведения соответствующих переговоров и подписания означенных соглашений казалось бы целесообразным командировать в Ургу особое лицо, которое, являясь специальным посланцем императорского правительства, будет иметь больше, чем наш генеральный консул, авторитета в глазах хутухты и князей, и благодаря сему может легче достигнуть их объединения для заключения столь важных для судеб Монголии актов.

Докладывая вышеизложенное, осмеливаюсь испрашивать высочайших указаний, не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству возложить означенное поручение на посланника в Марокко д. с. с. Коростовца, опыт которого, приобретенный за время его предшествующей службы на Дальнем Востоке, за последнее время в должности посланника в Пекине [3], — делает его лицом особо хорошо подготовленным к успешному проведению настоящего ответственного дела.

С[огласен]. Сазонов.

Петергоф, [3 сентября] 21 августа 1912 г.

Приложение.

Проект соглашения.

Ввиду всенародно выраженного стремления монголов сохранить исторически сложившийся самобытный строй своей страны и установить такие отношения с китайским правительством, при которых сказанный самобытный строй оставался бы неприкосновенным, о чем, согласно желанию монголов, императорское российское правительство уже заявило китайскому правительству, и ввиду необходимости точно определить права, которыми русские подданные и русская торговля пользуются в Монголии, ... по уполномочию императорского российского правительства, и ...по уполномо-

[1] Военный агент в Австро-Венгрии Занкевич в рапорте от 29/16 августа за № 201 писал следующее: «Полагаю, что поездка графа Берхтольда в Румынию является манифестацией по адресу славянских государств Балканского полуострова: эти государства должны воочию убедиться, что Румыния попрежнему незыблемо стоит на страже австрийских интересов; в частности, Болгария должна понять, что агрессивное ее выступление на юг, без разрешения Австро-Венгрии, повлечет за собой мобилизацию румынской армии — послушного орудия Вены. Такова, как мне представляется, истинная цель поездки графа Берхтольда в Синайю».

[2] См. приложение к публикуемому документу. Проект протокола о торговых взаимоотношениях не воспроизводится.

[3] Коростовец был посланником в Пекине в 1908—1912 гг.

чию ургинского Чжебцзун Дамба хутухты и князей четырех аймаков Халхи, договорились о нижеследующем:

Статья первая.

Императорское российское правительство окажет народам Внешней Монголии свою помощь к тому, чтобы они сохранили за собою право управляться своими национальными князьями и властями, а также право содержать свое национальное войско, не допуская на свою территорию китайских войск, и право не допускать колонизации своих земель китайцами.

Статья вторая.

Чжебцзун Дамба хутухта и князья четырех аймаков Халхи не заключат никакого соглашения, нарушающего вышеизложенные начала, и предоставят русским подданным и русской торговле попрежнему пользоваться в своих владениях правами и преимуществами, принадлежащими им в силу договоров между Россией и Китаем, перечисленными в прилагаемом протоколе.

Само собою разумеется, что нерусским подданным не будет предоставлено во Внешней Монголии более прав, чем те, которыми пользуются там русские подданные.

С[огласен].

Петергоф, [3 сентября] 21 августа 1912 г.

№ 613. Министр иностранных дел поверенному в делах в Париже Севастопуло.

Телеграмма № 1708 [1]. 3 сентября/21 августа 1912 г.

Сообщается в Лондон.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 173 [2] и мою телеграмму № 1670 [3].

Ввиду невозможности предугадать, как разовьются события и с какой стороны может явиться опасность, я затрудняюсь формулировать теперь же, какие именно меры должны быть приняты в целях предотвращения вооруженных столкновений на Балканах или, в случае невозможности их избежать, для локализации возникшего конфликта.

Я считаю весьма ценным самый факт готовности французского правительства находиться в тесном единении с нами и Англией на этой почве; единение это представляется мне тем легче осуществимым, что ни одна из трех держав не преследует в своей балканской политике каких-либо своекорыстных целей, а стремится лишь к достижению всеобщего умиротворения на полуострове.

[Сазонов.]

№ 614. Министр иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому.

Телеграмма № 1709 [4]. 3 сентября/21 августа 1912 г.

№№ 1 и 2.

Благоволите сделать китайскому правительству следующее заявление:

«[7 ноября] 25 октября минувшего года императорское российское правительство вручило китайскому уполномоченному свои контрпредложения

[1] Царск. экз.
[2] См. № 598.
[3] См. № 584.
[4] На черновом отпуске номер тел. отсутствует; лит. копия имеет № 1709.

по пересмотру С.-Петербургского договора 1881 г. [1], которые остались до сих пор без ответа. Неоднократные напоминания императорского правительства относительно необходимости, в видах пользы обоюдной торговли, приступить к завершению начатых переговоров по пересмотру сказанного договора не привели к получению ни согласия китайского правительства на русские контрпредложения, ни каких-либо новых предложений по этому вопросу. Попытка, сделанная императорским правительством, договориться с китайским правительством относительно срока, на который С.-Петербургский договор был бы оставлен в силе с обоюдного согласия, также осталась безрезультатной.

Такое положение отзывается самым невыгодным образом на русско-китайской сухопутной торговле, которая, имея двухлетний и даже трехлетний оборот, более всякой иной торговли нуждается в определенном порядке. Постоянная же неизвестность того, как долго сохранится существующий порядок торговых сношений по сухопутной границе России с Китаем, вызывает общие справедливые жалобы.

Ввиду вышеизложенного, убедившись, что китайское правительство или не может или не желает вести переговоры по пересмотру С.-Петербургского трактата, и считая, что китайское правительство не использовало предоставленного ему по 15-й статье названного трактата права пересмотра торговых его постановлений, императорское российское правительство, озабоченное установлением прочного порядка для русско-китайской сухопутной торговли, сим уведомляет, что оно принуждено считать С.-Петербургский договор 1881 г. остающимся в силе на новый 10-летний срок, т. е. до 20/7 августа 1921 г., сообразно тому, что постановлено в упомянутой 15-й статье оного [2].

Из предложений, переданных китайским уполномоченным в августе минувшего года [3], императорское правительство осведомилось о желании китайского правительства отменить особые льготы по беспошлинной торговле в 50-верстной полосе по обе стороны сухопутной границы России с Китаем. Императорское правительство признает, что при современном положении, когда вдоль русско-китайской сухопутной границы создался ряд населенных пунктов, существование 50-верстной льготной полосы, созданной в то время, когда эта граница была пустынной, является во многих местностях ненормальным. Это подтверждается и рядом затруднений, возникших за последнее время из-за толкования истинного значения льгот, связанных с существованием этой полосы.

Стремясь пойти навстречу вышеизложенному желанию китайского правительства, заявленному им через своего уполномоченного по пересмотру С.-Петербургского договора, и сознавая неудобства оставления без разрешения вопроса о 50-верстной льготной полосе на 10-летний срок, императорское российское правительство сим доводит до сведения китайского правительства, что льготная полоса на русской стороне сухопутной границы России с Китаем будет упразднена с [14] 1 января 1913 г.

Само собой разумеется, что императорское правительство не будет возражать против одновременного упразднения льготной 50-верстной полосы на китайской стороне границы».

Сазонов.

---

[1] См. т. XIX, ч. I, стр. 107, прим. 1.

[2] Перед началом последующей части тел. на полях помета: «№ 2. Продолжение сегодняшней телеграммы».

[3] Предложения кит. прав-ва по пересмотру договора 1881 г. были переданы кит. уполномоченным по ведению переговоров в меморандуме 15/2 авг. 1911 г.

№ 615. Министр иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому.

Телеграмма № 1709. 3 сентября/21 августа[1] 1912 г.

№ 3.

За №№ 1 и 2 вам сообщается текст заявления, которое вы имеете сделать китайскому правительству относительно оставления в силе на новый 10-летний срок С.-Петербургского договора и относительно упразднения льготной полосы на нашей границе с Китаем.

Этому заявлению мы желаем придать характер одностороннего акта, не дающего повода к каким-либо контрпредложениям со стороны Китая. Терпение, с которым мы ожидаем с октября минувшего года ответа на сделанные китайцам контрпредложения, оставшиеся до сих пор без ответа, оправдывает наш отказ от дальнейших переговоров по этому вопросу.

В случае, если бы китайский министр иностранных дел спросил вас, считаем ли мы, что наша торговля во Внешней Монголии остается также до 1921 г. в установленных С.-Петербургским договором условиях, благоволите ему ответить, что так как отношения Китая к Внешней Монголии остаются неопределенными, то впредь до установления этих отношений было бы преждевременно говорить о порядке, который будет существовать в торговых сношениях этой области с Россией.

О дне, назначенном вами для передачи настоящего заявления, благоволите предупредить нас по телеграфу. Равным образом, благоволите телеграфировать об исполнении возлагаемого на вас поручения[2].

[Сазонов.]

С[огласен].

Петергоф, [3 сентября] 21 августа 1912 г.

№ 616. Посол в Мадриде министру иностранных дел.

Депеша № 13. 3 сентября/21 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В депеше от 9 августа/27 июля с. г. за № 11 я имел честь доложить вашему высокопревосходительству о тех финансовых выгодах, которые французское правительство соглашается предоставить Испании за отрезанные из ее зоны земли в пользу города Танжера и уступок[3] в долине реки Уэрга[4].

Против этого соглашения Германия заявила протест.

---

[1] Черновой отпуск и лит. копия публикуемой тел. датированы 2 сент./20 авг. По журналу исходящих телеграмм значится, что она была отправлена 3 сент./21 авг.

[2] Тел. от 6 сент./24 авг. за № 742 В. Крупенский сообщил: «Мною сделано здешнему правительству представление по содержанию тел. № 1709. Вопрос об условиях торговли в Монголии вовсе не был затронут». Текст ноты Крупенского управляющему кит. м-вом ин. дел был опубликован в «Правительственном вестнике» № 192 от 11 сент./29 авг.

[3] Так в оригинале.

[4] В деп. за № 11, датированной 8 авг./26 июля, Будберг сообщал, что в связи с включением в территорию интернационализированного Танжера земель, входящих в исп. зону, исп. прав-во потребовало вознаграждения в миллион франков годовых из таможенных сборов. Франция, — писал Будберг, — «ответила предложением четырехсот тысяч, и, по словам французского посла, можно предполагать, что соглашение будет достигнуто на условии уплаты пятисот тысяч франков». По достижении соглашения «в портах испанской зоны таможенные сборы будут взиматься со всех поступающих товаров с условием, что на товары, направленные в пределы соседнего протектората, будут выдаваться расписки об уплаченных деньгах, и лишь когда причитающаяся Испании сумма превысит условленную норму, перебор будет возвращен Франции».

Свою точку зрения она обосновывает следующим образом: Берлинским соглашением 1911 г. Франция обязалась блюсти принцип открытых дверей для международной торговли, а установление таможенного кордона между зонами французского и испанского протектората противоречит сказанному началу.

Германия настаивает на том, чтобы выгруженные на африканском побережье товары свободно могли бы перевозиться по всему материку бесконтрольно и без перегрузок.

Как испанский министр иностранных дел, так и французский посол того мнения, что «юридически» точка зрения Германии — вполне правильна.

Тем не менее выступление Германии своей неожиданностью произвело несколько неприятное впечатление.

Г. Жоффре спешно выбыл в Париж, но перед отъездом высказал мне уверенность, что нетрудно будет найти способ выйти из этого затруднения.

Примите и пр.

Барон Ф. Будберг.

№ 617. Посол в Мадриде министру иностранных дел.

Письмо. 3 сентября/21 августа 1912 г.
Confidentiel.

Monsieur le Ministre,

Dès mon retour de congé j'avais demandé à être reçu par Sa Majesté le Roi pour lui transmettre les paroles gracieuses dont l'Empereur, notre auguste maître, avait daigné me charger pour lui.

Un voyage à Londres, plusieurs courses à Madrid avaient jusqu'ici empêché Sa Majesté de donner suite à ma demande et ce n'est que le 24/11 août que le Roi Alphonse XIII put me recevoir en audience privée au palais de Miramar.

Visiblement touché du message aimable dont j'étais porteur, le Roi me dit que de son côté il appelait de tous ses voeux le jour où les circonstances lui permettraient de rencontrer Sa Majesté impériale et de faire personnellement connaissance.

Notre entretien porta ensuite sur les nouvelles du jour et risquait de ne pas sortir des banalités, quand le Roi me dit:

«Il y a toute une série d'idées qui me trottent en tête sans cesse et dont j'ai bien envie de vous parler confidentiellement, bien que je sois loin de m'y débrouiller moi-même!

Comme vous le savez, l'Espagne ne fait partie d'aucun des deux grands groupes des Puissances existants.

Un jour viendra où une collision se produira forcément entre les Puissances de ces groupes; le rôle des autres sera tout indiqué par les engagements contractés; quant à nous, nous serons isolés!.. Ce ne peut continuer ainsi!

Plus l'Espagne s'y prendra tôt pour régulariser sa position internationale, mieux ce sera pour elle, j'en suis persuadé et je considère de mon devoir d'y travailler.

Des deux groupes de Puissances, c'est vers celles de l'Entente, de la Russie, de la France et de l'Angleterre que nous portent tant nos sympathies que nos intérêts».

Pour dire quelque chose, j'attirai l'attention du Roi sur ce que la nature des liens qui reliaient les Puissances des deux groupes entre elles, était bien différente:

La Triple Alliance donne à l'Allemagne la possibilité d'entraîner, en cas de besoin, les autres deux contractants; il n'en est pas de même des Puissances de l'Entente: avec la France nous avons une «alliance» effective, mais notre

arrangement avec l'Angleterre ne porte que sur certaines questions spéciales, qui ont, il est vrai, créé une atmosphère de rapports amicaux à l'abri desquels d'autres questions pouvaient être abordées et résolues à la satisfaction réciproque.

Que si je ne partageais pas ses craintes de conflit, à défaut de probabilité, la possibilité seule suffisait pour justifier sa sollicitude, qui me paraissait de bonne politique.

Le Roi me dit ensuite: «Sur un point je devrai insister le jour où j'emmancherai officiellement mes démarches, ce qui ne sera pas avant que les affaires du Maroc soient définitivement réglées, — c'est sur ce que l'Espagne ne peut se laisser traiter en «valeur négligeable», en petite Puissance sans conséquence. Il faudrait que les Puissances consentent à traiter avec nous d'égal à égal et que la Triple Entente devienne la Quadruple Entente.

Pour atteindre ce but, la forme qui répondrait le plus à mes désirs, serait que ce soit sous l'égide de la Russie que s'opère l'adhésion de l'Espagne à l'Entente!

Si je m'adressais à la France ou à l'Angleterre, on ne manquerait pas de dire que nous poursuivons des buts inavoués, que nous agissons sous une pression. Avec vous, rien de pareil à craindre, vous pouvez nous rendre un vrai service d'amis».

Ne connaissant pas l'accueil que Votre Excellence ferait aux ouvertures du Roi, je n'ai pas voulu le sonder sur ses intentions quant à la teneur même de ses propositions, — des éventualités en vue desquelles l'Espagne veut prendre position...

Je trouvai pourtant nécessaire d'indiquer que je donnais aux paroles de Sa Majesté plus de portée qu'à une simple causerie. Dans ce but je lui demandai la permission d'en rendre compte confidentiellement à Votre Excellence.

L'empressement que le Roi mit à m'y autoriser fut pour moi la meilleure preuve que tel était bien son désir. Il est incontestable qu'à notre point de vue l'adhésion de l'Espagne n'a pas de portée pratique. Pourtant la repousser serait la jeter dans les bras de l'Allemagne et créer par là une vraie difficulté à la France. Pour l'Angleterre aussi la position géographique de l'Espagne rend une entente avec elle fort désirable.

Le moment choisi par le Roi d'Espagne pour m'exposer ses idées, n'est pas un effet du hasard: son intention pouvait bien être que les «pia desiderata» de l'Espagne fassent partie du bagage politique que Votre Excellence emportera à Balmoral et à Paris.

Mille sincères amitiés.

Baron Th. Budberg.

P. S. Un article paru dans l'un des journaux locaux de St.-Sébastien «Voz de Guipuzcoa» intitulé «Inteligencia necesaria: Francia, Inglaterra, Rusia y España», prouve que le public commence aussi à s'occuper des mêmes idées.

Comme Votre Excellence le verra par le numéro ci-joint de ce journal [1], l'article a paru le lendemain même de mon audience au palais de Miramar.

Ut in litteris

Baron Th. Budberg.

К этому следует отнестись серьезно.

Беловеж, [23] 10 сентября 1912 г.

Перевод.

Г. министр, Доверительно.

Немедленно по возвращении из отпуска я просил аудиенции у его королевского величества, дабы передать ему любезные слова, которые император, наш августейший повелитель, соблаговолил поручить мне передать ему.

---

[1] Приложение отсутствует.

Путешествие в Лондон и несколько поездок в Мадрид не давали до настоящего времени его величеству возможности удовлетворить мою просьбу, и лишь 24/11 августа король Альфонс XIII смог дать мне частную аудиенцию во дворце Мирамар.

Явно тронутый любезным посланием, переданным мною, король сказал мне, что он всей душой желает наступления того дня, когда обстоятельства позволят ему встретиться с его императорским величеством и познакомиться с ним лично.

Наша беседа затем перешла на новости дня и рисковала не выйти за пределы банального разговора, когда король сказал мне:

«Меня беспрестанно преследует целый ряд мыслей, о которых я хочу доверительным образом побеседовать с вами, хотя я сам далеко еще не разобрался в них.

Как вы знаете, Испания не входит ни в одну из двух существующих больших группировок держав.

Настанет день, когда между державами этих группировок неизбежно произойдет столкновение; роль других будет определена заключенными соглашениями; что же касается нас, то мы окажемся изолированными!.. Так продолжаться не может!

Чем раньше Испания займется урегулированием своего международного положения, тем будет лучше для нее, — я в этом убежден, и я считаю своим долгом действовать в этом направлении.

Из двух группировок держав как наши симпатии, так и наши интересы склоняют нас к державам Согласия — России, Франции и Англии».

Чтобы сказать что-нибудь, я обратил внимание короля на то, что характер связей, соединяющих державы этих двух групп, очень отличается один от другого.

Тройственный союз предоставляет Германии возможность увлечь за собой, в случае необходимости, двух других союзников; совершенно иначе обстоит дело с державами Согласия: с Францией мы действительно имеем «союз», но наше соглашение с Англией касается лишь некоторых специальных вопросов, которые создали, правда, атмосферу дружеских отношений, благодаря чему можно было поднять и разрешить к взаимному удовлетворению также и другие вопросы.

Что хотя я и не разделяю его опасений насчет конфликта, но, несмотря на его малую вероятность, одной возможности его достаточно для оправдания его забот, которые кажутся мне политически правильными.

Затем король сказал мне: «На одном пункте я должен буду настаивать в тот день, когда я предприму официальные шаги, — что случится не раньше, чем будет окончательно урегулирован марокканский вопрос, — это на том, что Испания не может позволить считать себя «величиной, которой можно пренебречь», малой державой, не имеющей значения. Необходимо, чтобы державы согласились договариваться с нами как с равным и чтобы Тройственное согласие сделалось Четверным согласием.

Для достижения этой цели, формой, наиболее желательной для меня, было бы присоединение Испании к Согласию под эгидой России!

Если бы я обратился к Франции или Англии, про нас не преминули бы сказать, что мы преследуем скрытые цели, что мы действуем под давлением. Но с вами не приходится бояться чего-либо подобного, вы можете оказать нам подлинно дружескую услугу».

Не зная, как вы отнесетесь к предложениям короля, я не стал выяснять его намерений относительно самой сущности его предложений — возникновения таких событий, в предвидении которых Испания хочет определить свою позицию...

Я счел, однако, необходимым показать, что я придаю словам его величества большее значение, чем простой беседы. С этой целью я просил у него разрешения доверительно сообщить о них вашему высокопревосходительству.

Готовность, с которой король разрешил мне это, явилась для меня лучшим доказательством, что таково было его желание. Бесспорно, с нашей точки зрения присоединение Испании не имеет практического значения. Однако оттолкнуть ее — значило бы бросить ее в объятия Германии и тем самым создать подлинные затруднения для Франции. Географическое положение Испании делает и для Англии соглашение с ней весьма желательным.

Момент, избранный испанским королем для того, чтобы изложить мне свои мысли, выбран им не случайно: возможно, что в его намерения входило, чтобы испанские «благие пожелания» составили бы часть политического багажа, который ваше высокопревосходительство повезет в Бальмораль и в Париж.

Тысяча искренних дружеских приветствий.

Барон Ф. Будберг.

P. S. Статья, появившаяся в одной из местных газет в Сан-Себастиане «Voz de Guipuzcoa», озаглавленная «Inteligencia necesaria: Francia, Inglaterra, Rusia y España» [1], показывает, что общественное мнение также начинает заниматься этими вопросами.

[1] «Необходимое согласие: Франция, Англия, Россия и Испания».

Как ваше высокопревосходительство усмотрит из прилагаемого номера этой газеты, статья появилась на другой день после аудиенции, данной мне во дворце Мирамар.

Ut in litteris

Барон Ф. Будберг.

№ 618. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 105. 3 сентября/21 августа 1912 г.

Сообщается в Константинополь почтой.

Гешов на вчерашнем приеме просил меня передать вам от его имени, что королевское правительство продолжает относиться с полной корректностью к Турции и никаких военных мер не принимает, но что возбуждение в стране может с минуты на минуту поставить королю и кабинету следующий выбор: либо война, либо революционное движение в армии, наподобие последнего греческого [1], а это было бы верхом несчастья для Болгарии, сумевшей в течение 22 лет охранить себя от всяких внутренних сотрясений. Во всяком случае, по словам Гешова, болгарский народ и армия никогда не простят нынешнему правительству, что оно не сумело использовать времени итальянской войны и единодушия 4-х балканских стран. На смену правительства, преданного России, явятся элементы, склонные итти за Австрией, свести на-нет соглашение с Сербией и Грецией и получить с австрийской помощью какие бы то ни было земельные приращения. Гешов заявил мне далее, что Болгария ныне (не) ищет приращений, а лишь коренного и обеспеченного улучшения положения македонских христиан. Она счастлива была бы получить это удовлетворение без войны через старания держав, но эти старания должны быть серьезными, и о них должно быть своевременно осведомлено болгарское общественное мнение. Я согласился передать вам эти заявления болгарского министра-президента, не упустив, однако, случая еще раз самым серьезным образом представить ему мои прежние опровержения его доводов. То же самое Гешов французскому посланнику заявил в менее торжественной форме. Я считаю положение весьма серьезным, в особенности, если Гешов не отступил от истины, рисуя мне недовольство и ропот среди офицеров. Считаю, однако, необходимым отметить, что полковник Романовский, признавая весьма воинственное настроение армии, отрицает вероятность какого-либо офицерского пронунциаменто. По моему убеждению, король и правительство не придают решительно никакой цены добровольным обещаниям турецкого правительства, лишенного в провинциях всякой силы и авторитета. Болгары не допускают, далее, возможности, чтобы какая-либо великая держава, кроме Австрии, действительно хотела или могла бы материальными средствами остановить болгар и их союзников в случае, если они начнут войну. Если здесь еще колеблются, то вследствие сознания опасности со стороны Румынии и ввиду категорических заявлений, что мы болгарам и сербам в случае их своевольного выступления ни в каком случае на помощь не придем. Очень возможно, что эти соображения возьмут верх и мир нарушен не будет. Однако при таком исходе нынешнее правительство будет без всякого сомнения принесено в жертву негодованию публики и армии, и

[1] Имеется в виду офицерское восстание в греч. армии и во флоте в 1909 г. Офицеры афинского гарнизона предъявили прав-ву ультиматум, в котором требовали принятия их меморандума, касающегося «преобразований в управлении армией и флота», амнистии участникам движения и увольнения офицеров, противодействовавших восстанию. Прав-во Раллиса подало в отставку, а новое прав-во приняло требование офицеров (деп. росс. посланника в Афинах Щербачева от 31/18 авг. 1909 г. за № 25). В ноябре 1909 г. произошло аналогичное офицерское восстание в греч. флоте, которое было подавлено в тот же день.

наступит вновь полоса заигрывания с Австрией и послушания венским советам. Я не склонен был бы видеть и в подобном обороте полного падения нашего влияния, но временное потемнение несомненно наступит. В настоящее время критическим моментом является заключение мира между Турцией и Италией. Именно тогда все здесь набросятся с упреками на короля и кабинет.

Неклюдов.

№ 619. Министр иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 10850. 4 сентября/22 августа 1912 г.
Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Секретным письмом от [12 августа] 30 июля с. г., за № 4511 [1], ваше высокопревосходительство изволили просить сообщить вам мнение, представляется ли возможным обсуждать в совете министров дело о вступлении ныне в переговоры об основаниях будущего торгового соглашения нашего с Северо-Американскими Соединенными Штатами ранее получения прямого заявления американского правительства о том, на каких основаниях желало бы оно заключить соглашение.

Вследствие сего, считаю долгом сообщить вашему высокопревосходительству, что со времени денонсиации торгового договора, как в Петербурге, так и в Вашингтоне представители нашего правительства постоянно ограничивались лишь выражением сожаления по поводу принятия этой меры, неоправдываемой обстоятельствами, и высказывали, что забота о возобновлении договорных отношений очевидно лежит на стороне Соединенных Штатов.

Согласно поступившим ныне телеграфным сообщениям императорского посла в Вашингтоне [2], перед отъездом своим в Японию государственный секретарь Нокс препроводил ему весьма секретную бумагу под заглавием «Попытка проекта», сущность которого сводится к установлению modus vivendi по тарифному вопросу. Для устранения обоюдных неудобств, которые были бы последствием отсутствия соглашения между обеими державами по торговым вопросам, правительство Северо-Американских Соединенных Штатов предлагает, чтобы до окончания переговоров об условиях наиболее соответствующих отношениям между Россией и Америкой минимальный тариф Северо-Американских Соединенных Штатов, определенный для наиболее благоприятствуемых наций, был бы предоставлен России в обмен продолжения для Северо-Американских Соединенных Штатов русского конвенционного тарифа. Таким образом, по мнению государственного секретаря Нокса, до окончания переговоров поддерживался бы самый широкий принцип взаимного благоприятствования между обеими нациями, как было до сих пор.

---

[1] 5 авг./23 июля письмом за № 279 Тимашев уведомил Коковцова об единогласно принятом на междуведомственном совещании, созванном при м-ве торг. и пром., решении, что росс. прав-ву «надлежит совершенно отказаться от мысли заключить с Северо-Американскими Соединенными Штатами торговый договор на принципе конвенционных ставок и что единственно приемлемой формой такого договора могло бы явиться заключение его на базе взаимного и притом возможно широкого наибольшего благоприятствования». Тимашев просил Коковцова обсудить в совете м-ров предложение Нокса (см. приложение к № 503) «на предмет получения указаний, представляется ли означенное заявление г. Нокса достаточным для вступления ныне же в переговоры с правительством Республики об основаниях будущего торгового соглашения, или же переговоры сии могли бы последовать не ранее официального к нам обращения федерального правительства с более конкретными предложениями».

В письме от 12 авг./30 июля за № 4511 Коковцов, со своей стороны, запросил мнение Сазонова по указанному вопросу.

[2] См. стр. 45, прим. 1.

Препровождая эту «Попытку проекта», государственный секретарь счел, однако, нужным указать, что разработка полного проекта потребует не менее двух месяцев. Этот срок вполне подтверждает, что правительство Северо-Американских Соединенных Штатов не может открыто начать переговоры до 5 ноября [н. ст.] — дня избрания президента.

Настоящий шаг правительства объясняется главным образом желанием доказать, до какой степени оно дорожит дружбой с Россией и старается своей предупредительностью изгладить еще существующее у нас, по его мнению, неудовольствие.

Более подробное сообщение императорского посольства в Вашингтоне по сему предмету ожидается с почтой в ближайшее время [1]. Вследствие сего, до получения ожидаемых донесений гофмейстера Бахметева, я полагал бы желательным отложить обсуждение в совете министров вопроса, насколько заявления американского правительства могут считаться достаточными для вступления в переговоры об основаниях будущего торгового соглашения и для принятия предложенного пока modus vivendi.

По поступлении же помянутых донесений вопрос этот я признавал бы необходимым подвергнуть рассмотрению совета министров во всем его объеме, тем более что предложение американского правительства основано на принципах, о которых т. с. Тимашев считает нужным теперь же заявить правительству Республики, как ни в коем случае неприменимых для будущего русско-американского торгового договора.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 620. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Депеша № 21. 4 сентября/22 августа 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Болгарский министр финансов Тодоров, посетив меня на этих днях, сообщил мне, что уезжает 15/2 сентября в Париж для окончательных переговоров о займе [2]. В то же время г. Тодоров просил меня ходатайствовать перед вашим высокопревосходительством об оказании ему нашим посольством в Париже такого же покровительства и содействия, как и во время первоначальных переговоров с парижскими банкирами. Г. Тодорова, повидимому, беспокоило опасение, как бы французское и русское правительства не перестали оказывать поддержку болгарскому займу, в видах удержания Болгарии от несвоевременных выступлений против Турции. Поэтому он заверил меня, что отнюдь не сочувствует горячке, охватившей страну, и что во всяком случае заем, который должен быть заключен не ранее октября месяца, а осуществлен лишь к ноябрю, никоим образом не может способствовать целям политики воинственной, так как в первоначальном соглашении с банками предвидится война Болгарии с какой-либо иной державой, как факт, всецело уничтожающий контракт, хотя бы и в самый момент осуществления займа. Что̀ вполне отвечает истине.

Я уже имел честь неоднократно высказываться перед вашим высокопревосходительством в том смысле, что помешать осуществлению болгарского займа значило бы прежде всего нанести решительный удар кабинету Гешова; а падение этого благоразумного и сдержанного правительства толкнуло бы Болгарию на путь политических приключений и подчинило бы ее вновь австрийским проискам. Что же касается вопроса о войне, то на

---

[1] См. № 503. Это письмо Бахметева было получено в м-ве ин. дел 11 сент./29 авг.

[2] См. №№ 146 и 587.

решение болгар неудача займа не произведет существенного влияния. Нынешнее правительство и король Фердинанд прекрасно сознают все опасности вооруженного выступления, и если, в более или менее непосредственном будущем, решатся все-таки на таковое, то только под давлением непреодолимых внутренних затруднений. Те же, сравнительно не особенно большие, наличные средства, которые безусловно необходимы для ведения военных действий в первые шесть недель, будут заимствованы из наличности болгарского Народного банка. Дальше шести недель болгары в таком случае не станут заглядывать: у них и артиллерийских снарядов нехватит на более продолжительное время; после сего предвидятся либо урон и отбой, либо вмешательство других держав в события и помощь извне.

Во всяком случае, самая поездка г. Тодорова в Париж и продолжение переговоров о займе служат для меня довольно успокоительным симптомом, так как доказывают, что выступление Болгарии еще этой осенью не принимается в серьезный расчет правительством.

Мой французский товарищ г. Панафье вполне разделяет все вышеизложенные взгляды и уже писал в Париж в том же смысле.

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 621. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Депеша № 22. 4 сентября/22 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В наших газетах я читаю телеграфные известия о каком-то «народном конгрессе», собравшемся в Софии для решения вопроса о войне [1]. На самом деле никакого такого конгресса нет и не было, а собрался в Софии [25]12 августа митинг из представителей, выбранных митингами, состоявшимися [13 августа] 31 июля в провинциальных городах. Этот общий митинг, о коем я упомянул в секретной телеграмме моей от [26]13 августа, № 99 [2], отличался бо̀льшей резкостью решений, чем софийский митинг [13 августа] 31 июля. Между прочим, замечена была речь доктора Владова, весьма оскорбительная для короля Фердинанда.

Вообще на здешние митинги не стоит обращать преувеличенного внимания. Гораздо более опасным является тот факт, что агитация в пользу крайних решений и войны захватила за последнее время круги населения, доселе спокойные и рассудительные; в этой агитации стали принимать деятельное участие провинциальные видные представители ныне правящих партий, цанковистов и народняков. И при этом мне доподлинно известно, что пароль к подобному выступлению не был дан им из столицы, а напротив того, они сами взяли почин, опасаясь, не без основания, что иначе они потеряют всякое влияние на своих сограждан.

Месяц тому назад правительство и короля упрекали в трусости стамбуловистские и радославистские печатные органы. Ныне статьи в этом духе появляются сплошь и рядом на столбцах газет, имеющих тесные связи с правительством. Считаю долгом, для примера, обратить внимание вашего высокопревосходительства на статью, появившуюся в газете «День» накануне 25-летнего юбилея правления короля. Газета эта издается на средства богатой семьи Буровых, влиятельных народняков, один из членов коих состоит вице-председателем Народного собрания, а статья написана г. Велчевым, отъявленным русофилом и талантливым писателем. Помимо ее резко воинственного направления, статья эта замечательна и как весьма

[1] См. № 610.
[2] См. № 559.

правдивое изображение взглядов большинства болгарского народа на личность короля Фердинанда. Подобные печатные отзывы производят, разумеется, на короля самое удручающее впечатление; так же глубоко волнуют его и те газетные статьи, где его сравнивают с покойным князем Александром Баттенбергским, выставляя разницу между решимостью сего последнего в 1885 г. и колебаниями, проявляемыми нынешним государем Болгарии в злободневном вопросе окончательного освобождения и объединения болгарского племени.

Примите и пр. Неклюдов.

№ 622. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Письмо. 4 сентября/22 августа 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Г. Гешов сообщил мне совершенно доверительно, что несколько недель тому назад болгарский поверенный в делах в Бухаресте имел любопытный разговор с румынским министром иностранных дел.

По поручению своего главного начальника г. Икономов осведомился у г. Майореску, правда ли, что Румыния готовится изменить своей вековой политике доброжелательства к болгарам и примкнуть к числу врагов Болгарии, в случае если бы эта последняя вынуждена была выступить на защиту своих единоплеменников. В ответ на этот щекотливый запрос г. Майореску дал своему собеседнику, хотя и в неопределенных выражениях, но все же успокоительные заверения в отсутствии у Румынии какой-либо предвзятой враждебности по отношению к Болгарии и прибавил следующую довольно странную фразу: «Если события, которых мы, откровенно говоря, вовсе не желаем, все-таки наступят, то между нами и вами первые две или три недели будут происходить не особенно приятные и довольно щекотливые переговоры; но в конце концов я уверен, что все устроится к обоюдному удовлетворению».

От пояснения этой фразы г. Майореску уклонился; но Гешов полагает, что она касается известных претензий Румынии на крепость Силистрию и часть болгарской Добруджи.

Когда недели две тому назад болгарский поверенный в делах, по поручению г. Гешова, захотел возобновить тот же разговор, то румынский министр иностранных дел ответил ему только, что он не считает положение достаточно назревшим и опасным, чтобы входить в какие-либо определенные переговоры с Болгарией по предмету таких событий, которые, по его мнению, могут быть еще весьма легко устранены и предупреждены; что Румыния прежде и искреннее всего стремится содействовать сохранению спокойствия на Балканском полуострове и от души желает Болгарии продолжать с таким же поразительным успехом, как и доселе, мирное развитие ее благосостояния и ее сил.

Примите и пр. Неклюдов.

№ 623. Военный агент в Болгарии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 114. 4 сентября/22 августа 1912 г.
Секретно.

Хотя политическая оценка современного положения дел на Ближнем Востоке и не входит в сферу моей компетенции, тем не менее считаю своим служебным долгом коснуться ее в настоящем рапорте постольку, поскольку она касается Болгарии.

Как я уже доносил неоднократно телеграммами, общественное мнение в Болгарии настроено весьма воинственно [1]. Не только вся пресса, но и все общественные классы, за небольшим исключением, требуют войны с Турцией.

Об армии, всегда настроенной воинственно, и говорить не приходится; дисциплина не позволяет ей поднять свой голос, но среди офицерства, несомненно, идет глухое брожение против мирной политики кабинета Гешова.

Сравнивая теперешнее настроение болгарского общественного мнения с настроением его осенью 1911 г. при объявлении итало-турецкой войны, а также с волнением, вызванным бомбардировкой Дарданелл весной этого года, должен указать, что тогда пресса была также настроена довольно воинственно, но серьезного движения в стране в пользу войны не было. Теперь же наоборот, движение это охватило все слои населения и проникло в самые глухие углы Болгарии.

При таких условиях положение кабинета Гешова, составленного из наиболее благоразумных и спокойных партий, становится крайне трудным и неустойчивым.

Фактически вопрос о войне или мире, конечно, зависит не столько от кабинета и политических партий, сколько от царя, который, однако, не может не считаться с общественным мнением. Если царь решит начать войну с Турцией, то теперешний кабинет будет, конечно, послушен его воле, тем более что даже в его составе немало горячих сторонников войны.

Наоборот, если царь решит вести миролюбивую политику, то он, вероятно, распустит теперешний кабинет, отдав его на съедение общественного мнения и свалив на него всю вину за миролюбие.

Новый кабинет будет избран из радославистов или стамбуловистов. То обстоятельство, что партии эти являются наиболее шовинистическими, нисколько не изменит политики царя, ибо лидеры этих партий состоят под следствием за финансовые злоупотребления [2], а следовательно явятся послушными игрушками в его руках. Они воинственно помашут кулаками, но на войну без воли царя не пойдут.

Между тем, смена действительно русофильского кабинета, составленного из безупречных политических деятелей, всегда готовых согласовать свою политику с политикой России, невыгодна для нас не только в политическом отношении, но может повлечь за собой падение нашего престижа в Болгарии и даже вызвать взрыв ненависти против России, которую новый кабинет, чтобы оправдать свою политику, не замедлит выставить единственной виновницей, помешавшей, выражаясь языком здешней прессы, созданию «целокупной Болгарии».

Русофобское настроение Болгарии, вероятно, передастся в Сербию, и в итоге мы рискуем на некоторое время потерять наш престиж в обоих государствах. Это не только расчистит путь для австрийской политики, но весьма вероятно заставит Болгарию тесно сблизиться с Австрией.

Примириться с таким оборотом дел мы можем лишь в том случае, если вступим на путь соглашения с Австрией, что навряд ли возможно.

Во всех других случаях Болгария с ее отличной армией всегда может быть использована нами как против Турции, так и против Румынии.

Внимательно всматриваясь в здешнюю политическую обстановку, нельзя не признать, что македонский вопрос действительно может закончиться общим пожаром на Балканском полуострове, ибо вслед за Болгарией, несомненно, выступят Сербия и Греция. Поэтому вопрос этот требует к себе самого внимательного отношения со стороны нашей дипломатии.

---

[1] Ср. №№ 517 и 610.

[2] См. стр. 157, прим. 1.

Македонский вопрос является для Болгарии вопросом насущным и близким для каждого болгарина, и им определяется вся внешняя политика государства, поэтому теперешнее возбуждение нельзя рассматривать как простую шумиху, поднятую из-за событий в Турции и вызванную исключительно желанием ловить рыбу в мутной воде.

Дарование албанцам таких реальных прав, как назначение на административные должности в Албании лиц албанского происхождения (а следовательно вручение им административной и судебной власти над христианами), обязательство расходовать часть доходов с Албании исключительно на местные нужды и т. д. — еще более осложнит македонский вопрос.

Рассчитывать удержать Болгарию от выступления против Турции одними советами благоразумия едва ли возможно. Советы эти были преподаны Даневу во время его пребывания в Петербурге [1], их не устает повторять наш посланник в Софии, наконец, я решительно заявил генералу Фичеву, что мы не окажем ни в коем случае теперь поддержки Болгарии, и ей придется воевать на свой страх и риск.

Советы эти могли бы иметь реальное значение лишь в том случае, если бы кабинет Гешова чувствовал под собой твердую почву и если бы можно было питать уверенность, что в Македонии не повторятся столкновения между христианами и турками. К сожалению, этих условий нет налицо, и повторение событий вроде кочаникского может вызвать здесь столь сильное воинственное течение, что бороться с ним царю и кабинету будет не под силу. Вслед за этим может последовать или война или, в лучшем случае, падение кабинета, со всеми невыгодными последствиями, о которых я говорил выше.

Насколько мне известно, кабинет Гешова намерен возбудить перед великими державами вопрос о реализации ст. 23 Берлинского трактата [2]. Я позволю себе высказать мнение, что поддержка нашей дипломатией болгарского предложения может явиться весьма действительной мерой для умиротворения Болгарии и укрепления кабинета Гешова.

Если общая политическая обстановка исключает возможность такого шага, то необходимо, по крайней мере, наряду с давлением на болгарское правительство, обнадежить его указанием, что облегчение участи христианского населения в Македонии составит одну из ближайших задач держав Тройственного соглашения, а особенно России.

Конечно, это не явится радикальным средством для разрешения македонского вопроса, который является современным гордиевым узлом и может быть разрешен лишь мечом, но во всяком случае такой образ действий даст возможность затянуть ход событий до более благоприятного для нас времени.

Без этого, как мне кажется, события могут принять весьма серьезный и невыгодный для нас оборот.

Полковник Романовский.

№ 624. Генеральный консул в Канее товарищу министра иностранных дел Нератову.

Депеша № 37. 4 сентября/22 августа 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Так же быстро, как она вспыхнула, самосская эпопея уже и погасла, и в то время, когда я пишу эти строки, она может считаться ликвидированной и сделавшейся достоянием исторического архива. Обычные на Крите

[1] См. № 64.
[2] См. стр. 81, прим. 5.

перекоры, взаимные счеты и подозрения, появляющиеся на сцену немедленно, даже не после каждого сколько-нибудь серьезного события, а прежде еще, чем над ним опустился занавес, — вступили уже в свои права, открывая постепенно закулисную сторону этого дерзкого предприятия; и трудно сказать, чего в нем оказывается больше, — наивной ли и невежественной сантиментальности и непосредственной отзывчивости, движимой нерассуждающим служением великой эллинской идее, или циничного, преступного расчета воспользоваться подогретым патриотическим воодушевлением и попросту пополнить свои карманы от вызванного им золотого дождя.

Идея обратиться за помощью к Криту, чтобы напасть на пребывающий на Самосе турецкий гарнизон, прогнать его или уничтожить и, подняв греческий флаг, провозгласить Самос присоединенным к Греции, — принадлежит, повидимому, беспокойному г. Софулису, пребывающему в Афинах. Первое время были сомнения, насколько, однако, такая идея разделяется на его родине и той частью населения, которая не числится в партизанах названного самосского изгнанника. Оказалось, — так по крайней мере было доказано сомневающимся критянам, — что в Афинах в настоящее время пребывает и политический противник Софулиса, г. Хаджидакис, который подтвердил, что и он и его друзья готовы итти на крайности, чтобы осуществить упомянутый план. Этого было довольно, чтобы за дело горячо взялись г. Манос и ему подобные беспокойные деятели и чтобы г. Кундурос, главный кормчий критского правительства, сообразил, что удастся предприятие или нет, а денег безотчетных через его руки пройдет во всяком случае не мало.

Другой член правительства, генерал Лимбритис, как раз в это время выехал в Афины, страдая будто бы усилившимися припадками астмы, а может быть и ища установить свое alibi, — а третий — г. Михелидаки — без труда пошел на приманку стереотипных звонких патриотических фраз и соображений о национальных успехах.

Дело поведено было очень быстрым темпом, и, чтобы предупредить задержки, набор волонтеров для экспедиции было решено ограничить западной частью острова, тяготеющей к Канее. План всего предприятия был разработан и принят на тайном заседании, собранном у члена судебной палаты г. Димитраки, в четверг, [22] 9 августа. Здесь было решено, что каждому добровольцу будет дано ружье с патронами и 20 франков. И то и другое отпускало критское правительство, и так как, поэтому, ружья должны были итти из казенных складов, казенного же образца, т. е. системы Манлихера, то это должно было сыграть большую роль при вербовке; потому что за такое ружье молодые критяне готовы пойти не только на Самос, но хоть на край света. Кроме этого оружия для снаряжения добровольческого отряда, правительство отпускало еще 600 ружей из склада Комитета народной обороны, повидимому системы Гра, для доставления их самосцам, с патронами к ним. Г. Манос должен был привезти из Греции выехавших туда в ожидании событий в Турции македонских четников и их предводителей; в горные округа Сфакия и Селино были отправлены вербовщики. Все члены экспедиции, и рядовые и предводители, — по расчету их всего должно было набраться 600—900 человек, — должны были съехаться в местечке Георгуполис, в глубине бухты Армиро, верстах в 50 к востоку от Канеи, к полдню воскресенья [25] 12 августа. Около этого времени сюда должен был прибыть из Канеи занимающийся каботажем пароход компании Катраки «Николай», на который в Канее тайно должны были быть погружены помянутые ружья для Самоса. Заговорщики, в зависимости от того, сколько бы их набралось, — или все, или часть их, наиболее известные своей храбростью лица, — должны были сесть на «Николая» перед его отходом из Георгуполиса и, когда он бы снялся с якоря, они угрозами заставили бы капитана положить курс не на Ретимо, куда ему

следовало итти по расписанию, а на Самос. Если бы собралось народу много, то из Греции прямо в Георгуполис пришел бы в понедельник вечером особый зафрахтованный для этой цели пароход, который и доставил бы оставшихся добровольцев на Самос по следам первого отряда. Ружья предполагалось выгрузить в местечке Тиганаки, а люди должны были высадиться в трех местах, близ нахождения стольких же частей турецкого гарнизона, и, соединившись с местным населением, они бы напали на турок, чтобы их истребить.

Действия на острове Самосе были приурочены к [28] 15 августа, празднику успения.

Кроме денежной помощи от Софулиса и критского правительства, критских ружей и частных добровольцев, в деле приняло деятельное участие и известное вашему превосходительству стрелковое общество «Кодрос». Заговор велся под покровом большой тайны, но при этом распространялось сведение, что итальянское правительство, обо всем осведомленное, распорядилось, чтобы его эскадра ничем не помешала экспедиции, и что другие державы тоже посмотрят на дело сквозь пальцы.

В четверг, [22] 9 августа, глухие слухи о готовящемся получили настолько яркую окраску, что мы уже сочли нужным выработать на случай их окончательного подтверждения план наших действий и предупредить наши правительства, прося полномочий действовать, и действовать, в случае нужды, не стесняясь пределами территориальных вод острова Крита. Последнее нужно было нам в особенности потому, что в нашем распоряжении находилось в Суде всего два судна: английский крейсер 2-го ранга «Медея» и русская канонерка «Уралец». Но последняя имеет всего 10 узлов ходу, что не дает ей возможности состязаться даже с таким маленьким, старым пароходом, как вышеупомянутый «Николай», могущий итти 11 узлов. И так как, кроме этого несчастного обстоятельства, установившиеся традиции требуют, чтобы остров с флагами и караулом при них, в устье Судской бухты, никоим образом не оставлялся без надзора, хотя бы одного стационера, то получалось в результате, что для всех наблюдений и, в случае чего, действий остается одна «Медея». Берег же Крита, в прилегающих к Канее частях, представляет большие неровности, очень удобные для укрытия и очень затрудняющие наблюдение. Поэтому не было ничего невероятного, что «Медее» пришлось бы, обнаружив подозрительный пароход или даже парусник, настигать его уже на далеком расстоянии от берега, и давать этим судам возможность обеспечить себя теорией свободного открытого моря, очевидно, было бы в высшей степени нежелательно.

Удостоверившись окончательно, что этот романтический заговор есть не фантазия, не преувеличенные страхи, а осязательная действительность, убедившись при этом, что в нем серьезнейше замешано правительство, мои французский и английский коллеги и я, — итальянского мы оставили в стороне, отчасти, чтобы не ставить его в ложное положение, отчасти ввиду отсутствия у него, за неимением итальянского стационера, возможности действовать с нами на одинаковых условиях, — собравшись у меня, как у декана, пригласили к себе для объяснений членов правительства, гг. Михелидаки и Кундуроса. Лимбритис, как выше сказано, находился в Афинах.

Заседание это состоялось утром в субботу, [24] 11 августа. Первыми словами гг. членов правительства, которым я прямо предложил вопрос о том, что им известно о заговоре и приняты ли меры, чтобы ему воспрепятствовать, или, наоборот, правительство само его поощряет, — были заявления, что они ничего не знают, но что критяне вообще свободный народ и могут ехать, куда им вздумается. Но, увидя, что нам известны почти все детали замысла и что мы относимся к нему и крайне неодобрительно и крайне серьезно, они должны были изменить тон и мало-помалу

кончили почти полным признанием. Они постарались только уклончиво ответить на вопросы о ружьях, которые, по их словам, хотя и хранятся в казармах, но принадлежат не правительству, а народу, т. е. Комитету народной обороны, который может их потребовать, и тогда нельзя будет силой этому помешать. И так же сбивчиво и путаясь, уклонились от прямого ответа о том, сколько именно денег ассигновано и сколько уже дано. Они уверяли, что ассигновано около 6 000 фр., а выдано пока не более 1 000 фр., что, по нашим сведениям, совершенно неверно.

В объяснение своего и вообще критского вмешательства в самосские дела они сообщили, что Крит связан с этим островом более тесными узами, чем с другими, так как во время критских восстаний немало приезжало сюда самосцев на помощь и так как, кроме того, немало же принужденных выселиться критян нашло себе теплый прием и вторую родину на Самосе.

Разъяснив нашим собеседникам, от лица присутствовавших и поддерживающих меня коллег, наш и наших правительств вполне определенный отрицательный взгляд на задуманное критянами предприятие, указав на преступный его характер и на опасные последствия, которые оно могло за собой повлечь не только для непосредственных участников, но и для всего острова, я предложил гг. Михелидаки и Кундуросу заявить нам, во-первых, определенно и официально, что они отказываются от содействия заговору, затем обещать, что они примут меры, чтобы помешать его осуществлению, и, наконец, немедленно же напечатать и распространить воззвание к народу, в котором, свалив хотя бы на наше вмешательство свой поворот в отношении к вопросу, призвать критян к спокойствию, осудить начатое движение и предупредить, что они примут, если понадобится, меры строгости, чтобы остановить развитие осужденного ими плана.

Требования эти наши встретили положительный отпор. Все, чего мы после долгого разговора и объяснений могли добиться, это обещания, что члены правительства немедленно созовут главнейших деятелей и вожаков движения и пригласят их устно отказаться от своего плана, и еще, что никаких денежных сумм более из казенных источников выдано не будет. Относительно ружей мы получили условное обещание постараться не допустить их выдачу.

Как потом оказалось, на деле было сделано несколько больше: усмотрев на созванном после полдня совещании, что наше энергическое вмешательство и угрозы, о которых неизвестным путем немедленно же распространились преувеличенные сведения, произвели очень охлаждающее впечатление на пыл главных распорядителей, гг. Кундурос и Михелидаки дали еще приказание, чтобы участвовавший в предприятии пароход «Николай» не принимал на борт ни груза оружия, ни вооруженных групп людей.

Как бы то ни было, но наша своевременная и подробная осведомленность, а с нею и наше предупреждение сделали свое дело, и когда, в дополнение к этому, утром в воскресенье, за час до прихода в гавань Канеи «Николая», на ее рейде появилась и стала на якорь «Медея», весьма недвусмысленно занявшаяся наблюдением за портом и за действиями подошедших вскоре один за другим трех торговых пароходов, — то весь так старательно обдуманный и организованный план разом рухнул: прибывшие на «Николае» из Афин гг. Манос и предводители македонских шаек съехали с целым арсеналом их оружия на берег... и назад не вернулись, а в Георгуполис были посланы гонцы предупредить собравшихся там заговорщиков, — в числе их был и сын известного вашему превосходительству Пологеоргиса, — что дело расстроено и исполнение задуманного откладывается.

Действительно, первое время думали, что все только отложено, и заявляли именно, что с [28] 15 августа переносится на [1 сентября] 19 августа. Но непрекращавшееся наблюдение двух наших военных судов, к которому прибавилась еще мера, принятая английским и французским правитель-

ствами, командировавшими к Самосу по одному их военному судну, быстро образумило увлекшихся критян, и всякие дальнейшие попытки исполнить задуманное были оставлены.

Французское судно, отправленное к Самосу, был тот самый здешний стационер «Брюикс», который находился во временной отлучке у берегов Сирии, и, спешно вызванный оттуда, зашел только на сутки в Суду, чтобы погрузить уголь.

Английский же адмирал командировал на Самос бывшую здесь «Медею», дождавшуюся, однако, до своего ухода спешно вызванного из Мальты крейсера «Диану», которая и стоит теперь в Суде вместе с «Уральцем».

Оба английских судна переговариваются между собой беспроволочным телеграфом. Из этого источника мы и узнали о беспорядках, вызванных по приходе к Самосу обоих судов — французского и английского — совещанием, устроенным их командирами с участием начальника турецкого гарнизона, — о чем я имел честь довести до сведения г. министра секретной телеграммой за № 87 [1]. По последовавшим затем сведениям выясняется, что недоразумения эти улаживаются, и предположенные митинги протеста не имели места.

Весьма естественно, что описанная самосская эпопея заняла собой за эти последние две недели внимание как здешней, так и афинской прессы, столбцы которой были переполнены рассказами о всех подробностях неудавшегося предприятия, а частью отражали собой и досаду главных деятелей на наше «неуместное вмешательство» и «преувеличенные страхи». Только немногие газеты, в числе их на первом месте «Кирикс», здешний орган г. Венизелоса, оценили должным образом легкомысленную и опасную эту затею. Доказательством же того, насколько мало преувеличено было нами значение организованного предприятия, могут служить статьи сочувствующих ему органов, раскрывающих теперь задним числом всю фактическую сторону плана, каковые разоблачения лишь в мелких деталях разнятся с собранными нами во-время секретным путем сведениями, послужившими основанием принятых мер.

Представляя вниманию вашего превосходительства перевод одной из таких статей непримиримого «Элевтерон вима», считаю долгом присоединить к ее подлиннику и экземпляры других органов со статьями по этому вопросу («Синтагма», «Неа эревна», «Кирикс», «Неа имера», «Крити»)[2].

С глубочайшим почтением и пр.

А. Шебунин.

№ 625. Министр иностранных дел поверенному в делах в Тегеране Саблину.

Телеграмма № 1724. 5 сентября/23 августа 1912 г.

Письмо [21] 8 августа получено [3].

Весьма желательно иметь возможно спешно заключение миссии относительно проекта контракта между персидским правительством и железно-

[1] 1 сент./19 авг. за № 87 Шебунин телеграфировал: «По сообщению командира английского крейсера «Медея», посланного на Самос, приход туда его и французского крейсера, а в особенности совещание, организованное командирами с князем, властями и начальником турецкого гарнизона, вызвали неудовольствие населения, кончившееся столкновением с жандармами, из коих один был ранен ножом».

[2] Приложения не воспроизводятся.

[3] При письме от 21/8 авг. Поклевский препроводил проект контракта на постройку англ. синдикатом 4 ж.-д. линий на юге Персии (линии: Мохаммера — Хорремабад или Буруджирд, Бендер-Аббас — Керман, Бендер-Аббас — Шираз и Бендер-Аббас — Мохаммера). По поводу этого проекта Поклевский писал, что «синдикат предполагает попрежнему строить железные дороги для персидского правительства и за счет последнего путем реализации на денежном рынке специальных железнодорожных бонов, до полного погашения коих дороги останутся в заведывании и под контролем синдиката» (ср. № 748). Ответ на публикуемый документ не обнаружен.

дорожным синдикатом. Обращаем особенное внимание ваше на намерение гарантировать платежи правительства по бонам таможенными доходами, на предполагаемое продление линии Мохаммера — Хорремабад до Буруджирда, лежащего в нашей сфере, а также на ст. 36 о преимущественном праве синдиката строить всякие продолжения намеченных им дорог. Желательно знать, есть ли шансы на то, чтобы шахское правительство согласилось войти в подобную сделку, которая, по нашему мнению, далеко не сулит ему выгод и которая фактически отдаст в руки синдиката всю нейтральную зону. Важно также выяснить состав синдиката.

Независимо от сего, следовало бы наметить, в чем могла бы выразиться наша деятельность в нейтральной зоне в противовес вожделениям означенного синдиката, и наметить линии, которые нам следовало бы обеспечить за собой.

Сазонов.

№ 626. Министр иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 845. 5 сентября/23 августа 1912 г.

Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

При письме от [2 сентября] 20 сего августа, № 4832 [1], ваше высокопревосходительство препроводили ко мне копию телеграммы начальника Заамурского округа пограничной стражи, который испрашивает разрешения вашего двинуть войска для поддержки монгольских князей Чжалаит и Чжасакту [2].

Телеграмма эта, помеченная [29] 16 августа, очевидно, была отправлена ген.-лейт. Мартыновым до получения указаний, которые вам угодно было дать ему по телеграфу того же [29] 16 августа [3]. Поэтому я полагаю, что этой телеграммой не создается нужды в отправке ген.-лейт. Мартынову каких-либо новых указаний.

По существу дела считаю долгом высказать, что, по моему мнению, нам было бы удобнее, чтобы находящиеся в нашей сфере князья Внутренней Монголии не присоединялись к Халхе, не объявляли о своем отложении от Китая и не создавали повода для китайских военных экспедиций во Внутреннюю Монголию. Но раз дело приняло такой оборот, я не могу закрывать глаза на возможность того, что нам придется выступить тем или другим путем в защиту монголов Внутренней Монголии. Помимо политического значения, которое имело бы подавление китайцами военной силой движения в этой части, что не замедлило бы отразиться и во Внешней Монголии, нельзя не предвидеть, что при происходящих военных действиях наша торговля будет страдать настолько, что прекратить эту борьбу мы будем вынуждены интересами собственных подданных.

[1] Содержание письма Коковцова от 2 сент./20 авг. за № 4832 изложено в публикуемом документе.

[2] Имеется в виду тел. от 29/16 авг. за № 5649, в которой Мартынов сообщал о начатых китайцами воен. действиях во Внутренней Монголии, а также передавал просьбу перешедших на сторону Халхи монг. князей о поддержке. Еще ранее, тел. от 27/14 авг. за № 5576 Мартынов сообщал, что «князь Внутренней Монголии Чжасакту-ван Удай официально заявил китайским властям о своем присоединении к Халхе» и просил росс. прав-во выдать ему оружие.

[3] В тел. от 29/16 авг. за № 4793 Коковцов сообщал Мартынову следующее: «Российское правительство не давало богдо-гэгену обещания выдать оружие для направления во Внутреннюю Монголию. Напротив, он был неоднократно предупрежден, что, принимая в свое подданство князей Внутренней Монголии, он лишь вредит своему делу, так как Россия не будет отстаивать независимости этой части Монголии. Политическая обстановка, определившая такой взгляд российского правительства, не изменилась. Поэтому ни о выдаче князю Удаю оружия, ни тем более о посылке нашего отряда в Таонань-фу для охраны монголов не может быть речи».

Я должен, однако, заметить, что события в восточной части Внутренней Монголии имеют гораздо бо́льшее значение для Японии, чем для России, и выступление японского правительства для прекращения смуты в этих областях вполне вероятно. Мы всегда держались того мнения, что в делах, касающихся Манчжурии, нам выгодно предоставить инициативу японцам. Это относится, мне кажется, и к настоящему случаю, тем более что, при параллельном нашем и японцев выступлении во Внутренней Монголии, мы можем рассчитывать на бо́льшую уступчивость китайцев нашим настояниям и, следовательно, получим возможность достигнуть цели с меньшими усилиями, чем при нашем единоличном выступлении, в поддержке которого японцами мы не можем быть уверенными.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 627. Заведующий отделом Среднего Востока поверенному в делах в Лондоне Эттеру.

Письмо [1]. 5 сентября/23 августа 1912 г.

Многоуважаемый Николай Севастьянович,

С этим курьером я посылаю вам копию с письма Рафаловича к С. Д. Сазонову по поводу контракта, заключенного между Линчем и Deutsche Bank [2]. Если, быть может, последствия этого соглашения и не будут столь опасными для нас, как это рисуется Рафаловичу, то сама по себе эта первая англо-германская сделка представляется мне все же фактом знаменательным.

Меня удивляет, как английское правительство, которое в свое время столько имело *возразить* против *Ханекен-Тегеранской* ж. д., не сообразило, что сделка Линча может способствовать скорейшему окончанию багдадского участка и тем самым приблизить момент, когда вопрос о Ханекен-Тегеранской дороге станет ребром. Тут, несомненно, есть что-то темное в этом деле, и, мне кажется, было бы полезно, если бы вы при случае вновь прижали на этот счет Маллета или Никольсона, осветив им дело с этой стороны. И как это они с легким сердцем благословили Линча на это дело, если, как вам говорил Маллет, «подробности сделки им были не известны»? [3] Это как-то непохоже на осторожное английское правительство.

Скоро вы будете иметь случай свидеться в Лондоне с дорогим гостем, милейшим нашим Сергеем Дмитриевичем. Я готовлю ему ряд справок по вопросам, которые, вероятно, будут затронуты во время пребывания его в Англии; Средний Восток так богат подобными вопросами!

Пока до свидания, у меня еще масса работы к курьеру.

Искренне преданный вам

В. Клемм.

---

[1] Печатается с подлинника, хранящегося в делах б. росс. пос-ва в Лондоне.

[2] В этом письме от 13 авг./31 июля Рафалович указывал, что создание Société des transports fluviaux en Orient будет иметь своим последствием то, что «Общество Багдадской ж. д. начнет строить дорогу и со стороны Багдада, доставляя материалы речным путем, и нет надобности подчеркивать, что если это будет так, то Садидже, которое расположено в каких-нибудь 50 клм. от Багдада, будет скоро достигнуто, и немцы смогут приступить к постройке ветки на Ханекен с тем, чтобы сделать в том, что касается продления этой линии до Тегерана, те выводы, которые вытекают если не из духа, то из буквы соглашения от 19/6 авг. 1911 г.»; закончив ветку Садидже—Ханекен, немцы «потребуют с шумом и криком продолжения этой линии на персидской территории». (См. т. XVIII, № 343.)

[3] См. № 545.

№ 628. Военный агент в Швейцарии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 86. 5 сентября/23 августа 1912 г.
Секретно.

Доношу: приезд германского императора в Швейцарию [1] германскими газетами всеми силами раздувался в политическое событие. Проживающие в Швейцарии германцы также все сделали для того, чтобы придать этому визиту как можно больше торжественности. Германский посланник, сносясь с Берлином, совместно с швейцарским правительством в продолжение нескольких месяцев вырабатывал программу этого посещения. В начале этого месяца программа эта была опубликована. По этой программе император должен был пробыть в Швейцарии с 3 по 7 сентября нового стиля, присутствуя на маневрах 4-го и 5-го числа до полудня, остальное время этих дней было занято разными торжествами. 6-го император совершил бы поездку по Бернским Альпам, поднимаясь на гору Юнгфрау, и 7-го совершил бы поездку по швейцарским озерам и осматривал город Люцерн. Во всех местах, которые император осматривал бы или где останавливался, были организованы представления местных властей, народные процессии и представления, пение певческих обществ и т. д. Города Интерлакен и Люцерн ассигновали большие суммы на украшение города и приемы.

Германская дипломатия всячески старалась придать этому визиту значение сближения обеих стран. Пользуясь подъемом симпатий, вызванных визитом императора, она предложила недавно, как бы в виде одолжения, чтобы в тех местах, где нет швейцарских консулов, германские консулы их бы заменяли, это очевидно уже большой шаг по пути к сближению.

По просьбе германского посланника, во время приезда императора, при нем назначен состоять начальник генерального штаба полк. Шпрехер. Федеральный совет первоначально предполагал назначить для исполнения этой обязанности командира I корпуса полк. Излера.

Назначение полк. Шпрехера, конечно, более соответствовало цели, из-за которой организован был приезд императора — сближение швейцарской и германской армий. В этом отношении германская дипломатия рассчитывает на способность императора Вильгельма очаровывать людей, с которыми он входит в сношение, и в этом отношении приобретение симпатии полк. Шпрехера весьма важно.

Прежний руководитель швейцарской армии полк. Вилле, корпусной командир III корпуса, который теперь маневрирует перед императором, — убежденный сторонник военного союза с Германией и не мало сделал для распространения своей идеи в швейцарской армии.

Нынешний фактический руководитель швейцарской армии и будущий главнокомандующий ее в случае мобилизации полк. Шпрехер хотя и германофил, но до сих пор его симпатии в отношении военного союза клонились лишь в сторону Австрии для совместных действий против Италии; склонить его в пользу военного союза с Германией очевидно было бы большим успехом.

Германская дипломатия и сторонники военного союза с Германией среди швейцарцев праздновали вперед победу; некоторые германские газеты уже намекали на возможное присоединение Швейцарии к Тройственному союзу. . . . .

---

[1] Вильгельм II приехал в Швейцарию 3 сент./21 авг. В рапорте от 18/5 мая за № 46 воен. агент в Швейцарии Гурко, извещая Данилова о предстоящем приезде Вильгельма II на маневры швейц. армии, отмечал симптомы сближения герм. и швейц. армий и подчеркивал, что «посещение императора значительно упрочит моральную связь между Швейцарией и Германией и облегчит достижение намеченной Германией цели — присоединение Швейцарии к Тройственному союзу». Одновременно Гурко писал об усилиях Австрии, направленных к вовлечению Швейцарии в Тройственный союз.

Однако две случайности значительно уменьшают шансы на ожидаемый успех; первая — недавняя смерть главного инициатора и виновника приезда императора в Швейцарию, германского военного агента в Швейцарии майора графа Раппау. Недавно назначенный новый военный агент капитан Бисмарк еще не успел освоиться с положением и приобрести необходимые знакомства в швейцарской армии; вторая и главная причина — это внезапная болезнь императора, вследствие которой за несколько дней до его приезда, когда все затраты на его прием были сделаны, была значительно сокращена программа его пребывания и совершенно отменены поездки в Интерлакен и Люцерн. Конечно, это не уменьшает влияния поездки на военные круги, но сильно уменьшит ее значение, как увеличение народных симпатий к Германии, так как симпатии всех тех лиц, которые даром потратились, конечно, от этого не увеличатся. В мелкой швейцарской прессе, которая, как всякая мелкая пресса, не умеет себя сдерживать, досада по поводу отмены уже высказывается.

Вследствие всего этого можно надеяться, что приезд императора не будет иметь того большого значения в сближении Швейцарии с Тройственным союзом, на которое рассчитывала германская дипломатия [1].

Что же касается специально больших швейцарских маневров, то приезд императора повлиял на них в том смысле, что в них не принимают участия все вновь сформированные части: пулеметные роты и две горные бригады, которые первоначально предполагалось привлечь к участию в них, а также вперед уже определено время начала и перерыва маневров, что ранее не делалось. Главное столкновение, как говорят, тоже подгонят к тому, чтобы оно представило эффектную картину для императора. Вообще все маневры, как сейчас уже видно, будут сделаны для того, чтобы показать императору Вильгельму швейцарские войска с наилучшей стороны.

Вчерашний день это вполне доказал, так как обороняющегося расположили полукругом к такой позиции, посредине которой находилась возвышенность, с которой можно было видеть все обороняющиеся войска и атаку их наступающей стороной [2].

Гурко.

№ 629. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Письмо. 5 сентября/23 августа 1912 г.
Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Телеграмма вашего высокопревосходительства от [27] 14 августа, № 1655 [3], доставила мне как раз во-время возможность объясниться основательным образом с гг. Гешовым и Даневым и сообщить им без всяких обиняков точку зрения и волю императорского правительства. Как я имел честь доносить в телеграммах моих от [29] 16 августа, №№ 103 [4] и 104 [5], я в точности передал главам болгарского кабинета содержание вышеозначенной

[1] В деп. от 7 сент./25 авг. за № 14 посланник в Берне, сообщая о пребывании Вильгельма II в Швейцарии, писал: «Не будет ли иметь озаривший на мгновение швейцарцев ослепительный блеск царственного визита роковое значение, как предвестник фатально надвигающейся на них всепоглощающей силы?».

[2] При деп. от 13 сент./31 авг. за № 43 Броневский препроводил в м-во две заметки «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» от 7 сент./25 авг. и 8 сент./26 авг., в которых подчеркивалось большое удовлетворение в Германии и Швейцарии по поводу посещения Вильгельмом II Швейцарии и отмечалось, что «ни одна из сторон не преследовала в этой поездке никакой особой политической цели». Далее в газете указывалось, что «в своей речи в Берне президент подчеркнул решимость Швейцарии охранять свой нейтралитет от любого нападения. Интересы Германской империи в этом вопросе вполне совпадают с интересами Швейцарии».

[3] См. № 566.

[4] См. № 590.

[5] См. № 591.

телеграммы вашей, повторив при этом мои обычные и известные вам доводы в пользу сохранения Болгарией безусловного хладнокровия и спокойствия. Я счел долгом прочесть моим собеседникам дословно следующую часть вашей телеграммы: «Нельзя терять из виду, что о даровании албанцам автономии нет теперь и речи и что активное выступление балканских государств в защиту христианских народностей Турции не оправдывается необходимостью. Оно может быть лишь поводом к крайне печальным результатам для выступившего, против которого обратилось бы общественное мнение Европы, твердо намеренной не допускать возникновения вооруженного конфликта на Балканах и потушить таковой в самом начале». На вопрос г. Гешова, к каким средствам прибегнет Европа для потушения пожара, какие именно государства подразумеваются под названием «Европы», и примет ли Россия участие в обуздательных против Болгарии и Сербии действиях, я отвечал, что все это вопросы будущего, но что болгары могут быть уверены в одном: это, что в устах С. Д. Сазонова подобная фраза не представляет собой стереотипной старо-дипломатической ссылки на какую-то воображаемую Европу времени Венского конгресса и что если наш министр иностранных дел, при его столь искренних и глубоких симпатиях к балканским славянам, говорит таким языком, то значит — на это имеются самые веские причины. Этот довод подействовал на гг. Гешова и Данева самым удручающим образом.

Я убежден, что если бы не пришло во-время столь категорическое предупреждение и если бы оно не представлено было мной в совершенно недвусмысленной форме, мы через несколько дней стояли бы перед фактом такого обращения болгарского правительства к Порте, которое могло бы повлечь за собой лишь отрицательный ответ последней и мобилизацию болгарского войска. Из полупризнаний, вырвавшихся у Гешова в разговоре со мной, причем он настойчиво оспаривал мои доводы, я мог вынести заключение, что болгарское правительство, поощряемое к тому же сербским посланником, намеревалось предъявить Порте прямое требование о даровании известных прав и гарантий македонскому населению и в случае отказа мобилизировать свои военные силы, заявив при этом державам, что Болгария и единомышленные с ней балканские государства, даже обнажая меч, вовсе не имеют намерения нарушить существующее территориальное status quo Европейской Турции, а лишь стремятся вынудить у турок автономный статут европейских вилайетов. Гешов между прочим выражал предо мною мнение, что такое объявление исключило бы опасность румынского и даже австрийского вмешательства. Словом, весь план был уже начертан, и лишь наше своевременное вмешательство приостановило его исполнение.

Надолго ли? В этом весь вопрос.

В сущности и король Фердинанд и все вполне благоразумные болгары типа Гешова не на шутку опасаются войны. Во-первых, было бы нарушено и на долгие, быть может, годы приостановлено столь завидное материальное благосостояние и развитие Болгарии. Во-вторых, исход войны, даже при локализации оной, весьма сомнителен. Болгары еще далеко не готовы. сербы и греки — весьма посредственные солдаты и офицеры; турецкие войска, прекрасно снаряженные, одушевленные фанатизмом веры и решимостью умереть на развалинах турецкого господства над старозавоеванным «Румом», явились бы противниками чрезвычайно опасными; с ними в одно сплотились бы албанцы, храбрость коих соперничествует с их злодействами. Все это благоразумные болгары и их король отлично сознают. Но и для Фердинанда и для нынешнего кабинета противиться войне значило бы, при известных условиях, *отказаться от власти*.

Фердинанд боится пуще всего восстановить против себя болгарское офицерство, т. е. единственную силу, на которую он в сущности в течение 25-ти лет опирался. Поэтому, если только он усмотрит, что недовольство и

брожение в армии действительно принимают серьезный оборот, то постарается, по всему вероятию, свалить всю вину, весь odium болгарского бездействия на угрозы России и на малодушие нынешнего «русофильского» кабинета. Разорвав с сим последним, он в таком случае призовет ко власти «министерство подсудимых» (Геннадиев, генерал Петров, Радославов, Тончев) [1] и потщится тешить народные ожидания политическими комбинациями и искать свободы действия соглашением с Австрией.

Этого именно и опасаются гг. Гешов, Данев и их единомышленники. Они полагают, что при таких обстоятельствах соглашения с Сербией и с Грецией будут разорваны, что австрийскому и католическому влиянию откроется широкий доступ в страну, что имя и обаяние России снова померкнут в глазах болгарского народа и что сами они падут в общественном мнении бесповоротно. В этих опасениях есть бесспорно значительная доля правды, но только не принимается в расчет тот неоспоримый для меня факт, что Австрия ничего существенного не сможет дать Болгарии, ибо никогда не решится итти напролом, отбирая у турок за-Вардарскую Македонию и предоставляя болгарской армии итти на Кавалу, Дедеагач и Адрианополь. А при таком бессилии австрийской политики болгары весьма скоро вернутся к России. Таковы вероятные последствия падения министерства Гешова — Данева. Но может статься и то, что Фердинанд, как политик опытный, заранее усмотрит тщету обращения к Австрии и не сойдет с пути, на который он стал за последние полтора года. В таком случае, перед ним одна лишь дорога — это в тесном единении со своим нынешним министерством итти навстречу вкоренившимся народным пожеланиям. Можно и должно надеяться, что при таком обороте дел королю и его министрам удастся купно с нами задержать еще немного движение, разобраться тщательно в международном imbroglio [2], собраться с действительными силами; но конечный результат не подлежит сомнению: это все-таки война, война из-за Македонии и Сан-Стефанских границ. Избыть ее невозможно; отсрочить ее могут кое-какие уступки Порты настояниям нашим, неудачи провокационной деятельности македонского комитета, строгое и быстрое наказание виновных в происшедшей 32 дня тому назад кочанской резне, — словом, все такие действия и меры турецкого правительства, которые предполагают прежде всего правительство более или менее стойкое и крепкое.

В заключение я не могу не высказать опасений моих относительно того, как будто бы, близкого момента, когда здесь узнают о заключении мира между Италией и Турцией. Ибо в эту минуту и на короля, и на кабинет посыпятся со всех сторон самые страстные обвинения в «упущении случая».

Как ни парадоксальным может показаться подобное утверждение, но все, кто искренне боятся вооруженного выступления Болгарии, желали бы, чтобы заключение турецко-итальянского мира отсрочилось бы обстоятельствами по крайней мере месяца на два.

Примите и пр. **Неклюдов.**

№ 630. Посланник в Белграде [3] министру иностранных дел.

Телеграмма № 124. 5 сентября/23 августа 1912 г.

В последних телеграммах Штрандтман представил отчет о настроениях в Сербии [4]. Воинственное возбуждение здесь действительно существует,

[1] В февр. 1911 г. решением болг. Народного собрания были преданы верховному суду министры-стамбуловисты (Геннадиев, Рачо Петров и др.). Бывшие министры привлекались к ответственности за злоупотребления, «связанные с личной выгодой»; их обвиняли в принятии взяток от владельцев франц. оружейных заводов (тел. поверенного в делах в Софии от 27/14 февр. 1911 г.).

[2] «сложном положении».

[3] Тел. от 5 сент./23 авг. Гартвиг сообщил, что по возвращении из отпуска он вступил в управление миссией.

[4] Ср. №№ 575 и 599.

хотя преимущественно в военных сферах, которые, по счастью, решающего голоса не имеют, но могут повлиять на массы населения и увлечь за собой правительство, как бы оно ни было благоразумно. Вчера же, по приезде, я весьма серьезно беседовал с Пашичем в смысле указаний вашего высокопревосходительства и, судя по сегодняшним его заявлениям, замечаю, что он ими проникся и сознает опасность, грозящую Сербии в случае ее активного выступления. Пашич, который вскоре составит новый кабинет, обещал до крайних пределов действовать отрезвляюще. Однако, по мнению моему, центр тяжести всей грозной ситуации находится исключительно в Софии, где составилось убеждение, что настоящая минута наиболее благоприятна для сведения счетов с Турцией и что осуществление национальных идеалов возможно либо теперь, либо никогда. Это подтвердил мне выехавший вчера в Софию болгарский посланник Тошев, выражавший опасения, что в случае сопротивления правительства народ сметет и Гешова и Данева, а может быть, и династию. В таком же духе высказался о настроении в Болгарии Спалайкович, несомненно повысив воинственность сербов. По моему совету Пашич сегодня послал телеграмму Спалайковичу с предостережениями, отметив опасное положение Сербии между двух огней — Турции и Австрии. Только решительным воздействием в Софии быть может удастся предотвратить надвигающиеся события. Сербия одна не двинется и почина на себя не возьмет. Однако, как я неоднократно доносил, в случае малейшего (шага) вперед со стороны Болгарии или Австрии и неминуемого возникновения революции на Косове, никакое правительство и никакие советы благоразумия не остановят Сербию.

Гартвиг.

№ 631. Военный агент в Сербии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Письмо. 5 сентября/23 августа 1912 г.
Секретно.

Ваше превосходительство, милостивый государь Юрий Никифорович,

До сведения моего дошло, что Н. Пашичем в половине августа была получена от А. И. Гучкова телеграмма следующего содержания: «Остаетесь ли при прежнем решении? Бог в помощь!».

Приводимая телеграмма, подстрекающая сербов к войне, подтверждает характеристику роли А. И. Гучкова, сделанную мной в рапорте от [29] 16 сего июля № 119 [1]. Вызывает сильнейшее недоумение, как может А. Гучков, нападавший на наше артиллерийское ведомство и указывавший на нашу грозящую катастрофой неготовность к войне, ныне так легкомысленно подталкивать к вооруженному выступлению сербов и болгар, создавая у них иллюзию, что неофициальная Россия в нужную минуту вступится за них?

Сообщаю изложенное для сведения вашего превосходительства с оговоркой, что я узнал об этом *совершенно доверительно* (с обещанием не пользоваться этим сведением официально) и вполне частным образом, от нашего 1-го секретаря В. Н. Штрандтмана, который, в свою очередь, узнал от нашего посланника. Последний, осведомленный о телеграмме самим Н. Пашичем, пока еще не поделился этим сведением со мной.

Уважающий вас покорный слуга

Артамонов.

---

[1] См. № 381.

№ 632. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Депеша № 57. 5 сентября/23 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Ссылаясь на секретную телеграмму мою от [3 сентября] 21 сего августа за № 634 [1], считаю долгом сообщить вашему высокопревосходительству, что я вполне разделяю убеждение в крайней необходимости для нас итти рука об руку с Англией в турецко-персидском пограничном вопросе.

В частности, крайне нам желательно условиться с ней касательно плана разграничения Зохаба, относительно которого в непродолжительном времени мной будет представлено заключение обоих посольств.

Вместе с тем, однако, я не могу не указать на обязательную для нас в вопросе о Зохабе некоторую осторожность ввиду следующих соображений. Посылка турецкого отряда в Мергевер, как указано в моей секретной телеграмме № 639 [2], может значительно затянуть наши переговоры с Турцией о северной части границы, между тем как англичане, имеющие дело со спорными, но *не оккупированными* округами, могут притти к соглашению с турками несравненно легче, и таким образом к [25] 12 октября с. г. [3] мы можем оказаться лицом к лицу с необходимостью считаться с турецким требованием о передаче в Гаагу — в силу турецко-персидского компромисса [21] 8 декабря минувшего года [4] — вопросов, оставшихся к тому времени нерешенными, т. е. как раз касающихся интересующих нас районов. Если, таким образом, мы к тому времени согласимся и об уступках в Зохабе, у Англии, стремящейся этим путем выговорить свои требования на Юге, не будет никакого реального интереса участвовать, поддерживая нас, в разрешении остальной части пограничного вопроса. Другими словами, насколько в интересах Англии решать вопрос о Севере и Юге раздельно, настолько для нас выгоднее настаивать на разрешении вопроса во всей его совокупности, сохраняя Зохаб в качестве средства побуждения турок склониться к принятию наших общих настояний.

Появление турецкого отряда значительно усложняет дело и, стоя в полном противоречии с уверениями, данными вашему высокопревосходительству в марте сего года Турхан-пашой от имени оттоманского правительства (тел. от [19] 6 марта за № 480 [5]), указывает на то значение, которое турки придают Северу.

Полагая, однако, что принципиальные взгляды нашего правительства уже заявлены в ноте, переданной мною г. Норадунгиану [21] 8 сего августа [6], а также, что внутреннее положение Турции может еще неоднократно дать нам повод выступить в защиту наших интересов, я не нахожу причин изменять нашего отношения к делу.

Прежде всего мы могли бы на основании вышеприведенного заявления Турхан-паши протестовать против посылки турками нового отряда.

---

[1] В тел. от 3 сент./21 авг. за № 634 М. Гирс сообщил: «По соглашению с Марлингом мы решили поручить Шипле и Минорскому разработку проекта касательно возможных уступок в Зохабе».

[2] В тел. от 3 сент./21 авг. за № 639 М. Гирс, сообщая о неожиданном появлении турец. отряда в Мергевере (Урмийский район), указывал, что это «значительно меняет все положение, доказывая, что турки не расположены итти на уступки на Севере». При этих условиях, по его мнению, трудно будет отстоять status quo в турец.-перс. разграничении и «возникает перспектива передачи дела в Гаагу». Гирс считал необходимым «усилить хойский отряд и занимаемые нами посты на дорогах, чтобы не допускать численного перевеса турок».

[3] Вероятно, имеется в виду срок окончания работ турец.-перс. смешанной комиссии, начавшей свои работы 25/12 марта 1912 г.

[4] См. т. XIX, № 263.

[5] См. т. XIX, № 655.

[6] См. № 536.

Одновременно с этим я считал бы весьма удобным связать переговоры наши о границе с другими вопросами, ожидающими соглашения между нами и Турцией. К числу последних можно отнести, например, 4% повышение таможенных пошлин и уплату русскими подданными промыслового налога «теметту».

В случае одобрения вышеозначенного предположения, я мог бы ныне же воспользоваться этим средством, чтобы попытаться вовлечь турок в обсуждение по существу требований нашей ноты. Равным образом я был бы весьма признателен за снабжение меня указаниями о точке зрения императорского министерства касательно изложенного мною выше взгляда на вопрос о Зохабе.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 633. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 58. 5 сентября/23 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Получив телеграмму от 31/18 августа с. г. за № 1699 [1], я воспользовался ближайшим приемом у министра иностранных дел, чтобы исполнить поручение вашего высокопревосходительства. Также и французский мой сотоварищ настаивал в тот же день и со своей стороны на официальном оповещении Портой, что даруемые албанцам права распространяются на остальные национальности. Габриэль-эффенди Норадунгиан ответил нам, что лично он не может взять на себя никакого обязательства, но что возбужденный нами вопрос внесен уже им на рассмотрение совета министров.

Как я, так и Бомпар в беседах наших с министром тщательно избегаем упоминать о четырех вилайетах, входящих, по понятиям албанцев, в пределы великой Албании, дабы не определять границ края географическими очертаниями, могущими лишь сеять рознь и вражду среди балканских государств [2].

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 634. Памятная записка французского министерства иностранных дел российскому поверенному в делах в Париже Севастопуло [3].

6 сентября/24 августа 1912 г.

À la date du 29 août dernier, l'ambassade impériale a bien voulu entretenir le Département d'un projet qui a pris naissance à Athènes et d'après lequel le Gouvernement hellénique s'efforcerait d'obtenir l'assentiment des Puissances Protectrices à une mesure concernant l'envoi en Crète d'un commissaire provisoire ayant mission de dissoudre l'assemblée révolutionnaire actuelle et de préparer des élections à une nouvelle Chambre [4].

Après avoir précisé le caractère provisoire de la mesure en question, l'ambassade impériale a bien voulu s'enquérir des renseignements que le Gouvernement de la République avait reçus de son côté au sujet des desiderata du

---

[1] См. № 597.

[2] Тел. от 9 сент./27 авг. за № 657 М. Гирс сообщил Сазонову, со слов Норадунгиана, что турец. совет м-ров «утвердил его предложение об опубликовании решения о распространении на немусульманское население прав, даруемых албанцам. Опубликование это состоится на-днях».

[3] Маш. копия. Публикуемый документ был послан Извольским Сазонову при сопроводительном письме от 12 сент./30 авг.

[4] См. № 579.

Gouvernement hellénique. L'ambassade impériale a exprimé en même temps le désir de connaître l'accueil que le Gouvernement de la République serait disposé à réserver à ces suggestions.

Le Président du Conseil, Ministre des Affaires étrangères, partage le sentiment du Gouvernement de l'Empereur sur l'opportunité qu'il y aurait à créer un état de choses stable en Crète et à rétablir la tranquillité dans l'île au moment où la Chambre hellénique, après un ajournement motivé par les manifestations crétoises, s'apprête à reprendre ses séances.

Dans un récent entretien avec le Chargé d'Affaires de France à Athènes, M. Vénizélos a précisément insisté sur les difficultés que va rencontrer le Gouvernement hellénique dès le mois prochain, si le concours des Puissances Protectrices ne lui est pas accordé, pour assurer la tranquillité dans l'île [1].

Il semble résulter, toutefois, des explications du chef du Gouvernement hellénique que ce résultat ne pourrait être atteint que par l'envoi en Crète d'un commissaire designé par le Roi de Grèce après entente avec les Puissances. La question du caractère provisoire de cet envoyé ne paraît pas avoir été abordée par M. Vénizélos et il ne semble pas douteux, dans ces conditions, si on en juge par les déclarations récentes de la Sublime Porte, que la mesure envisagée par M. Vénizélos et qui constituerait un retour au régime créé par la note verbale des Puissances du mois de juillet 1906 [2], éveillerait les plus vives susceptibilités de la part du Gouvernement ottoman.

La Sublime Porte se montrerait-elle plus accessible à une proposition concernant l'envoi en Crète d'un commissaire provisoire qui, ainsi que l'indique la note du Gouvernement impérial, déposerait ses pouvoirs et quitterait l'île après avoir reconstitué un Gouvernement légal?

Sans préjuger les dispositions de la Turquie à cet égard, le Gouvernement de la République ne croit pas pouvoir se refuser à examiner cette proposition et il a télégraphié à son agent à la Canée afin de s'enquérir de l'effet que l'envoi d'un commissaire provisoire en Crète pourrait exercer sur la tranquillité de la population crétoise.

M. Poincaré saisit cette occasion de renouveler, etc.

Перевод.

29 августа т. г. императорское посольство соблаговолило осведомить министерство о возникшем в Афинах следующем проекте: эллинское правительство попытается получить согласие держав-покровительниц на мероприятие, касающееся назначения на Крит временного комиссара с поручением распустить теперешнее революционное собрание и подготовить выборы в новую палату.

Уточнив временный характер упомянутой меры, императорское посольство соблаговолило запросить, какие сведения получило со своей стороны правительство Республики относительно пожеланий эллинского правительства. В то же время императорское посольство выразило желание узнать, какой прием предполагает оказать правительство Республики этим предложениям.

Председатель совета, министр иностранных дел, разделяет мнение императорского правительства относительно своевременности создания на Крите устойчивого положения и восстановления на острове спокойствия в момент, когда эллинский парламент, после перерыва, вызванного манифестациями критян, собирается возобновить свои заседания.

---

[1] В тел. от 2 сент./20 авг. за № 49 Урусов сообщал о беседе франц. представителя с Венизелосом, который заявил, что единственное разрешение критского вопроса он видит в назначении греч. королем комиссара, признанного державами. По мнению Венизелоса, Турция не будет этому особенно противиться.

[2] Повидимому, имеется в виду нота держав-покровительниц, врученная греч. королю 14/1 авг. 1906 г. В этой ноте предлагался следующий порядок назначения верховного комиссара на Крите: по предварительном совещании с представителями держав-покровительниц король предлагает им кандидата; после одобрения державами этого кандидата они передают ему полномочия верховного комиссара на срок в 5 лет и ставят в известность об этом назначении турец. султана.

В недавней беседе с французским поверенным в делах в Афинах г. Венизелос как раз указывал на затруднения, которые встретит эллинское правительство уже с будущего месяца, если державы-покровительницы не окажут ему содействия для восстановления спокойствия на острове.

Однако из объяснений главы эллинского правительства, повидимому, следует, что этого результата возможно добиться лишь посылкой на Крит комиссара, назначенного греческим королем по соглашению с державами. Вопрос о временном характере его полномочий, повидимому, г. Венизелосом не затрагивался, и в этих условиях, — если судить по недавним заявлениям Высокой Порты, — нельзя сомневаться, что мера, предусмотренная г. Венизелосом, которая явилась бы возвращением к режиму, созданному вербальной нотой держав от июля 1906 г., живейшим образом задела бы оттоманское правительство.

Будет ли Высокая Порта более склонна принять предложение о назначении на Крит временного комиссара, который, как указывается в ноте императорского правительства, сложит свои полномочия и покинет остров по восстановлении законного правительства?

Не предугадывая намерений Турции в этом отношении, правительство Республики не считает возможным отказаться от рассмотрения этого предложения и дало своему представителю в Канее телеграфное предписание осведомиться, какое действие могла бы оказать на успокоение критского населения посылка на Крит временного комиссара.

Г. Пуанкаре пользуется случаем, чтобы возобновить и т. д.

№ 635. Министр иностранных дел поверенному в делах в Париже Севастопуло.

*/. Телеграмма № 1731 [1]. 6 сентября/24 августа 1912 г.

Посланник в Пекине телеграфирует, что тамошний французский поверенный в делах предложил своему правительству не настаивать на общей реорганизации соляной монополии в Китае в связи с проектируемым китайским займом, а удовольствоваться ее реорганизацией лишь в некоторых провинциях. К этой же мысли склоняются остальные посланники ввиду трудности для иностранцев взять в свои руки взимание соляных налогов внутри страны и несомненного крайнего сопротивления этому со стороны китайцев. Прибывший в Пекин директор Лионского Кредита Бонзон, напротив, считает желательным настаивать на преобразовании и поручении руководству иностранцев соляной монополии во всем Китае и вообще высказывается в смысле необходимости обставить заем китайцам тяжелыми условиями [2]. Прежде чем дать Крупенскому указания по этому вопросу, мы желали бы осведомиться о взгляде на него французского правительства. Нам кажется, что независимо от вопроса о практической выполнимости преобразования под руководством иностранцев соляной монополии на всем пространстве Китая, которое во всяком случае могло бы быть проведено лишь постепенно, поддержка, оказанная Бонзону, содействовала бы созданию для французских банков руководящей роли в делах Шестерного консорциума, что соответствовало бы значению французского денежного рынка и было бы в интересах как России, так и Франции [3].

[1] Опубл. М., стр. 574.

[2] Сазонов имеет в виду тел. В. Крупенского от 4 сент./22 авг. за № 737, в которой последний, сообщая о разногласиях между франц. поверенным в делах и Бонзоном, писал: «Требование о передаче в руки иностранцев соляной монополии во всем Китае соответствует нашим интересам в том отношении, что оно до крайности затруднит заключение займа; в случае же его принятия, приведение в исполнение этой меры грозит создать китайскому правительству серьезные затруднения внутри страны. С другой стороны, однако, реорганизованная соляная монополия представит из себя источник для гарантий дальнейших займов Китаю, что несомненно Бонзон имеет в виду, для нас же дальнейшее снабжение Китая денежными средствами едва ли может быть выгодно».

[3] Тел. от 6 сент./24 авг. за № 743 В. Крупенский дополнительно сообщил следующее: «Японский посланник присоединился к мнению о необходимости настаивать на реорганизации соляной монополии во всем ее объеме под иностранным руководством. Английский же мой коллега заявил мне вчера, что считает это совершенно

В вышеизложенном смысле благоволите переговорить с министром иностранных дел и о последующем телеграфировать.

Сазонов.

№ 636. Старший советник министерства иностранных дел поверенному в делах в Тегеране Саблину.

Телеграмма № 1738 [1]. 6 сентября/24 августа 1912 г.

Ссылаюсь на телеграммы Преображенского за №№ 436 [2] и 458 [3].

Благоволите обратить самое серьезное внимание вашего германского коллеги на образ действий Шюнемана. Нет сомнений, что оружие и патроны в таком количестве предназначались не для его личного пользования, а для продажи и притом, очевидно, не персидским властям, а шахсевенам и фидаям. Свербееву будет поручено сделать соответствующее заявление в Берлине.

Необходимо также настоять на немедленном увольнении начальника тавризской почтовой конторыВаррама.

Аргиропуло.

№ 637. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Письмо. 6 сентября/24 августа 1912 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Ваше высокопревосходительство можете легко себе представить, до какой степени я озабочен все это время и как глубоко чувствую лежащую на мне ответственность.

С одной стороны, несомненно существующее в Болгарии возбуждение, и опасения мои, как бы настоящий кризис не разрешился падением кабинета с неминуемым ущербом для нашего влияния и с крушением той работы, которая сделана была нами здесь в течение последнего года. С другой — сознание, что мы должны во что бы то ни стало помешать активному выступлению болгар, которое повлекло бы за собой всеобщий пожар на полуострове и грозило бы в конце концов самой России серьезнейшими международными осложнениями.

Ваше высокопревосходительство знаете, как искренне я опасаюсь для России вооруженного столкновения. При настоящем внутреннем положении нашем неудачная война стала бы источником самых ужасных бедствий и потрясений, стала бы гибелью для России, по крайней мере для той России, которой я служу и которая представляет для меня истинное, а не этнографическое лишь отечество. И кроме того, по моему глубокому убеждению, война из-за интересов даже самых близких союзников и сородичей есть

немыслимым, так как таковое требование сделало бы заключение займа невозможным, а если бы, паче чаяния, оно и было принято китайским правительством, то последнее оказалось бы не в силах обеспечить его осуществление внутри страны». Эти соображения, по словам Крупенского, укрепили его во мнении о желательности совместных действий с Францией и Японией в смысле «твердых настояний на преобразовании соляной монополии во всем Китае».

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 21/8 авг. за № 436 Преображенский сообщал: «По полученным мной секретным сведениям, на имя [герм. торгового агента в Тавризе] Шюнемана получаются в большом количестве заграничные посылки с патронами и оружием, чему содействует здешний начальник почтовой конторы турецко-подданныйВаррам».

[3] Тел. от 5 сент./23 авг. за № 458 Преображенский сообщал, что при вскрытии в присутствии чиновников джульфинской таможни и почтовой конторы трех партий ценных почтовых посылок из-за границы на имя Шюнемана в адрес ковровой фабрики в Тавризе в этих посылках были обнаружены ружья и свыше 7 000 патронов.

безумие и преступление, если с ней не связаны какие-нибудь *собственные*, жизненные и реальные интересы. Вот почему, будь мы даже в силах обнажить меч без крайней для отечества опасности в защиту балканских славян, мы вправе были бы перед русским народом и историей прибегнуть к этой ultima ratio[1] лишь в том случае, если бы попутно имели надежду и возможность приобрести существенные жизненные выгоды для самой России. А это в настоящее время представляется мне невозможным.

Итак, я совершенно и заранее исключаю из моих предположений всякую возможность вооруженного столкновения нашего с одной из великих держав; я предполагаю, напротив того, и желал бы быть в сем уверенным, что ни при каких обстоятельствах, *даже в случае проникновения австрийских войск в Сербию*, мы не откроем военных действий на западной границе нашей, а лишь, продолжая деятельно и основательно наши вооружения, будем хладнокровно выжидать той благоприятной минуты и тех политических сочетаний, при коих мы могли бы иметь решающее воздействие на судьбу Балканского полуострова и на вопрос об обладании Проливами.

Какова же должна быть наша роль в надвигающихся и, по-моему, неминуемых событиях?

Не могу не высказать серьезнейшего опасения, что если нам удастся, как я на то надеюсь, остановить в настоящую минуту совершенно несвоевременное выступление Болгарии, то к весне будущего года события все-таки разыграются.

Возбуждение, царящее ныне в болгарском народе и в болгарской армии, не является плодом лишь последних печальных происшествий и увеличивающегося в Турции безначалия. Возбуждение это нарастает с первого македонского восстания; оно то улегалось, то обострялось, как, например, в 1908 и 1909 гг.; в общей сложности оно несомненно увеличилось, и нервное напряжение народных чувств и напряжение работы и надежд (скажем, даже самообольщения) болгарской армии неминуемо должны привести к конечному бесповоротному взрыву.

С другой стороны, я решительно не вижу возможности для Турции вернуться к сколько-нибудь нормальному существованию. Помимо всяких других тревожных явлений и признаков, одно лишь последнее восстание албанцев является симптомом окончательного ослабления государственного организма Турции. Когда население нескольких округов, полудикое и воинственное, подымается против верховной государственной власти и когда эта последняя не может опереться даже на войско, а принуждена откупаться деньгами, привилегиями и раздачей новых запасов оружия восставшим, то это является признаком конечной государственной немощи и предвозвестником неминуемых крушений. Так было в Римской империи времен нашествия готов, так бывало в Византии. Так было в самой Турции сто лет тому назад, когда Порте грозили Али-паша Тебеделенский, Пасван-оглу Виддинский, Мегмед-Али Египетский. Тогда Турция из сильного и совершенно независимого царства претворялась мало-помалу в искусственную постройку «обновленной Оттоманской империи», подпираемой исключительно несогласиями и соревнованием европейских держав, и теряла попутно одну провинцию за другой. Теперь, очевидно, настало время ее новой метаморфозы и нового умаления.

Всякие добровольные обещания турецкого правительства останутся всегда в области благонамеренных пожеланий. Никакой кабинет не установится отныне прочно в Константинополе и никакие приказания центрального правительства не будут в силах совладать с хаосом, царящим в вилайетах. Раз, по вашему убеждению, совместная работа Европы и давление ее на Порту неосуществимы, то неосуществимо и всякое улучшение положения

[1] «крайней мере».

православной райи. В Болгарии, Сербии и Греции это так прекрасно понимают, что на всякие сепаратные переговоры в этом смысле с турками смотрят исключительно как на политический маневр или как на способ оттянуть и выиграть время.

Болгарское правительство ставит поэтому условием сохранения спокойствия возобновление европейского давления на Порту, постановку Порте Европой каких-либо определенных требований; и нам едва ли удастся убедить их в непригодности этой дипломатической платформы.

Если бы тем не менее мы имели возможность сказать болгарам, что весной 1913 г. мы уже не будем так решительно мешать их выступлению, то волнение, царящее здесь, немедленно улеглось бы и кабинет Гешова — Данева получил бы новую силу и бесспорное влияние на короля и на армию. Но дать подобного обещания мы, разумеется, никоим образом не можем; вексель слишком роковой, срок слишком краткий. Напротив того, мы не можем скрывать от болгар и от сербов, что их активное выступление будет еще долгое время считаться с нашей стороны опасным и для нас самих и для нашего общего дела. Сербы, находясь под непосредственной угрозой австрийских ружей и пушек, несомненно преклонятся в конце концов перед нашими советами. В ином положении Болгария. Для нее всегда может явиться искушение вернуться при таких обстоятельствах к политике заигрывания с Австрией, как я это более подробно излагаю в письме моем от вчерашнего числа [1].

Если король и общественное мнение Болгарии поддадутся этому искушению, то, разумеется, вся наша прошлогодняя работа сведется на-нет; но, с другой стороны, наша роль по отношению к болгарам облегчится, ибо тогда мы с совершенно легким сердцем можем противупоставлять их вожделениям наши собственные интересы. В конце концов Болгария ровно ничего не получит от Австрии и вернется снова к нам.

Но может также статься, что король останется все-таки в связи с нынешним кабинетом, что офицеры не выйдут из повиновения, и в таком случае роковой для Болгарии вопрос о войне отложится до будущей весны. Но тогда правительство гг. Гешова и Данева станет уже само во главе движения и, не оглядываясь более на нас, примет ожидаемое всей страной и армией решение; и в таком случае за болгарами не могут не последовать сербы.

По моему твердому убеждению, и та и другая альтернатива обязывают нас обеспечить прежде всего наши собственные интересы на Ближнем Востоке. К будущей весне мы должны были бы во всяком случае иметь совершенно наготове наш Черноморский флот, транспорты и десант в достаточном размере и всесторонне оборудованный. Имея наготове подобные средства воздействия, мы можем дать понять всем, кому следует, что если Австрия вступит в Сербию, мы *временно* и в виде обеспечения наших интересов займем местности, расположенные к югу от Бургаса и к северу от Проливов, и уйдем лишь тогда, когда Австрия выведет свои войска из чужих владений. Такова будет помощь наша Сербии; что же касается Болгарии, то для правительства, которое пошло бы рука об руку с Австрией, возможность занятия нами юго-восточной границы королевства явилась бы предупреждением и угрозой, а для такого правительства, которое сохранило бы единение с Сербией, та же мера представилась бы помощью, оттянув значительную часть турецких войск к Босфору.

Вообще вопрос о возможности и об уместности занятия нами при известных условиях той или другой части западного прибрежья Черного моря стоит, по-моему, на серьезной очереди, ибо не исключены и такие обстоятельства, которые потребовали бы занятия нами части Болгарии,

[1] См. № 629.

граничащей с румынской Добруджей, и опять-таки не во враждебных по отношению к Болгарии целях.

Подобного рода меры могут и не повести к европейскому столкновению, будучи представленными с нашей стороны как средство охранить во что бы то ни стало мир и спокойствие на всем прибрежьи Черного моря, ввиду наших насущных экономических и иных интересов.

Все должно быть заранее взвешено и приготовлено, повторяю, не позднее будущей весны.

Предприимчивая политика при отсутствии материальной подготовки и средств воздействия вызывает войны; осторожная политика при имении наготове известной силы и известного плана обеспечивает мир.

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 638. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

Депеша № 31. 6 сентября/24 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Несмотря на советы старших сенаторов и на горячие увещания всей печати, за исключением желтой, президент одобрил и подписал закон о Панамском канале [1], прибавив, что он не находит в нем никакого нарушения трактата с Англией.

Таким образом, обе несогласные стороны остаются на своих позициях, и ответный шаг должен быть сделан из Лондона, молчание которого вызывает здесь значительное смущение и нескрытую досаду. Резкие нападки всей английской печати считаются выражением мнения правительства и крайне огорчают американцев, все еще не отвыкших от преклонения перед «страной-матерью», так сильно развившегося лет двадцать тому назад.

Президент, так открыто став на сторону сенаторов-«патриотов», последователей и охранителей доктрины Монроэ, против более осторожных советчиков, несомненно действовал не только по своему убеждению, но также и с целью показать народу, что он высоко держит национальное знамя и не дозволит никому, — даже самым тесным друзьям, — вмешиваться в «домашние дела» Соединенных Штатов, что̀, конечно, может в некоторой степени способствовать увеличению его личной популярности в это нервное время.

Нельзя не сказать, что великобританское правительство потерпело весьма неприятное поражение, не только оскорблением своего самолюбия тем, что его протест был оставлен без всякого внимания, но также и в практическом коммерческом отношении. Освобождение американских каботажных судов от сборов остановит ожидаемое развитие перевоза фруктов из Антильских и Бермудских островов на берега Тихого океана, а запрещение всем судам вообще, принадлежащим ж.-д. компаниям, проходить через канал нанесет сильный удар большим канадским трансконтинентальным линиям, рассчитывавшим, как и американские, забрать всю торговлю между океанами в свои руки и, уничтожив конкуренцию, убить все другие линии.

Теперь остаются два выхода: либо обратиться в Гаагу, либо отказаться от протеста; первый способ был бы, конечно, более верный и успешный, так как, по мнению даже здешних государственных людей и законоведов, текст Хэй-Паунсефотского договора не терпит двух толкований и слова «все нации» именно означают *все* вообще, а не все *другие*, кроме Америки,

[1] 24/11 авг. 1912 г. Тафтом был подписан проект закона, в силу которого амер. суда освобождались от сборов за проход через Панамский канал (см. ч. I, стр. 344, прим. 1).

как бы ни утверждали президент и государственный департамент, настаивающие на том, что слово *другие*, очевидно, «подразумевалось», и г. Тафту трудно будет отказаться от арбитража, когда он первый задумал связаться именно с Англией обоюдными третейскими обязательствами. Правда, что в конвенции 1908 г.[1] сказано, что только те вопросы подлежат третейскому суду, которые не затрагивают «жизненных» интересов государств, и вопрос о льготах, дарованных национальным судам, может, с некоторой натяжкой, быть включен в категорию «жизненных» и, следовательно, не подлежащих арбитражу; ежели правительство Соединенных Штатов примет такое решение, то лондонскому кабинету останется только изыскать какой-нибудь благовидный предлог, чтобы взять назад свои слишком положительные требования, встреченные здесь с таким бесцеремонным пренебрежением.

Всего вероятнее, что ничего не будет предпринято до 5 ноября [нов. ст.], так как ввиду полной неизвестности результата президентских выборов не стоит начинать сложное и щекотливое дело с правительством, которое через два месяца может быть заменено другим. Имею честь приложить при сем для сведения текст закона [2].

Примите и пр.

Ю. Бахметев.

№ 639. Военный агент в США генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 151. 6 сентября/24 августа 1912 г.

О сенатском постановлении по вопросу об инциденте с заливом Магдалена-Бей[3].

Инцидент с приписываемой японцам попыткой зацепиться за материк Америки путем аренды частной японской компанией участка береговой полосы в Нижней Калифорнии около залива Магдалена-Бей был окончательно исчерпан еще в конце прошлого месяца резолюцией, предложенной сенатором Лодж (Lodge), которая была единогласно принята сенаторской комиссией по внешним сношениям (The Senate Committee on Foreign Relations), а затем и самим сенатом.

Резолюция эта подтверждает и развивает еще полнее известную доктрину Монроэ относительно принадлежности Америки одним американцам. Не указывая ни на какую иностранную державу в частности, резолюция гласит, что: «Если положение какого-нибудь порта или вообще местности на американском континенте таково, что занятие его для морских или военных целей может угрожать сообщениям или безопасности Соединенных Штатов, то правительство Соединенных Штатов не может смотреть равнодушно на захват такой гавани или такой местности подобной корпорацией или ассоциацией, которая в отношении другого, не американского, государства находится в положении, дающем ему возможность фактического военного или морского контроля над названным портом или местностью».

---

[1] Имеется в виду арбитражная конвенция между Англией и США от 4 апр. 1908 г.

[2] Приложение не воспроизводится.

[3] Рапортом от 10 апр./28 марта за № 67 Боде сообщал Данилову о внесенном сенатором Лодж запросе по поводу покупки японцами земли в Нижней Калифорнии в районе залива Магдалена-Бей. «Несмотря на готовящееся официальное опровержение, — извещал Боде, — в городе говорят, что японцы действительно имели намерение тем или иным путем основаться на американском материке до момента открытия Панамского канала. Вопрос этот, будто бы, представляет продолжение прошлогодней их попытки получить себе якорную стоянку в заливе Тодос Сантос (Todos Santos) в северной части Нижней Калифорнии, верстах в 80—100 от границы с Соединенными Штатами».

Подлинный текст резолюции на английском языке: «That when any harbor or other place on the American Continent is so situated, that the occupation thereof for naval or military purposes might threaten the communications or the safety of the United States, the Government of the United States could not see without great concern the possession of such harbor or other place by any corporation or association which has such a relation to another government, not American, as to give the country practical control or control for military or naval purposes».

Без утверждения президента сенатская резолюция сама по себе международного значения не имеет, но в данном случае принятие ее служит всетаки доказательством настроения большинства членов республиканского сената.

Полковник барон Боде.

№ 640. Старший советник министерства иностранных дел поверенному в делах в Берлине Броневскому.

Письмо № 977 [1]. 7 сентября/25 августа 1912 г.

Мы имели уже случай обращать внимание германского правительства на предосудительный образ действия германского консульского агента в Тавризе Шюнемана [2]. Ныне, как вы усмотрите из прилагаемых при сем копий с телеграмм управляющего генеральным консульством в Тавризе за №№ 436 и 458 [3], обнаружено участие этого германского агента в тайном ввозе в Азербайджан оружия и патронов. При этом не подлежит никакому сомнению, что ружья и патроны в таком количестве не могли предназначаться для личных надобностей самого Шюнемана, а что они выписаны были с целью продажи, притом не персидским правительственным властям, а, очевидно, разным неблагонадежным местным элементам, известным под общим именем «фидаи», и весьма вероятно разбойничьим шахсевенским племенам, против которых нами ныне ведется карательная экспедиция.

Благоволите обратить на это серьезное внимание германского министерства иностранных дел и просить его принять меры к предотвращению вредной и неподходящей агенту дружественного нам правительства деятельности Шюнемана.

О последующем благоволите меня уведомить.

[Аргиропуло.]

№ 641. Начальник отдела Дальнего Востока министру иностранных дел [4].

Письмо. 7 сентября/25 августа 1912 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Ваша всеподданнейшая записка о князе Удае [5], при сем прилагаемая,

[1] Печатается из журнала входящих и исходящих тел. росс. пос-ва в Берлине. Публикуемое письмо было отправлено Броневскому 7 сент./25 авг., но не было им получено, о чем он сообщил тел. от 20/7 сент. за № 99, в ответ на следующую тел. Аргиропуло от 10 сент./28 авг.:

«Ссылаюсь на письмо № 977. Преображенский телеграфирует: Вчера вновь в джульфинской таможне обнаружены шесть шюнемановских почтовых посылок с шестью скорострельными ружьями, какой системы я не знаю, но они имеют двойные стволы».

21/8 сент. Аргиропуло отправил публикуемое письмо вторично шифрованной телеграммой.

[2] См. т. XIX, ч. I, стр. 309, прим. 1.

[3] См. стр. 163, прим. 2 и 3.

[4] Публикуемое письмо Козаков адресовал Сазонову в Москву, где он находился с 6 сент./24 авг. по 13 сент./31 авг. в связи с юбилейными торжествами по поводу Бородинской битвы.

[5] В докл. записке Николаю II от 6 сент./24 авг. Сазонов писал о князе Удае сле-

вернулась с высочайшей резолюцией: обсудить с военным министром вопрос о выдаче оружия. Конечно, государь не знает, что этот вопрос придется обсуждать не столько с генералом Сухомлиновым, сколько с В. Н. Коковцовым, так как оружие может быть выдано кн. Удаю только в Харбине из штаба Заамурского округа.

Как вы припомните, мы возражали против снабжения нашим оружием монголов Внутренней Монголии вообще и кн. Удая в частности. Об этом еще на-днях В. Н. Коковцов послал ген. Мартынову очень решительную телеграмму [1]. Мы считали, что это оружие может попасть в японскую сферу и создать нам неприятности с японцами; а главное, мы считали, что, выдавая оружие, мы поощряем монголов к восстанию, которое для нас невыгодно, так как китайцы легко его подавят. Первое соображение не особенно серьезно: японцы сами продают много оружия монголам. Второе в значительной мере отпадает, так как восстание уже идет. Если бы можно было быть уверенным, что ген. Мартынов ограничится выдачей оружия таким князьям, которые находятся в ближайшем соседстве Харбина, между прочим и Удаю, то при настоящем положении против этого, пожалуй, можно бы и не возражать. Беда в том, что раздача оружия может, как в Барге, сделаться лишь первым этапом по пути активной поддержки монголов нашими военными.

Во всяком случае, я вижу возможность исполнить очевидное желание государя сделать что-нибудь для князя Удая, не рискуя нашими интересами, и считаю долгом доложить вам мои мысли на этот счет, на случай, если бы они были вам полезны для разговора с В. Н. Коковцовым и ген. Сухомлиновым [2].

Ваш покорный слуга

Г. Козаков.

№ 642. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 186 [3]. 7 сентября/25 августа 1912 г.

Вернувшийся сегодня из Швейцарии Н. Рафалович просит сообщить: Вслед за заключением соглашения с Линчем относительно подвоза ж.-д. материалов по Тигру [4], г. Гвиннер [5] заявил Оттоманскому банку в Париже, как представителю французской группы Багдадской дороги, что предполагается строить следующий участок не с запада, а от Багдада с тем, чтобы

дующее: «Хошун князя Удая расположен по обоим берегам реки Тола и таким образом находится в своей северной части в русской сфере влияния, в южной же части — в японской сфере». Характеризуя Удая, как человека, отличающегося «неустойчивостью убеждений и политической близорукостью», Сазонов сообщал, что эти качества Удая побудили м-во «отнестись с недоверием к его обещаниям и уклониться от удовлетворения его назойливых домогательств». На этой докл. записке помета Николая II: «Обсудите с воен. мин. вопрос о выдаче оружия». Станция Тосно, 6 сент./24 авг. 1912 г.

[1] См. стр. 152, прим. 3.

[2] Письмом от 17/4 сент. за № 908 (копия Коковцову за № 909) Сазонов запросил Сухомлинова и получил в ответ письмо от ген.-инспектора главного управления ген. штаба Вернандера, в котором последний сообщал: «В вопросе о продаже монгольскому князю Удаю 2 тыс. трехлинейных винтовок с 1 млн. патронов решающее значение могут иметь лишь политические соображения». «В разрешении этих вопросов, — заканчивал Вернандер, — вполне компетентно только министерство иностранных дел. Что же касается военного министерства, то оно не встретит затруднений в продаже князю Удаю просимого им количества винтовок и патронов, если таковая продажа будет признана министерством иностранных дел желательной по политическим соображениям». (Письмо Вернандера от 25/12 сент. за № 3726.)

[3] Опубл. М., стр. 271.

[4] См. № 523 и стр. 153, прим. 2.

[5] Гвиннер — главный директор Deutsche Bank.

достигнуть Ханекена к 1916 г. [1] Содействие французской группы важно, потому что недавно она обещала свое участие в реализации облигаций для нового участка с запада. Гвиннер желает перенести это участие на участок Багдад—Садидже и отвлечь [2] к Ханекену. Настроение Оттоманского банка благоприятно этому предложению. Необходимо повлиять на него через французское правительство. Лучшим средством изменить отношение французов к этому было бы воспользоваться их участием в трансперсидском деле и возможно скорее организовать постройку линии Баку — Тегеран. Французы, повидимому, охотно вступят с нами в переговоры, но времени терять нельзя, ибо они променяют свое участие в Багдадской дороге лишь на реальное дело. Последние шаги немцев весьма решительны и удачны, и требуют с нашей стороны немедленных действий [3].

Севастопуло.

№ 643. Поверенный в делах в Париже министру иностранных дел.

Письмо [4]. 7 сентября/25 августа 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В прошлый вторник [5], на очередном приеме дипломатов у министра-президента, я не преминул, во исполнение секретных телеграмм вашего высокопревосходительства за №№ 1692 [6] и 1703 [7], передать ему условия, которым подчинено было бы наше согласие на выступление Франции с предложением о конференции. Как сказал мне на это г. Пуанкаре, он такие же разъяснения получил через г. Ж. Луи и вполне усвоил себе вашу точку зрения о том, что пока следует ограничиться бдительным наблюдением за действиями Австрии с тем, чтобы при случае предупредить ее выступление.

Министр перешел затем к только что сделанному ему устно дополнительному австрийскому сообщению [8]; о децентрализации в нем не было больше речи, и предложенное выступление в Константинополе сводилось к следующим двум советам Порте: распространить на христианские национальности полуострова льготы, дарованные албанцам, и обеспечить правильность и свободу выборов.

Г. Пуанкаре выразил при этом предположение, что выступление графа Берхтольда разрешится простой сочувственной манифестацией к христианским национальностям.

Г. Палеолог, которого я видел на другой день, высказался относительно конференции подробнее, чем министр, и слова его, как мне кажется, позволяют составить себе довольно верное впечатление об отношении парижского кабинета к данному вопросу.

---

[1] Публикуемая тел. до слов: «...достигнуть Ханекена к 1916 г.» была передана Клеммом в Лондон тел. от 10 сент./28 авг. за № 1770. В ответ на это Эттер в тел. от 13 сент./31 авг. за № 230 (опубл. Siebert, II, S. 445, N 679) сообщил следующее: «План сооружения ветви Багдад — Ханекен до окончания магистрали, по мнению Грея, противоречил бы интересам Германии и был бы выгоден исключительно для Англии, которая сосредоточила бы в своих руках всю торговлю через Персидский залив. Грей, по словам Маллета, поэтому сомневается, чтобы южная ветвь была окончена к 1916 г., разве лишь в том случае, если Ханекен будет соединен с уже выстроенной к тому времени Багдадской магистралью».

[2] Так в оригинале.

[3] Тел. от 14/1 сент. за № 1804 (опубл. Stieve, II, S. 253, N 431) Сазонов предписывал Извольскому: «Благоволите предпринять все зависящие шаги, чтобы предотвратить участие французских капиталов в предприятии компании Линча и Deutsche Bank, безусловно вредном для наших интересов».

[4] Опубл. М., стр. 270.

[5] 3 сент./21 авг.

[6] См. № 595.

[7] См. № 606.

[8] См. стр. 129, прим. 4.

Хотя г. Палеолог и заявил, что французское правительство не предлагало конференции и не стремится к ней, тем не менее он повторил сказанное им мне за три дня до того, а именно, что, по мнению г. Пуанкаре, когда будут обнаружены симптомы о намерении графа Берхтольда выступить с предложением о конференции, то тогда для Франции будет уже слишком поздно, чтобы предупредить австрийскую инициативу [1]. Вашему высокопревосходительству покажется, вероятно, характерным, что г. Пуанкаре не сделал мне этого замечания, столь определенно выраженного им своему политическому директору.

Вообще из разговоров с г. Палеологом, а также из поспешности, с которой г. Пуанкаре вступил в переговоры с великобританским послом, как только получил известие о первом вашем разговоре о конференции с г. Луи [2], у меня сложилось впечатление, что парижский кабинет, в сущности, весьма охотно взял бы на себя руководящую роль в этом деле в тайной, быть может, надежде, что конференция состоится в Париже; но, вместе с тем, мне кажется, что г. Пуанкаре не решился бы на рискованный шаг, каким явилось бы его предложение при нынешней политической обстановке, когда сочувственный отклик держав, в особенности воюющих, далеко не обеспечен.

Г. Палеолог высказал как личное мнение, что ввиду многочисленных и сложных стоящих на очереди вопросов, конференция является рано или поздно неизбежной, но что мысль эта еще не созрела; время ей, по его мнению, наступит, когда воюющие державы будут близки к заключению мира. На его взгляд, Россия, Франция и Англия могли бы уже теперь внушить главным органам своей печати приступить к подготовлению почвы в направлении конференции, дабы обеспечить ей благоприятный прием со стороны общественного мнения Европы.

Я имел уже случай упомянуть в предыдущих донесениях о роли, какую Франция призвана играть в вопросе о финансовой ликвидации военных расходов как Италии, так и Турции; быть может, это обстоятельство придаст ей особый вес в глазах воюющих держав и, быть может даже, оно явилось бы сильным доводом в пользу выбора Парижа как места собрания конференции.

К сему считаю долгом присовокупить, что я не преминул поставить словесно в известность г. Палеолога о содержании секретной телеграммы за № 1708 [3] касательно невозможности ныне формулировать предложения для предупреждения столкновений на Балканах; г. Палеолог попросил моего разрешения сделать заметки с моих слов и сказал, как бы в ответ на мое заявление, что последние известия очень утешительны и что в общем положении наступило заметное успокоение.

Примите и пр.

М. Севастопуло.

№ 644. Посланник в Афинах [4] министру иностранных дел.

Письмо. 7 сентября/25 августа 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Считаю долгом перед отъездом [5] набросать несколько строк о первых впечатлениях, вынесенных мной в Афинах за время десятидневного моего здесь пребывания.

[1] См. стр. 120, прим. 4.
[2] См. стр. 119, прим. 3.
[3] См. № 613.
[4] Советник пос-ва в Париже Демидов был назначен посланником в Афины. Тел. от 5 сент./23 авг. за № 50 он сообщил о вручении своих верительных грамот.
[5] Демидов имеет в виду свой предстоящий отъезд в отпуск.

Тотчас по приезде я посетил председателя совета министров и министра иностранных дел. Убедившись в желательности испросить аудиенцию, несмотря на отсутствие короля, у регента королевства для вручения моей верительной грамоты, я немедленно это исполнил и был принят его высочеством в прошлый четверг.

Непродолжительная беседа моя с г. Венизелосом, носившая скорее характер частного визита, лишь вскользь и весьма поверхностно коснулась главных вопросов греческой внешней политики.

Иначе обстояло дело с г. Коромиласом. В двухчасовом разговоре словоохотливым министром затронуты были — в историческом их развитии — все главнейшие вопросы, волнующие в настоящую минуту греческое общественное мнение. Таких вопросов в данное время насчитывается три.

На первом месте стоит, конечно, критская проблема, особенно в связи с предстоящим, в начале октября, открытием парламента и при угрозе вторжения в него критских депутатов. Затем не менее острым является положение, созданное распространением албанской административной автономии на Эпир, где, будто бы, подавляющим образом преобладает греческое население. Наконец, ожидаемое окончание итало-турецкой войны неминуемо должно возбудить разрешение вопроса о будущей судьбе как занятых Италией, так и не захваченных ею Эгейских островов.

По критскому делу здешнее правительство считает чуть ли не единственным исходом, могущим предотвратить серьезные осложнения при возобновлении парламентских работ, восстановление на Крите комиссарского режима. В самом деле, назначение комиссара, создающее вновь временно утерянную связь между Грецией и Критом, бесспорно упрочило бы положение королевского правительства и предоставило бы ему возможность устоять против критской революционной волны. С другой стороны, г. Венизелос, ходатайствуя о содействии нашем в этом направлении и надеясь на нашу мощную поддержку, повидимому, рассчитывает и на то, что Порта не воспротивится этому начинанию. Такой необоснованный, на первый взгляд, расчет объясняется отчасти уверенностью первого министра, что Порта не сомневается более в искренности его намерений, отчасти же, думается мне, тем обстоятельством, что с водворением комиссара на Крите и с возвращением к законному, так сказать, режиму ipso facto отменится и провозглашенное революционным критским правительством постановление о присоединении острова к Греции. Тем самым отпал бы, очевидно, и всякий повод для беспокойных критских депутатов требовать допущения их в афинскую палату.

Недавнее предоставление албанцам автономных прав, поскольку административные права эти распространяются на Эпир, возымело сильный отголосок в Греции и немало также озабочивает здешнее правительство. В частности, состоявшееся на-днях назначение албанского вали в Янине, столице области, на которую искони склонны здесь смотреть чуть ли не как на греческую провинцию, вызвало бурю негодования в Греции. Г. Коромилас поведал мне, что афинский кабинет принужден будет настоять на назначении туда губернатором лица греческого происхождения, иначе родственному населению Эпира грозят в будущем еще бо́льшие невзгоды, нежели в прошлом. Чаша греческого долготерпения переполнена, объявил мне министр, и если Россия не вступится в Константинополе за христианское население Албании, то нельзя поручиться за сохранение спокойствия, а следует ожидать в недалеком будущем возобновления террористических покушений и кровавых столкновений.

Греческая печать испещрена резкими статьями, взывающими к защите попранных прав греко-эпирских соплеменников. К завтрашнему дню в Афинах предстоит грандиозный митинг, на коем, в присутствии тысячной толпы, вероятно, произнесены будут разжигательные по этому поводу речи. Подоб-

ного рода статьи и манифестации крайне затрудняют умеряющую деятельность г. Венизелоса; о степени же потворства настоящему панэллинскому движению со стороны г. Коромиласа я, к сожалению, еще не успел составить себе определенного мнения. Во всяком случае, я не преминул заявить ему, что заступническая задача императорского правительства может увенчаться действительным успехом лишь при непременном условии спокойного и хладнокровного отношения балканских государств к развертывающимся ныне событиям.

При этом я не могу не упомянуть о некотором, как мне кажется, недоверии, проявляемом к нам не только самим министром иностранных дел, но и здешним болгарским посланником в вопросе о греко-болгарском соглашении. Г. Коромилас мне ни словом о нем не обмолвился. Что же касается до г. Хаджи-Мишева, то на мой запрос ему по поводу статьи газеты «Matin», озаглавленной «La Triple Entente Balkanique», о степени достоверности слухов о заключении между Болгарией и Грецией оборонительного союза, болгарский посланник сослался на полную свою неосведомленность в названном вопросе, что едва ли представляется мне правдоподобным. И если я позволил себе упомянуть об этом сравнительно маловажном, хотя и странном явлении, то лишь потому, что, сопоставляя его с некоторыми словами г. Коромиласа, на меня невольно находит мысль, что при возобновлении беспорядков и смут в соседней империи здесь, быть может, готовятся приступить, на основании достигнутого соглашения, к несколько более самостоятельному образу действий.

Ежели греческое правительство и общественное мнение взволнованы балканскими событиями, то не менее тревожит их и предстоящее разрешение вопроса об островах Эгейского моря при ликвидации итало-турецкой войны. Газетные статьи, резолюции комитетов, петиции островитян, всякого рода панэллинские воззвания безостановочно чередуются, предлагая самые разновидные и малоосуществимые комбинации. Из слов председателя совета министров по этому поводу я мог заключить, что он смотрит на это дело с точки зрения чисто практической и деловой. Насколько я его понял, он отнюдь не предается мечтаниям ни о присоединении островов к Греции, ни о предоставлении им государственной самостоятельности.

Вопрос этот, очевидно, носит европейский характер и едва ли может быть разрешаем, как того бы желали итальянцы, путем непосредственного соглашения между Италией и Турцией. Вследствие же затянувшейся войны националистическое движение в Италии все громче требует присоединения к ней островов Родоса и Стампалии. Подобное разрешение, однако же, далеко не удовлетворило бы Грецию. И хотя г. Венизелос, вследствие значительного возбуждения в стране, своего взгляда открыто еще не высказывает, тем не менее он не видит, мне кажется, иного исхода, как возвращение островов Турции под условием предоставления жителям их, за подписью держав, возможно больших свобод и гарантий.

Примите и пр.

Демидов.

№ 645. Поверенный в делах в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 724. 7 сентября/25 августа 1912 г.

Компания Линча ведет с персидским правительством переговоры о возобновлении, по 1949 г., концессии на дорогу Тегеран — Мохаммера, причем, по желанию персидского правительства, в договор о концессии включается право Линча завести автомобильное движение. Этот пункт может иметь для нас весьма важное значение в случае, если англичане проведут железную дорогу от Мохаммеры до Хорремабада, а Линч соединит этот пункт автомо-

бильным движением с Тегераном. В таком случае английские товары получат удобный путь проникновения в нашу зону. Многое, впрочем, будет зависеть от степени спокойствия в упоминаемых местах, а также, пожелает ли Линч затрачивать крупный капитал.

Саблин.

№ 646. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 78. 7 сентября/25 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Сделанное китайскому правительству здешним великобританским посланником заявление по тибетскому вопросу с изложением требований, перечисленных в секретной телеграмме нашего поверенного в делах в Лондоне, которую ваше высокопревосходительство изволили сообщить мне [22] 9 сего августа за № 1599 [1], произвело в Пекине большое впечатление. Сделавшись весьма скоро достоянием гласности, оно привлекло к себе своей неожиданностью и категорическим тоном всеобщее внимание и вызвало со всех сторон гораздо больше комментариев, чем все наши неоднократные выступления по монгольскому вопросу.

В китайских правительственных кругах к английским требованиям относятся с нескрываемым раздражением, и вся печать без различия партий высказывает по поводу их свое живейшее негодование. От Великобритании, весьма сочувственно отнесшейся к установлению в Китае республиканского строя и заявлявшей устами своих государственных людей, что она желает видеть Китай объединенным и сильным, здесь никак не ожидали столь недружелюбного шага. Как ни старается сэр Джон Джордан объяснить китайским сановникам, что английские требования сводятся лишь к закреплению существовавшего до сих пор в Тибете status quo, основанного на договорах между Англией и Китаем, китайское правительство остается глухим к его аргументам, хотя оно и нашлось вынужденным остановить движение своих войск в Тибет.

В меморандуме, посланном в вай-цзяо-бу моим английским сотоварищем, согласие Китая на английские требования относительно Тибета ставится условием признания Великобританией нынешнего китайского правительства [2]. Сэр Джон Джордан сам говорил мне, однако, что он не ожидает в ближайшем будущем получить от китайцев удовлетворительный ответ.

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 647. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

*/. Письмо. 8 сентября/26 августа 1912 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

За истекшие две недели я счел своим долгом по телеграфу доносить вашему высокопревосходительству о положении дел в Черногории в связи с ожидаемым королем Николаем и его правительством решением державами поднятого его величеством вопроса о черногорско-турецкой границе [3]. Я не решился бы вновь обременять внимание ваше этим делом, если бы здешний германский посланник не сделал неделю тому назад сначала мне, а за-

[1] За этим номером была послана В. Крупенскому тел. Эттера от 19/6 авг. за № 211 (см. № 506).
[2] См. стр. 95, прим. 4.
[3] См. №№ 446. 548 и 603.

тем и прочим своим коллегам великих держав одного сообщения, доверительного по существу, но, по здешнему обычаю, вскоре ставшего достоянием всех заинтересованных кругов, а прежде всего самого короля Николая.

Г. фон Экгардт прочел мне полученную им от г. Кидерлен-Вехтера телеграмму, гласившую почти дословно нижеследующее:

«Русский посол сообщил нам, что турки согласны на предложение совместного с черногорцами рассмотрения спорных вопросов о границе при условии, что черногорские и турецкие войска будут от нее отодвинуты; русское правительство дало соответствующие инструкции своим представителям в Константинополе и в Цетинье[1].

Сговоритесь с вашими русским и австрийским коллегами и присоединитесь к ним в этом деле. Что касается modus procedendi, то вам надлежит обсудить и установить его на месте».

Неполучение мной и австро-венгерским посланником соответствующих указаний немало смутило г. фон Экгардта, породив вместе с тем самые разнообразные здесь толки, ныне впрочем улегшиеся.

Король Николай, также ожидавший какого-либо выступления держав по данному вопросу, и осведомившись о том, что никаких возвещенных телеграммой г. Кидерлена инструкций русский посланник не получил, отправился на некоторое время в Антивари со всей королевской семьей, горько жалуясь здешним дипломатическим представителям на молчание Европы, не откликнувшейся на его обращение к ее помощи.

Злые языки утверждают, однако, что его величество на деле вовсе не сокрушается этим обстоятельством, развязывающим, будто бы, ему руки, a priori создавая для него смягчающие обстоятельства в случае, если бы он предпринял на свой и Черногории страх какие-либо решительные действия на турецко-черногорской границе, о чем он, будто бы, помышляет[2].

Я затруднился бы высказать определенное суждение о том, в какой мере все эти предположения и толки обоснованы, но я не счел себя вправе о них не донести.

Примите и пр.

А. Гирс.

№ 648. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Депеша № 60. 8 сентября/26 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Полученные за последнее время из восточных вилайетов Турции известия об усилившихся грабежах и убийствах армян курдами встревожили константинопольскую армянскую патриархию и общину. Патриарх, во главе духовной делегации, поспешил обратиться к великому визирю и прочим министрам с самыми энергичными представлениями, ходатайствуя о спешной защите армян Портой.

Кроме министра внутренних дел Даниш-бея, албанца по происхождению, который отнесся крайне безучастно к этому ходатайству, признавая резню армян преступлением общего характера и почти что в порядке вещей, все прочие члены правительства старались успокоить патриарха и делегацию обещанием дать распоряжение о тщательном расследовании дела

---

[1] Ср. № 565.

[2] Тел. от 9 сент./27 авг. за № 655 М. Гирс сообщил следующее: «Министр иностранных дел заявил мне сегодня, что, стремясь окончить пограничный вопрос с Черногорией и найти возможность утвердить протокол [11 июня] 29 мая, он поручает турецкому поверенному в делах, албанцу по происхождению, выехать на границу и попытаться всеми средствами убедить албанцев согласиться на обмен участков». Министр сказал Гирсу, что поручение это «не должно носить официального характера, дабы не возбуждать подозрения албанцев».

и принять необходимые меры, чтобы положить конец бесчинствам курдских разбойников.

По газетным отчетам, один из членов делегации грозил, будто бы, великому визирю, что, в случае бездействия Порты, армяне принуждены будут обратиться к защите иностранных держав.

[6 сентября] 24 августа состоялось чрезвычайное заседание армянского национального собрания, на коем патриарх Аршаруни доложил о результатах своих переговоров с правительством. После продолжительных и шумных прений было предложено членами собрания для вотирования несколько постановлений, но патриарху удалось убедить собрание отложить вотирование постановления на одну неделю, чтобы дать возможность правительству доказать искренность своих обещаний и успешность принимаемых мер.

Доводя о вышеизложенном до сведения вашего высокопревосходительства, имею честь присовокупить, что я не преминул запросить наших консульских представителей в Битлисе и Ване о положении армян в их округах.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 649. Министр иностранных дел поверенному в делах в Лондоне Эттеру.

Телеграмма [1]. Москва [2], 9 сентября/27 августа 1912 г.

Получил вашу телеграмму № 225 [3].

На второе австрийское предложение я ответил, что с удовольствием усматриваю в нем доказательство нежелания Австрии отделяться от других великих держав в вопросах, касающихся Балканского полуострова. Выразив полное сочувствие сделанным предложениям, я тем не менее не скрыл своих опасений насчет их осуществимости ввиду неизбежных затруднений со стороны Турции.

Сазонов.

№ 650. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 660. 9 сентября/27 августа 1912 г.

Копия в Цетинье.

Ссылаюсь на телеграмму из Цетинье № 143 [4].

Министр иностранных дел поручил турецкому поверенному в делах разъяснить черногорскому правительству, что турецкие войска стоят у границы исключительно для предупреждения столкновения албанцев с черногорцами. Как только опасность столкновения минует, войска будут немедленно отодвинуты от границы.

Гирс.

---

[1] Номер отсутствует. Опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 21.

[2] См. стр. 168, прим. 4.

[3] В тел. от 6 сент./24 авг. за № 225 (опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 21) Эттер сообщил, что Маллет передал ему содержание заявления, которое он, по поручению Грея, должен сделать австро-венг. поверенному в делах в ответ на второе предложение Берхтольда. Содержание заявления изложено в англ. меморандуме от 10 сент./28 авг. (см. № 652).

[4] Тел. А. Гирса за № 143 не обнаружена. Возможно, за этим номером Гирс послал в К-поль копию своей тел., адресованной Сазонову 6 сент./24 авг. за № 142, в которой он сообщал: «По полученным здесь точным сведениям, в Беранах — 8 500, а в Плаве — 2 100 турецких войск. Идут туда же еще 10 батальонов. Король сказал посланникам, что такое сосредоточение войск крайне тревожит все население Черногории».

№ 651. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Письмо. 9 сентября/27 августа 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вчера меня посетил германский посол и в завязавшемся между нами доверительном разговоре стал сетовать на щепетильное положение, созданное ему предложением графа Берхтольда. Будучи единственным союзником Австрии, представленным ныне в Турции, Германии неудобно неодобрительно отзываться о внезапном выступлении руководителя внешней политикой Габсбургской монархии. Между тем, по его мнению, предложение австрийского министра иностранных дел было не только неискусно проведено, но оно грешило в самом своем основании. Граф Берхтольд несомненно ошибается, полагая, что нынешний кабинет склонен к дарованию отдельным частям империи широких прав самоуправления. Находящееся у власти правительство проникнуто, по словам барона Вангенгейма, в гораздо большей степени, нежели младотурки, желанием сосредоточить исключительно в своих руках заведывание всеми отраслями управления страной и стремлением оботтоманить инородцев в Турции. К тому же то обстоятельство, что во главе ведомства внешних сношений поставлен ныне армянин, вынуждает последнего действовать с постоянной заботой сгладить вину своей непринадлежности к мусульманскому вероисповеданию. Подобные условия делают, в глазах моего германского собеседника, столь выгодным для прежнего кабинета сравнение его деятельности с деятельностью министерства Гази Мухтар-паши. Младотурки представляли собой вполне согласное, единодушное правительство с твердо определенной программой. Нынешний же кабинет отличается не только тем, что постоянно теряет своих членов, но и тем, что среди остающихся единогласие далеко не обеспечено.

Переходя затем к итало-турецкой войне, барон Вангенгейм высказал предположение, что без давления со стороны держав едва ли прекратится нынешняя война. И он мне поставил вопрос, уже слышанный мной от Норадунгиана: предполагаю ли я, что медиация обязательно повлечет за собой конференцию?

В тот же день мне пришлось встретиться в частном турецком доме с министром торговли. Решид-паша косвенно подтвердил мне сведения о разладе между членами нынешнего кабинета. Он жаловался на Габриэль-эффенди и недоумевал, почему Норадунгиан упорствует на ведении негласных переговоров. Всем известно, где они происходят, кто в них участвует, — какой же смысл их утайки? Решид-паша выразил равным образом сомнение в их успехе, предпочитая им посредничество держав, незавершенное, однако, конференцией. Последней опасаются решительно все турецкие политические деятели.

Вышеприведенные отзывы обоих моих собеседников указывают, что в разговорах на Женевском озере произошла некоторая задержка. Ответственность за эти переговоры перенесена уже на нынешний кабинет. Это вполне сознает Киамиль-паша, выразившийся на-днях, что заключение мира будет «мазью в колеса младотурок». Опасение сыграть в руку комитету «Единение и Прогресс» и побуждает оттоманских уполномоченных до самого последнего времени выступать с предложениями, не раз уже отклоненными итальянцами.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 652. Меморандум английского посольства в Петербурге министру иностранных дел[1].

10 сентября/28 августа 1912 г.

Sir E. Grey a fait savoir au Chargé d'Affaires d'Autriche-Hongrie qu'il envisage avec la plus grande sympathie le but principal des propositions du comte Berchtold, tel qu'il a été exposé dans la communication faite au Gouvernement de Sa Majesté britannique le 3 septembre, et qui serait le maintien de la paix et du status quo politique conjointement avec l'extension des réformes à toutes les populations chrétiennes[2].

Or, il paraît que l'intention du Gouvernement ottoman serait de s'occuper dès à présent des réformes administratives et Sir E. Grey partage entièrement le point de vue du comte Berchtold que l'action des Puissances devait viser à encourager l'initiative de la Porte par moyen d'un appui moral et individuel.

Sir E. Grey a eu, à plusieurs reprises, l'occasion d'exprimer sa sympathie avec les intentions de la Porte et sa sollicitude au sujet des réformes. D'accord avec le comte Berchtold, il est d'opinion qu'il est très à désirer que les élections soient conduites d'une façon impartielle[3], afin d'assurer une représentation plus équitable des différentes nationalités. Vu que le Gouvernement ottoman s'efforce à garantir la liberté d'élection, Sir E. Grey est d'avis que le moyen d'agir le plus à propos serait de profiter d'une occasion officieuse d'accentuer auprès de la Porte les bons résultats qui s'ensuivraient d'une telle politique. Les bonnes intentions du Gouvernement ottoman seraient ainsi affermies, sans l'exposer à la reproche d'agir sous pression étrangère.

Sir E. Grey apprécie le but du comte Berchtold en initiant ainsi l'échange de vues entre les Puissances, et désire cordialement maintenir une coopération complète afin que, quoiqu'il arrive, il y ait entre elles une parfaite harmonie d'action.

En saisissant le Ministre impérial des Affaires étrangères de cette réponse, l'Ambassadeur d'Angleterre a l'honneur de lui faire savoir que Sir E. Grey est d'avis que, dans le cas où la réponse des Gouvernements russe et français soit conçue en termes analogues, il n'y aurait pas lieu de continuer pour le moment les conversations à ce sujet. Sir E. Grey désire vivement apprendre le point de vue du Ministre impérial à cet égard[4].

Перевод.

Сэр Э. Грей дал знать австро-венгерскому поверенному в делах, что он относится с величайшим сочувствием к основной цели предложений графа Берхтольда, как она изложена в сообщении, сделанном правительству его британского величества 3 сентября, и сущность которой — поддержание мира и политического status quo одновременно с распространением реформ на все христианские народности.

Между тем, повидимому, оттоманское правительство намеревается теперь же приступить к проведению административных реформ, и сэр Э. Грей полностью разделяет точку зрения графа Берхтольда, что действия держав должны быть направлены к тому, чтобы каждая в отдельности оказала моральную поддержку инициативе Порты.

Сэр Э. Грей несколько раз имел случай выразить свое сочувствие намерениям Порты и свою озабоченность относительно реформ. В согласии с графом Берхтольдом, он того мнения, что чрезвычайно желательно, чтобы выборы проводились беспристрастно, дабы обеспечить более справедливое представительство различных национальностей. Принимая во внимание, что оттоманское правительство стремится обеспечить свободу выборов, сэр Э. Грей находит, что наиболее целесообразным было бы воспользоваться каким-либо случаем, чтобы неофициальным образом подчеркнуть перед Портой благоприятные последствия, которые будет иметь такая политика. Таким путем добрые намерения оттоманского правительства получили бы поддержку, не навлекая на него упреков в том, что оно действует под иностранным давлением.

---

[1] Этот меморандум Бьюкенен при письме от того же числа препроводил Аргиропуло с просьбой передать его находившемуся в Москве Сазонову.

[2] Ср. № 605.

[3] Так в оригинале. Следует читать: «impartiale».

[4] Об ответе Сазонова см. № 649.

Сэр Э. Грей вполне понимает цель, которую преследовал граф Берхтольд своим выступлением, положившим начало обмену мнений между державами, и искренне желает сохранения полного сотрудничества [держав], для того чтобы при всех обстоятельствах между ними была полная согласованность действий.

Ставя императорского министра иностранных дел в известность об этом ответе, английский посол имеет честь уведомить его, что, по мнению сэра Э. Грея, в том случае если ответы российского и французского правительств составлены в аналогичных выражениях, продолжение разговоров по этому поводу в настоящий момент излишне. Сэр Э. Грей очень хотел бы узнать взгляд императорского министра по этому вопросу.

№ 653. Меморандум английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

10 сентября/28 августа 1912 г.
Confidentiel.

Lors d'une conversation qu'il a eu, d'ordre de Sir E. Grey, avec le Conseiller de l'ambassade de Turquie à Londres, Sir Louis Mallet s'est exprimé de la façon suivante au sujet de la situation aux Balkans:

Tout en appréciant la position difficile du Gouvernement ottoman et le risque qui serait entraîné par une intervention quelconque, Sir E. Grey était d'opinion que, la situation des races chrétiennes étant intolérable, un jour ou l'autre l'intervention ne pourrait être évitée que dans le cas où la Porte elle-même la rendit inutile.

Les espérances qu'on s'était faites de la politique du Gouvernement ottoman depuis quatre ans se sont montrées illusoires et les abus qui avaient existé avant la révolution en Turquie existaient toujours. Sir E. Grey avait confiance cependant dans les intentions du Gouvernement actuel — une confiance qui avait été confirmée par les réformes accordées aux Albanais. Ne serait-il pas possible que le Gouvernement ottoman annonce son intention d'étendre ces réformes aux races chrétiennes? Il serait à désirer que la Porte y prenne l'initiative afin d'éloigner la nécessité de représentations officielles de la part des Puissances.

Sir E. Grey était très content d'apprendre que le Gouvernement turc prenait des mesures afin d'assurer une représentation proportionnelle dans les élections.

Djevad Bey a répondu qu'à son avis le Gouvernement ottoman aurait une grande répugnance à publier quoi que ce soit au sujet des réformes, vu qu'une telle démarche aurait l'apparence de céder à la pression autrichienne. La Porte avait l'intention d'étendre les réformes. Elle était complètement d'accord avec les Puissances à cet égard, mais toute représentation de la part de celles-ci ferait avorter ce projet.

Djevad Bey a promis de saisir son Gouvernement de cette conversation et a exprimé l'espoir qu'il n'y aurait pas de représentation collective.

L'Ambassadeur d'Angleterre a été chargé par Sir E. Grey de porter ce qui précède à la connaissance du Ministre impérial des Affaires étrangères, à titre privé et confidentiel, et d'ajouter que Sir E. Grey est d'opinion que toute représentation ultérieure aurait un effet contraire au but désiré.

Перевод.

Доверительно.

Во время беседы, которую он имел, по распоряжению сэра Э. Грея, с советником турецкого посольства в Лондоне, сэр Луис Маллет высказался по вопросу о положении на Балканах следующим образом:

Вполне сознавая затруднительное положение оттоманского правительства и риск, сопряженный с каким-либо вмешательством, сэр Э. Грей считает, что, ввиду невыносимого положения христианских народностей, вмешательство станет рано или поздно неизбежным, если только сама Порта не сделает его ненужным.

Надежды, которые в течение четырех лет возлагались на политику турецкого правительства, оказались призрачными, а злоупотребления, практиковавшиеся в Турции до революции, продолжаются и теперь. Однако сэр Э. Грей питает к нынешнему правительству доверие, которое оправдалось дарованными албанцам реформами. Не представляется ли возможным, чтобы оттоманское правительство заявило о своем намерении распространить эти реформы и на христианские народности? Было бы желательно, чтобы Порта взяла на себя инициативу в этом деле, для того чтобы предотвратить необходимость официальных представлений со стороны держав.

Сэр Э. Грей был очень рад узнать, что турецкое правительство приняло меры для обеспечения при выборах пропорционального представительства.

Джевад-бей ответил, что, по его мнению, турецкое правительство крайне отрицательно отнесется к идее обнародования чего бы то ни было по вопросу о реформах, ввиду того что такой шаг имел бы видимость уступки, сделанной под давлением Австрии. Порта имеет намерение распространить реформы. Она вполне согласна в этом отношении с державами, но всякое выступление со стороны последних обрекло бы этот проект на неудачу.

Джевад-бей обещал уведомить свое правительство об этой беседе и выразил надежду, что коллективное выступление не будет иметь места.

Английскому послу поручено сэром Э. Греем довести вышеизложенное до сведения императорского министра иностранных дел в порядке частного и доверительного сообщения и присовокупить, что, по мнению сэра Э. Грея, всякое дальнейшее выступление возымело бы действие, обратное намеченной цели.

№ 654. Старший советник министерства иностранных дел поверенному в делах в Лондоне Эттеру.

Телеграмма № 1769 [1]. 10 сентября/28 августа 1912 г.

Сообщается в Тегеран.

Ссылаюсь на телеграмму Саблина за № 724 [2].

Считаем, что возобновление концессии Линча в пределах нашей сферы влияния и, в частности, включение в нее нового права завести по дороге Тегеран—Мохаммера автомобильное движение не соответствует ст.ст. 1-й и 3-й конвенции 1907 г., где говорится лишь о сохранении существовавших в то время концессий, а не о праве возобновления, а тем более расширения их.

Благоволите объясниться в этом смысле с лондонским кабинетом и просить указаний великобританскому посланнику в Тегеране способствовать отклонению ходатайства Линча.

О последующем телеграфируйте [3].

Для надв. сов. Саблина [4].

Благоволите, со своей стороны, опротестовать действия Линча перед Тоунлеем и сделать все зависящее, чтобы предупредить возобновление персидским правительством концессии Линча в пределах нашей зоны и, в частности, включение в нее права автомобильного движения [5].

[Аргиропуло.]

---

[1] Царск. экв. Частично опубл. Siebert, II, S. 444, N 677, где помечена N 1779.

[2] См. № 645.

[3] В ответной тел. от 15/2 сент. за N 231 (опубл. Siebert, II, S. 445, N 680) Эттер сообщил: «По наведенным Маллетом справкам оказывается, что в январе 1911 г., после обмена взглядов между английским министерством и императорским правительством, последнее не встретило препятствий к продлению на 10 лет концессии Линча при условии, чтобы концессия касалась лишь только обыкновенных экипажных сообщений и не включала бы права постройки железной дороги. Английскому посланнику в Тегеране вследствие этого уже было предложено оказать Линчу содействие». Позднее, тел. от 28/15 сент. за № 238 (опубл. Siebert, II, S. 448, N 685), Эттер сообщил, что вопрос о концессии Линча и автомобильных сообщениях Грей намерен обсудить в Бальморале.

[4] Последний абзац у Siebert'а отсутствует.

[5] В ответной тел. от 21/8 сент. (без номера) Поклевский сообщил, что ему «было известно через великобританскую миссию, что императорское правительство дало в свое время согласие на возобновление концессии Линча в прошлом январе».

№ 655. Посол в Риме министру иностранных дел.

⁄. Письмо. 10 сентября/28 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вопрос о будущей участи Эгейских островов выступает все более и более на передний план в повседневной прессе и не может не озабочивать также и европейских кабинетов. Я поэтому воспользовался удобным случаем, чтобы еще раз спросить товарища министра иностранных дел, г. Боллати (маркиза ди Сан-Джулиано все еще в Риме нет), как относится к этому итальянское правительство. «Я мог бы впрочем, — сказал я г. Боллати, — воздержаться от этого вопроса, так как я, на основании всего, что слышал как от вас, так и от министра, не могу не знать, что этот вопрос, хотя и возбужден вашей войной с Турцией, но не находится в прямой зависимости от нее, и вследствие этого мне кажется очевидным, что участь Эгейских островов, даже временно, не от вас будет зависеть». «Совершенно верно», — ответил мне г. Боллати. «Без сомнения, — продолжал он, — что в будущности Спорадских островов должна будет, вероятно, произойти некоторая перемена. L'Italie aura son mot à dire comme Grande Puissance européenne, mais non pas comme Puissance belligérante et, par conséquent, nous ne songeons pas à garder ces îles comme gage, mais si les Turcs le croyaient ce ne serait pas à nous de les en détromper» [1].

После того, что я, две недели тому назад, писал вашему высокопревосходительству, вопрос о мире не подвинулся. Так, по крайней мере, меня уверяют в Консульте. Однако нет сомнения, что в самом факте, что переговоры не прерваны, можно почерпнуть некоторую надежду на их благополучное завершение. Говоря о войне, я сказал, между прочим, г. Боллати, что приостановка всякого действия итальянского флота в Эгейском море объясняется многими если не прямым обещанием туркам воздерживаться от всяких наступательных действий на островах пока длятся переговоры, то по крайней мере tacitu consensu [2] ждать окончания этих переговоров. Г. Боллати мне ответил, отрицая самым положительным образом всякое, даже косвенное, ограничение свободы итальянских военных действий, и сказал, что затишье в Эгейском море никоим образом не находится в зависимости от ведущихся переговоров.

По поводу инициативы графа Берхтольда и разъяснения, сообщенного недавно кабинетам австрийским правительством по этому поводу, г. Боллати мне сказал, что, по мнению римского кабинета, предложение австрийского министра иностранных дел носит явный характер дилетантизма; оно или совершенно непрактично и неприменимо, или клонилось бы к полному, окончательному распадению Турецкой империи. Выступление графа Берхтольда может, кроме дилетантизма его автора, объясниться, по мнению моего собеседника, желанием австро-венгерского кабинета не терять своего положения на первом плане в вопросах балканских.

Примите и пр.

Крупенский.

№ 656. Посланник в Софии министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 107. 10 сентября/28 августа 1912 г.

Личная.

Мне сообщили из отлично осведомленного, но не вполне благонадежного по намерениям (источника), что в настоящую минуту итальянцы делают через

[1] «Италия скажет свое слово, но не в качестве воюющей державы, а как великая европейская держава, и поэтому мы не думаем удерживать острова в виде залога, но если турки так думают, то не нам их в этом разуверять».

[2] «молчаливым согласием».

посредство второстепенных агентов в Софии и Белграде признание, что мирные переговоры их с Турцией не подвигаются и что Италия начинает отчаиваться в возможности закончить войну без посторонней помощи. Им здесь и в Белграде на это заигрывание отвечали, будто бы, что ожидают более конкретных и прямых предложений. Болгария и Сербия, по сведениям из того же источника, сделали уже различные предложения Италии, и Боздари именно по этому поводу ездил в Рим [1], но Италия тогда отклонила оные. Последнее сведение мне было еще ранее сего косвенно подтверждено итальянским посланником. Предупреждаю, что если в нашей болгарской миссии узнают, что эти сведения идут от меня, то я лишусь доверия вышеозначенного источника и, кроме того, болгары станут относиться ко мне с недоверием и с усугубленной сдержанностью.

Неклюдов.

№ 657. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

⁴/. Депеша № 55. 10 сентября/28 августа 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В секретной телеграмме от [6 сентября] 24 августа за № 124 [2], я имел честь представить отчет о том настроении умов в Сербии, которое я застал по возвращении моем из отпуска. Нарисованная мною картина находится в полном соответствии с данными, ранее сообщенными императорскому министерству временно управлявшим миссией надворным советником Штрандтманом в его весьма обстоятельных донесениях [3].

Само собой разумеется, что развивающиеся на Балканском полуострове события, как то: внутренняя неурядица в Оттоманской империи, распад дисциплины в армии, кровавые столкновения на черногорско-турецкой границе, неунимающееся албанское восстание и обострившееся движение в Македонии — не могут не производить сильного впечатления на сербов. К довершению, как бы ни казалось это странным на первый взгляд, миролюбивое выступление венского кабинета — вместо успокоения — внесло сюда еще более тревоги, ибо сербы убеждены, что Австрия в данном случае ищет только предлога для непосредственного вмешательства в балканские дела, конечным результатом коего должно явиться занятие Новобазарского санджака. Посему они невольно спрашивают себя: не лучше ли предупредить таковой шаг со стороны соседней монархии и, пользуясь общей смутой, заодно с прочими балканскими народностями добиться осуществления национальных задач.

Нет, однако, сомнения, что наиболее воинственное влияние на здешние общественные круги оказывают вести, доходящие сюда из Софии. Там, повидимому, атмосфера сильно сгустилась; там в войне с Турцией видят единственный выход из создавшегося тяжелого положения и настойчиво приглашают сербов принять в ней участие, находя, что более благоприятной политической минуты для успешного сведения счетов с вековым врагом славянства трудно ожидать в будущем. Знаменательным представляется, что воинственные голоса в Болгарии раздаются не только из среды оппозиционных групп, что̀ было бы естественным, — нет, оружием бряцают и члены обеих правительственных партий, угрожая и королю, и Гешову, и Даневу в случае их сопротивления общенародному движению. Лозунг — «теперь или никогда» раздается повсюду.

Так по крайней мере характеризуют положение в Болгарии ее представитель в Белграде и сербский посланник в Софии. Сообщения и того и другого

[1] См. № 267.
[2] Упомянутая тел. датирована в лит. копии 5 сент./23 авг. (см. № 630).
[3] См. №№ 556 и 575.

подняли дух сербов, особливо в здешних военных сферах, где также стали говорить о благоприятном моменте в уверенности, что к Сербии и Болгарии неминуемо должна присоединиться и Греция и даже Черногория, несмотря на ее угодничество пред Австрией. А такая четверная коалиция, по их мнению, должна одержать верх над Турцией и без материальной помощи России, от которой, впрочем, ожидается, скорее, моральная поддержка.

Но, как я заметил в вышеупомянутой телеграмме моей, по счастью, военные сферы здесь не имеют решающего голоса, и авторитетное слово все же сохраняется за правительством или, вернее, за Пашичем, в руках которого фактически сосредоточена власть. Я посему чрезвычайно рад был, что он тотчас же по приезде моем посетил императорскую миссию, в надежде именно получить дружеский совет. Я нашел его тревожно настроенным, умеренно воинственным, но и достаточно благоразумным, чтобы принять к руководству указания, которые уже сообщены были ему надворным советником Штрандтманом на основании телеграмм вашего высокопревосходительства [1].

Развивая эти указания, я обратил особое внимание Пашича на то обстоятельство, что болгары, приглашая сербов к совместным активным действиям, делают плохой расчет, видимо, полагая, что вся 250-тысячная сербская армия придет к ним на помощь против Турции. Они явно упускают из виду, что при переходе через границу первого сербского батальона австрийские войска могут оказаться не в Санджаке, как здесь все думают, а в самом Белграде; да не только в Белграде, но и в долине Моравы, куда, как известно, австрийцы за последнее время подготовили себе путь чрез Дубравицу [2]. А при таких условиях сербской армии пришлось бы иметь дело уже на два фронта. «Сообщите-ка об этом в Софию, — сказал я Пашичу, — и вы увидите, что пыл болгар тотчас же несколько остынет».

Из дальнейшего разговора я убедился, что Пашич вполне проникся моими доводами относительно опасности, которая грозит Сербии от всякого ее неосторожного шага. Он уверил меня, что во всяком случае Сербия не имела в виду самостоятельных активных действий и никогда не возьмет на себя почина к привлечению других балканских государств к совместному походу против Турции. В доказательство этого он сослался на уклончивый ответ, данный сербским правительством на вызывающего характера запрос Черногории, о чем сообщалось в донесениях надворного советника Штрандтмана [3], а также на положительный отказ белградского кабинета принять предложение греческого правительства, считавшего полезным и соответственным, чтобы Сербия и Греция каким-либо демонстративным путем ныне же засвидетельствовали о солидарности их взглядов на нынешнее положение дел [4].

Вместе с тем, однако, Пашич сознался, что положение его крайне затруднительно, ввиду получаемых из Софии вызовов, сильно поднимающих воинственный дух не только в самом Белграде, но и в провинциях. Печать обвиняет правительство в малодушии, требуя замены его более энергичными и патриотическими деятелями. Высказывается всеми убеждение, что если бы с Сербией и приключилась какая-либо беда, то в последнюю крайнюю минуту Россия не может не притти на помощь славянам. Это убеждение господствует среди сербов и болгар, и искоренить его официальными заявлениями нельзя.

Во всяком случае Пашич обещал всеми силами бороться против этих течений, но за успех, конечно, не ручается, если Болгария решится на активное выступление. Это именно и дало мне повод высказаться в том смысле, что узел положения находится в Софии и что от одной Болгарии зависит сохра-

[1] См. № 599.
[2] Ср. № 310 и стр. 88, прим. 2.
[3] См. №№ 395 и 411.
[4] Ср. № 575.

нение мира на Балканах. Если она не пожелает внять голосу рассудка и сделает первый непоправимый шаг, то никакая власть не в состоянии будет удержать Сербию от совместных действий с новым союзником.

По моей просьбе Пашич телеграммой поручил Спалайковичу высказать в Софии серьезные предостережения. Как мне известно, телеграмма эта произвела там некоторое впечатление, но остановит ли она воинственные замыслы болгар — сказать трудно.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 658. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Депеша № 56. 10 сентября/28 августа 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Состоящий при вверенной мне миссии военный агент полковник Артамонов донес своему начальству по телеграфу о принимаемых сербами различных военных мерах, о мобилизационных работах в штабах и т. п. [1]. Мне кажется, что ни протестов, ни упреков адресовать сербскому правительству по сему поводу не приходится. В самом деле, было бы более чем безрассудно, если бы Сербия, среди общей тревоги, господствующей на Балканском полуострове, сидела сложа руки, ожидая быть застигнутой событиями врасплох. Если соседняя великая монархия в течение целого года, и без всякого видимого повода, занималась исключительными военными приготовлениями, сосредоточивая десятки тысяч войск чуть не на самой границе королевства, — то как же можно требовать от Сербии, чтобы она, при исключительных обстоятельствах, не заботилась о боевой готовности своей армии.

К тому же большинство из принимаемых нынешним военным министром мер входит в общую программу вооружений и укомплектования войск, которая выработана была еще обоими предшественниками генерала Путника. Правда, для полного осуществления ее, как я доносил ранее, военному министерству необходимо открытие новых кредитов, помимо тех $21^1/_2$ млн. фр., которые были вотированы скупщиной в июне месяце нынешнего года [2]. Вопрос об указанных кредитах породил разногласие в среде кабинета, так как министр финансов Иоцо Иованович категорически отказал в отпуске денег на военные надобности до созыва парламента. Это обстоятельство несомненно ускорит министерский кризис.

В числе мер, принимаемых сербским правительством будто бы ввиду ближайшего наступления военных действий, в обществе и печати признают между прочим и появившийся на-днях королевский указ о воспрещении вывоза из Сербии всякого зерна. Между тем, согласно объяснениям, данным мне министром земледелия и торговли, эта предосторожность принята была по его инициативе и по соображениям чисто экономического характера. Оказывается, что, несмотря на прекрасный, в общем, урожай нынешнего года, вследствие часто выпадавших здесь летом дождей сильно пострадала кукуруза, составляющая главное пропитание всего сербского сельского населения. Если, по мнению министра земледелия, допустить в настоящее время бесконтрольный вывоз за границу — в Австрию и Турцию — сербского зерна, то зимой во многих округах королевства может наступить голодовка.

Но как бы то ни было, запретная мера эта вызвала большое возбуждение в стране. Печать без различия партий напала по сему поводу на правительство, получающее отовсюду жалобы и протесты со стороны помещиков и купцов, заключивших до появления настоящего указа контракты на поставку

---

[1] См. № 660.

[2] См. № 309.

зерна различным иностранным фирмам. Ввиду такого оборота дела, есть полное основание думать, что правительство вынуждено будет значительно сократить срок действия вышеупомянутого указа.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 659. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Депеша № 57. 10 сентября/28 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вызванный на несколько дней в Софию здешний болгарский посланник, перед отъездом на станцию, посетил меня как раз по возвращении моем в Белград. Тошев был крайне воинственно настроен, конечно, под влиянием тех сведений, которые он получал от своего правительства и которые почерпал в болгарских газетах. Он убежден был, что все подготовлено к войне и в Сербии, которая выступит одновременно с Болгарией.

«Не можете ли вы мне сообщить что-либо утешительное для передачи королю и нашим друзьям Гешову, Даневу, Тодорову», — спросил меня Тошев.

Конечно, я мог сказать моему коллеге только то, что заключалось в телеграфных указаниях императорского министерства, сильно подчеркивая опасность, которая грозит и Сербии и Болгарии от всякого безрассудного шага.

Затем я счел полезным напомнить Тошеву небольшую подробность из беседы моей с Даневым в Нише [1]. На вопрос последнего — сколько войск стянуто австрийцами на сербской границе, — я указал на цифру от 40 до 60 тыс. «Сорок тысяч! — воскликнул Данев, — какая ничтожная горсть в сравнении с той армией в 340 тыс. человек, которые стоят против нас на адрианопольской границе!» Состязаться с такой армией Данев уже тогда считал крайне рискованным, а между тем с той поры турки успели увеличить адрианопольский контингент вызовом некоторых частей, находившихся в Смирнинском вилайете. Стало быть, несоизмеримость турецких и болгарских сил бросается в глаза. Как же при таких условиях в Софии помышляют о войне, забывая к тому же, что ведь не на одном адрианопольском фронте болгарам придется состязаться с турками. На замечание Тошева, что Болгария собирается воевать не одна, а в союзе с Сербией, Черногорией и Грецией, — я высказал большие сомнения насчет реальной ценности таковой помощи: из перечисленных союзников только Сербия обладает хорошей армией, но она не может перекинуть ее целиком на македонский театр, будучи обязана ограждать свою территорию от вероятного нашествия другого неприятеля; у Греции и Черногории войск совсем нет; да у них окажется достаточно дела и на собственных границах, далее которых они, очевидно, не пойдут.

Допуская, что я во многом прав, Тошев в заключение сказал, что в истории бывают такие моменты, когда народы отказываются следовать указаниям рассудка и готовы итти на всяческие самые тяжелые жертвы для достижения высших идеалов. Такой момент, по его мнению, настал для Болгарии.

Вчера мой болгарский сотоварищ вернулся из Софии, и я заметил в нем перемену: он показался мне менее восторженным и, скорее, несколько разочарованным. При всем том он попрежнему утверждает, что в Болгарии не оставлена мысль о войне, хотя правительство решило выждать для сего наиболее подходящую минуту. По его словам, телеграмма Пашича к Спалай-

[1] О свидании Гартвига с Даневым в Нише см. т. XIX, № 857

ковичу [1], о которой он осведомился у Гешова, явилась для последнего до некоторой степени неожиданной.

В тот же день я имел свидание с проезжавшим чрез Белград бывшим министром финансов в кабинете Малинова Ляпчевым. Так как он ныне состоит в оппозиции к нынешнему софийскому правительству, то мне особенно интересно было ознакомиться с его взглядами на положение дел в Болгарии.

Собеседник мой в общем подтвердил доходившие сюда сведения о тревоге, господствующей в Болгарии, и о воинственном настроении населения ее. Но он далеко не считает войну с Турцией неизбежной, уже потому, что король вовсе ее не желает и сделает все возможное, чтобы обойти затруднения. Гешов войны боится, но, слывя и без того ярым туркофилом, он не рискнет противиться общему течению. Все будет зависеть от дальнейшего образа действий македонских комитетов, которые снова приобрели большое влияние на общественные и политические круги в Болгарии.

По словам Ляпчева, софийское правительство уже упустило наиболее благоприятный момент для открытия военных действий против Турции, которые следовало внезапно начать тотчас вслед за кочанскими событиями. Он находит, что в Болгарии много и долго кричат о войне, что дало возможность туркам подготовиться. Чем далее, тем труднее будет болгарам справиться с задачей. Хотя воодушевление их не покидает, равно как и не гаснет надежда на помощь России в критическую минуту.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 660. Военный агент в Сербии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 143. 10 сентября/28 августа 1912 г.

Рапортом [27] 14 августа за № 137 [2] мной доносилось о настроении в Сербии, созданном слухами о резне в Новобазарском санджаке. По этому поводу в Белграде состоялся митинг протеста. Вместе с тем, после [28] 15 августа в высших военных сферах стало проявляться воинственное настроение. Главный инспектор армии, наследный королевич Александр, военный министр, начальник генерального штаба и другие высшие офицеры в разговоре со мной начали высказываться о необходимости и неизбежности войны. Королевич Александр трижды вызывал меня для бесед по этому вопросу, причем два раза я сопровождал его высочество при объезде занятий войск (один раз в Банницком лагере, а второй раз на боевой стрельбе батареи 3-го артиллерийского полка близ горы Авалы).

Я тотчас же осведомил о замечаемом настроении сербов нашего поверенного в делах, который, согласно инструкциям министерства, еще раз обратил на это внимание сербского правительства, указав на печальные последствия, ожидающие выступившее активно государство. Со своей стороны, и я не упускал случая высказаться в том же смысле.

Наиболее удивительным являлось то обстоятельство, что все лица, с коими приходилось беседовать, приводили в пользу войны одни и те же доказательства, в одних и тех же выражениях; получалось впечатление, что как будто кем-то для создания общественного настроения составлен и пущен в обращение меморандум, где собраны все соображения о необходимости и своевременности вооруженного выступления балканских государств.

Упомянув о невозможности для соплеменников выносить долее притеснения турок, указывали на чрезвычайно благоприятную обстановку данного времени для войны на Балканах: полную анархию в Турции, ослабленной

[1] См. № 657.
[2] См. № 576.

войной, восстаниями и внутренней борьбой партий, и единодушие, наконец достигнутое, балканских государств. Считали, что подобный момент вряд ли повторится.

Относительно Австрии предполагалось, что она будет задержана внутренним развалом, нежеланием славян империи сражаться против своих братьев-сербов. В случае вмешательства Австрии надеялись парализовать ее в самом начале рядом покушений на важнейшие склады, мосты, туннели и т. п. (что уже до известной степени подготовлено).

Италия, парализованная войной, не примет участия в европейской войне, чем ослабляется Тройственный союз, обращающийся в двойственный. Кроме того Италия, ввиду совпадения интересов, симпатизирует сербам и вообще склоняется на сторону Тройственного согласия.

Все же, нависшая над Сербией Австрия внушает опасения, а потому всеми высказывалось единственное пожелание, чтобы Россия удержала Австрию от вмешательства.

Воинственное настроение продержалось здесь в высших военных кругах дней десять. Несмотря на советы благоразумия из Петербурга, здесь и в Софии вначале рассчитывали, что все-таки в конце концов общественное мнение в России заставит правительство поддержать балканские государства. Немалую роль в создании этой надежды сыграло посещение Софии и Белграда в июле А. И. Гучковым [1] и высказанное им горячее сочувствие к выступлению болгар и сербов теперь же.

Однако настойчивые увещания из Петербурга, нерасположение к войне короля Фердинанда, в связи с последовавшим усилением турецких войск в районе Адрианополя и положением, занятым Румынией, отрезвили болгар. Последние немало рассчитывали на то, что сербы, разгоряченные событиями в Санджаке, выступят первыми и примут на себя таким образом всю ответственность. Но сербы, имея за спиной Австрию и получив отказ в какой бы то ни было поддержке со стороны России, воздержались от выступления. Однако и теперь, если болгары начнут, то сербы, как мне сказал сегодня ([10 сентября] 28 августа) военный министр, последуют за ними.

Одновременно с данным обществу и армии лозунгом о необходимости войны, военное ведомство деятельно принялось работать во всех отраслях по подготовке к мобилизации и продолжает эту деятельность и теперь. Кроме чисто военных приготовлений (работы штабов, вызова отпускных офицеров, возвращения со съемки топографов и спешного печатания карт, рекогносцировок на Дунае и Дрине в целях создания опорных пунктов и т. п.), на-днях была принята мера, вызвавшая экономическое потрясение в Сербии, а именно: неожиданно было объявлено полное запрещение вывоза хлебов из Сербии. Мера эта официально мотивируется угрожающей Сербии опасностью, что, вследствие непрестанных дождей, кукуруза, составляющая главную пищу населения, не вызреет и сгниет на корню, и если прочие хлеба будут вывезены, то население останется без хлеба. Мера вызвала общее неудовольствие и острую критику; заинтересованные лица доказывают, что мотивировка фиктивна, и высказывают предположение, что, уронив запрещением вывоза цену на хлеб, правительство имело в виду скупить по низкой цене потребные для армии хлебные запасы, и что засим запрещение будет снято. Тем не менее, последствия запрещения не заставили себя ждать: кроме падения цен на хлеб, задержка ликвидации урожая, в общем весьма хорошего, вызвала уже и падение денежного курса.

Давно уже возвещаемая перемена кабинета состоится на-днях. Кабинет Трифковича подал в отставку, и составление нового кабинета поручено Н. Пашичу. Первоначально причиной кризиса предполагали выставить несогласие министра финансов ассигновать без созыва и разрешения скупщины новы-

[1] См. №№ 365 и 378.

20 млн. динаров на военные расходы. Теперь, однако, предполагают заменить эту тревожную причину какой-либо другой.

Ожидается, что новый кабинет тотчас же созовет скупщину в чрезвычайную сессию.

В заключение можно сказать, что за последние дни положение значительно улучшилось, так как выясняется, что болгары успокоились и, вероятно, не двинутся; сербы же во всяком случае первыми не выступят.

Генерального штаба полковник Артамонов.

№ 661. Старший советник министерства иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

Телеграмма № 1785[1]. 11 сентября/29 августа 1912 г.

Телеграмма № 639[2] и депеша № 57[3] получены.

Считаем вполне своевременным, чтобы вы обратили серьезное внимание Порты на посылку ею нового отряда в Урмийский район. Со своей стороны делаем сношения с председателем совета министров и военным министром об усилении хойского и урмийского отрядов и наших постов по дорогам, а равно о некоторых передвижениях наших войск с целью охвата выдвинутых турецких постов, как, например, Кеньяны, Ездикан, Силяу и т. п., чтобы тем принудить их удалиться[4]. При всем том рекомендуем нашим военным властям тщательно избегать столкновений с турками[5].

Аргиропуло.

№ 662. Поверенный в делах в Лондоне министру иностранных дел.

Депеша № 34. 11 сентября/29 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Нарушение Хэй-Паунсефотского трактата американским правительством и конгрессом[6] продолжает волновать английское общественное мнение, чему немало способствует несдержанный тон печати. Некоторые органы доходят до того, что не только предвидят, но и высказываются в пользу разрыва сношений с Америкой, если конгресс в будущем декабре не отменит принятого решения.

Распространившееся было известие об отказе американцев, в крайнем случае, передать дело в Гаагский суд, было встречено здесь с особым негодованием, довольно, впрочем, понятным, если вспомнить, с каким горячим сочувствием обе стороны приветствовали прошлогодние переговоры о расширении основ арбитражной конвенции 1908 г.[7].

---

[1] Публикуемая тел. была в тот же день сообщена м-вом в Тегеран, Тавриз, Хой и Урмию за № 1796.

[2] См. стр. 159, прим. 2.

[3] См. № 632.

[4] Тел. от 12 сент./30 авг. за № 5014 Коковцов предложил Воронцову-Дашкову «спешно усилить в достаточном, по вашему мнению, размере наши отряды в Хое и Урмии и наши посты по дорогам». Коковцов мотивировал это необходимостью ответить на усиление турец. войск в Урмийском районе, а также «произвести известное давление на Порту, чтобы склонить ее к уступчивости в вопросе о турецко-персидском разграничении».

[5] В тел. от 18/5 сент. за № 679 М. Гирс сообщил, что, в ответ на сделанное им в смысле публикуемого документа заявление, Норадунгиан сказал, что он «не допускает возможности командирования какого-либо отряда по приказанию центрального правительства» и что он сносится по этому вопросу с воен. м-ром.

[6] См. № 638.

[7] 3 августа 1911 г. были подписаны в Вашингтоне арбитражные конвенции между США и Англией и между США и Францией.

По опровержении слуха о том, будто бы вопрос о третейском разбирательстве вообще возбуждался, газетная кампания не прекратилась, причем американцам ставится в укор даже намек на возможность недопущения ими этого способа для улажения конфликта.

Интересные статьи, в которых специальный корреспондент «Times» описывает подробности сооружения Панамского канала и в которых он дает ясное представление о его мировом значении и о предстоящем, — с открытием его, — перевороте в мореплавании и торговле, сделали вопрос еще более злободневным.

Преувеличивая смысл заявлений министра иностранных дел и искажая речи других политических деятелей, некоторые газеты называют образ действий президента Тафта вызовом и оскорблением национального достоинства Англии и пр.

Это озлобление, вероятно временное, представляется интересным в сравнении с обычными стараниями обеих сторон, направленными к поддержанию и скреплению наидружественнейших отношений.

Однако высказанные на-днях г. Тафтом сожаления по поводу включения в статут Панамского канала «некоторых статей» и аргументации председателя комитета по иностранным сношениям, сенатора Дэвиса, указывая на выход из затруднительного положения, как будто несколько успокоили общее раздражение.

В более осведомленных кругах к возникшему конфликту относятся, конечно, с бо̀льшим спокойствием и надеются, что соглашение в конце концов будет достигнуто нормальным путем, хотя и предвидят, что переговоры затянутся на продолжительное время и что формальное открытие канала едва ли, вследствие сего, будет иметь возможность состояться, как предполагалось, в сентябре 1913 г.

Нет сомнения, что настоящий вопрос более всего затрагивает интересы Англии, но и Германия в нем существенно заинтересована, и здесь поэтому были несколько удивлены равнодушным отношением, проявленным к нему немецкой печатью.

Он действительно представлял собой для Германии случай или хотя бы предлог, если бы она его искала, для совместного с Англией образа действий, хотя бы в одном вопросе, и здесь, повидимому, ожидали, что в Берлине им воспользуются. Между тем, даже официозные издания, наоборот, только подчеркнули отсутствие и в данном случае какой-либо общности интересов между Германией и Англией.

Примите и пр.

Н. Эттер.

№ 663. Поверенный в делах в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 11 сентября/29 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я телеграфировал вашему высокопревосходительству в понедельник [2 сентября] 20 августа [1] после свидания с сэром Л. Маллетом, попросившим меня посетить его для сообщения взглядов сэра Э. Грея на соображения, высказанные вами в телеграмме от 29/16 августа за № 1670 [2].

Вполне отдавая себе отчет в обоснованности тревожных вестей, приходящих с Ближнего Востока, и в необходимости принятия мер в видах предупреждения всеобщих осложнений и особенно столкновений, сэр Э. Грей, как вы изволили усмотреть, попрежнему отстаивает свою основную точку зрения невмешательства во внутренние дела Оттоманской империи.

[1] См. № 608.
[2] См. № 584.

Не отказываясь на деле, как и ваше высокопревосходительство, от преподания дружественных советов Порте, он настаивает на необходимости придания им совершенно частного характера и на устранении всего, что имело бы вид коллективных представлений по предварительному соглашению.

Вследствие сего министр предпочел, в противоположность нашему и французскому образу действий, переговорить с Тевфик-пашой о желательности обнародования предположений Порты уравнять права христианских подданных и албанцев в четырех вилайетах. Тождественный образ действий трех представителей в Константинополе, казалось ему, имел бы слишком явный характер совместного выступления.

Помимо того, что Foreign Office считает нужным оказывать возможную поддержку настоящему турецкому правительству, оно, мне кажется, озабочено желанием не восстановлять турецкое общественное мнение в видах предупреждения присоединения Турции к Тройственному союзу после окончания войны.

Подобный оборот вещей, видимо, представляется здесь возможным между прочим ввиду скорее отрицательного отношения, которое Германия, несколько демонстративно и как бы в угоду Турции, проявила к предложению графа Берхтольда.

Г. Маллет, накануне моего с ним свидания видевшийся с сэром Э. Греем, не скрыл от меня, говоря совершенно доверительно и частным образом, своих опасений относительно общего положения вещей, которое получится после заключения мира между Италией и Турцией.

Если созыв конференции окажется, против воли англичан, неизбежным, сказал он мне, то нужно к ней во-время подготовиться, — необходимо как предварительное соглашение между всеми великими державами, так и отдельно между наиболее заинтересованными — Россией и Австрией — относительно программы конференции и результатов, которых желательно достигнуть. Преследуемые интересы до того различны, прибавил он, что без наличности этих условий конференция привела бы к разрыву и еще более осложнила бы уже и без того запутанное положение.

Он заметил, что Франция как будто более других сочувствует идее конференции, что воюющие Италия и Турция, по понятным соображениям, не желают ее созыва. Что касается Австрии, то, как я мог заключить из слов графа Траутмансдорфа, она решительно, будто бы, высказывается против конференции.

Я обещал в точности донести вашему высокопревосходительству все переданное мне от имени сэра Э. Грея, и г. Маллет, во избежание недоразумений, был настолько любезен, что прислал мне на следующий день составленную им, после доклада у статс-секретаря, совершенно частную памятную записку, которую позволяю себе у сего приложить [1].

Г. Маллет, не откладывая, сделал советнику турецкого посольства (посол отсутствует из Лондона) условленное заявление, которое последний немедленно передал по телеграфу в Константинополь [2].

На вопрос Джевад-бея, преподаются ли тождественные советы турецким послам в С.-Петербурге и Париже, г. Маллет, основываясь на различии процедуры, счел возможным ответить отрицательно.

Тем не менее Джевад-бей в тот же вечер жаловался мне на безвыходно трудное положение оттоманского правительства, которое, вслед за получением «доброжелательных внушений» со стороны одной из держав Трой-

---

[1] Содержание указанной пам. записки без даты в основном изложено в тел. Эттера за № 221 (см. № 608) и в публикуемом письме. На этой пам. записке помета неизвестной рукой: «Это уже есть в телеграмме Эттера».

[2] Ср. № 653.

стьенного союза, подвергается таковым же со стороны «другой группы держав».

Я, со своей стороны, постарался разуверить моего турецкого товарища в наличности «совместных представлений».

Джевад-бей тогда же высказал мне сомнение в возможности для турецкого министерства выполнить кажущееся нам целесообразным опубликование «о сравнении прав всех народностей», прибавив, что в действительности равенство это, будто бы, уже существует, за исключением разве способа отбывания воинской повинности. Он не скрыл от меня, что его начальник, Тевфик-паша, задолго до австрийского вмешательства, советовал Порте взять на себя почин в деле «уравнения прав», — главным образом в предвидении «давления», но что Мухтар-паша, к сожалению, не решился на этот шаг и таким образом оказался в настоящем затруднительном положении и необходимости или «действовать под внушением держав», или, по внутренним политическим соображениям, воздерживаться.

Что касается дополнительных предложений или разъяснений графа Берхтольда [1], то я, вследствие желания сэра Э. Грея, сообщил вашему высокопревосходительству по телеграфу (6 сентября/24 августа за № 225) сущность его ответа [2]. Передавая мне об этом желании статс-секретаря, г. Маллет от лица его выразил надежду, что ответ Грея соответствует смыслу нашего ответа и что последний в то же время желал бы ознакомиться с вашим мнением.

Вторичное выступление графа Берхтольда было, повидимому, истолковано здесь как средство для исправления слишком поспешного и не вполне обдуманного первого шага, и сэру Э. Грею тем более представлялось вероятным, что составленный в общих чертах ответ послужит желаемой цели — приостановке дальнейших обсуждений по неясно обрисованному австрийскому предложению.

Примите и пр.

Н. Эттер.

№ 664. Поверенный в делах в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Письмо. 11 сентября/29 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как я имел честь вчера, за № 227, телеграфировать вашему высокопревосходительству [3], я счел долгом осведомиться в министерстве иностранных дел, до какой степени справедливо известие, появившееся в виде телеграммы из Пекина в «Times», о помещении китайского займа в Лондоне.

Временно управляющий Дальневосточным отделом, сэр Eyre Crowe, ответил мне, что известие, к крайнему сожалению сэра Эдуарда Грея, соответствует действительности и что реализацию займа в 10 млн. ф. принял на себя известный Lloyd's Bank.

Первые слухи о состоявшихся переговорах между последним и китайским министром финансов дошли до ведома английского министерства три дня тому назад, но ответственный представитель Ллойдского банка вернулся в Лондон (оказывается, из Петербурга) [4] только третьего дня вечером. Он немедленно был приглашен явиться в Foreign Office, где на следующее же утро, т. е. вчера, он и сознался, что образованный банком синдикат финансистов действительно пришел к вышеозначенному соглашению с

[1] См. № 605.
[2] См. стр. 176, прим. 3.
[3] Содержание тел. Эттера от 10 сент./28 авг. за № 227 исчерпывается публикуемым документом. Эта тел. была послана м-ром в Париж и Пекин 12 сент./30 авг. за № 1793 (опубл. Stieve, II, S. 252, N 430).
[4] См. № 676.

китайским министром, действовавшим, однако, по личной инициативе, на собственный страх. Сэр Eyre Crowe тут же поставил на вид представителю банка рискованность сделки с неуполномоченным министром непризнанного республиканского правительства. Он сказал мне, что лондонский кабинет примет против Ллойда в видах предотвращения сделки все имеющиеся у него средства и убеждения, при этом он, однако, прибавил, что быть уверенным в благоприятном их результате нет возможности, благодаря полной самостоятельности и независимости от правительства английских банков. Мой собеседник не скрыл от меня, что сэр Эдуард Грей в высшей степени озабочен всем этим делом.

Посланнику в Пекине, с другой стороны, предписано сообщить подробности переговоров и подтвердить китайскому кабинету полное неучастие в деле английского правительства, связанного обязательствами Шестерного консорциума реорганизационного займа.

Я пока лишен возможности сообщить вашему высокопревосходительству более подробные сведения по возникшему вопросу. Позволяю себе только прибавить, что, по словам сэра Eyre Crowe, статс-секретарь по иностранным делам с беспокойством относится вообще к дальнейшему развитию вопроса, касающегося китайского реорганизационного займа [1].

Настоящее обращение китайцев к банку Ллойда не является первой их попыткой обращения к частным финансовым учреждениям.

Таковые уже имели место на берлинском и парижском денежных рынках, и замечаемое с некоторых пор неудовольствие среди финансистов лондонского Сити, по его мнению, не предвещает ничего утешительного. Они явно начинают тяготиться давлением со стороны правительства, и продолжительное воздействие по отношению к ним представляется сэру Эдуарду Грею едва ли осуществимым. Одновременно министр сомневается, чтобы китайское правительство скоро решилось обратиться к услугам, предложенным Консорциумом [2].

Примите и пр. Н. Эттер.

№ 665. Поверенный в делах в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Письмо. 11 сентября/29 августа 1912 г.
Частное.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Во время случайного разговора моего на-днях с одним из чинов турецкого посольства речь между прочим зашла о пограничном черногорско-

[1] Тел. от 9 сент./27 авг. за № 746 В. Крупенский сообщал: «Министр финансов признался Одагири, что ходившие здесь за последнее время слухи о заключении китайским правительством займа в 10 млн. ф. ст. у одного из лондонских банков вполне справедливы. Он присовокупил, что сам ничего об этом не знал, когда обратился к Консорциуму с просьбой возобновить с ним переговоры. Переговоры о займе в Лондоне велись там, отсюда же ими руководил бывший министр финансов Сиун Си-лин, который несколько дней тому назад, очевидно с ведома Юань Ши-кая, телеграфировал китайскому посланнику в Лондон подписать контракт о займе. Нынешнее министерство финансов узнало об этом лишь два дня спустя и тотчас же телеграфировало посланнику ничего не подписывать, но ответа от него до сих пор еще не получило и не знает еще, состоялось ли подписание контракта или нет».

11 сент./29 авг. В. Крупенский телеграфировал за № 755: «Министр финансов сообщил представителям банков, что предварительный контракт на заем лондонских банкиров подписан».

Эттер в тел. от 12 сент./30 авг. за № 229 сообщал Сазонову: «Здесь убеждены, что Сиун Си-лин действовал с ведома своего правительства. По инициативе Джордана, завтра состоится в Пекине совещание представителей держав Консорциума для изыскания способов расстроить сделку».

[2] В тел. от 2 сент./20 авг. Гойер сообщал, что кит. м-р фин. и м-р внутр. дел 31/18 авг. заявили Одагири о желании кит. прав-ва возобновить переговоры с Консорциумом о займе в сумме 20 млн. ф. ст. Представители групп решили просить Одагири устно уведомить китайцев, что Консорциум готов возобновить переговоры на условиях, ранее сообщенных кит. прав-ву.

турецком вопросе и о желательности его урегулировать. Мой собеседник, стараясь заверить меня, что в Турции более чем где-либо озабочены желанием покончить с этим вопросом, поделился со мной некоторыми данными, весьма вероятно известными императорскому министерству, но которые я, на всякий случай, позволю себе вам сообщить.

По словам турецкого дипломата, дело обстояло и обстоит так:

Спорная зона, тянущаяся узкой полосой вдоль черногорской границы, представляет собой прекрасные пастбища, которыми пользовались в прежние времена для выгона скота как черногорцы, так и пограничные албанские крестьяне.

Абдул-Гамид, дабы положить конец постоянным столкновениям, возникавшим между теми и другими из-за права пользования пастбищами, пришел с черногорским правительством к неофициальному соглашению, на основании которого спорная полоса предоставлялась, за выплачиваемую султаном известную ежегодную сумму, в пользование албанцам; дело сводилось таким образом к неоформленной аренде, всех, однако, удовлетворявшей.

Но с введением парламентского образа правления младотурецкие министры признали благоразумным прекратить выдачу черногорцам «нелегального» ежегодного пособия. С этого времени последние, будто бы, и стали вновь предъявлять свои права на смежную полосу, которую, с другой стороны, албанские крестьяне и пастухи, уже привыкнув считать своей собственностью, и отстаивают всеми способами.

Введение в силу протокола 1908 г.[1], даже если оно состоится, едва ли, по его мнению, удовлетворит и умиротворит воинственных албанцев, «отныне привязавшихся к своим пастбищам», и разве только при помощи денежных расчетов задача может оказаться разрешимой.

Я бы не упоминал об этом, если бы вышеприведенное до известной степени не подтверждалось словами, сказанными г. Кидерлен-Вехтером английскому представителю, «что пограничный конфликт временно приостановлен при помощи финансовых расчетов», о чем я упомянул в частном письме от 28/15 августа с. г.[2].

Примите и пр. Н. Эттер.

№ 666. Поверенный в делах в Лондоне заведующему отделом Среднего Востока Клемму.

Письмо. 11 сентября/29 августа 1912 г.

Многоуважаемый Вильям Оскарович,

Ваше письмо от [5 сентября] 23 августа [3] сначала меня слегка озадачило ввиду отсутствия из Лондона «авторитетных» Грея и Никольсона. Последний возвращается только через неделю.

С Маллетом иметь дело довольно трудно, так как он ни действовать, ни говорить не может без предварительного соглашения с Греем или без его согласия. «Прижать», как вы говорите, его можно, но выжать из него благодаря этому что-либо существенное гораздо труднее.

---

[1] Ср. т. XIX, № 348.

[2] В указанном письме Эттер сообщал о своей беседе с Маллетом. «Он слегка удивился, — писал Эттер, — тревожным известиям с черногорско-турецкой границы, так как они не вполне соответствуют имеющимся здесь: он прочел мне телеграмму, полученную из английского посольства в Берлине, в которой посол (или поверенный в делах) повторяет сказанное ему Кидерленом, а именно, что турецко-черногорский инцидент или конфликт благополучно окончился после выдачи турками черногорцам соответствующей суммы денег. Кидерлен попросил при этом английского представителя никому об этом не повторять. О том же Mallet, смеясь, попросил меня, — но я не счел возможным об этом не сообщить, хотя бы частным образом».

[3] См. № 627.

Я тем не менее воспользовался сегодняшним с ним свиданием, чтобы затронуть вопрос «Линч — Deutsche Bank».

Оказалось, что он переговорил о нем с Греем, который, по его словам, «крайне удивлен и которому непонятно, что вопросу этому в Петербурге придают столь крупное значение».

Он подтвердил мне все, что̀ им было мне сказано в первый раз, т. е. что Линч только по окончании переговоров с Deutsche Bank осведомился, нет ли препятствий со стороны правительства, и что ему ответили, что таковых нет, будучи убеждены, что Deutsche Bank, в случае невозможности заключить сделку с Линчем, найдет себе сколько угодно партнеров в самой Германии. Поэтому здесь главным образом и не сочли возможным воспротивиться участию английской компании в «выгодном финансовом и коммерческом предприятии».

Грею представляется более чем неправдоподобным, чтобы общество Багдадской дороги приступило к постройке с другого конца, т. е. от Багдада на Садидже и на Ханекен, так как дорога (ветвь) эта представила бы собой выгоды, — и весьма крупные, — исключительно для английской торговли, но никоим образом не для германской, до тех пор пока Багдад (или Садидже) не будет соединен с Конией, т. е. на деле до окончания сооружения Багдадской дороги.

Прочитав, по моей просьбе, в моем присутствии статью «Écho de Paris» [1] и дойдя до замечания о «первой англо-германской сделке», Маллет ограничился тем, что заметил, что сделка эта представляет собой «частное предприятие, основанное исключительно на финансовых и коммерческих соображениях», но никоим образом не на политических.

Я постарался по возможности точно и дословно передать вам сказанное мне Маллетом и позволяю себе прибавить, что, насколько мне кажется, оно вполне соответствует истинным воззрениям Грея. Отношение англичан к Ханекен-Тегеранской ж. д. едва ли изменилось, между тем окончание постройки Багдад-Ханекенской, конечно, как вы говорите, поставило бы вопрос о первой ребром. Он, следовательно, противоречил бы взглядам и планам самих англичан, и если опасения Рафаловича обоснованы, то выходит, что англичане, может быть по недосмотру, сделали крупную ошибку, — себе же во вред прежде всего. Но мне совершенно не верится, чтобы Греем в данном случае руководили какие-либо скрытые намерения.

Возможно и другое объяснение — нежелание английского министерства слишком часто препятствовать финансовым операциям англичан за границей. Английские банки дорожат своей независимостью и не любят подчиняться предначертаниям или давлению со стороны правительства, которое, в свою очередь, по возможности старается не становиться им поперек дороги. Мне в этом вчера еще пришлось вновь убедиться во время разговора с Crowe по поводу неожиданного известия о китайском займе, — деле для министерства весьма неприятном [2].

С удовольствием узнал из вашего письма, что вы готовите справки по персидским делам и вообще делам Среднего Востока. Норман [3], с которым я случайно встретился вчера вечером, сказал мне, что и он готовит таковые для Грея, и прибавил, смеясь, что министры, следует надеяться, окончательно разрешат персидский вопрос и разделят Персию пополам.

Извиняюсь за на̀скоро и нескладно написанное письмо, но в курьерский день всегда много суеты.

Искренне преданный вам

Н. Эттер.

---

[1] См. № 523.
[2] См. № 664.
[3] Норман Г. — чиновник Foreign Office.

№ 667. Поверенный в делах в Вене министру иностранных дел.

*/. Депеша № 34. 11 сентября/29 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

7 сентября/25 сего августа [1] император Франц-Иосиф вернулся в Шенбрунн после двухмесячного пребывания в летней своей резиденции в Ишле.

В самый день возвращения монарха в столицу, в Бухлау, в имении графа Берхтольда, состоялся ответный визит германского канцлера австро-венгерскому министру иностранных дел на сделанный графом Берхтольдом в мае визит в Берлине [2].

По поводу свидания руководителей политики двух союзных империй было опубликовано прилагаемое при сем в газетной вырезке, впрочем несомненно вашему высокопревосходительству уже известное, официальное сообщение [3].

Первоначально, по объявлении в газетах слуха о предстоявшем визите г. Бетман-Гольвега, австрийская пресса, вероятно по внушению здешнего министерства иностранных дел, не подчеркивала политического значения свидания министров союзных империй. Но накануне свидания официозный «Fremdenblatt» нашел нужным указать на таковое значение; встреча австро-венгерского и германского министров, по мнению газеты, должна быть рассматриваема как обстоятельство, благоприятное для Турции, так как традиционная политика союзных империй «состоит в поддержании и сохранении турецкого государства». Замечание это без сомнения следует поставить в связь со слухами о неблагоприятном впечатлении, произведенном в Турции выступлением графа Берхтольда и желанием здесь по возможности загладить это впечатление.

Хотя, конечно, нет возможности точно осведомиться о происходивших в Бухлау разговорах, нельзя сомневаться в том, что, как сказано в вышеозначенном официальном сообщении, было установлено полное единомыслие (Uebereinstimmung) между Германией и Австрией по вопросам Ближнего Востока.

С возвращением императора в Вену начинает оживляться политическая жизнь монархии. Свое отношение к предстоящей борьбе мнений и партий его величество косвенно, но недвусмысленно определил на следующий же день по своем прибытии в Вену пожалованием ряда чрезвычайных и высоких наград и отличий всем министрам и подчиненным им чиновникам, а также видным представителям законодательной власти, способствовавшим проведению минувшей весной военных законов [4]. Именно эти заслуги засвидетельствованы в рескриптах, сопровождавших пожалование ордена св. Стефана 1-й степени министру-президенту Австрии графу Штюргку, выражение благоволения австрийскому министру юстиции и др.

С точки зрения внутренней политики особенное значение приобретает пожалование ордена св. Стефана 1-й степени венгерскому министру-президенту г. Лукачу и председателю венгерской палаты графу Тиссе.

Графу Тиссе, более чем кому-либо, Австро-Венгрия обязана окончательным проведением военных законов. Для этого он, по мнению его противников, не постеснился произвести насилие над венгерской конституцией,

---

[1] В оригинале ошибочно указано: 8 сент./25 авг.

[2] См. № 113.

[3] В этом сообщении от 8 сент./26 авг. указывалось: «Двухдневное пребывание имперского канцлера Бетман-Гольвега у графа Берхтольда в Бухлау дало возможность руководящим государственным деятелям обеих союзных держав неоднократно иметь обстоятельные беседы по политическим вопросам. При этом были обсуждены все, нерешенные в настоящий момент, вопросы общей международной политики, особенно же те, которые касаются Ближнего Востока, и было снова установлено полное единомыслие по всем вопросам».

[4] См. № 180.

и оппозиция собиралась вступить с ним в самую отчаянную борьбу в предстоящую сессию парламента. Интересно будет увидеть, как ей удастся бороться с человеком, поведение которого получило торжественную санкцию такого высокого авторитета, как сам популярный старый монарх. Впрочем, как я слышал от лиц обыкновенно осведомленных в такого рода делах, граф Тисса не будет дожидаться нападков своих противников, чтобы покинуть пост председателя палаты представителей, который он принял исключительно только, как говорят, для того, чтобы провести военные законы. Теперь, что результат достигнут, он едва ли пожелает сохранить должность, на которой он успел заслужить глубокую благодарность своего государя, но и создать себе много врагов.

Примите и пр.

Кн. Н. Кудашев.

№ 668. Военный агент в Черногории в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Телеграмма № 919 [1]. 11 сентября/29 августа 1912 г.

Здесь получено известие, что после имеющего быть через несколько дней магометанского праздника байрама беспорядки в Турции возобновятся с новой силой. Черногорское правительство упорно носится с мыслью использовать предстоящие затруднения Турции в целях активного выступления, для чего сочло необходимым договориться с Грецией и Болгарией. Из крайне секретного источника я узнал, что названные государства обещали на этих днях Черногории свою помощь не только военную, но и деньгами, а именно Болгария — восемьсот, Греция — триста тысяч франков за каждый месяц войны. Намеченному же соглашению с Сербией грозит неудача вследствие призвания к власти Пашича [2]. Король то соглашается на войну, то отказывается от нее; правительство объясняет эти колебания влиянием Австрии и решило в случае категорического отказа подать в отставку.

Последние мобилизованные части несколько дней тому назад распущены по домам [3].

Потапов.

№ 669. Военный агент в Черногории в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Шифрованное донесение № 921. 11 сентября/29 августа 1912 г.

В дополнение к сегодняшней шифрованной телеграмме моей за № 919 [4] доношу: черногорское правительство начало переговоры с Грецией и Болгарией после того, как король в минувшем июле не пожелал уступить настояниям своих министров — объявить войну Турции и указал на невозможность для Черногории бороться одной с целой Турецкой империей [5]. Переговоры с Сербией должны были начаться несколько дней тому назад

[1] Маш. копия. Публикуемую тел. Сухомлинов препроводил Сазонову при отношении от 13 сент./31 авг. за № 2298, в котором указывал, что сведения, сообщаемые Потаповым в настоящей тел., получены «совершенно доверительно из крайне секретного источника».

[2] См. стр. 206, прим. 1.

[3] В тел. от 12 сент./30 авг. за № 922 Потапов просил хранить «в особой тайне» изложенное в публикуемом документе сообщение, «иначе я потеряю ценного осведомителя; между тем я ожидаю от него если не подлинники, то точные копии самих документов».

[4] Прошу не отказать безусловно исполнить просьбу мою, изложенную в телеграмме моей за № 922, как по отношению к № 919, так и по отношению к настоящему № 921. Генерал-майор Потапов. [Прим. оригинала.]

[5] Ср. стр. 58, прим. 4.

собственноручным письмом короля Николая королю Петру, причем уже найдено было лицо для передачи письма, но известие о призвании к власти Пашича остановило дело.

Теперь, когда соглашения с Болгарией и Грецией заключены, причем, повидимому, Черногория должна для открытия военных действий сыграть роль застрельщика — привлечь на себя возможно большее количество турецких сил, в тыл которым выйдут Греция и Болгария, — здешнее правительство намерено в ближайшем будущем сделать королю окончательное предложение начать войну; в случае же несогласия его на это — выйти в отставку.

Правительство уверено, что, в случае войны балканских государств с Турцией, державы Тройственного согласия и Италия не допустят Австрию двинуться им в тыл и дадут возможность им одним рассчитаться с их многовековым врагом — Турцией. По его мнению, для этого настал ныне час, который больше не повторится. В таком смысле производится в настоящее время подготовка общественного мнения.

Черногорское правительство рассчитывает, что больше четырех или пяти тысяч человек оно в войне не потеряет, а выиграть может очень много. В нынешнем нерасположении к войне Австрии, которая застращивает короля потерей престола и гибелью династии, правительство усматривает, что час для открытия войны самый благоприятный [1].

Генерального штаба генерал-майор Потапов.

№ 670. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 753. 11 сентября/29 августа 1912 г.

Торговый договор [2].

Сегодня миссию посетил один из советников вай-ву-бу и от имени китайского правительства сделал словесное сообщение в том смысле, что Китай надеется, что императорское правительство пойдет навстречу его желанию, стремящемуся к укреплению дружеских чувств между обоими государствами, которое должно явиться результатом пересмотра Петербургского договора, с коим может быть связано разрешение и других вопросов, дававших в прошлом повод к трениям. При этом китайское правительство выражает надежду, что мы согласимся на назначение Китаем нового уполномоченного для ведения означенных переговоров. Относясь с сочувствием к отмене 50-верстной полосы, Китай, однако, несогласен с той точкой зрения, что он не может воспользоваться предоставленным ему в силу 15-й статьи договора правом требовать его пересмотра. Я поручил первому секретарю миссии ответить от моего имени, что я не считаю возможным передать это сообщение императорскому правительству, так как принятие последним решения окончательно и бесповоротно.

Крупенский.

№ 671. Посол в Париже [3] министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 189. 12 сентября/30 августа 1912 г.

Телеграмма № 1731 получена [4].

Передал письменно содержание ее Пуанкаре, который сообщил мне

[1] Тел. от 18/5 сент. за № 931 Потапов сообщал в отдел ген.-кварт. главного управления ген. штаба: «Подготовка к войне в смысле размещения вдоль турецкой границы военных материалов, частного призыва прислуги некоторых батарей, таинственных работ в военном министерстве производится с каждым днем еще энергичнее».

[2] См. №№ 614 и 615.

[3] Тел. от 9 сент./27 авг. Извольский сообщил, что он возвратился в Париж.

[4] См. № 635.

в ответ меморандум следующего вкратце содержания: мысль французского представителя выражена была в разговорах с коллегами и не имела характера предложения. Французское правительство вполне согласно с соображениями вашего высокопревосходительства и, независимо от цифры займа, считает необходимым установить с самого начала принцип контроля полностью соляной монополии в империи, во избежание обращения части этой монополии на обеспечение впоследствии других займов. Во время обмена мыслей по сему предмету между группами, английская группа подала мысль выпуска менее крупного займа, обеспеченного фактически реорганизованной соляной монополией в некоторых зонах, и русская группа была к этому расположена, как явствует из письма 26 июля [нов. ст.] Русско-Азиатского банка Гонконгскому. Но в результате группы единодушно признают весьма определенным принцип, что контроль соляной монополии полностью остается одним из непременных условий китайского займа, хотя бы в уменьшенном размере.

Текст курьером [1]. Извольский.

№ 672. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо [2]. 12 сентября/30 августа 1912 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Вернувшись в Париж в прошлый понедельник [3], я не застал Пуанкаре и мог видеться в тот же день лишь с Палеологом, о беседе с коим я вам вкратце телеграфировал [4]. Пуанкаре вернулся только вчера, и я имел с ним короткий разговор за несколько минут до прибытия великого князя [5]. Сегодня, после завтрака в Елисейском дворце, я беседовал с ним несколько дольше, но не особенно связно, ибо нас ежеминутно прерывали. В общем, он показался мне еще более встревоженным, нежели Палеолог. Предложению графа Берхтольда он практического значения не придает; по его убеждению, Берхтольд имел в виду исключительно обеспечить известные уступки албанцам, а раз они получили удовлетворение, он не проявляет никакого дальнейшего интереса к своему предложению; во втором устном сообщении, сделанном здесь австрийским поверенным в делах [6], уже не было речи о «децентрализации»; остается лишь обеспечение христианским народностям тех же льгот, которые обещаны албанцам, и пожелание о справедливых и свободных выборах. Но даже, если все это в теории и имеет некоторую цену, на практике вряд ли эти требования и пожелания могут быть осуществлены. Французское правительство уже преподало в этом смысле советы Порте [7]; английское правительство также готово сделать в Константинополе аналогичное выступление, но оно *категорически* заявило здесь, что Англия ни в каком случае *не согласится произвести какое-либо давление на Турцию* [8]. Что касается балканских государств, то имеются крайне тревожные известия как из Софии, так и из Белграда и Афин. Газета «Temps»

[1] Копия указанного меморандума от 10 сент./28 авг. была препровождена Извольским в росс. м-во ин. дел при отношении от 12 сент./30 авг. Содержание меморандума исчерпывается публикуемым документом.

[2] Опубл. М., стр. 273.

[3] 9 сент./27 авг.

[4] В тел. от 9 сент./27 авг. за № 188 Извольский сообщал, что Палеолог «очень встревожен последними известиями из Софии и заявлением Гешова Неклюдову и Панафье, что болгарскому правительству остается выбирать между внешней и внутренней войной» (см. № 618).

[5] Вел. князь Николай Николаевич приехал в Париж 11 сент./29 авг. в сопровождении специальной воен. миссии для присутствия на франц. маневрах.

[6] См. стр. 129, прим. 4.

[7] См. стр. 93, прим. 2.

[8] Ср. № 663.

получила сегодня из Софии телеграмму, по которой объявление войны — вопрос всего нескольких дней. Главной опасностью является внутреннее положение, борьба военных элементов (желающих, ради спасения своего существования, использовать во что бы то ни стало настоящую конъюнктуру) против радикалов и антимилитаристов, и вероятность, чтобы не сказать неизбежность падения кабинета Гешова. Пуанкаре лично считает, что болгарско-сербское секретное соглашение действует разжигающим образом как на болгар, так и на сербов; еще в Петербурге, тотчас после ознакомления с текстом этого соглашения, он высказал мне, что, по его мнению, «c'est un instrument de guerre»[1]. Предоставленная России роль арбитра, по его мнению, еще более осложняет дело. Болгары убеждены, что даже если русское правительство сейчас и произнесет свое veto, в случае войны Болгарии с Турцией, а в особенности в случае болгарского поражения, оно будет вовлечено русским общественным мнением в действия. Если же, вследствие давления со стороны России, Болгария не будет в состоянии использовать настоящие обстоятельства в свою пользу, это нанесет тяжкий удар влиянию и престижу России в Болгарии, а также идее о дружной и согласной политике балканских государств под эгидой России; преемники Гешова, стамбуловисты или радослависты сейчас же разорвут соглашение с Сербией и вернутся к прежней системе колебаний между Россией и Австрией и заискивания перед Веной. Далее г. Пуанкаре сказал мне, что, по имеющимся у него сведениям, в случае воинственного выступления Сербии Австро-Венгрия ни в каком случае не двинется в Санджак, а по ходу дела направит свои действия на Белград; это, конечно, не может остаться безразличным для России и приведет, вероятно, ко всеобщей войне. Положение вещей на Крите и в Афинах также внушает г. Пуанкаре серьезные опасения. По его словам, греческое правительство убеждено, что в случае столкновения с Турцией оно не останется изолированным, а именно, что ему обеспечена военная помощь со стороны Болгарии; поэтому греки уже не столь опасаются разрыва с Турцией, и это также является опасным элементом настоящего положения. На мой вопрос, не имеется ли у него какого-либо плана действия, дабы предотвратить все эти опасности, г. Пуанкаре ответил мне, что он затрудняется что-либо предложить. Никакое давление на Турцию, очевидно, при нынешних обстоятельствах невозможно; умеряющие советы балканским государствам вряд ли могут произвести решающее действие. Если, несмотря на все эти советы, все-таки вспыхнет балканская война, надо будет как можно скорее выступить с предложением о посредничестве, причем весьма важно будет не покидать общеевропейской почвы и, по возможности, предупреждать всякую возможность единичных выступлений; с этой именно точки зрения он приветствовал предложение графа Берхтольда, как связывающее до известной степени свободу Австро-Венгрии. Г. Пуанкаре сказал мне также, что при нынешних обстоятельствах французское правительство должно отнестись с большой осторожностью к вопросу о болгарском займе[2]; г. Панафье пишет из Софии, что резкий отказ в разрешении этого займа может нанести серьезный удар кабинету г. Гешова. Г. Пуанкаре, однако, не даст этого разрешения, не убедившись, что опасность миновала, и не заручившись надлежащими гарантиями относительно его употребления.

В заключение г. Пуанкаре высказал мне, что французское правительство самым серьезным образом обсуждает вопрос о могущих возникнуть международных случайностях; оно вполне ясно отдает себе отчет в том, что те или другие события, например разгром Болгарии Турцией или нападение Австрии на Сербию, могут заставить Россию выйти из пассивного положе-

---

[1] «это — орудие войны».
[2] См. № 620.

ния и прибегнуть сперва к дипломатическому выступлению, а затем и к военным действиям против Турции или Австрии. Согласно полученным нами от французского правительства заявлениям, в таком случае нам обеспечена со стороны Франции самая искренняя и энергическая *дипломатическая* поддержка. Но в этом фазисе событий правительство Республики не было бы в состоянии получить от парламента и общественного мнения санкции на какие-либо активные военные меры. Но если столкновение с Австрией повлечет за собой вооруженное вмешательство Германии, французское правительство заранее признает это за casus foederis и ни минуты не поколеблется выполнить лежащие на нем по отношению к России обязательства. «Франция, — присовокупил г. Пуанкаре, — несомненно настроена вполне миролюбиво и войны не ищет и не желает; но выступление Германии против России тотчас изменит это настроение, и он убежден, что в таком случае и парламент и общественное мнение всецело одобрят решимость правительства оказать России вооруженную поддержку». Далее г. Пуанкаре сказал мне, что ввиду критического положения на Балканах высшие органы французского военного управления с усиленным вниманием изучают все могущие произойти военные случайности, и ему известно, что сведущие и ответственные лица весьма оптимистически смотрят на шансы России и Франции в случае общего столкновения; оптимистический взгляд этот основан, между прочим, на оценке той диверсии, которую произведут соединенные силы балканских государств (за исключением Румынии), оттянув соответствующую часть австро-венгерских военных сил. Благоприятным элементом для России и Франции является также иммобилизация Италии, связанной как африканской войной, так и специальными соглашениями с Францией. Что касается специально положения в Средиземном море, то только что принятое решение перевести из Бреста в Тулон третью французскую эскадру [1] еще более усиливает преобладание в этих водах французского флота. Решение это, прибавил г. Пуанкаре, принято по соглашению с Англией и является дальнейшим развитием и пополнением уже раньше состоявшихся между французским и английским морскими штабами уговоров. При этом г. Пуанкаре еще раз подтвердил мне, что эти уговоры не облечены ни в какую дипломатическую форму, но тем не менее являются вполне определенными техническими соглашениями между обоими морскими штабами.

Вышеизложенные заявления хотя и были сделаны мне во время как бы случайного разговора, но были произнесены с привычной г. Пуанкаре серьезностью и силой. Не имея времени изложить их в более обработанной форме до отправления сегодняшнего курьера, я считаю, однако, необходимым подробно ознакомить вас с ними, хотя бы в форме частного письма, прося вашего снисхождения к торопливой редакции и неразборчивому почерку [2].

Пребывание великого князя, кажется, протекает весьма удачно. Сегодня вечером он выезжает на маневры. В четверг, 19/6 октября [3], я даю в его честь большой официальный обед.

С нетерпением ожидаю известия о точном дне вашего прибытия в Париж.

Искренне и душевно преданный вам

Извольский.

№ 673. Поверенный в делах в Вене министру иностранных дел.

*/. Депеша № 35. 12 сентября/30 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Со времени моей последней беседы с графом Берхтольдом, о которой я имел честь донести депешей от 28/15 сего августа за № 32 [4], мне не при-

[1] См. № 785.
[2] Последующая часть письма в царск. экз. отсутствует.
[3] В оригинале ошибка. Должно быть: 19/6 сентября.
[4] См. № 583.

шлось видеться с ним: обычные приемы дипломатического корпуса по средам, обыкновенно прекращаемые летом, еще не возобновились, а для назначения мне особого свидания мне не представлялось случая. К тому же, имея в виду сказанное мне графом Берхтольдом, а именно, что о дальнейших разъяснениях его предложения по балканским делам он снабжает инструкцией графа Турна для более полного обсуждения его предложения с вашим высокопревосходительством, я полагал, что австро-венгерский министр предпочитает, чтобы начатые им «разговоры» происходили не в Вене, а в столицах других великих держав.

Между тем из полученной мной с последним курьером дипломатической переписки не видно, чтобы переговоры, начатые венским кабинетом, подвинулись вперед. Затрудняясь допустить, чтобы при настоящем тревожном положении вещей на Балканском полуострове здешнее правительство сохранило исключительно выжидающее положение, я обратился к французскому послу с вопросом, не известно ли ему, в каком положении находится обмен мнений австро-венгерского правительства с кабинетами по балканским делам. Г. Дюмен мне ответил, что, насколько ему известно, дело за последние 2—3 недели вперед не подвинулось и что, по его впечатлению, граф Берхтольд, с которым он имел случай видеться на-днях, показался ему менее пессимистически настроенным и как бы равнодушно выжидающим, чем кончится кризис на Балканах.

Принимая во внимание таковой отзыв французского посла и, с другой стороны, то, что о новых военных приготовлениях Австрии в сторону Сербии мне не пришлось слышать, невольно напрашивается вопрос: не имеет ли австро-венгерское правительство основания рассчитывать, что Болгария, на которую направлены все взоры в настоящую минуту, не начнет против Турции военных действий и что таким образом и на этот раз может миновать опасность обострения и обобщения восточного кризиса. На возможность такого поворота дел, для нас столь желательного, но, к сожалению, далеко не обеспеченного, имеются косвенные указания в отправляемой одновременно с сим вашему высокопревосходительству весьма интересной доверительной депеше нашего посланника в Белграде за № 57 [1], в коей изложен разговор гофмейстера Гартвига с гг. Тошевым и Ляпчевым.

Не желая предаваться слишком большому оптимизму, неоправдываемому ни приостановкой согласованного действия Европы по отношению к Балканам, ни тревожными слухами, приходящими оттуда, даже из Албании, где одно время предполагалось некоторое успокоение уже достигнутым, я позволяю себе высказать надежду, что настоящее почти пассивное отношение Австро-Венгрии, ближайшей соседки Балканского полуострова, к происходящему там хаосу есть, быть может, свидетельство желания монархии ничем не обострять положения и не ускорять разрешения кризиса. На большее со стороны Австро-Венгрии мы, как мне кажется, не можем и рассчитывать.

Примите и пр. Кн. Н. Кудашев.

№ 674. Военный агент в Турции начальнику генерального штаба Жилинскому.

Рапорт № 192 [2]. 12 сентября/30 августа 1912 г.

Во время происходивших летом настоящего года серьезных внутренних беспорядков в Турции можно было думать, что Болгария ищет случая воспользоваться затруднениями Турции для начала военных операций. Бол-

---

[1] См. № 659.

[2] Лит. копия.

гарские официальные представители плохо скрывали свой интерес к событиям с таковой специальной точки зрения и были крайне разочарованы, когда турки против ожидания вышли из всех затруднений и испытаний с обычной ловкостью и изворотливостью.

Затем после кочанского события началось якобы народное движение в Болгарии с многочисленными митингами протеста против Турции и манифестациями в пользу братьев-македонцев. Народный якобы характер этого движения еще более подчеркивался корректным поведением болгарского правительства.

Позволительно думать, что мы тут имеем [дело] не со стихийной силой, а с течением, навеянным чисто болгарскими государственными интересами, представляемыми политической партией и не чуж[дыми для] самого правительства.

Поднятый в Болгарии после кочанского де[ла] шум, производивший большое впечатление здесь [в] Турции, побудил турецкое правительство принять [все] возможные меры для предотвращения повторения плачевного случая резни в других местах и заставил Турцию временно относиться внимательно к интересам болгар в Турции.

Несомненно, что болгарское бряцание оружием также сослужило пользу во время албанского движения и заставило турецкое правительство помнить, что кроме албанского существует еще и македонский вопрос и что всякая уступка албанцам за счет македонцев могла вовлечь Турцию в войну с соседними мелкими балканскими государствами.

Понятно также, что Болгария шумно старается воспользоваться предложением графа Берхтольда для привлечения серьезного внимания Европы на македонский вопрос.

С этих точек зрения все, что происходило в Болгарии за последнее время, было здесь понято и до известной степени признавалось обоснованным.

Но здесь не могли не отметить у болгар резкую перемену в их взглядах на Турцию и в их поведении за последнее время. Здесь судят по разговорам болгарских представителей и по событиям настоящего лета. Так, в прошлом году болгары не скрывали, что они считают возрожденную турецкую армию настолько сильной, что им и думать нельзя об единоборстве с ней. Теперь же они, видимо, вовсе не страшатся начала борьбы, по крайней мере, на словах.

Между тем, болгарский здесь военный агент не отрицает, что бывшие недавно в армии беспорядки вовсе не ослабили боевую способность турецкой армии, что эта армия в настоящее время находится в настолько выгодном положении, что она в случае мобилизации будет готова почти одновременно с болгарской армией (см. мой рапорт от [1 сентября] 19 августа за № 182)[1].

Турецкое правительство держит себя весьма корректно и старается ничем не давать повода к разрыву с Болгарией.

Естественным выводом из вышеизложенного является, что или Болгария лишь бряцает оружием для подчеркивания и достижения вышеуказанных

---

[1] В рапорте от 1 сент./19 авг. за № 182 Хольмсен сообщал, что, по его мнению, болг. прав-во не решится объявить Турции войну, так как «военное положение Турции в Македонии и во Фракии в настоящее время сильно и не обещает болгарам шанса на успех». По мнению Хольмсена, «Турция может уже через 2 недели после объявления войны иметь мобилизованными и отчасти уже сосредоточенными 12 дивизий низама 1-й инспекции и 6 дивизий редифа. Так как обыкновенно считается, что болгары окончат свое сосредоточение через две недели, то видно из вышеизложенного, что они на сей раз не будут иметь выгоды от большей своей быстроты сосредоточения при нормальных условиях, а турки окажутся готовыми почти одновременно, на главном фронте. В Македонии турки также в состоянии сосредоточиться довольно быстро, развязавшись с албанцами и настроивши их в свою пользу. Турки, таким образом, могут оставаться в спокойном выжидательном положении без всякого усиления или передвижения войск к границе, каковое положение лишь благотворно может влиять на успокоение умов в Болгарии».

своих интересов; но это опасная игра, ибо и турецкое терпение может лопнуть, и Болгария рискует остаться одинокой в борьбе с Турцией, или же болгары действительно недавно добились осуществления тех союзов, о которых недавно упоминалось в прессе, т. е. с Грецией и с Сербией, и потому считают себя в силах вступить в коалиционную войну против Турции.

Если только эти газетные слухи верны, то вызывающее поведение Болгарии вполне объясняется. Здесь считают, что в таком случае Болгария имеет интерес стараться довести дело до войны и раскрыть во всем его объеме [Восточ]ный вопрос, от решения которого она может выиграть весьма многое, рискуя, в случае неудачи, лишь незначительной ректификацией своей границы, вроде того, что̀ случилось с греками в 1897 г.

Добившись союзов, Болгария имеет полный расчет мутить и стараться вовлечь в войну своих союзников, участь которых безразлична для крайне эгоистического болгарского народа.

Здесь считается, что если Болгарии не удастся войти в соглашение с Румынией, что̀ ей обошлось бы довольно дорого, то болгары сильно рассчитывают на общественное мнение в России; они рассчитывают на то, что Россия в крайнем случае удержит Румынию от вмешательства и союза с Турцией. Таковая помощь России вряд ли возможна без вступления наших войск в Румынию, что̀, очевидно, повело бы к войне с Австрией, а пожалуй, и с Германией.

Война на Балканском полуострове только для сантиментального с нашей стороны удовлетворения чисто болгарских интересов не может входить в виды России в настоящее время признания нами принципа status quo на Балканах, а потому казалось бы своевременным заявить Болгарии, что она на Россию рассчитывать не может в своих вновь начатых интригах и крайне опасных для всеобщего мира выступлениях против Турции.

Как только Болгария получит таковое наше заявление, она скоро успокоится, ибо мысль о Румынии в тылу до сих пор всегда служила для болгар началом благоразумия.

Пока таковое наше ясное и определенное veto не будет произнесено, можно утверждать, что Болгария будет делать все, до «coup de tête»[1] включительно, для разрыва с Турцией и вовлечения России «на буксире» в войну, в момент, когда нам разрешение Восточного вопроса менее всего удобно.

Генерал-майор Хольмсен.

№ 675. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 758. 12 сентября/30 августа 1912 г.

Монголия.

Несколько дней тому назад командированный из вай-ву-бу чиновник сообщил, что монголы арестовали князя Мерген-вана, приверженца Китая, и подвергли в Урге допросу с побоями. Китайское правительство протестует против таковых насилий и, ссылаясь на мои предупреждения против посылки китайских войск в Монголию, заявляет, что если Мерген-ван не будет освобожден, то военные действия против Монголии явятся вынужденными. Чиновнику было отвечено, что принятые хутухтой по отношению к халхаскому князю Мерген-вану меры являются внутренним делом Монголии, что поэтому мы не вмешиваемся в подобного рода вопросы, что китайцы сами первые дали пример жестокости, пытая и казнив монгольских посланцев в Кобдо, что же касается до посылки китайских войск во Внешнюю Монголию под каким бы то ни было предлогом, то из последних заявлений императорской миссии китайское правительство знает о тех нежелательных

[1] «безрассудного поступка».

последствиях, которые будут вызваны этим шагом. Ныне вай-ву-бу, не удовольствовавшись устными объяснениями, прислало мне памятную записку того же содержания. Принимая во внимание, что до сих пор все мои заявления касательно посылки китайских войск в Монголию были лишь только словесными, прошу указаний, могу ли ныне послать вай-ву-бу памятную записку в смысле вышеизложенного устного моего ответа и секретной телеграммы вашего высокопревосходительства № 1647 [1].

Крупенский.

№ 676. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 799. 12—9 сентября/30—27 августа 1912 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Прибывший в С.-Петербург английский банкир Крисп, участвующий в нескольких англо-русских финансовых предприятиях, довел до моего сведения, что представляемая им группа банков получила предложение от китайского посланника в Лондоне и советника китайского правительства д-ра Моррисона устроить Китаю заем в 10 млн. ф. ст. Предполагая согласиться на это предложение с тем, чтобы выпустить заем, если переговоры о нем приведут к благоприятным результатам, в 1913 г. в два срока, примерно в феврале и сентябре, г. Крисп предварительно обратился ко мне с вопросом, как бы мы отнеслись к совершению подобной операции для Китая на лондонском рынке.

В ответ на это мною было высказано г. Криспу, что проектируемый им заем представляется мне невозможным, так как заключение его противоречило бы соглашению, установившемуся между шестью державами, банки которых участвуют в Консорциуме для устройства китайских займов, каковое соглашение, состоявшееся по предложению именно английского посланника в Пекине [2], заключается в том, чтобы не давать одобрения никакому займу, который был бы устроен подданными этих держав помимо означенного Консорциума. Ввиду этого г. Криспу надлежало бы прежде всего выяснить, как отнесется к его предположению английское министерство иностранных дел. Вместе с тем я подтвердил, что с точки зрения русского правительства займы Китаю, помимо Консорциума, нежелательны, так как только столь крупная организация, каковой является Консорциум, может, при поддержке правительств, добиться весьма важного для нас контроля над израсходованием ссужаемых сумм; предоставление же Китаю отдельными финансовыми группами более или менее значительных ссуд без необходимого контроля может дать ему средства на противоречащие нашим интересам предприятия.

Об изложенном считаю долгом сообщить вашему превосходительству для сведения, а также и на случай, если бы вы признали полезным довести о сем через нашего посла в Лондоне до сведения английского правительства [3].

Примите и пр.

В. Коковцов.

---

[1] См. № 564. В ответ на публикуемый документ Сазонов телеграфировал В. Крупенскому 13 сент./31 авг. за № 1798: «Считаем полезным, чтобы вы сделали китайскому правительству предположенное письменное заявление».

[2] См. № 448.

[3] На оригинале имеется помета: «По этому поводу министр полагал бы нужным сообщить Коковцову содержание телеграммы из Лондона № 227. Базили» (см. стр. 191, прим. 3).

№ 677. Поверенный в делах в Берлине[1] министру иностранных дел.

⁒/. Депеша № 44. 13 сентября/31 августа 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я имел честь получить предписание вашего высокопревосходительства от [1 сентября] 19 сего августа за № 823 [2], коим мне поручалось разъяснить германскому статс-секретарю по иностранным делам наш взгляд на несвоевременность как мелких займов Китаю на промышленные цели, так, тем более, и денежных авансов китайскому правительству в видах получения от последнего концессий или заказов.

Из предварительного разговора моего с моим французским коллегой выяснилось, что как он, так и английский поверенный в делах, во исполнение полученных ими на прошлой неделе инструкций, уже сделали аналогичные представления статс-секретарю по иностранным делам со ссылкой на выданный, будто бы, немецкой фирмой Дидрихсена китайскому правительству аванс в размере 8 млн. марок, взамен получения ею концессии пекинских трамваев. На это им было отвечено, что здесь о подобной сделке ничего не известно; что крайне сомнительно, чтобы фирма Дидрихсена могла, без посредства банков, располагать столь крупной суммой, обращение же ее к немецким банкам не осталось бы неизвестным департаменту иностранных дел; к тому же ответ банков, если бы Дидрихсены даже их и зондировали, мог бы быть только отрицательный ввиду того, что все немецкие банки вошли в состав германской группы Шестерного Консорциума, за исключением Дармштадтского Торгового банка, заявившего, однако, что он не намерен конкурировать с немецкой группой Консорциума в деле помещения капиталов в Китае. Что касается до инструкции, данной германскому посланнику в Пекине, то она отнюдь не содержит одобрения займов на промышленные цели, и если посланник сделал из нее подобный вывод, то это толкование его ошибочно.

Хотя я и мог бы временно ограничиться докладом вашему высокопревосходительству дошедших до меня косвенно разъяснений г. Кидерлен-Вехтера, позволявших заключить, что сообщение о характере сделки Дидрихсена, повидимому, не вполне соответствует действительности, но принимая во внимание, что предписанный мне шаг имел кроме разъяснения слухов об этой сделке — еще главным образом в виду подчеркнуть на будущее время полное соответствие русской, английской и французской точек зрения на вопрос о мелких ссудах Китаю, я объяснился с г. Кидерлен-Вехтером в указанном вашим высокопревосходительством смысле. Статс-секретарь повторил сказанное им ранее французскому и английскому поверенным в делах; по его словам, инструкция германскому посланнику в Пекине относилась отрицательно к мелким займам и гласила лишь, что если частные немецкие предприниматели пожелают на свой риск делать в Китае дела, то им, конечно, должна быть предоставлена свобода действий; воспрепятствовать Дидрихсену ссудить Китай деньгами, если бы таковые у него были, германское правительство не может; роль правительства началась бы лишь тогда, когда Дидрихсен обратился бы к содействию германских банков; при этом и обнаружилось бы отрицательное отношение здешнего правительства к подобным операциям. Г. Кидерлен-Вехтер также подтвердил сказанное им ранее относительно участия всех немецких банков в германской группе Консорциума, из чего он заключает, что обращение Дидрихсена к одному из членов группы не имело бы успеха, даже независимо от отношения к означенному вопросу германского правительства.

В заключение г. Кидерлен-Вехтер добавил, что скорее французские и

---

[1] См. стр. 124, прим. 1.
[2] См. № 601.

английские банки не устоят в Китае перед соблазном мелких ссуд; так в настоящее время, будто бы, ходят слухи о займе в 2 млн. ф. ст. из английского источника.

Доводя о вышеизложенном до сведения вашего высокопревосходительства, считаю долгом присовокупить, что мои французский и английский коллеги вполне удовлетворились данными статс-секретарем по иностранным делам разъяснениями, не сомневаясь в их искренности.

Примите и пр.

А. Броневский.

№ 678. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 127. 13 сентября/31 августа 1912 г.

Сегодня утром посетил меня новый председатель совета министров [1], чтобы тотчас же в общих чертах изложить программу, которой намерен следовать его кабинет. Руководствуясь указаниями императорского правительства, Сербия будет вести политику миролюбивую, стремясь поддерживать наилучшие отношения с Турцией. На запрос иностранных представителей относительно предложений Берхтольда Пашич полагает неизменно отвечать, что всякое выступление великих держав в целях успокоения Балканского полуострова и особливо проведения действительных реформ в соплеменных ей турецких провинциях Сербия встретит самым искренним сочувствием. Пашич употребит всю силу своего авторитета, чтобы умерить воинственное настроение в среде армии и возбуждение в общественных кругах. В этих видах он намерен насколько возможно отсрочить созыв скупщины, которая должна утвердить военные кредиты и отменить запрещение на вывоз зерна, — меру, получившую превратное толкование [2]. При всем том, по мнению Пашича, опасность серьезных осложнений на Балканах не миновала. Он склонен думать, что в Софии бьют отбой для отвода глаз Турции. «В случае малейшего шага вперед со стороны Болгарии, — добавил он, — Сербию невозможно будет удержать, ибо нас всех сметет народная волна».

Гартвиг.

№ 679. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 106. 14/1 сентября 1912 г.

Со вчерашнего дня ж.-д. линии охраняются войсками. Мера эта, принятая негласно, означает, по мнению нашего военного агента, что правительство предвидит ежечасную возможность войны, хотя и не желает ее вызвать. Я совершенно разделяю это впечатление. Необходимо отметить, что близ многих линий, например в Татар-Пазарджик по линии София — Филиппополь, расположены мусульманские селения.

Неклюдов.

№ 680. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Депеша № 66. 14/1 сентября 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

От внимания вашего высокопревосходительства несомненно не ускользнуло обошедшее печать известие о пропуске оттоманским правительством

[1] В тел. от 13 сент./31 авг. за № 126 Гартвиг сообщал, что Трифкович подал в отставку и что Пашич образовал новое, одобренное королем, м-во из одних старорадикалов, в котором Пашич занял пост м-ра ин. дел, Протич — м-ра внутр. дел и Путник — воен. м-ра.

[2] См. № 658.

через Салоники в Сербию тридцати вагонов военного груза. Сербский посланник Ненадович сообщил мне следующие подробности касательно этого факта.

Заказанные сербским правительством фирме Крезо боевые запасы были задержаны в Салониках местными военными властями после того, как были беспрепятственно пропущены таможенным ведомством. Военные власти поступили таким образом под впечатлением происходивших в Сербии митингов протеста против приписанных туркам зверств в Старой Сербии. Г. Ненадович немедленно отправился к министру иностранных дел. Габриэль-эффенди не находил оправдания сербским уличным собраниям, ибо в Сенице был убит лишь бежавший туда беранский каймакам Попович[1], ярый ставленник комитета «Единение и Прогресс», и никто из местных христиан не пострадал. Тем не менее министр телеграфировал в Салоники, дабы военный груз был немедленно пропущен. Г. Ненадович воспользовался таким случаем, чтобы заручиться беспрепятственным пропуском и транспорта в 100 вагонов подобного же груза, имеющего в скором времени прибыть в Солунь на пароходе «Danube» французского общества «Messageries Maritimes».

Предупредительное отношение оттоманского правительства г. Ненадович объясняет простой взаимностью. Когда минувшей зимой Порте понадобились мины для заграждения Проливов, Сербия услужливо пропустила их через свои владения. Ныне турецкое правительство только отплатило Сербии услугой за оказанную ему услугу.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 681. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Депеша № 68. 14/1 сентября 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я уже имел случай обращать внимание вашего высокопревосходительства на крайне недоброжелательное отношение правящих кругов, печати и общественного мнения Турции к выступлению графа Берхтольда[2]. Мой австрийский сослуживец не раз мне жаловался на то, что здесь не оценили по существу предложения австрийского министра иностранных дел. Великий визирь, беседуя с ним по этому поводу, выражался столь несдержанно, что навел маркиза Паллавичини на мысль, будто бы Гази-Мухтар-паша не совсем отдает себе отчет в значении употребляемых им выражений. Норадунгиан, в свою очередь, поведал мне, что великий визирь, не стесняясь, высказал маркизу Паллавичини, что считает шаг графа Берхтольда не имевшим места (nul et non avenu). С тех пор чувство подозрительности и недоверия турок в отношении Австрии только увеличилось. Веским подтверждением такого обстоятельства могут служить тезкере, посланные великим визирем 28 и 30 минувшего августа и полученные мной в копиях из известного вашему высокопревосходительству секретного источника.

В одном из них обращается внимание министра иностранных дел на то, что он до сих пор не доставил ответа на тезкере, в коем ему поручалось выяснить, не существует ли секретного соглашения между Австрией и Черногорией. Министру подтверждалось приказание доставить скорее просимые сведения.

В другом тезкере великий визирь сообщает министру иностранных дел, на основании получившихся в министерстве внутренних дел донесений

[1] См. № 576.
[2] См. № 600.

скутарийского вали, что малиссоры-католики обрабатываются, по наущению Австрии, католическим духовенством с целью вызвать смуту. Вали просит о снабжении его указаниями, как ему надлежит бороться с такой деятельностью католического духовенства, столь деятельно покровительствуемого австрийским правительством. Великий визирь поручает Норадунгиану обратить осторожным образом внимание Двуединой империи на сказанное обстоятельство.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 682. Посланник в Софии министру иностранных дел.

-/. Телеграмма № 110. 15/2 сентября 1912 г.

За последние два дня получаются более тревожные сведения о военных приготовлениях болгар [1]: запасные, подлежавшие вчерашнего числа увольнению, задержаны под знаменами, интендантство закупает большие запасы, снаряды и патроны отправляются в значительном количестве на юг. По оценке Романовского, который уже телеграфировал о сем в генеральный штаб, это представляет симптом тревожный, тем более что совершается по возможности в тайне. Однако большие маневры под Шумлой [2] не отменены, начнутся завтра в присутствии короля и, продолжаясь до [26] 13 сентября, оттянут во всяком случае на 10 дней дальнейшие решения [3].

Неклюдов.

№ 683. Посланник в Софии министру иностранных дел.

-/. Телеграмма № 111. 15/2 сентября 1912 г.

Копия почтой в Константинополь.

Вчера Богоявленский [4], ездивший курьером в Константинополь, привез мне следующие устные сообщения нашего посла: турки спокойно ожидают нападения болгар; войска их совершенно готовы и снабжены всем; Порта в случае болгарской мобилизации заключит в 24 часа мир с Италией, которая после того станет немедленно выказывать Турции величайшую благожелательность; в Константинополе надеются в последнюю минуту отвлечь Грецию от союза с Болгарией безусловной уступкой Крита, и эта надежда не лишена основания. Сербское выступление не пугает Турцию, которая рассчитывает с этой стороны на албанцев и на давление Австрии; словом, все турецкие силы будут двинуты против болгар с полной вероятностью успеха в первый момент столкновения. Считая эти сведения безусловно основательными, я вчера же поспешил предупредить о всем вышеизложенном Гешова и добавил, что делаю это не по приказанию из Петербурга, а движимый чувствами искренней симпатии к Болгарии. При этом я еще раз высказал ему, что болгары в настоящую минуту отнюдь не могут рассчитывать на какое-либо содействие наше, если начнут войну вопреки нашим категорическим советам. Гешов ответил мне, что Болгария рассчитывает на помощь Сербии, Черногории и Греции, что это полное единодушие бал-

---

[1] См. № 679.

[2] См. № 610.

[3] Тел. от 17/4 сент. за № 123 Романовский сообщал в отдел ген.-кварт. главного управления ген. штаба: «Тон правительства, вождей политических партий продолжает быть воинственным, работа интендантства и другие меры исключают предположение буффонады, наши советы благоразумия не действуют, возможность войны становится вероятной».

[4] Богоявленский — вице-консул в Филиппополе.

канских государств может расстроиться в случае нерешительного поведения болгарского правительства, и таким образом рушится тот Балканский союз, которому мы сами столь долгие годы способствовали и который осуществился вопреки самым основательным сомнениям. «Я могу, впрочем, вполне определенно вам заявить, — добавил Гешов, — что одни мы ни в каком случае не двинемся, но это единственное обещание, которое я могу вам дать». За этими словами мне послышалась уверенность болгарского правительства в кооперации Сербии, несмотря на все заверения, расточаемые нам из Белграда и о которых я также поставил Гешова в известность; также уверены, повидимому, болгары в намерениях Греции и Черногории. Я заметил Гешову, что, хлопоча о «Балканском союзе», мы имели в виду мирную солидарность балканских государств, которая явилась бы подспорьем нашей вековой, благожелательной к ним политики, а не наоборот. Я еще раз убедительно просил в его лице болгарское правительство не вызывать событий, совершенно несогласных с нашими насущными интересами и гибельных для самой Болгарии. Гешов обещал представить все это королю и совету министров, добавив, что понимает вполне основательность нашей точки зрения, но что король Фердинанд и его правительство находятся в безвыходно затруднительном положении. Я продолжаю передавать те же советы королю через вполне приближенных к нему лиц. Из некоторых слов, вырвавшихся у Гешова, я выношу впечатление, что болгары не поспешат с объявлением войны, а приурочивают в мыслях мобилизацию к самому концу сентября или к первой половине октября ст. ст. Это мое впечатление разделяется полковником Романовским и французским посланником.

Неклюдов.

№ 684. Посланник в Бухаресте[1] министру иностранных дел.

*/. Письмо. 16/3 сентября 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к секретной телеграмме за № 67[2], имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что я был принят [2 сентября] 20 минувшего августа королем Карлом в замке Пелеш около Синайи в торжественной аудиенции, причем вручил его величеству верительные грамоты, коими государю императору угодно было аккредитовать меня в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра при королевском румынском дворе. Я не преминул при этом передать королю приветствие от имени его императорского величества.

В ответной речи король высказал в самых теплых выражениях от своего имени и от имени своего правительства желание упрочить еще более тесные узы, связывающие Румынию с Россией и запечатленные кровью обоих народов на поле брани. Король просил меня передать государю императору выражение самой сердечной преданности и дружбы, коими он всегда был преисполнен к личности русского монарха.

После аудиенции у короля и представления ему всего личного состава императорской миссии, я был с таким же церемониалом принят королевой. Вслед за этим весь состав миссии удостоился приглашения к высочайшему завтраку, во время которого король неоднократно в самых дружественных выражениях вспоминал события войны 1878 г. и сожалел о том, что так мало осталось в живых сверстников его величества в русской армии.

---

[1] Тел. от 2 сент./20 авг. (без номера) Шебеко сообщил, что он вступил в управление миссией. Ср. стр. 133, прим. 2.

[2] Содержание тел. Шебеко от 2 сент./20 авг. за № 67 исчерпывается публикуемым документом.

Накануне этого дня, принимая в частной аудиенции румынского посланника в Берлине г. Бельдимана, король сообщил ему о своем намерении, ввиду превратных толков, вызванных в печати посещением Синайи графом Берхтольдом [1], высказать мне при предстоящем свидании вполне откровенно причины, побудившие его выразить желание познакомиться с новым австро-венгерским министром иностранных дел. Действительно, король после завтрака коснулся в разговоре визита графа Берхтольда, причем весьма категорично заявил, что единственной целью этого посещения было желание познакомиться с руководителем внешней политики соседней дружественной державы, с которым он до сих пор не встречался, между тем как два его предшественника, граф Голуховский и граф Эренталь, также как и нынешний германский статс-секретарь по иностранным делам г. фон Кидерлен-Вехтер, были ему лично знакомы в качестве бывших представителей Австро-Венгрии в Румынии. Никакой особенной миссии у графа Берхтольда, по словам короля, не было, и приезд его в Синайю не внес ничего нового в отношения двух соседних государств. Обсуждая последнее предложение графа Берхтольда державам, король отозвался о нем весьма сочувственно, как могущем, по его мнению, способствовать успокоению в Турции и поддержанию мира на Балканах, что̀ составляет главное пожелание Румынии. Председатель совета министров и министр иностранных дел г. Майореску, присутствовавший при аудиенции, подтвердил мне тогда, а также на последующих дипломатических приемах все сказанное королем, причем добавил, что так как визит графа Берхтольда совпал с моментом обращения Австро-Венгрии к державам с предложением приступить к обмену мнений относительно положения в Турции, то естественно, что и этот вопрос подвергся дружественному обсуждению, причем король поручил своему представителю в Константинополе разъяснить Порте, со слов графа Берхтольда, настоящий смысл означенного предложения, на которое последняя склонна была смотреть как на новую попытку со стороны держав вмешаться во внутренние дела Оттоманской империи, могущую иметь для нее самые пагубные последствия.

С тех пор, впрочем, мнение румынского министра иностранных дел относительно предложения графа Берхтольда несколько изменилось, и при последнем свидании он сказал мне, что, повидимому, означенное австро-венгерское выступление не встретило особенного сочувствия со стороны великих держав и потому, вероятно, обречено будет на неудачу.

Примите и пр.

Шебеко.

№ 685. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 129. 16/3 сентября 1912 г.

Почитаю долгом донести, что за последние дни шансы на мирный исход балканских событий значительно уменьшились, ибо, по полученным здесь сведениям, София, Афины и Цетинье почти бесповоротно решили открыть военные действия против Турции приблизительно к концу сентября или началу октября. Это снова усилило среди сербов воинственность, с которой правительству трудно бороться. Сейчас посетивший меня Пашич с большой тревогой сообщил, что из указанных выше центров настойчиво требуют участия сербов в общем балканском движении и что он не видит средств отклонить надвигающуюся опасность. Продолжаю думать, что лишь самое решительное воздействие на Болгарию может предотвратить бедствие.

Гартвиг.

[1] См. №№ 574 и 611.

№ 686. Министр иностранных дел послам в Париже и Риме — Извольскому и А. Крупенскому и поверенным в делах в Лондоне, Берлине и Вене — Эттеру, Броневскому и Кудашеву.

·/. Телеграмма № 1827 [1]. 17/4 сентября 1912 г.

Сообщается в Константинополь.

Вчера меня посетил болгарский посланник. Из разговора с ним я вынес впечатление, что если державы не добьются от Турции мирным путем удовлетворения требований болгар, сводящихся к проведению в Македонии реформ, предусмотренных статьей 23 Берлинского договора [2], — открытие военных действий между Болгарией и Турцией станет неизбежным. Я повторил генералу Паприкову все доводы, уже приводившиеся нами против активного выступления Болгарии, и обратил его внимание с полной откровенностью на быть может роковые последствия необдуманного шага, который Болгария, повидимому, готова сделать в настоящую минуту под влиянием революционной деятельности македонских комитетов. Мне показалось, что слова мои не остались без действия, и посланник обещал передать их полностью в Софию.

После Паприкова я принял турецкого посла, которого я ознакомил с крайне нервным настроением, господствующим в Болгарии. При этом я настаивал перед послом на необходимости для Турции, во избежание серьезных осложнений, взять безотлагательно в руки дело проведения в Македонии реформ, гарантирующих христианскому населению безопасность личную и имущественную, равенство перед законом и участие его соответственно данному племенному составу в деле организации и управления.

Ввиду тревожных известий, получаемых из балканских государств, и сознания мной необходимости не оставить неиспользованным ни одного средства для предотвращения надвигающейся опасности войны на Балканах, поручаю вам осведомиться, не сочтет ли правительство, при коем вы аккредитованы, полезным поручить своему представителю в Константинополе сделать Порте в форме, не имеющей характера совместного шага, дружеские представления в смысле означенного заявления моего турецкому послу [3].

Сазонов.

№ 687. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

·/. Телеграмма № 1828 [4]. 17/4 сентября 1912 г.

Дополнение к моей телеграмме № 1827 [5].

В объяснениях моих с турецким послом, имевших совершенно дружественный характер, я сказал, что исключаю в моих советах всякую мысль о давлении на Порту; от нее самой зависит оценить всю серьезность положения, которое настанет для Турции, если она не сумеет предотвратить пожара на Балканах.

Решительный почин Турции в деле удовлетворения законных желаний христиан в Македонии является самым верным путем к сохранению общего мира и целости самой Турции, которой Россия, как я откровенно высказал послу, дорожит в своих собственных интересах.

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 1, с сокращениями, и М., стр. 276.
[2] См. стр. 81, прим. 5.
[3] Текст этой тел. был передан Бенкендорфом англ. м-ву ин. дел 18/5 сент. (опубл. Brit. Doc., vol. IX, P. I, N 719, p. 691).
[4] Лит. копия.
[5] См. № 686.

*

Благоволите объясниться в этом смысле с министром иностранных дел. При этом имейте в виду, что, принимая почин, мы отнюдь не хотим придать ему характер коллективного давления.

Сазонов.

№ 688. Министр иностранных дел поверенному в делах в Вене Кудашеву.

·/. Телеграмма № 1829 [1]. 17/4 сентября 1912 г.

Сообщается в Константинополь.

Дополнение моей телеграммы № 1827 [2].

Вызвав австрийского поверенного в делах, я ознакомил его с содержанием этой телеграммы. Я обратил внимание г. Силаши, что в предложении, с которым я счел долгом обратиться к державам, мной руководит сознание исключительной серьезности переживаемой минуты. От меня далеко какое-либо желание перехватить в свои руки инициативу графа Берхтольда, на сочувствие коего настоящему предложению мы тем более рассчитываем, что оно исходит из тех же побуждений, кои мы усматриваем в недавнем выступлении руководителя австрийской политики.

Я сказал своему собеседнику, что, считая необходимым обратиться в настоящем случае ко всем державам, я полагаю, однако, самым важным установить прежде всего единство взглядов между нами и Австрией, как державами всего ближе заинтересованными в положении дел на Балканах. Возможное согласование наших взглядов я признаю одинаково важным как в надежде предотвратить осложнения, так и в целях охранения непосредственных интересов обеих держав.

Г. Силаши выразил живейшее сочувствие высказанным мной словам и просил моего согласия передать их в Вену, добавив, со своей стороны, что в виды графа Берхтольда отнюдь не входила монополизация инициативы.

Благоволите в ваших объяснениях с графом Берхтольдом, со своей стороны, подчеркнуть наше желание установить возможно большую согласованность взглядов с венским кабинетом.

Сазонов.

№ 689. Министр иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу и поверенным в делах в Афинах и Цетинье — Урусову и Обнорскому [3].

·/. Телеграмма № 1830 [4]. 17/4 сентября 1912 г.

Сообщается в Константинополь и Софию.

Согласно полученным нами сведениям, воинственное настроение Болгарии укрепляется уверенностью, что ее выступление будет безусловно поддержано Сербией, Грецией и Черногорией. Болгары заявляют, что одни ни в каком случае не двинутся [5].

Между тем, нам достоверно известно, что нападение болгар не застигнет врасплох Турции, войска коей совершенно готовы и снабжены всем. В случае болгарской мобилизации, мир с Италией будет заключен немедленно. Вся мусульманская Турция объединится против исконного врага.

Имеем основание полагать, что в случае попытки Сербии последовать за Болгарией, Австрия не замедлит занять сербскую территорию и в первую очередь Белград.

[1] Лит. копия. Опубл. Ор. кн., стр. 2, с сокращениями, и Кр. Арх., т. XV, стр. 22.
[2] См. № 686.
[3] Тел. от 9 сент./27 авг. за № 144 Обнорский сообщал, что, ввиду отъезда А. Гирса в отпуск, он вступил в управление миссией. См. также стр. 171, прим. 5.
[4] Лит. копия.
[5] См. № 683.

(Для Белграда и Цетинье.)

В Константинополе существует предположение в последнюю минуту отвлечь греков уступкой Крита.

Сазонов.

№ 690. Министр иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу и поверенным в делах в Афинах и Цетинье — Урусову и Обнорскому.

⁰/. Телеграмма № 1831[1]. 17/4 сентября 1912 г.

Сообщается в Константинополь и Софию.

Благоволите вновь самым решительным образом заявить правительству, при коем вы аккредитованы, что если оно не предупредит Болгарию о своем отказе следовать за ней в гибельном, на наш взгляд, выступлении и примет решение, против коего мы неоднократно его предостерегали, Россия снимет с себя всякую ответственность за последствия. Балканские государства не могут рассчитывать на ее вмешательство в предстоящую борьбу.

Сазонов.

№ 691. Министр иностранных дел военному министру Сухомлинову.

Письмо, № 910. 17/4 сентября 1912 г.
Секретно.

М. г. Владимир Александрович,

В ответ на письмо от [31] 18 мин. августа, № 1278[2], имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что взятие монголами Кобдо[3] существенно изменило положение в Западной Монголии. Хотя китайцы продолжают приготовления к посылке в Кобдоский округ войск из Кульджи и Синьцзянской провинции, но, как явствует из полученных от наших консулов сведений, посылка этих войск встречает некоторые затруднения вследствие отсутствия дисциплины среди солдат.

При таких условиях я полагал бы возможным для нас ограничиться подготовкой того отряда, который предположено отправить в Улясутай из Иркутского военного округа с тем, чтобы он был готов к выступлению по первому требованию. Я считал бы, однако, необходимым придать этому отряду взвод артиллерии, дабы сделать более внушительной ту демонстрацию, для которой он предназначается, дабы остановить попытки китайцев предпринять военную экспедицию в западные аймаки Халхи.

Что касается Кобдоского округа, то, исходя из мысли о предпочтительности для нас не втягиваться в военную оккупацию Монголии и по возможности ограничить число занимаемых нами в этой стране пунктов, я нахожу возможным предоставить самим монголам защиту сказанного округа от китайцев. Отмеченная выше ненадежность китайских войск и впечатление, которое, несомненно, должна была произвести на них сдача китайского гарнизона Кобдо, дают надежду на то, что монголы будут в силах отстоять Кобдоский округ от обратного покорения китайцами.

Но для этого их, конечно, необходимо снабдить соответствующим оружием, ходатайство о котором я имел честь передать вашему высокопревосхо-

[1] Лит. копия.

[2] В ответ на запрос Сазонова относительно посылки войск в Кобдо и Улясутай (ср. стр. 46, прим. 2) Сухомлинов в письме от 31/18 авг. за № 1278 сообщил, что с его стороны не встречается препятствий к откомандированию отряда в Улясутай, но он высказывался против посылки отряда в Кобдо, ввиду занятия последнего монголами (см. прим. 3), а также ввиду связанных с этой посылкой технических затруднений из-за малочисленности пограничных войск.

[3] Город Кобдо был занят монгольскими войсками 20/7 авг. (тел. Сазонова консулу в Шара-Суме от 28/15 авг., № 1666).

дительству письмом от [31] 18 мин. августа, № 820 [1]. Вопрос о выдаче этого оружия принципиально решен в утвердительном смысле. Однако выдача его замедляется, повидимому, разными формальностями. Я считаю долгом поэтому просить содействия вашего высокопревосходительства к ускорению этого неотложного дела [2].

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 692. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Письмо. 17/4 сентября 1912 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Хотя кратковременность моего пребывания в Румынии не позволяет мне высказывать никаких авторитетных мнений в области внутренней и внешней политики этой страны, тем не менее я считаю долгом коснуться теперь же мнения, высказанного неоднократно в донесениях моего предшественника гофмейстера Гирса, отлично знавшего Румынию и оставившего по себе здесь самую лучшую память, о том, что господствующее в стране настроение миролюбивое и лишенное каких-либо агрессивных замыслов против кого бы то ни было. Это самое миролюбие и заставляет Румынию с большим опасением следить за каждым шагом своей южной соседки Болгарии, в честолюбивых замыслах которой здесь не сомневаются.

Само собой разумеется, что в случае осложнений на Балканах и предъявления другими государствами территориальных требований, и Румыния выступит с требованиями соответственных компенсаций и поддержит эти требования вооруженной силой. Но требования эти будут предъявляться ею более для поддержания своего престижа и национального достоинства, чем из непременного желания и стремления расширить свои пределы; последнее же является желанием или, скорее, мечтой весьма немногочисленных и лишенных серьезного значения политических кружков.

То же могу сказать касательно настроения общественного мнения Румынии относительно России. Никакой враждебности ни в населении, ни в общественных и политических кругах против России, насколько я могу судить, не существует.

Нет сомнения, что в этом отношении нашими политическими противниками, немцами и австрийцами, сделано и продолжает делаться очень много для полного экономического и политического захвата Румынии и для возбуждения общественного мнения страны против России.

Нет сомнения также, что, с другой стороны, нами сделано очень мало для противодействия этому.

Румынские рынки находятся всецело в руках немцев и австрийцев.

Что же касается внешней политики, направляемой почти всецело самим королем, то тут нужно считаться с фактом, что 46-летнее пребывание в Румынии в качестве монарха этой латино-славянской страны не оказало-

---

[1] В письме от 31/18 авг. за № 820 Сазонов, ссылаясь на заявление Сухомлинова о возможности и желательности продажи монголам Халхи современного оружия, просил сообщить, «когда это оружие будет выдано монголам, а равно будут ли им проданы только винтовки и в каком количестве, или также пулеметы и орудия, о которых просят монгольские министры».

[2] В ответном письме от 25/12 сент. за № 1367 Вернандер известил Нератова, что начальнику Иркутского воен. округа дано распоряжение о подготовке отряда в составе 3 сотен казаков с пулеметами и взводом артиллерии, который мог бы быть по первому требованию направлен в Улясутай. В письме от 28/15 сент. за № 3745 Вернандер сообщал, что «положение военного совета по вопросу о продаже монгольскому правительству 6 тыс. трехлинейных винтовок, 3 млн. патронов к ним, 2 тыс. драгунских шашек, 2 вьючных пулеметов и 2 легких орудий образца 1877 г. высочайше утверждено в 10-й день сего сентября».

никакого влияния на короля Карла в том отношении, что он остался прежде всего и больше всего образом мышления и симпатиями немецким принцем — Гогенцоллерном до мозга костей.

Находящиеся в настоящую минуту у кормила правления консерваторы тоже, по большей части, ярые западники, из них многие, как, например, нынешний председатель совета министров г. Майореску и его предшественник г. Карп, воспитывались в Германии и являются горячими поклонниками германской культуры, что в значительной степени отражается на их политических взглядах и на направлении внешней политики Румынии. Тем не менее отнюдь нельзя сказать, что на Румынию надо смотреть отныне, как на вражескую страну, преданную нашим врагам и стремящуюся войти во всякую политическую комбинацию, направленную против России. Отнюдь нет.

Таковой всеми силами старается ее представить немецкая и австрийская печать, цель которых возбудить взаимное недоверие между Россией и Румынией, раздувая всякое событие, вроде протеста Румынии против празднования в России столетия присоединения Бессарабии, и тем еще более закабалить последнюю в оковах Тройственного союза.

Поэтому статьи вроде той, которая появилась на-днях на столбцах «Нового времени» под заглавием «Синайя и Бухлау», могут только порадовать наших врагов [1].

В действительности симпатии к России очень живы во всех классах населения в Румынии, особенно в интеллигентном классе и в простом народе, и, при некотором старании с нашей стороны, могли бы развиться еще более. В этом отношении хорошую службу мог бы сослужить наш коммерческий мир, если бы он обратил более серьезное внимание на румынский рынок, столь близкий к России и всецело захваченный германскими и австро-венгерскими торговыми агентами.

Возвращаясь к личности короля Карла и той роли, которую его немецкое происхождение играет в направлении внешней политики Румынии, считаю долгом отметить одну ноту, которая до сих пор осталась у него, несмотря на его 72 года, крайне чувствительной. Это — воспоминания событий войны 1878 г., когда он сражался в рядах русской армии против общего врага. Если последовавшие после войны события Берлинского конгресса оставили в нем весьма тягостные воспоминания, то сама война и отношение к нему императора Александра II, а также русских военачальников составляют одну из любимых, если не самую любимую страницу жизни этого монарха, которая навсегда осталась звеном между ним и Россией.

Примите и пр.

Шебеко.

№ 693. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 130. 17/4 сентября 1912 г.

Дополнение к моей телеграмме № 129 [2].

По отправлении этой телеграммы я виделся с Тошевым и вновь представил ему серьезные опасности войны с Турцией, к участию в которой болгары настойчиво приглашают сербов. Я сослался на то, что посетивший меня Пашич не мог скрыть крайней тревоги перед таковой перспективой, ясно свидетельствующей о неуверенности сербов, на помощь коих рассчитывает Болгария, в успешном исходе предприятия, и не мудрено, добавил я, ибо

---

[1] Указанная статья напечатана в газете «Новое время» № 13089 от 2 сент./20 авг.
[2] См. № 685.

сам председатель совета сознался мне в том, что сербам для боевой готовности необходим по крайней мере годовой срок и что во всяком случае, при нынешних обстоятельствах, ввиду вероятного вмешательства Австрии, Сербия могла бы отрядить на турецкий военный театр не больше трети своей армии. По словам Тошева, изложенные доводы могут произвести отрезвляющее впечатление в Софии, и он обещал в этом смысле телеграфировать Гешову.

Гартвиг.

№ 694. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

'/. Телеграмма № 145. 17/4 сентября 1912 г.

Посетивший меня турецкий поверенный в делах сделал мне формальное заявление, что при взятии вчера малиссорами племени груди пограничных с Черногорией турецких укреплений Омербожович гарнизону последнего были нанесены огнестрельные раны черногорским оружием и что вообще у турок имеются неопровержимые доказательства участия черногорцев в продолжающемся малиссорском мятеже. Такое же заявление Халил-бей сделал и австрийскому посланнику. Я ответил, что черногорское правительство категорически заявило о своем намерении воздерживаться от активных действий против Турции и что в боях, вероятно, участвуют лишь черногорцы, самовольно перешедшие границу, уследить за которыми королевскому правительству крайне затруднительно. Имея, однако, собранные под рукой и подтверждаемые нашим военным агентом, а равно и управляющим российским консульством в Скутари сведения о широкой поддержке черногорским правительством малиссорского мятежа оружием и людьми [1], я сегодня вновь указал черногорскому министру иностранных дел на опасность для Черногории такого образа действий после неоднократных представлений держав и данных самим же королевским правительством мирных заверений. Министр отговорился трудностью уследить за пограничным населением и заявил, что правительством приняты все зависящие от него меры к сохранению порядка на границе. Полагаю вместе с нашим военным агентом, что Черногория искусственно поддерживает брожение в Северной Албании, рассчитывая, в случае дальнейшего неполучения ответа великих держав на ходатайство об их вмешательстве в дело улажения черногорско-турецких пограничных недоразумений [2], своим образом действия вызвать турок на нападение и, опираясь на обещанную поддержку болгар и греков [3], перейти к активным действиям против Турции, на что здесь, видимо, решились, несмотря ни на какие увещания и советы благоразумия. По словам генерала Потапова, военные приготовления Черногории возобновились в форме перемещения военных материалов к границам.

Обнорский.

---

[1] Тел. от 15/2 сент. за № 924 Потапов сообщал в отдел ген.-кварт. главного управления ген. штаба, что к востоку от Подгорицы между турками и албанцами «возобновились ожесточенные столкновения, в которых, несомненно, участвуют черногорцы, помогающие албанцам также большим количеством оружия».

Тел. от 18/5 сент. за № 675 М. Гирс сообщал Сазонову, со слов турец. м-ра ин. дел, что в рядах восставших малиссоров встречаются черногорцы и среди захваченных ружей попадаются и черногорские. «Требования малиссоров, — указывал Гирс, — автономного свойства и навеяны им, насколько, повидимому, министр предполагает, извне».

[2] См. № 446.

[3] Ср. №№ 668 и 669.

№ 695. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 674. 17/4 сентября 1912 г.
Личная.

Вчера совет министров отклонил итальянские контрпредложения [1]. Считая их (не) приемлемыми с точки зрения оттоманской государственности, совет не нашел возможным согласиться на них, опасаясь за вероятное их влияние на престиж халифата. По словам министра иностранных дел, соблюдение неприкосновенности последнего гораздо важнее для Оттоманской империи, чем даже сохранение полноты административных прав на Македонию. Поступившие во время байрама поздравления, приветствия, адреса — все заканчивались требованием не уступать африканских вилайетов и тем ввели в переговоры новое осложнение. Некоторые из них сопровождались угрозами избрания нового духовного главы. Как на очаг такой пропаганды министр указал на Египет. Ввиду этого совет просит итальянское правительство принять во внимание безвыходное положение Турции и, не разрывая переговоров, вновь рассмотреть турецкие предложения. Инженер Ногара опасается, что Норадунгиан не уклоняется от истины и что едва ли удастся преодолеть трудность найти примирительную формулу, единственно могущую удовлетворить столь противоположные требования; по словам Ногара, в Риме не отдают, будто бы, себе достаточного отчета в таковой трудности.

Гирс.

№ 696. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 780. 17/4 сентября 1912 г.

Заем.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 760 [2].

На заявленные ему английским посланником от имени великобританского правительства возражения против заключения займа у банка Ллойда, Юань Ши-кай ответил, что таковое последовало по его уполномочию и что в свое время министр финансов предупредил Консорциум, что китайцы будут вынуждены заключить заем на стороне [3]; что теперешнее китайское правительство крайне нуждается в денежных средствах, которые оно не может получить от Консорциума ввиду поставленных последним условий, и оно готово взять деньги от всякого, кто их ему предложит. По полученным здесь сегодня известиям, заем у банка Ллойда, считавшийся было провалившимся, — что косвенно подтвердилось новым частным обращением министра

[1] В делах б. м-ва ин. дел не обнаружено сведений о содержании итал. контрпредложения. В «Новом времени» от 17/4 сент. за № 13104 опубликована следующая телеграмма из Вены: «Correspondenz Bureau телеграфирует из Константинополя: По сведениям, полученным из достоверного источника, последнее предложение Италии заключалось в том, чтобы Порта, объявив Ливию независимой, признала себя таким образом незаинтересованной в этой провинции, после чего Италия вошла бы в самостоятельное соглашение с туземцами. Говорят, что Порта нашла это предложение неприемлемым».

[2] Тел. от 12 сент./30 авг. за № 760 В. Крупенский сообщал: «Гарантией займа, заключенного в Лондоне у Ллойд-банка при участии, как утверждают, американских и французских капиталистов, служат свободные остатки доходов соляной монополии и налоги на переход имущества из одних рук в другие. Английский посланник получил из Лондона инструкцию заявить китайцам, что английское правительство неодобрительно относится к этому займу, и протестовать против его заключения, как нарушающего принятые Китаем по отношению к Консорциуму обязательства. Английский посланник затрудняется, однако, формулировать таким образом свой протест, не считая указанное Лондоном основание соответствующим действительному положению вещей».

[3] Ср. ч. I, стр. 357, прим. 1.

финансов к группам чрез посредство Одагири [1], — как будто имеет еще полную возможность состояться [2].

Крупенский.

№ 697. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

18/5 сентября 1912 г.

Le Gouvernement impérial a été également saisi par le Gouvernement persan à propos de l'augmentation jusqu'à £ 200 000 de l'avance dont il est question dans l'aide-mémoire de l'ambassade britannique en date du 14/1 septembre 1912 [3].

Le Gouvernement impérial se voit, à son regret, dans l'impossibilité d'accéder à la demande du Gouvernement persan avant que ce dernier ne consente à régler la question d'une concession en faveur de la Société des routes carrossables de Djoulfa — Tauris et Enzéli — Téhéran pour la transformation de la première de ces routes en chemin de fer. Dès que le Gouvernement persan aura informé par écrit la légation impériale à Téhéran de ce qu'il accorde en principe à ladite Société la concession en question, en remettant le règlement des détails à plus tard, le Gouvernement impérial ne manquera pas de prendre en considération la demande au sujet de l'avance [4].

Перевод.

Шахское правительство обратилось также и к императорскому правительству с просьбой об увеличении до 200 000 ф. ст. аванса, о котором идет речь в памятной записке британского посольства от 14/1 сентября 1912 г.

Императорское правительство, к сожалению, не считает для себя возможным согласиться на просьбу персидского правительства, пока последнее не согласится урегулировать вопрос о концессии в пользу Общества по строительству проезжих дорог Джульфа — Тавриз и Энзели — Тегеран на превращение первой из них в железную дорогу. Как только персидское правительство письменно сообщит императорской миссии в Тегеране, что оно в принципе согласно дать упомянутой компании концессию, о которой идет речь, отложив урегулирование подробностей на более позднее время, — императорское правительство не преминет принять во внимание просьбу касательно аванса.

№ 698. Министр иностранных дел посланникам в Софии и Белграде — Неклюдову и Гартвигу.

Телеграмма № 1840 [5]. 18/5 сентября 1912 г.

Сообщается в Вену и Константинополь.

Благоволите сделать правительству, при коем вы аккредитованы, следующее доверительное сообщение.

---

[1] 14/1 сент. Гойер телеграфировал правлению Русско-Азиатского банка в Петербурге: «Министр финансов уведомил Одагири, что он телеграфировал в Лондон распоряжение аннулировать контракт с Ллойд-банком. Он желает возобновить переговоры с группами» (ср. стр. 192, прим. 2).

[2] Публикуемая тел. была передана Нератовым в Лондон и Париж 19/6 сент. за № 1844 (№ 2) (опубл. Stieve, II, S. 254, N 434).

[3] В пам. записке от 14/1 сент. Бьюкенен сообщил Сазонову об обращении перс. прав-ва к росс. и англ. представителям в Тегеране с заявлением, что аванс в 50 000 ф. ст. не может удовлетворить перс. прав-во и потому оно ходатайствует о предоставлении ему аванса в 200 000 ф. ст. По словам перс. прав-ва, эта сумма ему нужна на покрытие расходов по содержанию жандармерии, полиции в Тегеране и войск, действующих против Салара, а также на покупку оружия и реорганизацию армии. Грей просил Бьюкенена узнать точку зрения Сазонова на этот вопрос. Об этом ходатайстве перс. прав-ва Сазонов был извещен также Саблиным в тел. от 13 сент./31 авг. за № 741. Тел. от 15/2 сент. за № 1812 Сазонов поручил Саблину сделать перс. прав-ву заявление в смысле публикуемого документа.

[4] В тел. от 21/8 сент. за № 753 Поклевский сообщил, что «Тоунлей предложил великобританскому правительству обусловить выдачу испрашиваемого персами более крупного аванса предоставлением английскому синдикату концессии на железную дорогу Мохаммера — Хорремабад».

[5] Лит. копия. Опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 23.

Императорское правительство в свое время с полным сочувствием отнеслось к соглашению между Сербией и Болгарией, горячо приветствуя прекращение братоубийственной борьбы между двумя славянскими народами.

Не желая тормозить осуществление такого сближения, мы сочли возможным не возражать против упоминания в сообщенном нам акте имени России, как верховного арбитра в могущих возникнуть разногласиях. Те же соображения побудили нас обойти молчанием некоторые другие статьи, хотя и внушавшие нам серьезные сомнения.

Полагая, что сближение между обоими славянскими народами будет тем искреннее, чем меньше будет проявлено какое-либо давление со стороны, мы с самого начала не переставали смотреть на сербо-болгарское соглашение лишь как на акт взаимной обороны и признания обоюдных интересов.

Если же теперь, вопреки настойчивым нашим предостережениям, оба государства решат использовать свое соглашение в целях совместного наступления на Турцию, грозящего подвергнуть гибельному испытанию их целость и независимость, то мы считаем долгом предупредить их с беспощадной откровенностью, что в этом случае нами будет руководить только забота о прямых и непосредственных интересах России.

Сазонов.

№ 699. Министр иностранных дел поверенному в делах в Цетинье Обнорскому.

·/. Телеграмма № 1841 [1]. 18/5 сентября 1912 г.

Сообщается в Вену, Софию и Константинополь.

Генерал Потапов телеграфирует военному министерству, что между Черногорией и Болгарией заключена военная конвенция, посланная в Софию на утверждение. Обе стороны обязуются начать войну всеми силами, Черногория не позже [28] 15 сентября, Болгария через месяц после нее, причем Болгария обязуется уплачивать Черногории по семьсот тысяч за каждый месяц войны. Неполная готовность Болгарии может вызвать некоторую отсрочку [2].

Благоволите проверить, насколько достоверны эти сведения. Вы могли бы, не обнаруживая их источника и точного характера, обратить внимание короля на ту личную ответственность, которую он принял бы на себя, если бы согласился на роль застрельщика в балканской войне, вручив судьбу своей страны решениям, исходящим из Софии.

Сазонов.

№ 700. Министр иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 913. 18/5 сентября 1912 г.
Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Прилагаемой при сем в копии секретной телеграммой № 737 [3] посланник в Пекине донес о некотором разногласии, которое возникло между французским поверенным в делах в Пекине и прибывшим туда директором банка «Crédit Lyonnais» Бонзоном. Первый из них считает возможным не

[1] Лит. копия.

[2] Об этом Потапов сообщил в отдел ген.-кварт. главного управления ген. штаба 16/3 сент. тел. за № 925 (опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 22). Кроме изложенного в публикуемом документе, Потапов сообщал, что «Сербию решено уведомить о союзе с Болгарией и о намерении начать войну как о совершившемся факте».

[3] См. стр. 162, прим. 2.

настаивать на поручении иностранцам, в связи с проектируемым китайским реорганизационным займом, заведывания всем управлением соляной монополией в Китае, удовольствовавшись установлением иностранного контроля за взиманием соляного налога лишь в приморских провинциях. Г. Бонзон, напротив, является сторонником постановки Китаю наиболее тяжелых условий займа и, в частности, поручения иностранцам преобразования соляной монополии во всем Китае.

Я счел долгом запросить по этому поводу мнение французского правительства, которое, как явствует из прилагаемой ответной телеграммы нашего посла в Париже от [12 сентября] 30 минувшего августа, № 189 [1], считает необходимым установить с самого начала принцип контроля полностью соляной монополии в Китае.

Поступающие за последнее время сведения указывают на то, что заем китайского правительства у банка Ллойда в 10 млн. ф. ст. не состоится, и сказанное правительство возобновило переговоры с Шестерным консорциумом [2]. Ввиду сего, является желательным определить наше отношение к преобразованию соляной монополии в Китае. Мне представляется вообще желательным оказать нашу поддержку той группе входящих в состав Консорциума французских банков, которая объединяется вокруг «Crédit Lyonnais» и выразителем мнений которой является г. Бонзон. Эти банки, без участия которых Консорциум, как можно предполагать, утратил бы свое теперешнее значение, будут служить для нас противовесом далеко не всегда согласным с нашими интересами стремлениям других национальных групп Консорциума и сочувствующего им Индо-Китайского банка. Вообще, мне кажется желательным содействовать созданию руководящей роли французов в Консорциуме, ибо это дало бы нам более возможности влиять на направление его деятельности. Если же, благодаря розни, которая была бы внесена этим в его ряды, Консорциум распадется, то такой оборот дела был бы для нас еще более удобным.

Передавая вышеизложенные соображения вашему высокопревосходительству, покорнейше прошу вас сообщить мне ваше заключение по возбужденному д. с. с. Крупенским в его упомянутой телеграмме № 737 вопросу о направлении, которого он должен держаться при объяснениях относительно иностранного контроля в преобразовании китайской соляной монополии [3].

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 701. Министр иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 996. 18/5 сентября 1912 г.
Секретно. Срочно.

М. г. Владимир Николаевич,

Спешу уведомить ваше высокопревосходительство, что, присоединяясь вполне к высказанному вами в секретном письме от [17] 4 сего сентября

---

[1] См. № 671.

[2] См. стр. 218, прим. 1.

[3] В письме от 25—26/12—13 сент. за № 843 на имя Нератова Коковцов высказал полное согласие со взглядами Сазонова, изложенными в публикуемом письме.

28/15 сент. за № 1948 Нератов телеграфировал В. Крупенскому, что он одобряет поддержку, оказанную последним Бонзону, и считает нужным «стремиться к усилению французского влияния в Консорциуме, так как это даст нам возможность более влиять на его деятельность». «Что касается соляной монополии, — сообщал Нератов, — то мы находим предпочтительным настаивать на ее преобразовании и подчинении руководству иностранцев во всем Китае».

за № 814 [1] мнению, я вместе с сим поручил послу нашему в Париже [2] принять все зависящие меры, чтобы побудить правительство Республики использовать свое влияние на французскую группу банкиров, участвующих в Багдадском ж.-д. предприятии, с целью помешать осуществлению предложенной им немецким банком комбинации [3]. Я считал бы также весьма целесообразным, чтобы ваше высокопревосходительство воздействовали непосредственно на означенных банкиров при посредстве имеющихся у вас в парижских финансовых кругах связей.

Что касается ваших соображений относительно нашего права уклониться от постройки Ханекен-Тегеранской ж. д. до полного окончания части Багдадской магистрали от Конии до Багдада, то они вполне совпадают с тем, что̀ я имел честь изложить вам устно при последнем нашем свидании и что̀ я имел намерение заявить германскому правительству в случае предъявления им нам требования о выполнении нашего обязательства после постройки лишь участка Багдад — Садидже — Ханекен.

В заключение считаю долгом привлечь внимание вашего высокопревосходительства на затронутый в записке г. Рафаловича вопрос о компенсации, которую необходимо было бы предоставить французам взамен отказа с их стороны от предлагаемого им участия в Багдадской дороге. Г. Рафалович, как вам известно, думает, что французы удовлетворились бы быстрым приступом к постройке линии Астара — Тегеран, с предоставлением им, т. е. группе Багдадской дороги, заинтересованной и в «Société d'Études» Трансперсидской дороги, участия в означенном деле. Другой компенсацией он считал бы ускорение сооружения линии Самсун — Сивас — Эрзингян — Харпут. Я был бы весьма обязан, если бы вы и по этому вопросу почтили меня своим заключением [4].

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 702. Посол в Риме министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 90 [5]. 18/5 сентября 1912 г.

Маркиз ди Сан-Джулиано мне сказал, что, ввиду благоприятного оборота, который приняли, как кажется, переговоры о мире, дружественные советы одной или нескольких держав Порте могли бы способствовать их безотлагательному окончанию. Итальянским делегатам поручено еще раз самым категорическим образом уверить турецких делегатов, что в вопросе о суверенитете уступки невозможны.

Крупенский.

---

[1] В деле П. ст. 4464 имеется записка от 18/5 сент., в которой указано, что письмо Коковцова от 17/4 сент. за № 814 и письмо Извольского от 12 сент./30 авг. были взяты с собой Сазоновым при его поездке в Англию. Письма Коковцова и Извольского в делах б. м-ва ин. дел не обнаружены.

[2] Сазонов имеет в виду свою тел. от 17/4 сент. за № 1824, содержание которой исчерпывается публикуемым документом.

[3] Ср. № 642.

[4] В письме от 22/9 сент. за № 828 Коковцов, ссылаясь на публикуемый документ, сообщил Нератову, что он также сносится с парижскими банкирами с целью добиться отклонения ими герм. предложений. Коковцов сообщал, что он не имеет дополнительных данных по поводу предлагаемых Рафаловичем компенсаций франц. банкирам, но так как указанная франц. группа капиталистов входит в состав «Société d'Études» Трансперсидской дороги, «то само собой разумеется, что как только вопрос о Трансперсидской дороге будет разрешен, французы примут участие в сооружении указываемого г. Рафаловичем участка этой дороги. В деле же сооружения железных дорог в Малой Азии нами уже принято решение, и дальнейшее направление этого дела зависит всецело от министерства иностранных дел».

[5] Опубл. Siebert, II, S. 446, N 681, где датирована 20/7 сент.

№ 703. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

Письмо. 18/5 сентября 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Ставшее известным в последних числах августа распоряжение французского морского министра о переводе третьей французской эскадры из Бреста в Средиземное море [1] продолжает неослабно волновать здешнее общественное мнение и рассматривается здесь как доказательство солидарности держав Тройственного соглашения и как новый шаг, направленный против Тройственного союза.

По этому поводу многие газеты возвращаются к вопросу о русско-французской морской конвенции; лишь немногие, ссылаясь на вторичные разъяснения, данные начальником нашего морского штаба петербургскому корреспонденту «Berliner Lokal-Anzeiger», говорят, что Россия не была предуведомлена о последней франко-английской морской комбинации, приведшей к переводу третьей эскадры; большинство же органов печати, в том числе и все те, которые инспирируются здешним министерством иностранных дел, высказывают убеждение, что мера г. Делькассе была принята по совещании с императорским правительством и с его одобрения.

В статьях самых последних дней по этому вопросу по адресу России звучит очень раздраженный тон, который нельзя объяснить всецело значением перевода части французского флота в Тулон, а следует частью отнести и на иные причины, а именно — присутствие русского великого князя на французских больших маневрах [2] и слухи о предполагавшейся встрече в датских водах русских и английских военных судов. Вся обстановка нынешнего пребывания во Франции великого князя Николая Николаевича, обмен речей на маневрах, поездка его высочества к франко-прусской границе, осмотр крепости Туль и передовой 39-й дивизии произвели здесь свое впечатление. В слухах же относительно возможности встречи русского и английского флотов у берегов Дании подозрительность некоторых здешних газет увидела опасность новой русско-англо-датской комбинации, направленной против Германии; впрочем, на эти подозрения сочувственно к нам настроенные «Hamburger Nachrichten» ответили статьей, доказывающей неосновательность оных.

Ярким выражением господствующего здесь в настоящий момент раздражения, а также и недоверчивого отношения к России является телеграмма берлинского корреспондента «Frankfurter Zeitung» от 16/3 сего сентября, в газетной вырезке прилагаемая у сего на благовоззрение вашего высокопревосходительства [3]. Кроме содержания этой телеграммы, характерно то, что она передана была телеграфным агентством Вольфа ранее, нежели появилась в самой «Frankfurter Zeitung»; из этого явствует не только, что телеграмма была инспирирована здешним министерством иностранных дел, но что в расчеты последнего входило именно сделать известным, что сообщение исходит от Wilhelmstrasse; 17/4 сентября оно появилось на первых страницах всех берлинских газет на несколько часов ранее его появления во франкфуртской газете, которой оно, якобы, было адресовано, и вызвало много комментариев. Сообщение является отповедью на статьи «Temps» и «Journal des Débats» по поводу предполагаемых целей усиления французского флота в Средиземном море, а также влияния этого усиления на удержание Италии в соглашении с Францией по вопросам,

---

[1] Ср. № 785.

[2] См. № 788.

[3] Содержание тел., напечатанной в берлинских газетах под заголовком «По поводу нового положения в Средиземном море», в основном изложено в публикуемом документе.

связанным с бассейном Средиземного моря; оно резко возражает против, по его словам, обычного теперь во Франции и в Англии рассматривания каждой военной или морской меры, как направленной против известной группы держав, и указывает на опасность подобной тенденции, не могущей в конце концов остаться без отклика; мнение Германии об итальянском флоте к тому же не сходится с мнением помянутых французских органов, забывающих, повидимому, что у Франции, кроме морских границ, есть еще и сухопутные. «Странно, — заканчивает телеграмма, — что этот вызывающий тон французских газет обнаруживается именно со времени С.-Петербургского визита г. Пуанкаре» [1].

Следует отметить, что одновременно с подобными резкими выпадами замечается стремление уменьшить военное значение меры, принятой г. Делькассе: так, ряд статей специалистов морских офицеров доказывает устарелость переводимых в Средиземное море французских судов и силится преувеличить значение австро-итальянского флота.

Вместе с тем, здесь с крайним нетерпением ждут, как выразится отношение итальянского общественного мнения ко всему этому вопросу; немецкие газеты надеются, что Италия сознает грядущую опасность, и говорят, что не было более подходящего момента для укрепления и развития Тройственного союза: Италии теперь прощаются все ее недавние «заблуждения», все «Extratouren», протанцованные не с союзниками.

Примите и пр.

А. Броневский.

№ 704. Посланник в Копенгагене товарищу министра иностранных дел Нератову.

⁒. Депеша № 43. 18/5 сентября 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Сегодня, 18/5 сентября, прибыла в Копенгаген под начальством контр-адмирала Бэли английская эскадра, состоящая из броненосных судов: «Lion», «Indefatigable», «Inflexible» и «Invincible». Крейсер «Liverpool» еще раньше прибыл на рейд, сопровождая королевскую яхту «Victoria and Albert».

Уход этой эскадры в Балтийское море и ожидаемый приход русской эскадры в Копенгаген [2] дали английской газете «Observer» повод пустить сенсационный слух о заключении союза между Россией, Англией и Данией. Несмотря на очевидную неправдоподобность этого известия, оно было тем не менее подхвачено некоторыми иностранными органами печати, в том числе и германскими, которые вывели из него ряд неосновательных заключений. Это обстоятельство побудило датского председателя совета министров К. Бернтсена заявить представителю агентства Рицау, что его кабинет, как и все его предшественники, придерживается политики строгого нейтралитета и что Дания не вступала ни в какие союзы.

Считая долгом довести о вышеизложенном до сведения вашего превосходительства, пользуюсь случаем и пр.

Буксгевден.

---

[1] См. ч. I, стр. 447, прим. 1.

[2] 21/8 сент. морской м-р Григорович сообщил Николаю II, что в этот день «командующий морскими силами Балтийского флота с балтийской эскадрой в составе четырех линейных кораблей, шести крейсеров, двух заградителей, учебным судном «Океан» и шестнадцатью миноносцами вышел в Данию».

В депеше от 30/17 сент. за № 44 посланник в Копенгагене Буксгевден подробно писал Нератову о приеме, оказанном в Дании росс. эскадре, прибывшей туда 25/12 сент. На этой депеше имеется помета Николая II: «Поблагодарить от моего имени датское правительство за любезный прием эскадры». Спала, 13 окт./30 сент.

№ 705. Поверенный в делах в Афинах министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 53. 18/5 сентября 1912 г.
Срочно.

Министр иностранных дел просил сегодня срочно предупредить ваше превосходительство, что кандидатура королевича Андрея на пост верховного комиссара [1], коей может быть оказана поддержка в Петербурге, с точки зрения как греческого правительства, так и критян совершенно недопустима и что проведение ее вызвало бы немедленную отставку Венизелоса [2]. Наоборот, правительство берется гарантировать порядок на Крите и в Греции в случае назначения королем временного комиссара, каковое не встретило бы особых препятствий в Константинополе. Такой комиссар имел бы задачей смену революционного критского правительства законным, с коим державы могли бы завязать прочные сношения, и был бы назначен для этой цели лишь временно. Назначение комиссара должно, по мнению министра, состояться одновременно с открытием палаты или сейчас же после него, а не теперь же, дабы не дать критянам повода думать, что оно служит только мерой к воспрепятствованию им входа в греческий парламент. Министр особенно настаивал на том, что назначение комиссара отнюдь не является шагом к аннексии острова, о коей теперь не может быть и речи.

Урусов.

№ 706. Поверенный в делах в Афинах министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 54. 18/5 сентября 1912 г.

Министр иностранных дел, указывая на нестерпимое положение христиан в Европейской Турции, вынуждающее их к образованию банд или поголовной эмиграции, сообщил мне, что греческое правительство сомневается, чтобы предложение Берхтольда могло принести немедленное облегчение их участи, и предложил поэтому Болгарии совместно ходатайствовать перед императорским правительством о поддержке проекта назначить в вилайетах вали из европейцев, назначаемых султаном с разрешения держав. Такие вали с помощью выборных генеральных советников наблюдали бы за осуществлением реформ, которые были бы гарантированы послами в Константинополе. Эти вали выбирались бы, по мысли министра, из подданных второстепенных европейских держав. Хотя такая реформа и вызвала бы отпор со стороны Порты, но энергичное воздействие на последнюю державу, по мнению министра, особенно необходимо, так как без крайних мер обойтись нельзя, а предлагаемое мероприятие является наименее вызывающим, как избегающее нарушения status quo и исключающее возможность захватных выступлений какого-либо из балканских государств [3].

Урусов.

№ 707. Временно управляющий министерством иностранных дел [4] поверенному в делах в Лондоне Эттеру.

·/. Телеграмма № 1846 [5]. 19/6 сентября 1912 г.

Сообщается в Париж за № 3.

№ 1.

Благоволите осведомиться, справедливо ли сообщаемое Крупенским

---

[1] См. стр. 106, прим. 3.

[2] В тел. от 12 сент./30 авг. за № 90 Шебунин, между прочим, сообщал, что «мысль об обращении к королю, чтобы он прислал на Крит одного из своих сыновей комиссаром, приобретает все более сторонников. Члены правительства деятельно распространяют ее и только крайние венизелосисты высказываются резко против».

[3] Ответ м-ва ин. дел на эту тел. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен.

[4] 18/5 сент. Сазонов выехал за границу, передав управление м-вом ин. дел Нератову.

[5] Опубл. М., стр. 575.

в передаваемой вам за № 2 телеграмме известие, что китайский заем у банка Ллойда может состояться [1].

При этом благоволите напомнить министру иностранных дел ту оппозицию, которую встретил со стороны английского правительства заем, заключенный китайцами у Китайско-Бельгийского банка [2], хотя ни названный банк, ни связанный с ним Русско-Азиатский банк не входили в то время в состав Консорциума для выпуска китайского реорганизационного займа. Нас удивило бы, если бы английское правительство не сумело изыскать мер, чтобы расстроить заем у банка Ллойда, лишающий всякого значения соглашения, поведшие к образованию Шестерного консорциума [3].

Нератов.

№ 708. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

˙/. Телеграмма № 1850 [4]. 19/6 сентября 1912 г.

Сообщается посланнику в Цетинье [5].

Ссылаюсь на телеграмму вашу № 655 [6] и Обнорского № 145 [7].

Несмотря на сделанное вам министром иностранных дел заявление о желании Турции окончить пограничный вопрос с Черногорией утверждением протокола [11 июня] 29 мая, дело это отнюдь не двинулось вперед.

Благоволите вновь указать Порте на необходимость в ее же интересах не медлить осуществлением уже принятого решения.

Только своевременным улажением споров с балканскими соседями и решимостью на серьезные, а не призрачные уступки турки могут надеяться устранить опасность общего движения на Балканах.

Нератов.

№ 709. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

˙/. Телеграмма № 98. 19/6 сентября 1912 г.

Получил № 1827 [8].

Имел разговор со статс-секретарем. Он даст официальный ответ чрез несколько дней, узнав мнение канцлера, а также союзных правительств. Особенно, однако, тревожных известий из Болгарии от германских представителей сюда не поступало. Как личное свое мнение, он высказал, что если революционные комитеты забрали такую силу, что софийское прави-

---

[1] См. № 696.

[2] См. т. XIX; №№ 688 и 754.

[3] В тел. от 19/6 сент. за № 1845 (№ 1) (опубл. М., стр. 575) Нератов просил Извольского обратить внимание франц. прав-ва на этот вопрос и осведомиться, «не предполагает ли оно со своей стороны сделать какие-либо шаги, чтобы помешать осуществлению этого займа».

21/8 сент. за № 190 (опубл. М., стр. 575) Извольский телеграфировал, что по полученным в Париже сведениям «китайское правительство готово расторгнуть сделку с банком Ллойда, но под условием, что Шестерной консорциум выдаст ему соответствующий аванс». Пуанкаре, — сообщал далее Извольский, — считал целесообразным согласиться на эту просьбу и в этом смысле высказался перед представителями франц. группы, «конечно, при условии согласия остальных держав».

[4] Лит. копия.

[5] Тел. от 19/6 сент. А. Гирс сообщил, что он вступил в управление миссией (см. стр. 212, прим. 3).

[6] См. стр. 175, прим. 2.

[7] См. № 694.

[8] См. № 686.

тельство не в состоянии им противустоять, то вряд ли в (Софии) примут в соображение новые шаги держав в Константинополе. Он обратил также внимание, что вот два дня назад, как турецкий посол сообщил здесь о решении Порты распространить льготы, дарованные албанцам, на население других частей Империи [1], чем отнята почва для представлений о реформах в Константинополе. Лично статс-секретарь скорее был бы расположен обсудить меры к локализации конфликта на случай его возникновения; повидимому, он склонен ожидать от подобного шага отрезвляющего влияния на балканские государства [2]. Сообщу министру при проезде.

Броневский.

№ 710. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

Письмо. 19/6 сентября 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В одном из последних номеров «России», — по оплошности почты, к сожалению, не дошедшем до императорского посольства, — напечатана была статья, посвященная спору между Англией и Соединенными Штатами Северной Америки в связи с открытием Панамского канала [3]; в статье этой, между прочим, упрекают либеральную германскую печать в несправедливом отношении к Англии, а именно в желании, чтобы последняя сократила свое судостроительство и тем дала Германии догнать себя как численностью военных судов, так и их тоннажем. Официоз наш высказывается против согласия Англии на подобную уступку Германии, для британского могущества крайне опасную.

Статья эта не осталась со стороны Wilhelmstrasse без возражения, выразившегося в форме телеграммы из Берлина в «Kölnische Zeitung». В ней говорилось, что русский официоз, повидимому, забывает, что Германия никогда не стремилась к установлению с Англией соглашения на основах равенства флотов; что мысль о соответственном ограничении сил обоих флотов заключением договора впервые возникла в Англии, но впоследствии и там была признана невыполнимой. Что касается Германии, то она при всяком случае указывала, что строит свой флот, сообразуясь лишь со своими потребностями, не имея при этом в виду какую-либо другую державу.

Если я позволил себе утруждать внимание вашего высокопревосходительства изложением статьи «России» и официозного же ее здесь опровержения, то лишь потому, что оба появились в неблагоприятный момент, когда здесь не столько ввиду перевода французской эскадры в Средиземное море, сколько благодаря посвященным оному статьям некоторых серьезных французских органов и ряду других причин, затронутых в предшествующем моем письме, — временно господствует атмосфера раздражения [4]. Здесь жалуются на то, что за последнее время французская, английская и наша прессы в оценку каждого очередного события вносят особенно упорное и

[1] Ср. стр. 160, прим. 2.

[2] 18/5 сент. за № 93 Броневский телеграфировал Нератову: «В частной беседе с английским поверенным в делах Кидерлен повторил то, что он мне уже говорил несколько раз, а именно, что он сохраняет весь свой оптимизм по отношению к положению на Балканах. Однако он добавил, что ввиду весьма пессимистических известий, доходящих до него со стороны России и Австрии, он относится сочувственно к предложению вашего превосходительства договориться на тот случай, если советы умеренности, которые, по его мнению, уже достаточно были преподаны балканским странам, не будут приниматься во внимание». Эта тел. была сообщена Броневским Сазонову в тот же день за № 97.

[3] См. № 662.

[4] См. № 703.

яркое противопоставление интересов обеих группировок великих держав. Это отметил сегодня в разговоре со мною и г. Кидерлен-Вехтер: выслушав соображения в пользу преподания державами в Константинополе советов, клонящихся к обеспечению известных прав христианскому населению Македонии и предотвращению войны, г. Кидерлен-Вехтер ответил, что может дать мне официальный ответ, лишь посоветовавшись с канцлером, и добавил вскользь: «et, d'ailleurs, après avoir pris également l'avis de nos alliés, vu que ces derniers temps on a l'air d'accentuer de plus en plus le fait de l'existence de deux groupements de Puissances»[1].

Примите и пр.

А. Броневский.

№ 711. Поверенный в делах в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 55. 19/6 сентября 1912 г.

Балканские дела.

Получил №№ 1830 и 1831[2].

Министр иностранных дел, с коим я объяснился по их содержанию, видимо, будет придерживаться осторожной политики. Не отказываясь от обязательной связи ныне с греко-болгарским соглашением, он, однако, понимает всю опасность, сопряженную с совместным с Болгарией выступлением, на которое Греция решилась бы лишь в случае крушения всяких надежд на улучшение участи турецких христиан путем проведения реформ, подобных упомянутым в моей телеграмме № 54[3].

Урусов.

№ 712. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 676. 19/6 сентября[4] 1912 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 663[5].

При вчерашнем свидании с министром я настаивал на необходимости скорейшего решения турецко-персидского пограничного вопроса согласно нашей ноты [22] 9 августа[6]. Министр ответил, что совет министров не успел еще обсудить этот вопрос, что он, министр, будет докладывать о решении его в нашем смысле, но что он просит об облегчении ему нами этой задачи. Развивая эту мысль, Габриэль-эффенди высказал, что он ищет этого облегчения на экономической почве. Сознавая, что он не может еще требовать от великих держав отказа от капитуляций, поскольку они касаются консульской и судебной деятельности, он желал бы выговорить от них экономическую свободу, столь необходимую для дальнейшего существования Турции, т. е. заключение торговых договоров на основании общеевропейского права. По его словам, Австро-Венгрия условно выразила на это согласие в договоре 1909 г.[7]; таковое же условие будет выговорено при

[1] «и кроме того, посоветовавшись также с нашими союзниками, ввиду того, что за последнее время стремятся все более и более подчеркнуть факт существования двух группировок держав».

[2] См. №№ 689 и 690.

[3] См. № 706.

[4] Оригинал ошибочно датирован 19/6 авг.

[5] В тел. от 10 сент./28 авг. за № 663 М. Гирс сообщал о сделанном накануне турец. м-ром ин. дел заявлении Марлингу, что он «считает вопрос о Мохаммере решенным, равно как и полагает, что вопрос о северном участке будет решен в согласии с нашим желанием».

[6] См. № 536.

[7] Имеется в виду ст. 6-я австро-турец. соглашения, заключенного в К-поле 26/13 февр. 1909 г., после аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины.

*

заключении мира с Италией. Торговым договором 1890 г. Германия условно же приняла три четверти турецких пожеланий. Дело стало, таким образом, за Тройственным согласием, и Турция была бы крайне обязана России, если бы мы, первые из держав Согласия, вступили на этот путь условно же, т. е. при одновременном применении установленных тарифных ставок к провенансам всех держав. Я возразил министру, что не отказываюсь передать его слова вашему высокопревосходительству, но не могу согласиться связывать вопрос об экономической свободе Турции с турецко-персидским пограничным вопросом, в коем мы не требуем от турок никаких уступок, а лишь строгого применения трактатных ее обязательств. Действуя в этом последнем вопросе рука об руку с Англией, мы можем облегчить задачу министра, принимая во внимание интересы Турции в районе между Бане и Мендели, где мы и Англия менее заинтересованы. После некоторого колебания Габриэль-эффенди высказал, что ему неизвестны еще интересы Турции в этом районе и что он изучит этот вопрос. Я вынес впечатление, что Габриэль-эффенди, не без согласия совета министров, стремится извлечь на экономической почве пользу из наших настояний в персидском деле. Позволяю себе высказать мнение, что таковая постановка вопроса была бы возможна лишь при урегулировании всех наших спорных вопросов с Турцией, т. е. как персидского, так и железнодорожного, и касательно претензий русско-подданных. Возможность экономического развития действительно настолько необходима Турции, что какое бы правительство ни стояло здесь у власти, оно всеми средствами будет добиваться ее у Англии и Франции. При этом оно, вероятно, встретит сочувствие последней, судя по деятельности ее здешних представителей. Полагаю, что нам выгоднее итти Турции принципиально навстречу в тот момент, когда мы имеем что выговорить от нее, тем более, что когда она сговорится по этому вопросу со всеми остальными державами, нам поневоле придется дать наше согласие, быть может, дешево продав его и не получив никакой нравственной пользы. В дальнейших моих объяснениях с министром я буду строго придерживаться высказанной мной ему точки зрения, но я усиленно просил бы ваше высокопревосходительство снабдить меня указаниями касательно точки зрения императорского правительства по содержанию поднятого турецким министром вопроса [1].

Гирс.

№ 713. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 69. 19/6 сентября 1912 г.
Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

При последнем посещении мной Порты, министр иностранных дел, придав последовавшему между нами разговору доверительный характер, стал излагать мне программу внутренней и внешней политики, поставленную при образовании нынешнего оттоманского кабинета в основу его деятельности.

По словам Габриэль-эффенди Норадунгиана, программа эта была выработана по его настояниям, и, лишь по скреплении ее всеми членами министерства Гази-Мухтара, он, Габриэль-эффенди, выразил согласие вступить в состав кабинета.

---

[1] Содержание этой беседы Гирса с турец. м-ром ин. дел Нератов передал Сазонову в Лондон тел. от 21/8 сент. за № 1866. Нератов признавал полезным «выяснить взгляд Великобритании и Франции на турецкое домогательство, которое несомненно было заявлено и им».

Откровенность моего собеседника была вызвана желанием убедить меня в решимости правительства не создавать какого-либо привилегированного положения для албанцев в ущерб другим национальностям Оттоманской империи.

Основной пункт внутренней политики министерства устанавливает, будто бы, самым категорическим образом, что правительство не будет допускать никакого различия между мусульманами и не-мусульманами. Развивая эту мысль далее, правительственная программа определяет, что равным образом не будет различия между турками и мусульманами других национальностей.

Таковой принцип должен, по мнению министров, служить гарантией, что правительство не стремится к отуречению всех оттоманских подданных.

Габриэль-эффенди утверждает, что при выработке своей программы министры взяли за образец систему правления Великобритании в Индии. Они были поражены успехом, с коим горсть в сто тысяч человек руководит судьбой четырехсотмиллионного населения.

Преклонение пред Англией вдохновляет, повидимому, вожделения министров и в области внешней политики.

Габриэль-эффенди поведал мне, прося не разглашать его признания, что правительственная программа устанавливает также, что Порта во внешних своих сношениях будет искать сближения с Великобританией.

Это обстоятельство, — добавил министр, — облегчает ему установление дружественных сношений с нами, и он искренне-де радуется отношениям, существующим между державами Тройственного согласия.

Я нисколько не намерен возбуждать сомнения в действительности выработки и скрепления подписями столь много обещающей Турции программы деятельности нынешних ее правителей.

Но на константинопольской арене, более чем где-либо, от благих намерений до проведения их в жизнь — целая пропасть.

К тому же, быть может, никогда еще Турция не была так заражена разлагающими ее миазмами, как в настоящее время.

Я, конечно, не могу брать на себя ответственности предсказывать дальнейшее развитие в ней событий; но полагаю, что я недалек от истины, высказывая мнение, что она крупными шагами идет по пути разложения и что возрождение ее мало вероятно.

Она не обладает государственными людьми, пользующимися достаточным авторитетом в стране для образования сильного правительства и борьбы с разлагающими ее элементами.

По отзыву сторонников старого режима, таковыми могли бы быть Киамиль-паша или Ферид-паша.

Но то обстоятельство, что в переживаемые ныне государством критические минуты они сторонятся от власти, опасаясь ответственности, не говорит в пользу гражданского их мужества.

Примите и пр. М. Гирс.

№ 714. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 70. 19/6 сентября 1912 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Телеграммой от вчерашнего числа за № 675 я имел честь довести до сведения императорского правительства сетования министра иностранных дел на агитацию, поддерживаемую среди албанцев «извне» [1]. По его словам,

[1] См. стр. 216, прим. 1.

местные власти прямо обвиняют католическое духовенство в том, что вместо успокоения малиссоров оно старается внушить им мысль о необходимости требования автономии. Следует отдать справедливость сказанным властям, что они, не стесняясь, высказывают такую уверенность не только в донесениях по начальству, но и на местах. Так, маркграф Паллавичини мне недавно высказывал крайнее свое неудовольствие на скутарийского кади, громогласно указывавшего на католическое духовенство как на орудие австрийской пропаганды. Австрийский посол, как он мне говорил, не заявил в Порте требований об увольнении кади, но предупредил министра иностранных дел, что он не допускает вмешательства этого кади в какие-либо судебные дела, в коих участниками являются австрийские подданные.

Из других источников мне удалось выяснить, что при подписании австро-турецкого соглашения 1909 г. касательно Боснии и Герцеговины Двуединая монархия обязалась воздержаться от всякого вмешательства во внутренние дела Албании. Несколько позже она отказалась от принадлежавшего ей прежде права передачи новоназначенным епископам бератов Порты; с тех пор таковые вручаются им оттоманскими властями непосредственно. Графу Эренталю, будто бы, удалось в продолжение двух лет выполнить принятое им на себя обязательство. Недовольное, однако, стеснением своей деятельности, католическое духовенство добилось вновь путем воздействия венских клерикальных кругов на наследника престола полной своей свободы. Если австрийские консулы и сохраняют, быть может, внешний корректный образ действий, то окружающие их мелкие агенты, учителя и духовенство, не стесняясь, ведут усиленную пропаганду. По словам Бомпара, французские консулы свидетельствуют о том в своих донесениях посольству. Когда нынешним летом, как вашему превосходительству известно из телеграмм нашего вице-консульства в Скутари, вали обратился к архиепископу с просьбой отправиться к малиссорам в целях их увещевания, последний отказался исполнить такую просьбу. Предлогом к отказу он использовал обязательство, данное им бывшему министру внутренних дел Хаджи-Адилю, не вмешиваться в политические вопросы. После повторных настояний вали, архиепископ согласился, наконец, поехать к малиссорам, но только получив от вали письменное приглашение. Оттоманские власти, тем не менее, убеждены, что волнение поддерживается Австрией. Все же весьма вероятно, что после резкого объяснения австрийского посла с великим визирем, скутарийский кади, обвинявший епископа в пропаганде во время поездки к малиссорам, будет перемещен. Не прошла здесь незамеченной и выдача австрийскими консульствами широких пособий учителям и духовным лицам, отправившимся в Вену на эвхаристический конгресс. На это обстоятельство обратили внимание как наши, так и французские консулы.

Я вполне допускаю правдоподобие вышеизложенных данных. Деятельность Австрии значительно облегчается в настоящем случае невозможностью для Турции бороться с ней. Необходимость разрешить ряд стоящих на очереди самых жизненных для существования Оттоманской империи вопросов связывает Порту. Равным образом и Италия, завязшая в Ливии, не в состоянии настаивать на точном выполнении соглашения 1904 г.[1]. Все это открывает для Австрии возможность планомерно осуществлять всегдашнее свое стремление к проникновению в Албанию и прочному утверждению в ней своего исключительного влияния. На основании упомянутых выше источников следует заключить, что Габсбургская монархия не упускает случая воспользоваться благоприятствующими ей обстоятельствами.

Примите и пр.

М. Гирс.

[1] Так в оригинале; повидимому, имеется в виду итало-австрийское соглашение об Албании 1900—1901 гг. (см. ч. I, стр. 28, прим. 3).

№ 715. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 71. 19/6 сентября 1912 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Брожение в пяти вилайетах Восточной Анатолии начинает серьезно озабочивать Порту. Выступления армянской патриархии [1], постановления, вынесенные созванным ею совещанием, убеждают оттоманское правительство, что необходимо предпринять нечто для успокоения умов. С другой стороны, не желая силой водворить порядок в армянских вилайетах, дабы не восстанавливать против себя курдов, или не имея возможности сделать это, Порта изыскала средство разрешения затруднения, которому, во всяком случае, нельзя отказать в своеобразности. [17] 4 сего месяца великий визирь, как явствует из известных вашему превосходительству источников, обратился к министрам финансов и внутренних дел с двумя тезкере. В них Гази-Мухтар сообщает, что совет министров, по тщательном изучении вопроса, пришел к заключению, что смута вызвана главным образом земельными спорами. Ввиду этого совет решил, что наиболее действительным способом умиротворения края явится покупка земель и наделение ими безземельных, а также выкуп у лиц, захвативших участки, и возвращение таковых их бывшим владельцам. Совет министров ассигновал на первый почин этого дела 100 000 турецких лир, и великий визирь предписывает министру финансов изыскать необходимые средства и уведомить правительство, когда они могут быть предоставлены в распоряжение Порты [2].

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 716. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

Телеграмма № 1862. 20/7 сентября 1912 г.

Каль [3] сообщил на основании сведений с Самоса, что критяне выгружают военные припасы на Икарии и направляются через Грецию на этот остров, высадка с которого на Самос не представит трудности ввиду ухода военных судов. Князь просит немедленной присылки оных, так как если Софулис вернется на Самос и высадка критян удастся, то восстание на острове неминуемо [4].

Благоволите уведомить, какие сведения имеет об этом ваш французский сотоварищ.

[Нератов.]

---

[1] Ср. № 648.

[2] В деп. от 23/10 сент. за № 74 М. Гирс сообщал Нератову: «Обещания Порты принять самые серьезные меры для прекращения убийств и грабежей, направленных против армян в восточных вилайетах Турции, не принесли до сих пор никаких осязательных результатов. Положение армянского патриарха стало весьма затруднительным, и безуспешность его энергичных ходатайств перед Портой принудила его уступить настояниям армянской общины и подать в отставку. Это — последнее средство давления на Порту, имеющееся в распоряжении армянского патриарха. На-днях, в частной беседе со мной, министр иностранных дел коснулся слегка армянских дел. Будучи сам армянином, он является горячим заступником армянских интересов в министерском совете. По его словам, он надеется, что принимаемые Портой меры приведут к благоприятным результатам и внесут успокоение среди армянского населения Турции».

[3] Каль — росс. консул в Смирне.

[4] Тел. от 20/7 сент. (без номера) Каль сообщал: «Софулис и 300 инсургентов, прибыв с Икарии, высадились ночью в Карловаси на Самосе. 200 приверженцев присоединились к нему».

№ 717. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

·/. Телеграмма № 1864. 20/7 сентября 1912 г.

В беседе с нашим бывшим посланником в Афинах, греческий король отстаивал мысль о предоставлении ему права назначить на Крит временного комиссара с определенным поручением распустить нынешнее революционное собрание и подготовить выборы в новую палату [1]. По сформированию нового законного правительства, комиссар, сложив полномочия, вернулся бы в Афины. Получив законное правительство, критяне, по убеждению короля, отказались бы от посылки депутатов в Афины. Помешать же критским депутатам проникнуть в афинскую палату греческое правительство едва ли окажется в силах.

Благоволите осведомить нас, насколько можно считать в настоящее время почву в Константинополе благоприятной для возможного удовлетворения этого пожелания короля, разделяемого, повидимому, Венизелосом. Не пойдет ли Порта ему навстречу, исходя из сознания о возможности предотвратить общие осложнения только серьезными уступками отдельным балканским государствам [2].

Нератов.

№ 718. Поверенный в делах в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 68. 20/7 сентября 1912 г.

Получил телеграммы №№ 1827 и 1829 [3].

Сообщил их содержание министру иностранных дел, который поручил мне передать вашему превосходительству выражения живейшего его удовлетворения по поводу нашего желания установить согласованность взглядов с венским кабинетом. Он готов содействовать нам во всем, что имеет целью предотвращение войны и сохранение неприкосновенности Турции и status quo на Балканах. Относительно предлагаемого нами воздействия на Турцию он высказал сомнение в целесообразности такового, а особенно если в нем не будут участвовать все великие державы. Впрочем, он обещал еще обдумать предложение. Свой ответ он сообщит чрез австрийского поверенного в делах в Петербурге.

Кудашев.

№ 719. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 113. 20/7 сентября 1912 г.

Копия сообщена в Лондон Сазонову.

Получил телеграмму № 1840 [4].

Прочитал ее содержание Гешову. Он ответил мне почти дословно следующее: «Положение кабинета безвыходное. Турки без властного давления держав ничего не сделают для успокоения национального чувства болгар. Напротив того, виновники резни в Кочане 50 дней тому назад не были даже

---

[1] См. № 423.

[2] В тел. от 28/15 сент. за № 723 М. Гирс ответил, что, по его мнению, Порта «помирилась бы фактически с назначением комиссара державами-покровительницами», но «воспротивилась бы предварительному запросу греческого короля, если бы этот запрос вошел официальным образом в процедуру назначения нами комиссара. Против же прямого назначения последнего греческим королем она энергично восстала бы».

[3] См. №№ 686 и 688.

[4] См. № 698.

еще судимы. Важное требование даровать христианам Македонии право отбывать воинскую повинность на местах отклонено: это право даруется лишь албанцам; в Битоли назначен валием албанец. Россия, коей убежденные сторонники составляют нынешний кабинет, останавливает их самым решительным образом, но в то же время не считает возможным вызвать энергическое давление держав на Порту и не указывает срока отчаянно тяжелым усилиям короля и кабинета удержать Болгарию от войны. Болгария одна не двинется. Но отказ других балканских государств поддержать ее, в случае выступления, поведет неминуемо к падению нынешнего кабинета и после того к расторжению соглашения с Сербией».

Гешов в заключение спросил меня, неужели Россия останется непреклонной противницей выступления, даже если выступят все балканские государства. Я ответил, что не имею никаких сомнений на этот счет и что если императорское правительство так решительно предупреждает эти государства, то значит на это имеются самые веские и неустранимые основания.

Мои впечатления следующие: что̀ бы ни говорил мне Гешов, кабинет твердо решил, в ту минуту, когда ему придется выбирать между отставкой или выступлением в союзе с Сербией и другими, остаться у власти и объявить мобилизацию. Если наши последние решительнейшие настояния в Белграде и Цетинье [1] не увенчаются немедленным успехом, то болгары ускорят события, чтобы избежать нового давления. Если же Сербия и Черногория откажут им в помощи, то кабинет Гешова и Данева падет и мир будет пока обеспечен, но не надолго, ибо тогда здесь откроется широкое поле для всяких политических приключений и неожиданностей внешних и внутренних. Шумленские маневры сокращены на два дня [2], но король оттуда проедет дня на три отдохнуть в Евксиноград.

Если мобилизация будет объявлена, то не раньше [3 октября] 20 сентября и не позже [28] 15 октября.

Неклюдов.

№ 720. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 114 [3]. 20/7 сентября 1912 г.

Считая вооруженное выступление Болгарии почти неотвратимым и притом в самом близком будущем, беру на себя смелость высказать следующее мое убеждение: если бы мы считали недопустимым, и в смысле охранения мира России опасным, бомбардирование Варны и Бургаса оттоманским флотом, высадку турецких отрядов и опустошение второстепенных мест болгарского берега, возможное прервание кабеля Одесса — Варна и прекращение сношений наших с Болгарией, — то наш Черноморский флот должен быть готов к выходу не позже как через две недели. Повторяю мысль мою, изложенную в письме моем от [6 сентября] 24 августа [4], о возможности нашего заявления, что Россия не потерпит нарушения спокойствия на всем западном прибрежьи Черного моря. Весьма вероятно, что Порта внемлет нашим настояниям не впускать своего флота в Черное море; но, чтобы требование это имело успех, необходимо туркам и Европе знать, что флот наш готов и может взять десант.

Неклюдов.

---

[1] См. № 690.
[2] См. № 682.
[3] Опубл. Siebert, II, S. 446, N 682.
[4] См. № 637.

№ 721. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 115 [1]. 20/7 сентября 1912 г.

Копия в Лондон Сазонову.

Получил телеграмму № 1841 [2].

На вопрос мой о военной конвенции между Болгарией и Черногорией Гешов отвечал уклончиво, а именно, что болгарское правительство «получило определенные предложения от короля Николая», но еще не согласилось на них окончательно.

Я уверен, однако, что военная конвенция готова, если еще и не подписана. Разрастающееся, повидимому, восстание малиссоров служит доказательством, что Черногория [3] подготовила возможность своего выступления в самый непродолжительный срок [4].

Неклюдов.

№ 722. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 116 [5]. 20/7 сентября 1912 г.

Здесь пробыл шесть дней и вернулся в Белград посланец «Нового времени» Табурно. Он рассказал Гешову, будто бы государь император, приняв недавно Михаила Суворина, соизволил сказать ему, между прочим, что Россия ни при каких обстоятельствах не потерпит вступления австрийских войск в Сербию. Я убедительно просил Гешова верить моим заявлениям, основанным на категорических указаниях императорского министерства, а не тем или иным рассказам Табурно. Но я уверен, что последний сделал здесь свое дело.

Неклюдов.

«Неправда» [6].

Беловеж, [27] 14 сентября 1912 г.

№ 723. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 134. 20/7 сентября 1912 г.

Получил обе телеграммы от [17] 4 сентября [7].

Я передал Пашичу в форме памятной записки содержание означенных телеграмм, подкрепив на словах заключающиеся в них предостережения императорского правительства и отметив все гибельные последствия, к которым неминуемо поведет активное выступление Сербии даже в союзе с другими балканскими государствами. Пашич представит по сему поводу доклад королю и совету министров. Он отправит соответственные инструкции сербскому посланнику в Софии и обещает весьма серьезно переговорить с здешним болгарским представителем. Лично Пашича, конечно, не

[1] Опубл. Siebert, II, S. 447, N 683.

[2] См. № 699.

[3] У Siebert'а: «Болгария».

[4] Тел. от 21/8 сент. за № 933 Потапов сообщил в отдел ген.-кварт. главного управления ген. штаба, что, по полученным сведениям, «Болгария воздержится от совместного выступления с Черногорией впредь до приобретения уверенности в соответствующем образе действий Сербии».

[5] Царск. экз.

[6] Помета Николая II относится к словам: «Россия ни при каких... в Сербию». Об этой помете Нератов известил Неклюдова тел. от 29/16 сент. за № 1962.

[7] См. №№ 689 и 690.

приходится убеждать, ибо он, более чем кто-либо, сознает риск борьбы славян против Турции и Австрии без поддержки России и совершенно искренне работает в целях умиротворения. Но его особенно пугает мысль, что правительство не устоит против все расширяющейся воинственной волны в среде некоторых общественных и политических кругов, откуда уже раздаются по адресу преданной России старорадикальной партии возгласы «изменники». В последнее время поддерживается слух, что инициативу в выступлении возьмет на себя Черногория, подстрекаемая Австрией, которой будет на-руку иметь предлог для занятия Санджака. Такие слухи, коим дают подтверждение неосторожные заявления здешнего австро-венгерского военного агента, только усиливают здесь вооружения.

Гартвиг.

№ 724. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 149. 20/7 сентября 1912 г.

Получил телеграммы №№ 1830, 1831 и 1841 [1].

Предписание исполнил. Ручаться за то, что Черногория согласится определенно предупредить Болгарию о своем отказе следовать за нею, не могу, но полагаю, что, ознакомившись из моих разъяснений с действительным положением дел в данную минуту и с нашим отношением к вопросу, черногорское правительство едва ли решится взять на себя почин выступления против Турции. Вопрос о заключении якобы ими с болгарами конвенции имеет ведь значение лишь второстепенное, ибо я не сомневаюсь, что если Болгария сама двинется против Турции, Черногория последует за нею стихийно, безотносительно к субсидии.

Гирс.

№ 725. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

*/. Телеграмма № 1865. 21/8 сентября 1912 г.

Сообщается в Париж.

Ссылаюсь на депешу Свечина от [8 января 1911 г.] 26 декабря 1910 г., № 178 [2].

Присоединяясь к общим соображениям, высказанным в этой депеше,

---

[1] См. №№ 689, 690 и 699.

[2] В деп. от 8 янв. 1911 г./26 дек. 1910 г. за № 178 поверенный в делах в К-поле Свечин сообщал, что в беседе с ним итал. и франц. делегаты в Совете Оттоманского долга высказались за желательность введения в Совет Долга росс. представителя. По поводу соображений, которые заставили в 1896 г. росс. прав-во отклонить предложение о введении росс. делегата (см. стр. 299, прим. 1), Свечин писал: «Заключая после последней войны с Турцией конвенцию о военном вознаграждении, мы рассрочили постепенные взносы в счет последней на столетний период и не постановили передачи служащих им обеспечением доходных статей в ведение администрации Оттоманского долга, потому что имели преимущественно в виду не непосредственную материальную выгоду, а возможно длительное сохранение в наших руках этого денежного средства воздействия на Турцию в целях общей нашей политики; вошедши в состав международного Совета Оттоманского долга, мы утратили бы помянутые преимущества свободного кредитора Турции, становясь среди остальных ее европейских кредиторов далеко не на первое место; преследуемое названным Советом постепенное порабощение Турции европейскому капитализму не соответствует нашим интересам; между тем наше участие значительно укрепило бы его положение, придав ему общеевропейский характер; а приобретенный нами голос не переместил бы в нем большинства, и перевес остался бы все-таки на стороне держав, нам политически не сочувственных».

«Доводы эти, — писал далее Свечин, — были несомненно весьма вескими в свое время. Но с тех пор положение вещей существенно изменилось как в самой Турции,

мы полагали бы своевременным поставить на очередь вопрос о вступлении русского представителя в Совет Оттоманского публичного долга.

Политические аргументы в пользу нашего права участия в упомянутом учреждении вытекают прежде всего из самого происхождения последнего, в силу заявления держав, занесенного в XVIII протокол Берлинского конгресса. Протокол этот, к коему присоединилась и Россия, послужил основанием последовавшего прямого соглашения Порты с бондголдерами об учреждении Совета Долга.

Нотой от 23 декабря 1896 г. Россия подтвердила Порте свое намерение наряду с другими державами отстаивать права держателей турецких бумаг, оговоренные в учреждении Совета Долга.

Следовательно, если до сих пор Россия не имела в нем своего представителя, то это обусловливалось не отсутствием на то права, а лишь нежеланием, в силу известных условий, его использовать.

Условия эти ныне изменились. Ввиду возрастающей задолженности Турции, к коей мы не можем оставаться равнодушны, России нет основания мириться с положением неравенства с прочими державами, участвующими в контроле поступления значительной части доходов Оттоманской империи. На учреждение Совета мы не можем смотреть только как на частно-правовую сделку Порты с должниками[1]. С другой стороны, вступление в Совет представителя России, никогда не преследовавшей экономической эксплоатации Турции, казалось бы, вполне соответствует интересам последней.

Полагаем, что если бы эти общие аргументы политического характера требовалось подкрепить обоснованием прав, вытекающих из обладания турецкими бумагами, то в этом случае нам едва ли отказала бы в своем содействии Франция путем соглашения ее банков с нашими и номинального отчисления в пользу последних потребного количества турецких бумаг. Как вам небезызвестно, именно из Франции исходило в свое время желание привлечь нас к участию в Совете Публичного долга. И в настоящее время было бы крайне желательно, чтобы указанная комбинация, если возможно, сохранила характер не какой-либо особой услуги нам со стороны французского правительства, а как бы нашей готовности пойти навстречу издавнему ее желанию.

Принимая во внимание, что во время предстоящего пребывания нашего министра иностранных дел в Париже вопрос этот может быть затронут, благоволите сообщить нам и одновременно нашему послу в Париже ваши соображения о том, насколько по местным условиям проведение этого дела представлялось бы целесообразным и осуществимым и на какие обстоятельства считаете вы при этом нужным обратить внимание.

[Нератов.]

№ 726. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 233[2]. **Лондон[3], 21/8 сентября 1912 г.**

Телеграфирую в Париж:

Получил телеграмму № 191[4].

Английское правительство отказалось от своего первоначального решения не делать никакого заявления в Константинополе по поводу моего предложения державам. В понедельник[5] Марлинг получит инструкцию

так и в отношении группировки европейских держав. На стороне России и Франции стоит ныне Англия, а в балканских делах — нередко и Италия».

[1] Так в оригинале.

[2] Опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 24.

[3] Сазонов с 20/7 сент. до 2 окт./19 сент. находился в Англии.

[4] См. № 727.

[5] 23/10 сент.

преподать Порте дружеский совет и высказаться перед Габриэлем в той же форме, в какой Грей говорил по этому предмету с турецким послом [1].

Сазонов.

№ 727. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 191 [2]. 21/8 сентября 1912 г.

Видел вчера Сазонова при проезде. Телеграфирую ему в Лондон:

Получил телеграмму № 1827 [3].

Пуанкаре подтвердил мне, что, по его уверению, ваше предложение в той форме, в которой оно изложено в вашей телеграмме, вряд ли встретит сочувствие всех держав. По сведениям из Лондона, Грей не расположен ни к каким представлениям в Константинополе и согласен лишь высказать турецкому послу в Лондоне надежду, что Порта приступит к реформам в Македонии. Со своей стороны, Пуанкаре согласен поручить Бомпару еще раз преподать Порте дружеский совет приступить к исполнению уже данных ею обещаний касательно реформ. Он надеется, что вы согласитесь на подобную формулировку, которая будет более приемлема для Англии и остальных держав. Он телеграфирует в этом смысле в Лондон.

Извольский.

№ 728. Поверенный в делах в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 55 [4]. 21/8 сентября 1912 г.

Телеграфирую Сазонову в Лондон:

В предвидении обмена мыслей между вашим высокопревосходительством и Греем, министр иностранных дел только что вызывал меня для сообщения точки зрения греческого правительства на судьбу Эгейских островов, прося донести вам о таковой в Лондон. По мнению этого правительства, желательно именно, чтобы державы способствовали расширению и укреплению привилегий, коими острова пока пользовались, и объединить как занятые, так и не занятые Италией острова, включая туда и Самос, в одну административную единицу с конституцией, подобной Самосу. Во главе стоял бы христианский губернатор, выбираемый и снабжаемый полномочиями на тех же основаниях, как ливанский. О вышеизложенном греческое правительство доверительно (доводит) чрез своих представителей до сведения держав [5].

Урусов.

№ 729. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 682. 21/8 сентября 1912 г.

Получил телеграмму № 1828 [6].

Сегодня я обратил самое серьезное внимание министра иностранных дел на крайнюю необходимость для Турции немедленно принять все доступные

[1] Тел. от 22/9 сент. за № 234 Сазонов сообщал, что «английским представителям в Белграде и особенно Цетинье также предписано сделать представления в видах воздержания от всяких действий, способных создавать осложнения».

[2] Опубл. Stieve, II, S. 255, N 436.

[3] См. № 686.

[4] Номер повторяется (см. № 711). Повидимому, следует читать: «№ 56», так как Урусов позднее ссылается на эту тел., как на тел. за № 56 (см. № 777).

[5] Тел. от 21/8 сент. за № 1869 Нератов известил Сазонова об аналогичном заявлении, сделанном греч. поверенным в делах в Петербурге.

[6] См. № 687.

ей меры для отвращения пожара на Балканах путем удовлетворения должных желаний христианского населения. После усиленных, хотя и дружеских моих настояний, министр категорически заявил мне, что: 1) полевому суду над виновниками кочанского избиения предписано немедленно постановить приговор, привести его в исполнение и опубликовать его; 2) правительство немедленно обнародует в официальном органе о предоставлении всем национальностям прав, даруемых албанцам, и 3) министр внутренних дел сделает ныне же распоряжение о привлечении по мере возможности к местным административным должностям лиц всех национальностей, как греков, так и болгар и сербов. Во время нашей беседы министр высказал, что он убежден, что взводимые ныне балканскими государствами обвинения суть только предлоги, создавать кои всегда возможно. Предупредить их повторение возможно было бы лишь усилением турецкой армии на Балканах на 200 000 человек, дабы в Болгарии поняли, что Турция сильна. Тем не менее Порта сделала все возможное для отстранения возможности создания новых предлогов. Министр все же, повидимому, полагает, что Порта может рассчитывать на миролюбие Гешова, пока он у власти. В понедельник я вновь увижу министра и буду настаивать на необходимости скорейших реформ в Македонии [1].

Гирс.

№ 730. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 787. 21/8 сентября 1912 г

Копия сообщена Люба.

Монголия.

По сведениям из секретного источника, китайцы не перестают находиться в сношениях с монгольскими князьями, имеющими связь с ургинским правительством, и сюда сообщены условия в шести пунктах, при которых хутухта, будто бы, готов отказаться от независимости. Первые три пункта этих условий соответствуют предъявленным нами китайцам требованиям. Затем следует: 4. Численность китайских чиновников в Монголии не должна превышать 100 человек. 5. Китайские чиновники в Монголии пользуются только правами наблюдения за делами, но не имеют исполнительных функций, и 6. Все долги Монголии принимаются на себя Китаем. О всем происходящем в Урге китайское правительство, повидимому, постоянно получает сведения от начальника ургинской телеграфной конторы, служащего ему разведчиком.

Крупенский.

№ 731. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

·/. Телеграмма № 1875 [2]. 22/9 сентября 1912 г.

Ссылаюсь на телеграмму Неклюдова № 113 [3].

До сих пор мы не получили ответа на телеграмму № 1827 [4].

По имеющимся у нас сведениям, общее настроение в славянских государствах достигло той степени напряжения, когда каждый день прово-

---

[1] Тел. от 23/10 сент. за № 687 М. Гирс сообщил Нератову, со слов Норадунгиана, что турец. совет м-ров «третьего же дня после моих объяснений с министром» утвердил 3 пункта, изложенные в публикуемом документе.

[2] Опубл. Ор. кн., стр. 3.

[3] См. № 719.

[4] См. № 686.

лочки в решении Порты пойти на уступки, указанные гофмейстером Сазоновым в беседе с Турхан-пашой, грозит непоправимыми последствиями.

Порта должна отдать себе отчет в том, что, помимо прямого громадного риска в случае войны с четырьмя балканскими государствами, она едва ли может рассчитывать на благоприятный для ее интересов результат даже в случае военных успехов.

Нам представляется в этом случае более чем вероятным общеевропейское вмешательство, которого так тщательно старается избегнуть турецкое правительство и от возможности коего мы дружески его предостерегаем.

Возможность предотвратить его, на наш взгляд, в руках самой Турции. Неужели в столь критическую для себя минуту Порта не оценит искренности нашего совета, вытекающего из желания действительной сохранности Турции.

Вы могли бы воспользоваться вышеизложенными соображениями в ваших объяснениях с турецкими министрами, о коих мы ожидаем от вас последовательных, возможно своевременных, уведомлений [1].

Нератов.

№ 732. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 193 [2]. 22/9 сентября 1912 г.

№ 1.

Я телеграфирую министру: получил телеграмму № 233 [3].

Бомпару также преподаны инструкции в смысле, указанном в моей вчерашней телеграмме [4]. Вчера Пуанкаре виделся с турецким послом, который настроен крайне пессимистично, в особенности по отношению к Черногории. Ввиду надвигающейся опасности, Пуанкаре находит необходимым ныне же приступить к предложенному вами обмену мыслей между Россией, Францией и Англией, дабы не быть застигнутыми врасплох [5]. С другой стороны, по его мнению, лишь коллективные действия пяти держав способны предотвратить события, угрожающие спокойствию и равновесию Ближнего Востока. Со своей стороны, Пуанкаре предлагает сговориться втроем относительно четырех пунктов, которые передаются в телеграмме № 2 и к которым, вслед за сим, необходимо постараться привлечь Германию и Австрию [6].

Извольский.

№ 733. Предложение Пуанкаре, переданное в Лондоне С. Д. Сазонову французским послом Камбоном [7].

22/9 сентября 1912 г.

Le Gouvernement de la République française, le Gouvernement de Sa Majesté britannique et le Gouvernement impérial russe, également soucieux de sauvegarder la paix et de maintenir le status quo dans la péninsule Balkanique, estiment d'un commun accord qu'une action collective des Grandes

[1] См. № 729. Тел. от 23/10 сент. за № 689 М. Гирс сообщал Нератову: «До сих пор один только австрийский посол получил предписание преподать Порте дружеские советы в смысле заявления гофмейстера Сазонова турецкому послу. Он должен был исполнить его сегодня же в довольно общих выражениях» (ср. № 737).

[2] Опубл. М., стр. 277.

[3] См. № 726.

[4] См. № 727.

[5] См. № 584.

[6] Тел. от 22/9 сент. за № 194 (№ 2) (опубл. М., стр. 277) Извольский сообщил Сазонову (копия Нератову) четыре пункта предложения Пуанкаре (см. № 733).

[7] Маш. копия. Заголовок оригинала. Опубл. Doc. Dipl., 3-me série, t. III, p. 549, N 451, и Brit. Doc., vol. IX, P. I, N 734 encl., p. 702.

Puissances peut seule conjurer les graves événements qui menacent la tranquillité et l'équilibre de l'Orient Européen.

En conséquence lesdits Gouvernements conviennent de soumettre à l'agrément du Gouvernement impérial allemand et du Gouvernement impérial et royal austro-hongrois les dispositions ci-après:

1. Les Puissances interviendront simultanément et dans le plus bref délai auprès des Cabinets de Sophia, de Belgrade, d'Athènes et de Cettigné, pour leur conseiller de ne rien entreprendre qui puisse troubler la paix ou affecter le status quo de la péninsule Balkanique.

2. Si ces conseils ne sont pas entendus, les Puissances combineront aussitôt leurs efforts pour localiser le conflit et y mettre fin. Elles déclareront notamment aux États perturbateurs qu'ils n'auraient à espérer d'une victoire éventuelle aucune augmentation territoriale.

3. Si la suite des événements nécessitait l'emploi de moyens plus énergiques, telle qu'une démonstration militaire ou navale, les Puissances n'y recourraient qu'après s'être concertées.

4. En même temps qu'elles s'acquitteront de la démarche spécifiée au paragraphe 1-er, les Puissances interviendront auprès de la Sublime Porte pour lui conseiller d'exécuter sans retard les réformes administratives que réclament légitimement les populations chrétiennes de la péninsule Balkanique [1].

Перевод.

Правительство Французской республики, правительство его британского величества и императорское российское правительство, одинаково озабоченные сохранением мира и поддержанием status quo на Балканском полуострове, единодушно пришли к убеждению, что только коллективные действия великих держав могут предотвратить серьезные события, угрожающие спокойствию и равновесию в Восточной Европе.

Вследствие этого названные правительства договорились предложить на рассмотрение германского имперского правительства и австро-венгерского императорского и королевского правительства следующие положения:

1. Державы выступят одновременно и в кратчайший срок перед кабинетами в Софии, Белграде, Афинах и Цетинье с советом не предпринимать ничего, что могло бы нарушить мир или затронуть status quo на Балканском полуострове.

2. Если эти советы не будут услышаны, державы тотчас же объединят свои усилия с целью локализовать конфликт и положить ему конец. А именно, они заявят нарушившим мир государствам, что они не могут рассчитывать, в случае победы, на территориальные приращения.

3. Если по ходу событий оказалось бы необходимым применить более энергичные меры, как, например, военную или морскую демонстрацию, то державы прибегнут к ним лишь договорившись между собой.

4. Одновременно с выступлением, предусматриваемым параграфом 1-м, державы предпримут шаги перед Высокой Портой с целью посоветовать ей провести без замедления административные реформы, справедливо требуемые христианскими народностями Балканского полуострова.

№ 734. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 195 [2]. 22/9 сентября 1912 г.

Телеграфирую министру:

№ 3.

Передавая мне изложенные в телеграмме № 2 пункты [3], Пуанкаре сказал мне, что он поручил Камбону сообщить их вам и Грею, и просил

[1] Тел. от 24/11 сент. за № 1893, ссылаясь на тел. Извольского за № 194 (см. стр. 239, прим. 6), Нератов сообщал Сазонову в Бальмораль: «Из всех сведений заключаю, что надеяться остановить балканские государства можно лишь при условии, если решение Порты осуществить реформы в Македонии будет иметь характер гарантии в глазах держав. Поэтому в пункте четвертом слова: «pour lui conseiller d'exécuter» [«посоветовать ей провести»] полагал бы желательным изменить: «en vue d'obtenir l'exécution» [«с целью добиться проведения»].

[2] Опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 25.

[3] См. стр. 239, прим. 6.

меня со своей стороны поддержать их перед вами. Я высказал ему, что по существу не предвижу против них возражений. Что касается формы предположенного уговора, я убежден, что и вы и Грей найдете необходимым избежать всего, что могло бы подчеркнуть разделение держав на две группы, поэтому прежде всего следует сохранить настоящие переговоры в строгом секрете и предотвратить всякую возможность разглашения их в печати. Пуанкаре ответил мне, что главной его целью является именно установление коллективного действия пяти держав, и вполне согласился со мной о необходимости строгой тайны. Относительно третьего пункта он объяснил мне, что им имеется в виду предотвратить возможность единоличного выступления со стороны Австрии.

Извольский.

№ 735. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 118. 22/9 сентября 1912 г.

Копия в Лондон Сазонову.

По всем доходящим до меня и до нашего военного агента сведениям, болгарское правительство готовит спешно мобилизацию, которая может быть объявлена в самом близком будущем. Я имею веские основания полагать, что перед этой мерой или одновременно с ней все четыре балканские государства обратятся к державам и Порте с требованием осуществить 23-ю статью Берлинского трактата [1] или же аналогичные реформы с угрозой вооруженного выступления в случае неосуществления их, причем заявят об отсутствии у выступающих всякой мысли изменить территориальное status quo Турецкой империи. Кабинеты Гешова, Пашича и Венизелоса думают таким образом вызвать энергичное воздействие держав на Порту и в последнюю минуту избежать войны, проявив в то же время полную солидарность балканских государств и право их на участие в международной работе на пользу их турецких единоплеменников. Не скрываю от себя и вас опасности подобного шага, особенно для Болгарии, так как раз объявленная мобилизация может весьма легко перейти в военные действия при первом всегда возможном столкновении на границе. К тому же ввиду настроения, господствующего в Болгарии, для короля и правительства не будет уже возможности отступить в случае неуспеха данного шага четырех государств. Но, с другой стороны, король и правительство поставлены в безусловную (необходимость) предпринять что-нибудь решительное и остановились, повидимому, на вышеизложенном плане, как на представляющем все-таки некоторые шансы избежать войны без внутренних потрясений или полного переворота в нынешней политической ориентировке Болгарии. Общественное мнение широких кругов населения и офицерства настроено в пользу войны, и высшие чины армии не разделяют опасений наших о безусловном превосходстве турецких сил над болгарскими [2], ибо рассчитывают на значительно большее умение болгар атаковать и пользоваться современным оружием. Здесь исключительно опасаются и не желают войны: король, Гешов, некоторые из членов кабинета и торговые круги страны. Но, повторяю еще раз, кабинет Гешова — Данева, по моему впечатлению, решил не подавать в отставку в случае неуспеха своей политики, а остаться у власти и объявить войну [3]. Отставка кабинета может быть вызвана лишь отказом короля в последнюю минуту принять крайнее решение. Король все это время держится совершенно уединенно, никого не принимая, кроме

[1] См. стр. 81, прим. 5.
[2] Ср. № 689.
[3] См. № 719.

своих министров и приближенных, тщательно избегает всякой возможности встречи с иностранными посланниками, колеблясь, повидимому, между разными опасениями, приберегая свое решающее слово на последнюю минуту, причем выберет, разумеется, лишь менее опасный для него лично и для династии исход.

Неклюдов.

№ 736. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

%. Депеша № 32. 22/9 сентября 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вчера король Николай принял турецкого поверенного в делах, который от имени своего правительства обратился к его величеству с нижеследующим заявлением:

Порта, как известно, командировала на границу особое лицо для улажения некоторых спорных дел на месте [1] и рассчитывает, что черногорское правительство обсудит с ее представителем те новые предложения, которые это лицо имеет сделать.

Ввиду непрекращающегося восстания малиссоров, Порта, имеющая неопровержимые доказательства участия в нем черногорцев, просит короля Николая воздержаться от какой бы то ни было материальной и нравственной поддержки восставших.

По первому пункту король Николай ответил, что в течение 34 лет он безуспешно пытался сговориться с турецким правительством по всем возникавшим спорным пограничным вопросам и что в данное время он решительно отказывается вступать в какие-либо непосредственные переговоры по ним с турецкими представителями и это тем более, что все это дело он, король, передал в руки великих держав [2]. «Лишь их решению я подчинюсь беспрекословно, — прибавил его величество, — каким бы оно ни было и каких бы урезок черногорской территории державы ни потребовали».

При этом король Николай заявил, что длящийся пограничный спор уже нанес маленькой и небогатой стране миллионные потери, возмещения которых он был бы в праве требовать.

По вопросу о малиссорах король заявил, что турецкое правительство должно само и прежде всего озаботиться отдачею соответственных приказаний властям Скутарийского вилайета, всячески раздражающим и преследующим албанцев-христиан.

Заговорив затем об отношениях к нему Турции вообще, король указал своему собеседнику на то, что Порта, на словах заверяющая о своем желании жить в дружбе с Черногорией, никаких тому доказательств не дает, и привел в пример отказ турецкого правительства выдать берат призренскому митрополиту Дожичу, несмотря на то, что последний в патриаршем совете избран 11-ю голосами из 12 [3].

---

[1] Тел. от 21/8 сент. за № 683 М. Гирс сообщал, со слов Норадунгиана, что протокол о черног.-турец. разграничении будет подписан турец. прав-вом, «как только достигнута будет возможность привести его в исполнение без пролития крови», и что «для достижения этой цели и послан на границу турецкий поверенный в делах в Цетинье». «Министр добавил, — сообщал далее Гирс, — что с целью придать более гарантий этому решению, он согласен поручить турецким послам при великих державах сделать об этом соответствующее заявление правительствам, при коих они аккредитованы, но что он не может обнародовать решения, пока правительство не придет к соглашению тем или иным способом с албанцами, живущими на территории, уступаемой Черногории».

[2] См. № 446.

[3] См. № 219.

На вопрос турецкого поверенного в делах, может ли он передать в Константинополь слова короля как официальный ответ на обращение к нему Порты, — его величество ответил утвердительно.

Передавая мне содержание своей беседы с турецким представителем, король Николай воздержался от обсуждения ее по существу, ограничившись лишь жалобой на то, что державы оставляют доселе его обращение к ним без ответа.

Относительно малиссорского движения король Николай сказал лишь, что, вероятно, им плохо приходится, если они обращаются к нему с ходатайством о принятии их в черногорское подданство. Адрес с таким ходатайством был действительно ему представлен несколько дней тому назад байрактарами нескольких малиссорских племен (груди, хоти, кастрати, клементи, шоши, шала и др.), лично прибывшими для того в Цетинье. О судьбе этого адреса и его влиянии на дальнейший ход событий пока никаких точных сведений не имеется.

Примите и пр. А. Гирс.

№ 737. Памятная записка австро-венгерского посольства в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

23/10 сентября 1912 г.
Confidentiel.

Parallèlement à la démarche de l'Ambassadeur de Russie à Constantinople [1], le marquis Pallavicini a été chargé de s'exprimer à la Sublime Porte dans le sens suivant [2]:

«La surexcitation croissante qui s'est produite dernièrement en différentes parties de la Turquie d'Europe, et qui a augmenté le danger d'un conflit armé avec les États voisins, est certes, et non en dernier lieu, la conséquence des regrettables fautes de certains organes officiels ottomans. Votre Excellence pourrait à cet égard rappeler les événements de Kotchana.

Il serait, selon nous, de l'intérêt de la Porte de prendre spontanément les mesures nécessaires pour calmer cette excitation. Ainsi, par exemple, des élections impartiales et des mesures pour sauvegarder la vie et la propriété de la population — mesures qui répondent sans doute aux intentions actuelles du Gouvernement — sembleraient, en allant au devant des désirs des races hétérogènes de Turquie, de nature, si les promesses sont tenues, à écarter le danger de guerre. Enfin Votre Excellence attirera l'attention de la Porte sur le fait qu'une action calmante sur les États des Balkans ne pourra être exercée avec quelque chance de succès que dans le cas où la Porte manifeste spontanément, auparavant et en des termes ne permettant aucune équivoque, sa volonté de tenir compte des désirs des classes mécontentes de la population, ou bien si le Gouvernement ottoman nous met dans la position de pouvoir vis-à-vis des États balkaniques nous rapporter à des déclarations formelles et astreignantes de la Porte à cet égard» [3].

Перевод.

Доверительно.

Параллельно с демаршем российского посла в Константинополе, маркизу Паллавичини было поручено высказаться перед Высокой Портой в следующем смысле:

«Возрастающее возбуждение, проявившееся за последнее время в различных частях Европейской Турции и увеличившее опасность вооруженного столкновения с соседними государствами, является, без сомнения и не в последнюю очередь, результатом прискорбных ошибок, допущенных некоторыми официальными оттоманскими

[1] См. № 729.
[2] Ср. стр. 239, прим. 1.
[3] Текст публикуемого документа Нератов тел. от 23/10 сент. за № 1891 передал Сазонову в Бальмораль.

органами. Ваше превосходительство могли бы напомнить по этому поводу о событиях в Кочанах.

По нашему мнению, в интересах Порты было бы принять по собственному почину меры, необходимые для успокоения этого возбуждения. Так, например, беспристрастные выборы и меры по охране жизни и имущества населения — меры, которые, без сомнения, отвечают в настоящий момент намерениям правительства, — могли бы, повидимому, идя навстречу пожеланиям разнородного населения Турции, устранить опасность войны, при условии выполнения данных обещаний. Наконец, ваше превосходительство обратит внимание Порты на то, что успокаивающее воздействие на балканские государства может иметь некоторые шансы на успех лишь в том случае, если Порта предварительно заявит, —по собственному почину и в выражениях, не допускающих двусмысленного толкования, —о своем решении считаться с желаниями недовольных слоев населения или же если оттоманское правительство даст нам возможность сослаться перед балканскими государствами на формальные и связующие ее заявления Порты по этому поводу».

№ 738. Временно управляющий министерством иностранных дел министру иностранных дел [1].

Телеграмма № 1892. 23/10 сентября 1912 г.

Ссылаюсь на телеграмму № 1891 [2].

Ознакомившись с австрийским сообщением, я обратил внимание поверенного в делах на разницу австрийского представления Порте с нашим, в смысле меньшей определенности заключающихся в нем советов, — с чем Силаши, со своей стороны, согласился.

Я отметил, тем не менее, что сообщение представляет на мой взгляд сочувственный нам шаг австрийского правительства и в своих побудительных основаниях вполне сходно с высказанной нами венскому кабинету точкой зрения, — что, как я уверен, будет встречено вами с удовлетворением. Я просил Силаши передать об этом графу Берхтольду.

[Нератов.]

№ 739. Временно управляющий министерством иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 937. 23/10 сентября 1912 г.
Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Ген. консул в Урге по телеграфу донес министерству иностранных дел об обращении к нему монгольских министров во главе с только что прибывшим в Ургу первым министром Сайн-Ноином [3] с просьбой передать их ходатайство об оказании императорским правительством новой денежной поддержки Халхе [4]. Министры объяснили при этом, что расходы, вызванные провозглашением независимости Халхи и необходимостью организовать ее управление, становятся непосильными для ее населения, почти сплошь разоренного царившим за долгие последние годы в Монголии режимом, сводившимся к экономическому угнетению ее народа. Благодаря этому, поступающих в казну ургинского правительства доходов нехватает даже на удовлетворение таких неотложных при настоящих обстоятельствах надобностей, как обмундирование и содержание войска, покупка для него оружия, приспособление казарм, не говоря уже о расходах на администрацию. Министры выразили уверенность, что без помощи извне Халха не

---

[1] Публикуемая тел. адресована в Бальмораль.

[2] См. стр. 243, прим. 3.

[3] О назначении Сайн-Ноина первым м-ром Люба сообщил в тел. от 13 июля/30 июня за № 1153.

[4] Имеется в виду тел. Люба от 17/4 сент. за № 1611, содержание которой в основном изложено в публикуемом документе. На ней имеется помета Николая II: «Без денежной помощи монголам мы не обойдемся». Беловеж, 23/10 сентября.

в состоянии держаться. По поручению хутухты, они ходатайствуют поэтому о выдаче монгольскому правительству, предпочтительно из нашего государственного казначейства, ссуды в 2 млн. рублей.

Со своей стороны, я полагаю, что если мы не хотим утратить того положения, которого нам удалось достигнуть в Халхе и которое необходимо нам для ограждения этой страны от окончательного поглощения Китаем, мы должны пойти навстречу сказанному ходатайству монголов и оказать им денежную поддержку в той или иной форме.

Посланник в Пекине доносит, что на происходившем там секретном заседании палаты представителей было решено постараться войти в непосредственное, без участия России, соглашение с монголами, причем приманкой для них намечалось выставить погашение китайским правительством займов, заключенных хутухтой у России [1]. Генеральный консул в Урге, с другой стороны, доносит, что вышеупомянутый Сайн-Ноин предполагает поставить на обсуждение прочих министров вопрос о допущении в Ургу уполномоченного китайского правительства для выяснения с ним отношений Китая к Халхе [2]. С. с. Люба телеграфирует также, что ургинские правители задумали выдать концессию на учреждение в Халхе эмиссионного банка с предоставлением ему права чеканить монету и выпускать кредитные билеты [3]. Я поручил с. с. Люба указать монгольским министрам на нежелательность их непосредственных переговоров с китайцами до выяснения результатов миссии в Ургу д. с. с. Коростовца и в виде личного мнения объяснить им, что выдача концессий на открытие в Монголии эмиссионного банка не может не повлиять на наше решение по их ходатайству перед императорским правительством о ссуде [4]. Но такого рода аргументами мы не можем рассчитывать надолго удержать монголов от сношений с теми, кто будет обещать им столь для них необходимые денежные средства, а таким настроением монголов, конечно, не замедлят воспользоваться китайцы, чтобы ценой нескольких миллионов привести Халху в подчинение Китаю.

Приходя таким образом к заключению, что выдача крупной денежной ссуды Халхе для нас неизбежна, я отнюдь не имею в виду предрешать ни ее размера, ни ее источника: быть может, было бы предпочтительно выдать эту ссуду через какой-нибудь банк, а не из средств казны. Уже теперь, однако, ясно, что если бы мы решили выдать Халхе значительную сумму денег, мы должны были бы одновременно позаботиться об обеспечении ее исправного возмещения монголами и о таком упорядочении денежного хозяйства Халхи, которое предупредило бы периодическое повторение ее просьб о денежной поддержке. В этих видах мне казалось бы необходимым, чтобы вопрос о выдаче испрашиваемой монголами ссуды, если бы в принципе он был решен в утвердительном смысле, был связан с назначением монгольскому правительству финансового советника, для каковой роли вполне подходящим лицом был бы в таком случае бывший комиссар китайской таможни в Харбине Коновалов.

Я считал бы также, что удовлетворение ходатайства монгольских министров о денежной поддержке следует поставить в зависимость от готовности итти навстречу нашим пожеланиям, которую они выкажут при предстоящих переговорах с д. с. с. Коростовцом. Поэтому для министерства иностранных дел было бы важно, до начала этих переговоров, знать принципиальный

---

[1] Имеется в виду тел. В. Крупенского от 20/7 сент. за № 786, содержание которой изложено в публикуемом документе.

[2] Об этом Люба сообщал тел. от 21/8 сент. за № 1633.

[3] Об этом Люба сообщал тел. от 20/7 сент. за № 1627.

[4] Речь идет о тел. Козакова от 21/8 сент. за № 1872. В этой же телеграмме, сообщая об отъезде Коростовца в Ургу (см. № 612), он запрашивал Люба, «кому предположено выдать означенную концессию». Тел. от 23/10 сент. за № 1651 Люба сообщал: «Концессию было предположено выдать Дм. Влад. Юферову с правом образовать акционерное общество».

взгляд вашего высокопревосходительства на возможность обещать монголам, что в случае заключения предлагаемых нами им политического и торгового соглашений, императорское правительство войдет в обсуждение условий, на которых оно будет согласно выдать им нужные для удовлетворения их неотложных надобностей денежные средства.

В ожидании отзыва вашего по содержанию настоящего письма [1], пользуюсь случаем и пр.

[Нератов.]

№ 740. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 135. 23/10 сентября 1912 г.

Ввиду весьма опасного положения дел на Балканском полуострове, беру смелость представить на благоусмотрение вашего превосходительства несколько соображений, вызванных как тщательным наблюдением на месте за политической жизнью славянских народностей, так и оценкой ныне их настроения и не только в Сербии, но и в Болгарии, с главными деятелями которой издавна имею непрестанные сношения частного характера. Во всех четырех королевствах Балканского полуострова, бесспорно, все более и более ширится подъем воинственного духа, против которого Россия на месте борется увещаниями и предостережениями. Аргументы эти, вразумительные для отдельных личностей — Гешовых, Даневых, Пашичей, несущих тяжкую ответственность за всякий содеянный ими неосторожный шаг, недостаточно сильны для воздействия на народную психологию и мало убедительны для различных общественных кругов, не разбирающихся в политических европейских комбинациях. По воззрениям огромного большинства сербов и болгар, настоящая минута представляется редко благоприятной для сведения счетов с разваливающейся Турцией, неспособной самостоятельно ни на проведение реформ, ни на ограждение христиан от мусульманских зверств. Вот почему ни в Софии, ни в Белграде никто не хочет верить тому, чтобы Россия, сама имеющая историческую задачу на Босфоре, решилась впервые объединившимся балканским государствам создавать препятствия к осуществлению их заветных идеалов. Недоверие и с каждым часом возрастающее недовольство сербы и болгары переносят на свои правительства, положение которых в самом деле невыносимо тяжелое ввиду возникающей перед ними обоюдоострой дилеммы: 1) либо ослушаться категорических представлений мощной покровительницы славян и дать увлечь себя народной волне, хотя и с риском возможного поражения, но по крайней мере с сознанием исполненного долга в борьбе с общим врагом за священную славянскую идею; 2) либо беспрекословно подчиниться велениям России и, со знаменем русофильства в руках, пасть под напором той же самой волны, уступив место иным элементам, которые, несомненно, направят русло политической жизни в обоих государствах во (вред) и России и славянам. Имеется полная вероятность, что как только правительство Гешова осведомится об отказе Сербии следовать за Болгарией по требованию России, в Софии произойдет внутренний кризис, на смену властвующих ныне русофилов придут Радославовы, Тончевы; они взвалят всю вину за крушение народных вожделений на Россию и поставят себе задачей сбли-

[1] В ответном письме от 28/15 сент. за № 846 Коковцов сообщал: «При настоящем положении вещей, когда наши кредитные учреждения не выражают желания открывать свои операции в Монголии, представляется довольно затруднительным рассчитывать на возможность привлечения к делу выдачи Халхе крупной ссуды какого-либо частного банка». Относительно отнесения указанной ссуды на средства казны, Коковцов просил Нератова «не отказать внести данный вопрос на рассмотрение совета министров».

жение с Австрией, пожертвовав Сербией, в критическую минуту предательски изменившей соглашению. Логическим следствием этого будет полное смятение в Белграде, отступление радикалов и торжество милановских традиций под руководством напредняков в союзе с либералами. Таковой оборот дел несомненно нанесет тяжкий удар нашей политике на Ближнем Востоке и сильно подорвет обаяние России среди славянских народностей, что, в свою очередь, не может не нарушить равновесия к нашему ущербу в случае наступления в будущем каких-либо европейских осложнений. Я не берусь судить, которое из указанных двух зол в конце концов опаснее для России. Желательно же изыскать такое средство воздействия на месте, которое могло бы предотвратить обе опасности. Есть основание думать, что если бы признано было допустимым, наряду с категорическими представлениями, приподнять завесу на какую-либо утешительную для славян перспективу, определив, например, хотя бы приблизительный 8-, 10-, 12-месячный срок для их выступления, то картина сразу изменилась бы и в Софии и в Белграде... у обоих правительств была бы твердая точка опоры и нравственное оправдание для умеряющего воздействия на военные и общественные круги. Добившись исключительно своим авторитетным влиянием умиротворения Балканского полуострова, Россия с тем большим правом могла бы требовать от великих держав общего и самого решительного давления на Турцию в целях проведения в подвластных ей христианских провинциях серьезных реформ. Я считал долгом представить изложенные соображения в надежде, что они, быть может, послужат к вящшему освещению настоящего весьма тревожного положения на Балканах [1].

Гартвиг.

№ 741. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 152. 23/10 сентября 1912 г.

Получил телеграмму № 1830 [2]. Ссылаюсь на свою телеграмму № 149 [3] и на свои донесения от [22] 9 сего сентября, отправленные курьером сегодня утром [4].

Если в сведениях из указанных источников говорится об «ожидании со дня на день открытия военных действий Черногорией», то это не вполне

[1] В деп. от 24/11 сент. за № 61 Гартвиг писал: «На основании бесед моих с Пашичем, военным министром и другими, — так равно и на основании данных, поступающих из Софии, — я прихожу к заключению, что правительства в обоих государствах считают себя поставленными между двух огней: им, как принадлежащим к русофильским партиям, крайне тяжело, да с внутренней политической точки зрения и невыгодно, ослушаться России; но они не чувствуют себя в силе бороться с течениями, охватившими почти все классы населения и преимущественно военные круги. Советы благоразумия, преподаваемые императорским правительством, они, конечно, оценивают по достоинству, но не считают их достаточно убедительными для воздействия на всех тех, кто не несет ответственности за события и за их грозные последствия». Высказываясь снова за желательность определения Россией срока, «в течение коего Сербия и Болгария обязались бы не предпринимать никаких активных выступлений», Гартвиг указывал: «Это едва ли связало бы нам руки. Время — самый лучший и всегда отрезвляющий советчик, и через какой-нибудь год политическая обстановка на Балканском полуострове может настолько измениться, что сами славянские государства предпочтут следовать выжидательной политике. А между тем, нам таким путем удалось бы предотвратить уже нависшую ныне опасность серьезных осложнений».

[2] См. № 689. Повидимому, в оригинале ошибка, так как публикуемый документ является прямым ответом на тел. Нератова за № 1870 от 21/8 сент., в которой последний сообщал: «По сведениям из австрийского и итальянского источников можно со дня на день ожидать открытия военных действий Черногорией, которая, по сообщению Гизля, будто бы ведет переговоры с некиим Мавромихалисом о заключении трехмиллионного займа».

[3] См. № 724.

[4] См. № 736 и стр. 248, прим. 1.

точно. Здесь опасаются не открытия военных действий против Турции, а создания черногорским правительством крупного пограничного инцидента с целью подчеркнуть отказ держав помочь Черногории в урегулировании границы, а главным образом ради отвлечения в другую сторону сказывающегося в стране недовольства политикой короля и его министров, поставивших ресурсы казны в почти безвыходное положение расходами на военные приготовления [1]. Ввиду настроения в Болгарии, осуществление такого замысла, конечно, весьма опасно, но ключ положения все-таки лежит не здесь, а в Болгарии, ибо лишь только король Николай убедится, что болгары отказываются от намерения начать военные действия против Турции, трудно допустить, чтобы он пошел на риск создания такого инцидента, который, во всяком случае, потребует жертвы людьми, а затем может оказаться безрезультатным. По вышеизложенным соображениям, для меня крайне важно быть своевременно и точно осведомленным о настроении и намерениях болгар. Правильных переговоров о займе в данное время не ведется; Гизль сообщил своему правительству о посещении Цетинье богатым греком Мавромихалисом, уже давно уехавшим, с которым король Николай обсуждал условия заключения частного займа в размере до 3 000 000.

Ездивший в Париж королевич Данило сегодня вернулся в Цетинье [2].

Гирс.

№ 742. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 690. 23/10 сентября 1912 г.

Ссылаюсь на свой № 683 [3].

Министр заявил мне, что им послано уже предписание турецким послам сделать правительствам великих держав заявление касательно черногорского протокола в обещанном им мне смысле [4].

Гирс.

---

[1] В деп. от 22/9 сент. за № 31 А. Гирс писал Нератову, что военные приготовления Черногории и пограничный конфликт с Турцией «поколебали финансы королевства, и в настоящее время Черногория, несомненно, идет навстречу экономическому и финансовому кризису. Трудность положения усугубляется еще и тем, что, по имеющимся точным сведениям, на расходы по военным приготовлениям была затрачена значительная доля заключенного в Австрии займа, вследствие чего пришлось приостановить ипотечные операции. Необходимость представить народной скупщине в предстоящую сессию отчет в этих операциях и обоснованные данные к объяснению неминуемого дефицита в росписи нынешнего года является, по общему здесь мнению, главнейшей причиной, побуждающей черногорское правительство искать выхода из затруднения в вооруженном столкновении с Турцией».

Гирс заканчивал свою депешу следующими словами: «Я счел долгом о вышеизложенном довести до сведения вашего превосходительства на тот случай, если бы императорское правительство усмотрело в оказании Черногории соответствующей помощи в той или иной форме средство оградить ее от последствий необдуманной и слишком предприимчивой политики ее правителей, а тем самым и увеличить шансы сохранения мира на Балканах».

[2] Тел. от 21/8 сент. за № 150 А. Гирс сообщал: «На этих днях неожиданно выехал инкогнито в Париж королевич Данило. Стороной узнаю доверительно, что целью его поездки является свидание с великим князем Николаем Николаевичем [см. № 788], которому он будто бы везет письмо короля Николая, за последнее время сильно озабоченного положением дел в Черногории». Текст этой тел. Нератов передал Извольскому 22/9 сент. за № 1881 (опубл. Stieve, II, S. 258, N 442).

[3] См. стр. 242, прим. 1.

[4] Публикуемая тел. была передана Нератовым А. Гирсу 25/12 сент. за № 1907. В ответной тел. от 26/13 сент. за № 154 А. Гирс сообщал: «Поспешил доверительно ознакомить с ее содержанием и короля и министра иностранных дел, высказав уверенность, что черногорское правительство при этой новой обстановке не только ничего не предпримет в смысле самостоятельного разрешения пограничного спора, но все сделает для его улажения мирным путем».

№ 743. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 76. 23/10 сентября 1912 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Тезкере от 6 сентября великий визирь уведомил военного министра, что турецкий поверенный в делах в Софии непрестанно свидетельствует о миролюбивых заверениях, получаемых им от Гешова относительно намерений болгарского правительства. Оттоманский представитель в Болгарии убежден, что слова Гешова безусловно искренни и что в них не кроется никакой двусмысленности. Тем не менее оппозиция в Болгарии и с ней заодно македонские комитеты стараются всеми силами свергнуть Гешова. Поверенный в делах опасается, что, под напором недовольных кругов, нынешний кабинет в Болгарии будет вынужден в ближайшем будущем уступить место кабинету, враждебно настроенному против Турции. Ввиду этого, великий визирь предлагает военному министру принять все меры к усилению расположенных близ Адрианополя и вдоль болгарской границы войск, применяясь к обстоятельствам, предшествующим обычно возможному объявлению войны между обоими государствами. О том, что будет им предпринято, военный министр обязан донести великому визирю для доклада междуведомственной комиссии государственной обороны.

По сведениям, полученным из другого источника, мной еще недостаточно проверенным, вчерашнее совещание министров занималось, будто бы, исключительно возможным столкновением с Болгарией. В числе принятых решений наибольшее значение имеет вопрос об усовершенствовании адрианопольских укреплений.

Примите и пр. М. Гирс.

№ 744. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 82. 23/10 сентября 1912 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В полученном из известного вашему превосходительству доверительного источника тезкере от 9 сентября, великий визирь сообщает министру внутренних дел, что за последнее время оттоманское правительство могло убедиться, на основании официальных донесений и по иным признакам, в дружественных чувствах и благожелательном отношении русского правительства к Оттоманской империи.

Стремясь выказать со своей стороны дружественные чувства, воодушевляющие турецкое правительство по отношению к России, и желая дать тому ощутительные доказательства, Ахмед-Мухтар-паша поручает министру внутренних дел отправить циркулярное распоряжение валиям тщательно воздерживаться от действий, могущих вызвать неудовольствие русских.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 745. Управляющий генеральным консульством в Тавризе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 490. 23/10 сентября 1912 г.

Телеграфирую в Тегеран:

Сегодня мною получены сведения о готовящейся отправке от имени жителей города Тавриза телеграммы на имя миссий русской и английской в Тегеране, на имя кабинета министров в Тегеране, на имя государя импе-

ратора и английского короля с ходатайством о возвращении в Персию на прародительский престол Мохамед-Али-шаха, который один в состоянии внести успокоение в раздираемую междоусобицей страну. С аналогичной просьбой жители думают обратиться в генеральное консульство. Испрашиваю указаний на случай, если таковое ходатайство действительно поступит в генеральное консульство [1].

Преображенский.

№ 746. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому [2].

Телеграмма № 1902 [3]. 24/11 сентября 1912 г.

Сообщается наместнику на Кавказе и управляющему генеральным консульством в Тавризе.

Персидский посланник сообщил, что шахсевены обратились к Сепехдару, изъявляя готовность подчиниться ему и сдать оружие, если он им гарантирует прекращение военных действий против них русских [4].

Посланнику было отвечено, что Сепехдар должен направить шахсевен к генералу Фидарову для переговоров, причем с нашей стороны не встретилось бы препятствий к тому, чтобы Сепехдар послал с ними своего представителя, который мог бы принимать участие в переговорах.

Нератов.

№ 747. Меморандум российского министра иностранных дел статс-секретарю по иностранным делам Грею [5].

24/11 сентября 1912 г. [6]

Chemin de fer Transiranien.

La Société d'Études, constituée en vue de tenter la construction d'un chemin de fer Transiranien, a songé dernièrement à l'exécution partielle de ce projet sans attendre qu'une décision définitive soit prise quant à la réali-

[1] Тел. от 24/11 сент. за № 1901 Нератов поручил Поклевскому дать указания Преображенскому, что ему «не следует уклоняться от принятия прошения жителей относительно возвращения Мохамед-Али-шаха для передачи этого документа по принадлежности».

Тел. от 26/13 сент. за № 1920 Нератов передал Сазонову в Бальмораль, что на имя Николая II получена телеграмма из Тавриза, подписанная «влиятельными местными духовными и иными лицами, заключающая просьбу о возвращении на престол Мохамед-Али-шаха, который один может восстановить порядок в Персии». «По нашим сведениям, — указывал Нератов, — подобная же телеграмма послана была персидскому правительству и английскому королю». Дополнительно тел. от 30/17 сент. за № 1977 Нератов сообщил Сазонову, что ген. консульством в Тавризе получено аналогичное прошение от жителей Зенджана. (Об этом Преображенский тел. от 28/15 сент. за № 503 известил Нератова.)

[2] Тел. от 16/3 сент. Поклевский сообщал, что вступил в управление миссией.

[3] Лит. копия.

[4] Тел. от 26/13 авг. за № 1645 Сазонов сообщал Поклевскому, что Воронцов-Дашков «ходатайствует о недопущении Сепехдара в Тавриз», пока не будет закончена экспедиция против шахсевен, так как он «считает недопустимым, чтобы после наших действий против шахсевен последние сдались не начальнику нашего отряда, а Сепехдару». Соглашаясь с этим мнением Воронцова-Дашкова, Сазонов предлагал Поклевскому «предъявить Сепехдару требование не вмешиваться в наши дела с шахсевенами и, в случае обращения к нему последних, указать им, что они должны вступить в переговоры с Фидаровым и подчиниться всем его требованиям».

Ответной тел. от 7 сент./25 авг. за № 729 Саблин сообщал: «Сепехдар частным образом уведомил меня, что не будет вмешиваться в наши дела с шахсевенами и, в случае обращения их к нему, направит их к генералу Фидарову». На этой тел. помета Николая II: «Давно пора». Москва, 11 сент./29 авг.

[5] Опубл. Brit. Doc., vol. IX, P. I, p. 753.

[6] Оригинал не датирован. В Brit. Doc. опубликован под 24 сент. нов. ст.

sation du projet en entier. Dans cet ordre d'idées, il s'agirait d'entreprendre dès maintenant la construction d'une ligne qui, partant d'Alat sur le Transcaucasien, irait jusqu'à Téhéran et constituerait ainsi une partie du tronçon russe de la grande ligne projetée. En principe le Gouvernement impérial serait prêt à admettre une semblable solution.

La Société d'Études a, paraît-il, l'intention d'entamer à cet effet des pourparlers avec le Gouvernement persan tant au sujet des recherches préalables à exécuter sur les lieux que de l'option à obtenir pour les lignes qui l'intéressent. Considérant que, par elle-même, l'option obtenue n'implique pas encore la construction effective des voies visées, le Gouvernement impérial aime à croire que le Gouvernement britannique ne verra, de son côté, aucune objection à ce que la Société d'Études obtienne l'option en question, car, le cas échéant, ladite Société restera libre de ne point user du droit acquis pour ce qui concerne le tronçon anglais du chemin de fer. Le Gouvernement impérial espère, par conséquent, que rien n'empêchera les représentants britannique et russe à Téhéran d'appuyer, tous les deux, les démarches de la Société dans le sens précité.

Afin de faciliter l'heureuse issue de ces démarches, il serait désirable d'encourager la Société d'Études à faire simultanément des offres sérieuses au Gouvernement persan en vue de réaliser le grand emprunt dont il a besoin.

Перевод.

Транспeрсидская железная дорога.

У Société d'Études, созданного с целью постройки Трансперсидской ж. д., за последнее время возникла мысль о частичном выполнении этого проекта, не дожидаясь того, чтобы было принято окончательное решение по проекту в целом. В этом смысле речь шла бы о том, чтобы приступить теперь же к сооружению линии, которая, начинаясь от Алята на Закавказской ж. д., шла бы до Тегерана и таким образом явилась бы частью русского отрезка проектируемой магистрали. Императорское правительство в принципе готово допустить подобное решение.

Société d'Études, повидимому, имеет намерение начать с этой целью переговоры с персидским правительством как по вопросу о предварительных изысканиях на местах, так и относительно опциона на те линии, которые его интересуют. Считая, что сам по себе полученный опцион не обязывает еще к действительному сооружению намеченных дорог, императорское правительство льстит себя надеждой, что британское правительство не встретит со своей стороны никаких возражений к тому, чтобы Société d'Études получило опцион, о котором идет речь, потому что, в случае надобности, указанное Общество сможет не использовать приобретенное право в том, что касается английского отрезка железной дороги. Императорское правительство вследствие этого надеется, что ничто не помешает британскому и российскому представителям в Тегеране поддержать шаги Общества в указанном смысле.

Для того, чтобы облегчить благоприятные результаты этих шагов, было бы желательно побудить Société d'Études сделать одновременно персидскому правительству серьезное предложение о реализации большого займа, в котором оно нуждается.

№ 748. Меморандум российского министра иностранных дел статс-секретарю по иностранным делам Грею [1].

24/11 сентября 1912 г. [2]

Chemins de fer anglais en Perse.

Un syndicat anglais (MM. Greenway, Seligman, Lynch) a présenté au Gouvernement persan un projet de construction d'un réseau de chemins de fer dans le sud de la Perse [3], projet se résumant en traits généraux aux points suivants:

---

[1] Опубл. Brit. Doc., vol. IX, P. I, p. 754.
[2] Оригинал не датирован. В Brit. Doc. опубликован под 24 сент. нов. ст.
[3] См. № 625.

1. Émission par la Perse d'obligations garanties par les lignes de chemin de fer elles-mêmes et leur revenus, ainsi que par les revenus douaniers et autres revenus du Gouvernement persan, au choix du syndicat.

2. Construction des lignes de chemin de fer:

a) de Mohammerah ou de Khor-Mousa à Khorremabad ou Bouroudjirde (ce dernier point situé dans la zone russe)

b) de Bender-Abbas à Kerman

c) » » » » Chiraz

d) » » » » Mohammerah.

3. Droit de construire des ports dans chacune des villes maritimes susmentionnées.

4. Option pour la construction de prolongations de ces lignes ou de toutes autres lignes dans le sud de la Perse.

Ce projet entraînerait une augmentation considérable de la Dette publique en Perse, — ce qui ne manquerait pas d'avoir de graves inconvénients en égard aux engagements financiers déjà contractés par ce pays envers la Russie et l'Angleterre. En tout cas la garantie des obligations par «les revenus douaniers et autres», déjà affectés au service des emprunts antérieurs ou constituant la seule source de revenus susceptible de garantir le grand emprunt dont il est question en ce moment, soulève de sérieuses objections.

Sans entrer dans les détails du projet mentionné qui demandent une étude plus approfondie, on ne saurait passer sous silence que l'exploitation de la zone neutre étant également ouverte aux capitaux des deux pays, toute absorbtion plus ou moins exclusive des chemins de fer dans cette zone serait peu conforme à l'esprit de la convention de 1907. Quant au projet de faire éventuellement aboutir une des lignes à Bouroudjirde, ville rentrant dans la zone russe, ce projet serait en contradiction avec les principes mêmes de cette convention. Il semblerait par conséquent fort opportun de soumettre le projet élaboré par le syndicat à un examen préalable de la part des Gouvernements de Grande-Bretagne et de Russie.

Перевод.

Английские железные дороги в Персии.

Английский синдикат (гг. Гринуей, Зелигман, Линч) представил персидскому правительству проект сооружения ж.-д. сети на юге Персии, сводящийся в общих чертах к следующему:

1. Выпуск Персией облигаций, гарантированных самими железными дорогами и их доходами, а также таможенными и иными доходами персидского правительства по выбору синдиката.

2. Сооружение ж.-д. линий:

а) от Мохаммеры или Хормуджа до Хорремабада или Буруджирда (этот последний пункт расположен в русской зоне)

б) от Бендер-Аббаса до Кермана

в) » » » » Шираза

г) » » » » Мохаммеры.

3. Право сооружения порта в каждом из перечисленных приморских городов.

4. Опцион на сооружение продолжений этих линий, а также всех других линий на юге Персии.

Этот проект вызвал бы значительное увеличение публичного долга Персии, что не преминуло бы создать серьезные затруднения в отношении уже взятых на себя этой страной финансовых обязательств по отношению к России и Англии. Во всяком случае гарантирование облигаций «таможенными и иными доходами», уже предоставленными для обеспечения более ранних займов или являющихся единственным источником дохода, способным гарантировать большой заем, о котором идет речь в настоящий момент, вызывает серьезные возражения.

Не входя в подробности указанного проекта, которые требуют более глубокого изучения, нельзя обойти молчанием тот факт, что ввиду того, что эксплоатация нейтральной зоны одинаково открыта для капиталов обеих стран, всякое более или менее полное овладение железными дорогами в этой зоне не отвечало бы духу конвенции 1907 г. Что же касается проекта довести одну из линий эвентуально до Буруджирда — города, входящего в русскую зону, — то это противоречило бы самым принципам ука-

занной конвенции. Вследствие этого казалось бы чрезвычайно своевременным подвергнуть выработанный синдикатом проект предварительному рассмотрению британского и российского правительств.

№ 749. Меморандум российского министра иностранных дел статс-секретарю по иностранным делам Грею [1].

24/11 сентября 1912 г.[2]

Afghanistan.

Jusqu'à présent l'Émir d'Afghanistan n'a pas reconnu les stipulations de la convention de 1907 qui concernent ses États et qui prévoient l'établissement de relations directes entre les autorités frontières russes et afghanes.

Cet état de choses présente pour la Russie de nombreux et graves désavantages. Le commerce entre la Russie et l'Afghanistan tend à se développer, ce qui entraîne naturellement un accroissement de questions litigieuses inévitables partout où existent des relations commerciales, quelque limitées qu'elles soient. Les questions d'irrigation, d'un intérêt vital pour la population indigène, exigent un contrôle continu et vigilant. Les ravages causés par les sauterelles demandent également des mesures énergiques et concertées afin de préserver les plantations contre ce fléau. Toutes ces questions ne peuvent être résolues que par une activité commune des autorités russes et afghanes. En outre, la Russie n'opposant aucune entrave à la libre circulation des sujets afghans sur territoire russe, ces derniers se trouvent dans une position privilégiée en comparaison aux sujets russes auxquels l'accès de l'Afghanistan est interdit. Un pareil état de choses porte préjudice au prestige de la Russie dans l'Asie Centrale. Le Gouvernement impérial croit devoir attirer l'attention particulière du Gouvernement britannique sur les armements continuels de l'Afghanistan, ainsi que sur la présence dans ce pays d'un grand nombre d'instructeurs militaires turcs dont le chiffre s'élève actuellement à 80 officiers. En contribuant à l'organisation d'une armée afghane, ces instructeurs s'occupent en même temps de propagande panislamique également dangereuse au point de vue des intérêts anglais et russes. Gagnant du terrain dans les domaines de l'Émir, et excitant le fanatisme des populations afghanes, cette propagande pénètre de plus en plus dans les régions limitrophes de la Russie et des pays qui se trouvent sous son protectorat.

Ce qui précède semble démontrer suffisamment la nécessité de mettre fin à un état de choses aussi anormal. Le Gouvernement impérial aime à espérer que le Gouvernement britannique voudra reconnaître le bien-fondé de ses arguments et ne refusera pas son concours en vue d'écarter les inconvénients indiqués.

Перевод.

Афганистан.

До настоящего времени афганский эмир не признал еще условий конвенции 1907 г., которые касаются его государства и предусматривают установление прямых сношений между российскими и афганскими пограничными властями.

Подобное положение причиняет России значительный и серьезный ущерб. Торговля между Россией и Афганистаном развивается, что, естественно, влечет за собой увеличение числа спорных вопросов, неизбежных всюду, где существуют торговые сношения, как бы ограниченны они ни были. Вопросы ирригации, имеющие жизненное значение для местного населения, требуют постоянного и внимательного контроля. Опустошения, причиняемые саранчей, также требуют энергичных и согласованных мер, чтобы оградить посевы от этого бича. Все эти вопросы могут быть разрешены только путем совместной деятельности российских и афганских властей. Кроме того, так как Россия не ставит никаких препятствий свободному передвижению афганских

[1] Опубл. Brit. Doc., vol. IX, P. I, p. 756.

[2] Оригинал не датирован. В Brit. Doc. опубликован под 24 сент. нов. ст.

подданных по российской территории, то эти последние оказываются в привилегированном положении по сравнению с российскими подданными, которым въезд в Афганистан запрещен. Подобное положение вещей наносит ущерб престижу России в Средней Азии. Императорское правительство считает нужным обратить особое внимание британского правительства на беспрерывное вооружение Афганистана, а также на присутствие в этой стране большого количества турецких военных инструкторов, число которых в настоящее время достигает 80 офицеров. Содействуя организации афганской армии, эти инструктора одновременно ведут панисламистскую пропаганду, одинаково опасную как с точки зрения русских, так и английских интересов. Постепенно завоевывая почву во владениях эмира и возбуждая фанатизм афганского населения, эта пропаганда все более и более проникает в пограничные области России и государств, находящихся под ее протекторатом.

Вышеизложенное, как будто, достаточно доказывает необходимость покончить со столь ненормальным положением вещей. Императорское правительство льстит себя надеждой, что английское правительство соблаговолит признать обоснованность его доводов и не откажет в своем содействии с целью устранения вышеуказанных затруднений.

№ 750. Меморандум российского министра иностранных дел статс-секретарю по иностранным делам Грею [1].

24/11 сентября 1912 г.[2]

Question frontière entre la Turquie et la Perse.

Les travaux de la commission turco-persane à Constantinople n'ayant abouti jusqu'ici à aucun résultat par suite de l'attitude intransigeante des délégués turcs, il y a tout lieu de croire que la Turquie est décidée de porter le litige par devant le tribunal de la Haye. Cette éventualité ne serait aucunement désirable au point de vue de la Russie et de l'Angleterre, intéressées toutes les deux dans le maintien de l'intégrité de la Perse, étant donné que la Turquie n'a pas cessé depuis un grand nombre d'années d'accumuler des preuves en faveur de ses réclamations, preuves d'une authenticité fort douteuse, mais qui pourraient quand même influencer l'opinion de la Cour d'arbitrage. D'autre part, quelle que soit la décision de ce tribunal, elle ne manquera pas d'entraver la liberté d'action des Puissances Médiatrices.

En conséquence, les démarches nécessaires ont été faites pour obtenir la prolongation des travaux de la commission de Constantinople. Néanmoins si la Turquie y consentait on pourrait toujours s'attendre à des atermoiements continuels de sa part en vue d'aboutir quand même au tribunal de la Haye.

Quelque justifiées que soient les réclamations des deux Puissances, il est plus que probable que les négociations directes qu'elles ont entamées avec la Porte ne pourront être menées à bonne fin qu'en assurant à la Turquie certains avantages ou compensations dont le caractère forme en ce moment l'objet de l'étude des deux ambassades à Constantinople. Pour le cas où la Porte, malgré ces concessions, se montrerait intraitable, il faudrait s'entendre dès à présent quant aux moyens de pression sur elle que les deux Puissances pourraient employer pour la rendre plus conciliante.

Si la Turquie réussissait à annexer les localités occupées actuellement par elle dans les rayons de Khoy, Salmas, Ourmiah, Souldouz et Soudjboulagh, la Russie se verrait de son côté obligée d'occuper une partie de l'Azerbaïdjan, nommément les districts de Makou, Kotour, Khoy et peut-être même de Maragha, jusqu'au moment où la Perse disposerait de forces armées suffisantes pour défendre ses possessions contre les agressions turques et pour sauvegarder sa neutralité [3].

[1] Опубл. Brit. Doc., vol. IX, P. I, p. 755.

[2] Оригинал не датирован. В Brit. Doc. опубликован под 24 сент. нов. ст.

[3] Ответный меморандум англ. прав-ва в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен. В Brit. Doc. (vol. IX, P. I, p. 768) опубликован ответный меморандум англ. прав-ва следующего содержания:

«Самые последние сообщения из Константинополя в значительной мере более

Перевод.

Вопрос о границе между Турцией и Персией.

Ввиду того, что работы турецко-персидской комиссии в Константинополе не привели до сих пор ни к какому результату вследствие непримиримой позиции турецких делегатов, имеются все основания полагать, что Турция решила вынести спор на решение Гаагского трибунала. Эта возможность была бы весьма нежелательна с точки зрения России и Англии, — которые обе заинтересованы в сохранении неприкосновенности Персии, — ввиду того, что Турция в течение долгих лет не переставала собирать доказательства в пользу своих притязаний, — доказательства, подлинность которых весьма сомнительна, но которые все же могли бы оказать влияние на мнение третейского суда. С другой стороны, каково бы ни было решение этого трибунала, оно не преминет связать свободу действий держав-посредниц.

Вследствие этого были предприняты необходимые шаги с целью продления работ константинопольской комиссии. Тем не менее, даже если Турция на это согласится, следует ожидать беспрестанных проволочек с ее стороны с целью все же довести дело до Гаагского трибунала.

Как бы ни были законны требования обеих держав, более чем вероятно, что непосредственные переговоры, которые они начали с Портой, не смогут быть доведены до благополучного конца, если Турции не будут предоставлены некоторые выгоды или компенсации, характер которых является в настоящее время предметом изучения обоих посольств в Константинополе. На тот случай, если Порта, несмотря на эти уступки, окажется несговорчивой, следует уже теперь договориться о мерах воздействия на нее, которые обе державы могли бы применить, чтобы сделать ее более сговорчивой.

Если Турции удастся аннексировать ныне оккупированные ею местности в районах Хоя, Салмаса, Урмии, Сулдуза и Соуджбулага,— Россия, со своей стороны, окажется вынужденной оккупировать часть Азербайджана, а именно районы Маку, Котур, Хой, а возможно даже Марагу, до тех пор, пока Персия не будет располагать достаточными вооруженными силами, чтобы оборонять свои владения против турецкой агрессии и обеспечить свой нейтралитет.

№ 751. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 197. **24/11 сентября 1912 г.**

Телеграфирую Сазонову:

Меня посетил сегодня только что вернувшийся из Софии болгарский посланник Станчов, пользующийся особенным доверием короля Фердинанда; по его словам, положение кабинета Гешова с каждым днем становится труднее, и следует предвидеть, что ему не удастся устоять пред охватившим страну воинственным возбуждением, в особенности в случае активного выступления одного из других балканских государств, например Черногории. Единственную возможность предотвратить войну он видит в немедленном проведении в Македонии реформ под гарантией и контролем держав, причем в контроле этом должно быть предоставлено участие и балканским государствам. Я самым энергичным образом высказал ему, что никакое нарушение status quo со стороны Болгарии или других балканских государств не встретит сочувствия ни со стороны императорского

удовлетворительны. Представитель его величества и представитель России высказались за территориальные уступки, которые могли бы быть сделаны Турции в Зохабе, но возможно, что не представится необходимым их сделать.

Британский вице-консул в Касри-Ширине должен поехать в Багдад для изучения дела и чтобы дать заключение о составе населения округов, которые должны быть уступлены.

Правительство его величества поэтому придерживается мнения, что в настоящее время нет никаких оснований для дальнейших шагов, как бы они ни признавались полезными».

Также не обнаружены в делах б. м-ва ин. дел опубликованные в Brit. Doc. (vol. IX, P. I, pp. 757 et 766) меморандум Сазонова и ответный меморандум Грея по вопросу о назначении росс. консула в Бомбее. В Арх. Вн. Пол., в деле К. 213, имеется только проект меморандума Сазонова, текст которого отличается от опубликованного в Brit. Doc. См. приложение II к тому.

правительства, ни даже со стороны русского общественного мнения и что всякая попытка вовлечь нас против нашей воли в осложнения может иметь для Болгарии роковые последствия. Станчов ответил, что болгарское правительство вполне понимает, что оно не может ожидать ни от России, ни от другой великой державы активной помощи; но, не стремясь ни к какому территориальному приращению и имея целью лишь введение необходимых реформ в Македонии, болгарское правительство рассчитывает, что в случае войны на Балканах державы озаботятся ее локализацией и что, в частности, Россия не допустит вмешательства со стороны Австрии и Румынии. В этих последних словах ясно проглядывает надежда болгар в конце концов использовать Россию, и я не преминул еще раз энергично указать Станчову на опасность всяких расчетов на нашу помощь без предварительного нашего согласия.

Извольский.

№ 752. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 35. 24/11 сентября 1912 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Распространенное в последнее время как в русской, так и иностранной прессе известие о благоприятном ходе переговоров между итальянскими и турецкими уполномоченными в Швейцарии, если и оказалось пока преувеличенным, то все-таки не лишено некоторого основания. До меня даже дошел слух из здешнего министерства иностранных дел, который я имел полное основание считать достоверным, что уполномоченные обеих воюющих держав пришли к соглашению. Вследствие этого, будучи лишен возможности видеть лично маркиза ди Сан-Джулиано, я его просил в частной записке сообщить мне, могу ли я телеграфировать вашему превосходительству для всех столь приятную весть. Я прибавил, что мне достаточно одного слова «да» или «нет». Министр в тот же день мне любезно ответил: «Malheureusement on ne peut pas répondre à votre question par un oui ou un non. Les précisions ne sont pas possibles en ce moment. Je crois pourtant que, vu l'état des conversations, des conseils amicaux à la Porte de la part d'une ou de plusieurs Grandes Puissances pourraient faciliter leur réussite. Nous avons chargé nos délégués de faire bien comprendre aux négociateurs turcs que sur un point que vous connaissez (министр этим разумеет суверенитет Италии в Триполисе) nous ne pourrons pas transiger» [1]. Из этих слов маркиза ди Сан-Джулиано, как и из сообщений других лиц в Консульте, как я, так и мой французский и английский коллеги вынесли положительное впечатление, что мы приближаемся к желаемой цели. Она, однако, еще не достигнута, и, может быть, пройдет еще немало времени, пока турки убедятся, — маркиз ди Сан-Джулиано надеется, что этому убеждению будут способствовать великие державы, — что Италия не может отступиться от своего решения, получившего законную силу, распространить свой абсолютный суверенитет на Триполи и Киренаику. Я, впрочем, об этом имел честь телеграфировать вашему превосходительству [2].

---

[1] «К сожалению, на ваш вопрос нельзя ответить просто да или нет. Точные определения в настоящий момент невозможны. Однако, принимая во внимание состояние переговоров, я считаю, что дружеские советы Порте со стороны одной или нескольких великих держав могли бы содействовать их благополучному завершению. Мы поручили нашим делегатам дать ясно понять турецким уполномоченным, что по известному вам пункту (министр этим разумеет суверенитет Италии в Триполисе) мы не можем уступить».

[2] См. № 702.

С тех пор, по возвращении маркиза ди Сан-Джулиано в Рим, я имел с ним разговор, в котором он мне повторил все те же аргументы, выставленные им в тождественной форме и французскому поверенному в делах. В частности, ди Сан-Джулиано мне сказал, что продолжающиеся переговоры, — один из итальянских уполномоченных приезжал в Рим за новыми инструкциями, — приведшие по многим пунктам к соглашению, касаются теперь вопроса о суверенитете. Подыскивается, но пока, к сожалению, еще не нашлась формула, позволяющая, не касаясь итальянского декрета, пощадить самолюбие турок, со стороны которых и не требуется, впрочем, прямого признания этого суверенитета. Но ди Сан-Джулиано спрашивает себя, достаточно ли турки убеждены в том, что нет той власти в Италии, которая могла бы изменить упомянутый декрет, так как общественное мнение этого никогда не позволило бы. Оно требует, по словам моего собеседника, «триумфального мира», и, несмотря на желание окончания войны, итальянский народ готов на все жертвы, чтобы довести дело до благополучного конца. Некоторые условия мира, без сомнения, будут встречены в стране с ропотом, и Джиолитти, как мне сказал министр, — сам Джиолитти, впрочем, с некоторым самомнением повторил то же самое моему французскому коллеге, — единственный человек в Италии, который способен заставить общественное мнение преклониться пред необходимыми уступками. Как мне кажется, маркиз ди Сан-Джулиано намекал тут на вопрос об островах, о котором я буду писать в следующем моем донесении.

Возвращаясь к вопросу о суверенитете, министр мне повторил, что его может быть нельзя будет решить иначе, как односторонними актами — actes unilatéraux, т. е., избегая упоминания о нем в самом мирном трактате, ограничиться добровольным отказом Турции от суверенитета ее в Триполитании. Порта объявила бы в отдельном акте, так сказать по собственному почину, полную независимость своих африканских владений. С другой стороны Италия приняла бы, по своему усмотрению, меры, чтобы утвердить свой суверенитет в этих провинциях. В Порте же, как утверждают, представители которой согласились было на такой добровольный отказ, встречаются препятствия к подобной комбинации.

Примите и пр.

Крупенский.

№ 753. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 36. 24/11 сентября 1912 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Как вашему превосходительству без сомнения известно, сэр Э. Грей имел на-днях с итальянским послом в Лондоне весьма серьезный разговор об Эгейских островах, в котором он совершенно откровенно изложил английскую точку зрения на этот вопрос. После этого великобританскому и французскому поверенным в делах в Риме было поручено подтвердить ту же точку зрения как председателю совета министров, так и министру иностранных дел [1]. Отдавая себе, однако, отчет, что такое выступление произвело бы здесь самое тяжелое впечатление, они решились телеграфировать в Лондон и Париж, что предписанное им сообщение тем более опасно, что оно

[1] Тел. от 17/4 сент. за № 870, расшифрованной в росс. м-ве ин. дел, Грей сообщил Бьюкенену о следующей тел., полученной им из Парижа: «Министр иностранных дел готов сделать предупреждение, и французский поверенный в делах получил инструкции присоединиться к своему британскому коллеге с целью дружески привлечь внимание итальянского правительства на затруднения, которые вызвало бы сохранение Италией за собой каких-либо Эгейских островов».

пока, по их мнению, беспредметно и бесспорно повлияло бы неблагоприятным образом на отношения Италии к Англии и к Франции. Аргументы, выставленные великобританским и французским дипломатами, видимо, убедили лондонский и парижский кабинеты, которые разрешили им пока этого вопроса не затрагивать.

Пользуясь моими давнишними отношениями с маркизом ди Сан-Джулиано и желая вместе с тем исполнить просьбу французского поверенного в делах, я воспользовался его приездом в Рим и в совершенно частной беседе спросил министра иностранных дел, не в качестве русского посла, а лишь любознательного свидетеля, как представляет себе римский кабинет будущую судьбу занятых итальянским флотом островов Эгейского моря? «Если этот вопрос покажется вам слишком нескромным или слишком деликатным, — сказал я, — то я прошу вас не отвечать, так как никто никогда не поручал мне вам его ставить». Министр мне любезно ответил: «Vous ne pouvez pas me faire de questions indiscrètes car je n'ignore pas et les sentiments de votre Gouvernement et les vôtres personnels pour mon pays et je vous dis tout ce que je sais. Nous n'avons pas l'intention de garder ou même d'occuper les îles, mais je suppose que l'Europe elle-même ne voudrait pas qu'elles retournassent sans garanties aucunes à la Turquie, qui pourrait s'y venger par de terribles représailles. Je suppose donc que les Cabinets causeront entre eux des mesures à prendre pour assurer aux populations de cet archipel certains droits. Nous évacuerons après la paix et *après que la Turquie aura rappelé ses troupes de la Tripolitaine*» [1]. На этом прекратилась наша беседа, продолжать которую я счел неуместным и даже опасным. Но как из этого разговора, так и из всех предыдущих моих бесед, о которых я в свое время доносил императорскому министерству [2], я вынес впечатление, что итальянское правительство, несмотря на давление общественного мнения, в сознании серьезных возражений со стороны всех европейских держав не намерено продлить занятие Эгейских островов, и при несравненном авторитете г. Джиолитти ему удастся примирить страну с таким решением.

Примите и пр.

Крупенский.

№ 754. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 37. 24/11 сентября 1912 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Перемещение французского флота и сосредоточение его в Средиземном море [3] произвели здесь впечатление и вызвали опасения. Этому немало способствовала германская и австрийская прессы, которые ежедневно возбуждали общественное мнение Италии и выставляли франко-английскую морскую политику направленной против Италии. Как ни груба ловушка, но болезненно впечатлительные итальянская пресса и народ попадались на эту приманку. В Австрии и Германии выставляли при этом необходи-

---

[1] «Вы не можете предложить мне нескромных вопросов, ибо мне известны чувства как вашего правительства, так и лично ваши по отношению к моей стране, и я говорю вам все, что знаю. Мы не имеем намерения сохранить за собой или даже оккупировать острова, но я предполагаю, что Европа сама не захочет, чтобы они без всяких гарантий были возвращены Турции, которая может отомстить там ужасными репрессиями. Я предполагаю поэтому, что кабинеты посоветуются между собой относительно мероприятий, способных обеспечить населению этого архипелага некоторые права. Мы произведем эвакуацию после заключения мира и *после того, как Турция отзовет свои войска из Триполитании*».

[2] См. №№ 571 и 572.

[3] См. № 785.

мость распространить условия Тройственного союза и на Средиземное море и таким образом соединить против Франции австрийский и итальянский флоты. К счастью, французской прессе, направленной парижским кабинетом, удалось несколько успокоить здешние умы, однако не совсем, так как многие государственные люди, и между ними известный депутат Чирмени, постоянно пишущий даже статьи во враждебной Италии австрийской «Neue Freie Presse», продолжают агитировать в пользу сближения с Австрией в Средиземном море. Римский же кабинет вполне спокоен, чему немало способствовало сделанное здесь, по поручению парижского кабинета, французским поверенным в делах сообщение следующего содержания: «La concentration de la flotte française dans la Méditerranée n'est pas imminente et n'est aucunement inspirée par une pensée de méfiance et encore moins par une pensée d'hostilité envers l'Italie. Les excellentes relations existantes entre les deux pays et le prix que la France attache à son accord avec l'Italie — этим намекается на секретное соглашение 1902 г. — doivent garantir au Gouvernement italien la loyauté des intentions du Gouvernement de la République française» [1]. Сообщение это произвело здесь, как я мог лично убедиться в своей беседе с маркизом ди Сан-Джулиано, прекрасное впечатление. На мой вопрос по этому поводу министр иностранных дел сказал мне, что хотя действительно сосредоточение французских морских сил в Средиземном море и не могло здесь понравиться, но ему было приписано преувеличенное значение. «Правительство, — сказал он, — нисколько не беспокоится, и его отношения к Франции не зависят от количества французских вымпелов по сю сторону Гибралтарского пролива. Для наших отношений с Францией капитальное значение будет иметь положение, которое парижский кабинет займет в триполитанском вопросе как во время войны, так и после нее. Мы требуем от Франции, чтобы она относительно нас поступила точно так же, как мы, несмотря на наши союзные обязательства, отнеслись к ее политике в марокканском вопросе в Алжесирасе и после этого. Это и только это будет для нас мерилом истинных чувств Франции».

Примите и пр.

Крупенский.

P. S. Императорскому министерству, полагаю я, известно, что вскоре после начала итало-турецкой войны итальянское правительство предложило Франции притти к соглашению о взаимном применении капитуляций в Марокко и в Триполисе. Парижский кабинет ответил на это предложение, что он затрудняется согласовать такой договор с обязанностями нейтралитета, так как до окончания войны Триполис продолжает составлять часть Турецкой империи. Хотя против такого ответа и трудно возразить, но он, разумеется, не мог здесь удовлетворить. Желая, однако, теперь доказать Италии свои благожелательные намерения, парижский кабинет изменил ныне свое решение, и я не сомневаюсь, что это будет иметь самое благоприятное влияние на франко-итальянские отношения, особенно ввиду сказанного мне маркизом ди Сан-Джулиано о положении, занятом Францией не только после, но и во время войны. Французскому поверенному в делах поручено сообщить итальянскому министру иностранных дел — и это сообщение будет сделано им сегодня, — что «comme preuve du désir de la France d'être agréable à l'Italie, le Gouvernement de la République accepte sa pro-

[1] «Концентрация французского флота в Средиземном море не предстоит в близком будущем и отнюдь не вызывается чувством недоверия, а тем более враждебности по отношению к Италии. Прекрасные отношения, существующие между обеими странами, и то значение, которое Франция придает соглашению с Италией — этим намекается на секретное соглашение 1902 г. — должны служить для итальянского правительства гарантией лойяльности намерений правительства Французской республики».

position, malgré ses devoirs de neutralité et les soupçons auxquels cela pourrait donner lieu, que les deux Gouvernements envoient respectivement des instructions parallèles à leurs agents au Maroc et en Tripolitaine pour l'interprétation dans un sens large des capitulations sous la condition expresse que cette entente reste secrète»[1].

Ut in litteris

Крупенский.

№ 755. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 24/11 сентября 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Мои три доверительных донесения[2], отправляемые с сегодняшним курьером, исчерпывают весь местный политический материал двух последних недель. Мне ничего не остается прибавить к ним, разве только упомянуть еще о предстоящей поездке в Италию графа Берхтольда, который будет в октябре месяце, после роспуска австрийских делегаций, принят итальянским королем в Сан-Россоре. Хотя взаимные посещения и представления монархам Германии, Австро-Венгрии и Италии министров иностранных дел держав Тройственного союза и вошли в обычай и не представляют ничего необыкновенного, но поездке графа Берхтольда приписывается в настоящую минуту большее значение. Здесь прекрасно сознают, что он тем более хочет приковать Италию к германо-австрийскому союзу, что цена ее флота значительно увеличилась и что ненадежность ее отношений к Австрии и Германии не составляет ни для кого секрета. Я не сомневаюсь, что австрийский министр иностранных дел постарается распространить договор Тройственного союза и на Средиземное море, которое доселе было изъято из действия этого трактата. Не смею решить, удастся ли это графу Берхтольду, хотя я и сомневаюсь, чтобы итальянское правительство добровольно и без всякой нужды наложило на себя новые цепи. Ручаться в этом, однако, нельзя, и я сочту своим долгом внимательно следить за всеми проявлениями австро-итальянских отношений, хотя разговоры графа Берхтольда с маркизом ди Сан-Джулиано и будут, разумеется, держаться в самой строгой тайне, прозреть которую представителям держав Тройственного согласия будет нелегко и может быть невозможно своими собственными силами.

На прошлой неделе приезжал в Италию всего на несколько дней итальянский посол в Вене герцог Аварна. Брат его, герцог Гуальтиери, наивно сказал: «Ce sont des raisons d'État qui amènent mon frère pour quelques jours à Rome»[3], и меня ничуть не удивило бы, если бы герцога Аварна просили в Вене подготовить почву для морского соглашения с Италией или если бы он был вызван сюда своим правительством для переговоров по этому вопросу. Но все это — только мысли и догадки. Проверить же, насколько они соответствуют действительности, повторяю еще раз, будет чрезвычайно трудно, хотя это и входит в прямую мою обязанность.

Примите и пр.

Крупенский.

---

[1] «в доказательство желания Франции быть приятной Италии, правительство Республики принимает ее предложение — несмотря на обязательства, налагаемые на него нейтралитетом и несмотря на подозрения, которые это может вызвать, — чтобы оба правительства послали своим агентам в Марокко и Триполитании параллельные инструкции относительно широкого толкования капитуляций, при непременном условии держать этот уговор в тайне».

[2] См. №№ 752, 753 и 754.

[3] «Это государственные дела вызвали моего брата на несколько дней в Рим».

№ 756. Поверенный в делах в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 38. 24/11 сентября 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В дополнение к секретной телеграмме моей от 19/6 сего сентября за № 68 [1], коей я имел честь донести об исполнении мною предписания г. министра, изложенного в телеграммах за №№ 1827 и 1829 [2], считаю долгом сообщить нижеследующее:

Граф Берхтольд, который меня принял 19/6 сентября, уже знал в общих чертах, в чем заключалось предложение наше, обращенное к великим державам, так как австро-венгерский поверенный в делах в С.-Петербурге успел его уведомить о своем разговоре с г. министром по этому предмету. Как я имел честь тотчас же донести по телеграфу, граф Берхтольд, вообще говоря, высказал сомнение в целесообразности предложенного нами шага перед Портой. Он несколько раз с большим вниманием прочел составленную мною краткую памятную заметку, в которой я очертил мысль, изложенную в телеграмме г. министра за № 1827, причем остановился на перечне тех реформ в Македонии, на проведении коих г. министр настаивал в своей беседе с Турхан-пашой. Реформы эти, — сказал он, — уже предусмотрены самой конституцией Турции; новое их провозглашение произвело бы успокаивающее действие только в том случае, если бы оно могло быть приписано собственному почину турецкого правительства; к тому же осуществление их потребовало бы много времени, а нам необходима формула, способная дать удовлетворение христианам сейчас же. Наконец, если внушение будет сделано Порте не всеми великими державами, то турки, по своему обыкновению, используют рознь держав и оставят без последствий делаемые им внушения. Тем не менее он мне сказал, что обдумает наше предложение и сообщит свой ответ через австро-венгерского поверенного в делах в С.-Петербурге; наконец, что он всегда готов содействовать нам во всем, что имеет целью предотвращение войны и сохранение неприкосновенности Турции и существующего status quo на Балканах. При этом граф Берхтольд прибавил, что он с большим удовольствием осведомился от г. Силаши о существующем у императорского правительства мнении относительно возможного согласования наших действий с Австро-Венгрией в настоящем балканском кризисе.

На это я ему ответил, что я не только могу подтвердить существование такого у нас мнения, но что я получил особенное предписание заверить его в том, что императорское правительство желает установления возможно большей согласованности взглядов с венским кабинетом как в надежде предотвращения осложнений, так и в целях охранения непосредственных интересов обеих держав.

Заявление это, видимо, пришлось очень по сердцу графу Берхтольду, и он поручил мне выразить по сему поводу гофмейстеру Сазонову чувства живейшего своего удовлетворения. Как вашему превосходительству известно, лично он всегда заявлял себя сторонником тесных доверчивых отношений к России. Я убежден в том, что он рад способствовать устранению существующей взаимной подозрительности — чувства настолько глубокого и, с нашей стороны, настолько обоснованного, что о возвращении к австро-русской дружбе, так умело использованной Австрией в прошлом, не может быть пока и речи. Но это чувство не должно исключать возможности согласованных действий в тех конкретных случаях, когда она служит интересам обеих сторон, и в этих случаях я думаю, что мы можем рас-

---

[1] Лит. копия тел. Кудашева за № 68 датирована 20/7 сент. (см. № 718).

[2] См. №№ 686 и 688.

считывать на посильное содействие австро-венгерского министра иностранных дел.

Несколько дней после моего разговора с министром, первый секционсшеф барон Маккио мне по собственной инициативе сообщил о благоприятном впечатлении, которое произвели на графа Берхтольда переданные мною по приказанию гофмейстера Сазонова слова. А вскоре после того он меня ознакомил с содержанием ответа на наше предложение, посланного в С.-Петербург, из которого явствовало, что, несмотря на упоминаемые выше сомнения свои в целесообразности нашего предложения, австро-венгерский министр иностранных дел все же счел возможным поручить маркизу Паллавичини сделать Порте дружеское внушение, подобное сделанному ей нами [1]. При этом барон Маккио с удовольствием отметил параллелизм наших действий, от которого он ожидает благих результатов, даже если бы действия эти не нашли прямой поддержки других великих держав.

Примите и пр.

Кн. Н. Кудашев.

№ 757. Посланник в Бухаресте временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 70. 24/11 сентября 1912 г.

На сегодняшнем приеме министр иностранных дел высказал сильные опасения, вызываемые в нем поступающими из Болгарии сведениями, относительно господствующего там воинственного настроения. Г. Майореску вместе с тем заверил меня, что даже в случае воинственного выступления Болгарии против Турции Румыния ничего не предпримет без ведома великих держав.

Шебеко.

№ 758. Посланник в Бухаресте временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 24/11 сентября 1912 г.
Весьма доверительно.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Обращаюсь к вам с большой просьбой, а именно — нельзя ли сообщать миссии по телеграфу копии главнейших телеграмм, которыми министерство обменивается с Константинополем и другими балканскими центрами. Между прибытиями экспедиций проходит столько времени, и последние приходят в Бухарест с таким запозданием, что миссия является совершенно неосведомленной относительно самых жгучих политических вопросов, и начальник ее принужден для бесед с местным правительством черпать сведения из газет, которые очень часто бывают превратными. Между тем, для представителя страны за границей имеет громадное значение, — особенно в небольших государствах, которые сами плохо осведомлены и смотрят на иностранных представителей отчасти как на источник сведений, — быть своевременно осведомленным относительно всех важных политических вопросов и в особенности относительно того, что предпринимает его правительство.

В настоящее тревожное для Балкан время это особенно чувствительно, и незнание того, что доносится нашими представителями и что предпринимается нами в Софии и Константинополе, а также в Белграде и Цетинье, представляет громадное неудобство и дает большое преимущество предста-

[1] См. № 737.

вителям Австрии и Германии, прекрасно осведомленным своими правительствами относительно всей телеграфной переписки с балканскими центрами.

Здесь в интересах России безусловно можно очень много сделать, почва для этого скорее благодарная, и нужно только с нашей стороны что-нибудь сделать, чтобы это использовать. Для нового человека это легче, нежели для человека, пробывшего долгое время на одном посту.

Я с первого же дня заявил категорически, что моя миссия заключается в том, чтобы рассеять недоразумения и достигнуть сближения Румынии с Россией, с которой Румыния связана единством веры и массой общих интересов.

Точка зрения эта встречена была здесь весьма сочувственно даже в таких сферах, в которых я особенного сочувствия не ожидал. Король, в ответ на мое приветствие, в котором я заявил о желании «resserrer les liens» [1], связывающие Россию с Румынией, особенно подчеркнул свое желание и намерение еще более укрепить эти связи. Председатель совета министров и министр иностранных дел г. Майореску, которого никак нельзя заподозрить в крайнем русофильстве, во время продолжительных бесед, которые у меня с ним были, неоднократно высказывался в смысле поддержания самых лучших отношений с Россией, в миролюбии и отсутствии завоевательных стремлений которой Румыния за последнее время убедилась.

Очень желательно, чтобы печать наша пошла навстречу подобному настроению и, вместо того чтобы ругательными статьями толкать Румынию в распростертые объятия Австрии и Германии, щадя самолюбие маленького государства, старалась привлечь ее к нам всеми способами.

Отношения Румынии к Болгарии за последнее время как будто улучшаются. Здешний болгарский посланник г. Калинков, вернувшись на-днях из Софии, заявил румынскому правительству, что ему предписано сделать все возможное для установления самых дружественных отношений между обоими государствами. Были даже сделаны неофициальные попытки вызвать со стороны Румынии откровенное признание своих вожделений в смысле изменения болгарской границы на случай нарушения status quo на Балканах. Ответ был дан Румынией уклончивый с предложением Болгарии высказаться более определенно.

Считаю долгом еще раз упомянуть о желательности воспользоваться предстоящим [11 декабря] 28 ноября с. г. празднованием 35-летнего юбилея взятия Плевны для оказания престарелому королю Карлу, командовавшему в этот день соединенными русскими и румынскими силами, знака внимания в виде пожалования ему звания фельдмаршала [2]. Нет сомнения, что это произвело бы наилучшее впечатление в стране и на армию и способствовало бы улучшению наших отношений с Румынией.

Глубоко преданный и уважающий вас

Н. Шебеко.

№ 759. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Ч. Депеша № 60. 24/11 сентября 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Я имел честь по телеграфу поставить ваше превосходительство в известность о сделанных мной сербскому правительству категорических предста-

[1] «укрепить связи».

[2] В письме от 19/6 сент. Шебеко высказывался за желательность оказать королю Карлу какой-нибудь знак внимания «вроде пожалования его званием фельдмаршала» в связи с исполняющимся 30/17 сент. 50-летним юбилеем его военной службы. «Я не сомневаюсь в том, — писал Шебеко, — что это оказало бы благодетельное влияние на наши отношения к маленькой, но весьма честолюбивой Румынии».

влениях, согласно указаниям, преподанным мне в телеграммах господина министра от [17] 4 и [18] 5 сего сентября [1]. Во избежание каких-либо недомолвок, я не ограничился словесными объяснениями с Пашичем и передал ему особую памятную записку, отметив в ней все гибельные последствия, которым неминуемо подверглись бы и Сербия и Болгария, в случае если бы они, вопреки настоятельным советам России, решились открыть военные действия против Турции.

На Пашича сообщение императорского правительства произвело глубокое впечатление. Он с большим волнением говорил мне, что ему, всю жизнь свою боровшемуся в Сербии против веяний, враждебных России, ему, начертавшему на знамени радикальной партии слова «беззаветная преданность мощной покровительнице славян», — более чем кому-либо было бы тяжело впервые стать на путь, ведущий к разногласию с императорским правительством. Пашич уверял меня, что и ныне будет до последней крайности бороться с воинственными настроениями, охватившими и Сербию и Болгарию, готовых подвергнуть себя большому риску, вероятность которого, конечно, не ускользает от его внимания. Но он далеко не надеется на свои силы, чувствуя себя почти в одиночестве.

После свидания со мной, председатель совета министров тотчас же отправился во дворец и представил королю доклад по поводу полученных из Петербурга известий. Как мне затем передал Пашич, сообщение императорского правительства сильно смутило короля Петра. Его величество заметил, что он искренне желает избежать войны, которая, каковы бы ни были ее конечные результаты, несомненно тяжело отзовется на Сербии. Он будет крайне счастлив, если правительства обоих славянских государств сумеют изыскать мирный выход из настоящих затруднений. Но, добавил король, я решительно не представляю себе, как мог бы я изменить соглашению с Болгарией, под которым стоит моя подпись.

Ввиду изложенного я склонен думать, что белградское правительство ни при каких условиях не согласится на наше предложение — объявить Болгарии, что, в случае начатия ею военных действий против Турции, Сербия не последует за своей союзницей.

Что же касается других указаний императорского правительства, то они несомненно были приняты в серьезное внимание кабинетом Пашича, которым уже приняты некоторые меры воздействия в успокоительном духе. Насколько они окажутся действительными, сказать, конечно, трудно. Тем более, что проявленное за последние дни сербским правительством миролюбие вызвало бурю негодования в здешней печати, заговорившей уже о том, что старорадикалам следует немедленно удалиться, чтобы уступить место более патриотическим деятелям, глубже понимающим интересы родины.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 760. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⅟. Депеша № 63. 24/11 сентября 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Турция задержала 20 вагонов военного материала, следовавшего в Сербию [2]. Материал этот состоит из ружей, патронов и пр., заказанных серб-

[1] См. №№ 689, 690, 698 и 723.

[2] Деп. от 23/10 сент. за № 77 М. Гирс сообщал Нератову, что в турец. м-ве внутр. дел «получилось от косовского вали донесение о тайном ввозе в вилайет мауверовских ружей албанским вождем Саллихом-ага. Ружья эти, по утверждению вали, выписы-

ским правительством во Франции еще в минувшем году. На запрос, предъявленный Порте посланником Ненадовичем о причинах, вызвавших столь неожиданное мероприятие с ее стороны, оттоманское правительство заявило, что оно не может, как прежде, закрывать глаза на усиленное вооружение Сербии, отношения коей к Турции за последнее время приняли весьма недружелюбный характер, о чем между прочим свидетельствует вся белградская печать, призывающая народ к войне с соседней империей.

В инструкциях, посланных на-днях сербскому представителю в Константинополе, Пашич категорически протестует против неосновательных нареканий на Сербию. За последние три года, говорится далее в инструкциях, сербское правительство, напротив, явило немало доказательств искреннего желания своего поддерживать добрые сношения с Турцией, дружбу которой оно всегда ценило. Во взглядах его не произошло никаких перемен. И если в настоящее тревожное время в сербских общественных кругах раздаются враждебные против Турции голоса, то было бы совсем несправедливо возлагать за это ответственность на сербское правительство; причину возбуждения сербов и болгар следует искать в самой Турции, где соплеменные им народности подвергаются периодическим зверствам. Новый недружелюбный акт Порты, выразившийся в задержке военных припасов, следовавших в Сербию, которая за все время итало-турецкой войны свободно пропускала чрез свою территорию оружие, предназначавшееся для турецкой армии, может только усилить чувство негодования сербов против Турции и повести к самым опасным осложнениям. В заключение Ненадовичу вновь предписывается представить Порте требование о скорейшем пропуске задержанных ею вагонов с военным материалом и заявить вместе с тем, что неисполнение такового будет истолковано белградским кабинетом, как явно враждебное действие Турции, направленное против Сербии. Ответ оттоманского правительства на это требование еще не получен.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 761. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 24/11 сентября 1912 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

На-днях Н. Пашич получил от г. Данева предложение съехаться в каком-либо сербском пригграничном пункте для личного обмена взглядов по поводу настоящего тревожного положения дел. Сообщая мне об этом весьма доверительно, Пашич сказал, что его крайне обрадовала возможность совсем откровенно объясниться с лидером цанковистов и, если удастся, склонить его к изысканию совместными усилиями мирного выхода из создавшихся затруднений. Он тотчас принял приглашение, и третьего дня между обоими государственными людьми состоялось свидание.

По словам Пашича, в общем, из разговора с Даневым он вывел заключение, что, несмотря на расточаемые за последнее время мирные заверения, софийское правительство твердо решило воевать с Турцией. На указание Пашича относительно опасностей, с которыми может быть сопряжена война, предпринимаемая без поддержки России и вопреки ее настояниям, Данев заметил, что мысль об ослушании России до крайности смущает обе партии,

вались из Сербии, при благосклонном попустительстве королевского правительства, и предназначаются для раздачи албанцам». По словам Гирса, великий визирь «возмущен» поведением серб. прав-ва, и «вероятно в отместку за такие недружелюбные действия Сербии оттоманские военные власти задержали военный груз, направлявшийся из салоникской таможни в Сербию».

стоящие у власти в Болгарии, но что возникшее в стране движение сильнее воли правительства. В дальнейшем Данев очертил условия, которые, по мнению болгар, представляются благоприятными для начатия военных действий именно в настоящую минуту. Он старался доказать, что сведения о количестве турецких войск, сосредоточенных на границах Болгарии, сильно преувеличены; что в войсках этих отсутствует дисциплина и что, наконец, Турция, в случае одновременного нападения на нее Болгарии, Сербии, Черногории и Греции, — не в состоянии будет вести войну на четыре фронта. По поводу последней, т. е. Греции, Данев сообщил своему собеседнику, что именно в настоящую минуту афинский и софийский кабинеты ведут переговоры о возможном расширении уже заключенного между ними соглашения [1].

Пашич всячески пытался умерить оптимизм своего собеседника, но, повидимому, безуспешно.

Ввиду совершенно доверительного характера сообщения Пашича, который доложил о свидании своем с Даневым только королю Петру, я обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой о сохранении такового в возможно строгой тайне.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 762. Военный агент в Сербии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 163. 24/11 сентября 1912 г.

Секретно.

[12 сентября] 30 августа образовался старорадикальный кабинет Н. Пашича [2], в который вошли наиболее видные деятели партии: Стоян Протич, г. Пачу и др. Общественное мнение приветствовало кабинет Н. Пашича, лично пользующегося громадной популярностью.

Новый кабинет прежде всего успокоил общественное мнение отменой запрещения вывоза хлебов; оставлено в силе лишь запрещение вывоза овса и мякины. В целях того [же] успокоения не состоялся ожидаемый всеми немедленный созыв скупщины в чрезвычайную сессию (что означало бы близкую войну [3]). Однако после некоторого затишья в конце августа и упадка воинственности, вызванного, вероятно, прибытием в Солунь транспорта (300 тонн) боевых припасов для Сербии и слухами о задержании его турецкими властями [4], уже через неделю обнаружилось новое и более опасное возрастание воинственности; в офицерских и общественных кругах Белграда говорилось, что Россия обещала Сербии поддержку и вообще «развязала ей руки».

Полагаю, что введение общественного мнения в заблуждение относительно истинных намерений России производилось с ведения кругов, близких правительству, в целях поддержания энтузиазма армии и народа.

Одновременно продолжались общие военные приготовления. Из разговоров с военным министром мне показалось, что правительство Н. Пашича неискренне: успокаивая нас миролюбивыми заявлениями и уверяя, что сербы не тронутся первыми, сербское правительство совместно с болгарским бесповоротно решили воевать, имея в виду, что добиться разрешения на войну от держав Тройственного согласия все равно не удастся, и

[1] Воен. конвенция между Болгарией и Грецией была подписана в Софии 5 окт./22 сент. 1912 г. (опубл. *Гешов*, Балканский союз, стр. 99).

[2] Ср. стр. 206, прим. 1.

[3] См. № 678.

[4] См. № 680.

в расчете, что интересы России, Франции и Англии понудят их поддержать дипломатически болгар и сербов (своих будущих союзников в общеевропейской войне), когда эти великие державы будут поставлены перед совершившимся фактом: нападения на Турцию.

Есть данные предполагать, что все приготовления в Македонии и Старой Сербии уже сделаны, население вооружено, местным организациям даны определенные указания и обещания и, вероятно, ныне руководителям почти невозможно остановить те силы, которые они вызвали к действию.

Здесь и в Болгарии возлагались большие надежды на поездку Сазонова в Бальмораль, рассчитывая на перемену в отношении к будущей войне Англии, чем, вероятно, и надо объяснить некоторое запоздание в приступе к решительным действиям, замечаемое ныне. (Военные действия начнутся не ранее [14] 1 октября.)

Однако, повидимому, даже несочувствие Англии и Франции не в силах остановить болгар и сербов.

Характерен в этом отношении разговор, который я имел сегодня ([24] 11 сентября) с начальником генерального штаба, полковником Ж. Мишичем. Мой собеседник сказал мне, что у него «все готово для мобилизации. Минута благоприятная; она не повторится, и откладывать нельзя: население Старой Сербии не может долее переносить уничтожения; оно уже и так потеряло веру, что есть бог на земле; теперь оно вооружено и подготовлено; сыграть отбой — невозможно. Да откладывать и бесполезно: дипломаты никогда не столкуются — в этом году неудобно воевать одной державе, в следующем году — другой»...

Из разговора с Ж. Мишичем я увидел, что, кроме союзнического договора с Болгарией, у сербов есть еще другое соглашение с ней же относительно *ближайшего выступления* [1]. «Нарушение его было бы ужасно», — сказал Ж. Мишич. Надо думать, что это соглашение от русской дипломатии скрыто.

Болгарское и сербское правительства в своих ответах на обращаемые им советы благоразумия последнее время ссылаются на какую-то «общественную волну», которая сметет правительство страны, если оно не последует за народными стремлениями. Если бы что-либо подобное и случилось, то беда невелика, и истинный патриотизм требовал бы от стоящего у власти правительства предпочесть подвергнуться этой неприятности, чем втянуть страну в авантюру. Однако я сомневаюсь в правильности приводимого довода. Полагаю, что как в Сербии, так и в Болгарии общественное мнение руководится правительством, которое могло бы остановить движение, но дело в том, что правительства обязались взаимно и связали себя обещаниями, данными македонским и старосербским организациям. Остановив движение, политические вожди и партии, стоящие у власти, потеряют популярность на некоторое время, и это их останавливает.

Я уже сообщал, что влиятельные военные круги в Сербии считают, что Австрия разваливается [2]: на эту мысль наводят распри между половинами империи, положение в Хорватии, Славонии, Далмации, тяжелое финансовое положение, раздоры в венгерском парламенте и многие другие факты, создающие здесь впечатление, что Австрия не посмеет вмешаться. Тем не менее, ввиду традиционной неприязненности Австрии, Н. Пашич заявил нашему посланнику (не знаю, насколько искренне), что Сербия не сможет послать против Турции более $^1/_3$ наличных сил [3]. Как военный министр, так и начальник генерального штаба думают иначе.

На мой вопрос о распределении сил Сербии и Болгарии, ввиду неприязненного отношения Австрии и Румынии, полковник Ж. Мишич сказал:

[1] См. приложение I к тому.
[2] См. № 660.
[3] См. № 693.

«Мы, как и болгары, оставляем свой дом пустым; идем все на святую войну; австрийские и румынские войска, перейдя границу, найдут лишь женщин и детей. Пусть общественное мнение Европы казнит позором Австрию и Румынию, если они вмешаются и займут нашу территорию в то время, как мы будем вести освободительную войну».

«Что думаете вы об отношении к войне короля Фердинанда», — спросил я. «Его положение тяжело: если он не пойдет с народом, его устранят».

«Мне кажется, что болгары не вполне единодушны по отношению к войне: вам известен протест торговцев Варны вследствие полного застоя торговли и промышленности в Болгарии?» — «Протестовали и наши торговцы; им сказано: молчать».

Напрасно я убеждал полковника Мишича в нежелательности самостоятельного выступления балканских народов без одобрения и поддержки России, Англии и Франции, я нашел в нем не только солдата, исполняющего данное свыше приказание, но и человека, глубоко убежденного, что данную минуту нельзя упускать и что останавливаться и поздно и нежелательно.

По моим соображениям, подтверждаемым сведениями, полученными из Болгарии, война начнется после [14] 1 октября.

[8 октября] 25 сентября прибывают в учебный сбор запасные 2-го призыва. Приблизительно около этого времени, вероятно, начнется общее восстание в Македонии и Старой Сербии, а засим, после обращенного к Турции и державам меморандума, последует вмешательство Болгарии и Сербии.

Генерального штаба полковник Артамонов.

№ 763. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 153. 24/11 сентября 1912 г.

Ce matin le Roi m'a appelé pour me dire que le Prince Héritier a vu à Paris le Grand-Duc Nicolas [1] qui l'a chargé de recommander au Monténégro de rester tranquille pour ne pas encourir une cruelle déception. Au cours de la conversation de plus de deux heures qui s'ensuivit, le Roi m'a developpé la nécessité pour le pays d'engager un duel avec la Turquie, quoiqu'il soit parfaitement convaincu que la Russie ne lui viendra pas en aide dans la lutte à prévoir. Appréciant ces rapports de cordiale amitié avec moi, il devait, me dit-il, me prévenir de ses intentions, mais à condition que je n'en référerai pas à mon Gouvernement, ce que j'ai certainement décliné. Désireux de ne pas me borner à entendre des allusions seules, j'ai saisi l'occasion pour communiquer au Roi presque in extenso le contenu de votre télégramme d'hier, ainsi que du mien de la même date [2], en priant Sa Majesté de me dire si j'ai bien répondu et si elle avait une autre réponse à me charger de transmettre à Votre Excellence. Le Roi, visiblement embarrassé, m'a dit qu'il ne pouvait le faire séance tenante et qu'il se réservait de me donner une réponse plus tard, ce qui me fait supposer qu'à la suite de notre entretien le Roi hésite davantage à monter le coup qu'on lui impute. Sans préjuger sa décision finale en la matière, j'ai lieu de croire que la situation ne manquera pas de s'éclaircir très prochainement.

Giers.

---

[1] См. стр. 248, прим. 2.

[2] Очевидно ошибка: по секретному журналу исходящих телеграмм за 23/10 сент. нет отправлений в Цетинье. Возможно, имеются в виду тел. Нератова за № 1870 от 20/7 сент. и тел. А. Гирса за № 152 от 23/10 сент. (см. стр. 247, прим. 2, и № 741).

Перевод.

Сегодня утром король вызвал меня, чтобы сказать мне, что наследник виделся в Париже с великим князем Николаем, который поручил ему посоветовать Черногории сохранять спокойствие во избежание горьких разочарований. В течение более чем 2-часового разговора, последовавшего за этим, король развивал передо мной мысль о необходимости для страны начать единоборство с Турцией, хотя он совершенно уверен в том, что Россия не придет ему на помощь в предстоящей борьбе. Ценя сердечные и дружеские отношения со мной, — сказал он мне, — он должен был предупредить меня о своих намерениях, но с условием, что я не сообщу о них своему правительству, что́ я, конечно, отклонил. Не желая ограничиваться выслушиванием одних только намеков, я воспользовался случаем, чтобы сообщить королю почти полностью содержание вашей вчерашней телеграммы, а также и моей от того же числа, попросив его величество сказать мне, хорошо ли я ответил и имеет ли он поручить мне передать вашему превосходительству иной ответ. Король, явно смущенный, сказал мне, что он не может этого сделать немедленно и что он даст мне ответ позже; это заставляет меня предположить, что в результате нашей беседы король более, чем прежде, колеблется предпринять тот шаг, намерение совершить который ему приписывают. Не предугадывая его окончательного решения по этому вопросу, я имею основание думать, что положение не преминет выясниться в ближайшем будущем.

Гирс.

№ 764. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 695. 24/11 сентября 1912 г.

Сербский посланник сообщил мне объяснения, кои он имел с министром иностранных дел касательно задержки в Салониках и Ускюбе сербского военного груза [1], на пропуск коего было дано разрешение Порты [2]. Министр упрекнул его в том, что Сербия изменила прежнее свое дружественное отношение к Турции и заключила с Болгарией соглашение; полный текст последнего точно известен Порте и не дает ей сомнения, что оно направлено против Турции. Не будь этого направления, Порта могла бы лишь сочувствовать сближению Сербии с Болгарией. На ответ Ненадовича, что он ничего о соглашении не знает и не полагает, чтобы Пашич, вышедший победителем из экономической борьбы с Австрией лишь благодаря содействию Турции, мог выступить против нее, министр возразил, что будет ожидать подобного официального заявления от сербского правительства. До получения же такового заявления, груз не может быть пропущен. Ненадович донес об этом в Белград. Ввиду того, что Габриэль-эффенди во время объяснения усиленно восхвалял, будто бы, короля Фердинанда, который один, будто бы, сдерживает болгар, и лишь вскользь упомянул о благоразумии Гешова, Ненадович высказывает недостаточно, однако, обоснованное предположение, что текст соглашения был сообщен королем Фердинандом чрез Вену с целью вызвать ссору между Турцией и Сербией и побудить последнюю выступить активно против Турции.

Гирс.

№ 765. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Депеша № 83. 24/11 сентября 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В дополнение к моей секретной телеграмме от сего числа за № 697 [3], имею честь препроводить у сего вашему превосходительству в газетной

[1] См. № 760.
[2] См. № 680.
[3] В тел. от 24/11 сент. за № 697 М. Гирс указывал, что в постановлении совета м-ров о реформах наибольшее значение имеют следующие два пункта: «1) Все чинов-

вырезке, во французском переводе, текст правительственного сообщения касательно постановления совета министров о реформах в Турции вообще и, в частности, в Македонии [1].

Примите и пр.

М. Гирс.

Приложение.

Le ministère des Affaires étrangères, parlant de certaines déclarations d'Ambassadeurs connus au sujet de la situation en Roumélie et des décisions concernant l'Albanie, de même que d'une entrevue de Turkhan Pacha avec le Ministre des Affaires étrangères de Russie, demandait, par les tezkérés au Conseil des Ministres, de donner aux fonctionnaires des vilayets des instructions précises concernant les mesures à prendre pour mettre fin aux causes de dissension entre les divers éléments en Roumélie, établir des relations équitables entre eux et le Gouvernement, assurer l'ordre et appliquer à toutes les parties de l'Empire, en tenant compte des exigences locales, les décisions prises relativement à l'Albanie, ainsi que du tezkéré responsif du ministère de l'Intérieur, daté du 28 août 1328 [2], indiquant lesquelles des décisions en question devraient être appliquées aux autres vilayets ottomans.

Le Conseil, après avoir pris connaissance de ces tezkérés, a décidé:

1. De confier au ministère de la Justice le soin de dresser, après accord avec les vilayets intéressés, les projets de lois à soumettre au parlement et destinés au règlement, conformément aux coutumes locales, des procès qui surgiraient dans ces vilayets où, de même que dans les régions de l'Albanie qui sont privées d'organisation judiciaire, les cadres judiciaires n'ont pas encore été organisés, et cela jusqu'à ce que la population locale, les tribus et les bédouins en soient venus à un degré de civilisation qui puisse leur permettre de profiter de l'organisation judiciaire actuelle. Il est bien entendu que, comme il est dit dans le tezkéré du ministère de l'Intérieur, les provinces qui sont pourvues d'organisation judiciaire devront être comme auparavant soumises aux dispositions de la loi.

D'inviter les administrations centrales à faire en sorte que tous les fonctionnaires sans distinction de race ou de religion possèdent les qualités requises par la loi et soient choisis de préférence parmi ceux qui connaissent la langue et les coutumes du pays. De charger les Ministres de l'Instruction et de l'Agriculture de fonder des lycées et des écoles d'agriculture dans tous les chefs-lieux de vilayet et dans les chefs-lieux de sandjak dont la population est supérieure à 300 000 habitants, et d'ajouter l'enseignement de la langue du pays au programme d'études des écoles.

De charger le ministère de l'evkaf de fonder des médressés dans les villes qui en ont besoin et d'augmenter les crédits des médressés dont les ressources sont insuffisantes.

Étant donné que la prospérité et le bien-être de l'Empire ottoman dépendent de l'amélioration de sa situation économique, qui, à son tour, dépend de la facilité des transports, et le ministère des Travaux Publics faisant le nécessaire pour la réalisation, dans les limites du budget, des chemins de fer et des chaussées dont la construction est décidée par l'État, il a été également décidé de charger le ministère de l'Intérieur d'ordonner à tous les vilayets de faire savoir en détail au ministère des Travaux Publics les endroits où il faudrait construire des chemins de fer et des routes, rendre navigables des

---

ники без различия племени и религии должны обладать качествами, требуемыми законом, и выбираются по преимуществу из лиц, знающих язык и обычаи края, и 2) право отбывать воинскую повинность на местах предоставляется населению всех вилайетов Румелии».

[1] См. приложение к публикуемому документу.

[2] Год указан по турецкому летоисчислению.

cours d'eau, irriguer des terrains, et les facilités qu'il faudrait accorder aux entrepreneurs pour rendre plus prompte la réalisation de ces travaux, et au ministère du Commerce et de l'Agriculture les mesures à prendre pour faciliter les progrès du commerce et de l'agriculture et tirer un plus grand profit des forêts et des mines.

De charger le ministère de l'Intérieur de demander aux vilayets de faire étudier par les conseils généraux des vilayets combien de nahiés il faudrait former là où l'organisation de nahiés n'a pas été faite et de hâter la préparation et l'envoi des listes indiquant la population des nahiés, les localités qui pourraient être choisies comme chefs-lieux et la distance de ces chefs-lieux à chaque village, le ministère devant faire le nécessaire à l'arrivée de ces listes.

Enfin, la décision relative au service des recrues de Roumélie dans les corps d'armée, divisions, corps d'artillerie et de cavalerie de Roumélie, sauf en cas de guerre ou d'événements intérieurs extraordinaires, devant être appliquée à tous les vilayets de Roumélie, il a été décidé de charger les ministères de l'Intérieur et de la Guerre de faire des communications dans ce sens aux vilayets et aux autorités militaires. Il a été également décidé d'informer de ces décisions le Ministre des Affaires étrangères.

Перевод.

Министерство иностранных дел, ссылаясь на известные заявления, сделанные некоторыми послами о положении в Румелии и о решениях относительно Албании, а также на беседу Турхан-паши с российским министром иностранных дел, просило, путем представления в совет министров, дать чиновникам в вилайетах точные инструкции относительно мероприятий, необходимых для того, чтобы устранить причины раздора между различными национальностями в Румелии, установить справедливые отношения между ними и правительством, обеспечить порядок и применить ко всем областям Империи принятые в отношении Албании решения, с учетом местных требований, а также ответного тезкере министерства внутренних дел от 28 августа 1328 г. [1], в котором было указано, какие из упомянутых решений должны быть применены к другим оттоманским вилайетам.

Ознакомившись с этими тезкере, совет решил:

1. Поручить министерству юстиции составить по соглашению с заинтересованными вилайетами для представления на утверждение парламента проекты законов, предназначенных решать, согласно местным обычаям, судебные дела, могущие возникнуть в тех вилайетах, в которых, как в албанских областях, лишенных органов судопроизводства, не сформированы еще судебные кадры; такое положение останется в силе до тех пор, пока местное население, племена и бедуины не достигнут такой ступени цивилизации, которая позволит им пользоваться современным порядком судопроизводства. Само собой разумеется, что, как указано в тезкере министерства внутренних дел, те провинции, в которых имеются органы судопроизводства, будут попрежнему подчинены положениям закона.

Предложить центральным управлениям озаботиться тем, чтобы все чиновники, без различия национальности и религии, обладали качествами, требуемыми законом, и чтобы они избирались преимущественно из лиц, знающих язык и обычаи края. Поручить министерствам народного просвещения и земледелия основать лицеи и сельскохозяйственные школы во всех главных городах вилайетов и главных городах санджаков, население которых превышает 300 000 жителей, и ввести в школьную программу преподавание местного языка.

Поручить министерству евкафа основать медрессэ в тех городах, которые в них нуждаются, и увеличить бюджет тех медрессэ, средства которых недостаточны.

Ввиду того, что процветание и благосостояние Оттоманской империи зависит от улучшения ее экономического положения, которое, в свою очередь, зависит от состояния путей сообщения, и что министерство общественных работ делает все необходимое для сооружения, в пределах ассигнований бюджета, железных и шоссейных дорог, постройка которых решена государством, — было также решено поручить министерству внутренних дел затребовать от всех вилайетов подробные сведения в министерство общественных работ о том, где следует построить железные и шоссейные дороги, сделать судоходными реки и провести ирригационные работы, а также какие льготы следует предоставить предпринимателям в целях скорейшего производства этих работ, а министерству торговли и земледелия — какие мероприятия необходимо принять для содействия развитию торговли и земледелия и для наиболее выгодной эксплоатации лесов и недр.

[1] См. стр. 270, прим. 2.

Поручить министерству внутренних дел отдать распоряжение по вилайетам, чтобы генеральные советы вилайетов установили, сколько общин следует образовать там, где они еще не учреждены, и ускорили составление и отсылку списков с указанием [численности] населения общин, тех поселений, которые могут служить центрами управления, а также расстояния между этими последними и каждым селением; министерству поручено принять соответствующие меры по получении этих списков.

Наконец, поскольку решение о том, что, за исключением военного времени и чрезвычайных событий внутри страны, рекруты в Румелии будут отбывать воинскую повинность в румелийских армейских корпусах, дивизиях, артиллерийских и кавалерийских частях, — должно относиться ко всем вилайетам Румелии, было постановлено поручить министерству внутренних дел и военному министерству сделать соответствующее сообщение вилайетам и военным властям. Также было решено уведомить об этих решениях министра иностранных дел.

№ 766. Генеральный консул в Канее временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 95. 24/11 сентября 1912 г.

Английский крейсер «Медея» и французский «Брюикс» вновь отправлены на Самос [1]. Командир первого доносит, что на острове высадилось несколько сот греков с архипелага и из Греции и в соединении с местными повстанцами напали на турецкий гарнизон, укрепившийся на холмах около Вати. Два дня идет перестрелка, есть раненые [2]. Телеграфный кабель перерезан. Ввиду последнего сведения, сообщаемого со слов английского вице-консула на Самосе, покорнейше прошу уведомить, не надо ли мне продолжать сообщать передаваемые сюда «Медеей» извещения, или телеграфная связь с Самосом имеется у Константинополя каким-либо другим путем [3].

Шебунин.

№ 767. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 83. 24/11 сентября 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Известие о подписании китайским правительством контракта о займе в 10 миллионов фунтов стерлингов [4], полученное в Пекине почти одновременно с неофициальным возобновлением китайским министром финансов переговоров о займе со здешними представителями Шестерного консорциума [5], произвело на последних чрезвычайно сильное впечатление.

---

[1] Тел. от 21/8 сент. за № 192 Извольский сообщил, со слов Пуанкаре, что «французскому судну, стоявшему в критских водах, предписано отправиться к Самосу. Английское правительство, по его словам, принимает ту же меру».

Тел. от 24/11 сент. за № 691 М. Гирс в ответ на тел. за № 1862 (см. № 716) сообщал: «Французское и английское военные суда посланы на Самос, но не с вполне идентичными инструкциями. Французскому командиру внушили содействовать сохранению спокойствия на острове, англичане же должны строго ограничить свою деятельность недопущением высадки критян. Я полагал бы крайне желательным командировать туда и русское судно».

[2] В тел. от 22/9 сент. (без номера) Каль сообщал: «Шесть итальянских крейсеров, прибывших сегодня днем на Хиос, направились к Самосу. Передвижения итальянских судов около Смирны и Хиоса имеют очевидно целью помешать отправке турецких войск на Самос».

[3] Дополнительно, тел. от 27/14 сент. за № 97 Шебунин сообщил: «Английский командир получил приказание не вмешиваться во внутренние дела; французский вступил в переговоры с обеими воюющими сторонами и выговорил перемирие в 5 дней. Сюда сегодня утром прибыл спешно высланный из Мальты, но без дальнейших инструкций, английский крейсер первого ранга «Ланкастер».

[4] См. № 664.

[5] См. стр. 218, прим. 1.

Несмотря на то, что лондонский заем, повидимому, встречает значительные затруднения и что продолжающиеся обращения китайцев к Консорциуму ясно указывают, что они все же не перестали нуждаться в последнем и стремятся лишь добиться от него более льготных условий, пользуясь как средством давления в этом смысле фактом заключения займа в Лондоне, — все здешние представители Консорциума, за исключением Л. В. фон Гойера и американца Мак-Найта, особенно же директор Гонконг-Шанхайского банка Хиллиер, стали, к сожалению, выказывать чрезвычайную нервность и готовность итти на существенные уступки китайцам, из боязни прекращения последними возобновленных ими с шестью группами переговоров. После г. Хиллиера наибольшей склонностью к уступчивости китайцам отличается, почти всегда поддерживающий его на совещаниях банкиров, представитель германской группы, г. Кордес. Роль представителя французских банков, г. Казенава, с самого образования Консорциума была к общему удивлению какой-то бесцветной, и на его поддержку никто из его коллег твердо рассчитывать не может, хотя, в общем, он тоже скорее готов высказываться в благоприятном китайцам смысле. Нужно надеяться, что преемник его, г. Сен-Пьер, прибытие коего ожидается вскоре, окажется менее податливым и займет положение, более подобающее значению французских банков в Консорциуме и более отвечающее характеру отношений между Россией и Францией. Наконец, представитель японской группы, г. Одагири, до сих пор бывший сторонником политики твердости в переговорах с китайцами, за самое последнее время, после начатия китайским министром финансов через его посредство неофициальных переговоров с Консорциумом, довольно круто изменил свою точку зрения и столь явно стоит за уступчивость, что невольно возникает подозрение, не является ли такая перемена результатом какого-либо негласного соглашения между ним и министром финансов.

Мне кажется, что специально нас заключение китайцами предполагаемого займа в Лондоне, даже если бы оно и состоялось окончательно, не должно само по себе особенно беспокоить. Больших средств от него китайцы не получат, а будут лишь иметь возможность продолжать некоторое время существовать изо дня в день, удовлетворяя самые неотложные государственные нужды. Но я опасаюсь, что лондонский заем не представляет из себя лишь единичного случая и что таким образом обнаруживается слабая сторона Консорциума, могущая даже привести к его полному крушению. Дело в том, что между тем как французская, германская и американская группы действительно имеют представительный характер, включая в себя главнейшие банки своих национальностей, и поэтому могут не бояться конкуренции со стороны других французских, германских и американских капиталистов, английская группа состоит из одного лишь Гонконг-Шанхайского банка, желающего во что бы то ни стало сохранить за собой монополию финансовых операций с Китаем и не соглашающегося делиться с другими английскими банками теми барышами, которые он рассчитывает получать от китайских займов. Вследствие этого все прочие крупные английские банки, оставленные в стороне, являются противниками и конкурентами Консорциума, и в этом отношении с ними нужно постоянно считаться; таким образом следует ожидать, что инциденты, подобные нынешнему лондонскому займу, легко могут повторяться и в будущем. Если на этот раз великобританское правительство и оказало открытое и сильное противодействие заключению займа в Лондоне, то вряд ли оно будет в состоянии и далее придерживаться подобного образа действий. Общественное мнение в Англии все громче и громче высказывается против предоставления монопольного права финансовых сделок с Китаем Консорциуму, из которого исключены крупнейшие английские банки, и едва ли лондонскому кабинету возможно будет оставаться глухим к тем нападкам, которые раздаются теперь против

него по этому поводу в печати при деятельном участии известного доктора Моррисона и которые, конечно, найдут себе отголосок в парламенте.

При таких обстоятельствах опасения, питаемые за будущее Гонконг-Шанхайским банком, и его готовность итти на уступки китайцам являются вполне понятными. Но всякое подобное проявление слабости со стороны Консорциума подействует самым ободряющим образом на китайское правительство, зорко следящее здесь за малейшими отражениями настроения представителей шести групп и прекрасно осведомленное обо всем происходящем в Европе, и побудит его упорствовать в своем сопротивлении поставленным ему Консорциумом условиям надзора и контроля за расходованием займа. Подобная перспектива, по моему мнению, совершенно не соответствует нашим интересам, да и для всех остальных участников Консорциума было бы, мне кажется, желательным побудить Гонконг-Шанхайский банк войти в соглашение с главнейшими из остальных интересующихся финансированием Китая английских банков, что позволило бы Консорциуму проявить более твердости в переговорах с китайцами и при помощи шести правительств не допустить заключения Китаем столь необходимого для него займа, иначе как на поставленных ему ограничительных условиях.

Л. В. фон Гойер, которому мною было показано настоящее мое донесение, вполне согласен с изложенными в нем взглядами и, насколько мне известно, здешний французский поверенный в делах также высказался перед своим правительством в аналогичном смысле.

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 768. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Цетинье А. Гирсу.

⁄. Телеграмма № 1908 [1]. 25/12 сентября 1912 г.

Телеграмма № 152 получена [2].

Из всех получаемых нами данных заключаем, что только серьезные реформы в Македонии и гарантии в их осуществлении окажутся способными остановить Болгарию от войны.

В этом смысле Россией продолжают делаться самые настойчивые представления Порте. Равным образом мы всеми мерами стараемся удерживать болгар от опрометчивого выступления.

Нератов.

№ 769. Временно управляющий министерством иностранных дел посланникам в Софии, Белграде и Цетинье — Неклюдову, Гартвигу и А. Гирсу и поверенному в делах в Афинах Урусову.

⁄. Телеграмма № 1909 [3]. 25/12 сентября 1912 г.

В ваших объяснениях с влиятельными государственными людьми вы могли бы указать им на нежелательность и несвоевременность предполагаемого единовременного обращения четырех балканских государств к Порте и державам о применении 23-й статьи Берлинского трактата [4] в то самое время, когда последние прилагают все старания, чтобы склонить Порту в ее собственных интересах сделать реальные уступки христианским народностям в Турции.

[1] Лит. копия.
[2] См. № 741.
[3] Опубл. Ор. кн., стр. 4. с сокращениями.
[4] Ср. № 735.

Гофмейстер Сазонов указал Турхан-паше на необходимость, во избежание серьезных осложнений, взять безотлагательно в руки дело проведения в Македонии реформ, гарантирующих христианскому населению безопасность личную и имущественную, равенство перед законом и участие его, соответственно данному племенному составу, в деле организации и управления. Об этом нами оповещены великие державы с приглашением поручить своим представителям в Константинополе сделать представления в том же смысле [1].

Англия, Франция и Австрия согласились на указанный шаг, хотя их советы Порте носят пока менее определенный характер [2].

Переговоры между кабинетами и с Портой продолжаются.

При таких условиях, если балканские государства действительно стремятся к реформам в Македонии, а не пользуются указанием на них лишь для прикрытия других видов, всякое совместное выступление их, носящее характер определенных требований, только затруднит задачу России и держав и обнаружит своекорыстный характер их политики.

Изложенными аргументами приходится, разумеется, пользоваться со всей осторожностью, ввиду возможной неискренности со стороны более воинственно настроенных политиков, которые могли бы не желать мирного исхода настоящих переговоров [3].

Нератов.

№ 770. Временно управляющий министерством иностранных дел наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

Телеграмма № 1918 [4]. 25/12 сентября 1912 г.

Сообщается посланнику в Тегеране и управляющим генеральным консульством в Тавризе и вице-консульством в Ардебиле.

Ссылаюсь на мою телеграмму от [24] 11 сентября [5].

Вице-консул в Ардебиле телеграфирует, что на предложение шахсевен о сдаче генерал Фидаров поставил им свои условия, которые и были переданы по телеграфу Решид-оль-Мольком Шоджа-эд-Доуле.

Ранее предъявления таковых условий шахсевенам, необходимо согласовать их с теми требованиями, которые наше правительство найдет вообще нужным поставить шахсевенам с общеполитической точки зрения, для чего нужен еще предварительный обмен мнений с миссией в Тегеране и консулами в Тавризе и Ардебиле. Не найдете ли ваше сиятельство возможным пригласить генерала Фидарова задержать предъявление выработанных им условий и сообщить их министерству для ознакомления.

Прибавка для управляющего генеральным консульством в Тавризе: Задержите передачу Шоджа-эд-Доуле шахсевенам условий Фидарова [6].

Нератов.

---

[1] См. № 686.

[2] См. №№ 726, 727 и 737.

[3] В тот же день тел. за № 1911 Нератов сообщил Сазонову в Бальмораль краткое содержание публикуемого документа.

[4] Лит. копия.

[5] См. № 746.

[6] Тел. от 28/15 сент. за № 505 Преображенский уведомил Нератова, что, по его настоянию, Шоджа-эд-Доуле задержал предъявление шахсевенам условий Фидарова.

Тел. от 1 окт./18 сент. за № 6904 Воронцов-Дашков сообщил Нератову: «Генералу Фидарову мною указаны следующие условия для принятия покорности: выдача ханов аманатами, сдача оружия и уплата денег на покрытие убытков, понесенных нашими подданными, на возмещение наших расходов на экспедицию с вознаграждением в том числе раненых и семей убитых». Наместник на Кавказе считал нежелательным участие Сепехдара в переговорах с шахсевенами, так как не признавал его сторонником России. Он выражал уверенность, что «без посредничества персов мы скорее и успешнее разрешим шахсевенский вопрос».

№ 771. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма [1]. Бальмораль, 25/12 сентября 1912 г.

Телеграфирую в Париж:

Получил телеграмму № 194 [2].

Из моих объяснений с Греем выяснилось, что английское правительство склонно принять первый и второй пункты предложения Пуанкаре, но затрудняется согласиться на третий, так как вперед отстраняет возможность активного вмешательства в балканскую смуту. Касательно четвертого пункта Грей полагает, что упоминаемый в нем шаг в Константинополе в действительности уже сделан, по примеру России, Францией и Англией, а также до известной степени и Австрией [3]. Потому новые представления Порте в указанном смысле являются, по мнению его, излишними. Соглашаясь с Греем, считаю, со своей стороны, первые два пункта предложения Пуанкаре вполне для нас приемлемыми, о чем прошу вас его уведомить.

Сазонов.

№ 772. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма [4]. Бальмораль, 25/12 сентября 1912 г.

Телеграфирую в Париж:

Ввиду приближающегося срока созыва греческого парламента Грей предложил мне, чтобы державы-покровительницы Крита категорически предупредили афинский кабинет, что если критяне осуществят свое намерение и займут в палате депутатские места, державы тотчас же снова приступят к занятию острова своими войсками.

Я ответил, что, со своей стороны, согласен на это предложение, если Франция на него также согласится [5].

Сазонов.

№ 773. Записка статс-секретаря по иностранным делам Грея, переданная российскому министру иностранных дел Сазонову [6].

25/12 сентября 1912 г. [7]

Persia.

(General résumé.)

Both desire to avoid partition or military occupation of Persia. It is the desire and intention of Russia to withdraw her troops from places now occupied in the North of Persia as soon as the situation admits.

---

[1] Номер отсутствует.

[2] См. стр. 239, прим. 6.

[3] См. №№ 686, 726, 727 и 737.

[4] Номер отсутствует.

[5] В ответной тел. от 26/13 сент. за № 202 (опубл. Stieve, II, S. 259, N 445) Извольский сообщил Сазонову (копия Нератову): «Пуанкаре согласен на предложение Грея, но думает, что если державы-покровительницы имеют в виду укрепить положение Венизелоса, необходимо одновременно подать ему надежду, что сказанные державы намерены предпринять что-либо в пользу Греции, например добиться назначения на Крит временного комиссара».

[6] На оригинале надпись: «Копия с записки, переданной английским правительством министру иностранных дел в Бальморале в сентябре 1912 г.». Опубл. Brit. Doc., vol. IX, P. I, p. 752.

[7] Оригинал не датирован. В Brit. Doc. опубликован под 25 сент. нов. ст.

To secure these objects, restoration of order is essential.

For this a stronger central Government is required. The return of the ex-Shah is not the solution: he is a weak Governor and Great Britain cannot recognize him. The weakness of the present Regent is admitted, and it is improbable that he could be induced to return. A stronger man must be found.

Monsieur Sazonow suggests Saad-ed-Dowleh. It is admitted that he is not perfect, but I agree, as I am unable to suggest anyone more likely to succeed. I have however suggested:

1) that Saad-ed-Dowleh should agree not to interfere with honest and effective control of finances;

2) that if so he should be assured of the moral support of both Governments and their agents throughout Persia to him and his Governors. I have quoted the embarrassment of Sipahdar at Tabreez as an instance of what must be avoided. Saad-ed-Dowleh may of course change some Governors;

3) we should not interfere as regards appointment of Governors in the Russian sphere nor they in the British. If diplomatic influence is used as regards the appointment of any Governor in the Neutral Zone, it will be only in concert with us. All Governors to be instructed and encouraged to devote special attention to the security of the Trade Routes;

4) it would probably give the new Regent a good start if he would announce that a Mejliss (we did not specify how elected) and a Senate would be established according to the Constitution. Monsieur Sazonow does not object to this but thinks that Saad-ed-Dowleh should first be consulted, and I have agreed, and Monsieur Sazonow agrees to all the above suggestions.

We agree that money is the great essential and the great difficulty; and that a loan is to be promoted and encouraged. Monsieur Sazonow will consult financiers in Paris.

He agrees that we should promise and do our best to secure any conditions such as a stronger personnel for Treasury control — a Caisse de la Dette — method of collecting Maliat, diplomatic support, for which financiers ask, and that they should be invited to suggest any conditions that would satisfy them without imposing pecuniary liability on the British and Russian Governments.

I foresee that financiers may say that they will not lend without a European guarantee until order is secured in Persia. We shall then be in this dilemma that there can be no money till there is a gendarmerie and no gendarmerie till there is money. All I can suggest is that the British and Russian Governments should then lend money to establish a gendarmerie or efficient force; the money to be repaid when the loan is raised[1].

(Initialled) E. G.

Перевод.

Персия.

(Общее резюме.)

Оба [правительства] желают избежать раздела или военной оккупации Персии. В намерения и пожелания России входит отозвание ее войск из ныне оккупированных в Северной Персии пунктов, как только положение это позволит.

Для достижения этих целей необходимо восстановление порядка.

Для этого необходимо более сильное центральное правительство. Возвращение экс-шаха не будет решением вопроса: он — слабый правитель, и Великобритания не может его признать. Слабость теперешнего регента признана, и мало вероятно, что удастся уговорить его вернуться. Надо найти более сильного человека.

Г. Сазонов предлагает Саад-эд-Доуле. Признано, что он не совершенен, но я соглашаюсь ввиду того, что не могу предложить никого, кто имел бы больше шансов на успех. Однако я предложил:

---

[1] В Brit. Doc. имеется еще абзац относительно создания в английской сфере влияния войсковых частей наподобие казачьей бригады в русской сфере.

1) чтобы Саад-эд-Доуле согласился не мешать беспристрастному и действенному контролю над финансами;

2) что в таком случае ему будет обеспечена моральная поддержка обоих правительств и их представителей по всей Персии, как ему, так и назначенным им губернаторам. Я привел затруднения Сепехдара в Тавризе в качестве примера того, чего следует избегать. Саад-эд-Доуле может, конечно, сменить некоторых губернаторов;

3) мы не будем вмешиваться в назначение губернаторов в русской сфере [влияния], ни они — в британской. Если будет применено дипломатическое давление в деле назначения какого-либо губернатора в нейтральной зоне, то только по договоренности с нами. Всем губернаторам будет предписано и предложено обращать особое внимание на безопасность торговых путей;

4) по всей вероятности, для нового регента было бы хорошим началом его деятельности, если бы он объявил о созыве меджлиса (мы не определяли, каким путем избранного) и сената согласно конституции. Г. Сазонов не возражает против этого, но считает, что предварительно надо запросить мнение Саад-эд-Доуле, на что я согласился, и г. Сазонов выразил согласие на все вышеприведенные предложения.

Мы согласны с тем, что деньги являются основной необходимостью и представляют главное затруднение и что нужно предпринять все необходимые меры для выпуска займа. Г. Сазонов переговорит в Париже с финансистами.

Он согласен, что нам надлежит обещать и приложить все усилия, чтобы добиться всех тех условий, как то: усиления личного состава для контроля над казначейством (Управление Долга), порядка собирания малиата, дипломатической поддержки,— которых требуют финансисты, и что последним будет предложено выдвинуть любые условия, которые их удовлетворят, не налагая на британское и российское правительства денежных обязательств.

Я предвижу, что финансисты могут сказать, что они не дадут займа без европейской гарантии, пока в Персии не будет обеспечен порядок. Мы тогда окажемся перед той дилеммой, что не будет денег, пока не будет жандармерии, и не будет жандармерии, пока не будет денег. Все, что я могу предложить — это, чтобы в таком случае британское и российское правительства предоставили деньги на организацию жандармерии или [другой] эффективной силы; деньги должны быть возвращены, когда заем будет заключен.

(Проставлены инициалы) Э. Г.

№ 774. Поверенный в делах в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 39. 25/12 сентября 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В прошлое воскресенье в газете «Neue Freie Presse» появилась весьма замечательная передовая статья, в вырезке при сем прилагаемая [1], в которой с большой ясностью указывается на ненормальность настоящего политического положения Европы. При существующем положении вещей, — пишет газета, — никем из великих народов нежелаемая общеевропейская война, беспримерная по своим размерам, способная привлечь на поля сражения для взаимного истребления более 12 000 000 людей, чреватая неисчислимыми последствиями, может возникнуть по воле или капризу ничтожной горсти людей, по знаку, поданному из какого-нибудь маленького центра вроде столиц балканских государств. Статья заключается следующими словами:

«Мы видим, что настоящее положение достигло критической стадии, а это есть лишь форма, в которой проявляются все еще невыясненные отношения между Австро-Венгрией и Россией. В этом корень зла, только там оно может быть излечено и мир надолго обеспечен».

Статья эта, замечательная сама по себе, способна была привлечь внимание, так как она появилась как раз в то время, когда мне в здешнем министерстве иностранных дел сообщили об удовольствии по поводу параллелизма наших действий в Константинополе [2].

---

[1] Содержание приложенной вырезки из газеты от 21/8 сент. в основном изложено в публикуемом документе.

[2] См. № 756.

Мне, однако, пришлось осведомиться о действительном значении, которое ей следует приписать. Перед ее напечатанием она была сообщена в здешнее министерство иностранных дел, где обратила на себя внимание самого министра, высказавшего будто, что мысль, служащая ее основой, а именно русско-австрийское сближение, как нельзя более отвечает лично его взглядам; при этом он, однако, велел принять все меры к тому, чтобы статья не была истолкована как бы навеянной правительством, вследствие чего здешнее «Correspondenz Bureau», как мне сообщали, не решилось даже передать ее содержание в С.-Петербург, опасаясь этим дать свою санкцию, как правительственного учреждения, ее содержанию.

Об изложенном считаю своим долгом донести вашему превосходительству, дабы показать, насколько здешнее правительство, готовое, как видно из моей депеши № 38 [1], итти с нами рука об руку в определенных случаях, осторожно взвешивает все то, что способно быть понято как перемена ориентировки его политики по отношению к России.

Примите и пр.

Кн. Н. Кудашев.

№ 775. Посланник в Гааге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Депеша № 5. 25/12 сентября 1912 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Из вопросов, подлежащих обсуждению открывшейся сессии генеральных штатов, общеполитический интерес представляет внесенный правительством перед роспуском их на летние вакации законопроект об укреплении Флиссингена, очерк коего я имел честь представить в донесении моем от [20] 7 июля с. г. за № 2 [2].

Внесение означенного проекта в законодательные учреждения снова оживило полемику о международном значении Нижней Шельды и правовом положении этого вопроса. Голландский тезис сводится к тому, что право Нидерландии укреплять с моря или суши Флиссинген, как и всякий другой пункт своей территории, не находится в зависимости от трактатных постановлений 1831 и 1839 гг., гарантирующих нейтралитет Бельгии. Это — два отдельные вопроса, не имеющие между собой ничего общего. Голландия, озабоченная исключительно ограждением в случае европейской войны своей собственной нейтральности против всякой державы, которая попыталась бы нарушить ее, не должна упускать из виду, что Флиссинген может представить весьма ценный опорный пункт для военно-морских операций в Северном море, и принуждена поэтому готовиться к его обороне. Вопреки распространенному мнению, полагающему, что на укреплении Флиссингена настаивает Германия, более правдоподобным следовало бы считать предположение, что Флиссинген придется оборонять именно против германского флота, для которого, по отдалению его собственных морских баз в войне с Англией и Францией, овладение Флиссингеном представило бы более существенную выгоду, чем для Англии, располагающей поблизости своими национальными опорными пунктами. Эти побудительные причины к укреплению Флиссингена достаточно вески в глазах Голландии, чтобы не приписывать ей предвзятого намерения, в случае общей войны и нарушения нейтралитета Бельгии, преградить вход в Шельду с моря, — что, к тому же, легче может быть достигнуто минными заграждениями.

Вышеприведенная аргументация довольно точно передает сущность высказанных мне министром иностранных дел соображений в одном из

[1] См. № 750.
[2] См. № 339.

первых наших разговоров, которому я придал совершенно частный характер личного моего осведомления и от которого г. ван Свиндерен не уклонялся.

Со своей стороны в течение этого обмена мыслей я ему заметил, что снятие указательных буев фарватера и постановка минных заграждений на Шельде кажется мне мерой не столь легко выполнимой, так как она по необходимости должна бы предшествовать появлению в Шельде иностранного флота и носила бы, следовательно, характер произвольного нарушения Голландией постановлений Венского трактата 1815 г. о свободе плавания по международным рекам, в том числе Шельды. Характер непосредственного отражения иностранного воюющего флота в нейтральных территориальных водах может быть соблюден лишь за действием в решительную минуту артиллерией береговых укреплений. Поэтому общественное мнение заинтересованных стран и усматривает в укреплении Флиссингена с моря связь с приписыванием им à tort ou à raison[1] Голландии затаенным намерением воспротивиться входу в Шельду флота, который шел бы к Антверпену с десантными войсками для защиты нарушенного другой державой со стороны сухопутной границы нейтралитета Бельгии.

На это замечание г. ван Свиндерен прямого возражения не сделал.

Не оспаривая неограниченное в принципе право нидерландского правительства возводить укрепления на любом пункте своей территории, я высказал далее, что мне, однако, понятны возражения, которые встречают слишком абсолютные тезисы, вроде защищаемого в печати членом института международного права голландским генералом ден Беер Португалль, согласно коему вопрос о бельгийском нейтралитете не касается Голландии, и последняя обязана лишь, оставаясь нейтральной, оказать сопротивление всякой воюющей державе, армия или флот которой появились бы на ее территории или в ее водах, какова бы ни была их цель. Едва ли мнение это можно беспристрастно отстаивать в применении к рассматриваемому положению, где уже имелся бы налицо предварительный факт вторжения в Бельгию армии одной из воюющих держав. В таком случае посылка флота и десанта другой державы по Шельде к Антверпену являлась бы осуществлением со стороны этой державы принятой ею на себя по Лондонскому трактату 15 ноября [н. ст.] 1831 г., совместно с прочими контрагентами, гарантии нейтралитета Бельгии. По трактату, заключенному в Лондоне 19 апреля [н. ст.] 1839 г., между теми же великими державами и Голландией, последняя признала независимость Бельгии во всем объеме трактатных постановлений 1831 г. (ст. 2 трактата 1839 г.). При наличности этих договорных обязательств позволительно сомневаться, чтобы Голландия могла, не нарушая их, не считаться с гарантией нейтралитета Бельгии великими державами и противиться вооруженной рукой на Шельде фактическому осуществлению той или иной из этих держав означенной гарантии. Действуя таким образом, Голландия солидаризировалась бы с державой, нарушившей обеспеченный трактатами нейтралитет бельгийской территории.

В заключение нашей беседы г. ван Свиндерен признался, что, отстаивая абсолютное и независимое от вышеупомянутых договорных постановлений право Голландии укреплять Флиссинген, ввиду могущих представиться для нее различных случаев самозащиты, он не отрицает в принципе существование международного вопроса о Шельде. Последний был бы, однако, затронут не сооружением, а только тем или иным употреблением флиссингенских укреплений. Если некоторые из держав, гарантировавших нейтралитет Бельгии, сочтут своевременным возбудить международное обсуждение вышеозначенного вопроса, Голландия, вероятно, от оного не уклонится.

Судя по отзывам некоторых из моих иностранных сотоварищей, такое

[1] «справедливо или нет».

признание довольно ново в устах нидерландского министра иностранных дел. Делая оное, министр, впрочем, немногим рисковал: при существующих политических сочетаниях трудно рассчитывать на единодушное толкование со стороны всех великих держав обязательств, вытекающих из договорных постановлений 1831 г. Совместное обсуждение их рисковало бы, напротив, вызвать опасные разногласия. А потому весьма мало вероятно, чтобы какая-либо из держав решилась поставить его на очередь.

Не бо̀льшую пользу обещает и продление резкой полемики по поводу укрепления Флиссингена, преследуемой некоторыми французскими и бельгийскими органами печати. Позволяю себе приложить при сем, как характерный образец означенной кампании, одну из статей брюссельской «Indépendance Belge», заведомо направляемой в этом вопросе здешней французской миссией [1]. Подобные иностранные выступления раздражают национальную щепетильность голландцев и способны ускорить, под влиянием этого чувства, законодательное утверждение проекта флиссингенских укреплений, который сам по себе встречает в среде различных партий серьезные возражения экономического и стратегического свойства и далеко не обеспечен еще несомненным большинством голосов обеих палат.

Гораздо более целесообразной следует поэтому признать сдержанность, соблюдаемую в настоящем фазисе вопроса с английской стороны. Как мне о том поведал вернувшийся недавно из Англии великобританский поверенный в делах г. Линдсей, сэр Эдуард Грей в ответ на заверения г. ван Свиндерена при личной с ним встрече минувшей весной в Лондоне ограничился замечанием, что право нидерландского правительства строить береговые укрепления в Флиссингене не оспаривается и что Англия может лишь при этом желать, чтобы Голландия принимала равномерно в соображение и необходимость защиты своей сухопутной восточной границы.

В этом намеке сэра Эдуарда Грея заключается несомненно предостережение. Оно верно отмечает слабый пункт голландской позиции, но едва ли оно возымеет практические последствия. Для сколько-нибудь действительной обороны почти совершенно беззащитной восточной границы потребовалась бы не только постройка там укреплений, но и значительное увеличение численного состава нидерландской армии. А на это сомнительно, чтобы хватило решимости, по соображениям как внутренним, так и внешним, по крайней мере в ближайшем будущем, у чередующихся у власти современных голландских политических деятелей.

Как бы то ни было, ввиду не определившейся еще окончательно судьбы флиссингенского проекта и в соответствии с обыкновением английской дипломатии не предпринимать шагов, не вызываемых настоятельной необходимостью и проблематичной пользы, великобританской миссии в Гааге не поручалось до сих пор делать какие-либо представления или требовать объяснения по поводу предполагаемого укрепления Флиссингена.

Что же касается истинных мотивов проявляемой нидерландским правительством известной настойчивости в проведении проекта береговых укреплений Флиссингена, то, допуская отсутствие в этом деле прямого германского давления, — страстно здесь отрицаемого и остающегося пока недоказанным, — нельзя, однако, не притти к заключению, что гаагский кабинет действует под испытываемым им перед Германией страхом и стараясь ее до поры до времени задобрить этой мерой, в душе же предоставляя себе, в сознании своей немощи, занять при возникновении великодержавного военного столкновения то положение, которое по соображениям этой минуты окажется наименее для него опасным.

Примите и пр.

А. Свечин.

---

[1] Приложение не воспроизводится.

№ 776. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 120. 25/12 сентября 1912 г.

Телеграфирую в Константинополь:

Узнаю только что из вполне осведомленного источника, что Сарафов сообщил сюда, будто бы турецкий министр иностранных дел заявил ему, что Порта, «дабы содействовать успокоению умов в Болгарии», решилась мобилизировать 100 тысяч войска на болгарской границе [1]. Если это правда, то последует немедленная мобилизация болгарской армии: сегодня состоится по этому поводу совет министров, после которого Гешов намерен обратиться ко мне. Для избежания всякой потери времени запрашиваю вашего мнения и в особенности сведений, верно ли, и в какой мере, сообщение Сарафова. Здесь начинало наступать некоторое успокоение, которое может смениться всеобщим возбуждением, если Сарафов верно понял слова Норадунгиана и не преувеличил оных.

Неклюдов.

№ 777. Поверенный в делах в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Письмо. 25/12 сентября 1912 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Министр иностранных дел, видимо озабоченный предстоявшими в Лондоне переговорами гофмейстера Сазонова с руководителями английской внешней политики, спешно вызывал меня несколько раз к себе с целью по возможности подробно ознакомить меня с точкой зрения греческого правительства на вопросы, касающиеся Балкан, Крита и Эгейских островов. Предмет этих бесед я доложил императорскому министерству в телеграммах моих за №№ 53, 54 [2] и 56 [3], причем последняя — вследствие выраженного г. Коромиласом желания, чтобы содержание ее, касающееся судьбы Эгейских островов, возможно скорее дошло до сведения С. Д. Сазонова, — была направлена мной [21] 8 числа тек. месяца одновременно в Лондон и С.-Петербург.

Обострившееся за последние недели положение дел на Балканском полуострове несомненно отразилось и на ходе военных приготовлений Греции. Несмотря на тщательно соблюдаемую всеми — и в том числе и прессой — тайну и отсутствие каких бы то ни было точных сведений, кое-что выплывает, однако, наружу. Так, например, до сведения моего дошло, что в Фессалии приступлено к частичной мобилизации и что в церквах названной провинции читались списки призываемых на службу запасных. С другой стороны, здешний турецкий военный агент сообщил мне, что на северную границу постоянно отправляются поезда с военными припасами и что недавно туда же переведено несколько батарей.

Что касается до цели подобных приготовлений, то мне сдается, что эллинское правительство не намеревается все же перейти само к вызывающему по отношению к Турции образу действий и что вооружения его являются, быть может, лишь следствием налагаемых на него соглашением с другими балканскими королевствами обязательств, неисполнение коих ослабило бы ту связь, которая установилась между Грецией и этими государствами и которая, видимо, стала ныне прочной основой эллинской политики.

Примите и пр.

С. Урусов.

---

[1] Аналогичные сведения сообщил, со слов болг. посланника в Париже, Извольский Нератову тел. от 25/12 сент. за № 199.

[2] См. №№ 705 и 706.

[3] См. № 728 и стр. 237, прим. 4.

№ 778. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 137. 25/12 сентября 1912 г.

Дополнение к моей телеграмме № 135 [1].

Ввиду полученных мной новых данных, я еще более утверждаюсь в убеждении, что назначение нами срока, в течение коего Сербия и Болгария обязались бы не предпринимать активных действий, способствовало бы разрешению настоящего кризиса и дало бы серьезную опору правительствам обоих королевств для борьбы с военными сферами, которые главным образом мутят общественное мнение своей агитацией в пользу войны с Турцией. Пашич и Гешов, между коими установилась солидарность во взглядах, искренне желают мирного исхода и при указанных выше условиях сделают все возможное, чтобы избежать столкновения.

Гартвиг.

№ 779. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

√. Телеграмма № 139. 25/12 сентября 1912 г.

Как раз в ту минуту, когда между Белградом и Софией происходил обмен мнений относительно изыскания мирного выхода из затруднений, сюда сейчас пришло неожиданное известие о том, будто Турция мобилизует войска [2]. Гешов сообщил по телеграфу Пашичу, что Болгария ответит на это мобилизацией своей армии. Конечно, Сербия сделает то же самое [3]. Так как нынешний вызов брошен Турцией, то умеряющее воздействие России и великих держав на славянские государства потеряет в силе и значении.

Гартвиг.

№ 780. Военный агент в Турции послу в Константинополе М. Гирсу.

Письмо. 25/12 сентября 1912 г.

Ваше высокопревосходительство Михаил Николаевич,

Не имев чести вас застать дома, пишу два слова, чтобы довести до вашего сведения, что, получив известие о призыве 10 редифных дивизий в Европейской Турции, я отправился сегодня днем в военное министерство, где мне подтвердили верность моего сведения. Действительно, вчера последовало распоряжение о призыве 10 редифных дивизий: Адрианополь, Баба-Эски, Кирджали, Гюмюльджина, Драма, Серес, Ускюб, Иштиб, Митровица и Эльбасан.

Эти дивизии призваны *на 6 недель для обучения* [4] в центрах *дивизионных* округов.

Вместе с тем происходит возвращение в состав 1-й инспекции армии (Константинополь — Адрианополь) всех тех частей пехоты и артиллерии, которые были командированы в Смирну, Дарданеллы, Салоники и в Македонию как вследствие опасения десанта итальянцев, так и по случаю албанского движения.

---

[1] См. № 740.

[2] Ср. № 776.

[3] Тел. от 25/12 сент. за № 200 Извольский сообщал Нератову, что серб. посланнику в Париже предписано «предъявить 15 сентября старого стиля находящимся во Франции в командировках или отпуску сербским офицерам приказание немедленно возвратиться к своим частям».

[4] Маневров не будет около Адрианополя. [Прим. оригинала.]

Эта последняя мера уже приводится в исполнение, как я о том имел честь докладывать последние дни. С окончанием оных на-днях боеспособность Турции на Фракийском фронте будет восстановлена до нормы.

Призыв же 10 редифных дивизий теперь уже безусловно гарантирует Турцию от возможности быть застигнутой врасплох неожиданным открытием кампании балканскими государствами и подействует, по всей вероятности, миротворно на умы деятелей этих стран.

С другой стороны, хочу доложить один слух греческого источника, но «sous toute réserve»[1], будто бы не невозможно, что турки объявят в ближайшем будущем о своем желании провести в жизнь параграф 23 Берлинского трактата. Завтра поеду опять в город[2].

Примите и пр. И. Хольмсен.

№ 781. Временно управляющий министерством иностранных дел министру иностранных дел Сазонову[3].

·/. Телеграмма № 1927[4]. 26/13 сентября 1912 г.

В беседе со мной болгарский посланник сказал, между прочим, что до вашего возвращения едва ли можно опасаться решительных действий со стороны Болгарии.

Из общих данных вывожу заключение, что с вашей поездкой связаны несомненные ожидания балканских государств.

По мнению Паприкова, для Болгарии было бы предпочтительнее, вместо европейского контроля, иметь гарантии осуществления реформ в обязательном привлечении к управлению и организации самого местного населения.

С сербской и греческой стороны высказывается невозможность для их правительств остаться в стороне в случае войны Болгарии с Турцией.

Нератов.

№ 782. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

·/. Телеграмма № 1931[4]. 26/13 сентября 1912 г.

Сообщается министру иностранных дел в замок Бальмораль.

Ссылаюсь на телеграмму Неклюдова № 120[5].

Совершенно невероятным представляется объяснение Габриэля-эффенди Сарафову о призыве 100 000 редифов. Этим распоряжением Турция бросает вызов балканским государствам, без того настроенным крайне нервно по отношению к ней. Оно идет вразрез со стараниями держав предотвратить дальнейшее обострение и уничтожает всякую надежду на успех их усилий.

Благоволите высказаться в этом смысле перед турецкими министрами и вновь побудить их воздержаться от провокационных мер. Не теряем надежды, что турки, поняв это, отложат выполнение своего распоряжения[6].

Нератов.

---

[1] «не ручаюсь за достоверность».

[2] Содержание публикуемого письма было передано М. Гирсом Нератову тел. от 25/12 сент. за № 700, где он указывал, что, «по мнению генерала Хольмсена, такой призыв не является еще мобилизацией».

[3] Публикуемая тел. адресована в Бальмораль.

[4] Лит. копия.

[5] См. № 776.

[6] В тот же день тел. за № 1932 Нератов сообщал Сазонову: «В Софии и Белграде принято, повидимому, решение ответить мобилизацией на призыв 100 000 редифов, каковая мера подтверждается Хольмсеном. Было бы полезно, чтобы остальные державы сделали перед Портой шаги в смысле поручения, данного Гирсу. В случае согласия не откажите преподать указания послам при державах».

№ 783. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁰/. Телеграмма [1]. Бальмораль, 26/13 сентября 1912 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1911 [2].

Телеграфирую в Париж:

Грей сказал мне, что он дает такие же указания английским представителям в Софии, Белграде, Цетинье и Афинах. Было бы желательно, чтобы французское правительство также поручило своим представителям в названных столицах воздействовать в том же смысле. Полагаю, что следует побудить берлинский и венский кабинеты в свою очередь преподать подобные же советы, о чем телеграфирую нашим представителям [3].

Сазонов.

№ 784. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁰/. Телеграмма № 201 [4]. 26/13 сентября 1912 г.

Телеграфирую Сазонову:

Гешов телеграфирует здешнему болгарскому посланнику, что в Европейской Турции уже произведена полная мобилизация всех войск и что это подтверждается самими турецкими министрами [5]. Гешов прибавляет, что болгарское правительство, которое уже сделало распоряжение об увольнении всех войск, созванных для участия в шумлинских маневрах, не может отнестись к этому акту турецкого правительства иначе, как к явному вызову, и не верит объяснениям турецкой печати, будто турецкие войска созваны лишь для обыкновенных маневров [6].

Извольский.

№ 785. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 62. 26/13 сентября 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Морским министерством выработан новый план дислокации французских морских сил.

[1] Номер отсутствует.

[2] См. стр. 275, прим. 3.

[3] Тел. от 27/14 сент. за № 204 (опубл. Stieve, II, S. 261, N 448) Извольский сообщал Нератову и в Бальмораль Сазонову, что в Париже «ничего неизвестно о совместном обращении четырех балканских государств» и что Палеолог обещал ему предписать франц. представителям на Балканах «снестись по этому предмету с их русскими и английскими коллегами».

В тел. от 28/15 сент. за № 111 Броневский сообщил Сазонову, что он объяснился по этому поводу с Кидерленом, который «изъявил полную готовность предписать германским представителям в Софии, Белграде, Афинах и Цетинье сговориться с русскими и другими своими коллегами, дабы отсоветовать совместное обращение четырех балканских государств к великим державам».

[4] Опубл. Stieve, II, S. 259, N 444.

[5] У Stieve фраза: «и что это... министрами» отсутствует.

[6] Тел. от 26/13 сент. за № 203 (опубл. Stieve, II, S. 259, N 446) Извольский сообщал Нератову и в Бальмораль Сазонову, что, по сведениям, полученным Бомпаром от франц. воен. агента в Турции, «мобилизация касается румелийских дивизий и не затрагивает анатолийских редифов. Мера эта имеет целью пополнить ряды, ослабленные недавним увольнением запасных, и довести вышесказанные дивизии до нормального состава активной турецкой армии». «Бомпар, — сообщал далее Извольский, — по собственному почину указал Габриэлю-эффенди на опасность маневров поблизости болгарской границы; министр иностранных дел обещал ему высказаться в совете министров против этой меры».

В октябре текущего года произойдет сосредоточение французского военного флота в Средиземном море. Морской министр отдал приказ броненосцам 3-й эскадры, стоящей в Бресте, покинуть 15 октября текущего года этот порт и перейти в Средиземное море для присоединения к находящимся уже там судам 1-й и 2-й эскадр.

После ухода из Бреста броненосцев 3-й эскадры у северных берегов Франции останутся из более крупных морских единиц лишь три бронированных крейсера, а у ее средиземных берегов будет собрана внушительная морская сила: 18 броненосцев и 6 бронированных крейсеров большого типа. В 1913 г. к ним же будут приобщены строящиеся ныне два дредноута «Jean Bart» и «Courbet».

Вопрос о постоянной стоянке судов 3-й эскадры в Средиземном море еще не решен окончательно. Они будут направлены либо в тунисский порт Бизерту, либо в Тулон, где будут иметь общую с судами 1-й и 2-й эскадр базу.

Сначала министерство остановилось было на Бизерте, которая казалась бы самой подходящей для преследуемых Францией стратегических целей стоянкой.

Эскадра, находящаяся у африканских берегов, в частности в Бизерте, в пункте наиболее приближенном к берегам Сицилии, могла бы в случае необходимости успешно помешать соединению итальянского флота с австрийским.

Однако затем возникло сомнение, насколько могли бы соответствовать такому назначению отправляемые теперь на юг Франции шесть броненосцев, так как они все постройки девяностых годов и достигли уже некоторой ветхости. Кроме того, содержание эскадры в боевой готовности у берегов Африки, где, по мнению авторитетов, вопрос вооружения и снаряжения сопряжен с большими затруднениями, легло бы тяжелым бременем на государственную казну.

Ввиду этих соображений, которые ежедневно всесторонне обсуждаются на столбцах повременной печати, кажется более вероятным, что окончательный выбор министерства остановится на Тулоне. Голоса многих специалистов клонятся в пользу такого решения. Указывается на то, что в Тулоне уже с 1910 г. идут усиленные работы по расширению и увеличению морских арсеналов, доков и прочих военно-портовых сооружений и что поэтому Тулон мог бы без ущерба для находящихся уже в его порте судов служить также пунктом снабжения и для судов 3-й эскадры.

Во всяком случае вопрос о новой дислокации флота горячо заинтересовал французское общество. Приказ г. Делькассе встречен во Франции весьма сочувственно. Серьезные органы республиканской печати склонны усмотреть в сосредоточении всей морской мощи Франции в Средиземном море благоприятный симптом дальнейшего более тесного сближения с Англией.

«Temps» высказывает мнение, что концентрация флота на юге Франции не может отрезать его в военное время от северных берегов Франции, так как нет основания предполагать, что Гибралтарский пролив в случае войны был бы закрыт для прохода французских судов.

Жители города Бреста, недовольные тем, что лишились определенного источника дохода, вытекавшего для них из пребывания в брестских водах больших военных кораблей, образовали «комитет протеста». «Journal des Débats» не преминул укорить в алчности брестских граждан, ставящих свои личные материальные интересы выше общегосударственных нужд и пользы.

Газета «Matin» находит, что новое распоряжение г. Делькассе весьма целесообразно и что момент для его осуществления выбран удачно. Отношения Франции в настоящее время ко всем иностранным государствам самые лучшие, и поэтому не может возникнуть подозрения, что новая морская дислокация направлена против кого бы то ни было.

Примите и пр. Извольский.

№ 786. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 63. 26/13 сентября 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Затянувшиеся так долго франко-испанские переговоры были задержаны за последние месяцы не только таможенным вопросом, о котором императорское посольство имело честь доносить [1], но до некоторой степени и недоразумениями, постоянно возникавшими между французскими властями и испанскими консульскими агентами в Марокко.

В Мазагане, как подробно описано в донесении за № 53 [2], испанский консул г. Вильас оказал свое покровительство и способствовал бегству каида Триахи, которого франко-марокканская полиция преследовала за многочисленные преступления.

В Могадоре испанский консул г. Состоа подверг побоям французского чиновника министерства путей сообщения за то, что последний исправлял водопровод, проходивший по земле, принадлежавшей, будто бы, португальскому протеже.

Названные агенты кроме того не скрывали своей вражды против Франции и открыто поддерживали партию претендента Эль-Хейба [3].

Хотя отправленный в Мазаган секретарь испанской миссии в Танжере и пришел к заключению о полной корректности испанского консула в сказанном инциденте, все же испанское правительство не могло не обратить серьезного внимания на энергичные протесты французского посла в Мадриде г. Жоффре против недружелюбного образа действий испанских консулов, мешающего совместной работе обеих держав в Марокко и несоответствующего дружественным намерениям кабинетов.

Решимость Испании пресечь эту вредную деятельность своих агентов выразилась на-днях отозванием консулов в Мазагане и Могадоре.

Агентство Гавас 20/7 сентября опубликовало сообщение, передающее ноту испанского министра-президента французскому послу, в коей говорится, что испанские консулы в Марокко получили категорические инструкции воздерживаться от всякого вмешательства политического характера во французской зоне и согласовать свою деятельность с искренней дружбой, одушевляющей оба правительства.

---

[1] Совершенно доверительным письмом от 13 авг./31 июля (опубл. Stieve, II, S. 208, N 391) Севастопуло сообщал, что Палеолог озабочен «оборотом, принятым на-днях переговорами между Германией и Испанией в связи с предстоящим соглашением по марокккскому вопросу между Францией и Испанией» (см. № 616).

Письмом от 29/16 авг. Севастопуло извещал Сазонова, что «исходящие из Берлина затруднения, одно время казавшиеся улаженными, за последние дни возобновились. Германия настойчиво требует изменений в предположенном режиме, который, якобы, должен причинить значительные стеснения торговле ее подданных».

[2] Содержание деп. Извольского за № 53 от 15/2 авг. в основном изложено в публикуемом документе.

[3] В деп. от 14/1 авг. за № 52 (см. также ч. I, стр. 131, прим. 2) Севастопуло, сообщая Сазонову об усилении франц. военных частей в Марокко, указывал, что «внутреннее положение в Марокко попрежнему весьма смутное и продолжает внушать серьезные опасения. Французским войскам приходится действовать как на севере, так и на юге против агитации разных претендентов. На севере страны роги племени Фиштала недавно бежал от преследовавшего его отряда генерала Гуро. На юге роги Эль-Хейба с успехом проповедует священную войну против французов. Ввиду все возрастающего престижа претендента в окрестностях Агадира, вплоть до Могадора, было решено произвести демонстрацию, и французский крейсер «Космао» недавно бомбардировал Агадир, где собралось большое число враждебных туземцев. Однако это не произвело, повидимому, должного впечатления, и против пропаганды Эль-Хейба, принимающей тревожные размеры, придется принять, может быть, более энергичные меры. Деятельность претендента становится тем более опасной, что, по последним сведениям, он двинулся вглубь страны в сторону Маракеша».

Что касается самих спорных инцидентов, то в ноте значится, что, не признавая пока правильности фактов, в коих обвиняются испанские консулы в Мазагане и Могадоре, и предоставляя себе право подвергнуть их дополнительному расследованию, испанское правительство, дабы дать Франции доказательство своей дружбы, согласно на упомянутое выше отозвание гг. Состоа и Вильас.

При этом дается заверение, что означенная мера независимо от результата расследования будет считаться окончательной.

Французская печать выражает искреннее удовольствие по поводу последовавшего решения. Она находит, что Испания в данном случае дала доказательство своей искренности и одновременно благоразумия, так как совместная работа в Марокко необходима, а недоразумения между Испанией и Францией выгодны для одной лишь Германии, как это доказывается историей последних 8 лет. Ныне мелкие разногласия и недоверие устранены, и почва для завершения длящихся уже около года переговоров между обоими кабинетами представляется вполне благоприятной.

Примите и пр.

Извольский.

№ 787. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [1]. 26/13 сентября 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Новый план дислокации французского флота, составляющий предмет донесения от сего числа за № 62 [2], послужил поводом для передовой статьи газеты «Temps» о военном положении Италии в Средиземном море, у сего в вырезке прилагаемой и вызвавшей ожесточенную полемику с германской прессой [3].

В сказанной статье приводятся подробности международных отношений Италии за последние 30 лет и объясняется, как, обеспечив себя с суши при помощи Тройственного союза, Италия, ввиду отказа Германии распространить действие этого союза на Средиземное море, обеспечила свои морские интересы путем соглашений сперва с Англией, а затем с Францией.

В заключение проводится мысль, что если бы даже теперь Германия и расположена была распространить Тройственный союз на Средиземное море, то Италия все-таки не могла бы отказаться от своих соглашений с Англией и Францией, которые вдвоем располагают бесспорным владычеством в омывающих на столь значительной береговой линии Италию морях.

Германская пресса начала по этому поводу энергичную кампанию, пытаясь доказать Италии, что положение, занятое автором данной статьи, является угрозой по адресу римского кабинета и попыткой запугать его.

Но кампания эта, повидимому, не увенчалась успехом, и итальянское общественное мнение отнеслось без всякой тревоги к статье газеты «Temps». Одним из редких исключений в этом отношении является известный франкофоб, сотрудник газеты «Messagero», г. Чирмени [4].

Мой итальянский коллега, с которым я имел случай беседовать по поводу статьи «Temps», находит приведенные в ней соображения вполне правильными и подтвердил мне, что действие Тройственного союза на Средиземное море не распространяется. Что касается до самой дислокации и перевода в Средиземное море 3-й французской эскадры, то ввиду крайней вет-

[1] Опубл. Stieve, II, S. 260, N 447.
[2] См. № 785.
[3] Приложение не воспроизводится. См. № 703.
[4] См. № 754.

хости судов сей последней, г. Титтони не придает этой мере особого значения с военно-морской точки зрения.

Как вам известно, г. Пуанкаре несколько раз высказывал мне категорическое решение французского правительства не отступать ни перед какими жертвами, чтобы обеспечить за одной Францией постоянное превосходство над соединенными флотами Австрии и Италии [1].

Что касается до взаимных отношений между флотами Англии и Франции, то, как я уже писал вам, г. Пуанкаре не скрыл от меня, что хотя на этот счет не существует никакого письменного соглашения, между обоими морскими штабами существует полная согласованность действий и, в частности, настоящая мера принимается с обоюдного их ведома и согласия [2].

Примите и пр.

Извольский.

№ 788. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 26/13 сентября 1912 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Вчера мы проводили великого князя Николая Николаевича, уехавшего, повидимому, вполне довольным оказанным ему здесь приемом [3]. Пребывание его здесь протекло вполне благополучно. Со стороны французов было сделано все, чтобы обставить этот визит самым блестящим образом. Как великокняжеская чета, так и все состоящие при них наши военные в один голос заявляли мне о необыкновенной предупредительности и радушии, испытанных ими со стороны французов. Как раз во время маневров я провел несколько дней у знакомых, в районе операций — одной из красивейших местностей Франции; проезжая в автомобиле мимо великокняжеской ставки, я мог судить о необыкновенной роскоши и вкусе, с которыми посреди леса был устроен настоящий сад с цветниками, экзотическими растениями и т. д., среди коих стоял поезд их высочеств. Еще более благоприятные впечатления получились и с чисто военной точки зрения. Как сам августейший главнокомандующий, так и офицеры всех родов оружия, его сопровождавшие, говорили мне, что они были поражены успехами французской армии. С особенной похвалой они отзывались о высшем командном составе и о материальной части. Весьма поразили их также дух и повышенное настроение войска. В этом отношении на армии непосредственно отразилась перемена, происшедшая со времени событий прошлого лета в настроении всех слоев французского общества, среди которых под влиянием грубого вызова со стороны Германии возродилось патриотическое воодушевление. Достойны также внимания, по отзыву наших военных, энергия, понимание военного дела и кипучая работа, проявляемые военным министром, бывшим социалистом Мильераном, ныне сделавшимся в высшей степени популярным не только во французском обществе, но и в рядах самой армии. Если прием, оказанный великому князю и нашей военной миссии в Париже и Турэне, отличался теплотой и радушием, то в Нанси и его окрестностях он был прямо грандиозным и восторженным. По этому поводу некоторые газеты не преминули удариться в некоторые крайности, в особенности в связи с фактом, что во время поездки в автомобиле великая княгиня остановилась на несколько минут у самой германской границы, а также в связи с прибытием из-за рубежа нескольких тысяч эльзасцев, пожелавших присутствовать на параде около Нанси. В общем, однако, французская печать, отзываясь

[1] См. № 143.
[2] См. № 672.
[3] См. стр. 198, прим. 5.

с восторгом о пребывании во Франции великого князя [1], не проявила никакого вызывающего тона по отношению к Германии.

Вам уже известно, что я выезжал навстречу к С. Д. Сазонову во время следования его из Брюсселя в Кале. Это дало мне возможность словесно передать ему соображения Пуанкаре по поводу его предложения [2].

С тех пор французский министр иностранных дел, со своей стороны, выступил с переданной мной по телеграфу в Бальмораль и Петербург программой [3]. Вчера вечером С. Д. Сазонов сообщил мне, что сэр Э. Грей и он сам принимают два первые пункта этой программы, но затрудняются присоединиться к 3-му и 4-му пунктам или, точнее, что против этих 2-х пунктов возражает сэр Э. Грей и что С. Д. [Сазонов] присоединяется к его мнению [4]. Сегодня Пуанкаре находится вне Парижа, и я еще не знаю, какое произвел на него впечатление этот ответ. Вчера и сегодня я передал С. Д. Сазонову и вам несколько тревожных известий, сообщенных мне болгарским и сербским посланниками [5]. На Quai d'Orsay продолжают смотреть на положение скорее оптимистически. Биржа выказывает замечательное спокойствие. В последнем разговоре со мной, Палеолог сообщил мне следующие две интересные подробности: вследствие настояний итальянского посла Пуанкаре сказал на-днях турецкому послу, что, по его убеждению, итальянское правительство ни в каком случае не сделает уступки в вопросе об итальянском суверенитете в Ливии, что Италия имеет не только решимость, но и достаточную материальную силу, чтобы на этой решимости настоять, и что поэтому Турция поступит благоразумно, подчинившись в этом отношении неизбежному. Титтони подтвердил мне этот факт, которому он придает большое значение, тем более что о своем заявлении Рифаату Пуанкаре сообщил итальянскому правительству через французского представителя в Риме.

Второе сообщение Палеолога касается вопроса об островах; по его словам, лондонский кабинет запросил французское правительство, как оно отнеслось бы к попытке Италии разрешить этот вопрос при заключении мира путем непосредственных переговоров с Турцией и с целью установить свое преимущественное влияние на сказанные острова. Пуанкаре ответил, что судьба островов тесно связана с вопросом о равновесии в Средиземном море и что поэтому будущее их положение должно подлежать, по мнению французского правительства, общему обсуждению со стороны держав.

С. Д. Сазонов приезжает сюда в среду, 2 октября/19 сентября. В четверг состоится интимный завтрак у президента Республики в Рамбулье. В пятницу он будет завтракать у Пуанкаре с остальными французскими министрами. В посольстве, по желанию С. Д. [Сазонова], будет только завтрак с членами посольства и г[енерального] консульства.

Простите за спешность письма и плохой почерк.

Сердечно преданный вам Извольский.

№ 789. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 26/13 сентября 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Согласно секретной телеграмме вашего превосходительства от 17/4 сентября, № 1824 [6], касательно нового фазиса, в который вступило недавно

---

[1] В деп. от 26/13 сент. за № 61 Извольский, описывая подробно пребывание Н. Н. Романова во Франции, между прочим писал: «24 [сентября нов. ст.] великий князь посетил крепость Туль и по дороге подробно осматривал форты Pont St. Vincent и Villey le Sec. В Туле его высочеству была устроена торжественная встреча».

[2] См. № 727.

[3] См. № 733.

[4] См. № 772.

[5] См. стр. 282, прим. 1, стр. 283, прим. 3 и № 784.

[6] См. стр. 221, прим. 2.

дело постройки Багдадской ж. д., я не преминул подробно указать г. Пуанкаре на крайнюю невыгодность для нас ускорения постройки четвертого и пятого участков этой дороги.

Г. Пуанкаре, который сперва оказался мало осведомленным о последних предложениях г. Гвиннера и об истинном их значении, тотчас отдал себе отчет в особой важности вопроса и не замедлил указать Оттоманскому банку на крайнюю нежелательность принятия означенных предложений.

Из этого, однако, не следует, чтобы французское правительство высказалось против всякого участия здешних банков в прежнем размере (30%) в выпусках, имеющих предоставить Обществу Багдадской ж. д. необходимые средства для достройки сей последней. Наоборот, г. Пуанкаре лично крайне сочувствует учреждению особого французского треста (омниум), который выпускал бы свои облигации на здешнем рынке и вырученные таким образом капиталы обращал бы на покупку облигаций различных турецких предприятий, в том числе и Общества Багдадской ж. д., но относительно сей последней в размере, не превышающем вышеуказанных 30%.

Таким образом, при нынешних обстоятельствах нет, повидимому, непосредственной опасности значительного ускорения постройки означенной дороги.

К тому же граф Витали и г. Бардак, являющиеся, как известно, вместе с Оттоманским банком главными участниками французской группы, заинтересованной в Багдадской ж. д., на-днях заявили Н. Л. Рафаловичу, что они согласны, в качестве участников «Société d'Études», заключить договор, коим, взамен известного участия в строительстве Астара-Тегеранской линии, они примут на себя обязательство не содействовать ни прямо, ни косвенно постройке железных дорог, могущих служить товарообмену с Персией и конкурировать с упомянутой линией; такое обязательство способно в известной мере оградить нас, по мнению г. Рафаловича, как со стороны Багдадской ж. д., путем некоторой ее отсрочки, так и со стороны северо-малоазиатских линий, которые будут строиться тем же синдикатом графа Витали и относительно коих помянутые лица согласны на Эрзингян, как на конечный пункт.

Граф Витали снова заявил Н. Л. Рафаловичу о своей готовности ехать в Тегеран и добавил, что желательно предоставить той же группе, т. е. «Société d'Études», опцион и на Ханекен-Тегеранскую ж. д., для того чтобы опцион этот был в руках группы, заинтересованной в возможно более медленном его осуществлении, причем покажется вполне естественным, что магистраль Астара — Тегеран будет осуществлена группой ранее ответвления Ханекен — Тегеран.

Что касается учрежденного в Брюсселе нового англо-немецкого Общества пароходства по Тигру и Евфрату [1], то, как выяснил г. Рафалович, директором-распорядителем его назначен г. Ризе, занимающий такую же должность в Обществе Багдадской ж. д.

Примите и пр.

Извольский.

№ 790. Временно управляющий министерством иностранных дел министру иностранных дел Сазонову [2].

Телеграмма № 1935. **27/14 сентября 1912 г.**

Ввиду принимаемых Турцией и, вероятно, балканскими государствами военных мер, представляется необходимость выяснить здесь характер наших собственных мероприятий и вообще наше отношение к событиям.

[1] См. № 523.

[2] Публикуемая тел. адресована в Бальмораль.

*

Вероятно, будет созвано совещание, на котором желательно осветить взгляды и намерения Англии и Франции на случай нарушения мира.

Германия, повидимому, будет стремиться к локализации конфликтов, что предусматривается и вторым пунктом проекта Пуанкаре [1]. Так как третий пункт имеет в виду устранение единоличного вмешательства, а, следовательно, также локализацию, — казалось бы, этот пункт согласуется с точкой зрения Англии, стремящейся отстранить возможность вмешательства. Для нас же сохранение третьего пункта явилось бы весьма ценным, иначе пришлось бы усилить наше сближение с Австро-Венгрией для предупреждения ее выступлений, на возможность которых имеются намеки в последней речи Берхтольда [2].

Прошу телеграфировать, следует ли ожидать специальных указаний на тот случай, что здесь будут настаивать на созвании совещания теперь же.

[Нератов.]

№ 791. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

·/. Телеграмма № 1938 [3]. 27/14 сентября 1912 г.

Телеграмма № 696 получена [4].

Удивляемся решимости турецкого министра ссылаться в документе, предаваемом гласности, на русского министра иностранных дел, не испросив на то предварительно нашего согласия.

В ваших объяснениях с г. Норадунгианом благоволите обратить его внимание на противоречие такого образа действий установленным международным обычаям. Ссылка на гофмейстера Сазонова в данном случае находит тем меньше оправдания, что возвещаемые в связи с нею реформы отнюдь

---

[1] См. № 733.

[2] В деп. от 25/12 сент. за № 40 Кудашев сообщал, что 23/10 сент. «в Вене съехались делегации венгерского парламента для совместной с австрийской делегацией сессии, имеющей целью установление окончательного бюджета монархии на 1912 г.» 24/11 сент. Берхтольд произнес в «комиссии о внешних делах» венгерской делегации речь, в которой дал характеристику международного положения. «Вся речь министра, — писал Кудашев, — в сущности касалась Восточного вопроса, итало-турецкой войны и кризиса на Балканах. О России он упомянул лишь в связи со своим недавним выступлением, причем отметил желание наше сохранить мир. О союзных Германии и Италии было им также упомянуто, а равно и о Румынии по поводу состоявшихся или еще предстоящих обменов визитами министра с руководителями политики этих государств. Существенная часть речи графа Берхтольда — в заключительной фразе ее: Настоящее положение, — сказал граф Берхтольд, — невзирая на единогласное стремление кабинетов великих держав к сохранению мира, нисколько не успокоительного свойства. Постоянный блеск зарниц на Балканах свидетельствует о повышенном электрическом напряжении политической атмосферы, но не способен осветить потемки неразрешенных задач. Дипломатия стережет, чтобы предотвратить угрожающие конфликты и чтобы в зародыше подавить опасность пожара на Балканах. Вследствие нашего географического положения мы близко стоим к этой жгучей почве, и затронутыми являются значительные интересы монархии. Только опираясь на сильную армию и флот, можем мы спокойно взирать на будущее».

[3] Лит. копия.

[4] Нератов тел. от 22/9 сент. за № 1877 просил М. Гирса сообщить, достоверно ли известие Петербургского телеграфного агентства о том, что турец. м-р внутр. дел «доложил совету министров проект реформ в европейских и азиатских провинциях [см. приложение к № 765], выработанный, как сказано в докладе, на основании переговоров со здешними послами, а равно бесед Турхан-паши с русским министром иностранных дел».

Тел. от 24/11 сент. за № 696 Гирс ответил, что известие Петербургского агентства верно. По уверению турец. м-ра ин. дел, «упоминание в правительственном сообщении о заявлении некоторых послов и беседе Сазонова с Турхан-пашой произошло вследствие того, что министр внутренних дел не показал Габриэлю-эффенди текст сообщения предварительно его опубликования».

не соответствуют постановке, данной этому вопросу в беседе нашего министра с Турхан-пашой [1].

Нератов.

№ 792. Временно управляющий министерством иностранных дел военному министру Сухомлинову.

Письмо № 958. 27/14 сентября 1912 г.
Секретно.

М. г. Владимир Александрович,

Вследствие письма инженер-генерала Вернандера от [23/25] 10/12 сего сентября, № 3726 [2], имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что, по полученным в министерстве иностранных дел сведениям, восстание во Внутренней Монголии подавлено китайцами и князь Удай бежал в Хинганские горы [3]. Ввиду сего вопрос о снабжении оружием названного князя, повидимому, сам собой отпадает, тем более что, как я могу заключить по вопросу о снабжении оружием монголов Халхи, проведение дела выдачи такового требует около двух месяцев.

Примите и пр.

[Нератов.]

№ 793. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 122. 27/14 сентября 1912 г.

Копия в Константинополь почтой.

Не премину с подобающей осторожностью использовать в разговоре с Гешовым и другими ваши указания [4], ибо вполне понимаю, что дипломатическое с ультимативным характером выступление балканских государств может только раздражить Порту и испортить нашу благожелательную работу в Константинополе, на которую мы, повидимому, возлагаем некоторые надежды. К сожалению, здесь никто решительно не верит в осуществление турецких обещаний; и на дипломатическое выступление самих балканских государств в защиту 23-й статьи король и кабинет Гешова смотрят лишь как на средство (усыпить) и занять общественное мнение и тем оттянуть, елико возможно, крайнее решение. Король, кабинет и благоразумные круги страны боятся войны ввиду внушительной военной силы Турции и

---

[1] В ответной тел. от 29/16 сент. за № 728 М. Гирс сообщал, что Норадунгиан вполне согласен с тем, что Порта не должна была ссылаться на разговор Сазонова, не испросив предварительного согласия росс. прав-ва. Турец. м-р вновь указал Гирсу, что это произошло «помимо его желания», так как ввиду спешности документ не был дан ему на просмотр до его опубликования.

[2] См. стр. 169, прим. 2.

[3] Тел. от 17/4 сент. за № 776 В. Крупенский сообщал, что, «по полученным канцелярией президента республики сведениям, в происходящих во Внутренней Монголии стычках между монголами и китайскими войсками перевес по большей части остается на стороне последних, главным образом благодаря наличности у них артиллерии». Тел. от 24/11 сент. за № 1898 Козаков сообщил Люба (копия в Пекин) о полученной иркутским ген.-губернатором тел. от посланца Удая, извещавшей, что «китайские войска разгромили хошуны Тушегун и Чжасакту». Козаков, поручая Люба передать содержание этой тел. монг. прав-ву, указывал: «Монголам должно быть ясно, что они могут противостоять китайцам только там, где мы их поддерживаем. Расправа с хошунами Чжасакту и Тушегуна служит лучшим доказательством того, что ожидает Халху, если, пренебрегая нашими советами, ее правители стали бы искать непосредственного соглашения с китайским правительством, не опираясь на нашу помощь».

[4] См. № 769.

наших категорических заявлений, что мы не поддержим болгар в случае... неудачи; торговые круги (тут) удручены денежной паникой и действуют в пользу охранения мира. Я постараюсь убедить Гешова, что неминуемый отказ турок исполнить и даже выслушать заявления балканских государств в пользу 23-й статьи лишь обострит и ускорит здесь этот кризис, который правительство хотело бы отдалить. Но боюсь, что мои доводы разобьются о соображения внутреннего политического характера.

Неклюдов.

№ 794. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 141 [1]. 27/14 сентября 1912 г.

Турецкая мобилизация все более волнует умы. Объяснению турок, будто известные части призваны к проектированным осенним маневрам [2], конечно, никто не верит, ибо стягиваются почти все войска Европейской Турции, что подтверждается из разных источников. Моей задачей было убедить здешнее правительство не торопиться с репрессалиями. Пашич склонился к моей мысли и телеграфировал Гешову, требовавшему немедленной сербо-болгарской мобилизации, прося, насколько представляется возможным, затормозить начатие и совершение этих операций. Повидимому, болгары и сербы сговорились, что их общая мобилизация начнется [29] 16 и протянется до [8—9 октября] 25—26 сентября, причем Сербия предлогом выставит маневры. Таким образом пред нами имеется двухнедельный срок, в течение коего быть может удастся заставить турок отказаться от мобилизации, ибо раз армии обеих сторон станут лицом к лицу, достаточно сделать один выстрел, чтобы возгорелся пожар.

Гартвиг.

№ 795. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 142. 27/14 сентября 1912 г.

Сообщаю в Константинополь.

Ссылаюсь на мое донесение № 63 [3].

С военным материалом, заказанным Сербией во Франции и следующим транзитом через Турцию, оттоманское правительство поступает крайне неосторожно, вызывая напрасно здесь сильное раздражение. Задержав его в Салониках, Порта, после первых протестов Сербии, выпустила транспорт, который во второй раз неожиданно арестован был в Ускюбе. Ввиду новых представлений Ненадовича в Константинополе, груз был освобожден и, наконец, в третий раз задержан вблизи самой границы. Сербское правительство предъявило Порте энергичный протест, указывая на опасные последствия [4].

Гартвиг.

[1] Опубл. Siebert, II, S. 447, N 684.

[2] См. № 784.

[3] См. № 760.

[4] Тел. от 30/17 сент. за № 732 (опубл. Siebert, II, S. 449, N 687, где помечена N 734) М. Гирс сообщал Нератову: «По словам Ненадовича, переговоры его касательно военного груза сводятся к следующему: на его протест и заявления, что политика Сербии по отношению к Турции продолжает быть дружеской, Норадунгиан ответил ему, что, как только эти заявления будут повторены Ненадовичем в письменной форме, груз будет пропущен. В субботу [28/15 сент.] сербский посланник объявил Порте, что письменного заявления он не может дать, но Норадунгиан просил его вторично протелеграфировать Пашичу (за) разрешением дать таковое разрешение, что и было исполнено Ненадовичем. О возвращении груза в Марсель до сих пор речи не было».

№ 796. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 716. 27/14 сентября 1912 г.

Беляев [1] телеграфирует [26] 13 сентября:

Турецкий пограничный комиссар доносит, что вчера на турецко-черногорской границе в местности Перимзат произошло столкновение между турецкими солдатами и черногорскими. Со стороны турок убито три, смертельно ранено семь. Потери черногорцев — 15 убитыми и ранеными.

Гирс.

№ 797. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 717. 27/14 сентября 1912 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 695 [2].

При объяснениях с французским послом, министр иностранных дел подтвердил ему, что Порте известен текст сербо-болгарского соглашения, направленного против Турции и в коем решающий голос в спорных вопросах принадлежит России.

Гирс.

№ 798. Временно управляющий министерством иностранных дел наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

Телеграмма № 1950. 28/15 сентября 1912 г.

Ссылаюсь на телеграмму Лисовского № 635 [3].

Для личного сведения вашего сиятельства. Имеющиеся у нас данные подтверждают возникновение за последнее время, повидимому, серьезного движения в пользу Мохамед-Али-шаха. Есть основание думать, что Сепехдар является одним из главных вдохновителей этого движения [4], а потому сообщение Хишмет-эд-Доуле о соглашении, состоявшемся, будто бы, между этим сановником и Шоджа-эд-Доуле относительно приглашения бывшего шаха в Азербайджан, представляется правдоподобным. Однако, по сведениям состоящего при Мохамеде-Али подполковника Хабаева, шах, осведомленный об означенном движении, решил ничего не предпринимать, выжидать спокойно дальнейший ход событий и возвратиться на престол лишь с согласия России и Англии. Поэтому нет пока оснований опасаться внезапного его появления на Кавказе.

Принципиально мы отнюдь не считаем Мохамеда-Али нашим пленником

[1] А. Беляев — генеральный консул в Салониках.

[2] См. № 764.

[3] Тел. из Тифлиса от 21/8 сент. за № 635 драгоман консульства в Бендер-Бушире Лисовский сообщал Нератову о приезде из Тавриза б. секретаря Мохамед-Али-шаха. Хишмет-эд-Доуле. «Из разговоров с ним выяснилось, — сообщал Лисовский, — что между Сепехдаром и Шоджа-эд-Доуле идут оживленные переговоры о приглашении Мохамед-Али-шаха в Азербайджан и по этому вопросу между названными лицами установилось полное единомыслие. Есть основание предполагать возможность появления Мохамед-Али-шаха на Кавказе». Лисовский добавлял, что наместник на Кавказе просил его узнать мнение м-ва ин. дел по этому вопросу.

[4] В донесении от 25/12 сент. за № 499 в первый департамент м-ва ин. дел Преображенский высказывал предположение, что Сепехдар приехал в Тавриз «совсем не для того, чтобы править провинцией». По господствующему в Тавризе мнению, — добавлял он, — Сепехдар «командирован сюда, чтобы устроить возвращение в Персию Мохамед-Али-шаха». Преображенский сообщал, что в беседе с ним Сепехдар неоднократно выражал надежду, что Сазонову при свидании с англ. м-ром ин. дел «удастся убедить великобританское правительство в необходимости лишить влияния на персидские дела бахтиар и в неотложности вернуть власть изгнанному шаху, приверженность к которому почти всей Персии не подлежит сомнению».

и не намерены препятствовать его возвращению в Персию, если бы сами персы того пожелали. В этом смысле министр еще недавно высказывался перед великобританским послом.

Нератов.

С[огласен].
Беловеж, [27] 14 сентября 1912 г.

№ 799. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 106. 28/15 сентября 1912 г.

Продолжение моей телеграммы от [19] 6 сентября № 98 [1].

Статс-секретарь повторил мне сегодня официально, что германское правительство сомневается в пользе при нынешнем напряженном положении каких-либо дружеских советов своего представителя в Константинополе относительно реформ в Македонии, тем более что эти реформы Турцией уже обещаны. Россия и Австрия, как наиболее близкие к балканским делам державы, таковые советы уже преподали; он же был бы скорее склонен предусмотреть сообща меры локализации конфликта, на случай его возникновения, если бы о том было сделано предложение.

Броневский.

№ 800. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 124. 28/15 сентября 1912 г.

Копия Сазонову, Париж.

Французский посланник телеграфировал сегодня ночью в Париж и сообщил мне в полдень, что вчера министерский совет постановил обнародовать завтра указ о мобилизации. Вчера поздно вечером ожидалось лишь согласие короля. Источник сведения Панафье, по его словам, вполне серьезный и верный. Наш военный агент не имеет еще этого сведения, но считает известие вполне правдоподобным после ряда мер, последовавших за последние три дня и о коих он подробно известил наш генеральный штаб [2]. Министерский совет заседает ежедневно. Решительным моментом явилось бесспорно объявление турецким министром иностранных дел болгарскому посланнику Сарафову о предстоящих маневрах близ Адрианополя, а также созыв 10 редифных дивизий.

Неклюдов.

№ 801. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Телеграмма № 143 [3]. 28/15 сентября 1912 г.

Получил телеграмму № 1909 [4].

По содержанию ее доверительно объяснялся со здешними государственными деятелями. Из этих разговоров, равно из добытых мной другими пу-

---

[1] См. № 709.

[2] Тел. от 28/15 сент. за № 127 Романовский сообщал в отдел ген.-кварт. главного управления ген. штаба: «Сегодня в Софии началась реквизиция лошадей для артиллерии. Офицерам, находящимся по отпускам, приказано возвратиться в свои части. Положение весьма напряженное; без энергичного немедленного вмешательства нашей дипломатии [в] ход событий трудно предотвратить войну. Советы благоразумия болгар не остановят».

[3] Опубл. Ор. кн., стр. 5, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[4] См. № 769.

тями данных, усматривается, что вопрос о представлениях Порте, на основании 23-й статьи Берлинского трактата, действительно обсуждался между Грецией, Болгарией и Сербией, но до окончательных результатов дело еще не дошло. Во всяком случае ими имелось в виду прибегнуть к этому шагу лишь в критическую минуту, когда столкновение с Турцией станет неизбежным. Таким образом означенное представление носило бы характер ультимативный перед началом открытия военных действий. Пашич в самом деле ищет мирного исхода и в этом смысле оказывает большое действие на Гешова — и сказал мне, что по вопросу о реформах он именно возлагает надежду на давление в Константинополе со стороны представителей великих держав, а посему ни в каком случае не сделает преждевременного шага, который затруднил бы нашу задачу. В заключение считаю долгом отметить следующее: сербов, повидимому, пугает, что, говоря о реформах, Европа будто заботится только о Македонии, забывая Старую Сербию, где положение также невыносимое и служит постоянно угрозой миру [1].

Гартвиг.

№ 802. Военный агент в Черногории в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Телеграмма № 936. 28/15 сентября 1912 г.

В дополнение 935 [2]. Прошу пользоваться с особой осмотрительностью нижеследующими достоверными данными, добытыми мной из крайне секретного источника. Сущность предложений со стороны Черногории сербским делегатам в Швейцарии: во-первых, военные действия против Турции союзники должны начать одновременно через пять дней по ратификации соглашения; во-вторых, обе стороны вступают в действия при максимальном напряжении военных сил; в-третьих, граница районов действий проходит вдоль Новобазарского санджака, посредине его, и охватывает для Черногории Северную Албанию и город Скутари с окрестностями; при этом соседние отряды союзников помогают друг другу; в-четвертых, ни одна из сторон не имеет права заключать мир без согласия другой и, в-пятых, в случае вступления в Санджак Австрии обе стороны направляют против нее все свои силы. Здесь надеются, что вышеизложенные предложения будут приняты Сербией и что военные действия начнутся около первого октября [3].

Потапов.

---

[1] Тел. от 27/14 сент. за № 155 (в ответ на тел. Нератова за № 1909) А. Гирс сообщал, что он не располагает «достоверными данными об участии черногорского правительства в этих переговорах с остальными балканскими государствами и о решении его примкнуть к предполагаемому совместному шагу». «Не исключаю возможности, — сообщал Гирс, — категорического отрицания черногорским правительством его участия в переговорах». Поэтому Гирс просил разрешения в переговорах с черног. прав-вом сослаться на то, что росс. прав-во «имеет несомненные сведения об участии всех четырех держав в этом деле». Иначе его объяснения с черног. прав-вом носили бы лишь «академический» характер.

В ответной тел. от 30/17 сент. за № 1969 Нератов сообщал: «Полагаем, что вопрос об обращении четырех государств станет очередным лишь в связи с инициативой, которая исходила бы из Софии. Поэтому предоставляем вам самому выбрать минуту, когда по местным условиям вы нашли бы целесообразным коснуться его в объяснениях с черногорским правительством».

[2] Тел. от 26/13 сент. за № 935 Потапов сообщал в отдел ген.-кварт. главного управления ген. штаба: «Вчера выехали через Италию в Швейцарию два черногорских делегата для встречи с сербскими с целью заключения соглашения о совместном выступлении против Турции еще нынешней осенью».

[3] Тел. от 3 окт./20 сент. за № 942 Потапов сообщал: «Сербо-черногорские переговоры в Люцерне о военной конвенции закончились вчера; причем после некоторых затруднений в вопросе об операционных зонах сербское правительство приняло все предложения черногорцев, изложенные мной в телеграмме № 936. Черногорские

№ 803. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 84. 28/15 сентября 1912 г.[1]

М. г. Анатолий Анатольевич,

В телеграмме моей за № 699 я имел честь обратить внимание императорского министерства на стоящие на нашем пути препятствия при предъявлении нами требования о допущении русского представителя в Совет управления Оттоманским долгом[2].

Самым существенным является, очевидно, невозможность осуществления наших пожеланий иначе, как законодательным путем. Заручиться же согласием палат при нынешней обострившейся национальной чувствительности турок будет не легкой задачей. До восстановления конституции декрет Мухаррема подвергся изменению в 1903 г. так называемым décret annexe. С этой точки зрения прецедент должен служить в нашу пользу. Нельзя, однако, упускать из виду, что почин пересмотра указанного закона исходил от Порты и был вызван ее желанием выговорить в свою пользу преимущества, ей не предоставлявшиеся законом Мухаррема.

Как вашему превосходительству известно, установление Совета управления Оттоманским долгом было вызвано прекращением в середине 1876 г. выплаты % и погашения турецкого долга. В 1878 г. английские и французские бонгольдеры образовали частные комитеты в целях посылки уполномоченных на Берлинский конгресс, дабы заручиться его защитой нарушенных их интересов. Следствием таких стараний было сделанное 11 июля итальянским представителем от имени своего, а также французского и великобританского сотоварищей предложение о преподании Порте совета учредить в Константинополе финансовую комиссию из членов специалистов, назначенных подлежащими правительствами, для рассмотрения претензий бонгольдеров, выработки мер и т. д. Каратеодори-паша ответил, что он не может принять такого заявления, но что кредиторам Порты надлежало бы войти в соглашение с его правительством, которое сделает все возможное к их удовлетворению. Таким образом, дабы избежать опасности международной опеки, Порта решила сговориться со своими кредиторами.

Во исполнение принятого на Берлинском конгрессе обязательства, оттоманское правительство обратилось ко всем иностранным заимодавцам, приглашая их уполномоченных в Константинополь на собрание, несомненно носившее характер конкурсного. Порта в данном случае заменяла международную комиссию — комиссией частно-правового оттенка.

Комиссии этой надлежало определить сумму долговых обязательств Порты, подвести их к одному знаменателю, определить размер %, подлежащего уплате ежегодно; выяснить доходы, предоставлявшиеся Портой в распоряжение бонгольдеров; создать организацию управления делами и т. д.

Итогом трудов комиссии явился вышесказанный закон Мухаррема, действия коего не распространялись, однако, на четыре займа — 1854,

---

делегаты возвращаются сюда завтра. К открытию военных действий здесь решено, повидимому, приступить одновременно с Сербией на точном основании только что заключенной военной конвенции».

[1] Публикуемая деп. ошибочно датирована 1910 г.

[2] В тел. от 25/12 сент. за № 699 М. Гирс, между прочим, сообщал, что он беседовал по этому вопросу с председателем Совета Оттоманского долга Лабулиньером, а советник пос-ва Гулькевич говорил с генеральным директором Писсандо и что эти лица отнеслись «весьма сочувственно» к вопросу о введении росс. представителя в Совет управления турецкого долга. Лабулиньер добавил, — передавал далее Гирс, — что «Франция несомненно одолжила бы необходимое для нашего вступления в качестве кредиторов Турции количество турецких бумаг» (см. № 725). В остальном содержание тел. исчерпывается публикуемым документом.

1856, 1871 и 1877 гг., на контрибуцию, выплачиваемую нам Турцией, и на неутвержденный долг, равнявшийся в 1881 г. 19 000 000 тур. лир.

Я не буду утомлять внимание вашего превосходительства подробным рассмотрением закона Мухаррема, но упомяну лишь о двух постановлениях, покамест приобревших некоторое значение. Одним из них было лишение Порты права на излишки поступлений, могущих образоваться вследствие успешного ведения дела Советом. В силу §§ 10 и 11 излишки предназначались целиком на обеспечение интересов бонгольдеров. Другим было назначение председателем Совета на 5 лет, каждый раз поочередно, представителей Великобритании и Франции (§ 15). Преимущество это было даровано обеим нациям ввиду того, что они владели наибольшим количеством турецких долговых обязательств.

Уже в 1888 г. Deutsche Bank воспользовался мыслью француза Берже (Théodore Berger) и поставил условием предоставления Турции денег на постройку железных дорог и взаймы — возложение поручения по выплате % и погашения на Совет. управления Оттоманским долгом. Примеру названного банка, заключившего на сказанных условиях с оттоманским правительством три договора, последовали впоследствии также две французских группы и одна бельгийская.

Щепетильное, непривычное в турецкой обстановке строго честное выполнение управлением Оттоманского долга своих обязанностей привело в цветущее состояние отрасли доходов Империи, предоставленных его компетенции. Но получавшийся излишек не поступал в пользу Порты и, увеличивая ценность ее обязательств, затруднял возможный в будущем их выкуп оттоманским правительством. Ввиду этого Порта добилась пересмотра закона Мухаррема соглашением (décret annexe) 14 сентября 1903 г., предоставлявшим в ее пользу 75% излишка поступления доходов и некоторые другие финансовые выгоды. Совет управления обеспечивал себе более благожелательное отношение Порты ко всем своим начинаниям, преследовавшим увеличение поступлений.

Между тем переговоры о пересмотре закона Мухаррема вызвали возражения со стороны германской группы, успевшей с 1888 г. значительно увеличить участие германских капиталов в операциях, порученных Совету управления. Германцы потребовали, чтобы председательство в Совете не было более уделом Франции и Англии и чтобы таковое было предоставлено по очереди делегатам всех национальностей, участвующих в Совете. Франции и Великобритании удалось лишь с трудом удержать свое привилегированное положение, но, по словам Бомпара, новый пересмотр закона Мухаррема, без которого не может быть допущен в Совет наш представитель, возбудит вновь вопрос о председательстве в Совете. Тогда едва ли удастся удержать нынешнее положение, ввиду того что за последнее время доля Великобритании значительно сократилась и ее место по крупности интересов заняла ныне Германия.

Вышеизложенные обстоятельства отнюдь не умаляют своевременности возбуждения вопроса о введении нашего представителя в Совет управления Оттоманским долгом. Соображения, высказанные в 1896 г. д. т. с. Нелидовым [1], с изменением общего положения вещей в Турции, потеряли

[1] В 1896 г. росс. посол в К-поле Нелидов высказывался против введения делегата России в Совет Оттоманского долга, мотивируя это следующими соображениями: а) не включив в общий долг Турции причитающееся России военное вознаграждение, росс. прав-во сохранило «средство для политического воздействия на Турцию и возможность влиять в данную минуту на ее внутренние дела»; б) в случае введения росс. делегата в Совет Долга Россия имела бы там лишь шестую долю влияния и, следовательно, она «поставлена была бы по отношению к Турции на одинаковую ногу с Италией, Германией и другими, что, очевидно, не соответствовало бы истинной степени ее прав на преобладание как соседственной и наибольшей из великих держав»; в) в Совете Долга Россия, даже в случае поддержки

свое значение. Уже в 1909 г. на это обратил внимание бывший посол наш в Константинополе д. т. с. Зиновьев в донесении от 30/17 января за № 17 [1]. Но на успех наших настояний, как я уже высказывал в телеграмме № 699, мы можем надеяться только в том случае, если Порта будет рассчитывать извлечь определенную пользу от делаемой нам уступки. Условное признание экономической независимости Турции имеет такую ценность в глазах оттоманского правительства, — поскольку таковая не умалится получением, ранее нашего на нее согласия, согласия остальных великих держав, — что я не исключаю возможности разрешения в желательном нам отношении и этого вопроса, помимо таких, имеющих несравненно более серьезное значение, как железнодорожный и погранично-персидский.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 804. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Депеша № 85. 28/15 сентября 1912 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

По секретным сведениям, полученным Портой, в ней, повидимому, укрепилось убеждение, что Греция спешно и тайно готовится к войне.

Пушки, военные снаряды и провизия ежедневно доставляются в города и стратегические пункты, лежащие близ турецко-греческой границы.

Вследствие сего великий визирь поручил военному министру немедленно укрепить необходимые стратегические пункты, дабы не быть застигнутыми врасплох.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 805. Памятная записка английского посольства в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

29/16 сентября 1912 г.

Urgente.

D'apres les renseignements parvenus du Ministre d'Angleterre à Pékin, le Gouvernement chinois aurait rompu les négociations avec le Consortium, formé pour l'émission de l'emprunt chinois. Cette nouvelle a été immédiatement suivie par l'émission par une maison de finances à Londres d'un prospectus pour un emprunt de £ 10 000 000 sterling et des souscriptions pour la moitié de cette somme ont été déjà invitées.

Le Gouvernement de Sa Majesté britannique a employé à Pékin tous les moyens diplomatiques possibles afin d'amener le Gouvernement chinois en premier lieu à désavouer et à ce défaut à annuler cet emprunt [2]. En même temps il a eu recours à Londres à toute forme de pression dont il disposait,

---

Франции, имела бы всегда против себя «большинство голосов Тройственного союза и Англии». (Записки Нелидова от 1 июня/20 мая 1896 г. и от 9 ноября/28 окт. 1896 г.)

[1] В донесении от 30/17 янв. 1909 г. за № 17 посол в К-поле Зиновьев высказывался за необходимость пересмотреть вопрос о введении представителя России в Совет Оттоманского долга.

[2] В тел. от 26/13 сент. за № 797 В. Крупенский сообщал, что английский посланник в Китае сделал новое представление Юань Ши-каю против заключения займа у лондонских банкиров. Юань Ши-кай ответил, что «необходимо нужны деньги, и он принужден взять их, где только может».

dans le but d'en empêcher l'émission [1]. Malgré tous ses efforts, le Gouvernement de Sa Majesté britannique se trouve aujourd'hui en face d'un fait accompli. Le Gouvernement, bien entendu, ne se voit pas à même d'empêcher des sujets anglais quelconques à faire à un Gouvernement étranger un emprunt dont les conditions sont acceptables aux prêteurs, mais il avait espéré que l'opposition ouverte du Gouvernement britannique aurait suffi à décourager ceux qui voudraient souscrire à un tel emprunt.

Or, le Gouvernement chinois prétend que sa façon d'agir a été justifiée par l'attitude intransigeante des groupes mêmes. Ceux-ci auraient refusé catégoriquement de prendre en considération toute modification des conditions originelles, conditions que le Gouvernement chinois, de sa part, ne saurait accepter. À ces conditions toute solution serait impossible.

Dans les circonstances, le Gouvernement de Sa Majesté britannique est d'avis qu'il faut considérer comme décisive la rupture des négociations pour l'emprunt dit de réorganisation des six groupes, à moins que ceux-ci n'adoptent une attitude plus accommodante et consentent à modérer leurs conditions de telle façon à aboutir à un accommodement immédiat avec le Gouvernement chinois avant que ce dernier puisse négocier d'autres emprunts hors du Consortium. Une telle attitude de la part du Consortium serait, à l'avis du Gouvernement de Sa Majesté britannique, justifiée par (1) l'amélioration incontestable de la situation en Chine, (2) la détermination évidente du Gouvernement chinois de s'opposer inflexiblement à toute administration étrangère des revenus affectés au service de l'emprunt et (3) le fait qu'à l'emprunt de £ 60 000 000 il a déjà été décidé de substituer un emprunt moins considérable, qui rendrait possible de se contenter d'un système de contrôle moins rigoureux.

Le Gouvernement britannique s'est engagé à donner son appui exclusivement au Consortium tant que dureraient les négociations. Du moment où celles-ci auront définitivement échoué, la situation est tout autre. Dans les circonstances ainsi changées, les Puissances refuseront sans doute de donner leur appui à tout emprunt fait par leurs sujets respectifs, à moins que les revenus affectés à son service soient suffisants, et sans avoir des garanties convenables quant à la façon d'employer cet argent. Elles insisteront de même pour que le remboursement aux groupes des avances déjà faites soit une condition de leur consentement à un tel emprunt. Mais il ne pourrait pas être question de défendre à la Chine de faire un emprunt en dehors du Consortium, quoi qu'en [2] fussent les conditions, si toute possibilité d'un arrangement avec les six groupes était déjà exclue. Même si une pareille défense était soutenable en théorie pour de raisons politiques, ce que le Gouvernement de Sa Majesté britannique trouverait difficile à admettre, elle ne serait jamais effective en pratique ainsi qu'il appert de l'expérience fâcheuse de l'emprunt en question.

Il est par conséquent à considérer si une dernière tentative ne pouvait être faite par les groupes dans le but d'en venir à un accommodement avec le Gouvernement chinois. Les propositions chinoises les plus récentes ne sont pas considérées comme déraisonnables par le groupe anglais à Londres, qui regrette vivement la façon dont elles ont été rejetées si abruptement à Pékin [3]. Le groupe est en train de conseiller instamment aux autres groupes

---

[1] См. № 664.

[2] Так в оригинале; следует читать: «quelles qu'en».

[3] В письме от 23/10 сент. Гойер писал в Русско-Азиатский банк, что кит. прав-во, в конечном счете, отвергло все условия, выдвинутые Консорциумом, и предложило новые условия, сводившиеся в основном к тому, что реорганизация соляной монополии должна проводиться самим кит. прав-вом, статьи расхода должны определяться национальным собранием и представитель групп будет только контрассигнировать, совместно с кит. представителем, чеки на получение средств, а контроль над расходованием фондов должен быть поручен особому бюро, составленному из

de rouvrir immédiatement les discussions à Pékin sur la base des propositions chinoises.

Le Gouvernement de Sa Majesté britannique approuve cette démarche et espère vivement que le Gouvernement impérial ne refusera pas d'y donner de même son consentement aussitôt que faire se pourra, vu que, s'il n'est pas possible de venir à un accommodement sans délai ultérieur, il n'y aura pas d'alternative que de considérer les négociations comme définitivement abandonnées, ce qui entraînera les suites ci-dessus précisées

Перевод.

Срочно.

По сведениям, полученным от английского посланника в Пекине, китайское правительство прервало переговоры с Консорциумом, организованным для выпуска китайского займа. Немедленно вслед за этим известием одна банкирская фирма в Лондоне выпустила объявление о займе в 10 000 000 ф. ст., и подписка на половину этой суммы уже открыта.

Правительство его британского величества использовало в Пекине все возможные дипломатические средства для того, чтобы заставить китайское правительство в первую очередь дезавуировать этот заем или, если это невозможно, аннулировать его. В то же время оно применило в Лондоне все формы давления, имевшиеся в его распоряжении, с целью помешать выпуску этого займа. Несмотря на все свои усилия, правительство его британского величества оказалось ныне перед совершившимся фактом. Само собой разумеется, что правительство не считает возможным воспрепятствовать кому-либо из своих подданных дать заем иностранному правительству на условиях, приемлемых для заимодавца, но оно надеялось, что открытой оппозиции британского правительства будет достаточно для того, чтобы остановить тех, кто пожелал бы подписаться на такой заем.

Китайское же правительство утверждает, что его образ действий оправдывается непримиримой позицией самих групп. Эти последние, якобы, категорически отказались обсудить какие бы то ни было изменения первоначальных условий, которые китайское правительство, со своей стороны, не может принять. При таких условиях никакое решение вопроса невозможно.

Ввиду таких обстоятельств, правительство его британского величества полагает, что разрыв переговоров, ведущихся шестью группами по так называемому реорганизационному займу, нужно считать окончательным, если только эти группы не выкажут большей сговорчивости и не согласятся умерить поставленные ими условия таким образом, чтобы сделать возможным незамедлительное соглашение с китайским правительством, прежде чем последнее сможет заключить другие займы помимо Консорциума. Подобная позиция Консорциума, по мнению правительства его британского величества, оправдывалась бы, во-первых, несомненным улучшением положения в Китае, во-вторых, явной решимостью китайского правительства неуклонно противодействовать иностранному управлению доходами, предназначающимися в обеспечение займа, в-третьих, тем фактом, что заем в 60 000 000 ф. ст. решено заменить займом меньшего размера, при котором можно было бы удовлетвориться менее строгой системой контроля.

Британское правительство обязалось оказывать поддержку исключительно Консорциуму в течение всего времени, пока будут вестись переговоры. Но с того момента, когда эти переговоры окончательно потерпят неудачу, положение совершенно изменится. При таких изменившихся обстоятельствах державы откажутся, без сомнения, оказывать поддержку какому бы то ни было займу, выпускаемому их подданными, если только доходы, предназначающиеся в обеспечение этого займа, не окажутся достаточными и если в отношении расходных статей не будут даны соответствующие гарантии. Помимо этого, они будут настаивать на том, что их согласие на такой заем будет обусловлено возвращением группам уже полученных от них авансов. Но не может быть и речи о том, чтобы запретить Китаю заключить заем помимо Консорциума на каких бы то ни было условиях, раз уже исключена всякая возможность соглашения с шестью группами. Даже если бы такой запрет и было возможно обосновать теоретически по причинам политического характера, — что

китайцев. Гойер сообщал далее, что представители Консорциума отказались договариваться на таких условиях и настаивали на том, чтобы кит. прав-во аннулировало заем у лондонских банкиров и согласилось принципиально на все условия Консорциума, прежде чем будут возобновлены официальные переговоры. Кит. м-р финансов 22/9 сент. в своем ответе заявил, что не может аннулировать лондонский контракт и сожалеет о том, что представители держав не нашли возможным принять условия кит. прав-ва.

правительство его британского величества затрудняется допустить, — практически такой запрет не может быть действительным, как это видно из неудачного опыта данного займа.

Поэтому следует обсудить, не могут ли группы сделать последнюю попытку притти к соглашению с китайским правительством. Английская группа в Лондоне не считает последние китайские предложения безрассудными и горячо сожалеет о том, что они были столь резко отвергнуты в Пекине. [Английская] группа в настоящее время настоятельно советует другим группам незамедлительно возобновить переговоры в Пекине на основе китайских предложений.

Правительство его британского величества одобряет это предложение и выражает надежду, что императорское правительство также не откажется дать как можно скорее на него согласие, ввиду того что если не представится возможным достигнуть соглашения без дальнейшего промедления, то останется только признать, что переговоры окончательно прекращены, — что повлечет за собой изложенные выше последствия.

№ 806. Начальник отдела Дальнего Востока генеральному консулу в Урге Люба.

*/. Телеграмма № 1955 [1]. 29/16 сентября 1912 г.

Сообщается в Пекин.

Военное министерство согласно продать монголам шесть тысяч трехлинейных винтовок, три миллиона патронов к ним, две тысячи драгунских шашек, два вьючных пулемета и два легких орудия [2].

Полагаем, что столь значительное количество оружия должно считаться удовлетворяющим все разновременно переданные вами ходатайства ургинских правителей, а равно отдельное ходатайство Хан-да-цин-вана о продаже ему 10 винтовок с патронами.

Благоволите условиться с монгольскими министрами относительно пунктов, где отпускаемое оружие будет передано, и лиц, которым будет поручено принять его.

Имейте в виду при этом, что это оружие должно быть использовано монголами для обороны Халхи и Западной Монголии, а не для вооружения Внутренней Монголии, где оно не дало бы военного перевеса монголам над китайцами и явилось бы поэтому лишь источником дальнейших несчастий для жителей этой области.

[Козаков.]

№ 807. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

*/. Телеграмма № 1959. 29/16 сентября 1912 г.

Английскому представителю в Константинополе поручено сговориться с вами и французским послом о представлениях Порте касательно недопустимости увеличения гарнизона на Самосе и необходимости скорейшего отозвания уже высадившихся на острове подкреплений [3]. Имеется в виду предупредить турецкое правительство об ответственности, которую оно понесло бы, если пострадает мирное население острова.

Вам представляется, сговорившись с представителями Англии и Франции, определить дальнейший образ действий [4].

Нератов.

---

[1] Лит. копия.

[2] См. стр. 214, прим. 2.

[3] В тел. от 27/14 сент. (без номера) Каль сообщил, со слов турец. генерала Азиза, что «туркам удалось высадить на Самос 800 человек и два орудия. Они предполагают высадить на-днях еще 500 человек и 2 орудия».

[4] Тел. от 3 окт./20 сент. (без номера) Каль сообщал, что «весь турецкий гарнизон получил прикавание покинуть Самос».

№ 808. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

·/. Телеграмма № 1960[1]. 29/16 сентября 1912 г.

Сообщается министру иностранных дел в Лондон.

В беседе с Турхан-пашой, коснувшись нынешнего напряженного положения, я высказал, между прочим, мысль, что Порта могла бы содействовать разряжению атмосферы, если бы проявила больше искренности в отношении хотя бы уже провозглашенных ею намерений. Пусть назначит она, например, на ответственный административный пост в европейских провинциях христианина, облеченного должной самостоятельностью и способного внушить доверие местному населению. Это будет хотя некоторым приступом от слов к делу.

Турхан-паша ответил, что передаст этот совет в Константинополь. Нам представлялось бы вообще желательным, наряду с указанием необходимости более широкой принципиальной постановки преобразований, с тем большей настойчивостью добиваться действительного проведения в жизнь реформ, уже опубликованных и о коих Порта сама заявила в ответ на представления держав. Невыполнение таковых усугубило бы ответственность турецкого правительства не только перед местным населением, но и перед державами, которые стараются об умиротворении на Балканах не в угоду и потворство турецким непорядкам. Косность и нерешительность турок все более вооружают против себя общественное мнение в России и Европе и затрудняют благожелательные пока к Порте усилия кабинетов.

В изложенном смысле вы могли бы высказаться перед турецкими министрами, тем более что в доставленной вами при № 83 газетной вырезке существенные пункты реформ[2] изложены в туманных выражениях, как то — назначение чиновников и условия воинской повинности.

Нератов.

№ 809. Временно управляющий министерством иностранных дел министру иностранных дел Сазонову[3].

·/. Телеграмма № 1961[4]. 29/16 сентября 1912 г.

Сообщается в Париж.

Телеграммы Извольского № 202[5] и Гирса № 723 получены[6].

Точка зрения Пуанкаре казалась бы совершенно правильной и соответствующей нашему общему направлению — умиротворяющего воздействия на балканские государства в мере и соответствии с уступчивостью, которую проявила бы Порта.

Нельзя не обратить внимание на трудное положение, в которое мы стали бы, в случае посылки на Крит войск, о пропуске коих через Проливы пришлось бы запрашивать турецкое правительство. Желая воздержаться от деятельного участия в осложнениях в пользу христиан, мы бы сделали в этом случае исключение для Крита ради поддержания турецкого суверенитета на острове.

Во всяком случае водворение комиссара на острове было бы целесообразнее совершить до открытия греческого парламента.

[Нератов.]

---

[1] Лит. копия.
[2] См. № 765 и приложение к нему.
[3] Публикуемая тел. адресована в Лондон.
[4] Опубл. Stieve, II, S. 263, N 453.
[5] См. стр. 276, прим. 5.
[6] См. стр. 232, прим. 2.

№ 810. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 240. Лондон, 29/16 сентября 1912 г.

Телеграфирую в Софию, Белград, Афины и Цетинье:

Нашему послу в Константинополе уже поручено высказать Порте наше глубокое сожаление по поводу принятого ею решения созвать редифы [1]. Ныне Гирсу поручено настоятельно посоветовать оттоманскому правительству не сосредоточивать означенное войско близ границы [2]. Английское правительство дает своему представителю в Константинополе подобные же указания, и мы обращаемся к остальным великим державам с просьбой поддержать эти шаги [3]. Успешность последних в значительной степени зависит от положения, которое займут соседние с Турцией балканские государства. Потому благоволите обратить серьезное внимание правительства, при коем вы аккредитованы, на крайнюю необходимость не обострять дела и не приступать к мобилизации, последствия которой могут быть весьма опасными.

Сазонов.

№ 811. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 241 [4]. Лондон, 29/16 сентября 1912 г.

1-я часть сообщается послу в Париж.

Получил вашу телеграмму № 1935 [5].

Со своей стороны я не имел бы никаких возражений против третьего пункта предложения Пуанкаре, но из моих объяснений с Греем я вынес убеждение, что едва ли удастся склонить Англию на него согласиться. Сомневаюсь также, чтобы его приняла Австрия. Потому я полагал бы предпочтительным от него отказаться, чем из-за него обречь может быть на неуспех соглашение между пятью державами по первым двум пунктам [6].

Что касается предположенного совещания, то пока могу лишь подтвердить мнение, что, в случае войны на Балканах, Англия будет стремиться к ее локализации. Более полные сведения об общей политической обстановке могу получить только после посещения Парижа и Берлина.

Сазонов.

№ 812. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 242. Лондон, 29/16 сентября 1912 г.

Телеграфирую в Константинополь:

Ввиду возбуждения, вызванного в балканских государствах распоряжением Порты о созыве редифов, я поручаю нашим представителям в Софии,

[1] См. № 782.

[2] См. № 812.

[3] В тел. от 29/16 сент. за № 1958 Нератов сообщил Сазонову о сделанном ему герман. поверенным в делах заявлении, что «болгарский посланник в Берлине просил германское правительство обратить внимание Порты на опасность сделанного ею распоряжения о созвании редифов. Берлинский кабинет выражает готовность исполнить просьбу болгар, если на тот же шаг пойдут другие державы и одновременно будет обращено внимание софийского правительства на необходимость, со своей стороны, воздержаться от мероприятий такого же опасного характера». Аналогичное сообщение о заявлении болг. посланника в Берлине было сделано Кидерленом Броневскому (тел. Броневского от 30/17 сент. за № 116).

[4] Опубл. Stieve, II, S. 261, N 449. Печатается с черновика, хранящегося в деле, озаглавленном: «Телеграммы, полученные и отправленные министром за границей».

[5] См. № 790.

[6] На полях помета: «Для Парижа до сих пор».

Белграде, Цетинье и Афинах приложить все старания, чтобы удержать местные правительства от немедленной мобилизации [1]. Но наши усилия в этом отношении могут иметь успех только под непременным условием, чтобы Турция, со своей стороны, избегала всего, что̀ носит вызывающий характер. Потому благоволите высказать оттоманскому правительству нашу твердую надежду, что если оно не найдет возможным остановить исполнение принятого им решения, оно по крайней мере воздержится от сосредоточения созываемых редифов вблизи своих границ. Английское правительство дает подобные же указания своему послу в Константинополе, и мы одновременно сносимся с другими кабинетами, прося их поддержать эти шаги.

Сазонов.

№ 813. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому и поверенным в делах в Берлине и Вене — Броневскому и Кудашеву.

Телеграмма № 243 [2]. Лондон, 29/16 сентября 1912 г.

Сообщается А. А. Нератову в Петербург.

Во избежание дальнейшего обострения положения вследствие последовавшего созыва редифов в Турции, я телеграфирую, с одной стороны, в Константинополь, настаивая, чтобы Порта не сосредоточивала указанных войск вблизи своих границ; с другой стороны — в Софию, Белград, Цетинье и Афины, чтобы постараться удержать балканские государства от мобилизации [3]. Великобританское правительство дает своим представителям в названных пяти столицах подобные же указания. Весьма желательно было бы, чтобы и правительство, при коем вы аккредитованы, последовало нашему примеру [4].

Благоволите объясниться по этому поводу с Пуанкаре и сказать ему, что крайняя спешность дела заставляет нас в данном случае, по настоянию Грея, обратиться одновременно с сим в Берлин и Вену в уверенности, что Франция не откажется присоединиться к шагам России и Англии [5].

Сазонов.

№ 814. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 206 [6]. 29/16 сентября 1912 г.

Телеграфирую Сазонову:

По ходу наших разговоров о способах предотвратить воинственные осложнения на Балканах у Пуанкаре возникла мысль, что если бы совмест-

[1] См. № 810.
[2] Опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 25. Печатается с черновика.
[3] См. №№ 810 и 812.
[4] Против следующего абзаца помета: «Прибавка для Парижа».
[5] В ответной тел. от 30/17 сент. за № 118 Броневский сообщал Сазонову (копия в м-во), что Кидерлен дал инструкции своим представителям в К-поле, Софии, Белграде, Афинах и Цетинье «в случае получения всеми однородных указаний сделать предложенный вами шаг». Тел. от 30/17 сент. за № 209 (опубл. Stieve, II, S. 263, N 454) Извольский сообщал Нератову и Сазонову следующее: «Объяснился с Пуанкаре, который немедленно предписывает по телеграфу французским представителям в Константинополе, в балканских столицах, в Берлине и Вене присоединиться к шагам России и Англии. При этом Пуанкаре подчеркнул, что Бомпару поручено сделать сказанные представления Порте в самых дружественных выражениях».

Ответ из Вены на публикуемую тел. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен, но в деле № 600 архива росс. пос-ва в Вене хранится текст пам. записки австро-венг. м-ву ин. дел от 30/17 сент., передающей содержание публикуемого документа. На полях этой пам. записки имеется помета: «Передано на словах барону Маккио».
[6] Опубл. М., стр. 278.

ное выступление пяти держав в балканских столицах и Константинополе оказалось невозможным, его можно было бы заменить двойственным выступлением России и Австрии в качестве не только двух наиболее заинтересованных держав, но как бы представителей обеих европейских групп. Палеологу было поручено выразиться частным образом в этом смысле в разговоре с германским поверенным в делах, вследствие чего Кидерлен, пригласив к себе Камбона, высказал ему, что, вполне доверяя миролюбивой политике России, берлинский кабинет безусловно сочувствует вышеупомянутой мысли и готов поддержать ее в Вене в случае, если во время вашего пребывания в Париже вы выразите на нее ваше согласие. Сообщаю вам о вышеизложенном с ведома и согласия Пуанкаре, который не видит никаких препятствий к тому, чтобы вы ныне же зондировали на этот счет лондонский кабинет.

Извольский.

№ 815. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 114. 29/16 сентября 1912 г.

Вчера поздно ко мне явился представитель газеты «Lokal Anzeiger», показал телеграмму из Варшавы, будто вчера, (в 7 часов) вечера, в Варшаве, Вильне, Киеве объявлена мобилизация семи корпусов, под предлогом опыта, скрывающий [1] более серьезные меры [2]. Я высказал уверенность, что известия в этом виде не соответствуют действительности, и предположение, что (речь) идет о каких-либо приготовлениях к частичным маневрам или смотрам, уже давно предусмотренным ввиду высочайшего присутствия в крае и, следовательно, не представляющих неожиданности. Я просил подумать раньше, чем опубликовать непроверенный слух. Поэтому он сегодня появился в смягченном виде с указанием, что нуждается в подтверждении. Желательно было бы иметь авторитетное разъяснение, так как в настоящее время подобные известия всегда ставятся в связь с тревожным положением на Балканах.

Броневский.

№ 816. Поверенный в делах в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 59. 29/16 сентября 1912 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1909 [3].

Министр иностранных дел внимательно отнесся к выраженной в ней надежде на то, что четыре балканских государства воздержатся от единовременного обращения к Турции, но уклонился от ясно выраженного намерения последовать преподанному совету. Возбуждение, вызванное самосскими событиями, препятствует разумному настроению, которое до сих пор, скорее, руководило греческим правительством. Сведения, хотя и скудные, позволяют утверждать, что приступлено к частичной мобилизации

---

[1] Так в оригинале.

[2] В тел. от 29/16 сент. за № 207 (опубл. М., стр. 278) Извольский сообщал: «Агентство Гавас напечатало сегодня как будто полученное вчера прямо из Варшавы, а на самом деле доставленное ему из Лондона агентством Рейтера известие о мобилизации семи армейских корпусов в Варшавском военном округе. Известие это, облеченное в сенсационную форму, волнует здешние газетные круги и может очень сильно повлиять на биржу. Весьма желательно тотчас его разъяснить или опровергнуть».

[3] См. № 769.

и усилению северного фронта. Советы благоразумия принимаются без убеждения. Из некоторых слов министра иностранных дел вынес впечатление, что дружный натиск сил всех войск балканских государств задерживается еще пока колеблющейся Сербией; иначе события развернулись бы стремительнее [1].

Урусов.

№ 817. Военный агент в Румынии в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Рапорт № 137. 29/16 сентября 1912 г.
Секретно.

Об отношении румынского правительства к болгаро-турецкому столкновению, если бы таковое возникло.

Отмеченное мною в рапортах №№ 123 [2] и 133 [3] с. г. спокойное, выжидательное настроение Румынии и отсутствие в настоящее время каких-либо чрезвычайных военных мероприятий в ее армии нашли себе официальное подтверждение в заявлении, сделанном на-днях румынским председателем совета министров и министром иностранных дел, г. Майореску, нашему посланнику, шталмейстеру Шебеко [4].

Г. Майореску заявил, что даже если бы Болгария объявила и начала бы войну с Турцией, Румыния все же не вышла бы из выжидательного положения и не предприняла бы никаких серьезных шагов, не посоветовавшись предварительно с соседними державами.

В соответствии с этим заявлением следует отметить, что румынская пресса всех направлений в последнее время проявляет миролюбивый, сдержанный по отношению к Болгарии тон, в полную противоположность тому, что происходило всего лишь несколько месяцев тому назад.

Осторожная, мирная политика Румынии в настоящее время проявилась и в отмене осенних сего года маневров в Добрудже, о каковой отмене я донес уже в телеграмме № 136 с. г. [5].

Причиной отмены этих маневров, на подготовку которых затрачено уже немало труда и денег, послужили, как официально объявлено, непрерывные дожди, лившие во всей стране в течение последних двух недель. От этих дождей почва в районе маневров совершенно размокла, а Дунай, у Гирсовы (место намеченной наводки понтонного моста), сильно вздулся, затопив при этом один берег.

По моему мнению, отмена маневров не лишена и некоторого политического значения: вероятно, признано нежелательным в настоящее время, когда Болгария с минуты на минуту собирается объявить Турции войну

---

[1] Тел. от 29/16 сент. за № 60 Урусов сообщал: «Вследствие полученных греческим правительством сообщений о неминуемой мобилизации Болгарии и Сербии совет министров заседает этой ночью, ожидая лишь их подтверждения для опубликования завтра утром заготовленного уже декрета палат о мобилизации в Греции».

В тот же день тел. за № 126 Неклюдов сообщал: «Романовский и я ожидаем мобилизации с минуты на минуту. Вся кавалерия двинута на турецкую границу».

[2] Рапорт за № 123 в делах Воен.-Истор. Арх. не обнаружен.

[3] В рапорте от 23/10 сент. за № 133 росс. воен. агент в Румынии Искрицкий сообщал в отдел ген.-кварт. главного управления ген. штаба, что из разговоров с серб. и болг. воен. агентами он вынес впечатление, что Болгария «с большим трудом сдерживается настоящим правительством от формального объявления войны Турции». «В противоположность воинственному настроению в Болгарии и Сербии, — заканчивал Искрицкий, — в Румынии сейчас нет никакого бряцания оружием: видимо, руководитель румынской внешней политики, король Карл, имеет данные быть твердо убежденным, что в текущем году мир не будет нарушен».

[4] См. № 757.

[5] Тел. за № 136 в делах Воен.-Истор. Арх. не обнаружена.

и с трудом сдерживается правительством от этого шага, вводить в Добруджу, в дополнение к квартирующим там частям V корпуса, еще 1½ корпуса и разыгрывать маневры в сравнительной близости от незащищенной никакими естественными рубежами болгарской границы.

Вообще же маневрировать, несмотря на дожди, к слову сказать теперь прекратившиеся, все же признано возможным, и части II (Бухарестского) корпуса и одна резервная дивизия, согласно делаемых теперь большим генеральным штабом распоряжений, в конце настоящего месяца, в присутствии короля и военных агентов, будут маневрировать в окрестностях г. Плоешти (в 50 верстах к северу от Бухареста). Пятый же корпус останется в Добрудже и в этих маневрах участия не примет.

Направление румынской внешней политики, несомненно, всегда является отголоском указаний, идущих из Вены. Надо думать, что и указанное выше трезвое и спокойное направление этой политики в последнее время, несмотря на безусловно существующее в широких слоях румынской интеллигенции опасение какого бы то ни было усиления болгарского могущества, также внушено Австрией.

Пассивный образ действий Румынии в случае, если бы возникла болгаро-турецкая война, может, если только Болгария поверит этому образу действий, подбодрить ее к принятию решительного шага.

Полковник Искрицкий.

№ 818. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 145. 29/16 сентября 1912 г.

Неожиданное решение турок мобилизовать армию[1] объединило здесь все умы в воинственном направлении и сильно затруднило тем умиротворительную задачу правительства. Еще недавно некоторые видные члены оппозиции называли агитацию в пользу войны безумием и сочувствовали воздействиям России. Уже ныне они говорят противное и требуют военных приготовлений как меры самообороны. К Пашичу за эти дни являлись представители купечества и финансовых кругов с заявлениями, что настоящий мир хуже войны и что надо с этим положением покончить. Печать, напоминая правительству о лежащем на нем долге, приводит пример из прошлой истории, когда маленькая Сербия, презрев опасность, одиноко шла на сильного врага в защиту своих интересов. Сегодня меня посетили почти все коллеги, делавшие правительству однородные со мной представления. Признавая, что Пашичу только благодаря его огромному авторитету удалось за последнее время кое-что сделать в смысле умиротворения, они получили ныне впечатление, что почва у него ускользает, после того как Турция, сняв с балканских государств ответственность, возложила ее на себя самое. Угрон, только что приехавший из Вены, сказал мне: «Я ломаю себе голову (над) вопросом, — кто мог подбить Турцию, ибо она сама по себе не решилась бы на такой безумный шаг». Телеграммой № 141[2] я сообщил о предположенном сроке мобилизации в Сербии; она замедлилась еще на 24 часа, и первые два полка, 6-й и 8-й, из Белграда вместо сегодняшнего дня выступят завтра [30] 17 сентября, причем они направятся к месту своих дивизий к Шабацу и Пожаревацу. Продолжаю думать, что действительная, а не фиктивная отмена турецкой мобилизации, быть может, спасла бы положение.

Гартвиг.

[1] См. №№ 776 и 780.
[2] См. № 794.

№ 819. Военный агент в Турции в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Рапорт № 202 [1]. 29/16 сентября 1912 г.

Как я донес в телеграмме за № 200 [2], турки решили собрать на шестинедельный сбор 10 редифных дивизий и возвратили в 1-ю армейскую инспекцию все те части, которые разновременно в течение настоящего года были отправлены в другие инспекции. В дополнение к упомянутой телеграмме могу сообщить, что 2-я дивизия временно еще останется в Смирне. Предписание о возвращении 1-й дивизии пока еще не последовало, но ожидается. Остальные перевозки уже окончены или оканчиваются [3].

Никаких больших маневров около Адрианополя не будет, вопреки всем уверениям местной прессы; ученья будут заключаться в одиночном обучении и маневрах частями, не превышающими полка, а кое-где — дивизию.

Эти меры, конечно, являются ответом на бряцание оружием с болгарской стороны в последнее время и, вероятно, и на сей раз окажут успокаивающее влияние на умы болгарского королевства.

Результат этих мер тот, что всякая надежда болгарского генерального штаба сильно опередить турок в скорости мобилизации в ближайшем будущем потеряна; таким образом, болгарские шансы на некоторый успех сильно умалены, и можно поэтому рассчитывать на более спокойное ближайшее будущее. Все слухи о том, что турки собрали редифные дивизии в Малой Азии, неверны.

Все принятые меры для усиления военного положения Турции в Европе так искусно выбраны, что болгарам будет трудно протестовать против них на резонных основаниях.

С другой стороны, возможность для турок перевести свои войска из Смирны и Дарданелл указывает на то, что между Италией и Турцией существует соглашение не вести временно операций в Эгейском море.

Это соглашение особенно выгодно для турок в настоящее крайне беспокойное время на Балканском полуострове. Многие утверждают даже, что как только уладятся балканские дела, Турция прекратит переговоры с Италией. Характерно, однако, что когда опасность с болгарской стороны была более всего велика, т. е. во время Шумлинских маневров, то турки решились отправить для ведения переговоров одного из министров, Решид-пашу [4]. Очевидно было, что мир с Италией был бы заключен на следующий день после войны с болгарами.

С полным основанием можно утверждать, что без серьезного давления турки мира не заключат из боязни правительства окончательно утратить свой престиж в глазах всего мусульманского мира.

С малиссорами дела идут довольно плохо для турок, которые по своему обыкновению не сдержали данных еще в прошлом году обещаний. Вчера в Малиссию выехала комиссия под председательством Кязима-паши для окончательного улажения этого вопроса. Причина такой заботливости о малиссорах в настоящее время заключается в том, что турки опасаются австрийского вмешательства в пользу этого католического племени.

Армянские дела также идут плохо; здешний армянский патриарх даже счел необходимым подать в отставку, так как он увидел, что все его стре-

---

[1] Лит. копия.

[2] Указанная тел. Хольмсена в делах Воен.-Истор. Арх. не обнаружена. Ср. № 780.

[3] В рапорте от 22/9 сент. за № 198 Хольмсен сообщал, что за последние дни «заметно некоторое движение войск в сторону Адрианополя» и что накануне «из Дарданелл прибыл пароход, с которого в течение дня было выгружено 12 полевых скорострельных орудий, которые сейчас же были погружены на поезд, отходивший в сторону Адрианополя. В тот же день было отправлено 6 орудий, видимо 15-сантиметрового калибра, на осадных лафетах. Необходимое количество лошадей и людей сопровождало эти отправки».

[4] См. стр. 341, прим. 1.

мления и представления облегчить участь своих соотечественников ни к чему не приводят [1].

Между тем, настоящее правительство появилось у власти главным образом благодаря содействию немусульманских элементов, которые рассчитывали через новое правительство добиться облегчения своей горькой участи.

Несомненно, что правительство имеет намерение кое-что сделать для мусульман, но они [2] этого не желают делать под давлением каких-либо угроз со стороны Болгарии, иначе они окончательно утратят свой престиж в глазах мусульман и скоро сойдут со сцены.

Генерал-майор Хольмсен.

№ 820. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

%. Телеграмма № 762. 29/16 сентября 1912 г.

Телеграфирую в Лондон:

Получил телеграмму министра от [27] 14 сентября [3].

Саад-эд-Доуле — человек безусловно способный, энергичный и бесстрашный, но за ним установилась здесь репутация корыстолюбия и беззастенчивого взяточничества. Миссия подозревала его одно время в германофильстве, и кроме того он считался неразборчивым в средствах для достижения своих целей, и многие приписывают ему убийство Атабека [4]. Вообще он никаким престижем, ни популярностью в стране не пользуется, о чем миссия имела уже честь неоднократно докладывать [5]. Особенно трудным является приискание легального способа для проведения его в регенты, причем пришлось бы, может быть, согласиться на созвание нового меджлиса, который, при слабости тегеранского правительства, мог бы пойти по следам своих предшественников, либо вернуть на престол Мохамед-Али-шаха. Выбор же регента собранием тегеранских нотаблей будет носить характер государственного переворота, и многие в Персии не преминут считать его незаконным. По личному моему мнению, при нынешнем положении в Персии и при ставшем теперь общем разочаровании результатами революции 1909 г. возвращение на престол Мохамед-Али-шаха гораздо легче и популярнее в широких кругах населения, чем проведение в регенты Саад-эд-Доуле. Сопротивление же здешних крайних элементов — армянских революционеров и персидских анархистов — одинаково возможно в обоих случаях и может привести нас к необходимости ввода наших войск в Тегеран, что̀, впрочем, легко предвидеть и при дальнейшем разложении здешней государственной власти и усилении анархии. Если вышеуказанные соображения указывают на трудность водворения Саад-эд-Доуле в качестве регента, то, с другой стороны, влияние обоих правительств в Персии настолько велико, что обе миссии могут все же этого добиться при условии, что им будет дано некоторое время для приискания лучших способов к осуществлению этой задачи. Однако при решении этого вопроса необходимо, по моему мнению,

[1] См. №№ 648 и 715.

[2] Так в оригинале.

[3] Тел. от 27/14 сент. (без номера) Сазонов передал Нератову текст своей тел. Поклевскому: «Принимая во внимание видимое нежелание Наср-оль-Молька вернуться в Персию, мы с Греем пришли к заключению, что нет основания настаивать на его возвращении и что было бы возможно заменить его бывшим министром иностранных дел Саад-эд-Доуле». Сазонов просил Поклевского сообщить ему свое заключение по поводу этого предположения.

[4] Имеется в виду убийство перс. премьер-министра Атабек-Азама Эмин-эс-Султана 31/18 авг. 1907 г.

[5] В тел. от 18/5 дек. 1911 г. за № 1267 Поклевский сообщал, что «с кандидатурой Саад-эд-Доуле в регенты здесь теперь нельзя было бы даже выступить. Он так ненавидим в одних политических кругах и непопулярен в других, что весьма немногочисленные его друзья до сих пор не решаются поднять вопроса о простом его возвращении в Персию».

принять во внимание, что здешние политические круги совершенно не подготовлены к появлению Саад-эд-Доуле в роли регента, так как Сердар-Асад ведет за последнее время кампанию лишь о назначении его министром иностранных дел или первым министром [1]. Не лучше ли было бы и нам сначала, в течение 2 или 3 месяцев, присмотреться к Саад-эд-Доуле на последней должности и затем уже, по соглашению с ним, избрать самый верный способ для проведения его в регенты. Осуществить же такого рода план сравнительно легко, и для этого понадобились бы пока только согласие Наср-оль-Молька и давление Сердар-Асада на своего брата для выхода последнего в отставку.

Поклевский.

№ 821. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 764. 29/16 сентября 1912 г.

Сообщается в Керманшах.

Бахтиары.

Покинувшие без разрешения правительства Керманшах бахтиары и фидаи направились в Тегеран [2] и с пути предъявили кабинету по телеграфу требование о восстановлении конституции и немедленном созыве меджлиса. Появление этой орды в столице могло вызвать опасное брожение и в некоторой степени уподобиться занятию города революционерами в 1909 г. Ввиду вышеизложенного, мы с Тоуплеем третьего дня в самой категорической форме заявили бахтиарским министрам, что обе миссии вперед откажутся оказывать какую-либо поддержку бахтиарам, если помянутый отряд последних не перестанет заниматься политиканством и немедленно не подчинится приказанию правительства итти на выручку Ферман-Ферма [3]. Наше заявление произвело огромное впечатление, и вчера первый министр сообщил мне, что бахтиарский отряд уже выступил обратно в Керманшах [4].

Поклевский.

---

[1] Тел. от 9 сент./27 авг. за № 1761 Клемм сообщал Саблину, что, по имеющимся у него сведениям, Сердар-Асад, брат председателя перс. совета м-ров Самсам-эс-Солтане, «усиленно действует в пользу возвращения в Тегеран Саад-эд-Доуле». Клемм просил проверить, правильны ли слухи о размолвке Сердар-Асада с кабинетом.

Тел. от 11 сент./29 авг. за № 739 Саблин сообщал, что Сердар-Асад «действительно уже давно недоволен бездеятельностью нынешнего кабинета» и «из-за размолвок с кабинетом и дабы восстановить порядок и свое влияние среди племени собирается на этих днях выехать в Бахтиарию». Далее Саблин сообщал: «Как указывал уже посланник, Саад-эд-Доуле здесь совсем непопулярен, и если Сердар-Асад и действует в пользу возвращения его в Персию, то, вероятно, к этому побуждает Сердара лишь наша неприязнь к Наср-оль-Мольку, сильно нерасположенному, в свою очередь, к Саад-эд-Доуле».

[2] В августе 1912 г. Керманшах переходил из рук в руки: 3 сент./21 авг. Салар-эд-Доуле захватил Керманшах, а 15/2 сент. его снова занял Ферман-Ферма. Тел. от 19/6 сент. за № 57 Никольский передал в м-во текст своей тел. в Тегеран, в которой сообщал, что бахтиары и муджахиды «заявили принцу Ферман-Ферма, что они устали гоняться по горам за Салар-эд-Доуле и потому уходят в Тегеран. Старание Ферман-Ферма удержать их безуспешно. После их ухода можно опасаться занятия Керманшаха и Сеннэ принцем Салар-эд-Доуле».

[3] Тел. от 23/10 сент. за № 62 Никольский передал в м-во текст своей тел. в Тегеран: «Салар-эд-Доуле вступил в Сеннэ со своими муджахидами и курдами. К нему стекаются с разных сторон провинции курды. Поставленные принцем Ферман-Ферма власти сели в бест в турецкое консульство. Ферман-Ферма телеграфировал в Тегеран о своей отставке». Тел. от 26/13 сент. за № 63 Никольский сообщал, что Салар-эд-Доуле выступил из Сеннэ в Керманшах.

[4] В тел. от 3 окт./20 сент. за № 68 Никольский извещал, что «опасность скорого взятия Керманшаха ордой Салар-эд-Доуле миновала», ввиду возвращения отрядов бахтиар и муджахидов и прибытия в город нескольких сот всадников отдельных племен на помощь Ферман-Ферма.

№ 822. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

*/. Телеграмма № 1970[1]. 30/17 сентября 1912 г.

Сообщается министру иностранных дел в Лондон.

Телеграмма № 135 получена[2].

Указать балканским государствам срок в несколько месяцев для выступления, хотя бы в целях выигрыша времени для проведения реформ, значило бы связать нам свою свободу действий и выдать так или иначе обязательство после указанного срока самим не остаться безучастными в борьбе.

Такой ценой могла бы быть отсрочена, но отнюдь не предотвращена война на Балканах, ибо единственное, что̀ пока оказывает некоторое сдерживающее влияние в Софии и Белграде, — это боязнь лишиться поддержки России. Если увлечение одержит верх над благоразумием, славяне не в состоянии в чем-либо упрекнуть нас после неоднократных наших предостережений. Наоборот, если мы укажем срок и по истечении его нам не удастся предотвратить войну, то, оставаясь безучастными, мы навлечем на себя справедливые нарекания не только со стороны славян, но и общественного мнения в России и Европе, ибо такого рода переговоры, конечно, не избегнут огласки.

Нератов.

№ 823. Временно управляющий министерством иностранных дел министру иностранных дел Сазонову[3].

Телеграмма № 1973[4]. 30/17 сентября 1912 г.

Я телеграфирую в Берлин, Париж и Вену:

Сегодня начата опытная мобилизация крепостных частей Осовецкой крепости[5]. Для укомплектования этих частей призваны нижние чины запаса по призывным отрезкам некоторых уездов Варшавской, Гродненской, Волынской, Калишской, Петроковской, Московской, Ломжинской, Плоцкой, Радомской губерний.

Поставки лошадей от населения не будет.

Во избежание неверных толкований и на случай могущих быть запросов сообщаю, что таковая мобилизация входит в общий план проверочных занятий военного ведомства и не имеет никакого отношения к политическим обстоятельствам последнего времени[6].

Нератов.

---

[1] Лит. копия. Опубл. Siebert, II, S. 450, N 688.

[2] См. № 740.

[3] Публикуемая тел. адресована в Лондон.

[4] Маш. копия. Печатается из дела, озаглавленного: «Телеграммы, полученные и отправленные министром за границей».

[5] Указ Николая II сенату от 8 сент./26 авг. о необходимости производства опытной мобилизации в сентябре 1912 г. был опубликован в «Правительственном вестнике» от 1 окт./18 сент. за № 205.

[6] Тел. от 2 окт./19 сент. за № 75 Н. Гирс сообщал Нератову: «Сегодня на запрос в венгерской делегации по поводу пробной мобилизации в России, заменявший министра иностранных дел начальник отдела граф Викkенбург заявил, что означенная мобилизация была давно предрешена и не имеет никакого отношения к событиям на Балканах».

№ 824. Временно управляющий министерством иностранных дел министру иностранных дел Сазонову [1].

·/. Телеграмма № 1979. 30/17 сентября 1912 г.

Ссылаюсь на телеграмму Поклевского № 762 [2].

Слухи о германофильстве Саада, как и об участии его, будто бы, в убийстве Атабека, следует, как нам кажется, отнести к разряду ничем недоказанных толков, вполне естественных при господствующем среди нынешних правящих кругов Персии недоброжелательстве к Сааду и, может быть, некотором страхе перед ним. Его корыстолюбие, по отзывам лиц, его знающих, не превышает обычного в Персии уровня. Мы вполне присоединяемся к мнению Поклевского, что самым рациональным способом решения вопроса было бы возвращение на престол Мохамед-Али-шаха. Но если это совершенно недостижимо, то следует иметь в виду, что Наср-оль-Мольк никогда не подпишет указа о назначении Саада первым министром. Регент без сомнения предпочтет тотчас подать в отставку, причем положение дел еще более осложнится. Единственным выходом казалось бы предложить Сааду ныне же вернуться в Тегеран в надежде, что его появление там возродит интерес к его личности и создаст ему партию, на которую ему можно будет опереться в целях обеспечения избрания его регентом. Но так как он считается в числе приговоренных к изгнанию из отечества, то миссиям надо было бы предварительно подготовить возможность его возвращения.

Нератов.

№ 825. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу [3].

·/. Телеграмма № 1981 [4]. 30/17 сентября 1912 г.

Для министра.

Телеграмма Извольского № 206 получена [5].

Предложение Пуанкаре, казалось бы, представляет самый целесообразный выход из нынешнего положения, при условии, конечно, не только установления общности взглядов и действий России с Австрией, но и возможности для них выступать в качестве признанных другими державами наиболее заинтересованных представителей двух групп.

По этому поводу позволяю себе представить нижеследующее:

В осуществлении первой части задачи, т. е. установлении согласованности взглядов и действий с Австрией, содействие Франции представлялось бы очень ценным.

В основу уговора с Австрией должен быть положен принцип воздержания от единоличных действий.

Затем должны быть установлены следующие меры, способные предотвратить войну на Балканах и являющиеся развитием мыслей, вложенных в наш обмен мыслей с Австрией как в последнее время, так и в прежние годы:

1) Принятие обеими державами первых двух пунктов предложений Пуанкаре (см. телеграмму Извольского № 194 [6]) и сообразно с этим энергичное совместное представление Порте о необходимости отменить моби-

---

[1] Публикуемая тел. адресована в Лондон.
[2] См. № 820.
[3] Тел. от 18/5 сент. Бенкендорф сообщил, что он возвратился из отпуска.
[4] Опубл. Ор. кн., стр. 8, с сокращениями и стилистическими изменениями, и Stieve, II, S. 264, N 456.
[5] См. № 814.
[6] См. стр. 239, прим. 6.

лизацию редифов с соответствующего характера внушениями балканским государствам.

2) Воздействие на Порту в смысле необходимости обставить дело преобразований в Европейской Турции достаточными обеспечениями, способными умиротворить балканские народности. Такими обеспечениями представлялись бы следующие условия:

а) Применение к Европейской Турции Ливанского статута о назначении во главе управления лица, назначаемого и сменяемого лишь с согласия держав [1]. Считаясь с самолюбием турок, можно было бы не настаивать на установлении должности генерал-губернатора, а на восстановлении уже существовавшей должности генерального инспектора при соблюдении помянутых условий. Вероисповедание этого лица имело бы меньше значения, чем должное обеспечение его самостоятельности от Порты.

Примечание. В вопросе об определении территории, на которую должны распространиться преобразования, можно ожидать возражений со стороны Австрии, в эпоху Мюрцштегского соглашения [2] настаивавшей на исключении северной части Косовского вилайета, о включении каковой усиленно ходатайствуют сербы. При всей серьезности этого вопроса, предпочтительно было бы притти к компромиссу, нежели сделать его условием sine qua non соглашения с Австрией. Если бы пришлось говорить о выделении известной территории, то и на исключаемой части следовало бы выговорить одинаковые преимущества для населения.

б) Образование в главных центрах европейских вилайетов комиссий для разработки вопросов местного управления и самоуправления. В состав этих комиссий вошли бы представители различных национальностей. В определении их числа и выборе должны быть приняты во внимание согласованные по сему представления русского и австрийского консулов [3]. Результаты работ комиссий вместе с заключениями генерального инспектора передаются на предварительное рассмотрение посольств в Константинополе.

3) Для получения согласия Порты возможно было бы гарантировать со стороны Австрии и России территориальное status quo [4].

[Нератов.]

№ 826. Министр иностранных дел помощнику статс-секретаря по иностранным делам Никольсону.

Письмо [5]. Лондон, 30/17 сентября 1912 г.

Cher Sir Arthur,

J'ai relu ce matin votre projet de communiqué pour la presse.

Je n'ai rien trouvé à y redire hier, mais aujourd'hui j'ai eu l'impression qu'il gagnerait en clarté, si dans la dernière phrase nous précisions un peu davantage de quel «peace» il s'agit. Ne pourriez-vous pas ajouter les mots

---

[1] См. ч. I, стр. 403, прим. 1.

[2] См. стр. 110, прим. 2.

[3] Далее зачеркнуто: «в) По окончании работ вилайетских комиссий заключения их передаются на совместное обсуждение генерал-инспектора и особо уполномоченных на то Россией и Австрией генеральных консулов обеих держав и, по одобрении русским и австрийским правительствами и сообщении Порте, вступают в действие. В непосредственном распоряжении генерал-инспектора должен находиться корпус жандармерии с привлечением иностранных инструкторов из подданных второстепенных держав».

[4] В первой редакции этот абзац был сформулирован так: «Согласие Порты могло бы быть достигнуто: а) указанием, что в случае войны и даже успехов турецкого оружия европейское вмешательство неминуемо, быть может, в гораздо более тяжелых для Турции формах, б) гарантированием со стороны Австрии и России территориального status quo Турции, в случае ее согласия на предъявленные пункты».

[5] Печатается с отпуска, написанного рукой Сазонова на бланке со штампом «Ritz Hôtel, London».

«in the Balkans» pour bien établir que cette phrase finale ne regarde plus la Perse? [1]

Ne perdez pas de vue le bon conseil de Brunnow qui recommandait de tout rédiger à l'usage des idiots. En dehors de ceux-ci, il y a encore les gens de mauvaise foi, dont il faut aussi tenir compte [2].

Un petit mot de réponse et au revoir demain à 3 heures si cela vous convient.

À vous très sincèrement

Sazonow.

Перевод.

Дорогой сэр Артур,

Я перечел сегодня утром ваш проект сообщения для печати.

Вчера я не имел никаких возражений против него, но сегодня у меня создалось впечатление, что оно выиграет в ясности, если в последней фразе мы укажем несколько точнее, о каком «мире» идет речь. Не можете ли вы добавить слова «на Балканах», чтобы ясно показать, что эта заключительная фраза уже не относится к Персии?

Не забывайте добрый совет Бруннова, рекомендовавшего все редактировать так, чтобы было понятно даже идиотам. А ведь помимо таковых, есть еще люди недобросовестные, с которыми также нужно считаться.

В ожидании нескольких слов в ответ, и до завтрашнего свидания, если это вас устраивает, в 3 часа.

Искренне преданный вам

Сазонов.

№ 827. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 127. 30/17 сентября 1912 г.

Копии в Лондон и Париж.

По достоверным сведениям, указ о мобилизации будет обнародован сегодня вечером по всей Болгарии, но фактически мобилизация уже началась: все запасные предупреждены не отлучаться от места жительства и будут при своих частях через 24 часа по обнародовании указа; по железным

[1] Текст проекта сообщения для печати, предложенного Никольсоном, в русском переводе гласит: «Мы осведомлены, что во время бесед, состоявшихся между С. Д. Сазоновым и сэром Эдуардом Греем, не обсуждалось никакого нового политического соглашения по персидским делам. Ни Россия, ни Англия не имеют ни малейшего намерения или желания приступить к разделу Персии. С целью сделать возможным отозвание из Персии иностранных войск, обе державы внимательно изучают меры, которыми они могли бы содействовать укреплению персидского правительства, чтобы последнее оказалось способным восстановить порядок и обеспечить необходимую для торговли безопасность. Как С. Д. Сазонов, так и сэр Э. Грей обнаружили полное единодушие в желании работать на пользу мира и участвовать во всех действиях, направленных к достижению этой цели дипломатическим путем».

[2] О результатах пребывания Сазонова в Бальморале в «Правительственном вестнике» 3 окт./20 сент., № 207, было опубликовано следующее сообщение: «Агентство Рейтер осведомилось, что положительным результатом бесед гофмейстера Сазонова в Бальморале, а затем с лордом Крю, с которым обсуждались вопросы, касающиеся Индии, было то, что выяснилось согласие британского и русского правительств относительно принципиальных вопросов, интересующих обе державы, и что отношения между правительствами петербургским и лондонским упрочились. Относительно Персии вопрос о разделе не только не обсуждался, но даже и не было когда-либо намерения со стороны России побудить Великобританию к агрессивной политике в отношении этой страны. Относительно Балкан может быть заявлено, что оба правительства стремятся ко всему, могущему обеспечить сохранение мира, и что они действуют в согласии и будут продолжать действовать совместно с другими державами, которые придерживаются таких же взглядов. Державы сильнейшим образом озабочены тем, чтобы не затруднить работы турецкого кабинета применением чего-либо похожего на понудительные меры. О Тибете говорилось только в самых общих чертах. Никаких изменений не внесено в политику, установленную существующим англо-русским соглашением».

дорогам следуют безостановочно воинские поезда, провиант и снаряды. Все остальные поезда, кроме одного пассажирского в сутки, упразднены. Конская повинность исполняется спешно. Вчера весь день заседал во дворце военный совет. По моему убеждению, возврата для Болгарии больше нет. Объявление войны последует немедленно за мобилизацией, а военные действия — сейчас же после объявления войны. Я также вполне убежден, что сербы последуют тотчас же за болгарами. На-днях сюда приезжал тайно генерал Путник [1], и переговоры с Белградом идут безостановочно по телефону. Пользуясь категоричными инструкциями министерства, я сделал все, что только мог, для удержания болгарского правительства. Но созыв редифов и совершенно бестактное объявление Норадунгианом Сарафову о маневрах близ Адрианополя в корне испортили налаживавшееся было здесь успокоение, — смотри мою телеграмму № 120 [2]. В Константинополе, очевидно, считали воинственное настроение болгар показным, несмотря на непрестанные заявления мои и полковника Романовского о полной ошибочности подобного мнения.

Неклюдов.

№ 828. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Телеграмма № 128. 30/17 сентября [3] 1912 г.

Срочная.

Копии в Париж и Лондон.

По долгу присяги и в силу огромной ответственности перед царем и Россией, я покорнейше прошу ваше превосходительство немедленно повергнуть на высочайшее благовоззрение затронутый мной в письме от [6 сентября] 24 августа [4] и в телеграмме от [20] 7 сентября № 114 [5] вопрос об охранении спокойствия на западном побережье Черного моря и обеспечении сношений наших с болгарскими портами, — а также настоящую мою телеграмму: ибо, помимо важных практических соображений минуты, считаю вопрос о нашем праве сохранять безусловную свободу действий на Черном море — вопросом первостепенного государственного и исторического значения. Так же спешно надлежало бы определить характер нашего нейтрализма по отношению к обмену почты и грузов, следующих из русских портов в болгарские. Полковника Романовского еще прошлой весной затруднял [6] вопрос о поддержании в случае болгаро-турецкой войны официальных почтовых сношений наших с Болгарией посредством миноносцев Черноморского флота. В этом, очень может быть, представится безотлагательная надобность в случае дальнейшего развития событий, и посему надлежит заготовить заранее возможность подобных сношений [7].

Неклюдов.

[1] Путник — серб. воен. м-р (см. стр. 206, прим. 1).
[2] См. № 776.
[3] Лит. копия ошибочно датирована 30/17 августа.
[4] См. № 637.
[5] См. № 720.
[6] Так в оригинале. В копии публикуемой тел., полученной Сазоновым в Бальморале, эта фраза читается: «Полковник Романовский... затронул».
[7] Тел. от 1 окт./18 сент. за № 132 Неклюдов, ссылаясь на публикуемую тел., сообщал: «Прецедент воздержания Италии от военных действий на албанском берегу может быть очень веским доводом в пользу нашего заявления о нейтрализации западного черноморского побережья, тем более что мы помешали бы выходу и болгарских судов». Неклюдов настаивал на скорейшем решении этого вопроса и на посылке эскадры в Варну и Бургас, считая, что, «если бы турки нас предупредили, то появление нашего флота могло бы быть сочтено за враждебную против Турции демонстрацию; если же наши суда будут уже у берега Болгарии, то турки не осмелятся ввести свой флот в Черное море даже без всякого с нашей стороны воспрещения».

№ 829. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 130 [1]. 30/17 сентября 1912 г.

Телеграфирую министру в Париж:

Мобилизация войск общая до класса 1886 г. объявлена. Ваша телеграмма от вчерашнего числа [2] пришла post factum. Сегодня Данев пришел сказать мне, что проектированная нота балканских правительств державам и Порте отложена на несколько дней [3]. По его мнению, война может быть еще избегнута, но лишь одним способом, а именно, если Европа немедленно и собственным почином заставит Турцию согласиться на осуществление статьи 23-й [4] под гарантией великих держав, с назначением вали державами же из подданных второстепенных государств и с международной жандармерией для начала. Данев просил меня сообщить вам это елико возможно скорее. Гешов, к которому я сам поехал, чтобы передать ему содержание вашей телеграммы, подтвердил мне слова Данева, но в менее определенной форме. Этот шаг Данева нисколько не ослабляет в моих глазах значение мобилизации для балканских государств. Болгарское правительство не может не понимать невозможности для разделенной Европы притти столь быстро к столь радикальному соглашению, а уступки меньшие не могут уже удовлетворить союзников, в особенности после понесенных ими экономических жертв на мобилизацию. Я полагаю, следовательно, что настоящий шаг Данева объясняется желанием болгар выказать in extremis [5] миролюбие и занять мнение Европы на те 15 дней, которые, повидимому, необходимы союзникам для приведения в боевую готовность боевых сил. Я тем не менее обещал Даневу и Гешову довести их слова до вас в наикратчайший срок. Продолжаю считать войну, к сожалению, неизбежной. Настроение здесь крайне бодрое. Я имею сведение, что 30 000 сербских войск должны чрез несколько дней проследовать чрез Софию, чтобы занять позиции перед Кюстендилем. Их намереваются встретить восторженными овациями [6].

Неклюдов.

№ 830. Поверенный в делах в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 62. 30/17 сентября 1912 г.
Срочная.

Копия в Константинополь.

Опубликован декрет о мобилизации 10 призывов запасных 1900—1909 гг. Призваны также все офицеры и унтер-офицеры, ополчение Фессалии и греческого Эпира призывов 1896—1899 гг. и пять призывов моряков. Всего под оружием будут около 130 000. Палата депутатов созвана на завтра.

Урусов.

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 6, с сокращениями.
[2] См. № 810.
[3] См. № 735.
[4] См. стр. 81, прим. 5.
[5] «в последний момент».
[6] Тел. от 1 окт./18 сент. за № 132 Романовский сообщал в отдел ген.-кварт. главного управления ген. штаба: «Мобилизация в полном ходу; будет закончена к [7 октября] 24 [сентября]. Вся конница направлена к границе. Формируются штабы трех армий; главнокомандующий — царь, начальником штаба — Фичев. [5 октября] 22 [сентября] соберется Народное собрание, и, вероятно, последует объявление войны: предотвратить последнюю теперь почти невозможно». Содержание этой тел. было передано Нератовым Извольскому 2 окт./19 сент. за № 2012 (опубл. М., стр. 279)

№ 831. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 146. 30/17 сентября 1912 г.

В Софии за эти дни царило беспокойство, что турки, стягивая к Адрианопольскому вилайету свои войска, внезапно бросятся на Болгарию до получения ею подспорья других балканских государств, а посему правительство Гешова настойчиво требовало от Сербии, Черногории и Греции немедленного объявления мобилизации. Указ короля Петра об этом подписан сегодня. Повидимому, то же сделано в Софии, Афинах и Цетинье. (Это) известие вызвало (в) населении большое воодушевление: народные процессии на улицах с пением патриотических песен. Сегодня же издан указ о чрезвычайном созыве скупщины на [3 октября] 20 сентября.

Гартвиг.

№ 832. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 147[1]. 30/17 сентября 1912 г.

Получил телеграмму министра из Лондона № 240[2].

В то время, когда я передавал правительству предписанные мне предостережение и советы, Пашич сообщил мне, что король подписал уже сегодня указ о мобилизации, вызванной обстоятельствами, изложенными в моей телеграмме № 146[3]. Конечно, мобилизация еще не война, — сказал он, — и если бы до полного завершения ее, которое состоится к концу месяца, Сербии и великим державам удалось получить серьезные гарантии в том, что Турция в ближайший срок проведет реформы в христианских вилайетах, то мы тотчас же отказались бы от ведения войны, целью которой Сербия и Болгария ставят не территориальные приобретения, а изменение в условиях существования наших соплеменников. Из дальнейших откровенных объяснений Пашича я убедился, что он тщательно ищет выхода из создавшегося против его воли положения и питает тайную надежду, что золотой мост создадут Сербии настоятельные представления России в Константинополе. Что таким образом и после мобилизации балканских государств еще возможно мирное улажение нынешнего острого кризиса.

Гартвиг.

№ 833. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 157[4]. 30/17 сентября 1912 г.

Je télégraphie Ministre Londres:

Reçu № 240[5] du Ministre.

Je viens de m'acquitter des ordres de Votre Excellence auprès du Roi Nicolas qui m'a prié de vous transmettre, qu'il sera le dernier des Souverains balkaniques qui mobiliserait en ce moment. Mon collègue d'Angleterre a reçu l'ordre de son Gouvernement de faire une démarche similaire dans le cas où tous les représentants des Grandes Puissances recevraient les mêmes instructions.

Giers.

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 7, с сокращениями.
[2] См. № 810.
[3] См. № 831.
[4] Царск. экз.
[5] См. № 810.

Перевод.

Телеграфирую министру в Лондон:
Получил от министра № 240.

Только что выполнил предписание вашего высокопревосходительства перед королем Николаем, который просил меня передать вам, что в настоящий момент он будет последним из балканских государей, который объявит мобилизацию. Мой английский коллега получил предписание своего правительства предпринять аналогичные шаги в том случае, если все представители великих держав получат такие же инструкции.

Гирс.

№ 834. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 731 [1]. 30/17 сентября 1912 г.
Срочная.

Копия в Лондон.

Не получив на то специальных указаний из Белграда, сербский посланник доверительно сообщил мне, что Пашич предписывает ему потребовать от Порты объяснений по поводу созыва ускюбских и митровицких редифных дивизий и пропуска задержанного военного материала или возвращения его в Марсель [2]. Ненадовичу приказано заявить Порте, что он будет ждать ответа лишь два дня. По истечении этого срока ему надлежит выехать, объяснив свой отъезд необходимостью дать личные объяснения своему правительству. Ненадович исполнит предписание сегодня. Назначение двухдневного срока при нынешнем возбужденном национальном настроении турок несомненно лишь усилит здесь раздражение [3].

Гирс.

№ 835. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 30/17 сентября 1912 г.
Строго доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Не знаю, известно ли вашему превосходительству, что Северо-Американские Штаты пожелали внести и в нынешнюю войну свою лепту примирения. Здешнему послу было предписано осведомиться у Порты, как отнеслась бы она к предложению президентом Тафтом посреднических услуг. Турки, будто бы, были склонны принять предложение заокеанской великой державы. Итальянцы же, по словам Ногара, решительно отклонили таковое. Озабоченная отстранением от средиземноморских вопросов всех непричастных к ним держав, Консульта не нашла возможным допустить к участию в разрешении триполийской задачи Северо-Американские Штаты.

Вышеизложенные данные могут представлять собой только известный исторический интерес. Ввиду этого я был бы весьма признателен вашему превосходительству, если бы вы признали возможным ни литографировать настоящего письма, ни знакомить с его содержанием наше посольство в Риме. Меня вынуждает к такому ходатайству упоминание в письме инженера Ногара, полученные от которого сведения я обязался не разглашать.

Примите и пр.

М. Гирс.

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 448, N 686.

[2] См. № 795. В тел. от 30/17 сент. за № 735 (опубл. Ор. кн., стр. 6) М. Гирс сообщал, что он обратил внимание турец. м-ра ин. дел на необходимость возможно скорее разрешить вопрос о серб. грузе.

[3] 1 окт./18 сент. за № 1994 Нератов телеграфировал Гартвигу: «Благоволите обратить внимание Пашича на нежелательность столь резкого шага, как выезд Ненадовича из Константинополя». Тел. от 3 окт./20 сент. за № 155 Гартвиг сообщал: «По сделанным мною представлениям, Ненадовичу уже третьего дня дано приказание не прерывать сношений и не покидать своего поста».

№ 836. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Письмо. 30/17 сентября 1912 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

За последние два месяца в прямых между воюющими переговорах принимает деятельное участие здешний германский посол. Как я уже упоминал в одном из моих предыдущих донесений, барон Вангенгейм старательно придерживается во многих вопросах политики, противоположной политике его покойного предместника [1]. Резкие и неодобрительные отзывы, высказывавшиеся по адресу итальянского правительства бароном Маршаллом, сменились сочувственными заверениями, расточаемыми в речах, обращенных к негласным представителям итальянских интересов в Турции. Им постоянно твердится, что поставленная между союзницей и дружественной державой Германия искренне желает успеха союзнице. В силу ли высказываемого подобного доброжелательства или вследствие распоряжений из Рима и Берлина, упомянутые выше итальянские представители находятся в тесном обмене мыслей с бароном Вангенгеймом. Насколько я мог убедиться, германский посол держится итальянцами в курсе переговоров. Со своей стороны, и он неуклонно после каждого свидания с министром иностранных дел видится с г. Ногара. Желая, очевидно, сохранить за собой роль руководителя Италии и ее советника здесь, посол высказывается крайне отрицательно относительно возможного совместного давления на воюющих в целях их примирения. Такое выступление Европы, — говорил он мне, — могло бы не только вызвать падение нынешнего правительства, но и привести к еще более серьезным последствиям. Взгляд этот не разделяется, однако, его австро-венгерским сотоварищем. При этом барон Вангенгейм утверждает, что соглашение почти что достигнуто между пребывающими в Швейцарии уполномоченными. Разногласие имеется лишь касательно двух формул, не представляющих, по его словам, серьезного значения.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 837. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 805. 30/17 сентября 1912 г.

Займы.

Гойер обратился ко мне с письмом, в коем высказывается в смысле необходимости: 1) Протестовать перед китайским правительством против предоставления соляной монополии в гарантию нового лондонского займа [2]. 2) Заявить китайцам, что императорское правительство намерено потребовать 31 будущего декабря уплату недоимки боксерского вознаграждения и сделать соляную монополию ответственной как за наступившие уже, так и за будущие уплаты. 3) Указать китайскому правительству на необходимость возместить из сумм лондонского займа как прежние ссуды Русско-Китайского банка разным провинциальным учреждениям, так и его убытки от беспорядков и отложить из тех же сумм деньги, нужные для возвращения, по наступлении их сроков, авансов Консорциума.

---

[1] В деп. от 9 сент./27 авг. за № 62 М. Гирс, между прочим, писал: «В противоположность барону Маршаллу, фон Вангенгейм не ограничивает своих отношений официальным, власть предержащим миром. Он старается установить связи и с оппозицией, желая, очевидно, избежать нареканий, делавшихся его предместнику, что он забывал людей, впадавших в немилость».

[2] См. стр. 217, прим. 2.

Все эти меры, при условии совместного действия в этом смысле всех шести держав, казались бы мне вполне желательными и целесообразными, кроме включения в число сумм, коих возвращение будет требоваться, и убытков банка от беспорядков, относительно которых уже установлен другой образ действий. В настоящую минуту, однако, всякое совместное действие посланников не представляется возможным ввиду циркулярного обращения Англии к пяти державам по вопросу о Консорциуме [1], о коем мне сообщил сегодня английский посланник и которое, повидимому, грозит привести либо к полнейшей капитуляции шести правительств и групп перед неприемлемыми китайскими требованиями, либо к распадению Консорциума и предложению друг перед другом банками своих услуг китайскому правительству без всяких условий контроля. Мой английский сотоварищ совершенно отказывается предпринимать что-либо в вопросе о займах до получения новых инструкций от своего правительства. Французский же и японский посланники, признавая всю желательность принятия мер в смысле, указываемом Гойером и другими банками, и разделяя сказанное мной в телеграмме от [28] 15 сентября № 799 [2] мнение о необходимости продолжать твердо придерживаться прежней политики и дружно действовать дальше в том же духе, также находят, что мы должны теперь прежде всего выждать результаты возбужденного Англией обмена мыслей между правительствами.

Крупенский.

№ 838. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

'/. Телеграмма № 1982. 1 октября/18 сентября 1912 г.

№ 2.

Благоволите сообщить министру по его приезде в Париж передаваемую вам за № 1 телеграмму Крупенского [3]. Английский посол только что сделал нам сообщение, подтверждающее желание его правительства смягчить условия, на которых Шестерной консорциум согласится выдать заем китайскому правительству [4]. Английское правительство считает, что раз переговоры Консорциума будут прекращены, оно будет обязано поддерживать всех английских банкиров, которые пожелают ссудить Китаю деньги, а державы не будут иметь основания препятствовать Китаю занимать деньги, где он пожелает. Поэтому английское правительство находит необходимым, чтобы Консорциум так или иначе договорился с Китаем об условиях займа, хотя бы смягчив их до последних предложений китайского правительства, признанных неприемлемыми представителями банков Консорциума в Пекине.

Министр финансов считает нежелательным делать китайскому правительству послабления в условиях займа и полагает, что заем у банка Ллойда не исчерпает потребности Китая в деньгах и он будет принужден обратиться к Консорциуму для реализации дальнейших займов. Если же Консорциум распадется, то это будет отвечать нашим интересам при условии, конечно, что французские капиталисты выйдут из него.

[1] См. № 805.

[2] В тел. от 28/15 сент. за № 799, содержание которой отчасти изложено в публикуемом документе, В. Крупенский отмечал, что «всякое же проявление уступчивости, к каковой, к сожалению, замечается склонность со стороны английской группы, было бы истолковано здесь как признание слабости и принесло бы лишь вред». Эта тел. была сообщена Нератовым в Париж 1 окт./18 сент. за № 1983 (№ 1) (опубл. Stieve, II, S. 265, N 457).

[3] См. прим. 2.

[4] См. № 805.

Таким образом, наше отношение к настоящему английскому предложению должно, повидимому, зависеть от того, будут ли французы настаивать на высказанном нам Пуанкаре взгляде на необходимость твердо держаться поставленных Консорциумом условий, в частности европейского контроля соляной монополии во всем Китае [1], и можно ли рассчитывать на выход французских банкиров из Консорциума в случае их разногласия с английскими и на образование такой группы банкиров с французами во главе, которая при выпуске китайских займов будет считаться с нашими специальными интересами в Китае.

Нужно также отметить, что в неудаче Консорциума виновато главным образом английское правительство, которое пожелало создать в Англии монополию китайских займов для Гонконг-Шанхайского банка и натолкнулось на противодействие других английских банкиров, желающих делать финансовые сделки в Китае и не признающих сказанной монополии. Во Франции и прочих странах, участвующих в Консорциуме, в его состав привлечены, напротив, все крупные заинтересованные банки.

Нератов.

№ 839. Временно управляющий министерством иностранных дел министру иностранных дел Сазонову [2].

*/. Телеграмма № 1988. 1 октября/18 сентября 1912 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1981 [3] и телеграмму Кудашева № 71 [4].

Высказанные в ней соображения касаются вопроса о мерах к предотвращению войны. Ускоренный темп событий выдвигает на очередь задачу локализации войны, если б ее не удалось предотвратить.

По этому поводу позволяю себе высказать следующие соображения.

Наряду с усилиями привести все державы к общему соглашению о локализации войны на основе заявления о недопустимости нарушения территориального status quo следовало бы усилить непосредственный контакт с Австрией по этому предмету. Если б Австрия не пожелала связать себя обязательством невмешательства, то желательно столковаться с ней в смысле пункта 3-го предложений Пуанкаре.

В дальнейшем развитии представлялось бы соответственным указание венскому кабинету, что если б Австрия, в целях обеспечения своих интересов, заняла Новобазарский санджак, она предусматривала бы возможность принятия нами мер к охране бассейна Черного моря от военных действий турецкого флота, быть может, и соответствующих мероприятий на Кавказе. Возможно более твердое обоснование нашего интереса сохранения территориального status quo и поддержка в этом вопросе нашей точки зрения другими державами укрепили бы наше положение в переговорах с Веной.

Прошу ваших указаний.

[Нератов.]

---

[1] См. № 671.

[2] Публикуемая тел. адресована в Париж.

[3] См. № 825.

[4] Тел. от 30/17 сент. за № 71 Кудашев сообщал Нератову (копия Сазонову): «По сведениям военного агента, тщательно проверенным им, в случае возникновения болгаро-сербско-турецкой войны Австрия немедленно займет Новобазарский санджак, на чем ее действия и приостанавливаются до выяснения положения на русской границе. Есть основание предполагать, что война Турции с одной только Болгарией не вызовет означенного выступления Австрии. Сведения эти представляются мне весьма правдоподобными».

№ 840. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Бухаресте Шебеко.

·/. Телеграмма № 1991 [1]. 1 октября/18 сентября 1912 г.

На мобилизацию турецких редифов Болгария, Сербия и Греция отвечают, повидимому, мобилизацией своих армий. Можно предполагать, что Черногория последует тому же примеру.

Нами делаются все усилия, чтобы предотвратить войну воздействием в Константинополе и в балканских столицах. Наряду с указанием опасности общей мобилизации и желательности взаимного распоряжения об ее отмене мы делаем настойчивые представления Порте о неотложной необходимости серьезных реформ, обставленных достаточными обеспечениями в Европейской Турции. Об этом ведутся в настоящее время переговоры с державами. Имеется в виду найти почву, если окажется возможным, для согласования наших взглядов с Австрией.

Не теряя надежды до последней минуты предотвратить войну, мы в случае ее наступления будем преследовать задачу ее локализации, имеющую первостепенное значение как для нас, так и для общеевропейского мира, вместе с охранением принципа территориального status quo.

Общая политическая обстановка выдвигает на первую очередь вопрос о положении, которое будет занято Румынией в ближайшем времени. Высокое военное отличие, только что полученное королем Карлом от государя императора [2], заставляет нас надеяться на то, что его величество оценит исключительное внимание и доверие, ему оказанные, и не поставит Россию в тяжелое положение усмотреть какие-либо враждебные к Болгарии действия со стороны генерал-фельдмаршала российской армии.

Вышеизложенное сообщается вам для сведения и руководства в возможных объяснениях [3].

Нератов.

№ 841. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому и послу в Токио Малевскому.

·/. Телеграмма № 1992. 1 октября/18 сентября 1912 г.

По сведениям ген. Мартынова, китайцы предполагают организовать в Манчжурии восстание вроде боксерского, причем банды солдат и вооруженных жителей будут направлены на железную дорогу и русские поселки. Китайское правительство останется в стороне, и, ответив, что оно не в силах справиться с народным негодованием против России, предложит обратиться к Гаагскому трибуналу. Во всяком случае, по мнению ген. Мартынова, в Манчжурии подготовляются крупные события, на что указывают сосредо-

---

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 30/17 сент. за № 3004 Нератов сообщал Шебеко: «Высочайшим приказом от [30] 17 сентября его величество король Карл назначается генерал-фельдмаршалом российской императорской армии по случаю 50-летия военной службы» (ср. стр. 263, прим. 2).

[3] В тел. от 1 окт./18 сент. за № 139 воен. агент в Румынии Искрицкий сообщал в отдел ген.-кварт. главного управления ген. штаба, что на запрос болг. воен. агента, какое положение займет Румыния ввиду начавшейся болг. мобилизации, в рум. воен. м-ве ответили, «что действия Румынии будут вполне зависеть от указаний великих держав, не упоминая каких».

В тот же день тел. за № 140 Искрицкий сообщал: «Сегодня председатель совета министров и начальник генерального штаба экстренно выехали в город Синайю к королю на совещание о положении, которое должно быть принято Румынией ввиду объявления мобилизации балканскими государствами. Решение еще неизвестно. Много данных, что Румыния пока останется нейтральной, но возможна частная мобилизация первого, второго и пятого корпусов [с] призывом семи контингентов запасных».

точение войск, массовая раздача оружия населению и вызывающий тон всех китайских газет, уповающих на революцию в России [1].

Для Пекина.

Благоволите телеграфировать, имеете ли вы основание разделять опасения ген. Мартынова. Запрашиваем по этому поводу консулов в Манчжурии, поручая им сообщить вам копии своих отзывов [2].

Для Токио.

Благоволите телеграфировать, подтверждаются ли опасения ген. Мартынова сведениями, которые вы и военный агент имеете из японских источников [3].

Н е р а т о в.

№ 842. Временно управляющий министерством иностранных дел министру иностранных дел Сазонову [4].

*/. Телеграмма № 1996 [5]. **1 октября/18 сентября 1912 г.**

Продолжение телеграммы № 1988 [6].

В связи с нашими переговорами с державами и венским кабинетом о локализации войны на почве признания нерушимости status quo мне представлялось бы желательным при достижении возможных результатов в этом отношении не упускать из виду особого положения, которое в силу вещей принадлежит России в отношении к европейским державам и к борющимся славянским государствам и Греции.

Сложность этого положения заключается в необходимости, не отделяясь от европейского концерта, пронести сквозь тяжелое испытание непоколебленными исторически сложившиеся основы русской политики на Востоке.

Локализация войны была бы самой серьезной помощью, на какую при данной политической обстановке балканские государства вправе от нас рассчитывать. Было бы существенно, чтобы наша позиция была должным образом оценена на Балканах.

Оставаясь на почве строгого нейтралитета, мы в самом начале военных действий могли бы, в ограждение собственных интересов, дать понять в соответствующей убедительной форме обеим воюющим сторонам, что перенесение военных действий в бассейн Черного моря, в связи с необеспечением Проливов, представляется недопустимым для наших интересов. Возражениям Порты мы могли бы противопоставить гарантию в том, что Болгария не предпримет никакого наступления по побережью Черного моря. Нельзя не указать на пример Италии, подчинившейся ограничению своих действий в Адриатическом море в интересах нейтральных.

Такой постановкой вопроса мы обеспечили бы Болгарию от нападения на ее побережье турецкого флота. Вместе с тем принятие обязательства перед

[1] В письме от 30/17 сент. за № 857 Коковцов, передавая Нератову эти сведения, сообщал, что, «во избежание огромной ответственности, генерал Мартынов считает необходимым безотлагательно перевести 16-й стрелковый полк на станции Манчжурия и Фулярди, а весь 15-й полк сосредоточить в Харбине с тем, чтобы управление дороги дало ему зимние помещения». «Со своей стороны считаю долгом высказать, — заканчивал Коковцов, — что необходимость в принятии в настоящее время чрезвычайных мер для усиления Заамурского округа и ограждения этим путем безопасности Китайской Восточной железной дороги лично мне не представляется достаточно выяснившейся, так как генерал Мартынов в своих донесениях склонен иногда сгущать краски и нередко принимает на свой риск поспешные решения».

[2] Консулы были запрошены тел. от 1 окт./18 сент. за № 1993.

[3] В ответной тел. от 4 окт./21 сент. за № 291 Малевский сообщал, что япон. м-р ин. дел никаких сведений, подтверждающих сообщение ген. Мартынова, не имеет. Об ответе Крупенского см. № 880.

[4] Публикуемая тел. адресована в Париж.

[5] Лит. копия.

[6] См. № 839.

Портой создало бы нам, в случае надобности, основание для посылки наших судов в болгарские порты, что могло бы приблизить нас к наблюдению за Проливами и послужило бы некоторым предостережением Румынии.

Возможностью этого следовало бы, конечно, воспользоваться лишь со всей осторожностью, в значительной степени соображая наши действия с положением, которое принято будет Австрией.

Наш посланник в Бухаресте мог бы сообщить румынскому правительству для сведения о нашем заявлении воюющим державам, если оно будет сделано.

Нератов.

№ 843. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

Телеграмма № 1998. 1 октября/18 сентября 1912 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 691[1] и телеграмму Урусова № 58[2].

Если считаете посылку пирейского стационера на Самос целесообразной, несмотря на малый калибр судна, благоволите телеграфировать непосредственно Урусову об отправлении стационера[3].

[Нератов.]

№ 844. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

√. Телеграмма № 244[4]. Лондон, 1 октября/18 сентября 1912 г.

Сообщено в Вену.

Видевшись вчера со здешним австрийским послом, я сказал ему, что ввиду обостряющегося положения на Балканах я придаю особенное значение тому, как отнесется Австрия к назревающим событиям, так как от этого будет в значительной степени зависеть дальнейшее их развитие. Основываясь на неоднократно делавшихся за последнее время Австрией заявлениях, я хочу надеяться, что она во всяком случае воздержится от единоличного вмешательства в происходящую на Балканах смуту. Со своей стороны, Россия намерена также ограничиться дипломатическими шагами в целях умиротворения балканских государств. Австрийский посол обещал передать мои слова в Вену, где, по его уверениям, они несомненно встретят сочувствие[5].

Сазонов.

---

[1] См. стр. 272, прим. 1.

[2] Тел. от 29/16 сент. за № 58 Урусов передал просьбу греч. м-ра ин. дел «о посылке нашего пирейского стационера на Самос. Присутствие там русского флага, наряду с английским и французским, оказало бы, по его мнению, сдерживающее моральное воздействие на борющиеся стороны».

[3] Тел. от 3 окт./20 сент. за № 755 М. Гирс сообщал о своей тел. в Афины с просьбой отправить на Самос стационер, а тел. от 5 окт./22 сент. за № 773 он передал текст инструкции командиру стационера «Донец»: «Цель вашей командировки предупредить высадку на остров критян и охранять всех иностранных подданных. Во всех ваших действиях вам следует поступать в полном согласии с командирами судов Франции и Англии, руководствуясь во всех отдельных вопросах полученными ими инструкциями».

[4] Опубл. Ор. кн., стр. 9, с сокращениями, и Кр. Арх., т. XV, стр. 26.

[5] Тел. от 2 окт./19 сент. за № 2003 Нератов сообщил Сазонову в Париж (копия в Вену): «В беседе со мной австрийский поверенный в делах подчеркивал желание своего правительства притти к согласованию своих действий с нашими, выражая личное убеждение, что граф Берхтольд пойдет на признание нерушимости status quo. Г. Силаши, по собственному почину, вновь подтвердил недавнее заявление графа Турна о незаинтересованности Австрии в Новобазарском санджаке, хотя в австрийской печати продолжается кампания в пользу занятия Санджака для обеспечения сношений с интересующими Австрию турецкими областями».

№ 845. Посол в Вене [1] временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 72. 1 октября/18 сентября 1912 г.

Вчера на запрос в австрийской делегации граф Берхтольд ответил, что мобилизация не означает еще войны и что великие державы продолжают стараться в пользу сохранения мира. Слова эти встречены были знаками одобрения.

Гирс.

№ 846. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 74 [2]. 1 октября/18 сентября 1912 г.

Сообщаю в Лондон министру:

Граф Берхтольд получил подробное изложение вашего разговора с австро-венгерским послом в Лондоне [3]. Он просил меня передать вам, что мнение, выраженное вами, вполне согласно с его личным убеждением. Он находит, что в данный критический момент нет другого исхода, как единодушное действие всех великих держав. Всякое разногласие или отдельное действие может пагубно отразиться на событиях. Следовало бы и Германии также разделять это мнение, чтобы балканские государства были убеждены, что война с Турцией не даст им никакой территориальной выгоды, ибо державы этого не допустят. Я счел возможным обратить внимание министра на то, что общественное мнение, в особенности у нас, было бы сильно возбуждено, если бы Австро-Венгрия заняла Новобазарский санджак. На это министр ответил мне, что полное согласие с Россией и со всеми другими державами не дозволит заблуждений общественного мнения и успокоит его.

Гирс.

№ 847. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 133. 1 октября/18 сентября 1912 г.

Копия в Париж министру.

Прошу ускорить инструкции, которые могли бы, по вашему мнению, удержать Болгарию от военных действий, и я приложу все старания к достижению этой цели. Впрочем, считаю долгом предупредить, что, по моему убеждению, теперь уже возврата для болгарского правительства нет и война неминуема, даже если [бы] Болгария была покинута союзниками. Посему прошу также приготовить заранее все меры и указания мне и Романовскому на случай открытия военных действий. На границе уже начались, по слухам, кордонные столкновения [4].

Неклюдов.

---

[1] Тел. от 30/17 сент. (без номера) Н. Гирс сообщал, что он возвратился из отпуска и вступил в управление пос-вом.

[2] Опубл. Ор. кн., стр. 9, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[3] См. № 844.

[4] В ответной тел. от 2 окт./19 сент. за № 2013 Нератов сообщил Неклюдову: «Разделяем ваше впечатление о неизбежности войны, если Турция не даст решительного удовлетворения балканским государствам в духе 23-й статьи Берлинского трактата, на что трудно рассчитывать. Вопрос об обеспечении сообщений с Болгарией и охране наших интересов в Черном море поставлен на очередь» (см. № 842).

В тот же день тел. за № 2015 Нератов телеграфировал Сазонову в Париж: «Кроме высказываемых Неклюдовым соображений относительно необходимости спешных

№ 848. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 151. 1 октября/18 сентября 1912 г.

Посетившие меня сегодня английский и французский коллеги сообщили о полученных ими инструкциях присоединиться к тем представлениям, которые будут сделаны мной сербскому правительству в целях отсоветовать ему мобилизацию войск и удержать от необдуманных решений. Хотя мной уже накануне были сделаны соответственные шаги на основании телеграммы министра [1], я выразил готовность возобновить предостережения, чтобы подчеркнуть полную солидарность взглядов России, Англии и Франции. По обсуждении дела и признав уже несвоевременным касаться вопроса о мобилизации, являющейся совершившимся фактом, Пэджет, Деко и я уговорились сделать поочередно здешнему правительству настоятельные тождественные представления: соблюдать возможную осторожность и, следуя благоразумию, не предпринимать непоправимых шагов, могущих иметь для Сербии самые гибельные последствия, особенно же не прибегать к разрыву дипломатических сношений с Турцией и не концентрировать войск на границе. Я тотчас же (в этом) смысле объяснился с председателем совета, предупредив его, что английский и французский посланники сделают ему вслед за мной тождественные представления. Пашич сказал, что в благоразумии и осторожности его нет оснований сомневаться, так как он не раз откровенно сознавался, что войну считает опасной для Сербии, и принял крайнее решение помимо воли; следуя нынешним советам, он при мне послал срочную телеграмму Ненадовичу, вызванному сюда для объяснений, не покидать Константинополя до новых указаний [2]; что касается до последнего пункта — концентрации войск на границе — Пашич сказал, что он не считает себя вправе вмешиваться в распоряжения главнокомандующего, но обещал доверительно сообщить об этом военному министру. Пашич, видимо, не теряет еще надежды на мирный исход. Таково впечатление многих из моих коллег, которые разделяют мое убеждение, что сильное давление держав в Константинополе касательно реформ, быть может, предотвратит столкновение.

Гартвиг.

№ 849. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 161. 1 октября/18 сентября 1912 г.
Срочная.

Телеграфирую в посольство в Лондон:

Для министра.

№ 1.

Сегодня ранним утром король позвал меня к себе и в присутствии наследника прочитал проект ноты, с которой он желает сегодня же обратиться к представителям великих держав в Цетинье. В этой ноте, полной упреков по адресу этих держав, его величество нам заявляет, что ввиду обстоятельств он не может далее оставаться бездеятельным в вопросе о границе и вынужден занять некоторые пункты пограничной турецкой территории

мероприятий с нашей стороны [см. № 828], важное значение приобретает срок увольнения запасных моряков у нас. Обычно они распускались, начиная с [14] 1 октября. Думаю, что задержать их на некоторое время придется, как ни неудобно это с политической точки зрения. Прошу заключения для объяснений с морским ведомством». Ответ Сазонова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен.

[1] См. № 832.

[2] См. стр. 320, прим. 3.

в виде залога благоприятного и окончательного его разрешения. Я решительно восстал против такого образа действий. Король обещал мне, что к нему не прибегнет, ноты в проектированной редакции не пошлет, и в заключение беседы обнял меня, благодаря за то, что «я помешал ему сделать глупость». Греческий представитель только что сообщил официально о мобилизации Грецией армии и флота.

Гирс.

№ 850. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 164. 1 октября/18 сентября 1912 г.

Копия в Константинополь.

Телеграфирую послам в Париж и Лондон:

Для министра.

№ 2.

Ввиду совершенной безнадежности удержать ныне черногорское правительство от распоряжения о мобилизации, которая уже сегодня началась[1], я счел долгом направить всю тяжесть моей аргументации на отклонение короля от того безумного шага, на который черногорское правительство решилось. Но я считаю, что данное мне королем обещание — ничего не предпринимать на границе и не начинать военных действий — может быть выполнено лишь при непременном условии, чтобы турки остановили движение своих войск к границе. В противном случае конфликт может возникнуть всякую минуту по почину любой стороны и вне всякой связи с действиями остальных балканских государств[2].

Следует № 3[3].

Гирс.

№ 851. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 734. 1 октября/18 сентября 1912 г.

Телеграфирую в Лондон:

Получил вашу телеграмму № 242[4].

Сегодня же я вновь объяснился с министром иностранных дел касательно необходимости для Порты избегать всего, что носит вызывающий характер по отношению к балканским государствам. Министр возразил, что сосредоточения войск и маневров не будет, будут лишь полковые упражнения

[1] Тел. от 1 окт./18 сент. за № 939 Потапов сообщал в отдел ген.-кварт. главного управления ген. штаба: «Сейчас решена мобилизация черногорской армии, делаются распоряжения; через три дня все будет на месте».

[2] В тел. от 3 окт./20 сент. за № 173 (опубл. за N 172 Stieve, II, S. 269, N 466) А. Гирс сообщал: «Из сделанных мне сегодня весьма определенных намеков заключаю, что лишь только Болгария объявит войну, что, повидимому, неминуемо, Черногория тотчас же откроет военные действия в силу взаимных обязательств, принятых за последнее время. То же сделают и греки. Предусматриваемый здесь срок военных действий — вторник или среда будущей недели [8 окт./25 сент. или 9 окт./26 сент.], а может быть и раньше. Следует нам иметь в виду возможную кооперацию малиссоров».

[3] Тел. от того же числа за № 167 (№ 3) А. Гирс сообщал Сазонову (копии Нератову и М. Гирсу), что, по полученным сведениям, «из Ипека и Дьякова чрез Сельце двигаются 10 батальонов и несколько тысяч башибузуков, направляемые в Скутари; часть их уже подходит к Плаво и Гусинье. К Скутари же с юга отправлен Эссад-паша со своими частями. В общем турки рассчитывают сосредоточить там около трех дивизий».

[4] См. № 812.

в районах дивизионных округов редифа. Он не дал положительного ответа по вопросу об отмене созыва редифных дивизий, расположенных близ границ, заметив, однако, что, быть может, требованная отмена уже невозможна, так как все меры уже приняты; при этом он добавил, что созыв предполагался всего на несколько дней, и, если ничего не произойдет необычного, редифы будут распущены в скором времени [1].

Гирс.

№ 852. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 740. 1 октября/18 сентября 1912 г.

Телеграфирую министру:

Вследствие мобилизации балканских государств совет министров заседает с утра и вынесет неминуемо решение о мобилизации турецких войск. Быть может, оказалось бы еще возможным предупредить войну, крайне опасную по своим последствиям, категорическим заявлением пяти держав обеим сторонам, что державы требуют мира и что они берут в свои руки вопрос о реформах в Европейской Турции. Для силы такого заявления необходимо быстрое соглашение между великими державами исключительно по этим двум вопросам. Развитие же вопроса о реформах могло бы последовать уже по принятии сторонами этого заявления. Высказывая это мнение, я вполне отдаю себе отчет в желательности помочь им, как ввиду чрезвычайных по обстоятельствам вожделений балканских государств, так и вследствие охватывающего турок чувства, что настал критический момент, когда они должны жертвовать жизнью для своего спасения. Ввиду этих требований полагаю, что необходимо полное единодушие держав.

Гирс.

№ 853. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 745. 1 октября/18 сентября 1912 г.

Генерал Хольмсен сообщил мне, что совет министров постановил произвести немедленно всеобщую мобилизацию. По утверждении этого решения султаном, будет сейчас же распубликовано соответствующее ирадэ [2].

Гирс.

№ 854. Военный министр временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 2334. 1 октября/18 сентября 1912 г.

Секретно. Спешно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Письмом от [18] 5 июля с. г. за № 2264 временно управлявший военным министерством сообщил вашему превосходительству имевшиеся в воен-

---

[1] Тел. за № 736, датированной 30/17 сент., М. Гирс сообщал Нератову и Сазонову: «Во время нашей беседы министр высказал мне, что, по получаемым им положительным сведениям, балканские государства решили действовать напролом, не внимая советам России и других держав».

[2] Тел. от 2 окт./19 сент., помеченной № 309 (опубл. Ор. кн., стр. 10), М. Гирс сообщил, что совет м-ров принял решение произвести общую мобилизацию.

Тел. от 2 окт./19 сент. за № 751 Гирс передал следующее: «Пока из турецкого генерального штаба сообщили генералу Хольмсену, что указ о мобилизации касается всей Европейской Турции и Анатолийской прибрежной полосы, т. е., по предположению нашего военного агента, Амасии, Самсуна и Трапезунда. Хольмсен думает, что войска этой полосы будут переброшены в Европейскую Турцию».

ном министерстве сведения о тревожном положении на Балканском полуострове и просил осведомить его о тех задачах, которые министерство иностранных дел считает необходимым предъявить военному министерству в случае дальнейшего развития политических событий [1].

Вслед затем при ряде записок мной были препровождены вашему превосходительству копии донесений наших военных агентов на Балканах и в Австро-Венгрии, указывающих на возможность возникновения в самом непродолжительном времени крупных осложнений на Балканском полуострове.

Наконец, в настоящее время в главное управление генерального штаба поступили сведения, указывающие как на возможность начала военных действий на Балканах в ближайшем времени, так и на некоторые подготовительные мероприятия Австро-Венгрии к мобилизации двух корпусов на сербской границе.

Доводя о сем до вашего сведения, имею честь вновь просить ваше превосходительство не отказать поставить меня в известность, в какой мере имеющиеся в военном министерстве тревожные сведения соответствуют сведениям министерства иностранных дел, а равно уведомить меня, какие задачи министерство иностранных дел считает необходимым предъявить военному министерству в случае дальнейшего развития политических событий.

Примите и пр.

В. Сухомлинов.

№ 855. Сообщение турецкого посольства в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову [2].

S. Ex. Gabriel Effendi à S. Ex. Turkhan Pacha, Constantinople, le 2 octobre/19 septembre 1919.

La Sublime Porte a été informée par ses représentants diplomatiques en Bulgarie, Serbie et Grèce que des mobilisations générales simultanées ont été décrétées dans ces trois États, quant au Monténégro, ses mesures et dispositions agressives étaient déjà notoires. Il y a là évidemment une simultanéité d'action que ne peut être interprétée que comme la mise en exécution d'un plan concerté. Le Gouvernement Impérial Ottoman en avait des indices qu'il suivait avec l'attention qu'exige leur importance. Mais, jusqu'à ces derniers jours, il se refusait à croire que, sans aucun motif donné par lui, la coalition des États susmentionnés pût revêtir le caractère d'une menace. Le Gouvernement Impérial Ottoman, soucieux avant tout d'assurer le développement des institutions du nouveau régime et animé des meilleures intentions, s'est constamment appliqué à ne suivre dans son attitude vis-à-vis des États balkaniques qu'une politique pacifique, conciliante et même, en bien des cas, empreinte d'une longanimité que la malveillance seule a pu interpréter comme une marque de faiblesse. Il serait superflu de rappeler toutes les occasions dans lesquelles le nouveau Cabinet a fait preuve d'une patience excessive en réponse aux provocations d'éléments perturbateurs, encouragés par la tolérance, sinon la complicité d'... [3]. Il a même, dans l'esprit le plus large, évité de donner trop d'importance aux tentatives desdits États de s'occuper abusivement des affaires intérieures de l'Empire, estimant que la seule réponse à y faire était d'étudier, en conformité et en exécution de son programme, les mesures les plus efficaces à prendre pour donner sans tarder satisfaction aux demandes et réclamations jugées fondées et légitimes des diverses populations de l'Empire.

---

[1] Указанное письмо в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[2] Маш. копия. Сообщение не датировано. Опубл. Doc. Dipl., 3-me série, t. IV, p. 26, N 34, под датой 3 окт. нов. ст.

[3] Пропущенное слово в Doc. Dipl. читается: «des Gouvernements» (правительств).

Non seulement le nouveau Cabinet n'a fourni aucun prétexte à une action dirigée par les États voisins contre l'Empire, mais il a soigneusement évité tout ce qui aurait pu avoir l'air d'une provocation de sa part. S'il s'est vu obligé de prendre des mesures militaires de précaution, et de [les] prendre d'urgence, c'est uniquement à la suite des nouvelles inquiétantes venant surtout de la Bulgarie, où le Gouvernement risquait de ne pouvoir enrayer l'effervescence belliqueuse provoquée dans les masses par des agitateurs dangereux. Quant aux manoeuvres, dont on a cherché à dénaturer le caractère et la portée, elles se réduisent à des exercices d'entraînement qui n'ont rien d'anormal et qui [1] sont exécutés séparément...[2] surtout en raison de la convocation annuelle des rédifs. Il ne reste donc évidemment comme motif à leurs préparatifs de guerre que le simple désir desdits États de satisfaire leurs ambitions particulières au mépris du droit des gens, des principes humanitaires et des intérêts de la paix générale. En signalant cet état de choses à la plus sérieuse attention des Grandes Puissances, le Gouvernement Impérial Ottoman croit de son devoir de les prévenir qu'en présence de l'attitude manifestement agressive des États susdits, il réserve toute sa liberté d'action, convaincu que le monde civilisé ne manquera pas de rendre justice à son attitude, dont la modération en général ne peut exclure la dignité ni les soucis de sauvegarder sa sécurité et ses droits.

Перевод.

Его прев-во Габриэль-эффенди его прев-ву Турхан-паше, Константинополь, 2 октября/19 сентября 1912 г.

Высокая Порта получила сообщение от своих дипломатических представителей в Болгарии, Сербии и Греции, что в этих трех государствах одновременно изданы указы об общей мобилизации; что же касается Черногории, то ее агрессивные намерения и мероприятия уже были общеизвестны. Здесь очевидна единовременность действий, которая не может быть объяснена иначе, как проведением в жизнь заранее согласованного плана. Императорское оттоманское правительство наблюдало и ранее признаки этого и следило за ними со всем вниманием, которого требует их значение. Но до последних дней оно отказывалось верить, что безо всякого повода с его стороны коалиция вышеуказанных государств может приобрести угрожающий характер. Императорское оттоманское правительство, озабоченное в первую очередь тем, чтобы обеспечить развитие мероприятий нового режима, и вдохновленное наилучшими намерениями, постоянно старалось следовать по отношению к балканским государствам политике мирной, примирительной и даже во многих случаях проникнутой долготерпением, которое только недоброжелательность могла истолковать как признак слабости. Было бы излишне напоминать все те случаи, при которых новый кабинет проявил исключительное терпение в ответ на провокации беспокойных элементов, ободряемых попустительством, если не соучастием... Он даже великодушно избегал придавать излишнее значение попыткам указанных государств незаконно вмешиваться во внутренние дела Империи, считая, что единственный ответ, который может быть на это дан, это изучать, в соответствии и в выполнение своей программы, наиболее действенные меры, подлежащие принятию, чтобы без промедления удовлетворить признанные им обоснованными и законными просьбы и требования различных народностей, населяющих Империю. Новый кабинет не только не подал никакого повода для направленных против Империи действий соседних государств, но он старательно избегал всего, что могло бы иметь характер вызова с его стороны. Если он был вынужден принять военные меры предосторожности и принять [их] в срочном порядке, то исключительно вследствие угрожающих сведений, получаемых главным образом из Болгарии, где правительство рисковало оказаться не в силах умерить воинственное возбуждение, вызванное в массах опасными агитаторами. Что же касается маневров, характер и значение которых пытались извратить, то они сводятся к обычным военным упражнениям, в которых нет ничего необычного и которые выполняются по частям... главным образом в связи с ежегодным сбором редифов. Очевидно, что в качестве повода для военных приготовлений этих держав остается лишь одно их желание осуществить свои собственные притязания, не считаясь с нормами международного права, принципами гуманности и интересами всеобщего мира. Обращая

---

[1] В Doc. Dipl. в этой фразе слова: «se réduisent... et qui» отсутствуют.

[2] Пропущенные слова в Doc. Dipl. читаются: «par nos divisions» (нашими дивизиями).

самое серьезное внимание великих держав на это положение вещей, императорское оттоманское правительство считает нужным предупредить их, что, ввиду явно агрессивной позиции упомянутых государств, оно сохраняет за собой свободу действий, убежденное в том, что цивилизованный мир без сомнения оценит его позицию, умеренность которой не может исключить чувство собственного достоинства и заботу об обеспечении своей безопасности и своих прав.

№ 856. Временно управляющий министерством иностранных дел министру иностранных дел Сазонову [1].

·/. Телеграмма № 2014 [2]. 2 октября/19 сентября 1912 г.

В случае объявления войны, есть основание полагать, что балканские государства обратятся к нам с просьбой принять защиту их интересов и подданных в Турции.

Со своей стороны полагал бы невозможным отказать в этом славянским государствам. Для того чтобы не навлечь подозрение, что мы работали над сплочением всех четырех государств, представлялось бы желательным обращение Греции к другой державе, например Франции [3].

Прошу ответа.

Нератов.

№ 857. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Телеграмма № 2016 [4]. 2 октября/19 сентября 1912 г.

Для министра.

Получена телеграмма из Лондона № 244 [5] и Вены № 74 [6].

Прихожу к убеждению, что развитие событий требует скорейшего приступа к деятельным переговорам с венским кабинетом на почве конкретного предложения локализации войны и заявления воюющим сторонам о недопустимости нарушения территориального status quo.

Ввиду того что достижение такого рода соглашения потребует времени, не признали ли бы вы возможным снабдить соответствующими указаниями нашего посла в Вене и министерство. Опасаюсь, что отсрочка до вашего возвращения сюда была бы рискованна [7].

Определенное выяснение позиции Австрии было бы существенно важно для направления дальнейших наших усилий как в области политической, так и в вопросах, связанных с охраной наших интересов, и соответствующей разработки военно-морских мероприятий.

Из предварительных данных можно заключить, что высадка двух наших корпусов в болгарские порты при обеспечении ее свободы потребовала бы два месяца.

[Нератов.]

---

[1] Публикуемая тел. адресована в Париж.

[2] Лит. копия. Опубл. М., стр. 279.

[3] Тел. от 2 окт./19 сент. за № 749 М. Гирс сообщал Нератову, что серб. представители в Салониках и Ускюбе обратились к росс. консулам, «ходатайствуя о принятии на себя защиты сербских интересов в случае объявления войны». Полагая, что с подобной же просьбой обратятся болгары и черногорцы, Гирс просил соответственных указаний. «Вместе с тем, — добавлял Гирс, — был бы весьма признателен вашему превосходительству, если бы вы сочли возможным расположить Францию или Великобританию взять на себя заведывание греческими интересами. Опасаюсь, что наши консулы будут иначе обременены чрезмерной работой».

[4] Опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 26.

[5] См. № 844.

[6] См. № 846.

[7] В царск. экз. последующая часть тел. опущена.

№ 858. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

¹/. Телеграмма № 212[1]. Париж[2], 2 октября/19 сентября 1912 г.

Копия в Вену, Константинополь, Лондон и Рим.

Телеграфирую в Берлин:

Виделся с Пуанкаре, который высказал мне мысль, что если бы совместное выступление пяти держав в балканских столицах и Константинополе оказалось невозможным, его можно было бы заменить двойственным выступлением России и Австрии в качестве не только двух наиболее заинтересованных держав, но как бы представителей обеих европейских групп[3]. Я заявил министру иностранных дел, что мы готовы сделать либо вдвоем с Австрией от имени Европы, либо совместно со всеми державами представления балканским государствам, дабы поставить их в известность, что державы не могут допустить нарушения мира, что они намерены сохранить status quo и локализовать войну, если она возгорится, причем державы, приступившие к мобилизации, не могут рассчитывать ни на какое территориальное приращение. К этому я присовокупил, что, по моему убеждению, представления эти могут увенчаться успехом лишь в том случае, если державы будут готовы способствовать осуществлению реформ в пользу балканских народностей. Пуанкаре телеграфирует о вышеизложенном в Берлин. Благоволите немедленно объясниться по содержанию настоящей телеграммы со статс-секретарем и о результате телеграфировать сюда.

Сазонов.

№ 859. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

¹/. Телеграмма № 213[4]. Париж, 2 октября/19 сентября 1912 г.

Телеграфирую Бенкендорфу:

Крит.

Пуанкаре и я полагаем, что раз Турция расположена согласиться на назначение верховного комиссара и закрыть глаза на предварительное официозное обращение по сему поводу к греческому королю[5], то следует вновь просить Англию присоединиться к этой комбинации. Великобританский посол передал сегодня г. Пуанкаре ноту, в коей обсуждается предположение о десантах держав-покровительниц в случае, если критские депутаты будут допущены в греческий парламент[6]. Пуанкаре и я считали бы возможным прибегнуть к этой крайности лишь после попытки осуществить предположение о назначении верховного комиссара. Пуанкаре телеграфирует в вышеизложенном смысле французскому послу в Лондоне[7].

Сазонов.

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 10, с сокращениями, и М., стр. 278.

[2] Со 2 окт./19 сент. до 7 окт./24 сент. Сазонов находился в Париже.

[3] Ср. № 814.

[4] Опубл. Stieve, II, S. 266, N 459.

[5] Ср. стр. 232, прим. 2.

[6] Тел. от 2 окт./19 сент. за № 102 Шебунин сообщил о получении англ. ген. консулом предписания «сделать совместно с остальными предупреждение критскому правительству, что присутствие их депутатов в греческом парламенте вызовет оккупацию острова». (Ср. № 772.)

[7] Ответной тел. от 4 окт./21 сент. за № 248 (опубл. Stieve, II, S. 273, N 474) Бенкендорф сообщал Сазонову (копия Нератову): «Ввиду того, что Камбону было поручено подобное же выступление, а я еще не могу выходить, я уполномочил своего французского коллегу предупредить Никольсона, что имею аналогичное предписание. Никольсон ответил, что, по весьма определенно выраженному мнению Лоутера [англ. посла в К-поле], если указанный образ действий и мог быть принят в Константи-

№ 860. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

Письмо. 2 октября/19 сентября 1912 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Если имеющая у нас в настоящее время место пробная мобилизация, вызвавшая призыв чинов запаса некоторых пограничных с Германией и Австрией уездов [1], не была предпринята ввиду каких-либо специальных целей увеличения боевой готовности, а лишь как проверочное занятие для известных частей войск, то нельзя не признать, что мера эта пала, по случайности, на крайне неблагоприятную пору. Это дало повод враждебно против нас настроенной части германской прессы делать ряд предположений относительно характера названной меры и даже ставить ее в связь с начавшейся днем позже действительной мобилизацией балканских государств.

Имею честь представить у сего на воззрение вашего высокопревосходительства копии секретной телеграммы моей на имя г. управляющего министерством иностранных дел от [29] 16 сего сентября за № 114 [2] и сообщенной мне в ответ секретной телеграммы гофмейстера Нератова за № 1973 [1]. Содержащимся в ней разъяснениям я дал надлежащее распространение через редакцию газеты, обратившейся ко мне первоначально с тревожной телеграммой своего корреспондента из Варшавы. Подобные же разъяснения появились одновременно, благодаря однородному сообщению С.-Петербургского телеграфного агентства, непосредственно из С.-Петербурга [3]. Все эти старания рассеять неосновательные первоначальные толкования возымели свое действие, и сегодня умеренные газеты приводят как лучшее доказательство миролюбивых намерений русского правительства тот факт, что Турция при объявленной ею [1 октября] 18 [сентября] вечером мобилизации своей армии [4] исключила именно те части ее, которые расположены вдоль русско-турецкой границы.

Примите и пр.

А. Броневский.

№ 861. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел.

Письмо. 2 октября/19 сентября 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Полученное здесь 30/17 сентября известие о мобилизации, объявленной Болгарией, Сербией и Грецией, явилось, если верить словам г. Кидерлен-

---

нополе неделю или две назад, то в настоящее время он уже не имеет никаких шансов на успех». В тел. от 5 окт./22 сент. за № 250 (опубл. Stieve, II, S. 275, N 479) Бенкендорф сообщал, что тот же ответ был дан Никольсоном советнику росс. пос-ва Эттеру.

[1] См. № 823.

[2] См. № 815.

[3] В газете «Новое время» № 13118 от 1 окт./18 сент. появилось под заголовком «По поводу мобилизации» следующее сообщение:

«В некоторых органах заграничной современной печати появились сведения тревожного характера по поводу объявленной 30/17 сентября в некоторых местностях Империи пробной мобилизации. Из самого достоверного источника нам сообщают, что вопрос о пробной мобилизации был предрешен правительством еще весной т. г. Высочайший указ о производстве этой мобилизации последовал в августе с. г., и таким образом принятая теперь мера, подобно всем пробным мобилизациям, обычно объявляемая для проверки деятельности подлежащих учреждений, не находится ни в какой связи с напряженным положением на Ближнем Востоке. Чисто опытный характер предпринятой мобилизации подтверждается еще тем, что население местностей, где она объявлена, даже не призвано к выполнению военно-конской и военно-повозочной повинностей».

[4] См. № 853.

Вехтера, сказанным одному из моих коллег, несколько для него неожиданным. Подобное объяснение представляется впрочем единственно естественным после обнаруженного здешним министерством иностранных дел до самого последнего момента непоколебимого оптимизма, о котором я имел честь доносить еще третьего дня [1].

Берлинская биржа немедленно реагировала на тревожное известие довольно значительным падением курсов; так, горнопромышленные предприятия подались на 10%, акции пароходных обществ на 7%, большинство банков на 4%; понижение это продолжается и сегодня.

Ваше высокопревосходительство уже изволите знать из секретной телеграммы моей, вчера же отправленной в Лондон за № 120 [2], что сказал мне статс-секретарь по поводу надвигающихся событий. Отметив проявленную им накануне готовность присоединиться к предложению вашему относительно одновременного воздействия на Порту — в смысле удаления войск от границы, и на балканские правительства — чтобы отсоветовать мобилизацию, г. Кидерлен указал на то, что события перегнали ныне все предвидения; шансы мирного улажения конфликта за последние сутки настолько уменьшились, что державам пора бы вступить в обмен мнений относительно того, каким образом могло бы быть локализировано военное столкновение на Балканах, — повидимому, неизбежное; Германия, как он говорил ранее (секретные телеграммы мои от [18] 5, [19] 6 и [27] 14 сего сентября за №№ 97 [3], 98 [4] и 106 [5]), готова спешно обсудить всякое к этой цели клонящееся предложение; она ожидает, не будет ли таковое сделано вашим высокопревосходительством по совещании с г. Пуанкаре. На мой вопрос, не имеет ли он в виду сам предложить какую-либо меру на общее обсуждение, мой собеседник ответил отрицательно, ссылаясь на отсутствие у Германии как прямых интересов на Балканах, так и того знания до тонкости тамошнего положения, коим, по его мнению, обладают лишь Россия и Австро-Венгрия. Я вынес из разговора впечатление, что статс-секретарь (совещавшийся, кстати сказать, в полдень с канцлером) относится довольно равнодушно к предстоящему на Балканах кровопролитию, но желал бы зато быть теперь же обеспеченным, что Германия не окажется втянутой Австрией в конфликт; поэтому он с нетерпением ждет, что предложит Россия в смысле мер локализации столкновения, и если меры эти будут, по его мнению, в достаточной степени приемлемы для Австрии, то он возьмет на себя убедить союзницу на них согласиться.

После того как я обещал статс-секретарю довести его слова до сведения вашего высокопревосходительства, разговор принял более частный характер: г. Кидерлен с усмешкой упомянул о широковещательном проекте будущей администрации островов Эгейского моря, по поводу чего к нему являлся греческий поверенный в делах [6]; на его упоминание о чрезмерных греческих аппетитах я позволил себе высказать скромное мнение, что было бы большой ошибкой прислушиваться в настоящее время к

[1] Повидимому, имеется в виду тел. Броневского от 1 окт./18 сент. за № 123, в которой он сообщал: «Из разговоров статс-секретаря со мной и коллегами выношу впечатление, что здесь крайне равнодушны к балканским событиям. Озабочивает скорее дальнейшее отношение к ним России и Австрии благодаря опасениям быть самим втянутыми в конфликт».

[2] В тел. от 1 окт./18 сент. за № 120, копия которой была послана Нератову в тот же день за № 121 (опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 26), Броневский сообщал Сазонову, что Кидерлен заявил ему о своей готовности «обсудить всякое предложение, имеющее целью локализацию надвигающегося на Балканах конфликта или, если то еще возможно, предотвращение оного. Он не берет на себя никакой инициативы, ожидая таковой со стороны России и Австрии».

[3] См. стр. 226, прим. 2.

[4] См. № 709.

[5] Лит. копия тел. Броневского за № 106 датирована 28/15 сент. (см. № 799).

[6] Ср. № 728

пожеланиям греков относительно Крита, так как это значило бы сводить вопрос реформ в турецких областях к вопросу территориального приращения и стать, следовательно, на самый опасный и скользкий путь.

Желая по возможности выяснить отношение статс-секретаря к мерам не локализации, а предотвращения самого столкновения, я воспользовался характером, который принял наш разговор, чтобы поставить несколько вопросов, указав наперед, что говорю в данном случае совершенно частным образом, вне какого бы то ни было поручения. Из мер, которые сами собой напрашиваются на ум и которые я назвал, не вызвали с его стороны никаких возражений морские меры, уже не раз принимавшиеся против Греции, — блокада ее портов и греческого флота, во избежание помехи международной торговле, — возможность закрытия Турцией Проливов, вследствие нападения на них и т. д. Но тут же г. Кидерлен оговорил, что он не сочувствует возникшему, будто бы, у Франции предположению — предпринять ряд отдельных, по державам, морских демонстраций в различных пунктах Эгейского моря (я не мог выяснить, почему он назвал это предложение французским, так как спрошенный мной после г. Камбон заверил меня, что слышит о нем впервые). Также не вызвало критики статс-секретаря предположение об объявлении державами, что, в случае возникновения войны, никакие территориальные изменения державами не будут допущены и санкционированы; мне кажется, что заявление в этом смысле, в связи одновременно с какой-либо формулой касательно невмешательства держав в конфликт, — было бы принято здесь без малейшего колебания. Что все здешние помыслы направлены именно на эту последнюю задачу — локализацию конфликта — явствует также из представляемого у сего в газетной вырезке сообщения, появившегося в сегодняшней «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» и исходящего из министерства иностранных дел [1].

Примите и пр.

А. Броневский.

№ 862. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 135. 2 октября/19 сентября 1912 г.

Копия в Париж министру.

В здешнем дипломатическом корпусе, в том числе у германского и австрийского посланников, а также у представителя «Times», господствует мнение, что война могла бы быть еще избегнута, если бы державы спешно пришли к соглашению и объявили бы о коренном переустройстве Македонии под их гарантией с христианскими администраторами, но для этого осталось максимум 8 дней, ибо, закончив мобилизацию и придвинув войска свои к границе, болгары ни за что не будут ждать увеличения боевой готовности Турции. Прибавлю от себя, что попытки изолировать Болгарию,

[1] В статье от 3 окт./20 сент. германский официоз писал о возможности возникновения войны и усилиях держав, направленных к сохранению мира. «Если бы, к сожалению, эти усилия оказались тщетными, — писала «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», — все же и в этом случае для германских интересов не было бы повода к непосредственному беспокойству. Тем более есть определенная надежда, что возможный конфликт будет локализован. Последние события, как указано, увеличили вероятность конфликта. Но с возможностью такового европейские кабинеты должны были уже с некоторого времени считаться. Они имели достаточно времени договориться между собой относительно позиции, которую следует им занять в таком случае. При твердой воле всех держав не допускать распространение конфликта не может не быть достигнута окончательная договоренность. Если, таким образом, нельзя отрицать возможности столкновения на Балканах, то следует твердо надеяться, что распространение пожара, в который могли бы быть вовлечены европейские великие державы, будет избегнуто».

застращивая ее союзников, приведут только к озлоблению болгар против держав и никоим образом не остановят их от нападения на Турцию, так как они совершенно уверены, что при первой пролитой крови сербы и греки двинутся за ними.

Неклюдов.

№ 863. Поверенный в делах в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 64. 2 октября/19 сентября 1912 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 53 [1].

Крит.

Министр иностранных дел в разговоре о критских делах высказался в том смысле, что греческое правительство в случае проведения державами предлагаемого ими режима королевского комиссара, считает себя связанным обещанием не допускать критских депутатов в афинскую палату. В противном случае правительство сочтет себя от этих обязательств свободным.

Урусов.

№ 864. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 753. 2 октября/19 сентября 1912 г.
Лично.

Ссылаюсь на строго доверительное письмо от [30] 17 сентября [2]. Здешний германский посол продолжает прилагать все усилия к примирению Турции и Италии. Еще сегодня он посетил Киамиля, на которого он жаловался мне, как на единственного члена совета министров, противящегося заключению мира. Сегодня же утром он убеждал Ногара, что итальянцам необходимо притти возможно скорее к соглашению с Турцией, «дня через три-четыре. Если произойдет вмешательство Европы, — турки ни за что вам не уступят». Распространившийся днем в городе слух о состоявшемся заключении мира способствовал заключению биржи при твердом настроении.

Гирс.

№ 865. Генеральный консул в Канее временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 101. 2 октября/19 сентября 1912 г.

По полученным нами сведениям, критское правительство, вследствие полученных из Греции сообщений, приступило к спешным военным приготовлениям. Приглашенные в совет генеральных консулов члены правительства заявили сегодня: 1) афинский кабинет телеграфировал им вчера об объявлении в Греции мобилизации; 2) вследствие сего здесь тоже был изготовлен декрет о мобилизации резервистов всех пяти призывов, каковой будет опубликован сегодня же вечером; 3) в случае войны Греции с Турцией критское правительство решило принять в ней официальное участие, которое выразится в отправке в распоряжение королевства

[1] См. № 705.
[2] См. № 836.

всей милиции и ее резервов с полным вооружением и военными припасами и в снабжении оружием и одеждой отрядов и единичных добровольцев, отъезду которых вообще будет оказывать всякое содействие. На это от имени присутствовавших английского и французского коллег и моего я заявил, что приготовления критян и их намерения находятся в противоречии с международным положением острова и, несомненно, вызовут неодобрение и противодействие держав-покровительниц и что, немедленно донося о происходящем нашим правительствам, мы теперь же привлекаем самое серьезное внимание критян на возможное значение и, может быть, непоправимые последствия предпринимаемого ими шага, вся ответственность за который ложится на правительство. Последнее ответило, что изменить своего решения оно не может и ручаться[1] (за то), что до объявления войны Грецией оно ни людей, ни припасов отправлять с острова не будет. По нашему внутреннему убеждению, если война действительно начнется, всеобщее возбуждение обстоит[2] так сильно и единодушно, что для удержания критян от исполнения их намерения необходимо было бы не только увеличить число наших судов, но еще прекратить сообщение критян с Грецией на судах под греческим флагом. Кроме того надо иметь в виду, что, при настоящих обстоятельствах, всякие насильственные мероприятия держав будут встречены критянами не так пассивно, как в разных случаях за последние годы, а могут вызвать дружное и отчаянное сопротивление. Коллеги телеграфируют в этом же смысле.

Шебунин.

№ 866. Памятная записка английского посольства в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

3 октября/20 сентября 1912 г.

D'après un télégramme du consul général d'Angleterre à la Canée les représentants des Puissances Protectrices auraient invité le Gouvernement crétois à fournir des explications quant aux préparatifs qui seraient en train d'être faits dans l'île de prêter main forte à la Grèce en cas de guerre. Le Gouvernement aurait fait savoir aux représentants que dans le cas où la guerre entre la Turquie et la Grèce éclaterait, toute la milice crétoise serait envoyée au secours de celle-ci. Il y aurait des milliers de volontaires qui seraient tous pourvus d'armes par le Gouvernement crétois. Cependant ils ne quitteraient pas l'île avant la déclaration de la guerre. Toute la Crète serait unanime et le devoir et le patriotisme envers la Grèce devraient l'emporter sur toutes autres considérations.

Les représentants des Puissances sont d'avis que dans un cas de guerre le meilleur moyen d'empêcher le départ de ces Crétois serait de déclarer la Crète en état de blocus en tant qu'il s'agit de vaisseaux portant le drapeau grec ou crétois, et d'augmenter les forces navales dans les eaux crétoises afin de rendre un tel blocus efficace.

Le Gouvernement de Sa Majesté britannique se range à cet avis et se plaît à espérer que le Gouvernement impérial ne verrait pas d'objections à y envoyer des vaisseaux de guerre dans le but de rendre le blocus aussi efficace que possible. Le Gouvernement de Sa Majesté britannique propose que les Puissances Protectrices avertissent en même temps le Gouvernement crétois que celles-ci entendent que la neutralité crétoise soit observée. Du reste, si la guerre éclate aux Balkans, l'excitation en Crète sera universelle et la situation intérieure deviendra difficile et dangereuse. En outre, les dépôts

[1] Так в оригинале. Повидимому, следует читать: «но ручается».
[2] Так в оригинале.

d'armes dans l'île suffiront à armer de nombreux volontaires et le Gouvernement de Sa Majesté britannique est d'opinion que dans le cas où une occupation de l'île s'imposerait, la force à la disposition des Puissances devrait être considérable.

Перевод.

Согласно телеграммы английского генерального консула в Канее, представители держав-покровительниц запросили у критского правительства объяснений касательно приготовлений, которые, повидимому, проводятся на острове для оказания вооруженной помощи Греции в случае войны. Правительство уведомило представителей [держав], что в случае войны между Турцией и Грецией вся критская милиция будет послана на помощь этой последней. Найдутся тысячи добровольцев, которых, всех без исключения, критское правительство снабдит оружием. Однако они не покинут острова до объявления войны. Все критяне будут единодушны, и чувство долга и патриотизма по отношению к Греции должно будет взять верх над всеми остальными соображениями.

Представители держав полагают, что в случае войны лучшим средством воспрепятствовать отъезду этих критян было бы объявление блокады Крита по отношению к судам под греческим или критским флагом и увеличение морских сил в критских водах, чтобы сделать эту блокаду эффективной.

Правительство его британского величества разделяет этот взгляд и надеется, что императорское правительство не будет иметь возражений против посылки туда военных судов, чтобы сделать блокаду насколько возможно эффективной. Правительство его британского величества предлагает, чтобы державы-покровительницы одновременно уведомили критское правительство, что они требуют, чтобы нейтралитет Крита был соблюден. Впрочем, если на Балканах вспыхнет война, возбуждение на Крите станет всеобщим и внутреннее положение затруднительным и опасным. Кроме того, запасов оружия на острове достаточно для вооружения большого количества добровольцев, и правительство его британского величества полагает, что в случае, если оккупация острова станет необходимой, державы должны располагать для этого значительными силами.

№ 867. Временно управляющий министерством иностранных дел министру иностранных дел Сазонову[1].

Телеграмма № 2023[2]. 3 октября/20 сентября 1912 г.

№ 2[3].

Мы ожидаем вероятного начала военных действий между Турцией и четырьмя балканскими государствами в ближайшем будущем.

Не подлежит сомнению, что Порта пойдет на все условия, требуемые Италией для заключения с ней предварительного мира. Ввиду этого казалось бы в интересах Италии не показывать слишком большой уступчивости в вопросе денежного вознаграждения.

Чем меньше ресурсов будет у воюющих сторон, тем больше шансов будет если не предотвратить войну, то хотя бы сократить ее продолжительность, что соответствует интересам Италии, как и всех остальных держав.

Не сочтете ли возможным в самой доверительной форме объясниться с итальянским правительством в указанном смысле.

Нератов.

---

[1] Публикуемая тел. адресована в Париж.
[2] Царск. экв. Опубл. Stieve, II, S. 268, N 462.
[3] В тот же день Нератов телеграфировал Сазонову за № 2024 (№ 1) (опубл. Stieve, II, S. 268, N 463): «В телеграмме № 2 сообщается проект инструкции нашему послу в Риме. Благоволите, если одобрите содержание, передать телеграмму № 2 в Рим».

№ 868. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 2025. 3 октября/20 сентября 1912 г.

Для министра.

Сообщается в Рим, Вену и Константинополь.

Итальянский поверенный в делах сообщил мне, что переговоры с Решидом [1] остались безрезультатны, так как последний не имел никаких полномочий. Римский кабинет оповещает через своих представителей держав, что он дает Порте 8-дневный срок для заключения мира, после чего, если соглашение, хотя бы секретное, не состоится, Италия сочтет нужным усилить военные действия и сочтет себя свободной в выборе места, куда направить удар. На мое замечание, что Италия, повидимому, отступает от прежнего намерения не распространять военных действий на Балканский полуостров, г. Торретта выразил личное мнение, основанное на знакомстве с общим направлением, коего до сих пор придерживалось его правительство, что намерение это сохранит, вероятно, свою силу, ввиду того что локализация войны Турции с балканскими государствами соответствовала бы видам римского кабинета. По словам г. Торретта, Италия непоколебима в требовании признания своего суверенитета в Триполи, но склонна к широкой сговорчивости в остальных пунктах.

[Нератов.]

№ 869. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 2026 [2]. 3 октября/20 сентября 1912 г.

Для министра.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 1961 [3].

Английский посол передал мне aide-mémoire, в коем его правительство предлагает морскую блокаду Крита и одновременное заявление критскому правительству державами-покровительницами требования соблюдать нейтралитет. В записке указывается на необходимость державам располагать значительными силами для высадки в случае беспорядков [4].

Полагал бы, что мы можем согласиться на морскую блокаду и нейтрализацию Крита. Что касается военной оккупации, нельзя не принять во внимание, что, по словам Шебунина, всеобщее возбуждение так сильно и единодушно, что насильственные мероприятия держав могут вызвать дружное и отчаянное сопротивление [5].

Быть может, роль десанта могла бы ограничиться охраной безопасности мусульманского населения, сосредоточенного в прибрежных городах.

Нератов.

Теперь следовало бы махнуть рукой на Крит! Пусть он присоединяется к Греции; другого решения нет.

Спала, [7 октября] 24 сентября 1912 г.

---

[1] В тел. от 25/12 сент. за № 700 (номер повторяется; см. стр. 284, прим. 2) М. Гирс сообщал, что турец. м-р торговли Решид-паша «выехал вчера в Италию на свидание с Джиолитти или Сан-Джулиано. Изъявляя согласие на прием турецкого представителя, итальянское правительство ставило условием, чтобы разговор не касался декрета 5 ноября 1911 г.».

[2] Опубл. М., стр. 279.

[3] См. № 809.

[4] См. № 866.

[5] См. № 865.

№ 870. Временно управляющий министерством иностранных дел военному министру Сухомлинову.

Письмо № 608. 3 октября/20 сентября 1912 г.
Секретно. Спешно.

М. г. В[ладимир] А[лександрович],

Письмом от [1 октября] 18 сего сентября № 2334 [1] вашему высокопревосходительству угодно было поставить вопрос о том, какие задачи министерство иностранных дел считает необходимым предъявить военному министерству в связи с настоящим тревожным положением на Балканах.

Вследствие сего считаю долгом высказать вам, что со своей стороны полагал бы крайне желательным совместное совещание с представителями военного и морского ведомств по общим вопросам, выдвигаемым на очередь, в ближайший день, когда это было бы удобнее для вашего высокопревосходительства.

Такое совещание дозволило бы министерству иностранных дел с большей определительностью выяснить себе условия поддержки со стороны наших военно-морских сил, на которые оно может рассчитывать при данных обстоятельствах.

Близкая и последовательная осведомленность в ходе последних событий, о коей вы изволили упомянуть в упомянутом письме, исключала до сих пор для министерства иностранных дел задачу представлять военному ведомству о необходимости для нас быть готовыми ко всякого рода осложнениям и случайностям. Тем не менее на очередь несомненно выдвигается вопрос о необходимости возможно большего согласования действий трех ведомств для возможного предотвращения всякого рода фактов, способных внести новые осложнения в нынешнюю политическую обстановку.

В качестве примера позволю себе указать на срок объявления частичной пробной мобилизации [2], на которую раньше, при менее тревожных обстоятельствах, состоялось высочайшее соизволение.

Совпав с известием о мобилизации в балканских государствах, известие это вызвало недоверие в Австрии и Германии и пробудило неосновательные надежды среди балканских государств, чем, без сомнения, осложнилась наша задача внести умиротворение в существующее положение.

Я не позволил бы себе упомянуть об этом вопросе, ввиду осведомленности военного министерства о возможности возникновения в непродолжительном времени крупных осложнений на Балканском полуострове, если бы меня не побуждала к тому высказанная вами мысль о необходимости определения связанных с этим задач, к каковой мысли я, со своей стороны, всецело присоединяюсь [3].

Примите и пр. [Нератов.]

№ 871. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 214. Париж, 3 октября/20 сентября 1912 г.

Сообщил в Константинополь:

Ввиду возможности военных действий в Черном море, полагаю необходимым ныне же обсудить способы для предупреждения ущерба, который

---

[1] См. № 854.

[2] См. № 823.

[3] В ответном письме от 4 окт./21 сент. за № 2354 Сухомлинов указывал, что он считает желательным назначить совместное совещание представителей министерств ин. дел, военного и морского на 24 или 25 сент. ст. ст. В письме от 6 окт./23 сент. за № 615 Нератов сообщал Сухомлинову, что «за последние дни, в связи с ведущимися нами переговорами, министерством иностранных дел получены сведения, указывающие на совершенно новый оборот, который могло бы принять как общее политическое положение, так и связанные с ним меры, которые нам надлежало бы принять», и предлагал отсрочить созыв совещания до возвращения Сазонова.

может быть нанесен последними нашей торговле. Считая предлагаемую Неклюдовым посылку нашей эскадры в Бургас [1] совершенно нежелательной с общеполитической точки зрения, думаю, что лучшим средством было бы дружественное обращение к Турции с указанием на необходимость для нее, во внимание к интересам нейтральных держав, отказаться от военных действий в Черном море, подобно тому, как Италия отказалась от таковых в Адриатике [2]. Благоволите по тщательном изучении затронутого вопроса сообщить мне ваше заключение прежде, чем предпринять какое-либо сношение с турецким правительством по этому поводу [3].

Сазонов.

№ 872. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁻/. Телеграмма [4]. 3 октября/20 сентября 1912 г.

Communiqué au Ministre.

Le Roi de Grèce a reçu ce matin les Ambassadeurs des Puissances. Dans l'entretien avec moi, Sa Majesté a exprimé la pensée personnelle qu'il serait peut-être possible encore de conjurer la guerre si les Grandes Puissances s'adressaient d'une part à la Porte, en l'engageant à faire connaître son intention d'appliquer les réformes demandées, d'autre part que la Bulgarie, la Serbie, la Grèce et le Monténégro soient invités à déclarer aux Grandes Puissances leurs sentiments au sujet des réformes dont il est question, pour bien marquer qu'on ne les tient pas à l'écart des pourparlers. On sauvegarderait ainsi leur amour-propre. On aurait dû également inviter la Turquie et les quatre pays balkaniques à démobiliser simultanément une fois cette consultation générale admise. Sa Majesté a parlé dans ce même sens à mon collègue français, tout en ajoutant que la Grèce ne voulait pas de mobilisation dans les circonstances présentes, mais le Gouvernement grec a eu la main forcée par la Bulgarie et la Serbie. Pour ce qui est de la Crète et de l'Archipel, le Roi se réfère entièrement à son entretien avec M. Poincaré [5], qui semblait ne pas être hostile au point de vue du Roi. Sa Majesté a prié l'Ambassadeur de France à Berlin et l'Ambassadeur de France à Vienne de rappeler à Poincaré cet entretien. Selon Sa Majesté la mobilisation générale actuelle aurait pour résultat de précipiter la signature de la paix entre l'Italie et la Turquie, car la Turquie acceptera toutes les conditions pour ne se trouver en face que des quatre Puissances balkaniques. À la suite des entretiens du Roi avec l'Empereur d'Autriche et le Ministre des Affaires étrangères d'Autriche Sa Majesté est convaincue que le Cabinet de Vienne est pacifique et ne désire pas se séparer des Grandes Puissances.

Giers.

---

[1] См. стр. 317, прим. 7.

[2] См. т. XVIII, №№ 683 и 714.

[3] Тел. от 4 окт./21 сент. за № 765 М. Гирс сообщал Сазонову (копия Нератову), что, по его мнению, «трудно побудить Порту отказаться от военных действий в Черном море, не гарантировав ей безопасности плавания ее транспортовых судов, имеющих доставить в Европейскую Турцию войска Северной Анатолии. Она опасается нападения на эти транспорты семи болгарских миноносцев и поэтому, вероятно, направит свои усилия к тому, чтобы их уничтожить». «К тому же, — добавлял Гирс, — болезненно возбужденное общественное мнение в Турции не преминет связать требование об отказе от военных действий в Черном море с вопросом о Проливах, что при настоящих обстоятельствах я считал бы несвоевременным».

[4] Номер отсутствует.

[5] Тел. от 30/17 сент. за № 210 (опубл. Stieve, II, S. 264, N 455) Извольский сообщал, что, по мнению Пуанкаре, «державы-покровительницы могли бы, прежде назначения временного комиссара, сговориться с королем Георгом о кандидатуре официозным образом и не упоминая об этом в сношениях с Портой». Извольский добавлял, что «во время недавнего своего пребывания в Париже король Георг дал понять Пуанкаре, что подобная комбинация была бы для него приемлема».

Перевод.

Сообщено министру.

Греческий король принял сегодня послов держав. В беседе со мной его величество выразил личное мнение, что, быть может, было бы еще возможно предотвратить войну, если бы, с одной стороны, великие державы обратились к Порте с предложением объявить о своем намерении провести требуемые реформы, а с другой стороны, если бы Болгарии, Сербии, Греции и Черногории было предложено высказать великим державам свое мнение относительно упомянутых реформ, чтобы ясно показать, что их не отстраняют от переговоров. Таким образом их самолюбие было бы пощажено. Если последует согласие на это общее обсуждение, следует также предложить Турции и четырем балканским странам одновременно произвести демобилизацию. В том же смысле его величество говорил с моим французским коллегой, добавив, что при настоящих обстоятельствах Греция не хотела мобилизации, но она вынуждена была к этому Болгарией и Сербией. Что касается Крита и Архипелага, то король ссылается полностью на свою беседу с г. Пуанкаре, который, повидимому, не возражал против точки зрения короля. Его величество просил французского посла в Берлине и французского посла в Вене напомнить Пуанкаре об этой беседе. По мнению его величества, общая мобилизация в настоящий момент ускорит подписание мира между Италией и Турцией, потому что Турция примет любые условия для того, чтобы не иметь еще другого противника, кроме четырех балканских государств. Из своих бесед с австрийским императором и с австрийским министром иностранных дел его величество вынес убеждение, что венский кабинет настроен миролюбиво и не желает действовать отдельно от великих держав.

Гирс.

№ 873. Военный агент в Болгарии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 138. 3 октября/20 сентября 1912 г.

За период времени с [7 сентября] 25 августа по [3 октября] 20 сентября не было курьера, вследствие чего я был лишен возможности доносить подробно о происходящих здесь событиях и должен был ограничиться лишь посылкой телеграмм. Сегодняшний курьер отправляется спешно, что позволяет мне изложить общий ход событий в самых общих чертах.

Со второй половины августа здесь начались столь интенсивные приготовления к войне, что они сами по себе доказывали серьезность положения. Приготовления эти, вплоть до объявления вчера общей мобилизации, велись втайне и скрывались от меня штабом армии, вследствие чего приходилось выяснять их агентурным путем. Такой образ действий болгарского правительства, как я донес своевременно, исключал возможность политической буффонады [1]. Наши советы благоразумия действия здесь не имели. Лично я заявил еще в конце августа генералу Фичеву, что рассчитывать на нашу поддержку Болгария не может, и ей придется выступить на свой страх и ответственность. Повидимому, кроме желания использовать балканский блок, болгарское правительство рассчитывает на общественное мнение России, и я вынес впечатление, что Паприков посылал ему из Петербурга обнадеживающие донесения, ибо иначе трудно объяснить то обстоятельство, что все настоятельные представления нашего посланника в Софии о необходимости осторожности впечатления здесь не производили. Этим же до известной степени объясняется и отсутствие здесь опасения агрессивных действий со стороны Румынии.

Заявление турецкого министра иностранных дел болгарскому посланнику в Константинополе о предстоящих маневрах у Адрианополя и известие о сборе в северной Турции редифных дивизий [2] ускорили ход событий и привели к мобилизации армии, объявленной [30] 17 сентября, ибо болгары опасались лишиться своего главного козыря — выигрыша во времени. Царь подписал указ о мобилизации в 1 час дня [30] 17 сентября. Перед

[1] См. стр. 208, прим. 3.
[2] См. №№ 776 и 780.

этим было получено здесь известие о мобилизации греческой армии. В Софии объявление мобилизации было встречено с энтузиазмом, и предстоящая война обещает быть весьма популярной. Штаб армии рассчитывает закончить мобилизацию на 7-й день, а к 15-му — 16-му дню, вероятно, следует ожидать столкновения крупных войсковых масс. Рассчитывать на возможность избежать войны путем политических переговоров теперь, конечно, невозможно. Болгария зашла настолько далеко, что отступления для нее нет.

Полковник Р о м а н о в с к и й.

№ 874. Поверенный в делах в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 33. 3 октября/20 сентября 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Телеграммой от [29] 16 сего сентября за № 60 я имел честь уведомить ваше превосходительство о готовящейся в Греции общей мобилизации [1]. Через сутки, т. е. в ночь с [30] 17 на [1 октября] 18 [сентября], после трехчасового заседания совета министров, выпущен был декрет о созыве запасных всех родов оружия, а также ополченцев Фессалии и Эпира, о чем я известил императорское министерство телеграммой за № 62 [2]. Решение эллинского правительства приступить к мобилизации никого не удивило. Уже давно, с той поры как слухи о соглашении балканских королевств стали проникать в печать и сделались затем общеизвестным фактом, все слои населения стали готовиться к принятой ныне правительством мере и встретили ее с большим воодушевлением. При всем том повсюду в городе наблюдались полнейший порядок и тишина. Впечатление получалось такое, что население всецело проникнуто серьезностью событий и отнеслось к решению правительства с полной достоинства выдержанностью и глубокой верой в его необходимость.

За несколько часов до вечернего заседания совета министров я посетил министра иностранных дел, чтобы сообщить ему инструкции, преподанные мне С. Д. Сазоновым в только что тогда полученной мной телеграмме из Лондона за № 240 [3]. Согласно этим инструкциям, я в самых решительных выражениях убеждал министра не давать увлечь себя в общий вихрь событий и повременить по крайней мере с мобилизацией, каковая сделала бы тщетными усилия держав уговорить Порту не приступать к сосредоточению близ границ редифов. Г. Коромилас принял это к сведению, но никаких заверений мне не дал, а через несколько часов после моего с ним свидания декрет о мобилизации был уже опубликован.

Французский, германский и австрийский поверенные в делах получили те же инструкции, что и я, но уже после объявления мобилизации; они все же воспользовались этим, чтобы преподать министру советы благоразумия и предупредить его о твердом намерении их правительств всецело предоставить союзные балканские государства в предпринятой ими борьбе собственным их силам.

Сегодня на очередном приеме у министра я мог убедиться из разговора с ним, что греческое правительство, как вероятно и правительства остальных балканских королевств, не очень верит в успех турецкого оружия в случае возникновения военных действий. Я указал министру на то, что те сведения, которые он получает от своих агентов касательно численности турецких войск и их вооружения, не совпадают с теми, которые мы и другие державы получаем от наших представителей по этому предмету сами. Кроме того я напомнил ему, что все лето, вплоть до последних дней, наше

---

[1] См. стр. 308, прим. 1.
[2] См. № 830.
[3] См. № 810.

правительство, питая самые лучшие чувства к Греции, предупреждало ее, однако, о том, что как она, так и прочие балканские королевства никоим образом не могут рассчитывать в предпринятом ими выступлении на помощь России, которая все время надеялась добиться от Порты мирным путем проведения необходимых для христианских подданных Турции реформ. Министр возражал на это общеизвестными доводами, в числе которых некоторые сохраняют всю свою силу, как, например, тот, что мирное сожительство и мирное сотрудничество христиан и мусульман в Турции немыслимо.

В дальнейшей беседе г. Коромилас обратил мое внимание на то, что Турция задерживает греческие пароходы, идущие из Одессы с русским товаром [1], и высказал уверенность, что Россия сделает о том энергичные представления Порте.

Коснувшись самосских дел, министр высказал надежду на энергичное заступничество держав в пользу населения острова, которому грозит опасность от насилий со стороны турок.

Перейдя к критскому вопросу, министр выразил сильнейшее негодование по поводу слухов, будто державы собираются вновь занять остров своими войсками [2]. Министр сказал мне, что такая мера переполнит чашу терпения критян, которые способны оказать вооруженное сопротивление державам; степень отчаяния, до которого они ныне дошли, может повести к самым печальным и кровавым последствиям.

Критские депутаты, находящиеся в Афинах, поспешили выразить председателю совета министров все свое одобрение и восторг по поводу объявления мобилизации. Г. Венизелос, принимая депутатов, поблагодарил их за участие в общем патриотическом порыве, выразившемся, между прочим, в предполагаемом присоединении 6 000 критских милиционеров к призванным на службу греческим ратникам.

Палата соберется на-днях для утверждения, согласно закону, декрета о мобилизации. По слухам, весьма возможно, что сейчас же после этого заседания депутаты разойдутся, чтобы вновь собраться, смотря по обстоятельствам, в течение октября, а может быть и позднее.

Не могу умолчать о том характерном факте, что здешний сербский посланник с самого дня объявления мобилизации выказывает чрезвычайно радостное настроение, сменившее ныне привычную ему озабоченность. Как думают коллеги, он убежден в благоприятном для его отечества вмешательстве держав в борьбу и особенно уповает на помощь России, которая воспользуется, по его мнению, благоприятным случаем для вытеснения с Балканского полуострова влияния Австрии.

По только что полученным сведениям, греческое правительство купило в Англии четыре заказанных для Аргентинской республики контрминоносца, которые, будто бы, ныне уже отбыли в греческие воды.

Примите и пр.

С. Урусов.

№ 875. Посланник в Бухаресте временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 72. 3 октября/20 сентября 1912 г.

Получил телеграмму № 1991 [3].

Министр высказался мне сегодня утром крайне пессимистически относительно надежды на сохранение мира на Балканах ввиду возбуждения,

[1] Тел. от 3 окт./20 сент. за № 752 М. Гирс передавал Нератову, что на находящиеся в турец. водах греч. суда наложено эмбарго и в случае объявления войны они «будут использованы для перевозки войск из Анатолии в Европу».

[2] Ср. № 859.

[3] См. № 840.

вызванного всюду известием о мобилизации в Болгарии, Сербии, Черногории и Греции. Г. Майореску вместе с тем заявил мне категорическое намерение Румынии быть спокойной зрительницей надвигающихся событий, невзирая на усиленные старания как со стороны Болгарии, так и Турции привлечь ее на свою сторону. Румыния надеется, — прибавил Майореску, — что державам удастся, в случае открытия военных действий, общими дружескими усилиями локализировать войну, и она, со своей стороны, ничего не предпримет такого, что̀ могло бы помешать или затруднить миролюбивые усилия великих держав. Я (лично) высказался министру иностранных дел в духе вышеозначенной телеграммы вашего высокопревосходительства, при этом особенно настоял на важности полного воздержания со стороны Румынии от всего того, что̀ могло бы еще более обострить настоящее критическое положение, и в особенности от каких-либо демонстраций или вооруженных выступлений против Болгарии. Г. Майореску высказал мысль о возможном предотвращении войны путем выступления государств [с] категоричными требованиями о прекращении мобилизации. Требования эти могли бы, по его мнению, быть предъявлены Россией — Черногории, Австрией — Сербии, Англией или Францией — Греции. Румыния со своей стороны могла бы по поручению держав дружески воздействовать на Болгарию. В словах министра иностранных дел проглядывает постоянно надежда на согласованность нашего образа действий с Австрией и опасение быть поставленной в необходимость открыто стать на сторону той или другой державы. Надо полагать, что Румыния в настоящем кризисе будет руководствоваться главным образом указаниями, получаемыми ею из Берлина и Вены.

Шебеко.

№ 876. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 751 [1]. 3 октября/20 сентября 1912 г.

Копия в Париж.

Германский посол сказал мне, что примирение Турции с Италией уже почти достигнуто. Вчера вечером отсюда было дано оттоманскому уполномоченному в Швейцарии предписание принять итальянские требования, при обязательном условии выплаты Италией Турции от 80 до 100 миллионов франков, на что, по мнению Вангенгейма, Италия не замедлит согласиться. Германский посол считает подробности соглашения весьма выгодными для Турции: в обоих африканских вилайетах устанавливается образ правления, напоминающий введенный в Египте. Турции при этом даже обеспечены некоторые политические права. Очевидно, Турция отказалась от дальнейшего сопротивления Италии в надежде безотлагательно заполучить необходимые средства для ведения войны на первое время. В этих же целях будут, повидимому, использованы доходы Управления Оттоманским долгом, а также отчасти и средства Оттоманского банка [2].

Гирс.

---

[1] Номер повторяется. Ср. стр. 330, прим. 2. Опубл. Ор. кн., стр. 11, и Stieve, II, S. 271, N 469, где тел. помечена N 759.

[2] Дополнительно 4 окт./21 сент. М. Гирс телеграфировал Нератову (копия Сазонову) за № 764: «Из совершенно частных источников узнаю, что итальянцы колеблются уплатить Турции 100 миллионов франков хотя бы за отчуждаемые им Турцией имущества в Ливии, опасаясь нарушить обязанности нейтральной державы в предстоящей схватке между Турцией и четырьмя союзными балканскими государствами. Отсюда, однако, дали знать Консульте, что без этих денег, без которых они воевать не могут, турки на мир не пойдут».

№ 877. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 758 [1]. 3 октября/20 сентября 1912 г.

Копия в Париж.

Продолжение моей телеграммы № 740 [2].

То обстоятельство, что до сих пор не было стычек на границах, дает еще надежду, что время вмешательства великих держав для предупреждения войны еще не совсем упущено. В доверительных частных беседах с послами великих держав я высказал им мнение, представленное мной вам в телеграмме № 740. Все они вполне с ним согласились, говоря, что не находят другого исхода. Последний присоединившийся к нам германский посол доверительно телеграфирует о нем сегодня в Берлин. Я полагал бы, и Вангенгейм согласен со мной, что для внушения большего доверия балканским государствам великие державы могли бы заявить, что, беря в [свои] руки вопрос о реформах, они проведут их в годовой или более короткий срок. Необходимо, однако, достигнуть единодушия и быстроты действия. Для этого полагал бы желательным не говорить теперь ни о мобилизации, ни о реформах, заявив исключительно о недопущении войны и о взятии в свои руки державами вопроса о реформах.

Гирс.

№ 878. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 769. 3 октября/20 сентября 1912 г.

Концессия железной дороги к Урмийскому озеру.

Подгурский пока вступил только в переговоры о железной дороге [3], так как он лишь вчера получил разрешение министра финансов добиваться и концессии судоходства по Урмийскому озеру [4]. Относительно формы последней концессии у нас возникло сомнение. Зная образ мыслей персов и смысл сделанных ими миссии предложений, я уверен, что наиболее шансов на принятие имеет компанейский договор; согласно такому, персидское правительство обяжется по ликвидировании вопроса с Имам-Кули-мирзой в шестимесячный, например, срок передать исключительное право судоходства русско-персидской компании под особенным названием, причем имущество, земли и прочее приобретают или отчуждают на имя компании под условием, что управление и заведывание эксплоатацией всем вообще делом принадлежат на весь срок концессии Обществу Тавризской дороги, а доходы распределяются указанным министерством финансов способом. Мне кажется, что этим путем мы вполне достигнем поставленных нами целей и облегчили бы себе получение концессии. Подгурский же предполагает предоставление права судоходства непосредственно Тавризской дороге,

[1] Опубл. Stieve, II, S. 270, N 468.

[2] См. № 852.

[3] См. № 594.

[4] В тел. Поклевскому от 28/15 авг. (без номера) Сазонов выражал пожелание, чтобы одновременно с переговорами о Джульфа-Тавризской ж. д. был разрешен и вопрос о судоходстве по Урмийскому озеру. В этой же тел. Сазонов поручал Поклевскому «настоять на том, чтобы Сепехдар безотлагательно определил отношения принца [Имам-Кули-мирзы] к озеру».

В письме от 1 окт./18 сент. за № 859 Коковцов, сообщая Нератову о предпринятых Подгурским шагах в целях получения для Об-ва Тавризской ж. д. концессии на судоходство по Урмийскому озеру, просил снабдить Поклевского инструкцией об оказании Подгурскому содействия при переговорах с перс. прав-вом.

В письме от 5 окт./22 сент. за № 1060 Нератов известил Коковцова о том, что Поклевскому отправлена соответствующая инструкция.

но тогда участие персидского правительства в компании явится более чем призрачным, и вообще такая постановка вопроса не отвечает тем объяснениям, которые были в свое время даны регентом и Восугом. Прошу спешного указания [1].

Поклевский.

№ 879. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 812 [2]. 3 октября/20 сентября 1912 г

Копия сообщена в Ургу.

Монголия.

Сегодня меня посетил товарищ министра Ян Гуй-цин и сделал от имени китайского правительства следующее словесное сообщение: русское правительство неоднократно через миссию в Пекине и консульства Западного Китая протестовало против отправления китайских войск во Внешнюю Монголию. Такие же возражения были сделаны и относительно Кобдо и Алтая, хотя посылка туда китайских войск не является агрессивным актом, а была необходима для предупреждения распространения беспорядков на эти округа. Китайское правительство со своей стороны несколько раз обращало наше внимание на преследования китайцев в Монголии. Нынешнее положение в Монголии сделалось невыносимым. До сих пор китайское правительство сообразовалось с желаниями русского правительства, но теперь оно должно просить последнее отказаться от своего противодействия принятию мер, необходимых для восстановления закона и порядка во Внешней Монголии. Делая это заявление, китайское правительство руководствуется дружественными по отношению к России побуждениями, так как продолжение беспорядков в прилегающих к границе местностях может повести к осложнениям, которые нежелательны ни для одного из обоих правительств. Китайское правительство просит о скорейшем нашем ответе на его заявление. Официальное сообщение в этом смысле будет послано мне через два или три дня. Я ответил, что, конечно, передам сделанное мне им сообщение, но что сейчас же должен заметить, что посылка китайских войск в Монголию может повести к тем нежелательным осложнениям, о которых он упоминал, и что единственный способ коренного разрешения монгольского вопроса уже давно был указан нами китайскому правительству. В дальнейшем разговоре товарищ министра высказался в смысле необходимости улажения возникшего между Россией и Китаем разномыслия по монгольскому вопросу путем обращения к третейскому решению какой-либо дружественной державы. Я возразил, что вопрос этот не такого характера, который позволял бы обращение к третейскому суду, и что дело должно быть решено путем непосредственного соглашения между Россией и Китаем. На вопрос товарища министра, какую форму должно было бы принять это обращение [3], я ответил, что вопрос о форме является совершенно второстепенным и не может служить камнем преткновения, но что говорить о

[1] В письме от 5 окт./22 сент. за № 1064 Клемм сообщал Львову, что предложенное Поклевским решение вопроса о концессии на судоходство по Урмийскому озеру представляется м-ву более практичным, чем намечаемое Подгурским предоставление концессии непосредственно Об-ву Тавризской ж. д. Что касается объяснений перс. регента и Восуг-эд-Доуле, «то они сводились именно к тому, что только предприятия международного характера и с участием персидского правительства (то и другое хотя бы лишь номинально) способны не вызвать противодействия со стороны националистов и не навлечь на правительство шаха нареканий, с которыми ему нельзя не считаться».

[2] Опубл. Ор. кн. М., стр. 2, под датой 6 окт./23 сент., с сокращениями и стилистическими изменениями.

[3] Так в оригинале; повидимому, следует читать: «соглашение».

подробностях дела можно будет только по достижении соглашения по принципиальным вопросам, в которых китайцы продолжают упорствовать в своем отрицательном отношении к нашей точке зрения.

Сделанное мне заявление заставляет предполагать, что китайские войска готовы двинуться с разных сторон против Монголии и что китайцы считают настоящую минуту благоприятной для решительных действий с их стороны, основываясь, повидимому, на получаемых ими известиях о распространении революционного движения в России и рассчитывая на осложнения, грозящие произойти в Европе из-за балканских дел.

Крупенский.

№ 880. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 813. 3 октября/20 сентября 1912 г.

Телеграмма № 1992 получена [1].

По моему мнению, у китайского правительства не может быть намерения организовать в Манчжурии восстания вроде боксерского, так как оно должно прекрасно понимать, что в таком случае оно рисковало бы потерять эту провинцию. Вряд ли при этом китайцы могут серьезно думать, что вопрос этот будет предоставлен на решение Гаагского трибунала. К организации народного восстания китайцы могли бы прибегнуть разве только в случае оккупации нами Северной Манчжурии. Сведений, подкрепляющих мнение генерала Мартынова, ни у меня, ни у нашего военного агента нет. Сосредоточение войск и раздача оружия населению могут быть последствием монгольского восстания. За всем тем несомненно, что распространяемые в китайской прессе известия о революции в России побуждают ее принимать относительно нас вызывающий тон, что̀ вполне соответствует общему настроению китайского республиканского правительства. В случае если бы китайцы действительно имели основания думать, что наше внимание отвлечено нашими внутренними делами или политическими осложнениями в Европе, то они, конечно, начали бы самым решительным образом выступать против всего того, в чем они видят посягательства с нашей стороны на их суверенные права в Манчжурии.

Крупенский.

№ 881. Сообщение турецкого посольства в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову [2].

S. Ex. Gabriel Effendi Noradounghian à S. Ex. Turkhan Pacha, Constantinople, le 4 octobre/21 septembre 1912.

Les démarches verbales des Puissances, bien qu'énergiques dans les termes, n'ont produit, d'après nos informations certaines et ainsi que nous l'avions prévu, aucun effet sur les Cabinets des États balkaniques; s'il en était parmi ceux-ci qui auraient voulu se conformer à ces communications, la crainte de paraître déserter l'accord commun les en détournerait.

Ces petits États sont d'autre part plus ou moins... [3] surexcitation populaire que les Grandes Puissances pourraient calmer par des actes commina-

[1] См. № 841.

[2] Маш. копия. Сообщение не датировано. Опубл. Doc. Dipl., 3-me série, t. IV, p. 56, N 59, под датой 5 окт. нов. ст.

[3] В Doc. Dipl. пропущенные слова читаются: «entraînés par une» (побуждаются к этому).

toires et palpables. Cette surexcitation a naturellement et fatalement produit chez nous son contre-coup. Nos populations et notre armée, que plusieurs années de menaces criminelles et sanglantes, ourdies par nos voisins, avaient d'ailleurs exaspérées, ont relevé le défi qui leur a été porté et sont prêtes à repousser toute atteinte à la sécurité et à la dignité de l'Empire. La situation se trouve donc d'une gravité extrême et il est probable que dans le cas où les Puissances mettraient trop de temps à concerter les menaces comminatoires qui s'imposent, les événements se précipiteraient et les hostilités commenceraient avant que l'Europe ait pu intervenir. Nous signalons encore une fois[1] aux Grandes Puissances cette situation dangereuse et la nécessité d'y parer sans un jour de retard. C'est uniquement pour rester fidèle à la ligne de conduite pacifique dont il a déjà donné tant de preuves que le Gouvernement Impérial Ottoman croit devoir réitérer cette démarche, car il est convaincu que quels que soient les faits qui viendraient à se produire, aucune espèce de responsabilité ne pourrait retomber sur lui.

Перевод.

Его прев-во Габриэль-эффенди Норадунгиан его прев-ву Турхан-паше, Константинополь, 4 октября/21 сентября 1912 г.

По имеющимся у нас достоверным сведениям и как мы и предвидели, устные демарши держав, хотя и составленные в энергичных выражениях, не произвели никакого впечатления на кабинеты балканских государств; если и были среди них такие, которые желали бы сообразоваться с этими сообщениями, то боязнь, что это покажется изменой общему соглашению, удержала их от этого.

Эти маленькие государства, с другой стороны, более или менее... народным возбуждением, которое великие державы могли бы успокоить принудительными и ощутимыми действиями. Это возбуждение, естественно и неизбежно, вызвало отклик и у нас. Наш народ и наша армия, ожесточенные долголетними преступными и кровавыми замыслами, которыми угрожают наши соседи, приняли вызов и готовы дать отпор всяким попыткам нанести ущерб безопасности и достоинству Империи. Положение, следовательно, исключительно серьезно и вполне вероятно, что если державы слишком долго будут совещаться о принудительных мерах, которых требуют обстоятельства, события не станут ждать и военные действия начнутся до того, как Европа успеет вмешаться. Мы еще раз обращаем внимание великих держав на это опасное положение и на необходимость принять меры без всякого промедления. Только чтобы сохранить верность миролюбивому поведению, доказательств которому оно уже столько раз давало, императорское правительство считает нужным повторить этот демарш, так как оно убеждено, что, каковы бы ни были могущие произойти события, на него не сможет пасть никакой ответственности.

№ 882. Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II.

4 октября/21 сентября 1912 г.

В телеграммах от [20] 7, [30] 17 и [1 октября] 18 сентября за №№ 114[2], 128[3] и 132[4] и письме от [6 сентября] 24 августа[5] наш посланник в Болгарии затрагивает вопросы, связанные с тем положением, которое придется занять России в случае возникновения войны на Балканах, а равно и предлагает различные меры для ограждения наших интересов в бассейне Черного моря.

Вследствие сего осмеливаюсь доложить вашему императорскому величеству, что вопросы эти были поставлены гофмейстером Сазоновым до отбытия его за границу перед военным и морским ведомствами.

---

[1] См. № 855.
[2] См. № 720.
[3] См. № 828.
[4] См. стр. 317, прим. 7.
[5] См. № 637.

Ныне, ввиду обострившегося положения на Балканах, я вхожу в более тесный обмен мнений с обоими ведомствами с целью наметить ближайшие наши задачи в этой области [1].

Окончательное выяснение последних окажется возможным лишь по возвращении гофмейстера Сазонова и определении результатов его переговоров о положении различных европейских держав в настоящем кризисе. Для установления же дальнейшего направления будут испрошены высочайшие вашего императорского величества указания.

Нератов.

Я настаиваю на полном невмешательстве России в предстоящих военных действиях. Но очевидно мы обязаны принять всякие меры для ограждения своих интересов в Черном море.

Спала, [7 октября] 24 сентября 1912 г.

№ 883. Временно управляющий министерством иностранных дел наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

Телеграмма № 2041 [2]. 4 октября/21 сентября 1912 г.

Сообщается посланнику в Тегеране и управляющим генеральным консульством в Тавризе и вице-консульством в Ардебиле.

Телеграмма № 6904 получена [3].

По имеющимся у нас сведениям, Сепехдар предоставил дело с шахсевенами, как и фактическое ведение других дел, Шоджа-эд-Доуле, который телеграфировал шахсевенским ханам, что вся их судьба зависит от генерала Фидарова и консула в Ардебиле, к коим им и надлежит обратиться. К этому Шоджа-эд-Доуле прибавил, что в случае искреннего желания обратиться с просьбой о помиловании к Фидарову и Беляеву, они могут сделать это через Насрулла-хана Юрчинского, коему даны необходимые указания Решид-оль-Мольком [4].

Такое решение вопроса представляется, по нашему мнению, наиболее удобным. Едва ли можно сомневаться в том, что шахсевены не будут в состоянии уплатить деньги на покрытие убытков, понесенных русскими подданными, на вознаграждение наших раненых и семей убитых и т. п. В случае совершенного устранения персидской власти от наших переговоров с шахсевенами, персидское правительство будет впоследствии иметь повод сложить с себя ответственность за результаты таковых.

Относительно условий, подлежащих предъявлению шахсевенам, ожидаем заключения посланника в Тегеране и консульств в Тавризе и Ардебиле [5].

Нератов.

---

[1] Ср. № 870.

[2] Лит. копия.

[3] См. стр. 275, прим. 6.

[4] Эти сведения Преображенский сообщил в тел. от 28/15 сент. за № 505 (см. также стр. 275, прим. 6).

[5] В тел. от 10 окт./27 сент. за № 778 Поклевский признавал, что «поставленные наместником для принятия покорности шахсевен условия представляются самыми подходящими». Поклевский указывал, что миссия также «считает очень полезным участие азербайджанских властей в указанном вами размере в решении нами шахсевенского вопроса».

Позднее, тел. от 2 ноября/20 окт. за № 1384 Д. Беляев сообщил о прибытии к нему в Ардебиль отдельных шахсевенских беков, которых он направил к ген. Фидарову. В тел. от 27/14 ноября за № 1694 Беляев сообщил, что 25/12 ноября в присутствии сердара, его и Фидарова представители и старейшины шахсевенских племен «принесли торжественную присягу на коране в соблюдении ими впредь поставленных нами им условий». 28/15 ноября Беляев телеграфировал за № 191, что, «ввиду ликвидации шахсевенской экспедиции, распоряжением кавказского начальства на-днях отзываются в Россию, кроме ушедших ранее 6 сотен лабинцев, еще 2 сотни екатеринодарцев, 2 сотни запорожцев и одна батарея».

№ 884. Временно управляющий министерством иностранных дел министру иностранных дел Сазонову [1].

ˑ/. Телеграмма № 2042 [2]. 4 октября/21 сентября 1912 г.

Сообщается послу в Константинополе [3].

Турецкий посол сообщил мне два циркулярных, повидимому, обращения Порты к державам [4]. В первом излагаются жалобы Турции на балканские государства, создающие предлоги, чтобы принять вызывающее положение. Порта перелагает на них ответственность за последствия обострения.

На мое замечание, что вопрос о том, как предотвратить войну, важнее в данную минуту разбора аргументов об ответственности той или другой стороны, Турхан-паша ознакомил меня с другим сообщением, в коем Порта поручает узнать, согласятся ли державы мерами активного воздействия, как то — морской блокадой и сосредоточением войск на сухопутной границе балканских государств, заставить их отказаться от военных действий.

Я высказал моему собеседнику прежде всего убеждение, что турки не предполагают для нас возможности стрелять против болгар.

Признавая, однако, в принципе воздействие держав на балканские государства возможным, я указал, что не вижу возможности его осуществления иначе, как при условии, что державы в состоянии будут успокоить балканские государства уверением, что будут проведены реформы, способные их удовлетворить. На вопрос Турхана, в чем именно могли бы заключаться эти реформы, я ограничился этим общим указанием.

Нератов.

№ 885. Временно управляющий министерством иностранных дел министру иностранных дел Сазонову [1].

ˑ/. Телеграмма № 2043 [5]. 4 октября/21 сентября 1912 г.

Срочная.

Сообщается послу в Константинополе.

Копия в Вену.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 2042 [6].

После Турхана меня посетил австрийский поверенный в делах, сообщивший о таком же заявлении Порты венскому кабинету.

При этом как мной, так и им было констатировано, что ни Россия, ни Австро-Венгрия отнюдь не имели в виду прибегнуть к карательным действиям против балканских стран, а потому и сделанное Турцией предложение не могло бы быть удовлетворено без дарования балканским государствам вполн[е] определенных обещаний держав осуществления серьезных реформ Македонии.

Граф Берхтольд сообщил Силаши, что он уклонился от обсуждения турецкого предложения о давлении на Сербию.

После этого Силаши ознакомил меня совершенно конфиденциально с заявлением, сделанным турецким министром иностранных дел австрийскому послу в Константинополе о необходимости для Турции отклонить возможный ультиматум балканских государств.

---

[1] Публикуемая тел. адресована в Париж.

[2] Лит. копия. Опубл. Ор. кн., стр. 13, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[3] Публикуемая тел. была сообщена М. Гирсу 5 окт./22 сент. за № 2059.

[4] См. №№ 855 и 881.

[5] Лит. копия.

[6] См. № 884.

Зато Турция могла бы по поводу реформ дать державам заверение, что она решила ввести в действие закон 1880 г. о реформах и вместе с тем усилить представительство в палате отдельных народностей.

С согласия Силаши сообщаю вам вышеизложенное в Париж, где, вероятно, сделано австрийским представителем однородное сообщение.

По существу дела, если речь идет о законе 1880 г., предложенном европейской комиссией, то последний представляет несравненно меньше гарантий для христианского населения, чем реформы, вводившиеся на основании Мюрцштегского соглашения [1]. Тем не менее, ввиду необходимости незамедлительных решений казалось бы возможным принять это предложение Турции при условии назначения особого представителя центрального правительства вроде генерального инспектора, облеченного всей полнотой административной и военной власти, назначаемого по соглашению с державами на определенный срок и сменяемого с их же согласия. На это лицо должна быть возложена, кроме общего надзора управления, и обязанность образования особых комиссий с участием представителей местного населения, для внесения необходимых поправок в закон 1880 г., сообразно с изменившимися с 1880 г. местными условиями.

Думаю, что рассчитывать трудно на то, чтобы балканские государства согласились на меньшие гарантии.

Какое решение ни было бы принято, необходимо скорейшее соглашение с Австрией для определения ближайших же шагов в Константинополе и балканских странах, ввиду приближающегося через несколько дней окончания мобилизации и неизбежности тогда открыть военные действия для балканских государств, главный шанс которых заключается в преимуществе мобилизации, по сравнению с Турцией.

Прошу инструкций для ответа австро-венгерскому правительству [2].

Нератов.

№ 886. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 2044 [3]. 4 октября/21 сентября 1912 г.

Для министра.

Ссылаюсь на телеграмму Неклюдова № 135 [4].

Вполне присоединяюсь к заключающимся в ней соображениям.

Возбуждение балканских государств против Турции усиливается вызывающим образом действий Порты за последнее время по отношению к каждому из них в отдельности. Это сказывается в пограничном турецко-черногорском вопросе и обнаруженном со стороны турок нежелании его покончить миром, в отмене данного уже Сербии разрешения провоза военного груза и задержании его обратного вывоза [5], наконец, в наложении эмбарго на десятки греческих судов, погруженных хлебом из русских портов [6],

---

[1] См. стр. 110, прим. 2.

[2] Ссылаясь на публикуемую тел. и тел. М. Гирса за № 758 (см. № 877), Нератов телеграфировал Сазонову 5 окт./22 сент. за № 2050: «Единственно возможным средством предотвратить войну считаю формальное определение принципов реформ с заявлением о том балканским странам, как гарантией держав, хотя бы России и Австрии. Одновременно должно быть получено обязательство демобилизировать с обеих сторон. По моему глубокому убеждению, иное заявление балканским государствам обречено на неудачу и поставит державы в трудное положение, дискредитировав их также в общественном мнении».

[3] Опубл. Ор. кн., стр. 12, и М., стр. 280.

[4] См. № 862.

[5] См. № 795.

[6] См. № 874

что наносит снова серьезный удар нашей торговле. Последняя мера, принятая до объявления войны, возлагает на Порту ответственность за начало враждебных действий. Поручаю Гирсу сделать энергичное представление Порте по этому поводу [1].

Нератов.

№ 887. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 2045. 4 октября/21 сентября 1912 г.

Для министра.

Вернувшийся из отпуска германский посол, осведомившись, что вы проедете Берлин в понедельник [2], высказал сожаление, что вам в случае окончательного решения выехать далее в тот день вечером не удастся повидаться с канцлером, возвращающимся во вторник.

Я ничего не ответил Пурталесу, думая, что вам в Берлине будет виднее, желательно ли его дождаться.

По поводу балканского кризиса посол заверял, что германское правительство твердо держится мнения, что необходима солидарность держав без всякого деления на группы.

На его вопрос, было ли принято какое-нибудь решение вами, совместно с Греем, по балканским делам, я решительно заявил, что никаких решений там не устанавливалось, поняв из слов Пурталеса, что германское правительство было бы задето предварительным уговором нашим с Англией [3].

[Нератов.]

№ 888. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

*/. Телеграмма № 2046 [4]. 4 октября/21 сентября 1912 г.

Телеграмма № 741 получена [5].

Биржевые комитеты обратились с жалобой на задержание Турцией греческих и болгарских пароходов, нагруженных хлебом, предназначенных в порты европейских государств, не участвующих в нынешних осложнениях, а также судов, идущих в Россию через Проливы. Нашей торговле и кредитным учреждениям грозят снова громадные убытки.

Благоволите сделать Порте энергическое представление о недопустимости такой меры ни с точки зрения наших интересов, ни международного

---

[1] См. № 888.—Далее зачеркнуто: «Совокупность обстоятельств указывает на растерянность турецкого правительства, не чувствующего достаточно моральной силы даже для такой, с точки зрения интересов Турции, необходимой меры, как заключение мира с Италией. Из доверительного письма нашего посла в Константинополе от [27] 14 августа [ср. № 577] можно заключить, что турки как бы сами напрашивались на то, чтобы державы произвели на них давление, перед которым они, как перед всякой серьезной силой, обыкновенно уступают. Такую же роль могли бы выполнить совместные действия России и Австрии, ибо добровольно дать нужные уступки христианам Порта не может. Принимая во внимание, что турки признают только аргументы, опирающиеся на силу, казалось бы, чю при таких условиях дружественные...».

[2] 7 окт./24 сент.

[3] Публикуемая тел. была сообщена Нератовым в К-поль 5 окт./22 сент. за № 2060.

[4] Лит. копия.

[5] Тел. от 1 окт./18 сент. за № 741 М. Гирс сообщал: «Начальник станции Кавак у входа в Босфор только что сообщает, что Порта ему предписала не пропускать (греческих) судов. Не признаете ли полезным предупредить об этом наших хлебных грузоотправителей, не указывая, однако, источника полученного известия».

*

права, нарушая которое Порта принимает на себя ответственность за инициативу враждебных действий против Греции и Болгарии [1].

Нератов.

№ 889. Временно управляющий министерством иностранных дел посланникам в Софии, Белграде и Цетинье — Неклюдову, Гартвигу и А. Гирсу и поверенному в делах в Афинах Урусову.

·/. Телеграмма № 2047 [2]. 4 октября/21 сентября 1912 г.

Несмотря на критическое положение на Балканах, переговоры между державами для прекращения войны продолжаются, дав в последние дни некоторые шансы на достижение результата, который на наш взгляд соответствовал бы задачам умиротворения.

Отнюдь не желая подавать повод к преувеличенным надеждам, прошу вас все же постараться воздействовать на правительство, при коем вы аккредитованы, дабы удержать его от бесповоротных решений.

Нератов.

№ 890. Меморандум английского министерства иностранных дел российскому министру иностранных дел [3].

4 октября/21 сентября 1912 г.

British Railways in Persia.

The British Syndicate which has applied to the Persian Government for a concession for the construction of certain railways in South Persia is styled the Persian Railways Syndicate but does not include Messrs. Seligman [4].

As regards the railways in question His Majesty's Government informed the Russian Government early in 1911 [5] of their wishes on the subject and later expressed their willingness to assent in principle to the Trans-Persian Railway, on condition, interalia, that the Russian Government would support the British demands for the railways in question.

As regards the Mohammerah — Khorremabad line, this is the only railway for which His Majesty's Government are pressing at present, and they

[1] Тел. от 5 окт./22 сент. за № 2064 Нератов известил Урусова о данном М. Гирсу поручении. В ответной тел. от того же числа за № 70 Урусов сообщил: «Коромилас весьма признателен за инструкции, данные нашему послу в Константинополе, энергично протестовать перед Портой по поводу задержания греческих судов с русским грузом и начатия военных действий».

[2] Лит. копия.

[3] Опубл. Brit. Doc., vol. IX, P. I, p. 768. Согласно письма Грея Бьюкенену от 8 окт. нов. ст. (опубл. Brit. Doc., vol. IX, P. I, p. 765, N 809) этот меморандум, как и меморандумы, публикуемые за №№ 891, 892, не были вручены Савонову в Англии, а были посланы Греем Бьюкенену для вручения их Сазонову по его возвращении в Петербург.

[4] См. № 748.

[5] Тел. от 23/10 февраля 1911 г. за № 182 Сазонов передал Бенкендорфу содержание своего разговора с Бьюкененом, во время которого последний сообщил Сазонову, «что англичане имеют в виду постройку железной дороги от Мохаммеры до Хорремабада, вблизи черты, ограничивающей нашу сферу влияния. Я заметил Бьюкенену, что такая линия, явно опасная для наших экономических интересов, не замедлит возбудить у нас сильное беспокойство, о чем посол обещал сообщить».

take note of Mr. Sazonow's assurance that in view of its essential importance to British trade, he will not oppose it [1].

Concerning the possible extension of the line to Burujird situated in the Russian sphere, a means of obviating any difficulty in the matter might be found if the Russian Government invoked the aid of British capital for the construction of the part in the Russian sphere, or for a line from Khorremabad to Isfahan thereby rendering less important the branch from Khanikin to Tehran.

With regard to further railway concessions in the neutral zone His Majesty's Government are quite prepared to discuss the matter with the Russian Government and to request the Syndicate to send out a Representative to St.-Petersburg. His Majesty's Government may ask Russia to consent to them in due course, it being understood that such consent would not be claimed as a matter of right until the Trans-Persian Railway shall have proceeded beyond the Russian sphere.

As to railways in the British sphere such as Bunder-Abbas to Kerman, His Majesty's Government have no doubt that the Imperial Russian Government will admit that these are matters solely affecting British interests, but His Majesty's Government would always be happy to keep the Imperial Russian Government informed of any project of railway enterprise in the British sphere.

Any increase of the Persian public debt due to the construction of railways in the neutral zone may fittingly be dealt with in discussion between the two Governments.

Перевод.

Британские железные дороги в Персии.

Британский синдикат, который обратился к персидскому правительству с ходатайством о предоставлении ему концессии на постройку некоторых железных дорог в Южной Персии, называется Персидским железнодорожным синдикатом, но не включает фирму Зелигман.

Относительно железных дорог, о которых идет речь, правительство его величества уведомило российское правительство в начале 1911 г. о своих пожеланиях по этому предмету, а позднее выразило свою готовность согласиться в принципе на Трансперсидскую ж. д., при том условии, между прочим, что российское правительство поддержит британское ходатайство на получение концессии на постройку указанных железных дорог.

Что касается линии Мохаммера — Хорремабад, то это — единственная железная дорога, на которой правительство его величества настаивает в настоящее время, и оно принимает к сведению заверение г. Сазонова, что ввиду ее существенного значения для британской торговли он не будет возражать против нее.

Что же касается возможного продления линии до Буруджирда, находящегося в русской сфере, то можно найти выход из затруднения, если российское правительство обратится к помощи британского капитала для постройки той части железной дороги, которая пройдет в русской сфере, или линии от Хорремабада до Исфагани, что ослабит значение ветки Ханекен—Тегеран.

Что касается дальнейших железнодорожных концессий в нейтральной зоне, то правительство его величества вполне готово обсудить этот вопрос с российским правительством и просить синдикат послать своего представителя в С.-Петербург. В свое время правительство его величества, возможно, будет просить Россию дать на них согласие, причем, разумеется, такое согласие не будет испрашиваться как нечто принадлежащее по праву до тех пор, пока Трансперсидская ж. д. не выйдет за пределы русской сферы.

Что касается железных дорог в британской сфере, как, например, от Бендер-Аббаса до Кермана, то правительство его величества не сомневается в том, что импе-

[1] В Brit. Doc., vol. IX, P. I, p. 755 (minutes) опубликована заметка Грея о его беседе с Сазоновым по поводу пам. записки росс. прав-ва относительно англ. железных дорог в Персии (см. № 748). В этой заметке Грей писал, что в ответ на его заявление о значении линии Мохаммера — Хорремабад для Англии Сазонов сказал, что «российское общественное мнение отнесется с неудовольствием к линии Мохаммера — Хорремабад, но признал, что она крайне важна для нашей [т. е. английской] торговли, и он не будет противиться ее сооружению». Документ, касающийся этого заявления Сазонова, в делах архива б. м-ва ин. дел не обнаружен.

раторское российское правительство признает, что это вопрос, касающийся исключительно британских интересов, однако, правительство его величества всегда будет радо держать императорское российское правительство в курсе всех проектов железнодорожных предприятий в британской сфере.

Всякое увеличение персидского государственного долга, вызванное постройкой железных дорог в нейтральной зоне, может быть надлежащим образом урегулировано обсуждением между обоими правительствами.

№ 891. Меморандум английского министерства иностранных дел российскому министру иностранных дел [1].

4 октября/21 сентября 1912 г.

Trans-Persian Railway.

His Majesty's Government share the view of the Russian Government[2] that it is desirable to occupy the ground by securing an option for the Société d'Études whereby the two Governments will be in a position to say when and where a Trans-Persian line would be built.

His Majesty's Government have therefore no objection to the Russian Government constructing a line to Tehran, and subject to all the reserves and conditions already stipulated as to the route of the railway outside the Russian sphere and that it shall not, without agreement with His Majesty's Government, proceed beyond the Russian sphere, have authorized His Majesty's Minister at Tehran to cooperate with his Russian colleague to secure the said option for the Société d'Études.

The British group of the Société d'Études have also been informed that they would be justified in sending to Tehran a representative to cooperate with representatives of the other groups of the Société to the same end.

As regards the suggestion that the Société should be encouraged to make a big loan to the Persian Government such action appears somewhat difficult, as there is to be no Anglo-Russian guarantee.

Перевод.

Транспересидская железная дорога.

Правительство его величества разделяет взгляд российского правительства, что желательно закрепить позиции, добившись для «Société d'Études» опциона, в результате чего оба правительства будут иметь возможность решить, когда и где будет построена Транспересидская ж. д.

Вследствие этого, правительство его величества не встречает препятствий к тому, чтобы российское правительство построило железную дорогу на Тегеран; при условии соблюдения всех оговорок и условий, уже установленных относительно трассы железной дороги вне сферы русского влияния, и что она не будет, без согласия правительства его величества, продолжена за пределы русской сферы, оно уполномочило своего посланника в Тегеране сотрудничать со своим российским коллегой с целью получения вышеуказанного опциона для «Société d'Études».

Британской группе «Société d'Études» также сообщено, что ей следует послать в Тегеран с той же целью представителя для совместных действий с представителями других групп «Société».

Что касается предложения о желательности побудить «Société» предоставить персидскому правительству крупный заем, то такой шаг кажется несколько затруднительным, ввиду того что англо-русской гарантии дано не будет.

№ 892. Меморандум английского министерства иностранных дел российскому министру иностранных дел [3].

4 октября/21 сентября 1912 г.

Afghanistan.

His Majesty's Government recognise that there is force in the Imperial Government's representations[4] as to the advantages that might follow from

[1] Опубл. Brit. Doc., vol. IX, P. I, p. 767.
[2] См. № 747.
[3] Опубл. Brit. Doc., vol. IX, P. I, p. 765.
[4] См. № 749.

closer commercial relations between the neighbouring countries of Asiatic Russia and Afghanistan, and from their cooperation in works of a civilising character, such as irrigation and the extirpation of the locust pest. They would, however, observe that, quite apart from the personal attitude of the Amir, public opinion in Afghanistan does not at present appear to tolerate the idea of more intimate connection with countries beyond her borders, and that His Majesty's Government, although themselves in treaty relations with the Amir, suffer equally with the Russian Government from this state of feeling. For example, no general access to Afghanistan is enjoyed by British subjects.

The policy of non-interference with Afghanistan having been deliberately adopted by this country, His Majesty's Government would feel great difficulty in pressing the Amir to accord to Russian subjects facilities which they are precluded from asking for their own, and they do not think that any good result would follow from urging the Amir to give a general recognition of the terms of article 3 of the Anglo-Russian Convention [1].

They will, however, consult with the Government of India with a view to representing to the Amir that it would be wise of him to act in a neighbourly spirit in such matters as would fall within the scope of that article.

As regards the importation of arms and ammunition into Afghanistan, His Majesty's Government have been, and are doing everything in their power at a heavy cost to British and Indian revenues to prevent arms going overland into Afghanistan from the Persian Gulf for the use of Afghan tribesmen. This traffic, they would observe, is now centred in Muscat where its effective control has for long been rendered impossible owing to the claim made by the French Government, based upon their treaty relations with the Sultan, that the trade in arms and ammunition should be free. The result has been seriously to prejudice the cause of order and good government in the surrounding countries, in Afghanistan, and during the last year more particularly in Persia, where the two Governments have so long endeavoured to bring about more satisfactory conditions. Recently the Sultan of Muscat has introduced a system of regulating the traffic in order to prevent the wholesale export of arms and ammunition, and His Majesty's Government are now exerting their efforts to secure from the French Government the acceptance of this system.

As regards the presence in Afghanistan of Turkish military instructors, His Majesty's Government would remark that their engagement is a matter of internal administration in regard to which it would be difficult for them to make any representations to the Amir, though they apprehend that the instructors have probably come under chauvinistic influence in Turkey and that their disposition is likely to be as anti-British as it is anti-Russian. His Majesty's Government are disposed, however, to think that their number is less than that stated. If anything can be done, it would seem best to proceed by discouraging at Constantinople the engagement of these instructors.

Перевод.

Афганистан.

Правительство его величества признает правильность утверждений императорского правительства относительно выгод, которые проистекли бы из более тесных коммерческих отношений между Афганистаном и смежными с ним областями Азиатской России и от их совместных действий цивилизаторского характера как в области ирригации, так и по борьбе с саранчей. Однако оно считает нужным указать, что, независимо от личной позиции эмира, общественное мнение в Афганистане в настоящее

[1] Ст. 3-я русско-английской конвенции от 31/18 авг. 1907 г. по делам Персии, Афганистана и Тибета в части, касающейся Афганистана, гласит: «Русские и афганские власти, особо к тому назначенные на границе или в пограничных провинциях, могут впредь установить непосредственные взаимные сношения, чтобы улаживать местные вопросы неполитического характера».

время, повидимому, не допускает мысли о более близких отношениях с пограничными странами и что правительство его величества, хотя и находится в договорных отношениях с эмиром, страдает наравне с российским правительством от таких настроений. Например, британским подданным не разрешен свободный въезд в Афганистан.

Ввиду того, что в отношении Афганистана Англия сознательно приняла политику невмешательства, правительство его величества чрезвычайно затруднилось бы настаивать перед эмиром на предоставлении русским подданным льгот, которые оно не может просить для своих, и оно не думает, что можно добиться благоприятных результатов, если настаивать перед эмиром на общем признании условий статьи 3-й англо-русской конвенции.

Однако оно запросит мнение индийского правительства, с целью сделать представление эмиру, что с его стороны было бы разумно действовать в духе добрососедства во всех вопросах, которых эта статья касается.

Что касается ввоза в Афганистан оружия и боеприпасов, то правительство его величества принимало и принимает все имеющиеся в его распоряжении меры, не щадя издержек за счет британских и индийских государственных доходов, чтобы предотвратить ввоз оружия для афганских племен сухим путем со стороны Персидского залива. Оно считает необходимым отметить, что центр этого ввоза сейчас находится в Маскате, где эффективный контроль над ним уже давно невозможен, благодаря требованиям французского правительства, основанным на его договорных отношениях с султаном, обусловливающих, что торговля оружием и боеприпасами должна быть свободна. В результате этого, дело порядка и хорошего управления потерпело серьезный ущерб в соседних странах, в Афганистане и за последний год особенно в Персии, где оба правительства столь долго стремились добиться более удовлетворительного положения. С недавнего времени султан Маската ввел систему регулирования транзита с целью предотвратить оптовый экспорт оружия и боеприпасов, и правительство его величества сейчас прилагает усилия, чтобы побудить французское правительство признать этот порядок.

Что же касается наличия в Афганистане турецких военных инструкторов, то правительство его величества считает необходимым указать, что их приглашение является вопросом внутреннего управления, в отношении которого ему было бы затруднительно сделать какие-либо представления эмиру, хотя оно и опасается, что эти инструкторы были подвержены в Турции шовинистическому влиянию и что они настроены столь же англофобски, сколь и русофобски. Правительство его величества, однако, склонно думать, что число их меньше, чем было указано. Если и возможно что-либо сделать, то повидимому более желательно действовать в Константинополе, убеждая ответить отказом на приглашение этих инструкторов.

№ 893. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 249 [1]. 4 октября/21 сентября 1912 г.

Je télégraphie Paris:

Reçu N 212 [2].

Cambon m'avait dit qu'il avait été chargé de communiquer à Grey un télégramme à peu près identique. Nicolson a envoyé cette communication à Grey qui a mis en marge: «I will support this». Nicolson a ajouté, à titre d'opinion personnelle, que pourtant il compte exposer à Grey qu'un mandat des Puissances à la Russie et à l'Autriche ne devrait s'étendre qu'aux 4 capitales des États balkaniques, sans compter Constantinople, où toutes les Puissances devraient agir ensemble. Cambon a répondu que d'après le texte du télégramme de Poincaré il ne s'agissait que des capitales chrétiennes. En effet, dans le télégramme de Poincaré à Cambon, Constantinople n'est pas mentionné, ce qui constitue une nuance entre ce télégramme et le vôtre [3].

Benckendorff.

---

[1] Опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 27.

[2] См. № 858.

[3] Тел. от 5 окт./22 сент. за № 218 Савонов сообщал Бенкендорфу (копия Нератову): «Пуанкаре телеграфирует Камбону, поручая ему настаивать перед английским правительством на необходимости, чтобы, одновременно с советами благоразумия в четырех балканских столицах, все державы твердо высказались в Константинополе в пользу осуществления реформ. Со своей стороны, прошу вас обратить серьезное внимание Грея на крайнюю желательность, чтобы Англия в этом отношении не отстала от других держав».

Перевод.

Телеграфирую в Париж:
Получил № 212.
Камбон сказал мне, что ему было поручено сообщить Грею почти идентичную телеграмму. Никольсон послал это сообщение Грею, который написал на полях: «Я буду это поддерживать». Никольсон добавил, в качестве личного мнения, что он все-таки думает сказать Грею, что мандат держав России и Австрии должен касаться только четырех столиц балканских государств, не включая Константинополя, где все державы должны действовать совместно. Камбон ответил, что, согласно текста телеграммы Пуанкаре, речь идет лишь о христианских столицах. Действительно, в телеграмме Пуанкаре Камбону Константинополь не упоминается, что̀ несколько отличает эту телеграмму от вашей.

Бенкендорф.

№ 894. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 216 [1]. Париж, 4 октября/21 сентября 1912 г

Je télégraphie à Berlin, Vienne, Londres, Rome et Constantinople:
N 2 [2].
Texte: Les Puissances feraient savoir aux États balkaniques et à la Turquie: 1) qu'elles réprouvent énergiquement toute mesure susceptible d'amener la rupture de la paix; 2) que si la guerre venait néanmoins à éclater entre la Porte et les États balkaniques, elles n'admettront à l'issue du conflit aucune modification au status quo territorial actuel dans les Balkans; [3] que, s'appuyant sur l'article 23 du traité de Berlin, elles prendraient en mains, dans l'intérêt des populations chrétiennes, la réalisation des réformes dans l'administration de la Turquie d'Europe, étant entendu que ces réformes ne porteraient aucune atteinte à l'intégrité du territoire de l'Empire Ottoman. — Il va sans dire que cette déclaration réserverait liberté des Puissances pour l'étude collective et ultérieure des réformes.

Sazonow

Перевод.

Телеграфирую в Берлин, Вену, Лондон, Рим и Константинополь:
№ 2.
Текст: Державы доведут до сведения балканских государств и Турции: 1) что они решительно осуждают всякие меры, способные привести к нарушению мира; 2) что если тем не менее разразится война между Портой и балканскими государствами, они не допустят по окончании столкновения никаких изменений нынешнего территориального status quo на Балканах; [3] что, основываясь на статье 23-й Берлинского трактата, они возьмут в свои руки, в интересах христианских народностей, проведение реформ в управлении Европейской Турции, при непременном условии, что эти реформы ни в какой мере не нанесут ущерба территориальной неприкосновенности Оттоманской империи. — Само собой разумеется, что эта декларация оставляет за державами свободу для последующего коллективного изучения реформ.

Сазонов.

№ 895. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 126 [3]. 4 октября/21 сентября 1912 г.

Сообщено министру:
Изложил статс-секретарю содержание первого обмена мыслей вашего высокопревосходительства с Пуанкаре [4]. Он сочувствует предположенной

[1] Опубл. М., стр. 280, где ошибочно помечена № 218.
[2] В тел. от 4 окт./21 сент. за № 215 (опубл. М., стр. 280) Сазонов из Парижа передал Нератову следующую свою тел. послам в Берлине, Вене, Лондоне, Риме и К-поле: «За № 2 вам передается текст предложения, с которым Пуанкаре обращается к великим державам. Со своей стороны, я высказал на него согласие».
[3] Опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 28.
[4] См. № 858.

формуле заявления балканским государствам при условии, чтобы первая часть этой формулы о том, что «державы не могут допустить нарушения мира», не означала принятия на себя обязательства помешать такому нарушению коерситивными средствами; повидимому, он опасается, как бы подобными обязательствами не компрометировать главной цели — локализации конфликта. Турции, по его мнению, можно бы заявить, что обещание, данное ею о введении реформ, принято державами к сведению и не будет забыто, а также, что в случае военных действий территориальные приращения не будут допущены. Относительно реформ можно сказать и балканским государствам, что державы будут сочувствовать проведению оных на основах, которые будут выработаны державами после того как всякая опасность конфликта окажется устранена: при этом он пояснил, что составление программы реформ немедленно заняло бы слишком много времени и к тому же дело не может, очевидно, итти о реформах в фантастическом масштабе, ныне заявленном балканскими государствами. Как статс-секретарь телеграфировал сегодня в Вену — ему безразлично, будут ли эти представления предприняты всеми пятью державами или будут сделаны от общего имени Россией и Австрией; он, впрочем, признает за последним способом некоторое преимущество скорости, являющееся в данный момент существенным. Ответ, данный статс-секретарем Камбону, несколько более краток, но в общем совпадает с вышеизложенным.

Броневский.

№ 896. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 179[1]. 4 октября/21 сентября 1912 г.

Телеграфирую в Париж:

Для министра.

Коллективная нота четырех балканских государств будет вручена Порте завтра, в субботу, в 12 часов дня. Сербы обязались по особой конвенции, подписанной 4 дня тому назад, начать военные действия в понедельник [7 октября] 24 сентября. 11 турецких батальонов отозваны из области Бераны и направлены к болгарской границе[2].

Гирс.

№ 897. Временно управляющий министерством иностранных дел министру иностранных дел Сазонову[3].

*/. Телеграмма № 2062[4]. 5 октября/22 сентября 1912 г.

Сообщается послам в Берлине, Вене и Константинополе.

Телеграмма № 214[5] получена. Ссылаюсь на свою телеграмму № 1988[6] и на телеграмму Гирса № 765[7].

Из намека Турхан-паши вывожу заключение, что в случае войны Турция желает сохранить свободу действий в Черном море. Поэтому заявле-

---

[1] Публикуемая тел. была передана Нератовым в Белград 5 окт./22 сент. за № 2054.

[2] В тот же день М. Гирс сообщал тел. за № 761: «Черногорскому поверенному в делах телеграфируют из Цетинье, что балканские государства решили передать Порте тождественную ноту, текст коей должен быть ему передан греческой миссией. Ему предписано передать ее совместно с другими. Греческая миссия не получила еще этого текста, но, вероятно, нота будет передана завтра или в воскресенье [6 окт./23 сент.]».

[3] Публикуемая тел. адресована в Париж.

[4] Лит. копия. Опубл. Кр. Арх., т. XV, стр. 28.

[5] См. № 871.

[6] См. № 839.

[7] См. стр. 343, прим. 3.

ние в форме пожелания, чтобы она отказалась от военных действий в Черном море, едва ли может рассчитывать на успех.

Единственным ограждением наших политических и торговых интересов было бы категорическое заявление Порте после начала войны и без предварительных с нею переговоров о признании нами недопустимыми военные действия в Черном море.

Такого рода заявление ввиду его серьезности могло бы быть сделано нами только по предварительном соглашении с Австрией, которое определило бы наши взаимные отношения во время предстоящей войны.

Помимо провозглашения нерушимости территориального status quo и локализации войны, Россия и Австрия, как соседние с Турцией империи, заинтересованы в исключении из района военных действий: Россия — бассейна Черного моря, Австрия — северной части Новобазарского санджака.

В случае указания венским кабинетом несоответствия по своему значению обоих районов, мы могли бы возразить, что оно происходит от несоответствия затрагиваемых интересов. Провозглашая нерушимость территориального status quo, Россия устраняет возможность заподозрить ее в своекорыстных намерениях. Однако только ограждением бассейна Черного моря от военных действий мы, хоть отчасти, охраним интересы нашей и вообще международной торговли, которая без сомнения все же понесет громадные убытки от необеспеченного прохода через Проливы. Между тем непосредственный интерес Австрии, казалось бы, заключается лишь в изоляции своей небольшой сухопутной границы с Турцией от района военных действий, отодвинув последний на некоторое расстояние.

Достигнув признания Австрией помянутого нашего интереса, мы могли бы без слишком крупного риска заявить Порте в самом начале войны, что наши интересы требуют ограждения бассейна Черного моря от военных действий.

Чем категоричнее был бы тон нашего заявления, тем меньше будет риска нарушения нашего требования со стороны Турции. Тем не менее нужно предвидеть возможность несговорчивости с ее стороны, против каковой самым серьезным аргументом была бы известная Турции готовность нашего флота. Поэтому для лучшего обеспечения переговоров с турками полезно было бы крейсерство наших судов близ болгарских берегов одновременно с предъявлением нашего заявления вслед за открытием военных действий.

В случае предварительного соглашения с Австрией, таковое активное выступление могло бы быть принято спокойно европейскими державами, а Турция едва ли фактически пошла бы на риск встретиться в море с нашими военными судами. По поводу ограничения сферы операций в Адриатическом море Италии поручил послам в Вене и Риме сообщить вам справку в Берлин [1].

Нератов.

№ 898. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

·/. Телеграмма № 2067 [2]. 5 октября/22 сентября 1912 г.

Ссылаюсь на телеграмму из Цетинье № 179 [3].

Благоволите проверить эти сведения и в случае их достоверности обратить внимание сербского правительства на всю рискованность задуманного им шага, осуществление которого неминуемо приведет к нежелатель-

[1] См. стр. 375, прим. 3.
[2] Лит. копия.
[3] См. № 896.

ным переменам в отношениях Австрии к Сербии и обратит против Сербии всю тяжесть обвинения в начатии военных действий [1].

Нератов.

№ 899. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 219. Париж, 5 октября/22 сентября 1912 г.

Телеграфирую в Вену:

Общий тон венской печати по поводу предположенного совместного выступления России и Австрии совершенно расходится со сделанными нам австрийским правительством заявлениями. Благоволите коснуться этого вопроса и выяснить, по возможности, истинные причины такого разногласия и недоверчивого отношения печати к результатам русско-австрийских совместных усилий [2].

Сазонов.

№ 900. Посол в Риме министру иностранных дел Сазонову [3].

Телеграмма № 94 [4]. 5 октября/22 сентября 1912 г.

Получил телеграмму № 217 [5].

Мирные переговоры все еще не привели к результату, и Решид-паша выехал обратно в Константинополь за новыми инструкциями. Что же касается финансовых условий мира, то министр иностранных дел, боясь сообщить мне неверные сведения — так как этот вопрос еще не выяснился — должен быть, как он мне сказал, чрезвычайно осторожен и сдержан. До сих пор в Уши шла только речь о ложащейся на Италию части Турецкого долга. Министр не считает вероятным, чтобы при окончательном финансовом расчете причиталась бы Италии или Турции значительная сумма денег. До сих пор турки не только не намекали на какую-нибудь, кроме Долга, уплату со стороны Италии, на которую здесь, впрочем, и не согласились бы, но избегали всего, что могло бы дать повод подумать, что за деньги они будут сговорчивее. В моем разговоре с министром я между прочим заметил, что ввиду явного неудовольствия общественного мнения Италии предположенными условиями мира, денежные требования могли бы, может быть, уменьшить это разочарование.

Относительно последнего предложения Пуанкаре державам министр, соглашаясь теперь же с первыми двумя пунктами, должен еще обдумать ответ на третий пункт.

Крупенский.

---

[1] В ответной тел. от 6 окт./23 сент. за № 180 Гартвиг сообщил Нератову, что сведения из Цетинье неверны, что коллективная нота не могла быть передана, так как относительно ее редакции еще не достигнуто соглашение, и что Сербия и Черногория в заключенной между ними военной конвенции «обязались не открывать военных действий ранее первого октября». Тел. от 6 окт./23 сент. за № 781 М. Гирс сообщал, что балканские представители еще не вручили турец. прав-ву коллективной ноты.

[2] В ответной тел. от 6 окт./23 сент. за № 81 Н. Гирс сообщил Сазонову (копия Нератову), что на его заявление по поводу враждебного тона австр. прессы «Берхтольд ответил, что, не придавая большего значения толкам здешних газет, нежели мы придаем статьям, например, «Нового времени», он тем не менее постарается произвести на австрийскую печать воздействие в желаемом смысле».

[3] Публикуемая тел. адресована в Париж.

[4] Маш. копия. Опубл. Stieve, II, S. 275, N 481. Хранится в деле, озаглавленном: «Телеграммы, полученные и отправленные министром за границей».

[5] Тел. Сазонова № 217 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Ср. № 867.

№ 901. Поверенный в делах в Берлине министру иностранных дел Сазонову[1].

Телеграмма № 129[2]. 5 октября/22 сентября 1912 г.

Почти ежедневно меня посещают представители Болгарии, Сербии и Греции. Из трех — один лишь первый является воинственным и не видит исхода, кроме войны.

Из слов сербского поверенного в делах позволительно заключить, что он с нетерпением ожидает энергичных шагов держав, способных еще остановить конфликт, в который втянута Сербия; он опасается лишь, что даже энергичные советы не подействуют чрез три, четыре дня, так как союзники благодаря дальнейшему промедлению ежедневно теряют свое временное количественное преимущество на границе.

Того же несколько минорного тона держится и греческий поверенный в делах, возлагающий в случае вооруженного столкновения большие надежды на действия греческих банд, первоначальной целью коих является перерыв железной дороги Константинополь — Салоники.

Доношу вышеизложенное в предположении, что тон двух здешних балканских представителей отражает настроение застигнутых врасплох правительств.

[Броневский.]

№ 902. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 130. 5 октября/22 сентября 1912 г.

Телеграфирую министру:

Статс-секретарь сказал мне сейчас, что он примкнул к предложенной вчера из Парижа редакции обращения держав к Турции и балканским государствам[3]. О согласии на нее Австрии он еще не уведомлен. Он сожалеет, если предложенные Англией изменения внесут задержку[4], и добавил в заключение, что он вообще в данном вопросе согласен на все предложения, раз по ним установлено согласие Петербурга и Вены, каковое условие он считает наиболее важным элементом[5].

Броневский.

№ 903. Посол в Вене министру иностранных дел Сазонову[6].

Телеграмма № 78[7]. 5 октября/22 сентября 1912 г.

Только что видел графа Берхтольда, который имел продолжительное совещание с французским послом. Он выразил полное свое согласие для совместного выступления пяти держав в балканских столицах и Константинополе или двойственного выступления России и Австро-Венгрии,

---

[1] Публикуемая тел. адресована в Париж.

[2] Печатается из журнала входящих и исходящих телеграмм росс. пос-ва в Берлине.

[3] См. № 894 и стр. 361, прим. 2.

[4] Ср. стр. 366, прим. 8.

[5] Тел. от 5 окт./22 сент. за № 176 Гартвиг сообщал Нератову, что, по полученным им сведениям, Кидерлен «дает балканским представителям в Берлине ясно понять, что представления великих держав в Константинополе не могут иметь успеха и что потому [он] телеграфирует ныне озаботиться насколько возможно о локализации войны. Это лишь укрепляет славянские государства в решимости добиться результатов военными действиями».

[6] Публикуемая тел. адресована в Париж.

[7] Маш. копия. Хранится в деле, озаглавленном: «Телеграммы, полученные и отправленные министром за границей».

как представителей обеих групп. Относительно предложенного Пуанкаре текста [1] он предлагает следующие изменения: в конце второго § заменить слова: «Les Balkans» [2] словами: «La Turquie d'Europe» [3]. В § 3 он желал бы не упомянуть ст. 23, так как она касается преимущественно Крита. Следовало бы просто сказать: «sur le traité de Berlin» [4]. В том же § он хотел бы исключить слово: «chrétiennes» [5] и заменить выражение: «La Turquie d'Europe» словами: «Péninsule balkanique» [6]; далее за словами: «ne porteraient aucune atteinte» [7] прибавить: «à la souveraineté de Sa Majesté le Sultan et à l'intégrité du territoire de l'Empire ottoman» [8].

Гирс.

№ 904. Посланник в Афинах [9] временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 71. 5 октября/22 сентября 1912 г.

Получил телеграмму № 2047 [10].

Сейчас виделся с министром иностранных дел, которому передал ее содержание. Министр сообщил мне, что он душевно признателен гофмейстеру Сазонову за его настойчивые попытки установить единомыслие между державами, чтобы потребовать от Турции безотлагательного проведения реформ. Он прибавил, что исключительно во внимание к стараниям нашего министра греческое правительство уже несколько дней воздерживается от подачи приготовленной весьма энергичной ноты оттоманскому правительству [11] и от большего обострения уже и без того натянутого положения. Получив вчера через посредство греческого посланника в Париже просьбу С. Д. Сазонова успокоительно повлиять на сербское и болгарское правительства, он, повидимому, польщен этим знаком доверия и сегодня же обещал сделать соответствующие шаги в Софии и Белграде. За успех их он, однако, (ручаться) не может. Со своей стороны я не преминул указать министру на весь риск необдуманных и бесповоротных решений и использовал все доводы против вовлечения Греции в войну. Министр иностранных дел уверил меня, что греческое правительство отнюдь не настроено воинственно, но что оно принуждено, под давлением общественного мнения, получить уверенность в действительном проведении Турцией реформ в Македонии. Мне думается, что слухи о предстоящем заключении мира между Италией и Турцией несколько отрезвили греческое правительство и что шансы мира увеличились. Тем не менее мобилизация идет здесь полным ходом. Возвращение короля ожидается в среду [12].

Демидов.

---

[1] См. № 894.
[2] «Балканы».
[3] «Европейская Турция».
[4] «на Берлинском трактате».
[5] «христианские».
[6] «Балканский полуостров».
[7] «ни в какой мере не нанесут ущерба».
[8] «суверенитету его величества султана и территориальной неприкосновенности Оттоманской империи». — В тот же день тел. за № 79, ссылаясь на публикуемую тел., Н. Гирс сообщал Сазонову в Париж, что франц. посол в Вене «получил из Парижа значительно измененный, по (настоянию) Англии, текст того же предложения» и что это предложение в новой редакции «будет сообщено здешним французским послом графу Берхтольду сегодня же вечером».
[9] 5 окт./22 сент. Демидов, вернувшись из отпуска, вступил в управление миссией.
[10] См. № 889.
[11] Ср. стр. 362, прим. 2.
[12] Ср. № 872. Король Георг вернулся в Афины 9 окт./26 сент.

№ 905. Посланник в Бухаресте временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

'/. Телеграмма № 77. 5 октября/22 сентября 1912 г.

Дополнение к моей телеграмме № 74 [1].

По тщательной проверке военным агентом сведений касательно мобилизации первого, второго и пятого корпусов, таковая не приведена в исполнение, но лишь отданы подготовительные распоряжения к ней. Сегодня появилось в официозной газете опровержение всех слухов о мобилизации румынской армии.

Шебеко.

№ 906. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

'/. Телеграмма № 177. 5 октября/22 сентября 1912 г.

Секретно.

Телеграмма № 2027 получена [2].

Итальянские сведения неточны. Ни австрийский, ни германский посланники не делали здесь заявлений, будто их правительства не допустят, чтобы результатом сербо-турецкой войны были изменения территориального status quo в пользу Сербии (...) они приблизительно повторяли представления, порученные другим посланникам, предостерегая от необдуманных решений, советуя сохранять мир, не мобилизовать и выжидать воздействия держав в Константинополе. Правда, Угрон при этом добавил, что для Австрии тем более нежелательно нарушение мира, что у нее имеются серьезные интересы на Балканском полуострове. От графа Каница [3] я узнал, что австрийским посланникам предписано подкреплять представления русских коллег, а германским — английских. Ввиду сего на-днях Каниц обратился к Пашичу буквально с тем же заявлением, которое, согласно телеграммы моей от [1 октября] 18 сентября № 151 [4], сделано было Пэджетом, Деко и мной [5].

Гартвиг.

№ 907. Временно управляющий министерством иностранных дел наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

Телеграмма № 2068. 6 октября/23 сентября 1912 г.

Копию сообщаю председателю совета министров.

Телеграмма № 6905 получена [6].

По имеющимся у нас сведениям, сердару макинскому удалось уже

---

[1] В тел. от 3 окт./20 сент. за № 74 Шебеко сообщал, что, по сведениям воен. агента, рум. прав-во «мобилизовало весь первый, второй и пятый корпуса, расположенные вдоль Дуная».

[2] Тел. от 3 окт./20 сент. за № 2027 (опубл. Stieve, II, S. 269, N 465) Нератов сообщал Сазонову, А. Крупенскому и Гартвигу: «По итальянским сведениям, австро-венгерское правительство сделало два дня тому назад в Белграде заявление, что в случае войны между Сербией и Турцией Австро-Венгрия не допустит, чтобы ее результатом было изменение территориального status quo в пользу Сербии. Означенное заявление было, будто бы, поддержано в Белграде Германией».

[3] Каниц — секретарь герм. миссии в Белграде.

[4] См. № 848.

[5] 4 окт./21 сент. за № 92 (опубл. Stieve, II, S. 274, N 478, где тел. помечена № 93) А. Крупенский телеграфировал Нератову (копия Сазонову): «Боллати мне подтвердил полученное вами сведение о заявлении Австрии в Белграде, что она не допустит изменения территориального status quo в пользу Сербии в случае победы последней».

[6] Тел. от 27/14 сент. за № 1942 Нератов сообщал Воронцову-Дашкову о том, что м-во ин. дел признает занятие макинского ханства «пока излишним», но считает желательным, чтобы «был готов отряд, который, в случае надобности, можно было бы быстро двинуть в Маку». В тел. от 1 окт./18 сент. за № 6905 Воронцов-Дашков указывал, что для занятия «новых пунктов в Урмийском и Хойском районах» необходимо выждать прибытия туда бригады 21-й дивизии. По прибытии этой бригады Воронцов-Дашков считал желательным выделить из нее отряд для занятия Маку.

подавить беспорядки, возникшие недавно в его ханстве. Со стороны же турок за последнее время не было никаких агрессивных попыток на макинской границе, и нет никакого основания опасаться таковых в ближайшем будущем, как ввиду наступления зимы, так, в особенности, ввиду крайне затруднительного положения, в котором Порта ныне находится. Между тем занятие нами Маку, при современных условиях, неминуемо было бы истолковано как угроза с нашей стороны Турции, что совершенно не соответствовало бы нашей миротворной политике в балканском вопросе.

Поэтому продолжаем настаивать на несвоевременности занятия ныне Маку. Помощь Симко может, в случае надобности, быть оказана из Хоя.

Прибавка Коковцову.

Если ваше превосходительство изволите разделить вышеизложенный взгляд, прошу поддержать его перед наместником.

Нератов.

№ 908. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому.

*/. Телеграмма № 2076 [1]. 6 октября/23 сентября 1912 г.

Сообщается д. с. с. Коростовцу в Ургу.

Монголия.

№ 812 получен [2].

Данный вами товарищу министра иностранных дел ответ одобряется. Само собой разумеется, что мы не согласимся ни на решение монгольского вопроса путем третейского разбирательства, ни на посылку китайской карательной экспедиции во Внешнюю Монголию. Вы могли бы подтвердить это министру иностранных дел, посоветовав ему воздержаться от официального обращения к нам по этому поводу и указав, что принимаемые китайским правительством меры по сосредоточению войск во Внутренней Монголии, по соседству Китайской Восточной железной дороги, неизбежно вызовут с нашей стороны принятие соответствующих мер к предупреждению какого-либо нарушения наших прав и интересов.

Для вашего сведения добавляю, что мы сносимся с военным министром относительно принятия мер для подготовки наших войск на случай необходимости вступить в Манчжурию и настаиваем перед ним на передвижении ургинского отряда в Улясутай и на замене его другим [3].

Нератов.

№ 909. Временно управляющий министерством иностранных дел министру иностранных дел Сазонову [4].

*/. Телеграмма № 2081 [5]. 6 октября/23 сентября 1912 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 2062 [6], в коей изложены личные мои соображения. Считаю долгом дополнить их мыслями, высказанными морским министром.

---

[1] Опубл. Ор. кн., М., стр. 4, под датой 10 окт./27 сент., с сокращениями и стилистическими изменениями.

[2] См. № 879.

[3] Об этом Нератов сообщал Сухомлинову в письме от 5 окт./22 сент. за № 1012.

[4] Публикуемая тел. адресована в Париж.

[5] Лит. копия. Опубл. Stieve, II, S. 280, N 490, где она датирована 7 окт./24 сент. и помечена № 2089.

[6] См. № 897.

Наш флот гораздо сильнее турецкого и готов выступить во всякое время. Министр считает греческий флот также сильнее турецкого.

Он предупреждает, что если нашему флоту будет предложено не допустить несоблюдения Турцией предполагаемого появления [1] турецких военных судов у болгарских берегов, нашей эскадре неудобно ограничиваться протестом, а придется прибегнуть к силе. В таком случае предупредить дальнейшие осложнения возможно только путем предварительного обеспечения от вмешательства другой державы.

Столкновение двух флотов могло бы подвергнуть опасности наш стационер в Константинополе.

Я высказал министру, что окончательное решение может быть принято по возвращении вашем и председателя совета министров, ожидаемого сюда [13 октября] 30 сентября.

Считаю долгом прибавить, что если приступлено будет к переговорам с Австрией при определении границы северной части Новобазарского санджака, которую Австрия пожелала бы исключить из района войны, необходимо принять во внимание интересы Сербии и Черногории. Последняя, повидимому, намерена начать с занятия Бераны, а сербские войска пойдут к ней на соединение. Поручил Гартвигу сообщить вам в Берлин имеющиеся у него сведения [2].

Нератов.

№ 910. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Цетинье А. Гирсу.

Телеграмма № 2084 [3]. 6 октября/23 сентября 1912 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 2080 [4].

Потапов сообщает, что по случаю дня рождения короля [8 октября] 25 сентября начало военных действий назначено на среду [9 октября] 26 [сентября].

Ввиду известных уже вам соображений благоволите вновь представить черногорскому правительству опасность поспешности и принятия инициативы в минуту, быть может, благоприятного для целей, преследуемых балканскими государствами, поворота дел, согласно усилиям держав.

Нератов.

№ 911. Георг V — Николаю II.

Письмо. Бальмораль, 6 октября/23 сентября 1912 г.

Dearest Nicky,

I thank you a thousand times for your dear letter which M. Sazonow brought me on his arrival here. I cannot say how charmed both May and I were

[1] Так в оригинале.

[2] В тот же день тел. за № 2083 Нератов сообщил Гартвигу: «Высказываю министру предположение о желательности договориться с Австрией о локализации войны на почве признания нерушимости территориального status quo и заявления воюющим сторонам о недопустимости перенесения военных действий для России — в бассейн Черного моря, для Австрии — в северную часть Новобазарского санджака. Крайне желательно доверительное заключение ваше и военного агента о границах северной части Санджака, кои могли бы быть определены без существенного неудобства для операций сербских и черногорских войск. Обращаю ваше внимание на важность известной уступкой связать нейтралитет Австрии».

[3] Маш. копия.

[4] 4 окт./21 сент. в тел. за № 183 А. Гирс просил указаний «на случай формального обращения с просьбой о помощи нашего Красного Креста». В ответ на это Нератов тел. от 6 окт./23 сент. за № 2080 сообщил: «Разумеется, с нашей стороны не встретится препятствий к помощи русского Красного Креста в случае объявления войны. Официальное обращение черногорского правительства до этого было бы несвоевременно. Не теряем надежды на предотвращение войны ввиду переговоров держав о способах добиться от Порты реформ с достаточными обеспечениями».

with him and how pleased we were that he was able to spend a few days with us in our Highland home, and during which time he had opportunities of several long and most friendly conversations with Sir Edward Grey. I cordially agree that M. Sazonow is straightforward and honest and I am sure he found Sir Edward Grey the same. It was only possible between two Statesmen of such similar natures that any misunderstandings between our two Countries could have been frankly discussed and cleared up. I am glad to say that the results of these conversations have been most satisfactory. You know, my dear Nicky, what importance I attach to the maintenance of most friendly and intimate relations between our two Countries and I feel sure that you will feel satisfied with the report which M. Sazonow will be able to make to you and that you will agree that his visit to England will do much to strengthen those relations, to maintain and strengthen which I know you are as keen about as I am. You will like to hear that M. Sazonow made a most excellent impression upon everyone who met him; amongst others who happened to be here was Mr. Bonar Law, the leader of the opposition, which I think was a happy coincidence. For I am glad to tell you that with regard to our Foreign Policy the opposition are in full agreement with the Government, whose only opponents are a small and insignificant number belonging to their own extreme left, and nobody pays any attention to them whatever.

I am so pleased all the ceremonies and festivities at Moscow for the 100-th anniversary of your war with Napoleon went off so successfully and that the weather was fine. I am so glad to think that you are now having some well earned rest at Spala and I hope having good sport. Delighted to hear dear Alicky is so much stronger and better in every way and was able to take part in some of the ceremonies and that your two stays in the Crimea have done her so much good.

As to our friend, that good fool of a Michel[1], who I am sure bores you with his many grievances as he does me. He has lived here in England many years and dear Papa was always most kind and friendly to him and I have invariably tried to be the same. Of course I do not know what he may have said to you at Moscow, with regard to his wife being given a title by me, to the acceptance of which you gave your consent. Unfortunately however I have not the power to grant a title in England to a foreign subject and still more impossible in the case of the wife of a Russian Grand Duke. I expect as soon as I get to London he will come and see me and I do not look forward to our interview with any pleasure as I fear I have no alternative but to refuse his request. Sorry to have bothered you with this long story, but thought it better to explain my position fully, in case he troubles you again on the subject. He has never mentioned the subject to me yet and your letter was the first I had heard of it.

The Balkan States, Greece and Turkey having mobilized their armies naturally causes us all great anxiety; if, alas, war should break out, I trust that the Powers who are working together now will continue to do so, and thereby localize it; it would indeed be a disaster if they failed and general war ensued which God forbid.

May and I have spent a very pleasant time here with the children and we have had good sport with the stags and grouse, I am sorry to say we have to return to London on the 9-th.

With much love to you and dear Alicky and your children from May and myself and hoping these lines will find you in the best of health.

Ever dearest Nicky
your devoted friend and cousin
Georgie.

[1] Имеется в виду вел. князь Михаил Михайлович.

Перевод.

Дорогой Ники,

Благодарю тебя тысячу раз за твое милое письмо, которое г. Сазонов передал мне по своем приезде сюда. Не могу выразить, как мы с Мей были очарованы им и как мы были рады, что он имел возможность провести с нами в нашем шотландском поместьи несколько дней, во время которых он смог иметь ряд длинных и самых дружественных бесед с сэром Э. Греем. Я вполне согласен, что г. Сазонов прямой и честный человек, и уверен, что он нашел, что сэр Э. Грей такой же. Только между двумя государственными деятелями столь одинакового характера возможно было открыто обсудить и уладить всякие недоразумения между нашими странами. Я счастлив сказать, что результат этих разговоров был самый удовлетворительный. Ты знаешь, милый Ники, какое значение я придаю сохранению самых дружественных и близких отношений между нашими двумя странами, и я уверен, что ты будешь удовлетворен отчетом, который г. Сазонов сможет тебе сделать, и что ты согласишься, что его визит в Англию много даст для укрепления этих отношений, сохранить и укрепить которые, я знаю, ты так же горячо желаешь, как и я. Тебе будет приятно узнать, что г. Сазонов произвел самое лучшее впечатление на всех, кто его видел; между оказавшимися в то время здесь был и г. Бонар Лоу, лидер оппозиции, что, мне кажется, явилось удачным совпадением. Я счастлив сказать тебе, что в отношении нашей иностранной политики оппозиция вполне согласна с правительством, единственными противниками которого является небольшая и неимеющая значения группа лиц, принадлежащая к крайнему левому крылу правительственной партии, на которых никто не обращает никакого внимания.

Я очень доволен, что все церемонии и празднества в Москве по случаю столетия вашей войны с Наполеоном так хорошо прошли и погода была прекрасной. Я так рад, что ты сейчас наслаждаешься заслуженным отдыхом в Спале, и надеюсь, что охота будет удачной. Я счастлив слышать, что милая Алики теперь окрепла и лучше себя чувствует во всех отношениях, так что могла принять участие в некоторых церемониях и что ваши два пребывания в Крыму принесли ей столько пользы.

Теперь о нашем друге, этом дурачке Михаиле, который, я уверен, так же надоедает тебе своими многочисленными жалобами, как он надоедает мне. Он прожил здесь в Англии много лет, и дорогой папа всегда относился к нему с бесконечной добротой и дружественным расположением, и я неизменно старался так же относиться к нему. Конечно, я не знаю, что он мог рассказать тебе в Москве по поводу дарования мной его супруге титула, на принятие которого ты дал свое согласие. К сожалению, однако, я не имею права даровать английский титул иностранной подданной, и это тем более невозможно по отношению к супруге русского великого князя. Я предвижу, что, как только я вернусь в Лондон, он явится ко мне, и я не очень-то радуюсь нашему свиданию, так как, к сожалению, буду вынужден отказать в его просьбе. Прости, что докучаю тебе этой длинной историей, но я счел лучшим подробно объяснить мое положение, на случай если он опять будет беспокоить тебя по этому поводу. Он еще ни разу не говорил со мной по этому вопросу, и впервые я узнал об этом из твоего письма.

То, что балканские государства, Греция и Турция, мобилизовали свои армии, естественно, очень нас всех волнует; если, увы, вспыхнет война, я надеюсь, что державы, которые сейчас действуют сообща, будут продолжать так действовать и тем самым сумеют локализовать ее; действительно, будет катастрофой, если это им не удастся и последует всеобщая война, от чего сохрани бог.

Мы с Мей и детьми очень хорошо провели здесь время и удачно поохотились на оленей и куропаток; к сожалению, мы должны вернуться в Лондон 9-го.

С сердечным приветом тебе, милой Алики и вашим детям от Мей и меня и надеюсь, что это письмо найдет тебя в добром здравии,

всегда, дорогой Ники,
твой преданный друг и кузен
Джорджи.

№ 912. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁎/. Телеграмма № 251[1]. 6 октября/23 сентября 1912 г.

Je télégraphie au Ministre:

Au cours de l'entretien d'hier Nicolson n'a jamais mis en doute nécessité de démarches à Constantinople. Projet d'une démarche austro-russe dans 4 capitales balkaniques[2] et d'une démarche simultanée de toutes les Grandes

[1] Опубл. Stieve, II, S. 278, N 486.
[2] См. № 916.

Puissances à Constantinople n'a aucunement été mis en doute. Sur le texte français qui doit servir pour l'une et l'autre, que discutera Porte, dans ce texte il n'a relevé que point N 3 et dans ce point l'expression: «elles prendront en mains». Cette expression, en éliminant d'ores et déjà Turquie, rend, dans l'opinion personnelle de Nicolson, acceptation par la Turquie impossible et rend par là illusoire toute chance de succès pacificateur de la démarche. Il m'a lu télégramme de l'Ambassadeur à Constantinople, dénotant état d'esprit qui ne permettait à aucun Gouvernement turc de s'y soumettre, étant donné que Turquie se trouve sous coup de menace d'attaque à force armée. Il m'a dit que le Cabinet de Londres se joindrait certainement à toute démarche ayant chance de succès, mais il a fort insisté sur son opinion séparée, qu'expression «prendront en mains» condamne d'avance démarche à échec de l'effort unanime des Puissances. Il a dit la même chose à Cambon. Je verrai Grey aujourd'hui et télégraphierai.

Benckendorff.

Перевод.

Телеграфирую министру:

В течение вчерашней беседы Никольсон ни разу не усомнился в необходимости демарша в Константинополе. Не было высказано никаких сомнений по поводу проекта австро-русского демарша в четырех балканских столицах и единовременного демарша всех великих держав в Константинополе. Касательно же французского текста, который должен служить как для одного, так и для другого и который будет обсуждаться Портой, то в этом тексте он отметил только пункт 3 и в этом пункте выражение: «они возьмут в свои руки». Это выражение, заранее устраняющее участие Турции, делает, по личному мнению Никольсона, согласие Турции невозможным, благодаря чему всякая надежда на успех примирительного выступления становится призрачной. Он прочел мне полученную от посла в Константинополе телеграмму, свидетельствующую о таком состоянии умов, которое не позволит никакому турецкому правительству подчиниться этому, ввиду того что Турция находится под угрозой подвергнуться вооруженному нападению. Он сказал, что лондонский кабинет, несомненно, присоединится к любому демаршу, имеющему шансы на успех, но он очень настаивал на высказанном им особом мнении, что выражение «возьмут в свои руки» заранее обрекает на неудачу попытку единодушного выступления держав. То же самое он сказал Камбону. Я увижу Грея сегодня и буду телеграфировать.

Бенкендорф.

№ 913. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 252 [1]. 6 октября/23 сентября 1912 г.

Je télégraphie à Sazonow:

Cambon m'a montré télégramme de Poincaré annonçant modifications texte tenant compte des observations de l'Autriche [2]. Ce texte n'était pas encore arrivé à 3 heures quand Grey a reçu Cambon et moi ensemble. Nous avons rendez-vous à 6 heures chez Cambon. Entre-temps Grey nous a montré le télégramme à Bertie. Grey propose que points 1 et 2 du texte Poincaré fassent objet de démarches austro-(russes) auprès des Gouvernements balkaniques. Représentants russe et autrichien ajouteraient que toutes les Puissances entrent en communication avec le Gouvernement turc au sujet des réformes à introduire d'urgence. Grey propose nouvelle rédaction pour point 3 que Bertie doit communiquer aujourd'hui. Il y parle de discussions avec la Porte des réformes à introduire immédiatement dans les intérêts des populations et des mesures nécessaires pour en assurer l'exécution. La rédaction se base sur la résolution de la Porte, publiée récemment [3], sur l'article 23 du traité de Berlin et sur la loi turque de 1880. Grey nous a dit qu'il mentionnait cette

[1] Опубл. Stieve, II, S. 278, N 487.
[2] См. №№ 903 и 916.
[3] См. приложение к № 765.

loi parce que le Ministre des Affaires étrangères turc y avait référé récemment en conversation avec Ambassadeur d'Autriche [1]. Grey nous a dit que la démarche à Constantinople, comme il l'a proposée, répond dans son opinion au but des Puissances mieux que toute autre. Tout en plaçant question sur terrain où la Porte ne peut pas se dérober, elle sauvegarde sa dignité dans la mesure du possible. Il considère la démarche russo-autrichienne de (grande) importance. Dans son opinion la combinaison des deux démarches offre elle-même un sérieux (gage) de paix. Bien entendu opinion de Grey peut encore être modifiée après qu'il aura pris connaissance de la rédaction Poincaré.

Benckendorff.

Перевод.

Телеграфирую Сазонову:

Камбон показал мне телеграмму Пуанкаре, сообщающую об изменениях текста с учетом замечаний Австрии. Этот текст не был еще получен в 3 часа, когда Грей принял меня и Камбона вместе. Мы назначили свидание в 6 часов у Камбона. Тем временем Грей показал нам телеграмму, адресованную Берти. Грей предлагает сделать 1 и 2 пункты предложения Пуанкаре предметом австро-(русских) выступлений перед балканскими правительствами. Российский и австрийский представители добавят, что все державы войдут в сношения с турецким правительством по поводу реформ, подлежащих срочному проведению. Грей предлагает новую редакцию для пункта 3, которую Берти должен сообщить сегодня. Он говорит в ней об обсуждении с Турцией реформ, подлежащих немедленному проведению в интересах народностей, и мер, необходимых для обеспечения осуществления этих реформ. Редакция основана на недавно опубликованном решении Порты, на статье 23-й Берлинского трактата и на турецком законе 1880 г. Грей сказал нам, что он упомянул об этом законе потому, что турецкий министр иностранных дел ссылался на него в недавней беседе с австрийским послом. Грей сказал нам, что, по его мнению, демарш в Константинополе, в том виде, как он его предлагает, лучше всякого другого отвечает цели, намеченной державами. Ставя вопрос на такую почву, которая не позволит Порте уклониться, он щадит, по мере возможности, ее достоинство. Он придает (большое) значение русско-австрийскому выступлению. По его мнению, комбинация обоих выступлений является сама по себе существенным (залогом) мира. Само собой разумеется, что мнение Грея может еще измениться после того, как он ознакомится с редакцией Пуанкаре.

Бенкендорф.

№ 914. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 253 [2]. 6 октября/23 сентября 1912 г.

Je télégraphie Sazonow: Suite à mon télégramme N 252 [3].

Cambon, ayant reçu télégramme contenant texte modifié conformément aux observations autrichiennes, venons d'avoir à l'ambassade de France un entretien avec Grey et Nicolson. Grey, considérant adhésion de la Russie et de l'Autriche au projet français et la nécessité maintenir l'accord des Puissances, accepte le texte. Sans insister sur modification «prendre en mains», il eût préféré toute autre expression équivalente, celle-ci, selon lui, prêtant à être prise dans un sens trop étroit et absolu et, reproduit par la presse, de nature à froisser la Turquie et par conséquent compromettre résultat démarches. Grey n'est pas partisan d'une démarche collective à Constantinople et préfère des démarches identiques, mais individuelles. Dans sa pensée tout engagement relatif aux réformes est subordonné au maintien de la paix et ne subsisterait pas au cas d'une attaque de la Turquie par les Puissances balkaniques. Grey, pour faciliter son rôle à la Turquie, accepterait, si les Gran-

[1] См. № 885.
[2] Опубл. Stieve, II, S. 279, N 488.
[3] См. № 913.

des Puissances étaient d'accord pour projet utile, une garantie à la Turquie de son territoire européen. Il émet cette idée sans insister. Grey expédie à Bertie un télégramme contenant toutes ses observations. Les représentants britanniques dans les Balkans et à Constantinople recevront des instructions dès que leurs collègues auront reçu les mêmes instructions [1].

Benckendorff.

Перевод.

Телеграфирую Сазонову: Продолжение моей телеграммы № 252.

Ввиду того, что Камбон получил телеграмму, содержащую измененный в соответствии с австрийскими замечаниями текст, мы имели во французском посольстве собеседование с Греем и Никольсоном. Принимая во внимание согласие России и Австрии на французский проект и необходимость сохранения солидарности держав, Грей согласился на этот текст. Не настаивая на изменении слов «взять в свои руки», он предпочел бы любое другое равнозначащее выражение, поскольку данное выражение может, по его мнению, толковаться в слишком узком и категорическом смысле и, будучи воспроизведено в печати, способно задеть Турцию, а следовательно, и скомпрометировать успех выступлений. Грей не сторонник коллективного выступления в Константинополе и отдает предпочтение идентичным, но индивидуальным выступлениям. По его мнению, всякое обязательство в отношении реформ подчинено условию сохранения мира и не может сохранить силу в случае нападения на Турцию балканских государств. Чтобы облегчить роль Турции, Грей был бы согласен, в том случае если великие державы придут к соглашению относительно подходящего проекта, гарантировать Турции [целостность] ее европейской территории. Он высказывает эту мысль, не настаивая на ней. Грей отправляет Берти телеграмму с изложением всех своих замечаний. Английские представители на Балканах и в Константинополе получат инструкции, как только их коллеги получат такие же инструкции.

Бенкендорф.

№ 915. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 220 [2]. Париж, 6 октября/23 сентября 1912 г.

Телеграфирую Бенкендорфу:

Продолжая представлять возражения против формулы, измененной согласно замечаниям Австро-Венгрии, великобританское правительство приняло бы на себя ответственность за промедление, которое при нынешних обстоятельствах может иметь самые тяжелые последствия. Полное согласие достигнуто уже между Россией, Францией, Австрией и Германией. Выражение «взять в свои руки» было немедленно принято Кидерленом. Раз текст заявления устанавливает, что ни суверенитет султана, ни территориальная неприкосновенность Оттоманской империи не будут затронуты, казалось бы, Порта не может обидеться на выражение, которое означает просто, что державы сообща обратятся к ней с соответствующим представлением, но которое вместе с тем одно лишь только способно успокоить балканские государства, призывая их верить Европе, а не одной лишь Турции [3]. Одновременно с сим Пуанкаре отправляет тождественную телеграмму Камбону [4].

Сазонов.

---

[1] Тел. от 7 окт./24 сент. за № 254 (опубл. Stieve, II, S. 281, N 492) Бенкендорф сообщал Нератову и Сазонову в Берлин, что, по мнению Грея, выступление в К-поле следует сделать раньше, чем там станет известным о выступлении России и Австрии в балканских столицах.

[2] Опубл. М., стр. 281.

[3] Тел. от 7 окт./24 сент. за № 97 А. Крупенский сообщал Нератову и в Берлин Сазонову: «Сан-Джулиано присоединяется к последнему французскому предложению, если все державы согласятся с ним. Он, однако, полагает, что Англия возразит против выражения: «державы возьмут в руки осуществление реформ».

[4] В деле Арх. Вн. Пол. К. 213 хранится копия тождественной тел. Пуанкаре Камбону в Лондон на франц. языке от 6 окт./23 сент.

№ 916. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 222 [1]. Париж, 6 октября/23 сентября 1912 г.

N 2 [2].

Communique Berlin, Vienne, Rome, Londres et Constantinople:

«Les Gouvernements russe et austro-hongrois déclareront aux États balkaniques: 1) que les Puissances réprouvent énergiquement toute mesure susceptible d'amener la rupture de la paix; 2) de mentionner que s'appuyant sur l'article 23 du traité de Berlin elles prendront en mains, dans l'intérêt des populations, la réalisation des réformes dans l'administration de la Turquie d'Europe, étant entendu que ces réformes ne porteront aucune atteinte à la souveraineté de Sa Majesté Impériale le Sultan et à l'integrité territoriale de l'Empire Ottoman. Cette déclaration réserve aussi la liberté des Puissances pour l'étude collective et ultérieure des réformes; 3) mentionner que si la guerre vient néanmoins à éclater entre les États balkaniques et l'Empire Ottoman, elles n'admettent, à l'issue du conflit, aucune modification au status quo territorial dans la Turquie d'Europe. Les Puissances feront collectivement auprès de la Sublime Porte les démarches dérivant de la précédente déclaration».

Sazonow.

Перевод.

№ 2.

Сообщаю в Берлин, Вену, Рим, Лондон и Константинополь:

«Российское и австро-венгерское правительства заявят балканским государствам: 1) что державы решительно осуждают всякие меры, способные привести к нарушению мира; 2) упомянут, что, основываясь на статье 23-й Берлинского трактата, они возьмут в свои руки, в интересах народностей, проведение реформ в управлении Европейской Турции, при непременном условии, что эти реформы ни в коей мере не нанесут ущерба суверенитету его императорского величества султана и территориальной неприкосновенности Оттоманской империи. Эта декларация оставляет также за державами свободу для последующего коллективного изучения реформ; 3) упомянут, что если, тем не менее, между балканскими государствами и Оттоманской империей разразится война, они не допустят по окончании конфликта никаких изменений территориального status quo в Европейской Турции. Державы коллективно предпримут перед Высокой Портой демарш, вытекающий из предшествующей декларации».

Сазонов.

№ 917. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 95. 6 октября/23 сентября 1912 г.

Сообщаю в Берлин.

Получил вашу телеграмму № 2066 [3].

Министр мне сказал: «Австрийские представления Италии о невключении в район военных действий албанского побережья обусловливались пред-

[1] Опубл. М., стр. 281.

[2] В тел. Нератову от 6 окт./23 сент. за № 221 (№ 1) (опубл. М., стр. 281), сообщенной в Берлин, Вену, Лондон, Рим, К-поль, Сазонов указывал, что за № 2 передается текст заявления, который, по предложению Пуанкаре, Россия и Австрия должны сделать от имени держав в четырех балканских столицах. «Пуанкаре только что уведомил меня, — заканчивал Сазонов, — что им получено уже согласие на этот текст от всех великих держав, за исключением лишь Англии, ответ которой ожидается в самом скором времени».

[3] 5 окт./22 сент. тел. за № 2066 Нератов предлагал послам в Риме и Вене: «Благоволите, если возможно, спешно осведомить нас и министра в Берлине, в какой форме получено было Австрией от Италии уверение о невключении в район ее военно-морских действий албанского побережья и какими аргументами сопровождалось представление Австрии. Не теряйте из виду доверительный характер осведомления.

Для Вены: Не имели ли вы в свое время объяснений с австрийскими министрами о действительной причине, побудившей Австрию добиваться нейтрализации Адриатического моря, и о военных мерах, принятых ею с этой целью».

шествующим согласием названных двух держав о сохранении status quo в Албании и опасением, чтобы война не вызвала восстания албанцев и других местных осложнений. С другой стороны, Италия, желая тоже сохранения status quo и считая, что в ее интересах доказать, что восстание, которого последняя боялась, не будет вызвано итальянскими военными действиями, обещала не письменно, а лишь словесно не распространять военных действий на Адриатику и на побережье Эгейского моря».

Крупенский.

№ 918. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 82. 6 октября/23 сентября 1912 г.

Получил вашу телеграмму № 2066 [1].

Пользуясь разрешением министра иностранных дел, буду во вторник [2] всего на один день в Берлине. Могу сообщить, что переговоры между Австрией и Италией насчет нейтрализации Адриатического моря носили весьма секретный характер. Представление Австрии было в свое время энергично поддержано Германией. Лица, хорошо осведомленные, утверждают, что Австрия угрожала даже (принятием) самых серьезных военных мер, если бы итальянские морские силы не покинули Адриатического моря. После бомбардировки Превезы [3] Эренталь заявил представителям, что он желал изъять Балканский полуостров из района военных действий Италии, чтобы на Балканах не вспых[нул] общий пожар.

Гирс.

№ 919. Посланник в Стокгольме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Письмо. 6 октября/23 сентября 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В Стокгольме провела только что несколько дней английская эскадра, ушедшая третьего дня в Ревель. Приход и пребывание здесь эскадры сопровождались обычными приемами и празднествами, описывать которые я не стану, так как они ничем особенным не отличались от других им подобных, и цель моего настоящего письма заключается лишь в желании отметить политическую сторону этого визита.

Когда англичане предложили шведам притти в их воды, последние не сочли возможным отклонить это предложение, но приняли его со страхом пред тем впечатлением, которое может произвести в Берлине приход английской эскадры, дальнейший путь следования которой направлен в Россию [4].

Это опасение сказалось внешним образом в следующих фактах: король отсутствовал и поручил принять эскадру принцу Вильгельму, ограничившему свою роль чисто официальной стороной; наследный принц, женатый на двоюродной сестре английского короля, находящийся теперь на юге Швеции, хотел прибыть в Стокгольм, но, по приказанию короля, остался в своем замке (это сведение сообщено мне английским посланником, находящимся в постоянных сношениях с двором наследной принцессы); командир Стокгольмского порта адмирал граф Эренсверд также уехал из Стокгольма в отпуск всего за несколько дней до прихода эскадры; один из видных здеш-

[1] См. стр. 375, прим. 3.
[2] 8 окт./25 сент.
[3] См. т. XVIII, № 502.
[4] Англ. эскадра находилась в Ревеле с 6 окт./23 сент. по 9 окт./26 сент.

них моряков, встретив во время пребывания эскадры в Стокгольме одного из секретарей вверенной мне миссии, по собственному почину заговорил с ним об отсутствии адмирала графа Эренсверда и особенно настаивал на том, что отпуск адмиралу был разрешен задолго до прихода английской эскадры. Наконец, принимая после сухопутных маневров, закончившихся на следующий день после ухода английской эскадры, пребывающих здесь военных агентов, король, носящий мундир и звание адмирала английского флота, не сказал ни одного слова о визите эскадры английскому военному агенту, что особенно поразило как сего последнего, так и английского посланника.

Все эти обстоятельства вносили, конечно, известный холод, но английский посланник старался не подавать виду, что он замечает их, избегая, однако, насколько было возможно, всяких лишних демонстраций и ограничиваясь лишь самой необходимой официальной стороной. Констатируя со стороны двора и придворных сфер сдержанность и отсутствие предупредительности, сэр Сесиль Спринг-Райс находил, наоборот, что моряки и народ относились к англичанам очень радушно и тепло.

Сэр Сесиль Спринг-Райс был очень огорчен условиями этого визита, считая, что было совершенно напрасно раздражать Берлин и что было бы гораздо благоразумнее, если бы эскадра, покидая Англию, получила приказание зайти, по пути в Стокгольм и Ревель, в один из немецких портов. Высказывая эту мысль, он мне доверительно сообщил, что ему о визите эскадры ничего не было официально известно до последнего времени, а когда сведения об этом до него дошли, впечатление в Германии уже было произведено, вследствие чего он считал, что уже слишком поздно давать в Лондон вышеупомянутый совет. Он утверждал даже, что английское адмиралтейство, решив послать эскадру, не сговорилось совсем с министерством иностранных дел, что подтвердил мне и начальник эскадры адмирал Warrender, который прибавил, что даже по технической, чисто морской, части у него не было достаточно определенных указаний, например насчет точного места стоянки.

В связи с этим визитом английской эскадры в шведские воды стоит состоявшееся за несколько дней перед тем посещение Копенгагена нашей эскадрой под командованием вице-адмирала Эссена, о котором мне подробно доложил ездивший туда на это время наш морской агент [1]. По сведениям графа Келлера, русская эскадра была принята датчанами очень радушно и сердечно, гораздо теплее, чем за несколько дней перед тем эскадра английская, тем не менее германофильская газета «Politiken», искажая факты, поместила недружелюбную нам статью, которая была, однако, затем блестяще опровергнута другими газетами; впрочем я не буду касаться визитов русской и английской эскадр в датские воды, так как это выходит из моей компетенции, и если я о них упомянул, то только потому, что вся пресса соседней Швеции, видимо по указаниям из Берлина, не обмолвилась об этих посещениях ни одним словом.

Примите и пр. А. Савинский.

№ 920. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

%. Письмо. 6 октября/23 сентября 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Сегодня после завтрака в Пелешском дворце король Карл удостоил меня продолжительной беседой, краткое содержание которой я не преминул передать вашему высокопревосходительству секретной телеграммой за № 78 [2].

---

[1] См. стр. 223, прим. 2.

[2] Содержание тел. Шебеко от 6 окт./23 сент. за № 78 исчерпывается публикуемым документом.

Его величество высказал мне, в самых горячих выражениях, чувства удовлетворения и благодарности, вызванные в нем и во всем румынском народе вниманием, оказанным ему государем императором пожалованием звания генерал-фельдмаршала российской армии [1], с которой его связывает столько боевых воспоминаний.

Отличие это, а также и самый текст телеграммы, коей государю императору угодно было сообщить ему о состоявшемся назначении [2], повидимому, произвели на короля весьма сильное впечатление и глубоко его тронули. Он усмотрел в этом факте как бы блестящее завершение своей военной службы и признание со стороны российского монарха боевой доблести и военных заслуг румынской армии и ее военноначальника. Весь последующий за этим разговор, посвященный главным образом настоящему политическому кризису на Балканах, носил на себе отпечаток этого настроения короля и вызванных в нем вышеозначенным поступком государя императора чувств.

Король подтвердил сделанные мне на-днях министром иностранных дел заявления относительно принятого румынским правительством решения не предпринимать никакого шага, могущего обострить настоящее критическое положение и затруднить усилия держав помешать войне [3]. Его величество поведал мне далее, что на переданную ему лично во время частной аудиенции турецким посланником просьбу помочь Турции в настоящем трудном ее положении, он ответил категорическим отказом, заявив Сефабею, что Румыния не имеет в настоящее время никаких территориальных вожделений, а потому намерена оставаться вне настоящего конфликта. В случае же изменения территориального status quo в пользу Болгарии, она не преминет выступить с требованием соответственной компенсации в смысле ректификации румыно-болгарской границы для восстановления политического равновесия на Балканах, которое в противном случае оказалось бы нарушенным в ущерб Румынии. Беседу свою с турецким представителем король закончил, по словам его величества, советом воздействовать на свое правительство для скорейшего заключения мира с Италией; король при этом высказал ему мысль об уступке Крита Греции, чем Порта разоружила бы одного из своих противников.

Трудность мирного исхода из настоящего положения заключается, по мнению короля Карла, в том, что агрессивные против Турции выступления балканских государств вызвали за последнее время сильное возбуждение мусульманского мира, так что решение вопроса о мире и войне перешло из рук правительств в руки народных масс, чем положение значительно осложнилось.

Разговор свой король закончил выражением горячего пожелания, чтобы миролюбивые усилия России увенчались успехом, несмотря на громадную трудность предстоящей ей задачи, прибавив, что со своей стороны Румыния воздержится от всего того, что могло бы затруднить роль России в настоящем кризисе.

Примите и пр.

Шебеко.

---

[1] См. стр. 324, прим. 2.

[2] Тел. от 30/17 сент. Николай II уведомил короля Карла о пожаловании ему звания генерал-фельдмаршала росс. армии. В ответной тел. от 31/18 сент. король Карл выражал свою благодарность, отмечая, что эта награда «не преминет произвести глубокое впечатление в моей стране». (Обе тел. опубликованы в «Правительственном вестнике» № 222 от 24/11 окт.)

[3] См. № 875.

№ 921. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

Ч/. Письмо. 6 октября/23 сентября 1912 г.
Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Секретной телеграммой от [4 октября] 21 сего сентября, № 181 [1], я счел своим долгом, не откладывая, представить вашему высокопревосходительству некоторые данные об отношении Австрии к настоящему кризису, поскольку я мог судить о том по ходу здешних дел и моим наблюдениям; пользуюсь очередным курьером для представления данных более подробных по тому же вопросу.

Поддерживая с здешним австро-венгерским посланником бар. Гизлем, с которым я был знаком еще во время реформаторской деятельности держав в Македонии, весьма близкие отношения, я постоянно обменивался с ним взглядами на положение дел не только в Черногории, но и на всем Турецком Востоке вообще. Знаток турецких военных и политических дел, бар. Гизль откровенно и систематически высказывал мне опасения за малую успешность воздействия держав на одни балканские государства и за необходимость параллельного решительного давления на Турцию, что не мешало ему, впрочем, с полной добросовестностью и энергией — порой в резкой форме — выполнять даваемые ему, как и мне, поручения сдерживать короля Николая.

События самого последнего времени перевернули здесь все вверх дном, и бар. Гизлю, как и всем прочим моим коллегам, пришлось уже считаться с бесповоротным решением черногорского правительства броситься в борьбу, до последних дней подготовлявшуюся негласно. В настоящее время беседы мои с королем происходят исключительно на почве обсуждения всех последствий создавшегося положения вещей и предстоящих военных действий. Последнюю беседу свою с бар. Гизлем на те же темы король Николай передал мне тотчас же; считая излишним обременять ваше высокопревосходительство всеми ее подробностями, ограничусь передачей лишь главнейших ее тезисов.

К бар. Гизлю его величество обратился за советом, как к военному; ответы последнего сводятся к нижеследующему:

Сил не разбивать, а сосредоточить их вокруг Скутари (как уже и намечено), где черногорцы могут рассчитывать на несколько тысяч малиссорских ружей для партизанской войны.

Австрия собиралась послать к Скутари 2—3 миноносца для защиты своих церковно-школьных учреждений, но отказалась от своего намерения, чтобы не возбуждать подозрений и не вызывать каких-либо операций сосредоточенного ныне в Средиземном море французского флота.

В окрестностях Бераны и вообще в Санджаке действовать не войсками, а четами добровольцев, тем более, что в этих краях скоро может выпасть снег.

На вопрос короля, как ему поступить в случае перехода к нему добровольцев из Австрии (бокезцев, кривошийцев и других далматинцев), которых его величество вынужден будет принять, бар. Гизль ответил, что на это будут смотреть сквозь пальцы, требуя возвращения лишь тех австрийских подданных, которые связаны отбыванием воинской повинности дома.

В дополнение к этим сведениям могу сообщить, что в интимной беседе со своим итальянским коллегой бар. Гизль довольно определенно намекнул

---

[1] Тел. за № 181 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Тел. от 4 окт./21 сент. за № 182 А. Гирс сообщал Сазонову (копия Нератову): «Имею веские данные предполагать, что решительный поворот событий к войне побуждает Австрию смягчить проявленное ею доселе строго отрицательное отношение к предприятиям балканских государств вообще, а в частности к Черногории. Признаки благожелательного к ней отношения, пока, правда, лишь косвенные, уже налицо».

на то, что, не предрешая хода и исхода событий, Австрия едва ли встретит возражения против увеличения Черногории, как государства небольшого и в своем теперешнем территориальном и экономическом положении обреченного на прозябание; Сербия же, — прибавил австрийский посланник, — решительно ничего не получит в случае разверстки так называемых старосербских земель.

Не преувеличивая значения всего сказанного бар. Гизлем, но усматривая в его словах более чем вероятный отголосок венского настроения, я не счел себя вправе не ознакомить ваше высокопревосходительство как с заявлениями моего австрийского сотоварища, так и с моим личным выводом. Последний сводится к тому, что для предстоящей, быть может, грандиозной борьбы Турции с христианскими народами Балканского полуострова Австрия заблаговременно подготовляет себе путь к тому, чтобы в психологический момент стать решительно на сторону последних, со всеми последствиями такого шага.

Примите и пр. А. Гирс.

№ 922. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 779. 6 октября/23 сентября 1912 г.

Urgent.

Télégraphie au Ministre:

A la réception du télégramme de Votre Excellence N 216 [1] m'informant des résolutions arrêtées entre elle et M. Poincaré, je me suis concerté avec mon collègue de France à l'effet d'obtenir du Gouvernement ottoman une déclaration de nature à seconder vos communs efforts en vue du maintien de la paix dans les Balkans. Nous nous sommes rendus ensemble à la Porte où nous avons vu le Grand Vizir et le Ministre des Affaires étrangères qui, avec l'assentiment du Conseil des Ministres réuni en ce moment même, ont consenti à télégraphier aux Ambassadeurs turcs de faire part au cinq Grandes Puissances la déclaration suivante qui sera communiquée aujourd'hui même à la presse: «Le Gouvernement ottoman a résolu de réaliser dès à présent les améliorations qu'il a reconnu nécessaire d'apporter à l'administration des vilayets de la Turquie d'Europe, en appliquant sur le pied d'une égalité parfaite entre tous les éléments du pays les réformes édictées dans la loi des vilayets préparée en 1880 par les commissaires impériaux d'accord avec la commission internationale de la Roumélie Orientale en exécution de l'article 23 du Traité de Berlin». Bompard envoie télégramme identique à Paris.

Giers.

Перевод.

Срочно.

Телеграфирую министру:

По получении телеграммы вашего высокопревосходительства за № 216, извещающей меня о решениях, на которых вы с г. Пуанкаре остановились, я договорился с моим французским коллегой с целью добиться от оттоманского правительства декларации, способной облегчить ваши совместные усилия, направленные к поддержанию мира на Балканах. Мы вместе отправились в Порту, где мы виделись с великим визирем и министром иностранных дел, которые с одобрения совета министров, как раз в тот момент заседавшего, согласились телеграфировать турецким послам, чтобы они сделали пяти великим державам следующую декларацию, которая сегодня же будет сообщена печати: «Оттоманское правительство решило осуществить уже с настоящего момента преобразования, которые оно признало необходимым ввести в управление вилайетами Европейской Турции, распространив на основе полного равенства на все народности реформы, предусмотренные в законе о вилайетах, подготовленном в 1880 г. императорскими комиссарами совместно с Восточно-румелийской международной комиссией во исполнение статьи 23-й Берлинского трактата». Бомпар посылает идентичную телеграмму в Париж.

Гирс.

[1] См. № 894.

№ 923. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 780. 6 октября/23 сентября 1912 г.
Срочная.

Телеграфирую министру:

Ссылаюсь на телеграмму № 779 [1].

Так как заявление оттоманского правительства, повидимому, опережает тождественные ноты балканских государств, не признает ли ваше высокопревосходительство возможным, для отнятия у них всякого повода к активному выступлению, чтобы великие державы, приняв к сведению заявление Порты, немедленно же объявили, что берут на себя фактическую гарантию проведения реформ. Должен оговориться, что по этому поводу я еще не успел объясниться с Бомпаром [2].

Гирс.

№ 924. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 782 [3]. 6 октября/23 сентября 1912 г.
Срочная.

Копия в Цетинье.

Телеграфирую министру:

Черногорский поверенный в делах получил приказание передать Порте во вторник утром [4] ноту следующего содержания:

Сожалею, что исчерпаны все дружественные пути для улажения текущих дел и ежедневных споров между Черногорией и Турцией. По повелению короля объявляю, что все сношения между Черногорией и Турцией прерваны и что судьба черногорского оружия решит дело как черногорцев, так и их братьев, права коих веками попираются.

Пламенац уезжает немедленно по передаче ноты. Он просит не выдавать его черногорскому правительству и считать, что сообщение об ультиматуме получено нами будто бы из Цетинье секретным путем. Посланники других балканских государств до сих пор никаких указаний не получали, но ожидают их завтра с пароходом из Афин.

Гирс.

№ 925. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Берлине Свербееву [5].

Телеграмма № 2091. 7 октября/24 сентября 1912 г.
Лично.

Для министра [6].

Получил вашу телеграмму за № 220 [7].

По моему глубокому убеждению, нам придется выполнить каждое сказанное нами в нынешнем кризисе слово с точки зрения нашего престижа, нашего общественного мнения и интересов мира на Балканах.

Если Англия согласится примкнуть к общему шагу в уверенности, что этот шаг не будет иметь последствием осуществление обещания и Турции

---

[1] См. № 922.

[2] В тот же день тел. за № 783 М. Гирс сообщал Сазонову (копия Нератову), что Бомпар вполне согласен с предложением, изложенным в тел. № 780, и телеграфирует в этом смысле в Париж.

[3] Опубл. Кр. Арх., т. XVI, стр. 3.

[4] 8 окт./25 сент.

[5] Тел. от 6 окт./23 сент. (без номера) Свербеев сообщал, что, вернувшись из отпуска, вступил в управление пос-вом.

[6] См. стр. 394, прим. 5.

[7] См. № 915.

это может сделаться известным, то Порта выкажет полную несговорчивость на действительные уступки в дальнейшем и использует к своей выгоде неловкое положение держав. Для балканских же стран наличность кризиса останется та же, а шансы в борьбе с Турцией значительно умепьшатся. Казалось бы предпочтительнее откровенно договориться с Англией, указав на риск, которому подвергается покровительствуемое ею ныпе турецкое правительство, могущее пасть при первых же неблагоприятных обстоятельствах. А если предполагать, что Англия колеблется из-за своего положения как мусульманской державы, то в качестве таковой опа должна будет не скрывать своего несочувствия к реформам и этим постараться обелить свое участие в коллективном шаге Европы, скомпрометировав таким образом самое дело реформы и мирное разрешение кризиса.

[Нератов.]

№ 926. Временно управляющий министерством иностранных дел министру иностранных дел Сазонову[1].

·/. Телеграмма № 2094 [2]. 7 октября/24 сентября 1912 г.

Болгарский посланник высказал мне мнение, что обязательство Турции применить закон 1880 г. [3] не может удовлетворить Болгарию, так как, независимо от существа дела, турецкое обязательство не может иметь цены.

Со своей стороны думаю, что и гарантия держав по проведению одного лишь означенного закона не удовлетворит Болгарию.

Нератов.

№ 927. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 223 [4]. Париж, 7 октября/24 сентября 1912 г.

№ 1.

Телеграфирую в Софию, Белград, Цетинье и Афины, ссылаясь на мою телеграмму № 222 [5]:

За № 2 вам передается предложенный Францией и принятый всеми остальными великими державами [6] текст заявления, которое благоволите сделать правительству, при коем вы аккредитованы, совместно с вашим австро-венгерским сотоварищем, как только он получит тождественное указание.

Сазонов.

№ 928. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 225. Париж, 7 октября/24 сентября 1912 г.

Телеграфирую в Вену:

Ссылаюсь на свою телеграмму № 223 [7].

Благоволите безотлагательно объясниться с министром иностранных дел, чтобы составить порядок нашего совместного выступления в четырех

---

[1] Публикуемая тел. адресована в Берлин.
[2] Лит. копия.
[3] См. № 922.
[4] Опубл. вместе с текстом предложения Пуанкаре Ор. кн., стр. 14, со стилистическими изменениями.
[5] См. № 916.
[6] Тел. от 7 окт./24 сент. за № 2093 Нератов сообщил Сазонову, что австро-венг. поверенный в делах передал ему о согласии своего прав-ва на формулу, изложенную в тел. Сазонова за № 222.
[7] См. № 927.

балканских столицах, и попросите его дать тотчас же соответственные указания австро-венгерским представителям [1].

Сазонов.

№ 929. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁷/. Телеграмма № 226 [2]. Париж, 7 октября/24 сентября 1912 г.

Copies Rome et Constantinople pour information personnelle.

Je télégraphie à Berlin, Vienne et Londres:

Veuillez pressentir d'urgence le Gouvernement auprès duquel vous êtes accrédité sur la proposition suivante: le Gouvernement britannique propose que la démarche concertée et identique des Puissances auprès de la Porte ait lieu dans les conditions suivantes [3]: Les cinq Puissances informent la Porte qu'elles prennent acte de l'intention publiquement annoncée du Gouvernement turc d'introduire des réformes, et qu'elles discuteront immédiatement avec la Sublime Porte, dans l'esprit de l'article 23 du Traité de Berlin et de la loi de 1880, les réformes que comporte l'administration de la Turquie d'Europe et les mesures propres à en assurer la réalisation dans l'intérêt des populations, étant entendu que ces réformes ne porteront [pas] atteinte à l'intégrité territoriale de l'Empire ottoman. Poincaré et moi, nous sommes d'avis que la formule ultérieure anglaise est acceptable et que la démarche doit avoir lieu le plus tôt possible à Constantinople dans le sens indiqué [4].

Sazonow.

Перевод.

Копии в Рим и Константинополь для личного сведения.

Телеграфирую в Берлин, Вену и Лондон:

Благоволите безотлагательно выяснить у правительства, при коем вы аккредитованы, его отношение к следующему предложению: британское правительство предлагает, чтобы согласованные и идентичные демарши держав перед Портой были предприняты в следующих условиях: Пять держав уведомляют Порту, что они принимают к сведению публичное заявление турецкого правительства о его намерении ввести реформы и что они немедленно приступят к обсуждению с Высокой Портой, — в духе статьи 23-й Берлинского трактата и закона 1880 г., — необходимых реформ в управлении Европейской Турции и мероприятий, способных обеспечить их проведение в жизнь в интересах народностей, при непременном условии, что эти реформы не нанесут ущерба территориальной неприкосновенности Оттоманской империи. Мы с Пуанкаре считаем, что последняя английская формула приемлема и что шаги в указанном смысле должны быть предприняты в Константинополе как можно скорее.

Сазонов.

№ 930. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁷/. Телеграмма № 227. Париж, 7 октября/24 сентября 1912 г.

Телеграфирую в Софию, Белград, Афины и Цетинье:

Ввиду того, что державы согласились добиться совместными усилиями от Порты реформ в духе 23-й статьи Берлинского трактата и что имеются

[1] В тот же день ответной тел. за № 84 Кудашев сообщил, что он выполнил данное ему предписание и что Берхтольд дает указание австро-венг. представителям в четырех балканских столицах «по соглашению с нашими представителями прочесть местным правительствам пункты декларации и передать копии текста».

[2] Опубл. Ор. кн., стр. 15, со стилистическими изменениями; ср. Doc. Dipl., 3-me série, t. IV, p. 72, N 77.

[3] Ср. № 913.

[4] В тел. от 8 окт./25 сент. за № 135 Свербеев сообщил Нератову, что ввиду отсутствия Кидерлена он не мог выполнить поручение, но что в ответ на сделанные ранее в этом смысле представления франц. посла Кидерлен высказал согласие на англ. предложение.

8 окт./25 сент. тел. за № 85 Кудашев сообщил Сазонову и Нератову, что австро-венг. прав-во приняло формулу англ. прав-ва и дает своему послу в К-поле соответствующие указания, но настаивает, чтобы в текст декларации были вставлены слова: «суверенитет его величества султана», опущенные Сазоновым в публикуемой тел.

указания, что Порта намерена пойти навстречу единодушному желанию держав [1], всякое действие в настоящее время балканских государств, способное обострить положение и нарушить мир, представляется мне актом безумия, ибо нет сомнения, что бóльших уступок против тех, которых державы намерены добиться от Турции в пользу христианских народностей, балканские государства не достигнут ценой кровопролития и самых тяжелых жертв и внутренних потрясений. Мы рассчитываем, что благоразумие балканских государств даст державам возможность довести до благополучного окончания столь удачно налаживающихся попыток [2]. Благоволите объясниться по содержанию настоящей телеграммы с правительством, при коем вы аккредитованы.

Сазонов.

№ 931. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 183. 7 октября/24 сентября 1912 г

За последние дни события так быстро идут по пути к вооруженной развязке, что на мой взгляд ныне какое бы то ни было мирное воздействие держав заранее обречено на неуспех. Пашич за себя и за Гешова говорит, что в настоящую минуту вся власть отошла в руки военноначальников, которые твердо, бесповоротно, во что бы то ни стало решили воевать с Турцией и итти навстречу всякой опасности [3]. Они не верят ни в какое обращение турок, выражая опасение, что последние поддаются на переговоры с державами лишь в надежде выиграть время и сконцентрировать побольше войска против Болгарии. Это же мнение господствует в Софии, откуда непрестанно требуют от сербов ускорения мобилизации. Последнюю, за исключением нескольких частей, почти закончили, и, ввиду удачного хода ее, с сегодняшнего вечера начнется уже перевозка и концентрация тимокской дивизии по направлению к Пироту—Кюстендилю. При указанных условиях, казалось бы, остается лишь озаботиться о локализации войны [4].

Гартвиг.

№ 932. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 185. 7 октября/24 сентября 1912 г.

Копия в Берлин.

Получил № 2083 [5].

Личная и строго секретная ввиду сведений стратегического характера.

По достоверным данным, Сербия заранее предрешила на первых же

[1] Ср. № 922.

[2] Так в оригинале.

[3] Тел. от 5 окт./22 сент. за № 171 Гартвиг сообщал, что король Петр при открытии чрезвычайной сессии скупщины произнес «достаточно умеренную речь», главные пункты которой следующие: «Созыв скупщины объясняется исключительными событиями в соседней империи, где подвергаются жестокостям христиане. Упоминается об усилиях Сербии сохранить мир и выражается благодарность великим державам за их воздействие в Константинополе. Вместо реформ — неожиданная мобилизация турецких войск. Это явилось угрозой безопасности Сербии, на которую выпал долг принять меры к самозащите. Отсюда декрет о мобилизации сербской армии».

[4] Тел. от 7 окт./24 сент. за № 184 Гартвиг сообщал, что из дебатов в скупщине «обнаружилась полная общность взглядов здешних четырех политических партий на настоящее положение. Все лидеры их единогласно признали, что возврата к мирным решениям быть не может и что Сербия, невзирая ни на какие препятствия, должна исполнить свой патриотический долг до конца».

[5] См. стр. 369, прим. 2.

порах вступление в Санджак двумя колоннами, а именно — направляя . . . скую армию через Рашку на Новобазар и (Яворский) отряд на Сеницу. Дальнейшие передвижения, конечно, будут находиться в зависимости от места расположения и концентрации турецких военных сил в Санджаке. Нет сомнения, что в общем обставлять передвижения сербской армии какими-либо условиями было бы крайне затруднительно, да едва ли выгодно для нас. Но имея в виду, что, по слухам, турки вывели значительные части из Санджака в Старую Сербию и Македонию, есть основание полагать, что далеко на север Санджака — к Боснийской границе — сербские войска не пойдут. Таким образом, пределом операций на севере, вероятно, будет линия от Кральевой горы у Черногории... на Плевлье, Преполье до Новопароши со включением названных пунктов. К сему считаю необходимым присовокупить, что, по мнению сербских военных сфер, Австрия пропустила подходящий момент для занятия Санджака и ныне она едва ли решится на эту операцию, ибо Сербия успела уже вооружить местное население, и австрийские войска наткнулись бы на месте на массовое сопротивление. Полковник Артамонов разделяет изложенные выше соображения [1].

Гартвиг.

№ 933. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 188. 7 октября/24 сентября 1912 г.

Копии министру и в Константинополь.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 2083 [2] и на свою телеграмму № 782 [3].

Решение короля, от которого только что вернулся, бесповоротно. Военные действия начнутся в среду, [9 октября] 26 [сентября], то же обязаны сделать по конвенции и сербы [4]. Относительно болгар король заявил мне, что они ему предоставили начинать, когда он признает необходимым. Телеграмма Гирса с сообщением об ультиматуме, но и с просьбой Пламенаца черногорскому правительству не выдавать [5], пришла слишком поздно, чтобы я успел настоять на отмене данного Пламенацу приказания. Завтра утром попытаюсь еще раз склонить короля не начинать военных действий так скоро, даже если разрыв с Турцией и совершится, но за успех ручаться не могу.

Гирс.

№ 934. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Депеша № 33. 7 октября/24 сентября 1912 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Имею честь представить при сем вашему превосходительству полученный мной доверительным путем текст коллективного обращения к Порте

[1] Аналогичные соображения были изложены Артамоновым в тел. в главное управление ген. штаба от 7 окт./24 сент. за № 178. В той же тел. Артамонов сообщал, что «отношение Англии и Франции к положению здесь сильно порицается, а выступление России совместно с Австрией производит удручающее впечатление».

[2] В оригинале ошибка. Тел. за № 2083 адресована в Белград (см. стр. 369, прим. 2). Повидимому, следует читать № 2084 (см. № 910).

[3] Повидимому, ошибка в номере. Вероятно, имеется в виду тел. А. Гирса за № 187 от 7 окт./24 сент., в которой он сообщал: «Сейчас ко мне зашли проститься наследник и королевич Петр, отъезжающие к своим частям в сторону Скутари. Король выезжает завтра в Подгорицу, где и останется. Повидимому, военные действия должны начаться в самом непродолжительном времени».

[4] См. стр. 297, прим. 3.

[5] См. № 924.

четырех балканских государств с перечислением требуемых от нее реформ в областях Македонии [1].

Нота подлежала вручению уже в субботу [5 октября] 22 сентября (моя телеграмма от [4 октября] 21 сентября № 179 [2]), но в последнюю минуту сербское правительство сделало разные возражения по существу и по редакции, так что до сего дня намечаемый коллективный шаг еще не состоялся.

События чередуются в настоящее время с такой быстротой, что само содержание препровождаемого документа может представить лишь ретроспективный интерес; для меня он служит показателем, с одной стороны, первенствующего участия в этом деле афинского правительства, с другой — известной нерешительности белградского кабинета. Оба эти обстоятельства были мне подтверждены доверительными признаниями заинтересованных в намечавшемся шаге лиц, — шаге, выполнение или невыполнение которого на ход событий ныне решающего влияния иметь уже не может.

Примите и пр.

А. Гирс.

№ 935. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 785. 7 октября/24 сентября 1912 г.
Срочная.

Копия в Берлин.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 782 [3].

Ни один из остальных балканских представителей не получил еще сегодня ожидаемого ими текста ультимативной ноты и не имеет никаких указаний. Один только черногорский поверенный в делах передает завтра в 12 часов ноту об объявлении войны.

Гирс.

№ 936. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 88. 7 октября/24 сентября 1912 г.
Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В депеше моей от [23] 10 сего сентября за № 75 я отметил намерение оттоманского правительства пригласить иностранных советников для разных отраслей администрации и значение такового приглашения, если бы оно состоялось [4].

По полученным мной секретным сведениям, совет министров решил назначить англичанина советником министерства внутренних дел. Ему предстоит немедленно заняться реформой этого ведомства. Если проект реформ, которые он выработает, заслужит одобрение Порты, то будут приглашены англичане во все вилайеты в качестве советников.

[1] При публикуемой депеше А. Гирс препроводил текст телеграммы греч. м-ра ин. дел представителям Греции в Болгарии, Сербии и Черногории, в которой передавался предлагаемый им проект ноты турец. прав-ву. В ноте указывалось на необходимость проведения реформ, и далее шло их перечисление, совпадающее с текстом, врученным позднее серб., болг. и греч. прав-вами турец. прав-ву (см. № 1013).

[2] См. № 896.

[3] См. № 924.

[4] В этой деп. М. Гирс, сообщая о намерении турец. прав-ва пригласить иностранных советников, писал: «Приглашение иностранных советников, если оно действительно состоится, могло бы бесспорно принести пользу, но только в случае предоставления этим советникам некоторой власти. К сожалению, до сих пор Порта, за исключением случаев, касающихся исключительно технических вопросов, смотрела на этих советников лишь как на зло, необходимое для успокоения Европы, и деятельность коих должна быть ограничена получением более или менее крупного жалования».

Посему ввиду особой важности обязанностей, кои будут возложены на советника министерства внутренних дел, великий визирь поручил министру иностранных дел обратить внимание посла в Лондоне на тщательный выбор подходящего для этой должности лица. При этом Тевфик-паше предлагается ускорить сообщение сведений о правах и обязанностях советников разных ведомств, приглашенных в свое время из Европы Японией.

Намерение пригласить иностранных советников, повидимому, выдвигается Портой для привлечения сочувствия Европы предположенному турецким правительством плану реформ. Это, как будто, и удается, судя по полученным мной из того же секретного источника сведениям о беседе, в коей Рифаат-паша подробно изложил план реформ г. Пуанкаре, отнесшемуся к нему весьма сочувственно, особенно же к инициативе Порты касательно советников-специалистов.

Таким образом, мало-помалу все более выясняется предстоящая Англии первенствующая роль в деле преобразования внутреннего строя Турецкой империи. Этим, по всей вероятности, объясняется отчасти замечавшееся до сих пор уклонение великобританского правительства от энергичных представлений Порте по вопросу о реформах в Македонии.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 937. Военно-морской агент в Турции начальнику морского генерального штаба Ливену.

Телеграмма № 569. 7 октября/24 сентября 1912 г.

Секретно.

На Верхнем Босфоре находятся 4 турецких минных крейсера, 2 контрминоносца. В Шпилкия[1] крейсер «Абдул-Гамид», остальные суда — в Дарданеллах. Для перевозки войск мобилизованы все военные транспорты, подвоз войск производится к Константинополю из портов Черного моря. Не мобилизуются турецкие корпуса на кавказской границе, что̀ является благоприятным для нас симптомом. В ближайшие дни возможны выходы турецких судов в Черное море для охраны транспортов. Австрийский здешний военный агент в разговоре со мной сообщал, что он не видит пока со стороны своего правительства серьезного желания воздействовать на балканские государства в целях сохранения мира.

Щеглов.

№ 938. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 816. 7 октября/24 сентября 1912 г.

Займы.

Французский посланник сообщил мне, что президент через доверенное лицо передал ему о своем желании возобновить переговоры о займе с Консорциумом, что̀, однако, затрудняется неприемлемостью поставленных последним условий и нежеланием китайцев сделать первый шаг, обидный для их самолюбия. Президент просил поэтому посредничества французского посланника для улажения этого вопроса. Посланник доносит о вышеизложенном в Париж, испрашивая инструкции.

Этот шаг президента несомненно доказывает, что китайское правительство само сознает, что ему невозможно обойтись без Консорциума, и я продолжаю думать, что последнему надлежит проявить твердую настойчивость во всех существенных пунктах его требований.

Крупенский.

[1] В оригинале слово «Шпилкия» подчеркнуто и на полях знак вопроса.

№ 939. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 817. 7 октября/24 сентября 1912 г.

Займы.

Со стороны китайцев были зондированы представители банков четырех групп по вопросу о возобновлении переговоров касательно займа для монетной реформы [1]. Представитель французской группы сказал Одагири, что как он сам, так и английские и американские банкиры считают желательным, чтобы в переговорах этих принимали участие Россия и Япония; представитель же германской группы высказался против этого. Казенав просил Одагири узнать мнение японского посланника и мое по этому вопросу. Передавая мне об этом, японский посланник прибавил, что он уже запросил инструкций своего правительства. По его сведениям, китайцы выписали уже сюда голландца Визеринга, который еще раньше был намечен в советники китайского правительства по монетной реформе. Прошу указаний [2].

Крупенский.

№ 940. Уполномоченный по ведению переговоров с монгольским правительством министру иностранных дел.

*/. Депеша № 1. Урга, 7 октября/24 сентября 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Тотчас по приезде в Ургу я переговорил с генеральным консулом о возложенной на меня миссии и передал ему текст проектированного соглашения для перевода на монгольский язык и сообщения князьям. С. с. Люба предупредил меня, что князья очень интересовались моим приездом в Ургу, но совершенно не подготовлены к нашему предложению, так как ему не приходилось даже намекать на то, что императорское правительство намерено дать монгольскому вопросу именно такое направление. Он заметил, что в последнее время обнаружилось некоторое охлаждение к идее сближения с Россией как ввиду отсутствия определенного решения с нашей стороны, так и под влиянием происков Китая, действующего всякими способами, дабы вернуть себе в Монголии прежнее положение и не дать ей окончательно перейти на нашу сторону. Если прежде все монгольские князья единодушно склонялись в пользу России и готовы были итти на полное подчинение нашей власти, то теперь уже поговаривают о компромиссе с Китаем и о допущении в Ургу для переговоров князя Наянту, действующего в качестве уполномоченного пекинского правительства [3]. Говорят, наиболее твердым в своей решимости примкнуть к России остается сам богдо-гэген, не желающий слышать о сближении с Китаем.

---

[1] См. т. XVIII, № 639.

[2] Публикуемая тел. была сообщена Нератовым Малевскому 8 окт./25 сент. за № 2100 (№ 1). В тел. от того же числа за № 2100 (№ 2) Нератов просил Малевского осведомиться, «как японское правительство относится к предложению принять участие в переговорах о займе на монетную реформу в Китае и какие инструкции оно дает по этому поводу своему посланнику в Пекине». По мнению Нератова, в этом вопросе желательны согласованные действия росс. и япон. прав-в. Тел. от 10 окт./27 сент. за № 193 Малевский сообщал: «Министр лично сочувствует мысли общности действий России и Японии в вопросе займа на монетную реформу. Относительно инструкции Иджуину Уцида обещал дать мне ответ, переговоривши по существу дела со своими сотоварищами по кабинету».

[3] В тел. от 27/14 сент. за № 1665 Люба сообщал, что в связи с настойчивыми запросами Наянту «собрание министров высказывалось уже в том смысле, что он мог бы приехать сюда», но после совещания, которое Люба имел с монг. м-рами, они решили задержать ответ Наянту до приезда Коростовца.

Взгляд г. Люба отчасти подтвердился во время моего свидания с князьями, состоявшегося на другой день в помещении консульства. После нескольких вступительных фраз о неизменном благожелательстве государя императора и российского правительства к Монголии, выразившемся в целом ряде фактов, главным образом в защите ее от Китая, коего мы побуждали признать монгольскую автономию и удерживали от агрессивных действий, я заявил, что мне поручено предложить ургинскому правительству заключение с нами соглашения, которое гарантировало бы монгольские вольности и послужило бы основанием к урегулированию юридического положения Монголии. Я вместе с тем указал на необходимость точно определить права, коими русские подданные и русская торговля пользуются в Монголии, путем другого отдельного акта.

Вслед за тем я передал текст договора и протокол князю Сайн-Ноину и просил его и остальных министров ознакомиться с содержанием этих актов. Да-Лама, повидимому, уполномоченный остальными князьями на ведение переговоров, начал с выражения благодарности за великодушное заступничество великого русского государя, выражаемое столь осязательным образом. Монголия всегда тяготела к России и верила в ее помощь, и все ее помыслы и надежды и ныне обращены в сторону белого царя, который, они все в этом уверены, не даст монголам погибнуть.

Я ответил, что Монголия не без основания рассчитывает на нашу поддержку, но что для успеха последней необходимо взаимодействие и нужно, чтобы ургинское правительство пошло навстречу предлагаемым мерам и вполне доверилось искренности наших побуждений. Развивая затем сказанное, я обратил внимание князей на огромное значение делаемого нами шага и на важность для них не упускать столь выгодный политический момент для обеспечения будущего их страны. Россия, выступая на защиту Монголии, берет на себя серьезные обязательства, которые в очень слабой степени компенсируются торговыми преимуществами, в сущности уже принадлежащими нам по договорам с Китаем. В сущности Россия неизмеримо больше дает Монголии, чем получает от нее. Дабы устранить из умов князей какие-либо сомнения в действительном значении преследуемой нами цели, я объяснил, что русское правительство руководится в данном случае не одними лишь симпатиями к монголам, что́ в международных отношениях играет лишь второстепенную роль, — России важно не допускать усиления китайцев на нашей границе, мы предпочитаем иметь соседом слабую политически и дружественную Монголию, а не густо населенный, преобразованный и, как показали последние события, воинственный Китай. Ознакомившись с содержанием соглашения, Да-Лама спросил, дает ли подобный акт действительную независимость Монголии, в какие отношения она станет к России и не кроется ли тут протекторат. Китай, продолжал он, настаивает на примирении с Ургой и заявляет о готовности итти на большие уступки лишь бы не порывать связи с Монголией, действуя через князя Наянту. Таким образом, здешнее правительство находится в большом затруднении, ибо ему приходится выбирать между Россией и Китаем. Далее Да-Лама спросил, почему в соглашение не включена Внутренняя Монголия и другие области, например, Кобдо, Урянхайский край и Барга, признавшие власть ургинского правительства, что такое дробление будет несправедливо, ибо все эти страны населены монголами, страдающими под игом Китая и одинаково жаждущими независимости, что князья Халхи обязаны озаботиться их участью, иначе их обвинят в измене национальным интересам.

Возражая на заявление Да-Ламы, я заметил, что статьи соглашения подверглись в Петербурге всестороннему обсуждению и тщательно продуманы и что Россия не находит пока возможным ставить вопрос о независимости Монголии, а лишь о внутренней автономии, и что о каких-либо видах на протекторат и тем более на подчинение их страны не может быть и речи,

что̀, впрочем, ясно вытекает из самого соглашения. Что касается включения в договор Внутренней Монголии, то Россия также очень желает объединения всех монголов, но что проведение этого плана в настоящее время встречает серьезные затруднения, что Внутренняя Монголия гораздо более связана с Китаем географически и политически и отчасти окитаилась, что̀ подтверждается китайскими симпатиями тамошних князей и их попытками установить компромисс с Пекином. Что касается Кобдинского округа, то там еще существует китайская власть, и говорить о нем преждевременно. Я, впрочем, готов доложить эти пожелания императорскому правительству и спросил князей, не удовлетворит ли их, если в соглашении будет поставлено, что Россия окажет помощь «Внешней Монголии и областям, кои будут подчинены ургинскому правительству». Таким путем и другие монгольские области воспользуются автономией, если ургинскому правительству удастся впоследствии утвердить там свое господство. Предложение это, однако, не удовлетворило князей, которые продолжали настаивать на невозможности отказаться от Внутренней Монголии.

По поводу сопоставления Да-Ламой нашего соглашения с предложениями Китая я заметил, что оно является совершенно неуместным, так же как сравнение моей миссии с заигрываниями Наянту. Россия готова оказать Монголии свою поддержку и гарантировать ее автономию, т. е. национальное существование, Китай же продолжает считать монголов взбунтовавшимися вассалами, предлагает им подачки и дает какие-то призрачные обещания, которые нарушит при первом удобном случае, причем совершенно игнорирует совершившийся переворот и притязания Халхи на автономию.

На вопрос князей, как сложатся отношения Монголии к Китаю и возьмет ли русское правительство посредничество на себя, я заявил, что соглашение, конечно, облегчит установление нормальных отношений с китайцами и побудит их к большей сговорчивости.

В конце совещания, продолжавшегося довольно долго, я просил Сайн-Ноина внимательно обсудить наше предложение и дать ответ в самом непродолжительном времени, ввиду важности переживаемого момента. Я также просил князей держать все дело в тайне, хотя я знаю, что на практике это невозможно: все намерения и решения ургинского правительства, и даже происходящее при дворе хутухты тотчас же становится общим достоянием и, конечно, передается в Пекин китайским директором здешнего телеграфа.

Сайн-Ноин и Да-Лама заявили, что безотлагательно доложат все дело богдо-гэгену и соберут совет для его обсуждения, но что оно столь важно и влечет за собой столь серьезные последствия для Монголии, что потребует некоторого времени для решения.

Судя по сделанным возражениям, здешние правители не совсем уясняют себе значение делаемого им предложения. С одной стороны, оно льстит их самолюбию, с другой — вызывает разные подозрения. Князья, видимо, приятно удивлены, что с ними договаривается такая держава, как Россия, но вместе с тем опасаются, не кроется ли за предлагаемыми выгодами каких-либо козней. Такое настроение довольно понятно, если принять во внимание полное невежество и ограниченность понятий здешних князей во всем, что̀ выходит за пределы обыденной монгольской жизни, и то состояние опеки и бесправия, в котором их держали китайцы. Среди здешних министров и чиновников нет, повидимому, ни одной выдающейся личности. Самым энергичным и разумным является Да-Лама, пользующийся, кажется, большим влиянием как на хутухту, так и на князей. Он является, повидимому, зачинщиком всех возражений и сомнений, уже возбужденных по поводу проектированного соглашения. Хан-да-цин-ван, надо думать, искренне стоит за сближение с Россией. Он слишком скомпрометирован поездкой

в Россию [1], чтобы желать возвращения китайского владычества. Сайн-Ноин — оппортунист, готовый принять то или другое решение в зависимости от обстоятельств. Остальные князья довольно безличны и будут следовать указаниям поименованных лиц.

Несмотря на колебания и нерешительность князей, я все же думаю, что нам удастся при известной настойчивости провести проектированное соглашение, хотя и не без некоторых изменений. Уже теперь видно, что дело не обойдется без попыток расширить рамки соглашения в смысле получения бо̀льших гарантий независимости Монголии и включения в него других монгольских областей.

Вопрос о выдаче ссуды также возбуждался частным образом князьями, причем я дал понять, что императорское правительство в принципе согласно на денежную помощь Монголии, но согласно обсуждать этот вопрос лишь после подписания соглашения [2].

Примите и пр.

Коростовец.

№ 941. Начальник отдела Дальнего Востока уполномоченному по ведению переговоров с монгольским правительством Коростовцу в Ургу.

Телеграмма № 2099. 8 октября/25 сентября 1912 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 2009 [3].

Юферов, через третье лицо, доверительно ознакомил нас с несомненно известным Люба проектом контракта между ним и монгольским правительством для учреждения эмиссионного банка в Урге [4]. Благоволите телеграфировать ваше заключение о желательности такого учреждения и возможности рассчитывать, что ввиду предположения сказанного банка кредитовать монгольскую казну вопрос об оказании императорским правительством денежной помощи монголам отпадет.

Со своей стороны, полагаем, что учреждаемый банк должен служить, кроме указываемых в проекте контракта целей, финансированию русской торговли и установлению, хотя бы лишь в будущем, некоторого порядка в финансах Халхи. Нам кажется, что предположение заключить контракт с ургинскими правителями, а не с родовыми князьями Халхи, и лишить учреждаемый банк права ссужать деньги монгольским князьям и частным лицам может привести к непризнанию контракта князьями, подобно тому, что̀ случилось с свидетельствами ургинского правительства на право разведки золота.

В случае учреждения банка, нам пришлось бы, конечно, позаботиться о том, чтобы быть осведомленными относительно его деятельности и чтобы иметь достаточное влияние на ее направление.

Козаков.

---

[1] Имеется в виду участие Хан-да-цин-вана в делегации монгольского прав-ва в Петербург в авг. 1911 г. с ходатайством о принятии Халхи под протекторат России (см. т. XVIII, № 329).

[2] Тел. от 11 окт./28 сент. за № 1718 (опубл. Ор. кн. М., стр. 6, с сокращениями) Коростовец сообщал Сазонову, что на состоявшейся в тот день его аудиенции у хутухты он обратился к хутухте «с небольшой речью, в которой подчеркнул значение предложенного нами соглашения и просил принять его по возможности без изменений и затяжек».

[3] Тел. от 2 окт./19 сент. за № 2009 Козаков сообщал Коростовцу: «Ждем от вас по телеграфу освещения положения, которое вы найдете в Урге, с точки зрения как возможности заключить проектируемое соглашение с Халхой, так и мер к проведению его в жизнь, в частности, вопроса о ссуде ургинским правителям и связанного с нею контроля над финансами Халхи».

[4] См. стр. 245, прим. 4.

№ 942. Временно управляющий министерством иностранных дел посланникам в Софии, Белграде и Афинах — Неклюдову, Гартвигу и Демидову.

⁄. Телеграмма № 2102 [1]. 8 октября/25 сентября 1912 г.

Сообщается в Цетинье, Константинополь, Вену, Берлин, Париж и Лондон.

По полученному нами пока частному известию, черногорский представитель в Константинополе выехал, передав Порте объявление войны [2].

Если это выступление не произведено с ведома и согласия других балканских государств, то полагаем, что оно не должно связывать последние в принятии подобного же решения, тем более что один разрыв дипломатических сношений не может рассматриваться, как событие бесповоротное в смысле начала войны между Черногорией и Турцией. Даже военные столкновения между обоими государствами могли бы быть должным воздействием держав на обе стороны остановлены без серьезной опасности для жизненных интересов Черногории и Турции.

Если справедливо предположение о том, что Черногория совершила выступление на свой страх, благоволите указать правительству, при коем вы аккредитованы, на ответственность, которую оно приняло бы, идя вразрез с представлениями держав, заявляющих о готовности взять в свои руки дело реформ в Турции.

Поручаем послу в Константинополе со своей стороны воздействовать на Порту в целях сохранения мира [3].

Вышеизложенное сообщается для руководства, если по этому поводу не получено особых инструкций от гофмейстера Сазонова.

Нератов.

№ 943. Посол в Риме министру иностранных дел.

⁄. Письмо. 8 октября/25 сентября 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Возрастающая со всяким днем опасность войны балканских государств с Турцией и не поддающиеся человеческому предвидению ее возможные последствия отодвинули на второй план все вопросы, связанные с турецко-итальянской войной, которая, несмотря на промедление мирных переговоров в Швейцарии, приближается к концу. Все, что мне было известно об этих переговорах, сообщалось мною императорскому министерству телеграммами, к которым мне остается прибавить очень мало. Как ваше высокопревосходительство знаете, римский кабинет, желая скорейшего окончания переговоров в Уши и решения вопроса войны и мира в том или другом смысле, поставил Турции ультимативное требование дать окончательный ответ чрез неделю [4]. Этот срок, который должен был истечь в будущий четверг, — ввиду трудности сообщения с Константинополем, — был продолжен до субботы, 12 октября/29 сентября, и истечет, таким образом, накануне получения вашим высокопревосходительством настоящего донесения. Здесь полагают, что, по всем вероятиям, отправившийся обратно в Констан-

---

[1] Лит. копия. Опубл. Siebert, II, S. 450, N 689.

[2] См. №№ 924 и 935.

[3] В тот же день тел. за № 2103 Нератов телеграфировал М. Гирсу: «Благоволите указать Порте, что чем больше миролюбия будет выказано в ответ на выступление Черногории и чем решительнее и скорее она пойдет на путь, давно указывавшийся ей Россией и державами, тем более облегчена будет ее задача снять с себя тяжелую долю ответственности за обнаруженное до сих пор непонимание серьезности положения и состояние смуты и разложения, вызвавшее нынешний кризис».

[4] См. № 868.

тинополь турецкий негоциатор Решид-паша вернется оттуда с инструкциями, позволяющими ему принять итальянские условия, которые во многих отношениях, как они ни тяжелы для Турции, могут считаться, с итальянской точки зрения, умеренными. Они умеренны потому, что римский кабинет, настаивая на полном суверенитете над Триполисом, не требует, однако, формального признания этого суверенитета с турецкой стороны и подыскивает, или, скорее, предлагает такую формулу уступки африканских турецких владений, которая щадит, по возможности, самолюбие турок. Точный текст этой формулы мне неизвестен, но он, вероятно, до того неопределен, что позволил бы нейтральным державам не узреть в нем оснований для суверенных прав Италии. Маркиз ди Сан-Джулиано поэтому предупредил кабинеты всех великих держав, что он соглашается на такую уступку Турции только под условием, чтобы державы не усмотрели в этом необоснованности итальянского суверенитета над Триполитанией. Итальянские требования и потому еще умеренны, что королевское правительство не требует военной контрибуции, что оно согласно принять на себя часть Турецкого долга, падающего на Триполитанию, соглашается на выкуп у Турции турецких доминиальных владений в Африке и вакуфов и что, если даже оно потребует от Турции некоторой уплаты за содержание турецких военнопленных и итальянцев, изгнанных из Турции, то в окончательном расчете, как мне это сказал маркиз ди Сан-Джулиано и как я об этом вам телеграфировал [5 октября] 22 сентября в Париж [1], значительная сумма денег не перешла бы ни в итальянскую, ни в турецкую казну. Сделанный мною маркизу ди Сан-Джулиано, на основании вашей телеграммы от [4 октября] 21 сентября [2], намек не показывать слишком большой уступчивости в вопросе денежного вознаграждения, так как уменьшение турецких ресурсов может «если не предотвратить войну с балканскими государствами, то по крайней мере сократить ее продолжительность», хотя и не мог не понравиться министру, как чрезвычайно выгодный для Италии, но практический результат в настоящей стадии переговоров он едва ли может иметь. «Слишком поздно, — сказал министр, — так как если Порта примет наши условия, то изменять их мы больше не можем. Но если война будет продолжаться, то и денежные наши требования будут, разумеется, возрастать». Не следует терять из виду, что требования, поставленные Турции римским кабинетом, наконец, еще и потому умеренны, что общественное мнение в Италии, которое их предугадывает, ими не удовлетворено. Здесь желают мира, ждут его с нетерпением, но это не мешает проявлениям замечательного подъема духа и единения нации, одушевленной одной и той же идеей. При этом, однако, после столь продолжительной войны, желают другого мира, мечтают о контрибуции, об аннексии некоторых Эгейских островов, о формальном и ясном признании суверенитета Италии и т. п. Несколько дней тому назад опасались даже народной демонстрации на площади перед Консультой, которая, однако, была предотвращена целым нарядом во-время созванных карабиньеров.

Несмотря на то, что не только война балканских народов с Турцией, но и одна угроза этой войны должна сделать Порту сговорчивее, римский кабинет, — и маркиз ди Сан-Джулиано мне это неоднократно повторял, — искренне желает умиротворения на Балканах и сохранения там status quo. Итальянский министр с самым живым участием следил за ходом ваших переговоров в Бальморале, Лондоне и Париже и был всегда согласен со всеми заявлениями, которые предполагалось сделать в Константинополе и в балканских столицах и редакции которых менялись по мере их выработки под влиянием английских и австрийских поправок. Но согласие по существу

---

[1] См. № 900.
[2] Ср. № 867.

не мешало ему, однако, несколько наивно желать, как я о том доносил вам по телеграфу [1], не называть Россию и Австрию «наиболее заинтересованными» державами на Балканском полуострове, так как значительные интересы Италии на Адриатическом побережье этим как бы игнорируются, что произвело бы, по словам министра, тягостное впечатление в стране и в печати. Я ответил министру, что я не премину сообщить вам его желание, но что неоспоримо, что интересы России и Австрии, как бы ни были значительны интересы Италии на Балканском полуострове, все же существеннее и разнообразнее и что поэтому определение России и Австрии «как наиболее заинтересованных держав» только соответствует фактическому положению вещей.

На сообщенную мною маркизу ди Сан-Джулиано последнюю редакцию декларации балканским кабинетам он мне ответил, что он присоединяется к этому выступлению, но что он не думает, чтобы выражение: «Les Puissances prendraient en mains dans l'intérêt des populations la réalisation des réformes dans l'administration de la Turquie d'Europe» [2] встретило сочувствие Англии. Судя, однако, по вашей вчерашней телеграмме нашим представителям на Балканском полуострове [3], которым предписывалось сделать упомянутое заявление правительствам, при коих они аккредитованы, возражений с английской стороны не последовало.

Весь политический интерес настоящей минуты до того сосредоточен на балканских делах, возможное предотвращение войны так важно и, в случае открытия военных действий, локализация их так необходима для России, что все другие вопросы теряют значение, и мне нечего утруждать ими внимание императорского министерства, всецело поглощенного осложнениями на Востоке.

Примите и пр.

Крупенский.

№ 944. Министр иностранных дел временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁰/. Телеграмма № 136 [4]. Берлин [5], 8 октября/25 сентября 1912 г.

Копии в Париж, Лондон, Вену и Рим.

Я телеграфирую в Константинополь:

Благоволите сговориться с вашими французским, английским, австрийским и германским сотоварищами, и как только они все получат соответствующие указания, сделать одновременно с ними заявления Порте согласно формуле, предложенной Англией и переданной вам моей вчерашней телеграммой из Парижа за № 226 [6].

Сазонов.

№ 945. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁰/. Телеграмма № 144. 8 октября/25 сентября 1912 г.

Télégraphie Sazonow à Berlin: Me réfère au télégramme du [6 octobre] 23 septembre de Paris [7].

---

[1] Соответствующая тел. Крупенского Сазонову в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[2] «Державы возьмут в свои руки, в интересах народностей, проведение реформ в управлении Европейской Турции».

[3] См. № 927.

[4] Опубл. Stieve, II, S. 282, N 494, где помечена N 236.

[5] Сазонов находился в Берлине с 8 окт./25 сент.

[6] См. № 929.

[7] См. № 916, а также № 927.

Le Ministre d'Autriche et moi venons de faire ensemble la démarche prescrite auprès de M. Guéchow en lui laissant le texte de la déclaration. Guéchow nous répondit qu'il soumettrait l'objet de notre démarche au Roi et au Conseil des Ministres et nous donnerait sans retard la réponse du Gouvernement bulgare; que la Bulgarie a toujours témoigné de la déférence aux conseils des Grandes Puissances et que cette fois aussi elle voudrait bien être à même de pouvoir le faire; mais qu'il craint que ce qui aurait été possible pour le Gouvernement bulgare il y a de cela dix jours ne serait plus possible aujourd'hui. Sur nos instants conseils d'agir sur ses collègues dans le sens de l'acceptation des exigences des Grandes Puissances Guéchow nous a répondu, à titre d'opinion personnelle et en réservant la réponse définitive du Gouvernement, que, avant tout, l'expression «prendre en mains la réalisation» etc. etc. lui semblait trop vague; qu'il nous demandait de nous enquérir auprès de nos Gouvernements, si les réformes projetées seraient effectuées sous le contrôle efficace des Grandes Puissances et par quels organes ce contrôle serait exercé. M. Guéchow a mis fort en doute l'acceptation même par la Sublime Porte des demandes des Puissances et nous a demandé, si les Puissances pourraient dès à présent garantir cette acceptation de la Turquie. M. Guéchow nous a prié d'intercéder auprès de nos Gouvernements respectifs afin que réponse aussi prompte que faire se peut lui soit faite au sujet des questions et des doutes précités. J'ai saisi l'occasion pour communiquer à Guéchow en présence du comte Tarnowski le contenu de votre second télégramme [1] et ai supplié Guéchow de se rendre à l'évidence des arguments qu'il contient, comme quoi la guerre, même inespérément heureuse, ne pourrait donner aux États balkaniques plus que font pour eux actuellement les Grandes Puissances. Le Ministre autrichien a abondé dans le même sens. Nous attendons la réponse officielle du Gouvernement bulgare à notre démarche.

Nékludow.

Перевод.

Телеграфирую Сазонову в Берлин: Ссылаюсь на телеграмму от [6 октября] 23 сентября из Парижа.

Австрийский посланник и я только что совместно предприняли перед Гешовым предписанный демарш и передали ему текст декларации. Гешов ответил, что он представит на рассмотрение короля и совета министров содержание нашего демарша и незамедлительно даст нам ответ болгарского правительства; что Болгария всегда с уважением относилась к советам великих держав и что и на этот раз она хотела бы иметь возможность поступить так же, но он опасается, что то, что было бы возможно для болгарского правительства десять дней тому назад, уже невозможно в настоящий момент. На наши настоятельные советы повлиять на своих сотоварищей в смысле принятия требований великих держав Гешов ответил нам, в качестве личного мнения и оставляя окончательный ответ за болгарским правительством, что прежде всего выражение «взять в свои руки проведение» и т. д. кажется ему слишком неопределенным; что он просит нас осведомиться у наших правительств, будут ли проектируемые реформы проведены под эффективным контролем великих держав и через какие органы будет осуществляться этот контроль. Г. Гешов поставил под большое сомнение, примет ли вообще Высокая Порта требования держав, и спросил нас, могут ли державы уже в настоящий момент гарантировать принятие их Турцией. Г. Гешов просил нас ходатайствовать перед нашими правительствами, чтобы ему был дан возможно скорый ответ на вышеуказанные вопросы и сомнения. Я воспользовался случаем, чтобы сообщить Гешову в присутствии графа Тарновского содержание вашей второй телеграммы, и умолял Гешова согласиться с убедительностью содержащихся в ней доводов, поскольку даже удачная сверх ожидания война не сможет дать балканским государствам больше того, что в настоящее время делают для них великие державы. Австрийский посланник много говорил в том же смысле. Мы ожидаем официального ответа болгарского правительства на наш демарш.

Неклюдов.

[1] См. № 930.

№ 946. Посланник в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 75. 8 октября/25 сентября 1912 г.

Сейчас сделал здешнему министру иностранных дел совместно с моим австро-венгерским сотоварищем порученное мне телеграммой министра № 224 [1] тождественное заявление от имени держав. Министр иностранных дел ограничился принятием к сведению заявления и обещал снестись по этому поводу с тремя союзными балканскими государствами, по получении отзыва коих он даст ответ. Он спросил нас, однако, участвует ли Италия в означенном шаге, так как в заявлении сказано между прочим, что предположенные державами реформы не должны посягать на территориальную неприкосновенность Оттоманской империи [2].

Демидов.

№ 947. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 193. 8 октября/25 сентября 1912 г.
Срочная.

Телеграфирую в Берлин:

Дополнение к моей телеграмме № 180 [3].

После разговора со мной относительно Черногории, Пашич, опасаясь каких-либо самостоятельных выступлений короля Николая, телеграфировал в Цетинье, напомнив об обязательстве Черногории не начинать военных действий раньше [14] 1 октября. Сербское правительство в ответ получило извещение, что положение Черногории стало невыносимо и что она с разрешения Болгарии приступила к посылке войск на границу и завтра [9 октября] 26 сентября начнет военные действия, объявив об этом туркам.

Гартвиг.

№ 948. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 194. 8 октября/25 сентября 1912 г.

Получил из Парижа телеграммы №№ 223 [4], 50 [5], 224 [6].

Телеграфирую в Берлин:

Во исполнение заключающихся в них указаний я уговорился сегодня утром с австро-венгерским посланником, и мы вместе отправились в 4 часа к Пашичу для передачи ему от имени наших правительств заявления великих держав. По прочтении текста заявления я вновь обратил серьезное внимание

---

[1] Тел. за № 224 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. Повидимому, за этим номером Сазоновым был послан в балканские страны текст предложения Пуанкаре (см. №№ 916 и 927).

[2] В деп. от 9 окт./26 сент. за № 34 Демидов, сообщая о беседе своей с греч. м-ром ин. дел при вручении тождественного заявления, добавлял, что на вопрос Коромиласа, присоединилась ли Италия к коллективному выступлению держав, он «позволил себе ответить, что, в качестве воюющей с Турцией державы, Италия не может выступить в настоящее время совместно с остальными в Константинополе».

Тел. от 9 окт./26 сент. за № 77 Демидов сообщил, что «печать в высшей степени недружелюбно комментирует русско-австрийское заявление от имени держав, считая его лишенным нравственных оснований». «Положение крайне натянутое, — добавлял Демидов, — мобилизация будет закончена в пятницу [11 октября/28 сентября]».

[3] См. стр. 364, прим. 1.

[4] См. № 927.

[5] Повидимому, ошибка в номере.

[6] См. прим. 1.

председателя совета на опасность, которой подвергнет себя Сербия в случае разрыва с Турцией, и к тому же совершенно бесцельно, так как державы приняли на себя задачу добиться от оттоманского правительства тех самых реформ в христианских вилайетах, из-за коих балканские государства собираются воевать. В этом же смысле вслед за мной высказался и Угрон. Пашич, приняв к сведению наше заявление, сказал, что он передаст содержание оного на обсуждение совета министров, но заранее предупредил, что концентрация армии совершенно изменила положение и что он ныне уже не чувствует за собой силы авторитета для предотвращения рокового исхода. Он обещал нам немедленно снестись с Гешовым, хотя убежден, что и Болгария не в состоянии в настоящую минуту отказаться от принятого решения. По впечатлению Угрона, положение крайне серьезно, но он сохраняет еще тень надежды на мирный исход. На мой же взгляд, шансов на мир нет, и по всем видимым данным война становится неизбежной.

Гартвиг.

№ 949. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁰/. Депеша № 64. 8 октября/25 сентября 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

При отправлении две недели тому назад моей последней экспедиции, как и ранее того — в секретных телеграммах начала текущего месяца [1], — я высказывал надежду на возможность мирного улажения возникшего на Ближнем Востоке кризиса. В этом укрепляло меня то обстоятельство, что главные правительственные люди как Болгарии, так и Сербии были противниками крайних решений, сознавали опасность самостоятельных, без поддержки России, активных выступлений на Балканах и под давлением наших советов действительно принимали возможные меры к успокоению общественного мнения и воздействию на военные круги, возбуждавшие сильную агитацию в стране.

В этом направлении, даже по признанию всех моих коллег, многое сделано было Пашичем, оказывавшим соответственное влияние и на Гешова, с которым у него установилась полная согласованность во взглядах. При всем том, однако, представлялось несомненным, что для окончательного успеха они оба нуждались в какой-либо твердой опоре, которую им могла дать только Россия. Необходимо было во что бы то ни стало выиграть время, пока господствовавшие в Сербии и Болгарии *настроения*, с которыми боролись их правительства, не успели еще вылиться в определенную *конкретную* форму. Я поспешил посему представить на благоусмотрение вашего превосходительства мысль о назначении Россией срока, в течение коего оба названные государства обязались бы не предпринимать активных выступлений [2]. Мне казалось, что за более или менее продолжительное время установленной нами отсрочки настоящая политическая обстановка подверглась бы столь существенным изменениям, что задуманный ныне четырьмя балканскими союзниками поход на Турцию в будущем потерял бы под собой всякую почву: великие державы успели бы добиться введения коренных реформ в христианских вилайетах, а все, так сказать, благоприятные с точки зрения этих союзников обстоятельства, как то: итало-турецкая война, албанское восстание и т. п., по всем вероятиям, были бы давно ликвидированы.

Так как вашему превосходительству угодно было, по соображениям, изложенным в секретной телеграмме от [30] 17 сентября, признать предпо-

[1] См. №№ 685 и 740.
[2] См. №№ 740 и 778.

ложение мое неосуществимым [1], то я в непрестанных объяснениях своих с Пашичем и другими политическими деятелями старался использовать все доводы, заключавшиеся в представлениях императорского правительства, особливо настаивая на том, что Россия совместно с другими великими державами добивается от Порты проведения существенных реформ в христианских вилайетах и что посему со стороны балканских государств, поставивших целью задуманной войны — улучшение участи своих соплеменников, было бы более чем неразумно затормозить воздействие в Константинополе.

Пашич высказывался в том же смысле в целом ряде правительственных сообщений, как и в беседах с иностранными корреспондентами. Это вызвало, конечно, жестокие нападки на него в газетах крайнего направления, но зато снискало ему сочувствие самых видных деятелей оппозиционных партий. Телеграф приносил успокоительные вести и из Болгарии, где правительство также подавляло агитацию. Все как будто указывало на некоторую перемену в течениях, что̀ и побуждало меня в телеграфных донесениях упоминать о возможности мирной развязки, при условии, конечно, получения великими державами положительных гарантий в проведении реформ, ибо одни словесные обещания турок способны были вызвать в славянских государствах скорее большое раздражение, нежели успокоение.

Но вдруг среди наступившего некоторого затишья, как громом, поразила здесь всех полученная [25] 12 сентября неожиданная весть о турецкой мобилизации [2]. Картина сразу переменилась: в лагерь сторонников войны стали постепенно переходить все, кто еще накануне считал активное выступление Сербии безумием. Военные круги торжествовали, получив новое оружие против умиротворительной политики правительства. Особенное смятение рискованное мероприятие турок произвело в Софии, где, конечно, ни одной минуты не поверили версии «об осенних маневрах», имея в руках фактические данные, подтвержденные и донесениями иностранных военных агентов в Константинополе, о начавшейся форменной общей мобилизации в европейских вилайетах. У болгар явилось серьезное опасение, что турки решили застигнуть их врасплох, двинувшись против них всеми силами своими со стороны Адрианополя. Из Софии требовали немедленной мобилизации сербских военных сил. В объяснениях моих по сему поводу с Пашичем, а затем с Тошевым и Спалайковичем, который к вечеру должен был отбыть к своему посту, я самым категорическим образом указывал на опасность принятия бесповоротного решения, советуя выждать результатов воздействия европейских послов в Константинополе, которые несомненно добьются отмены турецкой мобилизации. Обменявшись мнениями по телефону, Пашич и Гешов условились отсрочить принятие ответной военной меры до [29] 16 сентября, о чем я и поспешил телеграммой довести до сведения вашего превосходительства [3].

Между тем день проходил за днем; из Константинополя не только не поступало успокоительных известий, а, напротив, все указывало на спешные приготовления турок по границам Болгарии и Черногории. [30] 17 сентября появились указы четырех балканских монархов о мобилизации их армий, вызвавшие повсюду среди славян необычайное воодушевление.

С этой минуты шансы на мирный исход значительно понизились, но не были еще окончательно потеряны. Мобилизация, для завершения которой необходим был 4—5-тидневный срок, не связывала еще рук балканским правительствам, и если бы к тому времени подоспели положительные гарантии великих держав в том, что Порта выполнит свои обязательства по отношению к христианскому населению вилайетов, — мирный исход был бы, по всей вероятности, обеспечен.

[1] См. № 822.
[2] См. № 779.
[3] См. № 794.

Протекала еще одна неделя, весьма критическая и крайне томительная. Порта, видимо, упорствовала, так как представители великих держав на Балканах вынуждены были ограничиваться периодическими то единоличными, то коллективного характера представлениями с категорическими советами и энергическими предостережениями; о реформах упоминалось лишь как о задаче, к достижению которой пока направлены все усилия Европы. В Болгарии и Сербии стали все сильнее раздаваться единодушные голоса, что выжидательное положение долее продолжаться не может, что настоящий мир гибельнее несчастной войны. Тем временем повсюду началась перевозка и концентрация армий. Авторитет власти перешел в руки военноначальников, и все подошло к роковой развязке. Возврата к мирным решениям более нет, и дальнейшие представления великих держав, подрывая на месте обаяние Европы, желаемой цели не достигнут.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 950. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 65. 8 октября/25 сентября 1912 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Известие, сообщенное в секретной телеграмме вашего превосходительства от [30] 17 сентября за № 1190 [1], о том, что, по сведениям нашего военного агента в Вене, Австро-Венгрия в случае возникновения болгаро-сербо-турецкой войны намерена занять Новобазарский санджак, получено и сербским военным министерством из разведочных источников.

Конечно, весть эта произвела впечатление на здешнее правительство, в глазах которого всякая попытка австрийцев к новому захвату части оттоманской территории по соседству с Сербией признавалась прямым покушением на независимость Сербии. Имея, однако, в виду, что за последнее время венский кабинет давал, пред лицом всей Европы, самые торжественные обязательства не искать более территориальных приращений на Балканском полуострове, сербы втайне стали верить, что Австрия в конце концов не решится изменить своим обязательствам, а если бы и задумала что-либо подобное, то, по всем вероятиям, натолкнулась бы на единодушное сопротивление Европы. Но Европа теперь вся против славянских государств, не подчиняющихся ее воле, и, стало быть, сербам нет основания ожидать защиты от какой бы то ни было державы. Отсюда понятно то смущение, которое на первых же порах произвело в правительственной среде известие о замыслах Австро-Венгрии.

Совсем иначе отнеслись к этому здешние военные круги. Они, при разработке плана кампании, повидимому, примирились с мыслью о неизбежности занятия австрийцами Новобазарского санджака и не имели намерения оказывать им сопротивление. По их расчетам, сербская армия должна пройти гораздо южнее австрийских постов, которые во всяком случае, по топографическим условиям, не могут быть выдвинуты далеко в глубь провинции [2].

Вслед за тем, однако, сюда пришло другое известие, нашедшее тоже подтверждение в донесениях полковника Занкевича. Согласно этим новым данным, австрийские военные сферы, не отказываясь окончательно от плана

---

[1] В оригинале ошибка. Тел. за № 1190 датирована 24/11 июня и адресована в Лондон (см. ч. I, стр. 162, прим. 1). Вероятно, Гартвиг имеет в виду тел. Нератова от 1 окт./18 сент. за № 1990, в которой передавалось содержание тел. Кудашева от 30/17 сент. за № 71 (см. стр. 323, прим. 4).

[2] Ср. № 932.

вступления в Санджак, решили предварительно выждать результатов славяно-турецкой кампании. Есть основание полагать, что перемена эта вызвана главным образом опасением Австрии наткнуться где-либо на сильный отряд сербских войск, а с другой, — и на ожесточенное сопротивление местного славянского населения, вооруженного с головы до ног сербским правительством.

Весьма секретные источники дают и другое объяснение последнему решению венского кабинета, а именно: будто на заседании военного совета император Франц-Иосиф, вопреки настойчивым советам наследного эрцгерцога, категорически высказался против вмешательства монархии в сербо-турецкую войну, не желая омрачать конца своего царствования новыми серьезными политическими осложнениями.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 951. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁺/. Телеграмма № 192. 8 октября/25 сентября 1912 г.

Je télégraphie Ministre Paris:

Je viens de m'acquitter à l'instant de la démarche prescrite par Votre Excellence, conjointement avec mon collègue d'Autriche-Hongrie [1]. Le Président du Conseil étant déjà parti nous nous sommes adressés au Roi lui-même qui a retardé son départ pour nous recevoir. Sa Majesté, après avoir entendu la lecture de la déclaration prescrite, nous a répondu comme je télégraphie: «Je regrette que l'intervention des Puissances se produise un peu tard. Voici deux mois que la note du Gouvernement monténégrin sollicitant cette intervention a été remise [2]; l'Europe est restée muette et je me suis cru oublié. La Turquie nous a causé tant de torts depuis 34 ans et surtout ces dernières années. Les troupes turques ont occupé notre terre et y ont établi des retranchements. J'ai protesté à maintes reprises, mais prêché dans le désert. Depuis longtemps le Monténégro demandait la jonction des routes et le dessèchement du lac de Scutari: rien n'a été fait jusqu'ici et plusieurs villages de la Zéta sont inondés. Enfin et surtout les massacres de nos frères chrétiens sur les confins du Monténégro n'ont pas discontinué et m'ont frappé au coeur. En ce moment la situation du Royaume est telle que, même si ses alliés se dégageaient vis-à-vis de lui,— ce que je ne puis supposer un instant,—l'état d'esprit de mon peuple m'obligerait d'entrer en action. Vous me comprendrez. Je suis profondément peiné de ne pouvoir suivre les conseils des deux Empires amis et protecteurs et surtout de leurs gracieux Souverains qui ont toujours été si bons [3].

Giers.

---

[1] См. № 927.

[2] См. № 446.

[3] В тел. от 8 окт./25 сент. за № 193 А. Гирс сообщил: «Ответ короля был записан во время самой аудиенции, по окончании которой он тотчас же отбыл в Подгорицу, где сегодня же обнародует прокламацию об объявлении войны. К нему отъезжают болгарский, греческий и сербский посланники для постоянного при нем пребывания. В Цетинье на деле никакого правительства не остается».

Тел. от 8 окт./25 сент. за № 947 Потапов сообщал в отдел ген.-кварт. главного управления ген. штаба: «Сейчас король сообщил мне, что сегодня последует официальное объявление войны Турции, а завтра в семь часов утра начнутся военные действия».

Тел. от 8 окт./25 сент. за № 195 А. Гирс сообщал: «Король Николай ходатайствует о принятии императорским правительством на себя покровительства остающимся в Турции черногорским подданным во время войны». На этой тел. имеется помета Николая II: «Да». Спала, 13 окт./30 сент. В ответ на эту тел. Гирса Нератов передал: «Согласны принять на себя защиту черногорских подданных в Турции» (тел. Нератова № 2113 от 10 окт./27 сент.).

Перевод.

Телеграфирую министру в Париж:

Совместно с моим австрийским коллегой я только что предпринял предписанный мне вашим превосходительством демарш. Так как председатель совета уже уехал, мы обратились к самому королю, отложившему свой отъезд, чтобы принять нас. Его величество, выслушав текст предписанного заявления, ответил нам то, что я телеграфирую: «Я сожалею, что вмешательство держав несколько запоздало. Вот уже два месяца, как была вручена нота черногорского правительства, в которой оно ходатайствовало об этом вмешательстве; Европа молчала, и я считал, что обо мне забыли. Турция причинила нам столько обид в течение 34 лет и в особенности за эти последние годы. Турецкие войска заняли нашу территорию и укрепились на ней. Я протестовал несколько раз, но это был глас вопиющего в пустыне. Уже давно Черногория просит о соединении между собой дорог и осушении озера Скутари: до настоящего времени ничего не сделано и несколько селений на Зете пострадали от наводнения. Наконец, и в особенности, избиения наших братьев-христиан у границ Черногории не прекращаются и терзают мне сердце. В настоящий момент положение королевства таково, что если бы даже наши союзники отказались от своих обязательств в отношении нас, — чего я не допускаю ни на одну минуту, — настроение моего народа заставило бы меня выступить. Вы меня поймете. Я глубоко скорблю о том, что не могу следовать советам обеих дружественных и покровительствующих нам империй, и в особенности их милостивых монархов, которые проявляли всегда столь добрые чувства».

Гирс.

№ 952. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 787. 8 октября/25 сентября 1912 г.

Получил телеграммы №№ 2046 [1] и 2087 [2].

Протестовал уже третьего дня в Порте против задержания греческих судов, нагруженных нашим хлебом. Министр иностранных дел, отстаивая право оттоманского правительства объявлять «эмбарго», категорически заявил, что Порта возместит все убытки, причиненные нашим грузоотправителям принимаемой ею мерой. Сегодня возобновляю протест в письменной форме [3].

Гирс.

№ 953. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 788. 8 октября/25 сентября 1912 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 2062 [4].

По вопросу о военных действиях в Черном море я высказался в № 765 [5]. Почитаю все же нужным к приведенным мною уже соображениям добавить, что с сегодняшнего дня начинается перевоз морем анатолийских войск в Европейскую Турцию, что, несомненно, усилит нашу возможность производить давление на Порту при восстановлении мира на Балканах. Поднятие

[1] См. № 888.

[2] Тел. от 7 окт./24 сент. за № 2087 Нератов передал М. Гирсу текст полученной им тел. Коковцова, в которой последний сообщал, что биржевые комитеты вновь обратились к нему с просьбой об освобождении задержанных турец. властями судов и с заявлением, что до разрешения конфликта они не будут отправлять хлеб на судах под греческим флагом. В тел. говорилось: «Грозят огромные убытки, происходящие от того, что на греческих судах идет три четверти экспорта нашего хлеба».

[3] В тот же день М. Гирс передал турец. прав-ву вербальную ноту за № 1202, в которой, принимая к сведению сделанные турец. прав-вом заявления о намерении его возместить убытки русским грузоотправителям, он настаивал на освобождении задержанных судов.

[4] См. № 897.

[5] См. стр. 343, прим. 3.

же нами вопроса о Черном море теперь же, несомненно, напугает турок, возбудит их против нас, вызовет с их стороны обвинение в нарушении нами нейтралитета и уменьшит средства нашего воздействия на них в критическую минуту, если таковая наступит. Я считал бы, что положение Турции не может быть сравнено с положением Италии, которая сама была заинтересована не поднимать балканского вопроса в то время, когда она была занята в Африке, из опасения, что в случае общего расчета на Балканах ее доля ограничилась бы исключительно Триполитанией. При этом оговариваюсь, что отдаю себе отчет, что при дальнейшем развитии вышеизложенных событий весьма скоро может настать время, когда нам нужно будет заговорить о Черном море, и полагаю, что нам всегда возможно будет найти (к этому) предлог в нарушении торговых наших интересов, но полагаю, что преждевременное наше выступление нежелательно. Прошу срочно передать министру.

Гирс.

№ 954. Военный агент в Турции в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Телеграмма № 213 [1]. 8 октября/25 сентября 1912 г.

Война сегодня была объявлена Черногорией. Сюда прибыли с Дарданелл два броненосца «Торгут» и «Хайреддин-Барброса» [2].

Хольмсен.

№ 955. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 825. 8 октября/25 сентября 1912 г.

Монголия.

Телеграмма № 2076 получена [3].

Объяснился с товарищем министра иностранных дел в указанном мне смысле. Он заметил, что наш ответ произведет тяжелое впечатление на совет министров, ожидавший, что на сделанное китайцами контрпредложение с нашей стороны будет предложен способ улажения монгольского вопроса. Я возразил ему, что наш взгляд должен был бы быть хорошо известен китайцам и заключается в принятии ими давно указанных нами трех пунктов. На это товарищ министра сказал, что в декабре Щекиным было указано не три, а пять пунктов, а именно, кроме нынешних трех, один, касающийся железных дорог во Внешней Монголии, и другой, не допускающий изменения положения Монголии без соглашения на этот счет с Россией [4]. Я избегнул входить в обсуждение относительно первого из этих пунктов, относительно второго сказал, что, так как ныне обстоятельства изменились и имеется в виду заключение формального письменного соглашения между Россией и Китаем, то пункт этот должен будет разуметься сам собой,

[1] Маш. копия.

[2] Тел. от 9 окт./26 сент. за № 199 А. Гирс сообщал Нератову (копия Сазонову): «Сегодня в 7 часов утра начались военные действия черногорцев, открывших артиллерийский огонь против Туви на пути к Скутари. В изданной сегодня прокламации между прочим говорится, что черногорцы протянут руку малиссорам, которые уже два года борются за свои права и соединение с Черногорией». (Опубл. Ор. кн., стр. 15, с сокращениями.)

В тел. от 8 окт./25 сент. за № 791 М. Гирс сообщал: «До сих пор ни болгарский, ни сербский, ни греческий представители никаких указаний и поручений о разрыве сношений не получали».

[3] См. № 908.

[4] См. т. XIX, № 253.

и специально говорить о нем более не приходится. Прошу ваше высокопревосходительство уведомить меня, следует ли мне, как доселе, продолжать упоминать в разговорах с китайцами лишь о трех пунктах, сообщенных Юань Ши-каю Щекиным и подтвержденных ему затем мной по приезде, и как мне относиться к вопросу о железных дорогах в Монголии. Прошу также указаний, что мне отвечать китайцам в случае запроса с их стороны о цели приезда в Ургу Коростовца, о коем им, несомненно, если неизвестно уже, то скоро станет известным [1].

Крупенский.

№ 956. Начальник генерального штаба в мобилизационный отдел генерального штаба.

Письмо. 8 октября/25 сентября 1912 г.

Прошу спешно телеграфировать (за моей подписью) командующим войск Виленского и Киевского военных округов, что военный министр просит нынешней осенью пробных мобилизаций не производить и те, которые еще не начаты, — отменить.

Жилинский.

№ 957. Временно управляющий министерством иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 1028. 9 октября/26 сентября 1912 г.

Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

По получении письма вашего высокопревосходительства от [30] 17 сего сентября № 857 [2], я поспешил запросить наших представителей на Дальнем Востоке [3], имеются ли у них сведения, подтверждающие опасения начальника Заамурского округа пограничной стражи относительно подготовки китайцами нового боксерского восстания.

Как вы изволите усмотреть из прилагаемых телеграмм посла в Токио, посланника в Пекине [4] и консульских представителей в Харбине, Мукдене и Куанченцзы [5], они не разделяют сказанных опасений генерал-лейтенанта Мартынова. Из сопоставления их отзывов выясняется следующее. Под влиянием опасений пекинского правительства, что Россия и Япония воспользуются слабостью Китая, чтобы покончить с маньчжурским вопросом, в этой области предполагается поднять народное движение, чтобы силой воспрепятствовать предполагаемым попыткам в означенном направлении императорского и японского правительств. С этой целью производятся новые формирования, покупка оружия и его раздача населению. Другим фактором, определяющим обеспокоившую генерал-лейтенанта Мартынова деятельность китайцев, является восстание во Внутренней Монголии: для его подавления в восставшие хошуны посланы значительные китайские отряды, на место которых набираются в местах их первоначального расквартирования новые войска из милиционеров и полицейских чинов. Кроме того, насилия, которым китайские переселенцы подвергались со стороны монголов, также вызвали снабжение китайского населения оружием.

---

[1] Публикуемая тел. была сообщена Нератовым Люба 11 окт./28 сент. за № 2120.
[2] См. стр. 325, прим. 1.
[3] См. № 841.
[4] См. стр. 325, прим. 1, и № 880.
[5] Имеются в виду телеграммы управляющего КВЖД из Харбина от 4 окт./21 сент. за № 2886, ген. консула в Мукдене от 5 окт./22 сент. за № 662 и консула в Куанченцзы от 3 окт./20 сент. за № 764, содержание которых исчерпывается публикуемым документом.

Несомненно, что дошедшие до китайцев слухи о революционном брожении в России и предположение, что внимание императорского правительства поглощено событиями на Балканах, сильно подняли дух китайцев, что и выразилось в зажигательных по отношению России статьях китайской печати. К сожалению, непоследовательный образ действий генерал-лейтенанта Мартынова, сперва без ведома центрального правительства пославшего отряд в восставшие области Внутренней Монголии, а затем, также без разрешения центрального правительства, отозвавшего этот отряд, не мог не вселить в китайцах убеждения в нашей слабости и невозможности для нас оказать действительную поддержку монголам. Под влиянием этого убеждения и достигнутых во Внутренней Монголии успехов, китайское правительство обратилось к нашему посланнику в Пекине с выражением уверенности, что императорское правительство не будет более протестовать против посылки китайской карательной экспедиции в Халху [1].

Таким образом, перед нами поставлена двойная задача: позаботиться о том, чтобы агитация китайцев в Манчжурии не приняла опасные для нас размеры и не подвергла, вследствие какой-нибудь случайной причины, опасности Китайскую Восточную ж. д. и находящееся на ее территории русское население, и, с другой стороны, — предупредить поход китайцев на Халху, который мог бы привести нас к военному столкновению с Китаем.

Для достижения этой двойной цели мне казалось необходимым подготовить наши вооруженные силы в Иркутском округе для подкрепления, в случае нужды, войск Заамурского округа и несколько усилить те наши воинские части, которые ныне находятся в Халхе. Копии моих трех писем по этому поводу генералу-от-кавалерии Сухомлинову считаю долгом при сем приложить [2].

Наравне с этим, в согласии с мнением вашего высокопревосходительства, выраженным в сообщенной мне д. с. с. Львовым телеграмме вашей [3], я поручил посланнику в Пекине подтвердить китайскому министру иностранных дел уже сделанное им заявление, что императорское правительство не даст своего согласия на посылку китайской карательной экспедиции в Халху, и одновременно предупредить китайское правительство, что его меры по сосредоточению войск во Внутренней Монголии вынуждают нас на принятие соответствующих мер, чтобы не допустить нарушений наших прав и интересов [4].

Примите и пр. [Нератов.]

№ 958. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 138. **9 октября/26 сентября 1912 г.**

Гартвиг телеграфирует за № 195:

Получил вашу телеграмму № 227 [5].

---

[1] См. № 879.

[2] Имеются в виду письма Сазонова Сухомлинову от 17/4 сент. за № 910 (см. № 691) и Нератова от 27/14 сент. за № 958 и от 6 окт./23 сент. за № 1016, содержание которых в основном совпадает с публикуемым документом.

[3] Имеется в виду препровожденная в м-во ин. дел директором общей канцелярии м-ва фин. Львовым при отношении от 5 окт./22 сент. копия тел. Коковцова от 5 окт./22 сент., в которой Коковцов просил Львова передать Нератову, что он находит сообщения Мартынова «повторяющими обычные приемы этого генерала» и считает необходимым проверить эти сведения через консульства, а до этого ограничиться просьбой к воен. м-ру принять некоторые «подготовительные меры в Забайкалье и предъявить через посланника решительное заявление китайскому правительству в том смысле, что принимаемые меры неизбежно должны вызвать соответствующие меры предосторожности с нашей стороны».

[4] См. № 908.

[5] Имеется в виду тел. Сазонова из Парижа от 7 окт./24 сент. (см. № 930).

Вслед за совместными представлениями, сделанными мной и Угроном [1], я вторично свиделся с Пашичем, дабы объясниться с ним по содержанию вышеупомянутой телеграммы. Убеждение мое: отныне как бы ни были энергичны наши настояния и основательны доводы в пользу сохранения мира — они не изменят принятых здесь решений. Ни в Болгарии, ни в Сербии нет такого авторитета, который взял бы на себя опасную задачу — вернуть армию по домам. Это было бы сигналом к столь тяжким внутренним потрясениям, которые, по всеобщему признанию, оказались бы гибельнее самой войны. В обещания турок, данные притом только на словах и под угрозой сконцентрированных войск четырех балканских государств, никто не верит, считая их обычной турецкой уловкой. Дальнейшие наши представления в пользу мира могут лишь подрывать авторитет России в глазах славянских народностей [2].

Свербеев.

№ 959. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 147 [3]. 9 октября/26 сентября 1912 г.

До сих пор не последовало ответа на русско-австрийский шаг. Только что дано иностранным газетам правительственное communiqué, гласящее, что правительство не усмотрело, к сожалению, в сообщении двух посланников «des précisions sur les réformes proposées à la Turquie et des garanties pour leur réalisation» [4], но что раньше принятия решения оно обменяется взглядами с Белградом и Афинами. Я полагаю, что ответ Гешова будет неудовлетворительный и объявление войны последует вскоре. Того же мнения австрийский и остальные посланники.

Неклюдов.

№ 960. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 148. 9 октября/26 сентября 1912 г.

Телеграмму № 2102 получил [5].

Объявление черногорцами войны и выступление их в поход, по моему мнению, именно может быть рассматриваемо, как событие бесповоротное в смысле начала войны и притом не только между Черногорией и Турцией, но и между Болгарией и Турцией; ссылаюсь на сообщенную вами [18] 5 сентября за № 1841 [6] телеграмму вашу в Цетинье. Военное выступление Черногории (вне) всякого сомнения произошло по условленному с Софией, Белградом и Афинами плану. Здесь весь дипломатический корпус, и без того уже опасавшийся за успех нашего вчерашнего шага [7], теперь почти уверен,

[1] См. № 948.

[2] Тел. от 9 окт./26 сент. за № 202 Гартвиг сообщал Нератову, что франц. посланник в Сербии Деко получил предписание поддержать перед серб. прав-вом заявления, сделанные Гартвигом и Угроном. «Сегодня, — указывал далее Гартвиг, — Деко объяснился с председателем совета. Пашич представил ему почти те же возражения, которые выслушали вчера я и Угрон. Деко разделяет мое заключение, что о возвращении армии не может быть и речи и что все попытки удержать Сербию от военных действий не будут иметь успеха».

[3] Опубл. Ор. кн., стр. 14, с сокращениями и изменениями, и Кр. Арх., т. XVI, стр. 3.

[4] «точного определения реформ, предложенных Турции, и гарантий их осуществления».

[5] См. № 942.

[6] См. № 699.

[7] См. № 945.

что объявление войны Болгарией последует не позже 6 или 5 дней. В субботу [1] ожидается отъезд короля к армии.

Неклюдов.

№ 961. Посланник в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 78. 9 октября/26 сентября 1912 г.

Министр иностранных дел, которого я сейчас видел на вокзале при встрече короля [2], доверительно сообщил мне, что Черногория объявила войну самостоятельно и вопреки советам ее балканских союзников. Она им возразила, что всякое дальнейшее выжидание представляется ей невозможным [3].

Демидов.

№ 962. Посланник в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 9 октября/26 сентября 1912 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

По получении из Парижа телеграммы гофмейстера Сазонова от [7 октября] 24 сентября за № 227 [4] с предписанием снова обратить самое серьезное внимание греческого правительства на весь риск, сопряженный с воинственной его политикой, и на всю бесполезность таковой ввиду коллективного выступления держав, я поспешил посетить с этой целью министра иностранных дел, которому я подробно развил все изложенные в телеграмме соображения; при этом, для большей вескости шага, я счел полезным вручить министру записку, почти дословно передающую содержание помянутой телеграммы.

К сожалению, никакие дружественные советы, благоразумные доводы, ни строго логичные аргументации на г. Коромиласа, повидимому, не действуют. Он всецело поглощен мыслью о войне, и первый ее приветствует в душе, невзирая ни на опасности для Греции от подобной авантюры, ни на ее бесполезность в случае даже успехов греческого оружия.

Указывая министру на достигнутое полное единогласие держав и на твердое их намерение добиться от Порты осуществления реформ в духе 23-й статьи Берлинского трактата, я вместе с тем пытался его убедить в том, что раз Греция стремится не к каким-либо территориальным приобретениям, а лишь к действительному проведению реформ, то таковые достигнуты будут несравненно вернее коллективным решительным воздействием держав на Порту, — и притом мирным путем и без всяких потрясений, — нежели путем вооруженного конфликта; ибо сомнительный исход последнего лишает Грецию всякой уверенности достижения желанных результатов. Не говоря уже о чрезмерных расходах, вызываемых военными приготовлениями и достигающих весьма значительной для Греции суммы в 350 000 драхм в день, о кровопролитии и всяких иных жертвах, необходимо иметь в виду, что в случае поражения произойдут в стране крупные беспорядки, могущие привести к падению правительства, а быть может, и к возбуждению вопроса о самой династии.

---

[1] 12 окт./29 сент.

[2] См. стр. 366, прим. 12.

[3] Тел. от 9 окт./26 сент. за № 201 Гартвиг сообщал: «Сербия... [пропуск в оригинале] сговариваются относительно редакции ответной ноты великим державам, которую, повидимому, предполагается вручить их представителям одновременно с передачей Порте проектированного уже раньше ультиматума. Здесь крайне удивлены, что Черногория, начав военные действия, до сих пор официально не довела об этом до сведения сербского правительства».

[4] См. № 930.

Выслушав меня, министр возразил, что хотя он вполне сознает искренность и благожелательность наших увещеваний, а также всю лежащую на нем ответственность, тем не менее он не находит долее возможным довольствоваться турецкими обещаниями, хотя бы и данными по согласованному настоянию всех великих держав. По его мнению, Мюрцштегское соглашение [1] воочию показало всю шаткость европейского единодушия; настоящее же проявление последнего не представляется ему более прочным, нежели тогдашнее, а длительность согласия — весьма сомнительной. Турция, по его словам, приступит для вида к поверхностному упорядочению македонской администрации, некоторые льготы будут предоставлены христианским народностям, но как только обнаружится, под влиянием ли их соперничества в Константинополе или какой-либо иной причины, новый неминуемый разлад между державами, все благие начинания опять предадутся забвению и положение народностей станет еще хуже прежнего. Поэтому Греции надлежит воспользоваться исключительно теперешним благоприятным стечением обстоятельств и сплоченностью балканских государств, дабы общими их усилиями добиться осуществления реформ.

В данную минуту дело зашло уже так далеко, что здешнему правительству, действительно, нелегко отступить. После таких усиленных военных приготовлений распоряжение о демобилизации поставило бы правительство в почти безвыходное положение и могло бы способствовать его скорому падению.

Что же касается объявления Черногорией войны, то действие это считается здесь преждевременным и, по словам г. Коромиласа, идущим вразрез с советами ее союзниц, на каковые советы Черногория ответила, что она долее ждать не может.

Примите и пр. Демидов.

№ 963. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 223. 9 октября/26 сентября 1912 г.

Le Chargé d'Affaires du Monténégro a remis aujourd'hui à onze heures et demi au Ministre des Affaires étrangères une note déclarant l'ouverture des hostilités. Plamenatz a quitté Constantinople à trois heures [2].

Giers.

Перевод.

Сегодня, в 11 часов 30 минут, черногорский поверенный в делах вручил министру иностранных дел ноту, объявляющую об открытии военных действий. Пламенац покинул Константинополь в три часа.

Гирс.

№ 964. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 9 октября/26 сентября 1912 г.

Конфиденциально.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Одним из главных недостатков нынешнего кабинета является его малая работоспособность, которая, между прочим, выразилась и в том, что наме-

[1] См. стр. 110, прим. 2.

[2] Тел. от 9 окт./26 сент. за № 233 Извольский сообщал: «Ввиду выступления Черногории и опасаясь ускоренного темпа событий, Пуанкаре высказал мне, что необходимо как можно скорее сделать в Константинополе условленное между державами сообщение. Он телеграфирует в этом смысле Бомпару».

ченные Восуг-эд-Доуле и его братом Каввам-эс-Солтане проекты крупного займа, организации небольшой армии и постройки железнодорожной магистрали остались без движения после ухода этих двух способных министров из состава правительства [1].

Только известие о поездке гофмейстера Сазонова в Англию и опасение, что печальное внутреннее положение Персии может побудить обоих министров иностранных дел к принятию серьезных для этой страны решений, вызвало некоторую деятельность в кабинете и желание доказать, что он может и при нынешнем его составе обсудить и провести полезные для Персии реформы. В связи с этим был выработан ряд пожеланий здешнего правительства, которые имелось в виду предложить через регента обоим министрам в Лондоне, вместе с его собственным обязательством вернуться в Тегеран в самом непродолжительном времени. После же отказа Наср-оль-Молька от поездки в Англию, кабинет придал своим желаниям форму программы и решил сообщить таковую через соответствующих персидских посланников обоим правительствам, гофмейстеру Сазонову в Париже, а также и обеим миссиям в Тегеране. Сэр В. Таунлей получил этот документ сегодня, а я — вчера, [8 октября] 25 сентября [2].

Когда персы составляют документы, подлежащие сообщению иностранным правительствам или прессе, они не могут удержаться, чтобы не поместить, помимо дела, несколько громких или широковещательных фраз, служащих для них оправданием перед возможными обвинениями в уступчивости относительно главных вопросов. Так и тут, наряду с упоминанием трех названных в начале этого донесения полезных для Персии мер, в программу включены также 4 пункта, из которых некоторые мало вяжутся с действительным настроением нынешнего кабинета, другие же — плохо свидетельствуют об его такте.

Впрочем, сам Али-Голи-хан [3], передавая этот документ, заявил мне от имени кабинета, что последний отнюдь не желает скорого ухода наших войск из Персии и что, таким образом, пункт третий сводится лишь к выражению надежды, что пребывание русских войск в Персии не сделается постоянным. Он же пояснил мне, что пункт четвертый [4] о созыве меджлиса помещен в программу только для успокоения некоторых недовольных, так как министерство не приняло еще самых элементарных мер для подготовления выборов и вообще не имеет намерения производить таковые до укрепления власти правительства в стране.

Я указал Али-Голи-хану на бестактность пункта шестого и отметил, что заключение крупного займа даст возможность персидскому правительству найти нужные средства для увеличения казачьей бригады, согласно имевшим уже место в начале этого лета переговорам миссии с персидским правительством [5]. Как Али-Голи-хан, так и Ала-эс-Солтане заверили меня, что увеличение бригады вполне соответствует видам нынешнего кабинета. Не вдаваясь затем в дальнейшие обсуждения отдельных пунктов программы, я сказал, что буду ожидать указаний императорского правительства.

На случай, если бы оба правительства нашли нужным высказать свой взгляд относительно сообщенных им пожеланий шахского правительства, мой великобританский коллега и я позволяем себе представить краткий проект совместного ответа:

---

[1] Об отставке Восуг-эд-Доуле см. ч. I, стр. 90, прим. 4.
[2] См. приложение к публикуемому документу.
[3] Али-Голи-хан—товарищ перс. м-ра ин. дел. Тел. от 11 сент./29 авг. за № 1783 Аргиропуло сообщил Саблину, что росс. м-во ин. дел не имеет препятствий к назначению Али-Голи-хана товарищем м-ра ин. дел.
[4] В оригинале ошибка. Повидимому, следует читать: «пятый».
[5] См. ч. I, стр. 337, прим. 1.

А) По пункту первому обе миссии могли бы заявить, что они изучат только что представленные им план организации и бюджет будущей армии и не преминут, в случае надобности, сделать соответственные замечания. Императорской же миссии следовало бы одновременно с этим формально возбудить вопрос об увеличении бригады и утверждении ее бюджета в размере 942 000 томанов в год.

Б) По пункту второму обе миссии должны затребовать от персидского правительства представления им через главного казначея самых подробных данных как относительно источников доходов, которые могут служить гарантией будущего займа, так и предположенного расходования вырученных от этой операции денег. Оба правительства могли бы также обещать вступить в соответственные сношения с русскими, английскими и французскими финансовыми группами, причем персов следовало бы предупредить, что им надлежит удовлетворить из займа убытки иностранных подданных. По поводу же аванса нами уже сделано было своевременно категорическое заявление [1].

В) По пункту четвертому самым правильным ответом было бы указать на то, что проектированная «Société d'Études» Трансперсидская железная дорога вполне удовлетворит выраженные персами пожелания. Мы также думаем с Тоунлеем, что здешнее правительство уже достаточно освоилось с мыслью о помянутой дороге и что командирование сюда специальных представителей Общества для получения оппиона едва ли необходимо [2]. Обе миссии, вероятно, могли бы сами добиться благоприятного разрешения этого вопроса.

Г) Пункты 3, 5 и 7 не требуют ответа.

Д) По пункту шестому великобританская миссия должна заявить, что таковой не касается великобританского правительства. Мы же могли бы либо вовсе оставить его без ответа, либо сделать шахскому правительству должное внушение по содержанию обоих формулированных им в этом пункте пожеланий.

Представляя вышеизложенное на усмотрение вашего превосходительства, я позволяю себе препроводить при сем копию с упоминаемой в этом донесении программы на случай, если бы в текстах сообщенных вашему превосходительству и миссии документов заключалась какая-нибудь разница.

Примите и пр.

С. Поклевский-Козелл.

Приложение [3].

Depuis plusieurs années tous les efforts du Gouvernement impérial ont tendu vers la réalisation des reformes urgentes; néanmoins, le temps et les moyens dont il disposait ayant été consacrés à réprimer des troubles inattendus, il n'a pu complètement atteindre le but qu'il se proposait.

L'achèvement des réformes projetées ne pouvant être d'autre part différé plus longtemps, le Gouvernement impérial est fermement déterminé à mettre en exécution dans le plus bref délai possible le programme qu'il s'est tracé.

A cet effet il attire l'attention des deux Puissances voisines sur les points suivants, désireux qu'il est de s'assurer leur concours amical en ce qui les concerne:

1) Le rétablissement de l'ordre et la sécurité des routes commerciales font, en première ligne, l'objet de la plus vive sollicitude du Gouvernement et cela par les moyens suivants:

---

[1] См. стр. 218, прим. 3.

[2] Ср. № 891.

[3] Маш. копия.

a) développement de la gendarmerie, } avec l'aide des officiers suédois,
b) organisation de la police, }

c) organisation d'une armée de 28 000 hommes bien armés, dont un premier corps de 7 000 hommes sera formé à Téhéran avec le concours d'officiers européens, empruntés à une Puissance dite de second ordre. Ces officiers formeront à Téhéran un cadre de réforme par lequel passeront graduellement tous les autres corps d'armée formant garnison dans les provinces et chargés d'y maintenir l'ordre et la tranquillité.

2) En vue de préparer les moyens nécessaires au rétablissement de l'ordre, l'achat d'une quantité suffisante d'armes, les réformes administratives, la mise en valeur des richesses naturelles du pays et surtout la réforme financière, le Gouvernement impérial est obligé de recourir à un gros emprunt comportant des conditions d'un caractère exclusivement économique. Il est d'ailleurs tout disposé à entrer sans retard en pourparlers à cet effet.

Les revenus actuels du pays, exception faite de maliat (impôt foncier) et après déduction des sommes affectées à l'amortissement des emprunts antérieurs et du payement des dépenses obligatoires, suffisent à garantir un emprunt de 30 000 000 tomans au moins.

En attendant la conclusion de ce gros emprunt et pour poser les bases de son programme, le Gouvernement persan demande aux deux Puissances, à titre d'avance, une somme de £ 200 000.

3) La présence des troupes étrangères sur le territoire persan étant évidemment nuisible au prestige du Gouvernement central, celui-ci attire l'attention favorable des deux Puissances sur la solution de cette difficulté, afin qu'il puisse, avec l'autorité voulue, procéder à gouverner le pays.

4) Etant donné que le développement du commerce et la prospérité du pays sont irréalisables sans la construction de chemins de fer, le Gouvernement impérial est décidé de relier par une voie ferrée internationale la mer Caspienne ou l'un des points situés sur la frontière d'Azarbaïdjan au Golfe Persique.

5) La réouverture du Parlement forme également l'objet de la sollicitude du Gouvernement.

6) Le rétablissement de l'ordre dans la province d'Azarbaïdjan étant particulièrement en vue, le Gouvernement impérial attire l'attention favorable du Gouvernement impérial de Russie sur les points suivants, afin de réaliser ce but et d'affermir ainsi l'autorité du gouverneur général de cette province:

a) la non-immixtion de Hadji-Chodja-oud-Douleh dans les affaires du Gouvernement central d'Azarbaïdjan,

b) le règlement de l'affaire des Chahsevennes exclusivement par ledit gouverneur général.

7) Étant donné que les bruits du retour de l'ex-shah troublent de temps à autre les esprits et encouragent les éléments de désordre, le Gouvernement impérial réitère ses demandes antérieures en priant les deux Puissances signataires du protocole de 1909[1] de lui fournir des assurances formelles à l'effet d'écarter tout danger de nouvelle tentative de rentrée en Perse par l'ex-shah.

Перевод.

В течение нескольких лет все усилия шахского правительства были направлены на проведение срочных реформ; тем не менее оно не смогло вполне до-

[1] Имеется в виду протокол, подписанный представителями России и Англии, с одной стороны, и перс. прав-вом, — с другой, 7 сент./25 авг. 1909 г. по вопросу об условиях отъезда из Персии Мохамед-Али-шаха. Согласно этому протоколу, экс-шаху назначалась определенная пенсия, но в случае, если бы он уехал из России и выступил против Персии, перс. прав-во имело право прекратить выплату ему пенсии.

стигнуть поставленной себе цели, ввиду того что имевшиеся в его распоряжении время и средства были употреблены на подавление непредвиденных беспорядков.

Поскольку, с другой стороны, невозможно откладывать долее проведение предположенных реформ, шахское правительство твердо решило выполнить намеченную им программу в возможно короткий срок.

С этой целью оно обращает внимание обеих соседних держав на следующие пункты, желая обеспечить себе их дружеское содействие в том, что их касается:

1) Восстановление порядка и безопасность торговых путей составляют в первую очередь предмет самых серьезных забот правительства, для чего намечены следующие средства:

а) усиление жандармерии, } с помощью шведских офицеров,
б) организация полиции, }

в) организация хорошо вооруженной армии в 28 000 человек, первый корпус которой, численностью в 7 000 человек, будет сформирован в Тегеране при содействии европейских офицеров, приглашенных от одной из так называемых второстепенных держав. Эти офицеры составят в Тегеране инструкторские кадры для реорганизации армии; через их руки последовательно пройдут все армейские корпуса, составляющие провинциальные гарнизоны, на которые возложено поддержание там порядка и спокойствия.

2) С целью изыскать средства, необходимые для восстановления порядка, для закупки достаточного количества оружия, для административных реформ, для эксплоатации природных богатств страны, и, в особенности, для финансовой реформы, шахское правительство вынуждено прибегнуть к крупному займу на условиях исключительно экономического характера. Оно, к тому же, готово немедленно начать переговоры по этому вопросу.

Теперешние доходы страны, за исключением малиата (поземельного налога) и за вычетом сумм, предназначенных на погашение предыдущих займов и на обязательные расходы, вполне достаточны для того, чтобы гарантировать заем по крайней мере в размере 30 000 000 томанов.

В ожидании заключения этого крупного займа и для того, чтобы заложить основы своей программы, персидское правительство обращается к обеим державам с просьбой выдать ему в виде аванса 200 000 ф. ст.

3) Ввиду того что пребывание иностранных войск на персидской территории наносит явный ущерб престижу центрального правительства, последнее обращает благосклонное внимание обеих держав на разрешение этого затруднения, дабы оно могло с необходимым авторитетом приступить к управлению страной.

4) Ввиду того что развитие торговли и процветание страны невозможны без постройки железных дорог, шахское правительство решило соединить посредством международной железнодорожной магистрали Каспийское море или один из пунктов на границе Азербайджана с Персидским заливом.

5) Правительство озабочено также новым созывом парламента.

6) Ввиду того что восстановление порядка в провинции Азербайджан является предметом особой заботы шахского правительства, оно обращает благосклонное внимание российского императорского правительства на следующие пункты с тем, чтобы достичь этой цели и укрепить таким путем авторитет генерал-губернатора этой провинции:

а) невмешательство Хаджи-Шоджа-эд-Доуле в дела центрального азербайджанского правительства,

б) урегулирование дела шахсевен должно быть предоставлено исключительно упомянутому генерал-губернатору.

7) Ввиду того что слухи о возвращении экс-шаха от времени до времени тревожат умы и обнадеживают мятежные элементы, шахское правительство возобновляет свои прежние просьбы к обеим державам, подписавшим протокол 1909 г., чтобы они дали ему категорические заверения об устранении всякой опасности новой попытки экс-шаха вернуться в Персию.

№ 965. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁺/. Телеграмма № 826. 9 октября/26 сентября 1912 г.

Заем.

Вай-цзяо-бу препроводило сегодня английскому посланнику текст заключенного в Лондоне контракта на заем в 10 000 000 фунтов. Как имеющий интерес пункт в нем следует отметить, что гарантией займа является избыток соляной монополии, доход от которой определяется в 47 с лишком

миллионов лан, из коих 24 уже заложены; свободный избыток определяется, таким образом, в 23 с лишком миллиона лан, причем китайское правительство заявляет, что избыток этот совершенно не служит предметом какого-либо другого обеспечения. В случае неуплаты по займу, английский синдикат может требовать передачи соляной монополии в управление морских таможен. Одной из статей контракта Китай обязуется до полного выпуска настоящего займа не заключать никаких других займов на более выгодных для кредиторов условиях. В случае же намерения сделать заем на одинаковых с нынешним или лучших для Китая условиях, лондонский синдикат имеет преимущественное право на его реализацию [1].

Крупенский.

№ 966. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

Телеграмма № 2112 [2]. 10 октября/27 сентября 1912 г.

Телеграмма № 749 получена [3].

Не считаем возможным отказать славянским государствам, в случае их обращения по этому вопросу, в принятии на себя защиты их интересов.

Телеграфируем Демидову с просьбой по возможности заранее направить такое же ходатайство греков Франции или Англии [4].

Нератов.

№ 967. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

Телеграмма № 2115. 10 октября /27 сентября 1912 г.

Командир «Медеи» доносит своему правительству, что его французский коллега имеет инструкции более обширные, чем у русского и английского командиров, вплоть до водворения порядка на Самосе. По мнению английского правительства, командиры не должны вмешиваться во внутренние дела на острове, ограничиваясь охраной жизни и имущества иностранных подданных, если бы в том встретилась надобность, и воспрепятствовать дальнейшей высадке критян.

Лондонский кабинет находил бы желательным ускорить по возможности поездку на Самос генеральных консулов держав-покровительниц в Смирне [5] или их делегатов, поручив им дать отчет в положении дел и предупредить, если нужно, Софулиса, что никакая перемена status quo на острове не должна иметь места.

---

[1] Ссылаясь на публикуемую тел., В. Крупенский тел. от 12 окт./29 сент. за № 833 сообщал: «В ответе своем, посланном вчера китайскому министерству иностранных дел, английский посланник говорит, что ввиду несоответствия контракта о займе в Лондоне с условиями, изложенными в заявлении, сделанном 9 июля нового стиля шестью посланниками китайскому правительству [см. № 355], он не может согласно просьбе вай-цзяо-бу принять означенный документ к сведению и поэтому возвращает его».

[2] Лит. копия.

[3] См. стр. 333, прим. 3.

[4] В тот же день тел. за № 2114 Нератов сообщал Демидову: «Возможно ожидать, что греческое правительство обратится к нам, в случае войны, с просьбой принять на себя защиту в Турции его интересов. Ввиду того что наши посольство и консулы будут перегружены делами, было бы очень желательно, если возможно, чтобы греки обратились с таким ходатайством к Франции или Англии».

[5] В тел. от 4 окт./21 сент. за № 2032 Нератов сообщил М. Гирсу, со слов турец. посла в Петербурге, что «Порта предлагает Англии и Франции поручить своим генеральным консулам в Смирне произвести общее расследование положения дел на Самосе в целях восстановления порядка». Нератов ответил турец. послу, что росс. прав-во не может остаться безучастным «к такого рода предположению».

Великобританский посол в Константинополе уже получил соответствующие инструкции [1].

Благоволите, сговорившись с вашими французским и английским коллегами, сообщить нам, какой дальнейший ход дела вы признавали бы целесообразным [2].

Нератов.

№ 968. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому.

*/. Телеграммы №№ 2117, 2118. 10 октября/27 сентября 1912 г.

Сообщается в Ургу № 2119.

Телеграмма № 825 получена [3].

№ 1. Считаем достаточным, чтобы при объяснениях с китайским правительством вы продолжали указывать на известные три пункта, по которым требуется обязательство Китая перед Россией. Необходимость совместного обсуждения императорским и китайским правительствами мер, которые будут приниматься в будущем для развития Монголии, будет вытекать из существования сказанных трех обязательств. При объяснениях по этому пункту вы могли бы воспользоваться мотивировкой, содержащейся в нашей телеграмме [9 января 1912 г.] 27 декабря минувшего года, № 2240 [4].

Вопрос о нашем преимущественном праве постройки железных дорог в Монголии мы предпочитаем пока не затрагивать, имея в виду, что, в случае заключения нами с монгольским правительством соглашения по монгольскому вопросу на изложенных началах, мы будем иметь достаточный голос при обсуждении железнодорожных проектов для Монголии.

№ 2. При объяснениях с китайскими министрами по этому вопросу, вы могли бы напомнить им данное Юань Ши-каем Щекину [2 апреля] 20 марта обещание [5] высказаться при обсуждении монгольского вопроса в совете министров за соглашение с Россией, пользу которого он признавал.

Если бы китайцы запросили вас о цели командирования Коростовца, вы могли бы ответить, что ему поручено выяснить, как далеко мы пойдем в смысле установления деловых сношений с монгольским правительством, и напомнить им сделанное нами предупреждение, что промедление в решении монгольского вопроса вынудит нас установить такие сношения.

[Нератов.]

---

[1] Публикуемая тел. является почти дословным переводом пам. записки, переданной 9 окт./26 сент. англ. пос-вом в Петербурге м-ву ин. дел.

[2] Тел. от 10 окт./27 сент. за № 797 М. Гирс уведомил Нератова, что он, подобно его франц. и англ. коллегам, командировал росс. консула в Смирне Каля на Самос «для выяснения сообща мер, необходимых для восстановления на острове законного, согласного со статутом, порядка».

[3] См. № 955.

[4] В тел. от 9 янв. 1912 г./27 дек. 1911 г. за № 2240 Сазонов сообщал Щекину о беседе с посетившим его кит. посланником, который по поручению своего прав-ва указал на то, что выработанные росс. прав-вом по монг. вопросу требования не соответствуют его «обещанию не вмешиваться во внутренние дела Китая», и просил эти требования «взять назад». В ответ на это Сазонов заявил: «Мы попрежнему не вмешиваемся в происходящую в Китае борьбу и предоставляем китайцам самим установить желательный для них государственный строй. Мы желаем лишь утверждения в Китае прочного порядка».

[5] См. т. XIX, № 722.

№ 969. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 10 октября/27 сентября 1912 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

События идут так быстро, что настоящее письмо доставит вам, вероятно, лишь устаревшие сведения. Здесь до сих пор не могут дать себе отчета в истинных причинах единичного выступления Черногории. Подозревают, но, кажется, без всяких серьезных оснований, Италию; австро-венгерский посол (только что вернувшийся из отпуска) инсинуировал в разговоре с Пуанкаре, что король Николай имел целью скомпрометировать Россию, на что получил ответ, что, как известно, Черногория «mange à deux rateliers» [1] и что поэтому выступление ее компрометирует в равной степени и Австрию. В городе циркулирует такая версия: когда, во время пребывания в Париже великого князя Николая Николаевича, сюда приезжал королевич Данило [2], он будто бы обратился к одному из здешних банков с просьбой о ссуде 10 миллионов франков. В этой ссуде ему было отказано, но было условлено, что банк будет предупрежден за три дня до открытия военных действий; это даст банку возможность поставить крупную ставку на понижение, а выигрыш будет разделен пополам. Не ручаюсь вам за достоверность этого рассказа, но, вспоминая заявление, сделанное мне великим князем, что королевич Данило приезжал сюда не для свидания с ним, а по финансовым делам, полагаю, что он имеет некоторые основания.

Пуанкаре сказал мне, что австро-венгерский посол сделал ему самые успокоительные заявления насчет намерений своего правительства. По его словам, партия, толкающая на активные выступления, не имеет никакого влияния ни на императора, ни на Берхтольда, и французское предложение о совместных действиях России и Австрии [3] принято в Вене с радостью и чистосердечием. При этом не обошлось, однако, без некоторых инсинуаций против России. Так, например, граф Сечен высказал некоторое беспокойство по поводу мобилизации некоторых наших частей в Польше [4]. Пуанкаре ответил ему, что мобилизация эта, имеющая опытный характер и решенная ранее наступления кризиса, не имеет никакой связи с происходящими событиями, и что точно такое же беспокойство могут внушить принимаемые Австро-Венгрией военные меры на боснийской границе.

В общем здесь продолжают считать, что вряд ли державам удастся предотвратить войну на Балканском полуострове и что раз эта война разгорится, все усилия держав должны будут иметь целью ее локализацию. В одном из последних номеров газеты «Matin» известный вам Jules Hedeman высказал мысль, что даже если произойдет воинственное столкновение между Россией и Австрией, Тройственный союз не налагает на Германию обязанности притти на помощь последней, а потому может остаться в стороне и Франция. Зная, что журналист этот ежедневно беседует либо с Пуанкаре, либо с Палеологом, я счел необходимым указать ему на ошибочность подобного суждения и разъяснить ему, что в силу австро-германского союза всякая война между Россией и Австрией, лишь бы нападение произошло со стороны России, должна вызвать вмешательство Германии, а следовательно, и выступление Франции; ограничение, касающееся нападения со стороны России, существенного значения не имеет, ибо Австрия, хотя и не нападет на Россию, но своими действиями может создать такое положение, к которому Россия не будет в состоянии отнестись безучастно. К тому же понятие о «нападении» весьма растяжимо, и под него можно подвести мобилизацию или сосредоточение войск. Тот же вопрос я затронул и в разговоре

[1] «двух маток сосет».
[2] См. стр. 248, прим. 2.
[3] См. № 916.
[4] См. № 823.

с Пуанкаре, указав ему на ошибку Гедемана. Пуанкаре вполне согласился с моим толкованием и сказал мне, что он вполне отдает себе отчет в том, что вмешательство в балканскую войну со стороны Австрии неминуемо приведет к соответствующему выступлению со стороны России; что это может иметь последствием австро-русское столкновение и что затем неминуемо последует вмешательство Германии, и, следовательно, наступит casus foederis и для Франции. Поэтому, сказал мне Пуанкаре, если, несмотря на все наши усилия, начнется война на Балканах, *необходимо как можно скорее обсудить все могущие возникнуть случайности, дабы заранее определить отношение к ним России и Франции.* Не могу не отметить того спокойного и вместе с тем решительного тона, с которым Пуанкаре говорил мне о возможности наступления для Франции обязательства оказать нам вооруженную помощь. Тон этот резко контрастирует с нервностью французского правительства в 1908 г., когда адмиралу Тушару [1] было поручено заявить мне, что французское общественное мнение не допускает, чтобы Франция могла быть вовлечена в войну из-за балканских событий. В разговоре со мной Пуанкаре пошел еще дальше и сказал мне, что французский генеральный штаб, внимательно изучивший настоящую политическую и военную конъюнктуру, пришел к тому заключению, что если нынешние события приведут ко всеобщей войне, державы Тройственного согласия поставлены в наилучшие условия и имеют все шансы выйти из нее победительницами. Мысль эту Пуанкаре высказывал мне еще несколько ранее во время последних маневров, и то же самое я слышал от генерала Жоффра, начальника французского генерального штаба. Пуанкаре прибавил также: «Ce n'est certainement pas une raison pour abandonner nos efforts pacificateurs, mais on doit tenir aux Puissances de la Triple Entente compte du mérite qu'elles ont à rester aussi pacifiques» [2].

Сегодня Гедеман запрашивал меня, не думаю ли я, что настало время заговорить о конференции? Из этого я заключаю, что Пуанкаре продолжает думать об этом. Если в «Matin» будет пущен в этом смысле пробный шар, знайте, что это исходит из Quai d'Orsay.

Само собой разумеется, что я ни минуты не думаю куда-либо отлучаться при настоящих обстоятельствах.

Искренне и сердечно преданный вам

Извольский.

№ 970. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁰/₀ Телеграмма № 87 [3]. 10 октября/27 сентября 1912 г.

В речи, произнесенной сегодня в венгерской делегации, граф Берхтольд, между прочим, сказал: «Наша политика на Балканах не есть политика завоеваний, но это не означает, что мы не заинтересованы в событиях, происходящих на Балканах. Мы имеем на Балканах важные жизненные интересы, и наше решение — отстаивать их при всяких обстоятельствах». Когда я обратил внимание графа Берхтольда на эту часть его речи, он ответил, что в немецких газетах, откуда я их привел, слова были переданы в более сильных выражениях, нежели подлинные его слова, сказанные в делегации по-венгерски.

Гирс.

---

[1] Тушар — франц. посол в Петербурге в 1908—1909 гг.

[2] «Это, конечно, не может служить основанием для того, чтобы прекратить наши миротворческие усилия, но необходимо поставить в заслугу державам Тройственного согласия то, что они остаются столь миролюбивыми».

[3] Царск. экз.

№ 971. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Письмо. 10 октября/27 сентября 1912 г.

Très secrète.

Mon cher Ministre,

Mon télégramme secret № 86, en date d'hier [1], vous a rendu compte de l'entretien très confidentiel que j'ai eu avec le comte Berchtold dès mon retour à Vienne.

En conformité des instructions que vous avez bien voulu me donner verbalement à Berlin [2], après avoir constaté la satisfaction que vous avez éprouvée de l'entente établie, j'ai développé la thèse qu'il serait très opportun que le Cabinet de Vienne ne se laisse pas impressionner par les opérations militaires de la Serbie, voire même si cette Puissance était décidée à occuper le Sandjak de Novy-Bazar. Cette occupation n'aurait pu, en tout cas, porter qu'un caractère exclusivement provisoire, car la décision définitive n'appartiendra pourtant qu'exclusivement aux Grandes Puissances et l'entente est faite pour le status quo dans les Balkans et l'intégrité du territoire de l'Empire ottoman. Le nombre des troupes existant en Bosnie—Herzégovine semble plus que suffisant, et toute nouvelle mobilisation pourrait paraître, aux yeux de l'opinion publique en Russie, comme une mesure agressive et la ferme décision d'occuper coûte que coûte le Sandjak de Novy-Bazar. Notre devoir de neutres nous empêchait de nous immiscer dans le plan de campagne des pays slaves des Balkans, et nous regretterions profondément si une décision de leur part pourrait paraître aux yeux de l'Autriche-Hongrie comme une provocation à son égard.

J'ai résumé dans mon télégramme secret la réponse du comte Berchtold. Il a été visiblement heureux des paroles, si contraires au langage de notre presse [3], que Votre Excellence lui a fait transmettre. Il a renouvelé avec énergie l'assurance qu'il serait loyal jusqu'au bout dans la collaboration pour le programme adopté et la localisation de la guerre. Il m'a chargé de dire à Votre Excellence qu'il donnait sa parole d'honneur que le nombre des troupes en Bosnie—Herzégovine était *au dessous* de la normale fixée, vous deviez croire à sa parole plus qu'aux renseignements tendancieux. De ce côté l'Autriche-Hongrie se réserve de prendre des mesures de sécurité intérieure si des troubles venaient à éclater ou si les événements l'y forçaient, ce droit appartient à chaque État et on ne peut le lui contester. Pour tout le reste, les intentions prêtées au Cabinet de Vienne sont fausses. Telles sont les propres paroles de Berchtold; il a fait comprendre que l'Autriche-Hongrie n'avait aucune visée hors de ses frontières, mais il n'a pas prononcé le mot de Sandjak de Novy-Bazar. Je n'ai pas voulu revenir cette fois sur cette question pour ne pas entendre prononcer le mot d'«ingérence» et mettre en doute que les mesures de sécurité intérieure pourraient s'étendre à une prise de possession extérieure.

Hier j'ai eu dans l'après-midi la visite de mon collègue de France M. Dumaine. Il m'a semblé très préoccupé de la décision qu'on lui avait signalée de l'occupation par les troupes serbes du Sandjak de Novy-Bazar, car il y voyait un danger pour nos relations avec l'Autriche-Hongrie. Il avait le sentiment que si l'Allemagne conseillait à son alliée de ne pas occuper le Sandjak ou encore déloger éventuellement de là les Serbes, Berchtold pourrait se souvenir de la politique d'émancipation de son prédécesseur et ne ferait aucun cas de ce conseil. Il n'y aurait qu'une Puissance désintéressée et désireuse

[1] Содержание тел. Н. Гирса за № 86, в лит. копии датированной 10 окт./27 сент., исчерпывается третьим абзацем публикуемого документа.

[2] См. № 918.

[3] В письме от 10 окт./27 сент. Н. Гирс указывал Сазонову, что враждебный тон газеты «Новое время», «в то время, когда наш кабинет намеревается установить корректные отношения с венским кабинетом», осложняет его дипломатическую деятельность. Гирс писал далее, что «если бы можно было положить конец этой ожесточенной кампании, я мог бы говорить здесь совсем другим языком».

d'éviter toute complication qui pourrait de son côté aussi faire comprendre au comte Berchtold qu'il devrait plutôt éviter tout ce qui pourrait surexciter les passions en Russie, où les sympathies pour les slaves seraient mises à une dangereuse épreuve; d'après lui seule la France, amie et alliée de la Russie, pourrait le faire. Il m'a demandé si je ne voyais pas d'inconvénient à ce qu'il émette cette idée dans son rapport à Poincaré. Je lui ai répondu que pour ma part personnelle je n'y voyais pas d'inconvénient, car il s'agira d'écarter un danger et de localiser de plus en plus la guerre entre les pays balkaniques et la Turquie [1].

Je viens de voir le comte Berchtold qui m'avait prié de passer chez lui. Il m'a communiqué le télégramme secret qu'il venait de recevoir du marquis Pallavicini et qui donnait une lueur d'espoir. La Porte semblait disposée à se remettre aux Grandes Puissances et à accepter de leur part le contrôle des réformes à appliquer.

Veuillez agréer, mon cher Ministre, l'assurance de mon très sincère dévouement.

N. de Giers.

Перевод.

Строго секретно.

Дорогой министр,

Моя вчерашняя секретная телеграмма за № 86 дала вам отчет о весьма доверительной беседе, которую я имел с графом Берхтольдом по моем возвращении в Вену.

Согласно инструкций, которые вы благоволили мне дать устно в Берлине, я, отметив удовлетворение, высказанное вами по поводу установившегося согласия, развил ту мысль, что было бы крайне желательно, чтобы венский кабинет не реагировал на военные операции Сербии, даже в том случае, если бы эта держава решила занять Новобазарский санджак. Во всяком случае эта оккупация может иметь лишь исключительно временный характер, потому что окончательное решение будет принадлежать все же исключительно великим державам, а между ними достигнуто соглашение о status quo на Балканах и о территориальной неприкосновенности Оттоманской империи. Количество войск в Боснии и Герцеговине, повидимому, более чем достаточно, и всякая новая мобилизация может быть понята русским общественным мнением как мера агрессивная и как твердое намерение занять во что бы то ни стало Новобазарский санджак. Наш долг нейтральной державы не позволяет нам вмешиваться в план кампании славянских стран на Балканах и мы крайне сожалели бы, если бы какое-нибудь их решение было расценено Австро-Венгрией как вызов по отношению к ней.

Я резюмировал в своей секретной телеграмме ответ графа Берхтольда. Он был явно удовлетворен столь отличными от отзывов нашей печати словами, переданными ему по поручению вашего высокопревосходительства. Он энергично возобновил заверения в том, что он до конца будет лойялен в содействии осуществлению принятой программы и локализации войны. Он поручил мне сказать вашему высокопревосходительству, что он дает честное слово в том, что количество войск в Боснии и Герцеговине *ниже* установленной нормы; вы должны доверять его слову больше, чем тенденциозным сообщениям. С этой стороны Австро-Венгрия оставляет за собой право принимать меры для обеспечения внутренней безопасности в случае если вспыхнут беспорядки или если ее принудят к этому обстоятельства; это право принадлежит каждому государству, и его нельзя у ней оспаривать. В остальном, намерения, приписываемые венскому кабинету, не соответствуют действительности. Таковы собственные слова Берхтольда; он дал понять, что Австро-Венгрия не имеет никаких притязаний за пределами своих границ, но он не произнес слова Новобазарский санджак. На этот раз я не хотел возвращаться к этому вопросу, для того чтобы не услышать слово «вмешательство» и не поставить под сомнение вопрос о том, могут ли меры внутренней безопасности распространяться и на захват территории вне пределов государства.

[1] В том же письме от 10 окт./27 сент. (см. стр. 416, прим. 3) Н. Гирс сообщал о своей беседе с англ. послом в Вене Картрайтом. «По его мнению, — писал Гирс, — Австрия решила сохранять спокойствие, что бы ни случилось. Он убежден, что если сербы займут Новобазарский санджак, венский кабинет ограничится требованием очистить его, если же это требование не будет удовлетворено, он будет угрожать занятием Белграда. По его мнению, война не может быть длительной, и было бы желательно, чтобы после первых побед, одержанных болгарами, — если таковые, как это, повидимому, думают, будут иметь место, — державы воспользовались благоприятным моментом, чтобы внушить мысль о мире».

Вчера днем меня посетил мой французский коллега г. Дюмен. Он показался мне весьма озабоченным полученными им сведениями относительно решения об оккупации сербскими войсками Новобазарского санджака, так как он усматривает в этом угрозу для наших отношений с Австро-Венгрией. Ему кажется, что если Германия даст своей союзнице совет не занимать Санджака или эвентуально не выбивать оттуда сербов, то Берхтольд может вспомнить о самостоятельной политике, которую вел его предшественник, и не последует такому совету. Существует только одна незаинтересованная и желающая предотвратить всякие осложнения держава, которая могла бы со своей стороны также дать понять Берхтольду, что ему следует избегать всего, что может вызвать чрезмерное возбуждение страстей в России, симпатии которой к славянам подверглись бы опасному испытанию; по его мнению, это могла бы сделать только союзная и дружественная России Франция. Он спросил меня, не буду ли я возражать против того, чтобы он высказал эту мысль в своем донесении Пуанкаре. Я ему ответил, что я лично не усматриваю в этом неудобства, так как дело будет итти о том, чтобы устранить опасность и все в большей и большей степени локализовать войну между балканскими государствами и Турцией.

Я только что виделся с графом Берхтольдом, который просил меня зайти к нему. Он сообщил мне содержание секретной телеграммы, только что полученной им от маркиза Паллавичини, которая подает некоторую надежду. Порта, повидимому, готова положиться на великие державы и предоставить им контроль над проведением реформ.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 972. Военный агент в Австро-Венгрии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 262. 10 октября/27 сентября 1912 г.

Секретно.

Около двух недель тому назад я узнал из заслуживающего доверия источника, что в конце августа граф Берхтольд, уступая настояниям военной партии, выразил свое согласие на занятие австрийскими войсками Новобазарского санджака немедленно же по возникновении войны между Сербией и Турцией.

Уже с начала сентября в военном министерстве были заготовлены все распоряжения о призыве резервистов в южные корпуса, причем предполагалось прибегнуть к этой мере сейчас же вслед за объявлением мобилизации в Сербии. Однако [30] 17 сентября, по получении в Вене известий о мобилизации в балканских государствах, в правительственных сферах начались сильные колебания по вопросу о Санджаке.

Здесь прекрасно сознают те тяжелые последствия, которые будет иметь занятие австрийскими войсками Санджака: такой шаг неминуемо вызовет обострение отношений с Россией, что не может входить в расчеты австрийского правительства в данное время; однако это соображение стоит в явном противоречии с ревнивым отношением австрийцев к Санджаку, на который здесь смотрят как на будущее достояние Австрии. Как меня уверяет английский военный агент, колебаниям в вопросе о Санджаке немало способствовали сдерживающие представления из Берлина.

Чем разрешились эти колебания — точно не знаю; однако есть серьезные основания предполагать, что первоначальное решение изменено в том смысле, что Новобазарский санджак будет занят австрийцами лишь в случае вступления в него сербов.

Я, конечно, не ориентирован в планах действий сербской армии.

Сербский военный агент в Вене заявил мне, что, поскольку ему известно, сербы, по соображениям стратегического характера, не считают возможным отказаться от действий в Санджаке; занятие этой области обеспечивает связь между сербской и черногорской армиями.

В том же смысле высказался в разговоре со мной и здешний сербский посланник г. Симич.

Можно, конечно, питать некоторую надежду, что сдерживающее влияние Берлина и опасения испортить налаживающиеся отношения с Россией заставят австрийское правительство действовать с особой осторожностью в вопросе о Санджаке. Но твердых оснований к такой надежде нет. Нельзя также забывать, что войска XV корпуса готовы к выступлению в поход по телеграмме из Вены.

Генерального штаба полковник Занкевич.

№ 973. Военный агент в Австро-Венгрии генерал-квартирмейстеру генерального штаба Данилову.

Рапорт № 263. 10 октября/27 сентября 1912 г.

Секретно.

Воен[ные] приготов[ления].

С [30] 17 сентября о всех важнейших мероприятиях Австро-Венгрии в области военных приготовлений я доношу вашему превосходительству телеграммами.

В настоящем рапорте я хотел бы обрисовать общую картину военных приготовлений в Австро-Венгрии со времени объявления мобилизации на Балканском полуострове.

1. В военном министерстве, в штабах и в арсенале идет лихорадочная деятельность.

Третьего дня в одиннадцатом часу вечера большинство окон в военном министерстве и в штабе II корпуса были еще освещены.

Все находящиеся в отпуску офицеры получили приказание вернуться к своим частям.

Офицеры резерва предупреждены о возможности призыва [1].

Выезды военнообязанных в Америку воспрещены.

Управлениям округов пополнения предписано тщательно проверить списки запасных.

Из венского арсенала отправлены на этих днях транспорты орудий крупного калибра в Боснию и Герцеговину (в Сараево, Мостар, Требинье и на границу с Новобазарским санджаком) и в Галицию (в Краков, Перемышль и Львов).

2. Как мною уже доносилось, в Боснии и Герцеговине пехотные части еще с весны доведены до состава 130—140 н[ижних] чин. в роте; под знаменами состоят нижние чины всех трех сроков; на-днях в части начнут прибывать рекруты; к концу ноября, по окончании двухмесячного курса рекрутской подготовки, роты будут доведены таким образом до численности в 180—190 обученных н[ижних] чинов.

В частях XV (Сараево) и XVI (Рагуза) корпусов заканчивается пополнение войсковых обозов обывательскими средствами, — как мне передавали, — в тех же размерах, что и во время больших маневров; для замещения нестроевых должностей призваны эрзатц-резервисты.

Формируются и пополняются все положенные в военное время телеграфные и телефонные части.

Войска аннексированных областей находятся в полной готовности к выступлению в поход.

Гарнизоны на границе Новобазарского санджака удвоены; самая граница охраняется постами и патрулями.

[1] О вызове офицеров, находящихся в отпуску, и о предупреждении офицеров резерва Занкевич сообщил тел. от 4 окт./21 сент. за № 242, которая 6 окт. /23 сент. была передана Нератовым в Париж и Берлин за № 2070 (опубл. Stieve. II. S. 278, N 485).

На железнодорожной линии Сараево — Увач охраняются мосты. Охрана пороховых погребов несется в аннексированных областях с особой бдительностью.

3. В VII (Темешвар) и XIII (Аграм) корпусах люди, выслужившие три года под знаменами и уволенные в резерв в начале сентября, возвращены в части; численность рот в названных корпусах, благодаря этой мере, доведена до 75—80 н. чин.; к концу ноября, по окончании двухмесячной подготовки рекрут, численность пехотных рот достигнет 110—120 обуч. н. чин.

Есть слухи, что аналогичная же мера принята и в частях III корпуса (Грац), но серьезными данными, подтверждающими эти слухи, я не располагаю.

Пограничные с Сербией гарнизоны в районах VII и XIII корпусов усилены; самая граница наблюдается постами и патрулями.

Охрана пороховых погребов усилена.

Дунайская флотилия крейсирует между Нейзацем и Землином.

Получил сведения о возобновлении австрийцами «упражнений» по постройке моста на дунайский остров против Дубравицы.

4. На нашей границе пока спокойно; но ходят усиленные слухи о предстоящем призыве в части людей, уволенных в резерв в начале сентября.

5. Австро-венгерский флот, только что закончивший кампанию и уже приступивший к подготовке судов для зимней стоянки, снова приведен в обычную готовность летнего времени.

Предполагавшееся увольнение в резерв нижних чинов, выслуживших обязательные сроки, не состоялось.

Эскадра крейсирует в Адриатическом море.

Вообще, в австро-венгерской армии идет усиленная, напряженная подготовка к грядущим событиям.

Генерального штаба полковник Занкевич.

№ 974. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 203. 10 октября/27 сентября 1912 г.

Совместное выступление России и Австрии произвело в балканских государствах крайне тяжелое, а в Сербии совсем удручающее впечатление. Печать и общество уже третий день не могут успокоиться, толкуя названный шаг в самом неблагоприятном для нас смысле. Понятны, — говорят сербы, — самые энергические представления России с целью удержать нас, быть может, от действительно рискованного предприятия; понятно коллективное давление всей Европы в Константинополе. Но почему Россия, исконная наша покровительница, сочла нужным протянуть руку заклятому врагу славянства — Австрии, которая без этого не посмела бы в предпринимаемой нами борьбе стать на сторону турок; теперь она подняла голову и, конечно, осложнит, но не остановит славянское движение. Газеты припоминают, что австро-русское выступление совпало как раз с тяжелой годовщиной аннексии [1], и усматривают в этом доказательство, что Россия предоставляет Сербию на произвол Австрии. Тем решительнее, тем упорнее должна быть наша борьба за нашу независимость. Таков общий лозунг.

Гартвиг.

[1] Аннексия Боснии и Герцеговины была объявлена Австро-Венгрией 7 окт./24 сент. 1908 г.

№ 975. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 802 [1]. 10 октября/27 сентября 1912 г.
Срочная.

Ссылаюсь на телеграммы: № 226 из Парижа [2] и № 136 из Берлина [3].

Коллективная нота, редактированная согласно формуле, указанной в телеграмме № 226, и подписанная пятью послами, передана сегодня Порте.

Гирс.

№ 976. Министр иностранных дел [4] посланнику в Софии Неклюдову.

⁄. Телеграмма № 2121 [5]. 11 октября/28 сентября 1912 г.

В беседе с болгарским посланником я обратил его внимание на то обстоятельство, что перенесение военных действий в бассейн Черного моря поставило бы перед нами вопрос об охране наших торговых интересов. Паприков ответил, что, по его мнению, Болгария во всяком случае не примет инициативы в каких-либо морских действиях, но что она может быть вынуждена к этому действиями турецких военных судов.

Благоволите дать совершенно доверительное заключение ваше, — запросив, если признаете нужным, и нашего военного агента, — о том, насколько соответствовало бы военным интересам Болгарии, если бы мы заявили воюющим сторонам в категорической форме о том, что наши торговые интересы не допускают включения Черного моря в район военных действий.

Имейте в виду, что хотя при этом условии Турция пользовалась бы большей обеспеченностью сообщения Константинополя с малоазиатским побережьем Черного моря, однако, в то же время побережье Болгарии было бы гарантировано от нападений и сохранялось бы свободное сообщение ее портов с нашими, что̀ могло бы оказать существенную пользу, ввиду неполной уверенности в положении, которое будет принято Австрией.

Имейте в виду, что настоящий доверительный запрос не связан с каким-либо бесповоротным решением, но имеет спешный характер [6].

Сазонов.

№ 977. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

⁄. Телеграмма № 2122 [7]. 11 октября/28 сентября 1912 г.

Я сказал посетившему меня вчера турецкому послу, что интересы нашей торговли в Черном море делают для нас крайне нежелательным перенесение

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 16, со стилистическими изменениями.

[2] См. № 929.

[3] См. № 944.

[4] Сазонов возвратился в Петербург и вступил в управление м-вом ин. дел 10 окт./27 сент.

[5] Лит. копия.

[6] В тел. от 12 окт./29 сент. за № 153 Неклюдов ответил, что, по его мнению, а также по мнению воен. агента, заявление о невключении Черного моря в район военных действий «вполне соответствует военным интересам Болгарии и будет приветствуемо всеми болгарами как неоценимая дружеская услуга. Два дня тому назад Фичев намекал об этом Романовскому, а Тодоров мне». Неклюдов добавлял, что, так как военные действия могут начаться дня через 3—4, «было бы крайне важно предупредить какое-либо предприятие со стороны турок».

[7] Опубл. Ор. кн., стр. 17, со стилистическими изменениями.

военных действий в бассейн Черного моря и что я обращаю на это серьезное внимание турецкого правительства, ибо в противном случае мы могли бы быть вынуждены принять меры для ограждения этих интересов сообразно обстоятельствам. Турхан-паша сказал, что будет телеграфировать об этом в Константинополь.

[Сазонов.]

№ 978. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 2131 [1]. 11 октября/28 сентября 1912 г.

Полагали бы крайне желательным поставить теперь же на обсуждение вопрос о вмешательстве держав с целью прекратить войну после первых же решительных действий борющихся сторон. Конечно, от характера, который примут военные действия, и от степени успеха той или другой стороны будет зависеть достижение возможных результатов в определении оснований вмешательства. Полагаем, однако, что затяжной характер войны едва ли соответствовал бы интересам балканских государств ввиду ограниченности их ресурсов.

Представлялось бы наиболее целесообразным, если бы Франция приняла на себя продолжение столь успешно уже начатого дела объединения европейских держав. Крайне важно подготовить почву для своевременного вмешательства в Англии, учитывая возможность уклончивости с ее стороны в этом вопросе, если бы затяжка войны представлялась благоприятной для Турции.

Придаем этому вопросу первостепенное значение, ибо при твердом нежелании нашего правительства быть втянутым в войну нам будет крайне трудно бороться с общественным мнением в случае, если славяне окажутся в критическом положении. Между тем Франция, и казалось бы, и Англия прямо заинтересованы в том, чтобы Россия была избавлена от активного вмешательства. С другой стороны, чем раньше будет остановлена война, пока не истощатся ресурсы обеих сторон, тем меньше затруднений будет в приискании компромисса между разноречивыми интересами.

Благоволите доверительно объясниться по этому вопросу с Пуанкаре и о точке зрения его уведомить нас в возможно непродолжительном времени.

[Сазонов.]

№ 979. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 235 [2]. 11 октября/28 сентября 1912 г.
Срочная.

№ 1.

Сообщаю в Лондон.

Вчера вечером австро-венгерский посол сообщил Пуанкаре, что после сообщения Неклюдова и Тарновского [3] Гешов частным образом спросил их, имеется ли в виду действительно контроль держав и какой будет орган этого контроля. По поручению Берхтольда, граф Сечен просил Пуанкаре выработать ответ на этот вопрос. Имея в виду, что коллективное сообщение держав в Константинополе опирается на 23-ю статью Берлинского трактата и на закон 1880 г., который весьма объемист и в значительной степени устарел, Пуанкаре думает, что предусмотренное в коллективном сообщении

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 20, с сокращениями и стилистическими изменениями, и Кр. Арх., т. XVI, стр. 4.
[2] Опубл. Stieve, II, S. 283, N 495.
[3] См. № 945.

обсуждение этого закона может состояться с пользой лишь в дипломатическом собрании держав. С другой стороны, военные приготовления Турции и балканских государств с каждой минутой приближают опасность войны. Поэтому Пуанкаре предписал французским представителям в Петербурге и Лондоне справиться, не считают ли Россия и Англия, что дипломатическое собрание держав с непосредственной целью рассмотрения реформ, заключающихся в законе 1880 г., могло бы явиться единственным средством предотвратить надвигающийся кризис.

Извольский.

№ 980. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 236 [1]. 11 октября/28 сентября 1912 г.

Срочная.

№ 2.

Сообщаю в Лондон.

Сообщая мне сущность своего предложения, изложенного в моей телеграмме № 1 [2], Пуанкаре прибавил, что он обращается с ним прежде всего в Петербург и Лондон. Он не сомневается в благоприятном ответе с вашей стороны, ибо в разговорах с ним вы уже высказывались в пользу этой мысли; труднее будет убедить лондонский кабинет, и он рассчитывает на ваше содействие в Лондоне. Из дальнейшего разговора я заключаю, что Пуанкаре имеет в виду формальную конференцию в Париже с участием Турции; по его убеждению, осуществление этой мысли является последним средством сохранить мир на Балканах. Позволяю себе обратить особенное внимание ваше на желательность возможно быстрого утвердительного ответа и соответственного давления на Лондон.

Извольский.

№ 981. Посол в Берлине министру иностранных дел.

⁰/. Депеша № 48. 11 октября/28 сентября 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Посетивший меня вчера греческий поверенный в делах подтвердил мне сведения, добытые нашим морским агентом, о которых я уже сообщал вашему высокопревосходительству секретной телеграммой за № 139 [3]. Действительно, Греции удалось получить разрешение германского правительства на покупку на верфи «Вулкан» только что законченных двух эскадренных миноносцев, построенных по заказу германского морского ведомства.

Г. Теотоки сообщил мне при этом доверительно еще некоторые данные о последних приобретениях Грецией военных судов. На верфи «Вулкан» в Штеттине было заказано около двух месяцев назад шесть миноносцев, водоизмещением по 700 тонн. Этот заказ, очевидно, будет исполнен лишь в обычный продолжительный срок; но, по настоянию Греции, германское правительство согласилось теперь же уступить в счет заказа два эскадренных миноносца, только что законченных постройкой и предназначавшихся для германского флота. Приобретение это является для Греции весьма ценным, тем более что эти два миноносца представляют из себя последнее слово техники и, будучи выстроены для самой Германии, снабжены всеми новейшими усовершенствованиями; на них, кроме того, установлены уже

---

[1] Опубл. Stieve, II, S. 283, N 496.

[2] См. № 979.

[3] Содержание тел. Свербеева от 9 окт./26 сент. за № 139 исчерпывается публикуемым документом.

артиллерия и минные аппараты, так что они являются вполне готовыми к бою. Один из них несколько дней тому назад вышел в море под греческим флагом с командой верфи «Вулкан», которая будет заменена греческой где-либо по пути. На другом же миноносце, на котором, повидимому, еще производятся кое-какие работы, также уже поднят греческий флаг, и г. Теотоки надеется, что его удастся на-днях вывести в море. Заказанные в свое время Грецией в Англии четыре миноносца еще более крупного типа, а именно по 1180 тонн водоизмещения, по словам Теотоки, уже находятся на пути в Грецию.

Примите и пр.

С. Свербеев.

№ 982. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 88. 11 октября/28 сентября 1912 г.

Итальянский посол только что сообщил мне крайне доверительно, что мир будет подписан завтра. Он выразил по этому случаю надежду, что мы будем впредь действовать на Балканах солидарно, так как наши интересы абсолютно тождественны. Он прибавил, что согласованные действия России, Италии и Австрии представляют для Италии большие преимущества, потому что таким образом будет и с ее стороны некоторый контроль над действиями Австрии. Итальянский посол считает, что граф Берхтольд поступает крайне лойяльно по всем вопросам, которые ему приходится обсуждать с ним, тем не менее он боится, что всякая провокация Сербии, как, например, занятие Новобазарского санджака, может заставить графа Берхтольда ответить крайне нежелательным как для России, так и для Италии шагом [1].

Гирс.

№ 983. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Телеграмма [2]. 11 октября/28 сентября 1912 г.

Сообщается почтой в Христианию и Копенгаген.

По имеющимся у меня сведениям, здешнее правительство намерено, ввиду балканских осложнений, провозгласить свой нейтралитет и привлечь к тому же два других скандинавских государства. Повидимому, с этой целью будут сделаны три параллельные, но не идентичные декларации. Я все опасался того положения, которое займет по отношению к России Швеция в случае общих осложнений; мне кажется, что эта опасность уменьшается, если при предполагающемся объявлении нейтралитета Швеция свяжет свои действия с Данией и Норвегией... не воинственными и нам не враждебными [3].

Савинский.

---

[1] 12 окт./29 сент. за № 89 Н. Гирс телеграфировал: «Итальянский посол сообщает мне, что к большому удивлению итальянского правительства турки от подписания мира отказались после того, как было установлено полное согласие по всем пунктам. Если Турция не вернется к первоначально данному ею согласию, Италия решилась прервать переговоры и приступить к военным действиям».

[2] Номер отсутствует.

[3] В тел. от 15/2 окт. за № 202 военный агент в Дании, Швеции и Норвегии Ассанович, сообщая также в главное управление ген. штаба о намерении Швеции объявить нейтралитет, передавал следующие данные о состоянии вооруженных сил Швеции: «Военнообязанные распущены, и без изменения выполняется обычная программа». Отмечая недочеты в шведской армии, Ассанович сообщал: «Гаубиц половина, пулеметов очень мало. Тактика войск, при довольно хороших офицерах, отстала. Армия, сильная [в] обороне, мало способна [к] наступательным операциям. Флот: офицеры и кадр хороши, материальная часть устарела, сплоченности [в] личном составе судов нет. При кратком плавании подготовленность неполная».

№ 984. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 206. 11 октября/28 сентября 1912 г.

Сюда проник крайне встревоживший здешние правительственные круги слух о том, будто между Петербургом и Веной ведутся переговоры о нейтрализации Новобазарского санджака под протекторатом Австрии, которая со своей стороны дает обязательство не вмешиваться в балканскую войну. Посетивший меня Пашич сказал, что сербы боятся верить этому известию, ибо изложенный проект, напоминая Рейхштадтское соглашение [1], закрывает для Сербии последний выход из австрийского железного кольца. В таковом случае, добавил Пашич, предпринимаемая нами война получает новое моральное оправдание. Наоборот, из Берлина сербы получили успокоительную весть о том, будто Германия самым решительным образом противится какому бы то ни было активному вмешательству Австрии в настоящие балканские осложнения.

Гартвиг.

№ 985. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 803. 11 октября/28 сентября 1912 г.

Срочная.

Продолжение моей телеграммы № 802 [2].

При передаче ему коллективной ноты министр иностранных дел ответил первому драгоману декана, что передаст ее на обсуждение совета министров, и высказал как личное мнение, что так как в ней посольства принимают к сведению публичное заявление Порты касательно реформ, то он полагает, что Порте надлежит ответить только в том случае, если она имеет что возражать против ноты. Со своей стороны, я считал бы все же желательным настоять, чтобы она ответила, что готова теперь же войти в обсуждение с державами [3].

Гирс.

№ 986. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 809. 11 октября/28 сентября 1912 г.

Почитаю долгом донести вашему высокопревосходительству, что за последние дни увеличивается раздражение против нас турок и подозрительность по отношению к нам Порты. Она, повидимому, не допускает, чтобы Черногория могла объявить войну без нашего разрешения. В этом смысле министр иностранных дел доверительно говорил Бомпару и привел в доказательство справедливости своего подозрения то обстоятельство, что ему будто положительно известно, что за несколько дней до мобилизации мы выслали будто бы Черногории 300 000 рублей.

Гирс.

---

[1] Имеется в виду соглашение между Австро-Венгрией и Россией от 8 июля/26 июня 1876 г. (опубл. Кр. Арх., т. I, стр. 37).

[2] См. № 975.

[3] В тот же день тел. за № 810 М. Гирс сообщал: «По впечатлениям моим и некоторых моих сотоварищей, Порта стремится поставить ответ свой на коллективную ноту в зависимость от ответа балканских государств на австро-русское выступление. Поэтому Порта старается оттянуть сообщение нам своего ответа».

№ 987. Уполномоченный по ведению переговоров с монгольским правительством министру иностранных дел.

-/. Письмо. Урга, 11 октября/28 сентября 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Телеграммой от [9 октября] 26 сентября [1] я имел честь донести вашему высокопревосходительству о тех изменениях и дополнениях, кои монгольское правительство желало бы внести в проектированное нами соглашение. Из частного источника я осведомился, что князья и члены правительства весьма озабочены положением, в которое их поставило наше предложение, и неоднократно совещались о возможных последствиях принятия его для Монголии. Хотя виновником проектированных изменений является министр внутренних дел Да-Лама, но, повидимому, некоторое влияние на дело оказали и другие князья, участвовавшие в совещаниях. Главные изменения, намеченные князьями, сводятся, как уже было донесено: к признанию и обозначению Монголии в соглашении как «независимого государства» и к включению в него Внутренней Монголии и других областей, признавших власть ургинского правительства. Первое из этих пожеланий вызвано, повидимому, стремлением установить более точно международное положение Монголии, выяснить, сохраняются ли и при новом порядке вассальные отношения к Китаю и могут ли монголы, базируясь на соглашении, отвергать китайский суверенитет. Здесь существует понятное опасение, что китайцы будут отрицать монгольскую автономию, несмотря на договор с Россией, и попытаются восстановить прежнее подчиненное положение Халхи путем репрессивных мер против южных и окраинных монголов.

Я также счел долгом предупредить ваше высокопревосходительство, что монголы будут больше всего настаивать на включении в наше соглашение автономии Внутренней Монголии. Ургинские правители находят, что на Халхе лежит нравственный долг использовать соглашение к общей выгоде всей Монголии и что они поступят непатриотично и вероломно, отвергнув ходатайство южных, восточных и западных монголов, уже принятых в подданство и обнадеженных помощью. Вопрос этот, вероятно, осложнится полученными известиями о военных экзекуциях и жестокостях китайцев в южных хошунах [2] и приездом сюда князя Удая, который будет агитировать в пользу присоединения Внутренней Монголии, либо, устрашенный китайскими репрессалиями, начнет уговаривать колеблющееся ургинское правительство пойти на компромисс с Пекином.

Предполагая, что у нас не найдут возможным отступить от принятого решения касательно объекта соглашения и его объема, я намерен предложить князьям, когда получу официальное заявление, отказаться от их требований как относительно внешней независимости, так и включения Южной Монголии, объяснив, что мои инструкции на этот счет самого категорического характера. Вместе с тем, дабы дать хоть какое-нибудь удовлетворение князьям, я объявлю, что передам в Петербург их просьбу о нашем воздействии на китайское правительство в смысле недопущения репрессивных мер против мирного населения Внутренней Монголии, непричастного к военным действиям. Другие пожелания монголов, как то: повышение в ранге чиновника, находящегося в Урге, назначение консулов в разные пункты Монголии, а также посылка в Россию монгольского представителя, будучи, повидимому, внушены просто тщеславием и стремлением проявить внешние прерогативы независимости, могли бы, мне кажется, быть удовлетворены, хоть отчасти, без особого неудобства.

---

[1] В тел. от 9 окт./26 сент. за № 1709 Коростовец сообщал об изменениях, которые монг. прав-во желало бы внести в проектированное соглашение и которые перечислены в публикуемом документе.

[2] См. № 792.

Я не вижу также оснований не согласиться на просьбу ургинского правительства изменить статьи 2, 4 и 5 протокола в смысле большего обеспечения монгольского населения от различных злоупотреблений и эксплоатации со стороны русских подданных [1]. Такое удовлетворение представляется тем более желательным, что монголы, как кажется, согласны на наше требование допустить русскую земельную собственность в городах и торговых пунктах, аренду и распашку земель в хошунах. Таким образом наши права в этом отношении будут приравнены к правам китайцев, кои, как известно, занимаются распашками даже в хошунах, прилегающих к русской границе, в чем я убедился во время переезда моего из Кяхты.

В телеграмме от [10 октября] 27 сентября [2] я указал на практическую невозможность заключить договор, в согласии с данной мне инструкцией, с «хутухтой и князьями четырех аймаков Халхи», игнорируя ургинское правительство. Как я мог убедиться, фактическая власть над Халхой находится в руках хутухты, уже принявшего светский титул Эцзэн-хана, и ургинского правительства, в состав коего входят халхаские князья. С назначением Сайн-Ноина первым министром [3] сделан еще новый шаг к объединению западных и восточных аймаков. В настоящее время можно сказать, что князья отказались от политической самостоятельности и признали власть ургинского правительства, снабдившего их своими печатями. Посему обращение наше к ним непосредственно с предложением заключить договор, не говоря о непрактичности, ввиду их многочисленности и отсутствия большинства, было бы несомненно отклонено [4]. Оно возбудило бы, кроме того, в князьях сомнение в законности и авторитетности центрального ургинского правительства и подорвало бы его обаяние. Между тем не в наших интересах поддерживать существовавшую здесь до сих пор удельную систему, находившую опору в Китае. Наша цель, скорее, создание центрального, хотя бы теократического правительства, с которым мы могли бы договориться и которое являлось бы ответственным за деятельность князей. Что же касается опасения, что князья, не примкнувшие к договору, впоследствии от него отрекутся, то такое опасение представляется маловероятным. Гораздо более сомнения может возбуждать действительность ратификации договора хутухтой, преемник которого может не признать обязательства предместника. В этом отношении весьма интересен слух о намерении хутухты закрепить первосвященнический престол за своим родом, назначив наследником своего сына. Как известно, ургинские гэгены замещались перерожденцами из Тибета не без сильного давления Китая. Говорят, что такое перерождение хутухты в своего сына представляется возможным с точки зрения буддийского учения.

---

[1] Относительно поправок в ст. ст. 2, 4 и 5 протокола, предложенных монг. прав-вом, Коростовец в тел. за № 1709 (см. стр. 426, прим. 1) сообщал следующее: «В статью 2-ю им желательно включить ответственность русских подданных в случае выступления их в качестве подставных лиц от китайцев с целью уклонения от уплаты ими пошлин. В статье 4-й монголам желательно исключить пункт о допущении уплаты русскими подданными монголам товарами во избежание злоупотреблений со стороны русских, а равно сделок в кредит с монголами в целях ограждения обеих сторон от возникших здесь на этой почве злоупотреблений». Что же касается ст. 5, то монголы желали бы «ограничить количество рабочих-китайцев в русских предприятиях».

[2] Имеется в виду тел. Коростовца от 10 окт./27 сент. за № 1713 (опубл. Ор. кн. М., стр. 6, под датой 11 окт./ 28 сент., с сокращениями и стилистическими изменениями), содержание которой в основном изложено в публикуемом документе.

[3] См. стр. 244, прим. 3.

[4] По этому вопросу Сазонов телеграфировал Коростовцу 12 окт./29 сент. за № 2137 (опубл. Ор. кн. М., стр. 8, с сокращениями): «Не встречаем препятствий, чтобы соглашения были подписаны со стороны монголов Сайн-Ноином и прочими министрами и ратификованы хутухтой. Было бы желательно, однако, сохранить в редакции соглашений упоминание о том, что подписывающие их лица действуют от имени хутухты и князей четырех аймаков Халхи».

Соглашение наше, по имеющимся сведениям, обсуждалось не только министрами, но также при участии главных чиновников и князей, находящихся в Урге, в том числе двух князей чжасактуского аймака и главного князя цэцэнхановского аймака, не занимающего официальной должности. Хотя большинство высказалось за соглашение с Россией, но выражались также мнения о сближении с Китаем, ввиду отказа нашего от признания автономии Внутренней Монголии. Высказывались также мнения о необходимости проявить бо̀льшую самостоятельность в переговорах с Россией и даже предъявить к ней различные новые требования, не вошедшие в наш проект соглашения.

По всем вероятиям, часть этих требований войдет в ожидаемое мной ответное сообщение князей.

Примите и пр.

Коростовец.

№ 988. Военный министр министру иностранных дел.

Письмо № 2372. 11 октября/28 сентября 1912 г.
Срочно. Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Начиная с осени прошлого года болгарское правительство неоднократно возбуждало, как вашему высокопревосходительству известно, ходатайства об уступке по заготовительной цене для нужд своей армии из запасов нашего военного ведомства 100 000 шинелей и 200 000 пар сапог [1].

Военное министерство, сообразуясь с наличием своих запасов, не имело в то время возможности уделить для болгарской армии просимого количества названных предметов, почему и вынуждено было отклонять эти ходатайства, выражая, однако, всякий раз, через военного агента в Болгарии, полную готовность итти навстречу нуждам болгарской армии, когда это окажется возможным.

В настоящее время болгарское правительство опять обратилось, через нашего военного агента в Болгарии, с настоятельной просьбой об отпуске теперь же для нужд своей мобилизующейся армии из запасов нашего военного ведомства некоторого количества шинелей и сапог, присовокупив к ним еще берданки и патроны.

Признавая ныне возможным притти на помощь болгарской армии, в трудную для нее минуту, в деле снабжения ее указанными предметами, я считаю долгом осведомиться у вашего высокопревосходительства — не встречается ли препятствий с политической стороны к удовлетворению вышеозначенной просьбы болгарского правительства.

Одновременно с сим по данному вопросу я обращаюсь к председателю совета министров [2].

Примите и пр.

В. Сухомлинов.

№ 989. Министр иностранных дел послу в Вене Н. Гирсу.

*/. Телеграмма № 2133 [3]. 12 октября/29 сентября 1912 г.

Сообщается в Париж.

Французский поверенный в делах сообщил мне, что граф Берхтольд выразил пожелание, чтобы французское правительство взяло на себя изго-

[1] См. т. XIX, №№ 501, 594 и 674.

[2] Письмом за № 2371. — В письме от 13 окт./30 сент. за № 630 Сазонов сообщил Сухомлинову, что к удовлетворению ходатайства болг. прав-ва об уступке ему шинелей и сапог «в настоящее время до открытия военных действий с моей стороны препятствий не встречается». Тел. от 14/1 окт. Данилов сообщил Романовскому: «Разрешено отпустить шинели, сапоги [по] заготовительной цене, но лишь до начала войны».

[3] Лит. копия.

товление проекта срочного ответа на вопросы, поставленные болгарским кабинетом относительно практической организации контроля реформ в Македонии. В Париже полагали бы, что решение этого вопроса, в связи с заявлением держав Порте, предусматривающим немедленное совместное с нею обсуждение реформ на основе закона 1880 г., могло бы быть с пользой для дела выполнено только дипломатическим совещанием держав [1].

Со своей стороны я высказал г. Дульсе, что в настоящую минуту такое совещание едва ли не было бы обречено на неудачу.

Благоволите осведомиться у графа Берхтольда, обращался ли венский кабинет в Париж с целью, в видах корректности, уведомить французское правительство о результатах совместного нашего шага в балканских государствах или же в предположении достигнуть практического результата срочным обсуждением ответа Болгарии.

Хотя со своей стороны мы, скорее, сомневаемся в возможности в данную минуту достигнуть серьезного результата в смысле предотвращения войны, однако готовы были бы присоединиться к предложению венского кабинета, чтобы не покидать почвы согласованных с ним действий.

Сазонов.

№ 990. Министр иностранных дел послу в Вене Н. Гирсу.

°/. Телеграмма № 2134. 12 октября/29 сентября 1912 г.

В разговоре с австрийским поверенным в делах я упомянул о заверениях, сделанных вам графом Берхтольдом [2]. Вместе с тем я указал моему собеседнику, что оговорка, коей сопровождались слова австрийского министра о необходимости сохранить за собою право принять меры предосторожности, не совсем согласуется с общим миролюбивым тоном его объяснений. Я добавил, что в интересах укрепления нового дружеского характера, который принимают наши отношения, следовало бы устранять все то, что способно возбуждать недоверие в общественном мнении и создавать атмосферу, неблагоприятную для сближения и согласования действий между обоими правительствами, столь заинтересованными в том, чтобы быть взаимно застрахованными от неожиданных выступлений.

Г. Силаши высказал убеждение, что военные меры, принимаемые Австрией в пограничных с Турцией областях, носят характер внутренних распорядков, имея целью пополнение нормальных кадров, и отнюдь не связаны с какими-либо наступательными видами; личное знакомство с руководящими взглядами графа Берхтольда позволяет ему думать, что Австрия спокойно отнесется к перенесению сербами военных действий в Санджак. Ее интересы ограничиваются лишь охраной спокойствия в местностях, сопредельных с театром военных действий.

В видах успокоения общественного мнения, я высказал пожелание, не признают ли в таком случае в Вене возможным делать официальные оповещения в печати по поводу такого рода мер, что они носят характер внутренних распорядков, а не направлены против кого-либо. Г. Силаши обещал телеграфировать об этом в Вену, высказав со своей стороны надежду, что там на это пойдут.

Сазонов.

---

[1] Ср. № 979.
[2] См. № 971.

№ 991. Министр иностранных дел уполномоченному по ведению переговоров с монгольским правительством Коростовцу в Ургу.

·/. Телеграммы №№ 2138, 2139 [1]. 12 октября/29 сентября 1912 г.

Сообщается посланнику в Пекине.

№ 1709 получен [2].

№ 1. Создание из Монголии самостоятельного государства в указываемых вами пределах не может входить в наши виды, и мы не возьмем на себя обязательства силой отстаивать притязания монголов в этом направлении. Между тем им должно быть ясно, что без нашей вооруженной поддержки объединение всех намечаемых ими территорий невозможно, прежде всего ввиду сопротивления, которое Китай оказывает такому объединению. С этой точки зрения, проектируемые монгольским правительством изменения в соглашении для нас неприемлемы, а обязательства, которые оно предполагает возложить на нас, не компенсируются предоставляемым нам правом земельной собственности.

Вместе с тем мы не возьмем на себя убеждать монголов в невозможности их объединения и самостоятельного государственного бытия. Наш проект соглашения редактирован в соответствии с современным положением вещей. Если Халха окрепнет и разовьется, она может составить в будущем ядро самостоятельного государства, в которое войдут объединившиеся вокруг ургинского правительства монгольские племена. Благоволите руководиться этими доводами в ваших объяснениях с ургинскими правителями и убеждать их сохранить основные положения предлагаемого им соглашения, предоставив будущему решить, как далеко пойдет в своем развитии самостоятельность Монголии.

Вы могли бы также дать понять монгольским министрам, что мы не признаем их соглашения с Китаем, если бы оно было заключено без нашего участия, и предпочтем сами сговориться с китайским правительством об участи Монголии. Наши интересы в этой стране не дозволяют нам удовольствоваться обещаниями, которые китайцы дадут монголам, так как мы не можем сомневаться, что обещания эти будут нарушены при первой возможности, и должны гарантировать себя от таких нарушений.

№ 2. Из предположенных монголами дополнений к соглашению мы могли бы в крайности согласиться лишь на повышение ранга нашего представителя в Урге, присвоив ему, например, наименование резидента. Представительство же Халхи в России нежелательно, разве в виде специальных посольств, первое из которых могло бы прибыть в Петербург тотчас по подписании соглашения.

Предположенные монголами изменения во 2-й и 5-й статьях протокола в принципе допустимы, но необходимо точно знать, как они будут редактированы. Что касается изменения в 4-й статье, то оно, повидимому, также не считается с современным положением, при котором торговля в Монголии не обходится без уплат товарами и сделок в кредит. Мы готовы обсудить меры к устранению злоупотреблений в этой области, но не видим возможности запретить нашим подданным торговлю в кредит и расплату товарами, как это допускается в торговых сношениях всего света.

[Сазонов.]

---

[1] Опубл. Ор. кн. М., стр. 7, с сокращениями и стилистическими изменениями.
[2] См. стр. 426, прим. 1, и стр. 427, прим. 1.

№ 992. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 2144 [1]. 12 октября/29 сентября 1912 г.

Сообщается послу в Лондоне.

Телеграммы за №№ 774 [2] и 775 [3] получены.

Считаем кандидатуры Эйн-эд-Доуле и Ала-эс-Солтане на пост регента одинаково неподходящими и нежелательными. Быть может, лучшим кандидатом был бы принц, не принадлежащий к какой-либо партии и не игравший до сих пор видной роли, каковым, как нам говорят, является, например, Мувассак-эд-Доуле. В таком случае Саад-эд-Доуле мог бы быть проведен в первые министры. Согласно сообщению самого Саад-эд-Доуле, Сердар-Асад обещал ему полную поддержку бахтиар, и, если б он вернулся при таких условиях в Тегеран, то вокруг него, вероятно, очень быстро сгруппировалась бы партия. Вместе с тем одно появление его в Персии побудило бы, вероятно, Наср-оль-Молька тотчас отказаться от регентства. Саад-эд-Доуле готов прибыть в Тегеран, если его пригласят туда Сердар-Асад и Самсам-эс-Солтане, которые при этом должны будут и оградить его от противодействия персидского правительства под предлогом того, что он числится в списке лиц, изгнанных вместе с Мохамед-Али-шахом.

Благоволите обсудить этот план с Тоунлеем и о последующем телеграфировать.

Сазонов.

№ 993. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 2145. 12 октября/29 сентября 1912 г.

Сообщается генералу-от-инфантерии Шатилову в Тифлис.

Телеграмма № 782 получена [4].

Всякое усиление казвинского отряда было бы в настоящее время нежелательным, ввиду объяснений, которые я имел с Греем на этот счет. Но мы не встретили бы препятствий к тому, чтобы взамен подлежащих увольнению в запас нижних чинов в Казвин было двинуто такое же число других войск. В этом смысле сносимся с председателем совета министров и военным министром [5].

Сазонов.

---

[1] Лит. копия.

[2] В тел. от 6 окт./23 сент. за № 774 Поклевский сообщал: «На-днях Сердар-Асад и Самсам-эс-Солтане по собственному почину высказали Черчиллю [чиновник англ. миссии в Тегеране] мысль о желательности назначения Саад-эд-Доуле первым министром», причем Самсам-эс-Солтане предложил в качестве кандидата в регенты Ала-эс-Солтане (ср. № 820).

[3] В тел. от 9 окт./26 сент. за № 775 Поклевский сообщал, что он совместно с Тоунлеем убедил Самсам-эс-Солтане, желавшего подать в отставку, «преждевременно не вызывать министерского кризиса». Далее Поклевский указывал, что наиболее популярным кандидатом на пост регента является Эйн-эд-Доуле.

[4] В тел. от 10 окт./27 сент. за № 782 Поклевский ходатайствовал «о возвращении в Казвин 6 рот Шемахинского полка, входящего в состав ардебильского отряда».

[5] Тел. от 14/1 окт. за № 6915 Шатилов, ссылаясь на публикуемый документ, сообщал Сухомлинову, что, по его мнению, нет надобности после увольнения запасных в Казвинском районе заменять их соответствующим числом других войск «ввиду полного в настоящее время спокойствия в Казвинском районе». Копию этой тел. Сухомлинов препроводил Сазонову при письме от 15/2 окт. за № 1462, добавляя, что вполне разделяет приводимые в тел. Шатилова соображения.

Письмом от 17/4 окт. за № 5535 Коковцов также сообщил Сазонову, что разделяет взгляд Шатилова по этому вопросу.

№ 994. Товарищ министра иностранных дел генеральному консулу в Канее Шебунину.

-/. Телеграмма № 2148 [1]. 12 октября/29 сентября 1912 г.

Сообщается в Париж, Лондон и Рим.

Телеграмма № 105 получена [2].

Английское и французское правительства не усматривают иного направления критского вопроса, как только в смысле изолирования острова из района возможных военных действий [3]. Этой цели будет служить морская блокада, которая охранила бы нейтральное положение острова, в то же время предохраняя его от нападений турецкого флота [4].

В видах сохранения солидарности с другими державами, участвуя в морской блокаде, мы находили бы по многим причинам для себя нежелательным посылку наших воинских частей для оккупации острова. Если бы потребовалось охранить личную и имущественную безопасность мусульманского населения в прибрежных городах, то мы считали бы возможным для этой цели и в самом крайнем случае содействие нашего небольшого морского десанта.

Италия, по заключении мира, вероятно, примкнет к действиям держав.

Нератов.

№ 995. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

-/. Телеграмма № 2153 [5]. 12 октября/29 сентября 1912 г.

Телеграмма № 236 получена [6].

Ссылаюсь на свою телеграмму № 2133 [7].

Из доверительного источника осведомлен, что Сербия решила начать военные действия в понедельник [8]. Отношение балканских государств к сущности нашего совместного с Австрией выступления едва ли оставляет какую-либо надежду на возможность предотвращения войны.

Ввиду этого я не могу не опасаться того неловкого положения, в котором могло бы оказаться дипломатическое собрание, которое занялось бы вопросом о реформах в настоящую минуту, во время начавшейся уже войны Турции с Черногорией и ожидаемого со дня на день непредотвратимого вступления в борьбу других балканских государств.

В словах г. Пуанкаре, ссылающегося на мое сочувствие, кроется недоразумение: я говорил о конференции, которая может оказаться неизбежной при ликвидации военных действий, и указывал на желательность для нас в этом случае выбора Парижа.

Сазонов.

---

[1] Опубл. М., стр. 283.

[2] Тел. от 9 окт./26 сент. за № 105 Шебунин сообщал: «По сведениям моих коллег, Черногория уже открыла военные действия». Шебунин просил инструкций, так как консулы в Канее ежеминутно ожидают объявления войны и Грецией и «отправки вслед за этим всех критских отрядов в королевство».

[3] Англ. пам. записку по этому вопросу — см. № 866. Соответствующая франц. пам. записка в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[4] Тел. от 8 окт./25 сент. за № 255 Бенкендорф сообщил: «Четыре английских крейсера, из них два броненосных, прибыли в Суду с поручением следить за исполнением Критом строгого нейтралитета».

[5] Лит. копия.

[6] См. № 980.

[7] См. № 989.

[8] 14/1 окт.

№ 996. Министр иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

Телеграмма № 2154 [1]. 12 октября/29 сентября 1912 г.

Сообщается в Цетинье.

Телеграмма № 206 получена [2].

Дошедшие до Пашича слухи о переговорах наших с венским кабинетом касательно нейтрализации Новобазарского санджака лишены всякого основания.

Вы могли бы, однако, доверительно посоветовать сербскому правительству не распространять военных действий в непосредственной близости к австрийским границам, ввиду далеко не имеющейся у нас полной уверенности в том, что Австрия в этом случае не сочтет для себя нужным выйти из состояния нейтралитета, на сохранение коего мы все же надеемся.

Сазонов.

№ 997. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 258. 12 октября/29 сентября 1912 г.

Communiqué Paris.

Grey m'a dit que Cambon, qui m'avait précédé dans son cabinet, lui avait fait proposition suivante: Si Turquie dans sa réponse à note des Puissances[3] accepte discussion du plan de réformes, le Cabinet de Paris est d'opinion qu'il y aurait lieu de convoquer immédiatement une conférence des Puissances comme seul moyen effectif pour résoudre question. Si Turquie refuse toute discussion, les Puissances auraient à s'entendre immédiatement sur les bases et occasions d'une proposition de médiation, entendu qu'elle aussi devrait aboutir à une conférence. Grey dit, qu'il venait de déclarer à Ambassadeur de France qu'il adhérait à cette proposition; il a ajouté que dans sa communication Poincaré appuyait tout spécialement sur nécessité du maintien de l'union des Puissances. Grey partage entièrement cette opinion.

Benckendorff.

Перевод.

Сообщено в Париж.

Грей сказал мне, что Камбон, бывший у него в кабинете до меня, сделал ему следующее предложение: Если Турция в своем ответе на ноту держав согласится на обсуждение плана реформ, парижский кабинет считает, что следует немедленно созвать конференцию держав, как единственное действенное средство для разрешения вопроса. Если Турция откажется от всякого обсуждения, державы должны незамедлительно договориться относительно основ для посредничества и поводов к нему, принимая во внимание, что оно также должно привести к конференции. Грей сказал, что он заявил французскому послу, что присоединяется к этому предложению; он добавил, что Пуанкаре в своем сообщении в особенности настаивал на необходимости сохранить единение между державами. Грей полностью разделяет это мнение.

Бенкендорф.

№ 998. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 259. 12 октября/29 сентября 1912 г.

N 2 [4].

Grey est extraordinairement préoccupé de situation et des conséquences possibles. Il a été très désappointé par nouvelle de rupture des négociations

[1] Лит. копия.
[2] См. № 984.
[3] См. № 975.
[4] За № 1, повидимому, была послана тел. № 258 (см. № 997).

italo-turques [1]. Il redoute surtout éventualité de fermeture des Détroits qui pourrait en être conséquence. Il doute qu'on puisse obtenir aujourd'hui de l'Italie des engagements même voilés et secrets à cet égard. Il ne voit pas non plus comment il serait possible dans moment actuel de défendre aux Turcs de prendre mesures nécessaires pour défendre capitale. Il a dit de ne voir d'autre moyen efficace qu'une garantie pour Détroits. Ceci a été dit à titre de réflexion, non pas de proposition. Je me suis borné à abonder dans sens d'importance pour Russie de liberté des Détroits pour commerce. Je lui ai dit: une interruption actuellement serait infiniment plus grave que celle qui a déjà eu lieu, qu'effet sur opinion publique serait plus puissant et de portée plus grave. Grey m'a dit comprendre ce point de vue d'autant plus facilement que pour Angleterre c'était aussi d'importance de premier ordre.

Benckendorff.

Перевод.

№ 2.

Грей необычайно озабочен создавшимся положением и возможными последствиями. Он был крайне разочарован известием о разрыве итало-турецких переговоров. В особенности он опасается возможности закрытия Проливов, которое может последовать за этим. Он сомневается, чтобы в настоящее время от Италии можно было бы добиться хотя бы секретного и замаскированного обязательства на этот счет. Он не видит также, каким путем можно было бы в настоящий момент воспрепятствовать туркам принять меры, необходимые для защиты столицы. Он сказал, что не видит другого эффективного средства, кроме гарантий в отношении Проливов. Это было высказано в качестве соображения, а не предложения. Я ограничился тем, что много говорил о значении свободы Проливов для русской торговли. Я ему сказал, что перерыв [в торговле] в настоящее время имел бы неизмеримо более серьезные последствия, чем тот, который уже имел место, и что впечатление на общественное мнение было бы более сильным и имело бы большее значение. Грей сказал мне, что такая точка зрения ему тем более понятна, что для Англии это также имеет первостепенное значение.

Бенкендорф.

№ 999. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 260. 12 октября/29 сентября 1912 г.

N 3.

Au cours de l'entretien de ce matin, Grey m'a dit qu'en conversations confidentielles d'abord avec Trautmannsdorff, puis avec Mensdorff il avait cru pouvoir dire que, tout au long de votre séjour à Balmoral, vous étiez avant tout préoccupé du maintien de la paix et du status quo territorial dans les Balkans, que ce point de vue avait reparu avec intensité dans presque chacun de vos fréquents entretiens, sans que pas une fois vous n'ayez ni touché, ni fait allusion à aucun point ayant trait à des avantages particuliers que la Russie pourrait tirer de la situation. Grey m'a dit avoir donné à Mensdorff, comme son absolue conviction, que la Russie ne nourrissait aucune arrière-pensée dans sa politique actuelle, dont le seul but était la paix.

Benckendorff.

Перевод.

№ 3.

Сегодня утром во время нашего разговора Грей сказал мне, что в доверительных беседах сначала с Траутмансдорфом, затем с Менсдорфом он счел возможным сказать, что за всё время вашего пребывания в Бальморале вы были больше всего озабочены вопросом о сохранении мира и территориального status quo на Балканах, что эта точка зрения настойчиво повторялась почти во всех ваших частых беседах, причем ни разу вы не затронули и даже не намекнули на какой-либо вопрос, касающийся специальных выгод, которые Россия могла бы извлечь из настоящего положения. Грей сказал мне,

[1] См. стр. 424, прим. 1.

что он высказал Менсдорфу абсолютную уверенность в том, что в своей теперешней политике Россия не питает никаких задних мыслей, и единственной целью этой политики является сохранение мира.

Бенкендорф.

№ 1000. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 237 [1]. 12 октября/29 сентября 1912 г.

№ 1.

Телеграмму № 2131 получил [2].

Только что виделся с Пуанкаре, который прочел мне телеграмму французского поверенного в делах, излагающую ваши возражения против предложенной им конференции [3]. Пуанкаре думает, что вы не совсем правильно поняли его мысль. Он предлагает конференцию, как последнее средство предотвратить войну. Предвидя, что в ответ на австро-русское сообщение Болгария потребует гарантий введения реформ, он предлагает в таком случае заявить ей, что державы тотчас же соберутся в конференцию для их обсуждения. Само собой разумеется, что раз откроются военные действия, о немедленном созыве конференции не может быть речи. В Лондоне предложение Пуанкаре принимается под условием согласия на него Турции.

Сообщаю в Лондон. Продолжение в моей телеграмме № 2.

Извольский.

№ 1001. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 238 [4]. 12 октября/29 сентября 1912 г.

№ 2.

Что касается вашего предложения теперь же обсудить вопрос о вмешательстве держав с целью прекратить войну, если она начнется [5], то Пуанкаре всецело его принимает. Он сам уже решил тотчас после открытия военных действий обратиться по предварительном согласии между Россией и Англией к державам с предложением выступить с коллективной медиацией в наиболее удобный момент. Лично он вполне допускает, что вмешательство держав может пойти далее простой медиации, и со своей стороны готов обсудить возможность общей вооруженной демонстрации держав, но предвидит возражения против подобной меры со стороны Англии и Германии. Во всяком случае он твердо намерен самым энергичным образом продолжать начатое им дело объединения европейских держав для предотвращения еще более опасных последствий настоящего кризиса.

Извольский.

№ 1002. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 240 [6]. 12 октября/29 сентября 1912 г.

Сообщаю Бенкендорфу.

№ 1.

Основываясь на вашем предложении, изложенном в телеграмме вашей № 2131 [7], и заручившись сочувствием лондонского кабинета к дальнейшим

---

[1] Опубл. М., стр. 282.
[2] См. № 978.
[3] См. № 989.
[4] Опубл. М., стр. 282.
[5] См. № 978.
[6] Опубл. Stieve, II, S. 285, N 499, где датирована 13 окт./30 сент. и начинается со слов: «Пуанкаре сообщил...».
[7] См. № 978.

усилиям объединить державы, Пуанкаре выработал передаваемую вам в телеграмме № 2 [1] программу совокупных действий держав. Ввиду крайней спешности дела Пуанкаре сообщил эту программу одновременно в С.-Петербург, Лондон, Берлин и Вену, не дожидаясь вашего предварительного согласия. Вместе с тем он отправляет вам через посредство Ж. Луи личную телеграмму, в которой он просит вас извинить поспешность своего выступления и выражает надежду, что вы примете его программу, в общем вполне отвечающую смыслу вашего вчерашнего предложения [2].

Извольский.

№ 1003. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 154. 12 октября/29 сентября 1912 г.

Министр финансов Тодоров и управляющий болгарским Народным банком Чакалов просят меня передать чрез ваше благосклонное посредство следующее ходатайство статс-секретарю Коковцову: «L'État de Bulgarie émettra selon toute probabilité des bons du Trésor pour la somme jusqu'à 20 millions de francs à trois mois de date et 5% d'intérêt à l'ordre de la Banque Nationale de Bulgarie. Cette dernière voudrait pouvoir escompter en cas de besoin ces bons du Trésor dans les banques russes, si possible aussi dans notre Banque d'État, contre une commission allant jusqu'à ¼% pour trois mois, plus bien entendu le coupon» [3]. Я нашел бы вполне уместным и желательным исполнение этой просьбы. Прошу возможно скорейшего ответа по телеграфу [4].

Неклюдов.

№ 1004. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 82. 12 октября/29 сентября 1912 г.

Копия в Константинополь.

Посетивший меня вчера министр иностранных дел поведал мне, что в имеющей быть на-днях переданной турецкому правительству ноте трех союзных государств находится, между прочим, требование учреждения постоянной комиссии при участии представителей четырех балканских государств с правом наблюдения за правильным осуществлением реформ, причем он прибавил, что если Турция благоразумна, то ей следует при-

[1] См. № 1008.

[2] 13 окт./30 сент. Ж. Луи передал Сазонову следующий текст тел. Пуанкаре (опубл. Кр. Арх., т. XVI, стр. 5):

«Извините меня за то, что ввиду срочности дела я был вынужден обратиться к державам, не дожидаясь от вашего превосходительства ответа на сообщение, которое я прошу посла Республики передать вам сегодня. Беседы, которые я имел с вами по вопросу о конференции, дают мне надежду, — особенно принимая во внимание, что Англия присоединяется к этому проекту, — что ваше превосходительство примет программу, представляемую мной на ваше одобрение и с которой я уже ознакомил г. Извольского. Программа эта к тому же в общих чертах соответствует ноте, которую мне передал вчера г. российский посол от имени вашего превосходительства».

[3] «Болгарское государство, по всей вероятности, выпустит казначейские боны на сумму до 20 миллионов франков сроком на 3 месяца из 5% годовых в распоряжение Болгарского Национального банка. Этот последний желал бы, в случае надобности, иметь возможность учитывать эти казначейские боны в русских банках и, если возможно, в нашем Государственном банке, при комиссионных, доходящих до ¼% за 3 месяца, плюс, разумеется, купон».

[4] Тел. от 16/3 окт. за № 172 Неклюдов передал Сазонову сообщение росс. коммерческого агента в Софии м-ру торг. и пром., в котором излагалась просьба болг. прав-ва «учесть в государственном или в частных русских банках выпуск бонов на сумму в 20 миллионов франков». Предложенный срок — от 6 до 12 месяцев, процент $5^1/_4$—$5^1/_2$ годовых при ¼% комиссионных.

нять поставленные условия. Министр иностранных дел, повидимому, возлагает большую надежду на слабость оттоманского правительства и на разлад между господствующими партиями в Турции. По его словам, замедление в передаче помянутой ноты произошло вследствие необходимости изменить некоторые части применительно к австро-русскому заявлению от имени держав [1]. Мне думается все же, что затяжка эта стоит главным образом в зависимости от завершения военных приготовлений. Как бы то ни было, я счел долгом заявить министру, что, по моему убеждению, условия ноты не только неприемлемы для Турции, но равносильны объявлению войны; что при требовании реформ Порта могла бы согласиться под общим воздействием держав на такие уступки, на которые она никогда не пойдет под давлением балканских государств; что в случае объявления войны ни на какую активную поддержку с нашей стороны Греция рассчитывать не должна; наконец, что греческому правительству надлежит, по крайней мере, обождать выяснения отношения Порты к представлениям держав [2] и что во всяком случае мы сочтем более чем обидным открытие военных действий ранее получения ответа на австро-русское заявление. Считаю долгом присовокупить, что, по мнению моего австрийского сотоварища, приготовленный меморандум Порте трех союзных балканских государств будет служить основанием для ответа нашему заявлению [3].

Демидов.

№ 1005. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 89. 12 октября/29 сентября 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Имею честь представить при сем текст султанского манифеста, появившегося сегодня утром в константинопольских газетах [4]. Манифест этот, сообщенный военным министерством по военному ведомству, является сплошным восхвалением политики и деятельности оттоманского правительства, не всегда согласным с действительностью. Так, уже в самом начале манифеста султан, отдав дань миролюбию Турции, ее доброжелательности в отношении всех правительств, ее нежеланию нарушать благоденствие и развитие всех рас, — отмечает обстоятельство, что его правительство проводит постепенно, по мере возможности, во благо народа, реформы, необходимые стране. Заверение это дается в официальном документе, в то время когда великие державы вынуждены обратиться к Порте с настоянием на проведение реформ, осуществить которые Порта обязалась более тридцати лет тому назад. Между тем это упорное невыполнение принятых на себя обязательств и является поводом к совместному выступлению балканских государств. Последние, открыто и поименно, обвиняются в манифесте в корыстных целях помешать осуществлению реформ. Султан приглашает призываемых запасных [5] отстаивать у названных государств, — как будто бы война с ними уже была объявлена, — каждую

[1] См. № 946.

[2] См. № 975.

[3] В тот же день тел. за № 84 Демидов сообщал Сазонову о заявлении Венизелоса франц. представителю в Греции, что «единственный еще шанс сохранения мира состоит в том, чтобы великие державы добились от Турции осуществления реформ под их, т. е. великих держав, контролем. Греция, не питающая доверия к обещанию Турции, положилась бы на великие державы, лишь бы только установлен был действительный контроль. Ныне же в предположенной ноте Порте балканские государства, как известно, потребуют реформ под контролем великих держав совместно с их собственным. Одним словом, Греция согласна уступить державам там, где она не может уступить Турции».

[4] Содержание манифеста в основном изложено в публикуемом документе.

[5] В манифесте был объявлен полный призыв редифов и территориальных войск второй инспекции и части третьей.

пядь священной земли родины и отражать мечом всякое на нее покушение. Балканским королевствам, дипломатические сношения с коими еще не прерваны, бросается обвинение в самых воинственных намерениях по отношению к Турции. Манифест заканчивается призывом показать себя достойными братьями героев, сражающихся в Триполитании, и выражением веры султана, что армия одержит новый ряд побед.

Появление этого, по меньшей мере странного, документа объясняется анархией, царящей в турецких правительственных кругах. Каждый министр действует по своему благоусмотрению, на свой страх, нисколько не заботясь о согласовании действий членов объединенного правительства. Наибольшей независимостью в этом отношении отличается военный министр Назим-паша. Ради ли обеспечения успеха мобилизации или в силу партийных соображений, министр этот вызвал издание манифеста, проникнутого крайним фанатизмом и ксенофобией. Подобные обращения к чувствам ненависти в отношении иностранцев, и в частности к нам, находят здесь всегда готовую почву. Ввиду этого появление такого манифеста в настоящую минуту я не могу не признать крайне несвоевременным. Мне неоднократно приходилось обращать внимание императорского правительства на все увеличивающуюся к нам подозрительность в здешних правительственных и общественных кругах [1]. Ненависть к иностранцам, в особенности к России — историческому врагу, используется младотурками как одно из верных средств достижения вновь власти.

Примите и пр. М. Гирс.

№ 1006. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

*/. Телеграмма № 2161 [2]. 13 октября/30 сентября 1912 г.
Личная.

Нам представляется крайне важным теперь же подготовить почву в Европе для своевременного вмешательства держав после первых же решительных действий. Решение вопросов, связанных с войной, не будет всецело зависеть от успеха или неудачи балканских государств. Даже в благоприятном случае требование автономных областей на почве разделения сфер влияния, повидимому, послужившее основанием для объединения балканских государств, встретит, вероятно, самое серьезное сопротивление со стороны Порты и некоторых держав.

Ввиду этого нам необходимо быть, по возможности, полнее осведомленными, в чем заключаются затаенные желания балканских государств и в какой степени можно было бы примирить их разумно понятые интересы с условиями общей политической обстановки.

Благоволите сообщить нам, что̀ вам известно об условиях, на которых Греция примкнула к балканским государствам. Имейте в виду необходимость соблюдения в полной тайне настоящего личного к вам запроса.

Сазонов.

№ 1007. Товарищ министра иностранных дел генеральному консулу в Канее Шебунину.

*/. Телеграмма № 2165. 13 октября/30 сентября 1912 г.

Сообщается в Париж, Лондон и Рим.

Дополнение к телеграмме № 2148 [3].

Мы согласились на предложение английского правительства, чтобы

[1] См. № 986.
[2] Лит. копия.
[3] См. № 994.

военные суда держав-покровительниц останавливали всякое судно, направляющееся на Крит, допуская его, лишь отобрав от командира обязательство не принимать критских милиционеров.

Командир «Олега» получит соответствующие инструкции.

Нератов.

№ 1008. Посол в Париже министру иностранных дел.

°/. Телеграмма № 241 [1]. 13 октября/30 сентября 1912 г.

Communiqué à Benckendorff.

N 2 [2].

1) Si le Gouvernement ottoman accepte de discuter avec les Puissances les réformes à introduire dans la Turquie d'Europe, une conférence internationale se réunira immédiatement pour l'étude de [3] l'application de ces réformes. 2) Si le Gouvernement ottoman se refuse à la discussion et que la guerre éclate, les Puissances se concerteront aussitôt en vue d'une médiation. 3) Si la médiation réussit, la conférence internationale se réunira dans le plus bref délai pour l'étude de [3] l'application des réformes. 4) Si la médiation échoue, la conférence internationale se réunira de même pour prendre à la fin des hostilités les mesures que commanderont le souci de la paix générale et l'intérêt commun de l'Europe.

Iswolsky.

Перевод.

Сообщено Бенкендорфу.

№ 2.

1) Если оттоманское правительство согласится обсудить с державами реформы, которые надлежит ввести в Европейской Турции, немедленно соберется международная конференция для выработки и осуществления этих реформ. 2) Если оттоманское правительство откажется от обсуждения и вспыхнет война, державы тотчас начнут между собой переговоры о посредничестве. 3) Если посредничество увенчается успехом, международная конференция соберется в кратчайший срок для выработки и осуществления реформ. 4) Если посредничество потерпит неудачу, международная конференция все же соберется для того, чтобы принять по окончании военных действий меры, которые будут продиктованы заботой о всеобщем мире и общими интересами Европы.

Извольский.

№ 1009. Посол в Париже министру иностранных дел.

°/. Телеграмма № 242 [4]. 13 октября/30 сентября 1912 г.

Копия в Лондон.

Получил телеграмму № 2153 [5].

№ 3.

Ввиду некоторой неясности редакции первых двух пунктов передаваемой вам за № 2 программы, я еще раз обратил внимание Пуанкаре на ваши возражения против созыва конференции во время уже начавшейся войны. Пуанкаре подтвердил мне, что, по его мысли, конференция соберется немедленно лишь в том случае, если державам удастся предотвратить войну. Он, так же, как и вы, весьма мало надеется на подобный исход. Если откроются военные действия, державы начнут с медиации и перейдут к конференции в тот момент, когда это им представится наиболее целесообраз-

---

[1] Опубл. М., стр. 283.

[2] См. № 1002.

[3] Повидимому, следует читать: «et» (ср. №№ 1038 и 1053).

[4] Опубл. Stieve, II, S. 285, N 501, где помечена N 243.

[5] См. № 995.

ным. Пуанкаре признал, что его редакция не вполне точно выражает вышеизложенные мысли, но думает, что она не предрешает и обратного толкования. Он обещал мне тотчас выяснить, правильно ли понимает лондонский кабинет его программу.

Извольский.

№ 1010. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 244 [1]. 13 октября/30 сентября 1912 г.

Вчера Титтони сообщил Пуанкаре, что задержка в мирных переговорах происходит от новых и неприемлемых требований Порты и что Италия назначила последний срок для окончательного ответа Турции на будущий вторник [2], после чего она энергично возобновит военные действия. При этом Титтони от имени своего правительства спросил, не согласится ли Франция поддержать в Константинополе следующую новую комбинацию, могущую, может быть, явиться исходом из настоящего критического положения. Мирный договор вовсе не коснется вопроса об аннексии и предусмотрит лишь прекращение военных действий с отозванием турецких войск, но вслед за этим все державы, за исключением Турции, формально признают суверенитет Италии в Ливии. Пуанкаре ответил, что Франция в силу существующих соглашений с Италией вполне готова как можно скорее признать аннексию, но под условием 1) чтобы на это одновременно согласились остальные державы, а 2) чтобы Турция заранее выразила, что подобная комбинация для нее приемлема. Повидимому, Италия обратилась с подобным же запросом к другим кабинетам.

Извольский.

№ 1011. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 91. 13 октября/30 сентября 1912 г.

Французский посол сделал австрийскому министру иностранных дел, несомненно вашему высокопревосходительству известное, официальное предложение в четырех пунктах о созыве международной конференции [3]. Министр иностранных дел ответил, что он относится сочувственно к этому новому предложению, но желает его обдумать и посоветоваться со своими союзниками. По мнению министра иностранных дел, балканские государства, а в особенности Сербия, не примут решений ранее двух дней. Министр прибавил французскому послу, что Австрия пока еще ответа на австро-русское выступление не получила, но считает, что ответ этот вызовет необходимость нового дополнительного шага.

Гирс.

№ 1012. Нота болгарского, греческого и сербского правительств посланникам России и Австро-Венгрии в Софии, Афинах и Белграде [4].

13 октября/30 сентября 1912 г.

Le Gouvernement hellénique [5], ayant pris connaissance de la déclaration que les six Grandes Puissances ont, par l'entremise des Gouvernements

---

[1] Опубл. М., стр. 284.

[2] 15/2 окт.

[3] См. № 1008.

[4] Маш. копия. Опубл. Brit. Doc., vol. IX, P. II, N 22, p. 16, и Doc. Dipl., 3-me série, t. IV, p. 167, N 162, Annexe I.

[5] Публикуемый документ печатается с копии ноты греч. прав-ва росс. посланнику в Афинах, отправленной последним в м-во ин. дел при депеше от 14/1 окт. за № 37. Тексты идентичных нот, полученных росс. посланниками в Софии и Белграде от болг. и серб. прав-в, были переданы ими в м-во телеграммами от 13 окт./30 сент. за №№ 158 и 212.

d'Autriche-Hongrie et de Russie, adressée à la Grèce, et s'étant entendu avec les Gouvernements des autres États balkaniques, exprime sa gratitude pour l'intérêt déployé par les six Grandes Puissances en faveur des populations de la Turquie d'Europe et pour leur promesse de prendre en main la réalisation de réformes dans l'administration en s'appuyant sur l'article 23 du Traité de Berlin. Le Gouvernement royal hellénique a, néanmoins, — d'accord avec ceux de la Bulgarie et de la Serbie — estimé que, après tant de promesses de réformes si souvent et si solennellement données par la Turquie et si expressément consignées dans des actes internationaux, il serait cruel de ne pas tâcher d'obtenir en faveur des populations chrétiennes de l'Empire ottoman des réformes plus radicales et plus définies, pouvant réellement améliorer leur sort misérable si elles sont sincèrement et intégralement appliquées.

C'est pourquoi ils ont cru devoir s'adresser directement au Gouvernement de Sa Majesté le Sultan, en lui indiquant les principes sur lesquels les réformes à introduire doivent se baser, et les garanties qu'il faudra accorder pour leur sincère application. Ils sont sûrs que si le Gouvernement impérial ottoman veut entrer dans cette voie, l'ordre et la tranquillité seront rétablis dans les provinces de l'Empire et une paix solide sera assurée entre la Turquie et les États balkaniques qui ont eu, jusqu'à présent, trop souvent à souffrir de l'attitude arbitraire et provocatrice que la Sublime Porte a prise envers eux.

Перевод.

Эллинское правительство, ознакомившись с декларацией, с которой шесть великих держав, через посредство австро-венгерского и российского правительств, обратились к Греции, и договорившись с правительствами других балканских государств, выражает свою благодарность за участие, проявленное шестью великими державами по отношению к народностям Европейской Турции, и за их обещание взять в свои руки проведение административных реформ на основе статьи 23-й Берлинского трактата. Тем не менее эллинское королевское правительство, в согласии с правительствами Болгарии и Сербии, считает, что после многократных обещаний реформ, которые Турция давала столь часто и столь торжественно и которые были столь определенно запечатлены в международных актах, было бы жестоко не приложить усилий к тому, чтобы добиться для христианских народностей Оттоманской империи более радикальных и более определенных реформ, которые при реальном и полном проведении могут действительно смягчить их тяжелую участь.

Вот почему они сочли своим долгом обратиться непосредственно к правительству его величества султана, указав ему принципы, на которых должны быть основаны вводимые реформы, и гарантии, которые должны быть даны для их действительного проведения в жизнь. Они уверены в том, что если оттоманское императорское правительство вступит на этот путь, спокойствие и порядок восстановятся в провинциях Империи и будет обеспечен прочный мир между Турцией и балканскими государствами, до настоящего времени слишком часто страдавшими от позиции произвола и вызова, которую Высокая Порта заняла по отношению к ним.

№ 1013. Нота болгарского, греческого и сербского правительств турецкому правительству[1].

№ 300. 13 октября/30 сентября 1912 г.

Le soussigné, Ministre des Affaires étrangères[2], a l'honneur de prier Son Excellence Mouhtar Bey[3] de vouloir bien faire parvenir au Gouvernement impérial ottoman la communication suivante, ainsi que la notice ci-annexée[4]:

[1] Опубл. Brit. Doc., vol. IX, P. II, N 24, p. 17, и Doc. Dipl., 3-me série, t. IV, N 162, p. 167, Annexe II и III.

[2] Публикуемый документ печатается с копии ноты греч. прав-ва турец. прав-ву, присланной росс. посланником в Афинах в м-во ин. дел при деп. от 14/1 окт. за № 37. Тексты идентичных нот болг. и серб. прав-в турец. прав-ву были переданы росс. посланниками в Софии и Белграде в м-во ин. дел в тел. от 13 окт./30 сент. за №№ 159, 160 и 213, 214.

[3] Турец. посланник в Афинах.

[4] См. приложение к публикуемому документу.

«Malgré la démarche que, par l'entremise des Gouvernements d'Autriche-Hongrie et de Russie, les six Grandes Puissances ont faite auprès des États balkaniques, démarche par laquelle elles promettent de prendre en main la réalisation de réformes dans l'administration de la Turquie d'Europe, les Gouvernements de la Bulgarie, de la Grèce et de la Serbie croient cependant devoir s'adresser directement au Gouvernement Impérial de Sa Majesté le Sultan pour lui déclarer que seules des réformes radicales sincèrement et intégralement appliquées peuvent réellement améliorer le sort misérable des populations chrétiennes des vilayets de l'Empire, garantir l'ordre et la tranquillité dans la Turquie d'Europe et assurer une paix solide entre l'Empire ottoman et les États balkaniques, envers lesquels la Sublime Porte a trop souvent pris une attitude arbitraire et provocatrice que rien ne justifiait.

Les Gouvernements de la Bulgarie, de la Grèce et de la Serbie, en regrettant que le Gouvernement monténégrin ne puisse, à cause des événements survenus, prendre part à cette démarche, invitent la Sublime Porte à procéder immédiatement, de concert avec les Grandes Puissances et les États balkaniques, à l'élaboration et à l'introduction dans la Turquie d'Europe des réformes prévues par l'article 23 du Traité de Berlin, en les basant sur le principe des autonomies ethniques (autonomie administrative des provinces, Gouverneurs Généraux belges ou suisses, Assemblées des provinces électives, gendarmerie, enseignement libre, milice), et en en confiant l'application à un Conseil supérieur, composé de chrétiens et de musulmans en nombre égal, sous la surveillance des Ambassadeurs des Grandes Puissances et des Ministres des quatre États balkaniques à Constantinople. Ils espèrent que la Turquie pourra déclarer qu'elle accepte cette demande, s'engageant à mettre à exécution dans un délai de six mois les réformes contenues dans la présente Note et la Notice explicative annexée, et qu'elle voudra, comme preuve de son assentiment, rapporter le décret de mobilisation de son armée.»

Le soussigné saisit cette occasion pour réitérer, etc.

Перевод.

Нижеподписавшийся, министр иностранных дел, имеет честь просить его превосходительство Мухтар-бея соблаговолить передать императорскому оттоманскому правительству следующее сообщение, а также и приложенную к нему записку:

«Несмотря на демарш, предпринятый перед балканскими государствами шестью великими державами через посредство австро-венгерского и российского правительств, демарш, которым державы обещали взять в свои руки проведение административных реформ в Европейской Турции, правительства Болгарии, Греции и Сербии считают, тем не менее, своим долгом обратиться непосредственно к императорскому правительству его величества султана с тем, чтобы заявить ему, что только радикальные реформы, при реальном и полном их проведении, могут действительно смягчить тяжелую участь христианских народностей в вилайетах Империи, гарантировать порядок и спокойствие в Европейской Турции и обеспечить прочный мир между Турцией и балканскими государствами, по отношению к которым Высокая Порта слишком часто занимала ничем не оправдываемую позицию произвола и вызова.

Правительства Болгарии, Греции и Сербии, сожалея о том, что правительство Черногории, в связи с происшедшими событиями, не может принять участие в этом выступлении, предлагают Высокой Порте немедленно приступить совместно с великими державами и балканскими государствами к разработке и проведению в Европейской Турции реформ, предусмотренных статьей 23-й Берлинского трактата, в основу которых должен быть положен этнический принцип (административная автономия провинций, генерал-губернаторы бельгийцы или швейцарцы, выборные провинциальные собрания, жандармерия, свобода преподавания, милиция), поручив проведение их высшему совету, состоящему из равного числа христиан и мусульман, под наблюдением послов великих держав и посланников четырех балканских государств в Константинополе. Они надеются, что Турция сочтет возможным заявить, что она принимает это требование, взяв на себя обязательство провести в шестимесячный срок перечисленные в настоящей ноте и в прилагаемой объяснительной записке реформы, и что в подтверждение своего согласия она отменит декрет о мобилизации своей армии».

Нижеподписавшийся пользуется случаем возобновить и т. д.

Приложение.

Объяснительная записка, приложенная к ноте от 13 октября/ 30 сентября 1912 г. под № 300 [1].

1) Confirmation de l'autonomie éthnique des nationalités de l'Empire avec toutes ses conséquences.

2) Représentation proportionnée au Parlement ottoman de chaque nationalité.

3) Admission des chrétiens à tous les emplois publics dans les provinces habitées par des chrétiens.

4) Reconnaissance sur un pied d'égalité avec les écoles ottomanes des écoles de tout grade des communautés chrétiennes.

5) Engagement par la Sublime Porte de ne point tâcher de modifier le caractère ethnologique des provinces de l'Empire ottoman en y transplantant des populations musulmanes.

6) Recrutement régional des chrétiens pour le service militaire avec des cadres chrétiens. Jusqu'à la formation des cadres suspension de l'enrôlement.

7) Réorganisation de la gendarmerie par vilayets dans la Turquie d'Europe sous le commandement effectif d'organisateurs suisses ou belges.

8) Nomination dans les vilayets, habités aussi par des chrétiens, de valis suisses ou belges agréés par les Puissances et assistés de Conseils Généraux élus par les districts électoraux.

9) Institution auprès du Grand Vizirat d'un Conseil supérieur, composé de chrétiens et de musulmans en nombre égal, pour surveiller l'application de ces réformes. Les Ambassadeurs des Grandes Puissances et les Ministres des quatre États balkaniques à Constantinople auront la mission de suivre le fonctionnement et les travaux du Conseil.

Перевод.

1) Подтверждение автономии отдельных народностей Империи на основе этнического принципа со всеми вытекающими отсюда последствиями.

2) Пропорциональное представительство всех народностей в оттоманском парламенте.

3) Допущение христиан к занятию всех общественных должностей в провинциях, населенных христианами.

4) Признание на равных началах с оттоманскими школами школ христианских общин всех ступеней.

5) Обязательство Высокой Порты, что она не будет пытаться изменить этнологический состав провинций путем переселения туда мусульманского населения.

6) В областях [с христианским населением] рекрутский набор христиан проводить так, чтобы они отбывали воинскую повинность в частях с христианскими кадрами. До сформирования этих кадров — отсрочка набора.

7) Реорганизация жандармерии в Европейской Турции по вилайетам, под эффективным командованием швейцарских или бельгийских инструкторов.

8) Назначение в вилайетах, где живут также и христиане, вали из швейцарцев или бельгийцев, утверждаемых великими державами, в помощь которым будут приданы генеральные советы, выбираемые по избирательным округам.

9) Учреждение при великом визирате высшего совета, состоящего из равного числа христиан и мусульман, для наблюдения за проведением в жизнь этих реформ. Послам великих держав и посланникам четырех балканских государств в Константинополе будет поручено наблюдение за деятельностью и работой этого совета.

№ 1014. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 86. 13 октября/30 сентября 1912 г.

Коромилас сегодня пригласил моего австрийского сотоварища и меня к 8 часам вечера для передачи нам ответа на наше совместное заявление от имени великих держав [2]. Он приобщил к ответу греческого правитель-

[1] Маш. копия. Заголовок оригинала.

[2] См. № 1012.

ства копию ноты, только что посланной им здешнему турецкому посланнику на дом вместе с приложением к ней, перечисляющим по пунктам требуемые Грецией реформы [1]. Такой способ передачи был применен, по словам министра, вследствие постоянного умышленного искажения турками текстов телеграмм, посылаемых Грипарису в Константинополь. Тождественный ответ на заявление должен последовать одновременно в Софии и Белграде, и подобная же передача ноты союзных правительств Турции состоится одновременно в означенных столицах. Так как подлинный текст этих документов посылается сегодня по телеграфу греческим миссиям в Петербурге и Вене для сообщения императорскому и австро-венгерскому правительствам, то я не считаю нужным, ввиду их пространности, телеграфно сообщить их подлинный текст. Считаю долгом отметить, что моего австрийского сотоварища и меня поразило отсутствие срока для дачи турецкого ответа, хотя из разговоров у нас получилось впечатление, что ультиматум скоро последует за нотой. Коромилас мне заявил, что ему необходимо еще сговориться об этом с Софией и Белградом. Во время беседы, как бы нечаянно, в комнату вошел Венизелос. Мы не преминули выразить наше сожаление по поводу получения подобного ответа и говорили в смысле данных нам инструкций. А именно, что такой образ действий равносилен объявлению войны и что такая поспешность парализует согласованность действий держав в Константинополе, на что Венизелос ответил, что Греции нельзя выжидать завершения турецких военных приготовлений. Греческая палата созвана на завтрашний день, согласно требованию конституции. На мой запрос касательно отношения к Криту первый министр ответил, что декрет о присоединении острова к Греции во всяком случае не последует ранее объявления войны. Относительно же критских депутатов первый министр уклонился от ответа; у нас получилось впечатление, что между ними и министром состоялось соглашение, по которому депутаты острова должны повременить своими настояниями до предстоящего объявления войны.

Демидов.

№ 1015. Военный агент в Румынии в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Телеграмма № 151. 13 октября/30 сентября 1912 г.

Болгарский военный агент сообщил, что завтра Болгария и Сербия начнут военные действия. Один корпус сосредоточится у города Кюстендиля, а главные силы двинутся на Адрианополь, причем для ускорения этот город вероятно будет атакован открытой силой. Какого-либо определенного соглашения между Болгарией и Румынией, как я выяснил, не имеется, но Румыния за сохранение нейтралитета рассчитывает, как король Карл дал понять болгарскому посланнику, быть по окончании войны вознагражденной, например, исправлением южной границы Румынии.

Искрицкий.

№ 1016. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

-/. Телеграмма № 218. 13 октября/30 сентября 1912 г.

Распространившийся с утра слух об открытии турками враждебных действий против Сербии подтвердился. Турецкие аванпосты перешли границу у Ристовца, начав обстреливать таможню; сербы отвечали; завязался

[1] См. № 1013.

бой, продолжающийся до сих пор; у сербов есть убитые и раненые. Известие вызвало возбуждение. В действиях турок сербы видят новую провокацию; общество, печать, политические круги требуют скорейшего объявления войны.

Гартвиг.

№ 1017. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 824 [1]. 13 октября/30 сентября 1912 г. Срочная.

Сегодня я имел продолжительный разговор с министром иностранных дел касательно ответа Порты на коллективную ноту [2].

На его сетования, что мы ставим правительство, расположенное к реформам, в унизительное положение допустить европейский контроль над ними, я возразил, что Европа предлагает Турции свое сотрудничество в этом вопросе и от дальнейшего образа действий Порты будет зависеть, чтобы это сотрудничество не приняло характера принуждения. В интересах Турции, добавил я, ответить нам, что, искренне желая реформ, она принимает наше сотрудничество. Лично министр расположен к такому ответу, но в совете министров идет борьба между ним и Киамилем, с одной стороны, желающими мира, и военной партией. Совет министров заседает в данный момент и, вероятно, вынесет окончательное решение.

Гирс.

№ 1018. Уполномоченный по ведению переговоров с монгольским правительством министру иностранных дел.

Телеграмма № 1727. 13 октября/30 сентября 1912 г.

Телеграмму № 2099 получил [3].

Констатируется отражающееся на нашей торговле отсутствие здесь денежной единицы, заменяемой китайскими ничем не обеспеченными банкнотами, и кредитных учреждений, за исключением китайского банка, дальнейшую деятельность коего желательно сократить. Отказ русских банков от операций в Монголии, наконец возможность появления иностранных концессионеров, которых мы не могли бы устранить без явного нашего вмешательства, делают учреждение эмиссионного банка на мой взгляд своевременным и абсолютно необходимым. По соображениям, высказанным в телеграмме № 1713 [4], полагаю также, что выдаваемая Юферову концессия не нуждается в санкции князей, тем более что концессионный акт предусматривает воспрещение кредитовать князей и вообще монголов. Финансирование же русской торговли входит в задачу банка. Что же касается затем вопроса о ссуде, то мне известно, что монголы намерены повторить свое ходатайство [5] независимо от учреждения банка, хотя бы и в более скромных размерах, чем предполагалось раньше, и соображения по этому поводу я сообщу по получении заявления от министров.

Коростовец.

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 16, со стилистическими изменениями и сокращениями.
[2] См. № 975.
[3] См. № 941.
[4] См. стр. 427, прим. 2.
[5] См. № 739.

№ 1019. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 197. 13 октября/30 сентября 1912 г.

N 2[1].

In March last, when the Japanese and Russian Governments were considering the question of having their bankers join the Consortium of the four financial groups of Great Britain, France, Germany and America [in] the negociations for the Chinese reorganisation loan, the two Governments concurred in the view that after the adhesion of their bankers to the Consortium for the said Chinese loan they should also participate in the currency reform loan agreement of 1911 as parts thereto on the same footing as the four groups and on condition of the elimination of article 16 of the agreement[2].

It is now reported that the Chinese Government have approached the four groups for the reopening of the negociations for the currency reform loan above refered to. You are therefore hereby instructed to ascertain the fact from competent quarters and duly sound the views of the respective groups in regard to the participation of Japanese and Russian bankers. It is very desirable that the Japanese and Russian Governments should act in complete understanding in the matter. In case of the reopening of the negociations the Imperial Government intend to take, after consultation with the Russian Government, such steps as may be necessary for the participation of their bankers in the said loan.

Malewsky.

Перевод.

№ 2.

В марте текущего года, когда японское и российское правительства обсуждали вопрос о присоединении их банкиров к консорциуму четырех финансовых групп — английской, французской, немецкой и американской — [для участия] в переговорах о заключении китайского реорганизационного займа, оба правительства согласились между собой, что после присоединения их банкиров к консорциуму по указанному китайскому займу они также должны принять участие в соглашении 1911 г. о займе на монетную реформу, на равном основании с четырьмя группами и при условии изъятия статьи 16-й этого соглашения.

Сейчас получено известие, что китайское правительство обратилось к четырем группам относительно возобновления переговоров о вышеупомянутом займе на монетную реформу. Вследствие этого, настоящим вам предлагается узнать от компетентных лиц, так ли это, и выяснить взгляды отдельных групп на участие японских и русских банкиров. Чрезвычайно желательно, чтобы японское и российское правительства действовали в этом деле в полном согласии. В случае возобновления переговоров, императорское правительство предполагает предпринять, по обсуждении с российским правительством, необходимые шаги для того, чтобы их банкиры приняли участие в указанном займе.

Малевский.

№ 1020. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 2170[3]. 14/1 октября 1912 г.

Сообщается в Лондон.

Не желая расходиться с французским и английским правительствами, мы решили снабдить нашего генерального консула в Канее сообщенными вам в копии указаниями[4]. Мы не считаем, однако, для себя удобным пойти на предложение английского правительства воспретить всякий доступ на

[1] В тел. от 13 окт./30 сент. за № 196 (№ 1) Малевский сообщал: «Под № 2 передается доверительно сообщенный мне министром иностранных дел английский перевод главных оснований инструкции, данной Иджуину относительно возобновления китайцами переговоров о займе для монетной реформы».

[2] См. т. XIX, № 605.

[3] Опубл. Stieve, II, S. 287, N 505.

[4] См. № 1007.

Крит греческим торговым судам. На наш взгляд, нельзя совершенно запереть население острова, стесняя его даже в торговых и частных отношениях с Грецией, сближение с коей сами державы укрепляли долголетним режимом, так или иначе обособившим Крит от Турции. Решившись на участие в морской блокаде, мы не можем, однако, отнестись к этой мере с сочувствием. Нельзя не опасаться, что критяне, доведенные до крайнего возбуждения, могут решиться на отчаянные действия, которые вызовут необходимость прибегнуть к силе.

Между тем, не говоря о том, что для пропуска военных частей через Проливы нам пришлось бы обращаться с просьбой к Порте, к чему мы вовсе не расположены, — ни наши традиции, ни наше общественное мнение не дозволят нам во время предстоящей войны Турции с балканскими государствами прибегать к силе против христиан для утверждения фикции турецкого суверенитета на Крите.

Все эти соображения склоняли бы нас к мысли, что лучшим выходом из положения для держав-покровительниц Крита было бы, в случае заявления критян о присоединении к Греции и желании участвовать в войне, ответить заявлением, что предоставляем остров его собственной судьбе, не отвечая за последствия.

Посетившему меня вчера французскому послу я высказался в этом смысле, прося сообщить о моем предположении в Париж[1]. Не найдете ли возможным объясниться в том же смысле с Пуанкаре, и если он согласится с нашей точкой зрения, то мы поручим нашему послу в Лондоне объясниться в этом смысле, сговорившись со своим французским коллегой.

Не так давно английский посол, по поручению своего правительства, передал нам aide-mémoire, в коем проводилась мысль о нежелательности вмешательства командиров судов на Самосе во внутренние дела на этом острове[2].

Быть может, этот аргумент, представляющийся нам еще более убедительным в отношении Крита, было бы полезно напомнить в Лондоне.

Сазонов.

№ 1021. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 262[3]. 14/1 октября 1912 г.

L'Ambassadeur d'Italie est venu demander si les Puissances reconnaîtraient l'annexion de Tripoli et Cyrénaïque dès que Turquie aurait consenti à évacuation[4]. Nicolson me dit confidentiellement que Grey, trouvant nécessaire de consulter le Premier Ministre, n'a pas répondu séance tenante. En vue de l'importance majeure d'une prompte conclusion de la paix, Nicolson pense que réponse de l'Angleterre sera affirmative, avec certaines réserves pour droits judiciaires, comme elles ont été formulées pour Tunis et Maroc, cependant avec une seconde réserve déclarant que la question des îles de la mer Egée est de [la] compétence des Puissances. Veuillez considérer ceci comme un renseignement provisoire, non pas comme information, la question n'étant pas décidée en ce moment.

Benckendorff.

---

[1] У Stieve последующая часть тел. опущена.
[2] См. № 967.
[3] Опубл. Siebert, II, S. 451, N 690.
[4] См. № 1010.

Перевод.

Итальянский посол приходил спросить, признáют ли державы аннексию Триполи и Киренаики, как только Турция даст согласие на эвакуацию. Никольсон сообщил мне конфиденциально, что Грей, считая необходимым посоветоваться с премьер-министром, не ответил тотчас же. Ввиду первостепенного значения, которое имеет скорейшее заключение мира, Никольсон полагает, что ответ Англии будет положительным с некоторыми оговорками о юридических правах, как они были сформулированы в отношении Туниса и Марокко, однако с дальнейшей оговоркой, гласящей, что вопрос об островах Эгейского моря подлежит компетенции держав. Благоволите рассматривать это как предварительные сведения, а не как информацию, так как вопрос в настоящий момент еще не решен.

Бенкендорф.

№ 1022. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 14/1 октября 1912 г.

Monsieur le Ministre,

Samedi dernier [1] Sir Edward Grey me fit prier de passer chez lui.

Comme j'entrais dans son cabinet, l'Ambassadeur de France en sortait. M. Cambon me dit, comme je le rencontrai, qu'il venait d'entretenir le Secrétaire d'État, au nom du Gouvernement français, d'un projet de conférence internationale [2], et que Sir Edward avait accepté les propositions de M. Poincaré.

En effet, le Ministre entama ce sujet dès que je fus entré chez lui.

Il me mit au courant de la proposition de M. Poincaré et me dit qu'il l'avait acceptée, sous condition d'acceptation de toutes les Puissances.

Il me dit que M. Poincaré, dans son message, s'était exprimé avec force sur la nécessité du maintien en tout point de l'accord entre les Puissances. Cet appel avait, je pense, exercé de l'influence sur l'accueil fait par Sir Edward à la démarche française.

J'ai eu l'honneur de rendre compte à Votre Excellence de cet entretien par mon télégramme N 258 [3].

Sir Edward m'avait parlé de mémoire, sans prendre en mains le texte même de la proposition. Peu après M. Cambon voulut bien me lire ce texte.

Je m'aperçus dès lors que ce que Sir Edward Grey m'en avait dit ne correspondait pas entièrement aux quatre points spécifiés dans la proposition, — une nuance dont mon télégramme à Votre Excellence portait trace évidente.

Pourtant je ne me jugeais pas appelé à intervenir, la différence me paraissant, à première vue, légère.

Je vis hier Sir Arthur Nicolson, qui me dit que pour éviter tout malentendu Sir Edward s'était cru obligé, pour mieux expliquer sa pensée, d'ajouter au point N 2 les mots «en temps opportun».

Sir Arthur me dit que Sir Edward, par cette ajoute, voulait indiquer qu'il ne voyait pas la possibilité de proposer une médiation dès l'ouverture des hostilités; que le plus tôt possible serait le mieux; mais qu'il fallait une circonstance favorable et que les déclarations de guerre n'en constituant pas une suffisante, Sir Edward appréhende qu'une proposition prématurée et inopportune n'aurait d'autre résultat qu'un refus de la part des belligérants, — un résultat d'autant plus fâcheux, qu'il serait de nature à compromettre l'ascendant des Puissances dans l'avenir.

Sir Artur me dit, en outre, que Sir Edward Grey n'avait nullement entendu accepter la proposition d'une conférence siègeant avant toute médiation en pleine guerre. Sir Edward ne comprend pas la portée d'une conférence

---

[1] 12 окт./29 сент.

[2] См. №№ 980, 1002 и 1008.

[3] См. № 997.

tenue en circonstances pareilles, qui entraîneraient tout d'abord l'exclusion de la Turquie et de l'Italie tant qu'elles n'auraient pas conclu la paix, — un inconvénient très sérieux dans l'opinion de Sir Edward Grey.

Votre Excellence aura bien voulu observer que dans mon télégramme N 258 les points 3 et 4 de la proposition française sont comme confondus.

Je serais porté à croire, que lors de son entretien avec M. Cambon, Sir Edward Grey n'a pas immédiatement saisi quel sens M. Poincaré entendait donner à ces points, et qu'il a jugé plus prudent de bien s'entendre à ce sujet pour éviter des malentendus.

Veuillez agréer, etc. Benckendorff.

Перевод.

Господин министр,

В прошлую субботу сэр Эдуард Грей просил меня зайти к нему.

Когда я входил в его кабинет, французский посол выходил оттуда. Встретясь со мной, г. Камбон сказал мне, что он только что беседовал со статс-секретарем от имени французского правительства относительно проекта международной конференции и что сэр Эдуард принял предложения г. Пуанкаре.

Действительно, министр заговорил со мной по этому вопросу, как только я вошел к нему.

Он ознакомил меня с предложением г. Пуанкаре и сказал мне, что он его принимает, при условии согласия всех держав.

Он сказал мне, что г. Пуанкаре в своем сообщении решительно высказался за необходимость сохранить согласие между державами по всем вопросам. Этот призыв, я полагаю, оказал влияние на прием, который французское предложение встретило у сэра Эдуарда.

Я имел честь сообщить вашему высокопревосходительству об этой беседе моей телеграммой за № 258.

Сэр Эдуард говорил мне по памяти, не беря в руки самого текста предложения. Несколько позже г. Камбон любезно прочел мне этот текст.

Тогда я заметил, что сказанное мне сэром Эдуардом Греем не вполне соответствует четырем пунктам, перечисленным в предложении; различие в оттенках, которое нашло явное отражение в моей телеграмме вашему высокопревосходительству.

Однако я не счел нужным сказать что-либо, так как разница, на первый взгляд, показалась мне незначительной.

Вчера я виделся с сэром Артуром Никольсоном, который сказал мне, что во избежание каких-либо недоразумений, сэр Эдуард, желая лучше пояснить свою мысль, счел нужным добавить к пункту № 2 слова: «в подходящий момент».

Сэр Артур сказал мне, что сэр Эдуард хотел показать этим добавлением, что он не видит возможности предложить медиацию с самого начала военных действий; что чем скорее, тем лучше, но что нужны благоприятные обстоятельства и что поскольку объявление войны не является таковым в достаточной мере, сэр Эдуард опасается, что преждевременное и несвоевременное предложение повлечет за собой лишь отказ со стороны воюющих сторон, — результат тем более неприятный, что он может подорвать влияние держав на будущее время.

Кроме того сэр Артур сказал мне, что сэр Эдуард Грей ни в коем случае не имел в виду принять предложение о созыве конференции до всякого посредничества в разгар войны. Сэру Эдуарду непонятно, какое значение может иметь конференция, заседающая при подобных обстоятельствах, которые в первую очередь вызвали бы исключение Италии и Турции до тех пор, пока они не заключат мир, что является, по мнению сэра Эдуарда Грея, весьма серьезным неудобством.

Ваше высокопревосходительство, несомненно, изволили заметить, что в моей телеграмме № 258 пункты 3 и 4 французского предложения как бы сливаются.

Я склонен думать, что во время своего разговора с г. Камбоном сэр Эдуард Грей не сразу уловил смысл, который г. Пуанкаре хотел придать этим пунктам, и что он счел более благоразумным подробно договориться по этому поводу, дабы избежать недоразумений.

Примите и пр. Бенкендорф.

№ 1023. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 245. 14/1 октября 1912 г.

Сообщено в Лондон.

Пуанкаре только что прочел мне телеграмму, в которой Ж. Луи сообщает ему ваше согласие на его программу [1] с оговоркой, что, ввиду неминуе-

[1] См. № 1008.

мости открытия военных действий, вы затрудняетесь ныне же выступить с предложением конференции и что медиация должна состояться лишь после первого решительного сражения. Луи прибавляет, что вы, однако, готовы присоединиться к предложению немедленной конференции, если Болгария даст Франции обещание повременить объявлением войны. Пуанкаре принимает ваши оговорки и считает, что между вами и им установлено полное согласие относительно предложенной им программы. Он готов тотчас же предпринять в Софии шаги, чтобы посоветовать не начинать военных действий до получения ответа держав на последнее сообщение балканских государств [1], но, затрудняясь выступить с подобным настоянием в одиночестве, он обращается в Лондон с просьбой сделать в Софии такие же шаги. Об окончательном решении своем он уведомит меня в течение дня [2].

Извольский.

№ 1024. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 246. 14/1 октября 1912 г.
Личная.

В одной из своих телеграмм французский поверенный в делах сообщил, что в разговоре с ним вы между прочим упомянули, что вы получили от австро-венгерского правительства положительное уверение, что в случае войны на Балканах оно не предпримет никаких активных действий за исключением одной случайности, которая может вызвать с ее [3] стороны мобилизацию. Г. Дульсе прибавил от себя, что под этой случайностью, конечно, подразумевается распространение военных действий на Санджак. Из других источников сюда сообщают, будто бы между вами и венским кабинетом действительно состоялся обмен мыслей о Санджаке [4], будто граф Берхтольд обещал вам невмешательство в случае, если Сербия и Черногория не вступят в Санджак и будто вследствие этого вы преподали в Белграде и Цетинье совет тщательно воздерживаться от подобного вступления. Между тем Пуанкаре не имеет от нас никаких прямых сведений о вышесказанном обмене мыслей и о будто бы полученных вами из Вены уверениях. Считая, что вопрос о Санджаке имеет первостепенное значение и что от него будет главным образом зависеть сохранение всеобщего мира, Пуанкаре просит вас осведомить его доверительным образом о положении этого дела, дабы он мог с полным знанием всех его обстоятельств говорить и действовать в Вене. С настоящей своей просьбой он обращается доверительно к вам через меня, а не через Ж. Луи во избежание всяких неточностей и недоразумений.

Извольский.

№ 1025. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 163. 14/1 октября 1912 г.

Вчера под вечер 500 турок напали на болгарский пограничный кордон близ Чукур-Киоя, на юг от Филиппополя. Кордон, согласно заранее преподанным инструкциям, отошел назад без потерь. Сегодня утром 3 000 турок

[1] См. № 1012.

[2] Дополнительно тел. от того же числа за № 248 (опубл. М., стр. 284) Извольский сообщал: «Грей ответил, что, по его мнению, новые представления в Софии не имели бы никаких шансов на успех, в особенности если они будут сделаны не всеми державами. Вследствие этого Пуанкаре, со своей стороны, отказывается от предположенных им шагов. Впрочем, и здесь и в Лондоне получено официальное известие, что военные действия уже начались на сербской границе» (см. № 1016).

[3] Так в оригинале; следует читать: «его».

[4] Ср. № 984.

напали на сербов близ Ристовца, произошел бой, не окончившийся еще в 5 часов вечера, когда из Белграда сюда телефонировали. Король Фердинанд отправляется в армию, как слышно, послезавтра.

Неклюдов.

№ 1026. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 87. 14/1 октября 1912 г.

Сегодня на первом заседании палаты в нее проникли без всякого сопротивления около 60 критских депутатов. Единственным оратором явился председатель совета министров, который после изложения известного уже вам положения дел с Турцией заявил при оглушающих рукоплесканиях, что отныне существует один лишь парламент для Греции и Крита. Признавая, однако, status quo острова, в котором он находился в 1909 г. перед выходом международных отрядов, Венизелос объявил, что Крит будет управляем Грецией, и пригласил участвующих в качестве гостей критских депутатов разойтись по домам с тем, чтобы приступить к новым выборам уже на основании греческих законов, после чего новоизбранные получили бы право заседать со своими греческими товарищами в афинской палате. Ему приходится покамест довольствоваться таким средним решением, окончательное же разрешение вопроса будет зависеть от исхода войны [1]. Вечером министр иностранных дел зашел ко мне как к представителю одной из держав-покровительниц, чтобы официально подтвердить слова первого министра, причем он доверительно сообщил мне, что ультиматум Турции будет им вручен самое последнее в четверг [2]. На мой запрос относительно того, как поступит греческое правительство в случае победы над Турцией, министр ответил дословно, что между Грецией и ее двумя союзницами уже договорено об обеспечении себе постоянного соприкосновения в Македонии.

Демидов.

№ 1027. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

·/. Письмо. 14/1 октября 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к донесению моему от [14] 1 октября за № 37 [3] считаю долгом сообщить вашему высокопревосходительству некоторые подробности по поводу переданной здешнему турецкому посланнику ноты греческого правительства с требованием реформ.

Вопреки установленному порядку, по которому сказанную ноту надлежало вручить турецкому министру иностранных дел чрез посредство греческого посланника в Турции, союзные балканские правительства решились на передачу ее турецким представителям в трех столицах — в Афи-

---

[1] Тел. от 15/2 окт. за № 110 Шебунин сообщал об опубликовании на Крите в правительственной газете «пространного воззвания греческого правительства к критскому», в котором говорилось, что «остров отныне будет управляться на деле Грецией, и представители его получат право заседать в Народном собрании вместе с представителями греческого королевства. Греция признает, что впредь будет существовать единая общая палата депутатов, как для свободного королевства, так и для острова Крит». По мнению Шебунина, общий тон воззвания — «полнейшая независимость в решении критского вопроса от держав-покровительниц, о которых вообще упоминается лишь вскользь».

[2] 17/4 окт.

[3] См. стр. 440, прим. 5, и стр. 441, прим. 2.

нах, Софии и Белграде, — дабы таким образом избежать недоразумений, связанных с систематическим искажением текстов их телеграмм в Константинополе.

Мало того, нота была здесь отнесена одним из чиновников министерства к турецкому посланнику на дом, причем последний принял ноту, обещаясь немедленно отправить содержание ее по телеграфу в Константинополь. Вслед за сим, однако, Мухтар-бей, прочитав ноту и посоветовавшись, как говорят, с здешним германским поверенным в делах, решил, что ему нельзя посылать подобной ноты своему правительству, и возвратил ее три часа спустя в министерство иностранных дел, указывая на неправильный способ передачи ноты и вообще на ее полную неприемлемость. Со своей стороны, г. Коромилас обратно переслал ноту турецкому посланнику, возразив, что она была принята последним и что она лежала в турецкой миссии более трех часов. Но этим не закончились странствования злосчастной ноты. На следующее утро она снова оказалась в министерстве и, как утверждают некоторые, найдена была на полу, под передней дверью министерства.

Узнав об этом, г. Коромилас тотчас же телеграфировал непосредственно Габриэлю-эффенди, чтобы он осведомился о содержании переданной греческим правительством ноты у турецкого посланника в Афинах.

Примите и пр.

Демидов.

№ 1028. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

%. Телеграмма № 829[1]. 14/1 октября 1912 г.
Срочная.

Сегодня Порта сообщила нам отрицательный ответ на коллективную ноту[2]. Она, видимо, выжидает образа действий балканских государств. В ноте она заявляет, что внесет на утверждение палат закон о вилайетах 1880 г., который будет введен без иностранного вмешательства. Текст следует за № 2[3].

Гирс.

№ 1029. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

%. Телеграмма № 833. 14/1 октября 1912 г.
Срочная.

Греческий посланник по приказанию своего правительства передал сегодня ноту Порте, требуя снятия в 24-часовой срок эмбарго с греческих судов[4].

Гирс.

---

[1] Опубл. Ор. кн., стр. 19, со стилистическими изменениями.
[2] См. № 975.
[3] См. № 1031.
[4] См. № 952. В тел. от 15/2 окт. за № 841 М. Гирс сообщал: «Нашему драгоману заявлено в Порте, что совет министров принял сегодня решение выпустить уже захваченные греческие суда, нагруженные иностранным грузом, если они не направятся в греческие порты».

Тел. от 16/3 окт. за № 850 Гирс сообщал, что «все суда с русским флагом будут выпущены, за исключением направляющихся в Грецию». В тот же день Гирс дополнительно сообщал тел. за № 855, что в Проливах задержано с русским грузом восемь греческих пароходов.

№ 1030. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Депеша № 91. 14/1 октября 1912 г.
Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По полученным из секретного источника сведениям, председатель командированной в Албанию комиссии маршал Ибрагим-паша[1] и косовский вали телеграфировали [8 октября] 25 сего сентября великому визирю о выраженных им албанскими вождями чувствах преданности Оттоманской империи. Пред общей опасностью албанцы забывают свои ссоры и несогласие с правительством касательно 14 пунктов своих пожеланий[2] и ставят себя в полное распоряжение Порты ввиду мобилизации. Они просят выдать им оружие и дают клятву возвратить его после войны. Заявления албанцев кажутся искренними, судя по восторженной готовности, с коей солдаты в этих краях являются под знамена и с коей албанцы спешно записываются добровольцами. Посему правительство могло бы действительно рассчитывать на сильную помощь с их стороны.

Ибрагим-паша добавляет от себя, что ввиду мобилизации и такого настроения албанцев его дальнейшее присутствие в Албании излишне, и просит о разрешении прибыть в Константинополь в отпуск для личного доклада по некоторым вопросам.

Великий визирь разрешил Ибрагим-паше возвратиться в Константинополь, предоставляя на его усмотрение решить вопрос о возвращении также прочих членов комиссии в случае, если он признает бесполезность пребывания там комиссии в настоящее время.

Что же касается заявлений и ходатайства албанцев, то они обсуждались в совете министров. На основании принятого советом решения великий визирь поручил [10 октября] 27 сентября военному министру предоставить в распоряжение албанцев оружие в количестве, достаточном для вооружения всех, кто пожелает принять участие в военных действиях.

По секретным сведениям, в военных складах в Албании имеется, будто бы, до 50 000 ружей разных систем.

Примите и пр. М. Гирс.

№ 1031. Нота турецкого правительства представителям Австро-Венгрии, Англии, Франции, России и Германии в Константинополе[3].

14/1 октября 1912 г.

En réponse à la communication en date du 10 ct. que Leurs Excellences les Ambassadeurs d'Autriche-Hongrie, d'Angleterre, de France, de Russie et d'Allemagne ont été chargés par leurs Gouvernements respectifs de faire à la Sublime Porte, le soussigné, Ministre des Affaires étrangères de Sa Majesté Impériale le Sultan, a l'honneur de leur rappeler, qu'ainsi que Leurs Excellences veulent bien le constater elles-mêmes, le Gouvernement impérial a déjà reconnu la nécessité d'introduire les réformes que comporte l'administration des vilayets de la Turquie d'Europe.

Il a envisagé ces réformes avec autant plus de conviction qu'il entend les appliquer en dehors de toute ingérence étrangère et qu'il prévoit que, dans

[1] См. № 426.
[2] См. стр. 79, прим. 4.
[3] Опубл. в сокращенном изложении Brit. Doc., vol. IX, P. II, N 33, p. 23, и Doc. Dipl., 3-me série, t. IV, p. 153, N 155. Печатается с копии, хранящейся в архиве росс. пос-ва в К-поле. Этот документ не был прислан в м-во ин. дел. Тел. от 14/1 окт. за № 832 М. Гирс сообщил: «Ввиду появления текста ответной ноты Порты в печати, она передается Петербургским агентством».

ces conditions, leur exécution ne manquera pas de contribuer à la prospérité et au développement économique du pays, en assurant, dans l'esprit libéral de la constitution ottomane, la concorde et la bonne harmonie entre les éléments hétérogènes qui composent la population de cette partie de l'Empire.

Il est à relever que si jusqu'à présent les différents essais d'amélioration de la situation intérieure de ces provinces n'ont pas produit tous les fruits qu'on était en droit d'en attendre, une des principales causes de ce retard est incontestablement l'état de trouble et d'insécurité causé par les attentats de tout genre provenant de foyers d'agitation, dont le but réel ne laisse aucun doute.

Le Gouvernement impérial n'en apprécie pas moins l'intention amicale de la communication que les Grandes Puissances ont jugé à propos de lui faire en raison des circonstances présentes.

Il s'associe de tout coeur aux efforts déployés par elles pour conjurer le danger d'une collision, dont les conséquences entraîneraient fatalement de grandes calamités qu'il est du devoir du monde civilisé de prévenir par tous les moyens de conciliation.

Le Gouvernement impérial a sous ce rapport la conscience d'avoir pris les devants pour faciliter la tâche humanitaire des Grandes Puissances en présence du redoutable problème dont elles cherchent la solution.

En effet, sans vouloir exciper du fait que maintes stipulations du Traité de Berlin ont reçu une exécution non conforme tant à la lettre qu'à l'esprit qui les avait dictées et qu'ainsi les intérêts ottomans ont été gravement lésés en plusieurs cas, sans vouloir en particulier examiner jusqu'à quel point l'article 23 de ce Traité a pu conserver plus que les autres articles une valeur actuelle, le Gouvernement impérial déclare qu'il vient de prendre de son propre mouvement la résolution de présenter le projet de loi de 1880 dans tout son ensemble historique, dès l'ouverture de la prochaine session, à l'approbation du Parlement et à la sanction impériale, conformément à la Charte fondamentale de l'Empire.

Les Grandes Puissances peuvent être persuadées que les autorités impériales tiendront la main à la scrupuleuse et prompte application de cette loi dès sa promulgation.

Il serait souverainement injuste d'inférer d'anciennes négligences et tergiversations, plus ou moins systématiques et inhérentes à un autre régime, que l'Empire constitutionnel ottoman d'aujourd'hui ne serait pas logiquement décidé et capable de rompre définitivement avec les errements du passé, et de prendre occasion de certain doute à cet égard pour chercher d'autres mesures que celles seules compatibles avec l'intérêt bien entendu du pays et des populations elles-mêmes.

Gabriel Noradounghian.

Перевод.

В ответ на сообщение от 10 сего месяца, которое их превосходительства послы Австро-Венгрии, Англии, Франции, России и Германии имели поручение от своих правительств сделать Высокой Порте, нижеподписавшийся, министр иностранных дел его императорского величества султана, имеет честь напомнить им, что, как их превосходительства благоволили сами отметить, императорское правительство уже признало необходимость ввести реформы, которых требует управление вилайетами Европейской Турции.

Оно с тем большим убеждением проектирует эти реформы, что оно предполагает провести их без всякого постороннего вмешательства и что оно предвидит, что в этих условиях их введение не преминет содействовать процветанию и экономическому развитию страны, обеспечивая, в соответствии с либеральным духом оттоманской конституции, согласие и единодушие между разнородными элементами, которые составляют население этой части Империи.

Надо отметить, что если до настоящего времени различные попытки улучшить внутреннее положение этих провинций не принесли тех плодов, которых можно было

от них ожидать, то одной из главных причин этой задержки являются, несомненно, отсутствие спокойствия и безопасности в результате разного рода покушений, источниками которых являются очаги агитации; действительные цели последних не вызывают никаких сомнений.

Тем не менее императорское правительство ценит дружественные намерения, вдохновившие сообщение, которое великие державы сочли нужным ему сделать в связи с нынешними обстоятельствами.

Оно от всей души присоединяется к усилиям, проявленным ими с целью предотвратить опасность возникновения конфликта, последствия которого роковым образом повлекут за собой великие бедствия, предупредить которые всеми примирительными средствами является долгом цивилизованного мира.

В этом отношении императорское правительство преисполнено сознания, что оно заранее сделало все, чтобы облегчить гуманную задачу великих держав, стоящих перед серьезной проблемой, разрешения которой они ищут.

В самом деле, не желая ссылаться на то, что многие постановления Берлинского трактата были выполнены не в согласии ни с буквой их, ни со смыслом, который был в них вложен, и что благодаря этому турецкие интересы потерпели в нескольких случаях серьезный ущерб, не желая, в особенности, рассматривать вопрос о том, в какой мере статья 23-я этого трактата больше сохранила актуальное значение, чем другие его статьи, императорское правительство заявляет, что оно по собственному почину приняло решение немедленно по открытии ближайшей сессии представить проект закона 1880 г. во всем его историческом целом на одобрение парламента и на императорскую санкцию в соответствии с основным законом империи.

Великие державы могут быть уверены, что императорские власти будут тщательно следить за применением этого закона с самого момента его опубликования.

Было бы в высшей степени несправедливо делать вывод из прежнего нерадения и более или менее систематических колебаний, свойственных иному режиму, что Оттоманская конституционная империя сегодняшнего дня неспособна притти к разумному решению и не в силах окончательно порвать с ошибками прошлого, а также воспользоваться некоторыми сомнениями на этот счет для того, чтобы изыскивать иные меры, чем те, которые одни совместимы с правильно понятыми интересами страны и населяющих ее народностей.

Габриэль Норадунгиан.

№ 1032. Уполномоченный по ведению переговоров с монгольским правительством министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 1730[1]. Урга, 14/1 октября 1912 г.

В Пекин сообщено.

Отказываясь от своего первоначального предположения включить в текст соглашения упоминание о распространении его действия на Внутреннюю Монголию и другие округа, присоединившиеся к Халхе, монгольское правительство просит заменить слова: «Внешняя Монголия» словом: «Монголия». Не найдете ли возможным допустить изменение термина, чему тут придают огромное значение, причем отказ наш поведет к новым затяжным переговорам и может даже задержать принятие соглашения, тем более что во всех наших договорах с Китаем нет подразделения Монголии на Внешнюю и Внутреннюю. Затем монголы настаивают на признании нами за хутухтой в соглашении присвоенного ему титула «Эцзен-хан» — «Самодержавный государь монгольского народа», — что̀ я признавал бы допустимым, при условии исключения в русском тексте перевода этого титула, никому не известного. Кроме того уполномоченные просят ограничиться в статье 1 указанием о недопущении на монгольскую территорию китайских войск, опустив постановление о праве их управляться национальными князьями, дабы придать более значения центральному ургинскому правительству и ослабить влияние княжеств, что̀, казалось бы, в наших интересах, а также не упоминать о китайской колонизации, так как они сами не намерены ее допустить, но считают самый вопрос делом чисто внутренним. Наконец, они повторяют просьбу о признании за ними права иметь агентов в Петербурге. Исполнение этой просьбы удовлетворило бы их самолюбие.

Прошу возможно скорого ответа.

Коростовец.

[1] Опубл. Ор. кн. М., стр. 9, с сокращениями.

№ 1033. Памятная записка министерства иностранных дел французскому послу в Петербурге Ж. Луи [1].

·/. 15/2 октября 1912 г.

Le ministère impérial des Affaires étrangères adhère en principe à l'idée émise par Son Excellence M. Poincaré relativement à l'opportunité d'une réunion diplomatique des Puissances [2] aussitôt qu'un engagement sérieux aura démontré l'utilité d'une intervention des Puissances en vue de la cessation des hostilités.

D'après l'avis du ministère impérial, la convocation d'une conférence dès à présent, à la veille de la guerre presqu'imminente, risquerait peut-être de compromettre l'idée même de la conférence, à laquelle le ministère impérial se rallie d'avance.

Il semblerait qu'un échange de vues préalable entre Paris, Pétersbourg et Londres pour assurer à chaque moment voulu une action concertée des trois Puissances et pouvoir formuler des propositions concrètes, pouvant servir de base aux travaux d'une conférence internationale, répondrait aux besoins du moment.

Le ministère impérial verrait avec plaisir le Gouvernement de la République prendre en main l'initiative d'un pareil échange de vues et voudrait, le cas échéant, que Paris soit choisi comme siège de la conférence.

Перевод.

Императорское министерство иностранных дел в принципе согласно с мыслью, высказанной его превосходительством г. Пуанкаре, относительно своевременности дипломатической конференции держав, как только серьезное столкновение докажет всю пользу выступления держав с целью прекращения военных действий.

По мнению императорского министерства, созыв конференции в настоящее время, накануне почти неизбежной войны, рискует, может быть, скомпрометировать самую идею конференции, к которой императорское министерство заранее присоединяется.

Казалось бы, что предварительный обмен мнений между Парижем, Петербургом и Лондоном с целью обеспечить в любой момент согласованные действия трех держав и дать им возможность сформулировать конкретные предложения, которые могут послужить основой для работ международной конференции, отвечает потребностям настоящего момента.

Императорское министерство с удовлетворением отнеслось бы к тому, чтобы правительство Республики взяло в свои руки инициативу такого обмена мнений, и желало бы, чтобы в таком случае местом созыва конференции был избран Париж.

№ 1034. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II [3].

·/. 15/2 октября 1912 г.

Повергая сегодня на высочайшее благовоззрение письменный отчет о моей поездке за границу [4], я одновременно заготовил всеподданнейшую записку, в которой осмеливался ходатайствовать о всемилостивейших указаниях относительно личного моего доклада.

Получив перед самым отправлением фельдъегеря повеление вашего императорского величества на этот счет, я буду счастлив явиться в Спалу [20] 7 сего октября.

Сазонов.

---

[1] Царск. экз. Опубл. Кр. Арх., т. XVI, стр. 6, где ошибочно датирована 14/1 окт.
[2] См. № 1008.
[3] Опубл. Кр. Арх., т. III, стр. 14.
[4] См. приложение к публикуемому документу.

Приложение[1].

-/.

Последовав, с высочайшего соизволения вашего императорского величества, приглашению английского короля, я отправился [18] 5 сего сентября в замок Бальмораль, куда одновременно со мной прибыл статс-секретарь по иностранным делам сэр Эдуард Грей.

Почитаю своим долгом прежде всего доложить вашему императорскому величеству о том необыкновенно радушном приеме, который королю Георгу V угодно было оказать в моем лице представителю русского правительства. В самый день моего приезда в беседе, продолжавшейся свыше часа, его величество коснулся всех вопросов, затрагивающих политические интересы России и Англии и составивших затем предмет моих переговоров с сэром Э. Греем. При этом король в столь же решительных выражениях, как и его министр, настаивал на своем искреннем расположении к России и твердом желании поддерживать между нею и Англией самые близкие отношения, основанные на взаимном доверии и понимании обоюдных интересов.

Не переставая высказываться в том же смысле за все время моего пребывания в Бальморале, его величество еще раз подтвердил мне эти чувства при прощании со мной в день отъезда. При этом он поручил мне передать вашему императорскому величеству, вместе со своим сердечным приветом, уверения в его готовности всеми силами действовать в полном согласии с вами, государь, где этого потребуют интересы России и Англии[2].

Для характеристики вообще встреченного мной в Англии настроения по отношению к России я должен упомянуть, что одновременно со мной в Бальморале в течение нескольких дней гостил и лидер оппозиции г. Бонар Лоу, которому я, между прочим, выразил удовлетворение по поводу речи, произнесенной им в палате минувшей весной и где от имени оппозиции он одобрял политику сэра Э. Грея в смысле более тесного сближения с Россией[3]. Бонар Лоу, в присутствии Грея, подтвердил мне означенные слова и даже заявил, что это единственный вопрос, по которому между консерваторами и либералами в Англии нет никакого разногласия.

Пользуясь этой благоприятной обстановкой, я счел полезным в одной из моих бесед с Греем между прочим осведомиться о том, чего мы могли бы ждать от Англии в случае вооруженного столкновения с Германией, и мне представляются весьма знаменательными слова, которые мне довелось услышать по этому поводу как от ответственного руководителя английской внешней политики, так затем и из уст самого короля Георга.

Вашему императорскому величеству известно, что во время своего пребывания минувшим летом в С.-Петербурге г. Пуанкаре высказал мне пожелание выяснить, насколько мы можем рассчитывать на помощь английского флота в случае такой войны[4].

Доверительно посвятив Грея в сущность нашего морского соглашения с Францией и указав на то, что в силу заключенного договора французский флот будет стремиться обеспечить наши интересы на южном театре войны, препятствуя австрийскому флоту прорваться в Черное море, я спросил статс-секретаря, не может ли Англия, в свою очередь, оказать нам одинаковую услугу на севере, оттянув германские эскадры от нашего побережья в Балтийском море.

Грей, не колеблясь, заявил, что, если бы наступили предусматриваемые мной обстоятельства, Англия употребила бы все усилия, чтобы нанести

---

[1] Опубл. Кр. Арх., т. III, стр. 14.

[2] В черновике далее зачеркнуто: «Король отпустил меня с милостивыми словами: «В трудных обстоятельствах Россия всегда может рассчитывать на меня и на мое правительство».

[3] См. № 285.

[4] См. № 489, стр. 30.

самый чувствительный удар германскому морскому могуществу. В подлежащих ведомствах уже обсуждался вопрос о военных действиях в Балтийском море, но при этом выяснилось, что если английскому флоту и не трудно было бы проникнуть в Балтийское море, то его нахождение там было бы сопряжено с значительной опасностью, так как ввиду возможности для Германии наложить руку на Данию и преградить выход через Бельт, он мог бы оказаться запертым, как в мышеловке. Поэтому Англии, вероятно, придется ограничиться операциями в Северном море.

По этому поводу Грей, по собственному почину, подтвердил мне то, что я уже знал от Пуанкаре, а именно существование между Францией и Великобританией уговора, в силу которого, в случае войны с Германией, Англия обязалась оказать Франции помощь не только на море, но и на суше путем высадки войска на материке.

Коснувшись того же вопроса в одном из разговоров со мной, король высказался еще более решительно, чем его министр, и, с видимым раздражением упомянув о стремлении Германии сравняться с Великобританией в отношении морских сил, его величество воскликнул, что в случае столкновения последнее должно будет иметь роковые последствия не только для германского военного флота, но и для немецкой морской торговли, ибо англичане пустят ко дну всякое немецкое торговое судно, которое попадется в их руки. («We shall sink every single german merchant ship we shall get hold of».)

Последние слова, повидимому, отражают в себе не только личные чувства его величества, но и господствующее в Англии настроение по отношению к Германии. По этому поводу не могу не упомянуть, что как раз во время моего пребывания в Бальморале получено было известие о неожиданной смерти недавно назначенного в Лондон германского посла, барона Маршалла фон Биберштейн. Покойный был слишком крупной личностью, и его назначение в Лондон вызвало в свое время слишком много толков [1], чтобы его кончина не произвела в Англии большого впечатления. При этом, однако, следует заметить, что возлагавшимся в Германии на его миссию надеждам в смысле сближения с Англией и привлечения последней на сторону Тройственного союза едва ли суждено было оправдаться. Он пока успел только приступить к новой деятельности, но первые шаги его, по отзывам всех, с кем мне пришлось об этом говорить, были, повидимому, не особенно удачными. Его слишком настойчивые заверения об отсутствии у Германии враждебных замыслов против Англии и о том, что флот строится Германией не для борьбы с Великобританией, вместо того чтобы вносить успокоение, только раздражали англичан. Прожив долгие годы на Востоке, барон Маршалл за короткое свое пребывание в Лондоне еще не успел примениться к новым условиям деятельности. Но главная причина его неудачи в Англии заключается в том, что в настоящее время едва ли возможно найти необходимую почву для сближения между обоими соперничающими государствами.

Из отдельных вопросов, составивших предмет ежедневных продолжительных моих совещаний с Греем, первое место принадлежит персидским делам как входящим в ту политическую область, где интересы России и Англии наиболее непосредственно соприкасаются.

Я обратил внимание статс-секретаря на крайнюю неудовлетворительность положения вещей в Персии и на неустойчивость внутреннего порядка, причем и то и другое должно быть приписано отсутствию всякой личной власти, без которой страна, стоящая на уровне развития современной Персии, не может обойтись. Я высказал мнение, что ближайшей задачей России и Англии является именно создание такой власти. Грей в принципе согласился со мной, но повторил мне уже неоднократно сделанные им заявления о не-

[1] См. № 22.

приемлемости для Англии осуществления этой задачи путем восстановления на престоле Мохамеда-Али. Ввиду такого непримиримого отношения великобританского правительства к бывшему шаху я предложил во всяком случае не настаивать на возвращении в Персию оказавшегося слабым Наср-оль-Молька, который, повидимому, сам желал бы уклониться от непосильного ему бремени правления, а поручить регентство другому лицу, например, бывшему министру иностранных дел, Саад-эд-Доуле [1], в свое время показавшему себя человеком с твердой волей и решительным.

Грей сначала было возразил, что названный персидский сановник известен своим лихоимством, но затем он примкнул к выраженной мною мысли о назначении Саад-эд-Доуле регентом.

Я указал моему собеседнику, что, каковы бы ни были личные качества правителя, он не будет в состоянии ничего сделать, если будет лишен материальных средств, безусловно необходимых для выполнения поставленной ему задачи водворения порядка в стране. Серьезная преобразовательная работа требует не мало денег, и потому небольшие частичные авансы являются недостаточными, и нужно облегчить Персии заключение крупного займа, приблизительно в 5 или 6 млн. ф. ст.

Не возражая против приведенных мной доводов, Грей высказался за то, чтобы русское и великобританское правительства, не принимая на себя каких-либо обязательств по обеспечению займа, оказали банкам, которые согласны ссудить Персию деньгами, возможную дипломатическую поддержку. Предвидя, однако, что банки, может быть, не решатся выдать крупные суммы, пока порядок в Персии не будет до известной степени восстановлен, Грей считал бы полезным, чтобы оба правительства дали нужные для образования жандармерии деньги, которые затем были бы им возвращены из последующего займа.

По поводу Трансперсидской железной дороги Грей сказал мне, что хотя в Англии еще довольно широко распространено убеждение в необходимости сохранения за Индией как бы «островного» положения, сам он не верит в возможность оставить вполне неприкосновенной нынешнюю ее недоступность и признает неизбежность со временем согласиться на смычку индийской железнодорожной сети с европейской.

Я разъяснил Грею, что русское правительство вполне предоставляет великобританскому решить, когда, по его мнению, наступит удобный момент для подобного соединения, но считает неотложным достигнуть теперь же соглашения относительно получения Россией и Англией от персидского правительства концессии на всю Трансперсидскую линию с тем, чтобы каждое из названных государств воспользовалось в пределах своей зоны полученной концессией по собственному усмотрению. Таким образом можно было бы приступить к постройке северного участка от нашей границы до Тегерана независимо от того, когда будет строиться южный участок в английской зоне.

Грей вполне согласился на такую постановку вопроса, и это позволило мне войти в более подробное обсуждение его как с бывшим тут же в Бальморале лордом Ревельсток, так и впоследствии в Париже с Пуанкаре и французскими финансистами.

Итоги этих переговоров сводятся к тому, что так называемая Société d'Études в скором времени пошлет в Персию делегацию, которая, при поддержке императорской и великобританской миссий в Тегеране, должна будет добиться от шахского правительства как разрешения на производство технических изысканий, так и преимущественного права на постройку намеченной Трансперсидской дороги.

Ввиду желательности вместе с тем поручить делегации изыскать в Пер-

---

[1] См. № 773.

сии новые источники доходов для обеспечения будущего займа, — а эта задача могла бы оказаться не под силу для лиц, призванных исследовать техническую сторону железнодорожного предприятия, — то по моему настоянию решено было отправить двойную делегацию в составе шести лиц: трех специалистов железнодорожного и трех специалистов банкового дела, причем в каждую из этих двух половин делегации должно войти по одному русскому, по одному французу и по одному англичанину.

Французское правительство, со своей стороны, вполне одобрило это предположение и согласилось с моим взглядом, что само ходатайство о концессии должно исходить от Société d'Études, а не от миссий, роль которых ограничивается поддержкой означенного ходатайства.

В связи с вопросом о железнодорожном строительстве в Персии Грей коснулся положения английской торговли в южной части этой страны и назвал его крайне печальным. Для обеспечения доступа английским товарам на персидские рынки он считает желательным развитие местной жандармерии под руководством шведских офицеров. Если бы, однако, пришлось убедиться, — как есть уже на то основание, — в непригодности для этой цели шведов, то для Англии не останется иного выхода, как организация местных военных отрядов под руководством английских офицеров для ограждения от грабежей торговых путей как в британской, так и в нейтральной зонах, на что английскому правительству в таком случае, может быть, придется испросить наше согласие.

Я ответил, что предоставляю себе высказаться по этому поводу, когда этот вопрос будет поставлен на очередь в определенной форме. Относительно же нейтральной зоны я сказал, что рано или поздно мы, вероятно, окажемся вынуждены заняться пересмотром нашего взаимного к ней отношения в смысле сведения ее на-нет, так как при нынешнем положении доступ в нее открыт всем и она не защищена от посягательств третьих сторон. Конечно, для всякой такой сделки нам необходимо будет озаботиться получением признания ее Персией, ибо без него она не имела бы практического значения.

Грей выразил и на это свое принципиальное согласие. При этом он подал мысль о возможности раз навсегда исключить нежелательные нам обоим посягательства Германии на нейтральную зону путем получения от персидского правительства опциона на постройку железнодорожной линии Россией для участка Тегеран — Исфаган, и совместно Россией и Англией для участка Исфаган — Мохаммера. Само собой разумеется, что получение преимущественного права на постройку этих линий не обязывало бы ни то, ни другое государство непременно осуществить это предприятие, но имело бы в виду лишь устранение Германии из нейтральной зоны, где после подобной сделки не оставалось бы никакой сколько-нибудь заманчивой для немцев концессии. Я ответил, что если бы получение от Персии такого опциона оказалось возможным, в чем я не совсем уверен, то я готов был бы преподать нашему посланнику в Тегеране указания добиваться его всеми имеющимися в его распоряжении средствами.

Из менее важных вопросов, касающихся Персии, нами была затронута дорожная концессия Линча, причем Грей по моему настоянию согласился телеграфировать великобританскому представителю в Тегеране не поддерживать ходатайства Линча установить на дороге Тегеран — Мохаммера автомобильное движение.

В связи с персидскими делами я говорил и об Афганистане не только с Греем, но и со статс-секретарем по делам Индии, лордом Крю, в замке которого я счел полезным остановиться несколько часов по дороге из Бальмораля в Лондон, с целью объясниться с ним по вопросам, касающимся Средней Азии. Я обратил внимание обоих министров на неблагоприятное положение, создавшееся на нашей границе с Афганистаном благодаря отказу эмира допустить выговоренные англо-русским соглашением 1907 г. непосред-

ственные сношения между русскими и афганскими пограничными властями. Я указал на вытекающие отсюда неудобства для местного населения, состоящего в русском подданстве, а также на вред для сельского хозяйства вследствие невозможности при таких условиях сколько-нибудь успешно поставить вопрос орошения, имеющий в этих местностях первостепенное значение, а также борьбы с бичом наших среднеазиатских владений — саранчей; наконец, я отметил опасность, одинаково серьезную для Англии, как и для России, и вытекающую из того, что почти недоступный Афганистан является одним из очагов панисламической пропаганды.

Английские министры оба отвечали мне, что они вполне сознают справедливость наших жалоб, и обещали приложить старания, чтобы путем сношений с эмиром достигнуть улучшения положения, но при этом они не скрыли от меня, что, несмотря на выплачиваемые ему ежегодно деньги, эмир Хабибула плохо слушается голоса Англии, которой приходится мириться с этим, чтобы только не обострять положения ввиду невозможности принятия ею против Афганистана понудительных мер.

Я указал Грею на значение состоявшегося между пароходной компанией Линча и Обществом Багдадской ж. д. соглашения, которое несомненно будет способствовать ускорению постройки названной дороги. Сэр Эдуард Грей признался мне, что он с досадой осведомился об этом соглашении, вполне понимая его вредность с точки зрения английских интересов, но, по его словам, великобританское правительство, к сожалению, лишено возможности помешать осуществлению придуманной г. Гвиннером комбинации.

Относительно Тибета Грей дал мне заверение, что Англия не имеет никаких видов на эту страну и не стремится к изменению существующих между нами договоров касательно ее. Но, сославшись на сообщенную нам в свое время ноту [1], с которой он обратился минувшим летом к Китаю, Грей подтвердил мне, что Англия не считает возможным допустить проникновение в Тибет значительных китайских вооруженных сил, а потому, если бы Китай попытался, несмотря на сделанное ему предостережение, все же послать свои войска в Тибет, Англии пришлось бы отправить военную экспедицию в долину Чумби, чтобы помешать этому. Лондонский кабинет не примет, однако, подобного решения, предварительно не предупредив нас о нем.

По этому поводу Грей упомянул о нашей деятельности в Монголии и постарался провести параллель между ней и положением Англии в Тибете. Я отказался признать сходство между этими двумя вопросами, указав на то, что относительно Тибета Англия связана по отношению к нам известными соглашениями, тогда как мы не имеем никаких подобных обязательств по отношению к Англии касательно Монголии, где к тому же у англичан нет ни политических, ни даже экономических интересов.

Сэр Эдуард Грей, повидимому, проникся этими доводами и не возражал против них. Я же, со своей стороны, счел полезным, для поддержания установившихся между нами и Англией дружественных отношений, доверительно ознакомить его в самых общих чертах и лишь для личного осведомления о характере возложенного на д. с. с. Коростовца поручения.

Грей, а также сэр Артур Никольсон, которого я видел при проезде через Лондон, оба повторили мне уже сказанное ими нашему поверенному в делах, а именно, что заключение Китаем займа у Ллойд-Банка крайне неодобрительно встречено великобританским правительством, которое не преминуло открыто заявить как в Пекине, так и в самой Англии о своем отрицательном отношении к этой сделке [2]. Большего правительство, к сожалению, сделать не могло, не располагая, как французское правительство, какими-либо средствами воздействия на английских финансистов.

---

[1] См. № 567.
[2] См. № 664.

Вместе с тем сэр Эдуард Грей высказал мнение, что ввиду опасности заключения Китаем займов помимо Шестерного консорциума, если последний будет настаивать на поставленных им условиях контроля, желательно некоторое смягчение этих условий, которые, по его убеждению, являются чересчур стеснительными.

Из тех объяснений, которые я впоследствии имел по тому же предмету в Париже с Пуанкаре и с представителями французских банков, я мог убедиться, что французы, наоборот, дорожа сохранением Шестерного консорциума, вместе с тем настаивают на установлении строгого контроля и не склонны отступить от поставленных в этом отношении Китаю условий.

Положение дел на Балканском полуострове, бывшее уже с некоторых пор весьма неудовлетворительным, еще более обострилось во время моего пребывания за границей, и, сообразно с этим, связанные с ним вопросы выступили на первый план и заняли главное место в моих переговорах с государственными людьми как в Англии, так затем во Франции и в Германии.

Всем было ясно, что события на Балканах — если только им дать возможность свободно разрастись, — грозят таким оборотом, который неминуемо вовлечет и великие державы в крайне опасные осложнения. Одинаково ясно было и то, что предотвратить надвигающуюся опасность можно только при условии дружного и быстрого воздействия со стороны всех великих держав.

В этом отношении мой приезд в главные европейские столицы в столь серьезную минуту оказался весьма своевременным, ибо личный обмен мнений с руководителями внешней политики Англии, Франции и Германии облегчил и ускорил переговоры, направленные к объединению всех держав и согласованию их действий.

В бытность мою еще в Бальморале последовало известное вашему императорскому величеству первое предложение г. Пуанкаре [1], заключавшее в себе четыре пункта, к принятию которых, по мысли автора проекта, Россия, Франция и Англия должны были привлечь Австрию и Германию. Третий из означенных пунктов, упоминавший о возможности понудительных действий против Турции, не встретил сочувствия С.-Джемского кабинета, опасавшегося даже намека на подобную возможность [2].

Тем временем нашему послу в Париже удалось, по моему поручению, разъяснить г. Пуанкаре, что ключ положения — в Вене, так как, если Австрия не примкнет к остальным державам с целью мирного улажения смуты, а предпримет какие-либо единоличные действия, то все выступления других держав будут обречены на неуспех, и мы сами можем быть вынуждены отступить от политики невмешательства, которой мы искренне желали бы придерживаться. Ввиду этого французское правительство выступило с новым предложением, чтобы державы поручили России и Австрии, как наиболее заинтересованным в спокойствии на Балканах, сделать от их имени в балканских столицах заявления, долженствовавшие остановить открытие военных действий [3]. Это предложение, как известно, было принято всеми с той лишь поправкой, внесенной по желанию Англии, что в Константинополе соответствующее заявление должно быть сделано представителями всех пяти великих держав совместно.

Со своей стороны, еще до получения ответа из Вены, я воспользовался свиданием с австрийским послом при моем обратном проезде через Лондон, чтобы просить его обратить внимание своего правительства на значение, которое мы придаем сотрудничеству Австрии с другими державами в настоящую тревожную минуту. При этом я дал понять графу Менсдорфу, что

---

[1] См. № 733.
[2] См. № 771.
[3] См. № 814.

невмешательство России в балканскую смуту обусловлено таким же отношением к последней со стороны Австро-Венгрии.

Что же касается предложения Пуанкаре о совместных выступлениях России и Австрии от имени остальных держав, то я счел возможным отнестись к нему сочувственно, так как, связывая до известной степени свободу действий Австрии, оно вместе с тем дает повод к более оживленному обмену мнений между нами и венским кабинетом без того, чтобы почин к этому исходил от нас.

За трехдневное мое пребывание в Париже балканские дела продолжали служить главной заботой европейских кабинетов и заняли большую часть моих переговоров с Пуанкаре.

После совещания со мной французский министр иностранных дел выработал формулу заявления в балканских столицах и приложил старания, чтобы возможно скорее получить на нее согласие всех держав [1].

Принимая в Лондоне, Париже и Берлине представителей Порты и балканских государств, я неустанно давал им настойчивые советы благоразумия. В Париже Пуанкаре и я раз даже совместно приняли болгарского, сербского и греческого посланников, чтобы придать нашим увещаниям больше силы.

Оттоманскому послу в Лондоне Тевфик-паше я указывал на желательность для Порты скорее заключить мир с Италией ввиду имеющейся надежды, что это несколько охладит пыл остальных противников Турции и может предотвратить открытие ими военных действий. Действительно, влияние итало-турецкой войны в смысле поощрения балканских народов к разрешению наболевших споров вооруженной силой стало теперь для всех несомненным, и мне пришлось выслушивать сожаления, что державы в свое время недостаточно внимательно отнеслись к приглашению России общими усилиями положить конец войне из-за Триполитании прежде чем разгорится пожар на Балканах.

Вызванные изложенными обстоятельствами последовательные переговоры мои в Англии, Париже и Берлине позволили мне составить себе, на основании личных впечатлений, довольно яркое представление о различном отношении трех великих держав к балканским вопросам.

Все действия Англии ныне подчинены одной главной заботе: не навлекать на себя неудовольствия мусульманского мира, ввиду необходимости для обеспечения своего владычества в Индии опираться там на магометанскую часть населения. Отсюда ее кажущееся равнодушие к судьбе подвластных Турции христиан, противоречащее прежнему ее отношению к последним; отсюда ее нерешительная политика в Персии и в Средней Азии.

Помимо сего Англией руководит желание ничем не ослаблять нынешнего оттоманского правительства, в котором видную роль играет ее сторонник Киамиль-паша, из опасения, как бы не вернулись к власти младотурки с Ферид-пашой, считающимся приверженцем Германии.

Эти соображения объясняют, почему, при всем желании содействовать вместе с другими державами успокоению на Балканах, Англия тем не менее часто тормозила общее дело, колеблясь согласиться на ту или иную меру из опасения перед впечатлением, которое таковая произведет в Константинополе.

Принимая во внимание вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что нельзя было бы рассчитывать на содействие Англии, если бы дальнейшее обострение событий потребовало какого-нибудь энергичного давления на Турцию.

Во Франции осложнения на Балканах вызывают двоякого рода опасения, которыми и определяется отношение нашей союзницы к настоящим событиям.

---

[1] См. № 894.

Во-первых, ей внушает беспокойство мысль, что балканские события могут так или иначе вызвать вмешательство наиболее заинтересованных в них держав, т. е. России и Австрии, а это, в свою очередь, может втянуть в войну и Францию. Именно такое опасение побудило г. Пуанкаре доверительно и вполне дружески напомнить нам минувшим летом, что поводом к осуществлению обязательств по отношению к нам Франции может, по букве союзного договора, служить только нападение на нас Германии [1].

Во-вторых, поместив в разные предприятия на Балканском полуострове значительные капиталы, французы не могут смотреть равнодушно на разгорающуюся там смуту, от которой они терпят материальные убытки.

Вот почему французское правительство с таким напряжением стремится к мирному разрешению возникших столкновений и взяло на себя почин целого ряда предложений, направленных к этой цели.

Что касается Германии, то, как мне удалось выяснить в Берлине, сама по себе война между балканскими государствами мало ее волнует, но она, по примеру Франции, боится быть втянутой в европейскую войну в силу своих союзнических обязательств, а потому готова сделать все возможное для локализации балканской войны, если последнюю нельзя уже предотвратить. С этой точки зрения, предложение Пуанкаре поручить России и Австрии быть глашатаями воли Европы в Софии, Белграде, Цетинье и Афинах встречено весьма сочувственно в Берлине, тем более что там, повидимому, теперь сомневаются в склонности венского кабинета прислушиваться к советам северной союзницы, а потому предпочитают не подвергать испытанию своего влияния в Вене из опасения не найти там прежнего покорного отклика.

Такое положение вещей, мне кажется, до известной степени объясняется тем, что Австрия не прочь подчеркивать свою независимость от Германии, пользуясь необходимостью для последней цепко держаться своего союза с ней из страха остаться совершенно изолированной среди других великих держав.

Во всяком случае, в Берлине мне неоднократно повторяли, что там заранее готовы одобрить все меры, по которым последовало бы соглашение между Россией и Австрией.

Те же оттенки, которые существуют в отношении трех указанных держав к общему положению на Балканах, заметны и во взглядах их на отдельные вопросы, связанные с Ближним Востоком.

Так, прежде всего, относительно Крита: в то время как Англия, заботясь главным образом о защите верховных прав султана, предлагает занять остров сильным (6 000) отрядом войск держав-покровительниц, Франция, как и мы, не желала бы прибегать к столь крутым мерам и предпочла бы изыскать способ вновь водворить на Крите верховного комиссара.

В вопросе о будущей судьбе занятых Италией островов Эгейского моря Англия и Франция сходятся в том, что обе не допускают возможности сохранения этих островов в руках Италии, так как подобный исход грозил бы нарушением политического равновесия в восточной части Средиземного моря. Но при этом Франция готова обсудить способы решения этого вопроса в смысле дарования упомянутым островам особого управления наподобие установленного для Самоса; Англия же, хотя и сознает невозможность предоставления христианского населения островов на произвол турок, однако, желая щадить самолюбие последних, не торопится приступить к рассмотрению этого вопроса.

Несмотря на краткость моего пребывания в Париже, во время которого, к тому же, главное внимание было обращено на Ближний Восток, мне все-таки удалось выяснить, путем переговоров как с государственными людьми,

---

[1] См. № 489.

так и с финансовыми деятелями, несколько довольно существенных для нас подробностей по разным вопросам, из коих некоторые, затронутые мной и в Англии, уже отмечены в настоящем всеподданнейшем докладе.

Из дел, ближе касающихся нас и Франции, предметом означенных переговоров послужили, прежде всего, Анатолийские железные дороги, в продолжение и развитие того, что было сказано по этому поводу минувшим летом [1]. Удостоверившись из слов одного из главных предпринимателей, графа Витали, что ветка от магистрали к северу до Трапезунда, по всей вероятности, будет осуществлена еще весьма не скоро, ввиду технических трудностей ее сооружения и сомнительной ее доходности, я счел возможным обещать Пуанкаре взять на себя защиту в совете министров предложения примирить разногласие между нами и французами в том смысле, чтобы конечным пунктом предполагающейся дороги был намечен Пекеридж, как на то намекал, со своей стороны, и бывший министр иностранных дел Ассим-бей.

Относительно Багдадской ж. д. я узнал, что директор «Deutsche Bank» г. Гвиннер предлагал французским банкам вернуть ему остающиеся по сие время в их портфелях паи третьего выпуска с тем, чтобы эти банки обязались реализировать целиком четвертый и пятый выпуски [2], но французское правительство оказало воздействие на банки и заставило их отказаться от этого предложения, клонившегося к тому, чтобы со временем добиться котировки багдадских акций на парижской бирже.

На письме нашего посла в Мадриде [3], в котором барон Будберг передает содержание своего разговора с королем Альфонсом XIII, высказавшим пожелание, чтобы Испания примкнула к державам Тройственного согласия, вашему императорскому величеству благоугодно было начертать: «К этому следует отнестись серьезно». Во исполнение сих высочайших указаний я воспользовался свиданием с г. Пуанкаре, чтобы доверительно поставить его в известность об упомянутом шаге короля и осведомиться о взглядах французского правительства на этот предмет.

Пуанкаре сказал мне, что поднятый ныне испанским королем вопрос не новый и что впервые о нем зашла речь еще в 1909 г., после чего король вновь вернулся к нему в последний свой приезд в Париж. Эти поступы принимались с французской стороны к сведению, но до сих пор не вызвали определенного ответа. Теперь, после сосредоточения своих морских сил в Средиземном море, Франция должна подумать об обеспечении себе тыла и свободы сообщений со своим атлантическим побережьем, а потому мысль о заключении союза с Испанией вполне отвечает французским интересам, тем более что при таком условии, в случае войны с Германией, не представлялось бы необходимым оставлять лишние войска для охраны пиренейской границы. Тем не менее парижский кабинет считает предпочтительным пока еще отложить сношения по означенному вопросу до завершения нынешних переговоров с Испанией относительно Марокко.

Со своей стороны я заметил Пуанкаре, что, вполне сочувствуя соглашению Франции с Испанией и через это сближению последней с державами Тройственного согласия, я вместе с тем нахожу совершенно достаточным, если формально Испания свяжет себя союзом с одной только Францией во избежание возбуждения подозрительности Германии и постоянного ее страха перед коалициями, будто бы направленными против нее.

Заканчивая свой всеподданнейший отчет о моем пребывании во Франции, я должен упомянуть о радушном приеме, оказанном мне в Рамбулье

---

[1] См. № 264.
[2] Ср. № 789.
[3] См. № 617.

президентом Республики, г. Фальером, который просил меня засвидетельствовать перед вашим императорским величеством его чувства глубочайшего уважения и искренней преданности.

В Берлине, где я остановился на один день, мои свидания с имперским канцлером и со статс-секретарем по иностранным делам были почти всецело посвящены обсуждению балканского кризиса, причем взгляды германского правительства на этот вопрос уже изложены мной выше. В дополнение к сказанному о почерпнутых мной в Берлине впечатлениях приемлю в долг всеподданнейше доложить, что г. фон Бетман-Гольвег и г. фон Кидерлен-Вехтер оба с сожалением упомянули мне о впечатлении, произведенном в Германии недавним посещением его императорским высочеством великим князем Николаем Николаевичем пограничных французских крепостей [1], а также предпринятой на предыдущей неделе частичной мобилизацией в Варшавском военном округе [2].

Разъяснив им вполне мирный характер последней, я в свою очередь указал на неблагоприятное впечатление, которое произвело в России создание нового немецкого корпуса в Алленштейне близ нашей границы [3].

Взаимные сетования эти были, впрочем, облечены в вполне дружественную форму, и я считаю себя вправе высказать убеждение, что, несмотря на постоянно повторяющиеся подобные случаи обоюдного неудовольствия, наши отношения с Германией продолжают сохранять по существу тот оттенок искреннего расположения, который вашему императорскому величеству благоугодно было закрепить личным свиданием с императором Вильгельмом в июле с. г. [4]

Сазонов.

№ 1035. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 2181. 15/2 октября 1912 г.

Согласно полученным здешним великобританским посольством сведениям, французская группа Société d'Études решила, будто бы, не посылать в Тегеран своих представителей для совместных с делегатами русской и английской групп переговоров с шахским правительством о железной дороге и о займе. Это совершенно расходилось бы с тем, что было сказано мне французами. Благоволите проверить и, в случае подтверждения английских сведений, настаивать на посылке в Тегеран французских представителей.

О последующем прошу телеграфировать [5].

Сазонов.

№ 1036. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Телеграмма № 2183 [6]. 15/2 октября 1912 г.

Сообщается в Константинополь и Афины.

Греческое правительство настойчиво просит о принятии нами на себя защиты греческих интересов в Турции в случае войны. Так как наши учреждения в Турции будут обременены делами славянских стран, и, с другой

---

[1] См. № 788.
[2] См. № 860.
[3] См. № 65.
[4] См. № 277.
[5] В ответной тел. от 17/4 окт. за № 258 Извольский сообщил, что франц. группа «отнюдь не отказывается» послать в Тегеран своих представителей и ожидает лишь согласия франц. прав-ва на назначение франц. делегатом б. фин. советника в Персии Бизо. «Ныне это согласие получено», — добавлял Извольский.
[6] Царск. экз.

стороны, мы не можем фактически защищать греческие интересы на всем пространстве Турции, за отсутствием собственных агентов во многих частях последней, мы высказали мысль о выполнении означенной задачи, как в 1897 г., совместно с другой державой, например, Францией, по соглашению двух посольств в Константинополе. Считаю такую постановку вопроса желательной и потому, чтобы Россия не выставлялась как объединяющая и поощряющая противников Турции держава; надеемся, что французское правительство в случае обращения к нему Греции не встретит препятствий к принятию такового предложения [1].

[Сазонов.]

№ 1037. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 249 [2]. 15/2 октября 1912 г.

Сообщается Бенкендорфу.

Ввиду начала военных действий [3] и состоявшегося предварительного соглашения Франции с с.-петербургским и лондонским кабинетами, Пуанкаре телеграфировал сегодня циркулярно французским представителям в С.-Петербурге, Лондоне, Берлине и Вене, поручая им теперь же подготовить медиацию держав между Портой и балканскими государствами, каковая медиация должна состояться тотчас после того, как первые вооруженные столкновения охладят пыл противников и начнется истощение их сил. С этой целью сказанным представителям предписано предложить правительствам, при коих они аккредитованы, формулу, передаваемую вам в телеграмме № 2 [4]. Я обратил внимание Пуанкаре на некоторую неясность 3-го пункта этой формулы, как будто противоречащего вашим оговоркам. Мне кажется, однако, что редакция этого пункта не исключает вашего толкования, в особенности если не встречается препятствий ввести в него небольшое изменение, например, в смысле предлагаемой Греем прибавки слов: «en temps opportun» [5].

Извольский.

№ 1038. Посол в Париже министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 250 [6]. 15/2 октября 1912 г.

Copie Londres.

Texte: «1) Les Puissances se concerteront immédiatement à l'effet d'interposer en temps opportun leur médiation près la Sublime Porte et les États balkaniques. 2) Si la médiation réussit, une conférence internationale se réunira, dans le plus bref délai, pour l'étude et l'application des réformes à introduire dans la Turquie d'Europe. 3) Si la médiation échoue, la confé-

---

[1] В ответной тел. от 16/3 окт. за № 252 Извольский сообщил Сазонову, что франц. прав-во «охотно соглашается принять на себя совместно с нами и по соглашению двух послов в Константинополе защиту греческих интересов в Турции в случае войны». Далее Извольский передал заявление Пуанкаре, что «если бы мы пожелали разделить с Францией там защиту интересов славянских государств, он вполне готов пойти на подобную комбинацию, которая могла бы, по его мнению, оказаться особенно полезной в случае беспорядков или избиения христиан в пределах Турции».

Тел. от 19/6 окт. за № 2237 Нератов сообщал М. Гирсу: «Ввиду согласия Франции совместно с нами оказывать покровительство греческим интересам, благоволите сговориться об этом с вашим французским коллегой».

[2] Опубл. Ор. кн., стр. 21, с сокращениями и стилистическими изменениями, и М., стр. 284.

[3] См. №№ 1016 и 1025.

[4] См. № 1038.

[5] «в подходящий момент» (ср. № 1022).

[6] Опубл. М., стр. 285.

rence se réunira de même pour prendre, à la fin des hostilités, les mesures que commanderont le souci de la paix générale et l'intérêt de l'Europe. 4) Les Puissances s'accordent d'ailleurs à ne rien entreprendre qui soit contraire à la souveraineté de Sa Majesté le Sultan et à l'intégrité de l'Empire ottoman».

Iswolsky.

Перевод.

Копия Лондон.

Текст: «1) Державы немедленно войдут в переговоры относительно выступления в благоприятный момент с посредничеством между Высокой Портой и балканскими государствами. 2) Если посредничество увенчается успехом, международная конференция соберется в кратчайший срок для выработки и осуществления реформ, подлежащих введению в Европейской Турции. 3) Если посредничество потерпит неудачу, конференция все же соберется, для того чтобы принять по окончании военных действий меры, которые будут продиктованы заботой о всеобщем мире и интересами Европы. 4) Державы согласны, впрочем, не предпринимать ничего, что противоречило бы суверенитету его величества султана и целостности Оттоманской империи».

Извольский.

№ 1039. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 144 [1]. 15/2 октября 1912 г.

Le Cabinet de Berlin, après avoir pris l'opinion de celui de Vienne, a donné réponse suivante à proposition Poincaré concernant conférence et médiation [2]: le Gouvernement d'Allemagne envisage avec sympathie l'initiative prise par la France en vue de maintenir le contact entre les Puissances, mais le moment ne lui paraît pas encore venu de donner suite à la proposition française. Dans le cas où une proposition de conférence était reprise plus tard par la France, elle serait examinée à Berlin avec intérêt. Kiderlen a ajouté toutefois qu'à son point de vue il serait utile qu'antérieurement et le plus tôt possible les Cabinets échangent leurs vues sur les résolutions que le concert européen, qui doit être maintenu, aurait à faire prévaloir à la fin du conflit. Il y aurait lieu de supposer que le Gouvernement d'Allemagne n'accéderait que difficilement à l'idée d'une conférence.

Sverbéew.

Перевод.

Берлинский кабинет, предварительно запросив мнение венского кабинета, дал следующий ответ на предложение Пуанкаре по вопросу о конференции и посредничестве: Германское правительство сочувственно относится к инициативе, проявленной Францией с целью поддержать контакт между державами, но оно полагает, что еще не наступил момент для осуществления французского предложения. В том случае, если позднее Франция возобновит свое предложение о созыве конференции, оно будет рассмотрено в Берлине с интересом. Кидерлен добавил, однако, что с его точки зрения было бы полезно, чтобы кабинеты, предварительно и как можно скорее, обменялись между собой мнениями по вопросу о тех решениях, которых предполагает добиться по окончании конфликта европейский концерт, сохранение коего необходимо. Есть основание предполагать, что германское правительство не очень склонно присоединиться к идее о конференции.

Свербеев.

№ 1040. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 92. 15/2 октября 1912 г.

Только что видел графа Берхтольда. Он объявил мне, что как Австро-Венгрия, так и Германия находят созыв международной конференции, предложенной Францией, несвоевременным и обреченным на неудачу.

[1] Опубл. Кр. Арх., т. XVI, стр. 6.

[2] См. № 1008.

Тем не менее оба государства желают сохранить соприкосновение с остальными великими державами. Что же касается затронутых в вашей телеграмме № 2193 результатов совместного нашего шага с Австро-Венгрией в балканских государствах [1], то Берхтольд сказал мне, что он в Париж не обращался. Он считает ответы балканских государств и Турции не дающими повода к посредничеству или к дальнейшему срочному обсуждению.

Гирс.

№ 1041. Посланник в Софии министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 167. 15/2 октября 1912 г.

Турецкий поверенный в делах телеграммой, полученной сегодня в 6 ч. вечера, отозван со всем составом миссии. Защита турецких подданных поручается германскому посланнику. Поверенный в делах только что был у меня, чтобы проститься, и показал мне отзывающую его телеграмму; в ней сказано, что болгарская нота не заслуживает никакого ответа, и предписано поверенному в делах прекратить всякие сношения с болгарским правительством и выехать со всей миссией. Отъезд последует, вероятно, завтра.

Неклюдов.

№ 1042. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 224. 15/2 октября 1912 г.

Из секретных источников узнаю, что английский, австрийский и германский представители в Афинах настроены оптимистически и верят еще в возможность мирного исхода. В таковом же духе и некоторые из моих коллег посылают телеграммы своим правительствам, вводя их в заблуждение. По моему глубокому, уже высказанному убеждению, война неизбежна, и, по всем вероятиям, объявлена будет к концу недели, если не послезавтра в час. Болгария проявляет большое нетерпение, ввиду чего сербы, не закончив концентрации, вынуждены будут приступить к военным действиям раньше первоначально предположенного срока.

Гартвиг.

№ 1043. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 840. 15/2 октября 1912 г.

Совет министров принял сегодня решение отозвать своих дипломатических представителей в Болгарии, Сербии и Греции, оставив, однако, консульских агентов в этих государствах. Последнее сведение касательно консулов еще не проверено.

Гирс.

№ 1044. Уполномоченный по ведению переговоров с монгольским правительством министру иностранных дел.

·/. Депеша № 4. Урга, 15/2 октября 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вопреки ожиданиям, монгольские уполномоченные не ограничились небольшими изменениями нашего соглашения, но представили мне свой совершенно переделанный контрпроект договора. Как ваше высокопре-

[1] В оригинале ошибка. Тел. Сазонова за № 2193 датирована 16/3 окт. (см. № 1050). Повидимому, имеется в виду тел. Сазонова от 12 окт./29 сент. за № 2133 (см. № 989).

восходительство изволите усмотреть из прилагаемых монгольских проектов [1], вводная часть нашего договора изменена коренным образом и представляет из себя как бы историческое объяснение провозглашения независимости монгольского государства, каковую независимость первой признала Россия, обязавшаяся не допускать на территорию монгольского государства китайских войск. В монгольском проекте выпущены постановления касательно гарантии Россией управления национальными властями и князьями и недопущения китайской колонизации, так как, по мнению министров, это относится к внутренним делам Монголии и не требует нашей гарантии. Из дальнейших объяснений я понял, что здесь вовсе не желают продолжения обособленности и значения князей и местных властей, кои поставлены были Китаем и которых заменило нами же признанное ургинское правительство. Предлагаемая же нами гарантия закрепляет автономию князей в ущерб власти названного правительства. Против колонизации китайцев монголы намерены принять собственные меры, коль скоро им обеспечат известную самостоятельность.

Статья 1-я монгольского проекта говорит об избрании государем монгольского народа Чжебцзун Дамбы Ламы и перечисляет области, вошедшие в состав монгольского государства, повторяя затем о неподчинении Монголии Китаю, о признании Россией нового порядка и об оказании ею помощи. В статьях 2-й и 3-й говорится о взаимной дружбе и охранении границ. В статье 4-й предусматривается назначение русского посланника в Ургу и консулов в другие пункты Монголии. Статья 5-я трактует о паспортах для путешественников русских в Монголии и монгольских в России. Наконец, в статье 7-й монгольское правительство обязуется не заключать с другими государствами соглашений, кои нарушали бы постановления договора с Россией.

Хотя протокол подвергся сравнительно меньшим изменениям, но и в него монголы внесли несколько невыгодных нам постановлений. Повсюду в протоколе слово «Халха» заменено словами «Монгольское государство». В статье 2-й предусматривается возможность злоупотребления иностранцами предоставленной русским привилегии беспошлинной торговли. Статья 3-я дополнена постановлением о запрещении русским оказывать кредит монголам. В статье 6-й право русских на приобретение земель в собственность заменено разрешением брать земли только в аренду. Во время устных переговоров монголы согласились предоставить нам право собственности, но затем, повидимому, передумали, заявив, что право земельной собственности в Монголии не существует. В статье 7-й постановление о праве вступать в соглашение с властями Халхи заменено правом соглашения с монгольскими министерствами. Эта поправка также внушена стремлением ургинского правительства умалить власть князей и хошунов и сосредоточить ее в своих руках. Статья 9-я изменяется в том смысле, что консулам предоставляется управление русскими подданными, живущими в факториях, но не последними. Это изменение вызвано также опасением вмешательства во внутренние дела. В статье 12-й время безвозмездной пастьбы русскими подданными скота ограничено полугодом, так как монголы опасаются, что неопределенность в этом вопросе может повести к недоразумениям. В статье касательно пользования нашими официальными лицами монгольской почтой (добавлена мной как имеющая для нас существенное значение) монголы ограничили число предоставляемых нам лошадей и верблюдов, указав на чрезмерную почтовую гоньбу, особенно наших казаков, каковая повинность ложится тяжелым бременем на население.

При ближайшем рассмотрении монгольской редакции проектов замечается прежде всего стремление составителей провести мысль о монголь-

[1] Приложения не воспроизводятся.

ском государстве, не зависящем ни от кого и управляемом самодержавным светским правителем. Вместе с тем красной нитью через все соглашение проходит желание умалить значение отдельных княжеств и показать, что власть ныне сосредоточена в руках центрального монгольского правительства. Эта тенденция к централизации для нас, скорее, выгодна, ибо нам придется в таком случае иметь дело с одним ответственным за княжества правительством, между тем как существовавшая доселе система, при которой русским подданным было иногда очень трудно получить удовлетворение или восстановить нарушенное право вследствие бессилия Урги, представляла большие неудобства. В некоторых постановлениях монгольских проектов проглядывают, кроме того, подозрительность и недоверие к нашим намерениям и стремление всячески оградить себя от русского вмешательства. Стремление это принимает иногда даже наивную форму, как, например, в пожелании иметь посланника с торговыми функциями. Сочиняя свои проекты, монгольские уполномоченные пользовались, как говорят, учебниками международного права, сборниками договоров и прибегали к познаниям и опытности некоторых из своих, побывавших за границей. Я сильно подозреваю, что в составлении монгольских проектов участвовали китайцы, а может быть и иностранцы: здесь есть два норвежца или финляндца, состоящие корреспондентами американского военного агента в Пекине. Многие чрезмерные и отчасти бессмысленные претензии монголов объясняются их полным невежеством, незнакомством с историей и с современными политическими обстоятельствами. Наиболее неприемлемые из предъявленных нам требований внушены, повидимому, известным Да-Ламой, который с самого начала занял неприязненное и непримиримое положение и старается помешать переговорам, а если можно — привести к разрыву. Это здесь наш самый большой враг, агитирующий за соглашение с Китаем и против сближения с Россией, обвиняя нас в честолюбивых замыслах и в стремлении поработить Монголию. Антирусские тенденции Да-Ламы рельефно обнаружились во время недавнего совещания, созванного мной в консульстве для обсуждения монгольских возражений. На совещании этом присутствовали, кроме Да-Ламы, все министры, а также Цэцэн-хан, не участвовавший в предыдущих переговорах. Я начал с заявления, что не могу рассматривать монгольские контрпроекты, ибо они коренным образом изменяют значение и смысл наших предложений, прибавив, что не уполномочен на такого рода переговоры. Отвечать, как всегда, взялся Да-Лама, спросивший, что именно мне не нравится из сделанных поправок. Я повторил, что соглашение наше тщательно обдумано и обсуждено советом министров, что в него включено все, что императорское правительство может дать монголам, не нарушая международных отношений и не вредя собственным интересам, и что оно не подлежит поэтому произвольным и бесцельным изменениям. Тогда Да-Лама стал повторять прежние свои рассуждения о посещении монгольской депутацией Петербурга [1], когда ей были, будто бы, даны самые формальные заверения признать автономию всей Монголии, не отделяя Внешней от Внутренней; Монголия, продолжал он, самостоятельное государство и хочет заключить договор на началах взаимного равноправия, отвечающих этой независимости, а не принимать готовый договор, хотя бы и утвержденный в Петербурге. Во время дальнейших прений я советовал министрам не увлекаться идеей цельной, объединенной Монголии, а воспользоваться нашей помощью для обеспечения автономии Халхи. Когда последняя сплотится и выработает известную государственность, тогда будет время подумать о привлечении остальных монгольских земель. Подобные освободительные и объединительные движения, прибавил я, никогда не совершались сразу, как того хотят

[1] См. т. XVIII, № 329.

монголы, а медленным историческим путем, с большими усилиями и жертвами. Русское правительство, действительно, заявило, что признает автономию Внешней Монголии, и готово ее поддерживать, но оно никогда не собиралось признать Монголию независимым государством, и такое расширение наших намерений совершенно неуместно. Да-Лама объяснил, что предлагаемые нами условия не удовлетворяют ургинское правительство, которое добивается независимости для всех монголов, и что оно предпочитает видеть подчиненную Китаю, но объединенную Монголию выделению одной Халхи.

Я не буду передавать содержания моих возражений на дальнейшие рассуждения Да-Ламы, утратившего всякую меру в своем отстаивании монгольских притязаний и прибегавшего, например, к таким аргументам, как недавний успех при Кобдо. Видя, что разглагольствования этого нахального и зазнавшегося монгола имеют лишь целью вывести меня из терпения, я вышел из комнаты. Во время дальнейшего обсуждения, продолжавшегося в моем отсутствии, выяснилось, что монгольские уполномоченные готовы ограничить некоторые свои требования, но продолжают настаивать на включении в соглашение упоминания о Внутренней Монголии или, по крайней мере, на замене «Внешней Монголии» словом «Монголия». Вслед за этим совещанием я позволил себе вновь обратиться к вашему высокопревосходительству с телеграфным запросом от [14] 1 октября с. г. за № 1730 [1], предлагая компромисс касательно термина «Монголия» и нового титула хутухты.

По последним сведениям, князья вновь обсуждали создавшееся положение. На этот раз между ними ясно обнаружилась тенденция сближения с Китаем, сторонниками коего выступили между прочим Да-Лама, бывший Шанцзотба и Бинтуван. Князь Сайн-Ноин не высказывается пока определенно, хотя и он, как известно, находится в сношениях с китайским уполномоченным Наянту.

Ввиду вредного для нас влияния Да-Ламы, ведущего против нас самую беззастенчивую агитацию, буду стараться об его устранении от переговоров. Единственным верным нашим сторонником продолжает оставаться Хан-да-цин-ван, и его помощью, вероятно, придется воспользоваться для воздействия на хутухту.

Примите и пр. Коростовец.

№ 1045. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

16/3 октября 1912 г.

L'Ambassadeur de Turquie à Londres a entretenu Sir E. Grey de la grande sollicitude du Gouvernement ottoman au sujet de la sécurité des Musulmans en Crète.

Dans les circonstances actuelles cette appréhension ne saurait être considérée comme mal fondée. Sir E. Grey est par conséquent d'avis que la meilleure solution de cette question serait pour les Musulmans en cas de danger de se réunir à un port quelconque où les vaisseaux de guerre des Puissances Protectrices pourraient se rendre, débarquant des marins et employant la force dans le cas où il serait nécessaire afin d'assurer la vie et les biens des Musulmans, en se bornant toutefois aux mesures visant ce but.

Dans ce cas la question de la patrouille des côtes et d'autres considérations analogues devraient être subordonnées, en cas de nécessité, aux mesures d'urgence dans le but d'empêcher un massacre des Musulmans.

---

[1] См. № 1032.

En portant ce qui précède à la connaissance du Ministre impérial des Affaires étrangères, l'Ambassadeur d'Angleterre saura gré à Son Excellence de bien vouloir lui faire savoir le point de vue du Gouvernement impérial autant à cet égard qu'au sujet des instructions aux représentants à la Canée dont il s'agissait dans l'aide-mémoire en date d'hier [1].

Перевод.

Турецкий посол в Лондоне говорил с сэром Э. Греем о том, что оттоманское правительство крайне озабочено вопросом о безопасности мусульман на Крите.

При настоящих обстоятельствах эти опасения нельзя считать необоснованными. Поэтому сэр Э. Грей полагает, что лучшим решением этого вопроса было бы, если бы в случае опасности мусульмане собрались в каком-либо порту, куда могли бы прибыть военные суда держав-покровительниц, чтобы в случае необходимости высадить десант и употребить силу для обеспечения жизни и имущества мусульман, ограничиваясь, однако, только мерами, преследующими эту цель.

В таком случае вопрос патрулирования побережья и другие аналогичные соображения должны быть подчинены, в случае необходимости, срочным мерам, имеющим целью воспрепятствовать избиению мусульман.

Доводя вышеизложенное до сведения императорского министра иностранных дел, английский посол будет признателен его превосходительству, если он соблаговолит уведомить его о точке зрения императорского правительства как по этому вопросу, так и в отношении инструкций представителям в Канее, о которых говорилось во вчерашней памятной записке.

№ 1046. Нота итальянского поверенного в делах в Петербурге министру иностранных дел.

·/. № 1017. 16/3 октября 1912 г.

Monsieur le Ministre,

J'ai la satisfaction d'annoncer à Votre Excellence qu'en date d'hier un traité a été conclu entre l'Italie et la Turquie qui met fin à l'état de guerre existant depuis l'année dernière entre les deux pays.

Par conséquent la Tripolitaine et la Cyrénaïque restent soumises à la pleine souveraineté de l'Italie.

J'ai l'honneur, au nom de mon Gouvernement, de vous informer de ce qui précède et de demander à Votre Excellence la reconnaissance par la Russie du nouvel état de choses établi dans lesdites provinces.

Je saisis cette occasion pour vous renouveler, Monsieur le Ministre, l'expression de ma plus haute considération.

Torretta.

Перевод.

Господин министр,

С чувством удовлетворения имею сообщить вашему превосходительству, что вчера между Италией и Турцией заключен договор, положивший конец состоянию войны, существовавшему с прошлого года между обеими странами.

В результате этого Триполи и Киренаика остаются под полным суверенитетом Италии.

От имени моего правительства имею честь уведомить вас о вышеизложенном и просить ваше превосходительство о признании Россией нового положения вещей, установившегося в указанных провинциях.

Пользуюсь случаем возобновить вам, господин министр, выражение моего глубочайшего почтения.

Торретта.

---

[1] В пам. записке от 15/2 окт. англ. пос-во в Петербурге передавало запрос представителей держав в Канее, остаются ли в силе инструкции, данные в июле 1909 г. командирам стационеров в Суде, а также инструкции от дек. 1911 г., уполномочивавшие их произвести высадку морских сил на Крите в случае, если ген. консулы признают эту меру необходимой.

№ 1047. Нота министра иностранных дел итальянскому поверенному в делах в Петербурге Торретта.

№ 638. 16/3 октября 1912 г.

Monsieur le Chargé d'Affaires,

Par votre note du 16/3 octobre a. c. sub N 1017 vous avez bien voulu me faire connaître qu'en date d'hier un traité a été conclu entre l'Italie et la Turquie qui met fin à l'état de guerre existant depuis l'année dernière entre les deux pays, et que, par conséquent, la Tripolitaine et la Cyrénaïque restent soumises à la pleine souveraineté de l'Italie [1].

Je m'empresse de porter à votre connaissance que le Gouvernement impérial prend acte de cette communication avec la plus vive satisfaction, et qu'il est disposé à reconnaître le nouvel état de choses établi dans lesdites provinces à la suite de la cessation des hostilités entre l'Italie et la Turquie [2].

Veuillez agréer, etc.

Sazonow.

С[огласен]
Спала, [20] 7 октября 1912 г.

Перевод.

Господин поверенный в делах,

Вашей нотой от 16/3 октября с. г. за № 1017 вы соблаговолили сообщить мне, что вчера между Италией и Турцией заключен договор, положивший конец состоянию войны, существовавшему с прошлого года между обеими странами, и что в результате этого Триполи и Киренаика остаются под полным суверенитетом Италии.

Спешу довести до вашего сведения, что императорское правительство с живейшим удовлетворением принимает к сведению это сообщение и что оно готово признать новое положение вещей, установившееся в упомянутых провинциях в результате прекращения военных действий между Италией и Турцией.

Примите и пр. Сазонов.

№ 1048. Министр иностранных дел посланнику в Пекине В. Крупенскому.

Телеграмма № 2188. 16/3 октября 1912 г.

Сообщается послу в Токио.

№ 817 получен [3].

За № 2 вам передается сообщенное нашему послу в Токио содержание инструкций японскому посланнику в Пекине по вопросу об участии России и Японии в китайском займе на монетную реформу [4].

Здешний японский посол ознакомил нас со взглядом его правительства на этот вопрос. Токийский кабинет считает возможным для Японии участвовать в сказанном займе при следующих условиях: 1) чтобы был уничтожен 16-й параграф контракта, предусматривающий преимущественное право выпускающего заем синдиката на заключение займов, предназначенных на те же цели; 2) чтобы заем предназначался исключительно на монетную реформу, а не на развитие Манчжурии; 3) чтобы заем не гарантировался специально доходами манчжурских провинций. При такой постановке вопроса мы могли бы также принять участие в займе на монетную реформу, который свелся бы, таким образом, к одной из операций Шестерного консорциума.

Благоволите выяснить, считает ли ваш японский сотоварищ, что сказанные условия будут приемлемыми для английской, французской, германской

---

[1] См. № 1046.

[2] В черновом отпуске слова: «à la suite... et la Turquie» написаны вместо зачеркнутых слов: «dérivant du traité de paix qui vient d'être conclu» (вытекающее из только что заключенного мирного договора).

[3] См. № 939.

[4] См. № 1019.

и американской групп Консорциума, и в утвердительном случае — как он предполагает действовать, чтобы установить соглашение по этому поводу всех участников Консорциума.

О последующем благоволите телеграфировать.

[Сазонов.]

№ 1049. Министр иностранных дел уполномоченному по ведению переговоров с монгольским правительством Коростовцу в Ургу.

Телеграмма № 2190 [1]. 16/3 октября 1912 г.

Сообщается Крупенскому.

№ 1730 получен [2].

Проектируемое соглашение с Халхой нужно рассматривать с точки зрения не только наших обязательств перед монголами, но также их обязательств перед Россией и возможности сделать этот акт основанием решения монгольского вопроса в наших отношениях к Китаю. С этих точек зрения предполагаемые монголами изменения в тексте соглашения вызывают следующие замечания.

1. Замена слов «Внешняя Монголия» словом «Монголия» допустима, так как этим не предрешается территориальный объем соглашения, и в глазах китайцев это будет служить угрозой распространения действия соглашения на другие монгольские области, которые присоединятся к Халхе.

Необходимо лишь, чтобы вы оговорили, хотя бы в форме обмена нот или даже односторонней декларации, что императорское правительство оставляет за собою право определить, на какие области, кроме самой Халхи, оно распространяет даваемые монгольскому правительству гарантии автономных прав.

2. Присвоение хутухте титула «Эдзен-хан» в монгольском тексте соглашения не встречает возражений, но в русском тексте этот титул должен быть или исключен или переведен так, чтобы исключать понятие о полной самостоятельности от Китая.

3. В статье 1-й можно опустить слово «князьями», сохранив, таким образом, лишь упоминание о праве монголов управляться национальными властями. Гарантируя монголам это право, мы вместе с тем в статье 2-й соглашения возлагаем на них обязательство не отказываться от управления национальными властями, что необходимо для наших интересов и будет служить для китайцев доказательством решимости нашей и монголов не допускать преобразования Халхи в китайскую провинцию. Этим не предрешается вопрос о внутреннем устройстве Халхи и о взаимных отношениях центрального ургинского правительства и княжеств.

4. По тем же соображениям, считаем необходимым сохранить упоминание о недопущении китайской колонизации Халхи. Не сомневаясь в решимости нынешних ургинских правителей не допускать китайской колонизации, мы должны предвидеть возможность перемены взгляда на этот предмет при их преемниках. Между тем мы убеждены, что китайская колонизация, если бы она была когда-либо допущена в Халхе, весьма скоро привела бы к ее полному окитаению, и таким образом и Россия и Халха лишились бы плодов, которых они вправе ожидать от предполагаемого соглашения.

5. Постоянное представительство монголов в Петербурге продолжаем считать нежелательным. Если бы вам не удалось настоять на отсрочке решения этого вопроса до того времени, когда определятся отношения Халхи

---

[1] Опубл. Ор. кн. М., стр. 9, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[2] См. № 1032.

к китайскому правительству, мы могли бы в крайности, чтобы не компрометировать самого соглашения, допустить в Иркутск монгольского агента для пограничных торговых сношений.

[Сазонов.]

№ 1050. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

⁰/. Телеграмма № 2193 [1]. 16/3 октября 1912 г.

Я сказал посетившему меня сегодня греческому поверенному в делах, что интересы нашего хлебного экспорта настоятельно требуют обеспечения свободного прохода судов через Проливы. Пример Италии достаточно ясно указывает трудности морских операций в Проливах. Какая-либо попытка Греции в этом направлении была бы все равно обречена на неудачу. Между тем наши экспортеры терпят громадные убытки не только от закрытия, но даже в случае недостаточного обеспечения против возможности такой меры.

Ввиду этого нам необходимо получить от Греции уверенность, что она не предпримет никакого враждебного акта против Проливов во внимание к интересам нейтральных, и в частности России, оказывающей покровительство ее интересам в Турции.

Благоволите сделать дружеское, но энергическое представление в этом смысле греческому правительству и о последующем нас уведомить [2].

Сазонов.

№ 1051. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

⁰/. Телеграмма № 2195 [3]. 16/3 октября 1912 г.

Получил телеграмму № 245 [4].

Во избежание недоразумений я передал на письмо Пуанкаре ответную записку [5], в коей я высказываю опасение, что созвание конференции накануне неизбежной войны может только скомпрометировать самую идею конференции, которая неизбежна для целей ликвидации балканского кризиса.

Идя на такую конференцию, полагали бы необходимым предварительное, путем переговоров между кабинетами, установление хотя бы основных принципов, которые приняты были бы всеми державами. Иначе, вместо

---

[1] Лит. копия. На лит. копии имеется помета: «Сообщена [16] 3 октября в Лондон, Париж и Константинополь за № 2193, в Берлин и Вену за № 2194 и в Рим за № 2217».

[2] Тел. от того же числа за № 2194, ссылаясь на публикуемый документ, Сазонов сообщал в Париж, Лондон, К-поль, Берлин, Вену и Рим: «Не найдет ли возможным правительство, при коем вы аккредитованы, поддержать наши настояния в Афинах».

Ответной тел. от 17/4 окт. за № 96 Н. Гирс сообщил, что Берхтольд «предпишет австрийскому представителю в Афинах поддержать наши настояния».

Тел. от 17/4 окт. за № 257 Извольский передал Сазонову: «Французское правительство готово поддержать наши настояния в Афинах, но при этом оно, со своей стороны, должно будет потребовать, чтобы Греция не предпринимала враждебных действий против Смирны и Бейрута. Пуанкаре считает, что к этим настояниям желательно приобщить Англию, которая в таком случае, может быть, также сделает оговорку относительно тех или других интересующих ее пунктов».

Позднее, тел. от 18/5 окт. за № 263, Извольский сообщил: «В мою телеграмму № 257 вкралась ошибка. Франция намерена потребовать, чтобы Греция не предпринимала враждебных действий против сирийского побережья от Александретты до Бейрута. Что касается Смирны, то здесь думают, что исключения этого пункта из района военных действий будет требовать Англия».

[3] Лит. копия. Опубл. М., стр. 286.

[4] См. № 1023.

[5] См. стр. 436, прим. 2 и № 1033.

проявления единодушия Европы, может получиться раскол, которым не замедлят воспользоваться те, кому это окажется выгодным.

Подготовка вмешательства при первой же возможности представляется нам ближайшей из предстоящих задач.

Сазонов.

№ 1052. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Телеграмма № 2196 [1]. 16/3 октября 1912 г.
Личная.

Получил вашу телеграмму № 246 [2].

В беседе со мной австрийский посол сказал, что его правительство решило спокойно отнестись к возможному перенесению военных действий в Санджак и что военные меры, принимаемые Австрией, ограничиваются доведением кадров частей, расположенных в пограничных провинциях, с уменьшенного до нормального комплекта. Меры эти носят характер внутренних распорядков. Граф Турн сообщил мне, что император желает сохранения Австрией начала невмешательства и согласованности действий с нами. Сведения эти благоволите сообщить Пуанкаре доверительно и в самых общих выражениях ввиду возможной нескромности.

Сазонов.

№ 1053. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Телеграмма № 2197 [3]. 16/3 октября 1912 г.

Французский посол передал мне новых четыре пункта [4]. Я сказал, что принимаю из них первый о том, чтобы державы безотлагательно сговорились о своевременной медиации, и второй — о скорейшем созыве конференции, в случае успеха медиации, для выработки и осуществления реформ в Европейской Турции.

Что касается пункта — о созыве конференции, в случае неудачи медиации, для принятия, по окончании военных действий, мер, необходимых для сохранения общего мира и общих европейских интересов, я ответил, как и раньше, что, пока идет война, конференция не может рассчитывать на должный авторитет, а потому я бы находил третий пункт нецелесообразным.

Наконец, мне казалось бы предпочтительным в настоящее время исключить пока четвертый пункт, содержащий повторение о суверенитете султана.

Сазонов.

№ 1054. Министр иностранных дел послу в Мадриде Будбергу.

·/. Письмо. 16/3 октября 1912 г.

М. г. барон Федор Андреевич,

В письме от [3 сентября] 21 августа с. г. [5] ваше превосходительство изложили свой разговор с королем Альфонсом XIII, выразившим пожелание, чтобы Испания могла примкнуть, при благожелательном содействии России, к группе держав Тройственного согласия, чтобы не остаться в одиночестве в случае крупных международных столкновений.

Означенное письмо было повергнуто мною на высочайшее благовоззрение, и его императорскому величеству благоугодно было на нем начертать: «К этому следует отнестись серьезно».

[1] Лит. копия. Опубл. Stieve, II, S. 303, № 510.
[2] См. № 1024.
[3] Лит. копия. Опубл. М., стр. 286.
[4] Ср. №№ 1037 и 1038.
[5] См. № 617.

Внимательное рассмотрение вопроса, поднятого испанским королем, привело нас к следующим заключениям:

Сама по себе Испания, разумеется, не является достаточной величиной, чтобы союз с ней мог считаться ценным приобретением. При известных условиях он мог бы даже оказаться источником лишних забот, ввиду необходимости подачи помощи слабой союзнице, едва ли способной в свою очередь оказать какую-нибудь равноценную услугу. Но, с другой стороны, враждебная Испания, как бы мала она ни была, все же оттянет к Пиренеям часть французских войск и настолько же сократит боевую силу соседней республики на других фронтах — что не может быть для нас безразлично. С этой точки зрения привлечение Испании на сторону той группы держав, к которой принадлежит Россия, соответствует нашим интересам.

Что касается формы, в которой должно бы выразиться решение Испании примкнуть к указанной группе, то мне кажется, что в этом отношении следовало бы избегнуть всего, что могло бы напрасно возбудить обычную подозрительность Германии, всегда страшащуюся коалиций, будто бы против нее направленных. Этого тем легче достигнуть, что так называемое Тройственное согласие, — как вы совершенно справедливо заметили королю,— не основывается на одном общем, связывающем все примыкающие к нему державы, договоре. Поэтому Испании можно ограничиться заключением формального союза с одной только Францией, что показалось бы вполне естественным ввиду географического положения и значительности общих интересов, — и через это фактически сблизиться с Россией и Англией. Равным образом мы не видели бы препятствий и к заключению отдельного соглашения между Испанией и Англией.

Роль России, уже неоднократно выказывавшей Испании свое искреннее расположение, поневоле должна бы на этот раз ограничиться подготовкой почвы для непосредственных переговоров по затронутому предмету между мадридским и парижским кабинетами. Это именно и было мной исполнено теперь во время короткого моего пребывания во Франции.

Г. Пуанкаре сказал мне, что вопрос, о котором идет речь, не новый и что, поднятый уже в 1909 г., он был вновь затронут королем во время его последнего приезда в Париж. До сих пор эти поступы не вызвали определенного ответа со стороны Франции, но теперь, после сосредоточения французских морских сил в Средиземном море, правительству Республики приходится подумать об обеспечении их тыла и о свободе сообщений с атлантическим побережьем Франции. Поэтому мысль о заключении союза с Испанией встречает в Париже сочувствие, но г. Пуанкаре, подобно мадридскому кабинету, считает предпочтительным пока отложить сношения по этому поводу до окончания нынешних переговоров касательно Марокко[1].

Благоволите воспользоваться удобным случаем, чтобы, руководствуясь содержанием настоящего письма, передать королю Альфонсу XIII, что высказанная им в разговоре с вами мысль встретила в С.-Петербурге полное сочувствие и что, как мне удалось выяснить, в Париже также весьма благоприятно настроены по отношению к ней[2].

Примите и пр.

[Сазонов.]

---

[1] См. № 1034 (стр. 465).

[2] Письмом от 3 ноября/21 окт. Будберг ответил, что переговорил с королем в указанном Сазоновым смысле, добавив от себя, что с отдельным соглашением Испании с Англией «было бы благоразумно повременить, чтобы выяснить, какое впечатление произведет в Берлине сближение Парижа с Мадридом, и дать Германии время проглотить первую пилюлю, прежде чем преподнести ей вторую». По словам Будберга, король, выслушав его с большим вниманием, просил передать Сазонову, что он «признателен за эти советы, в которых он видит высокую мудрость и благожелательность». При этом король выразил сожаление, что для выяснения международного положения Испании придется ждать окончания событий на Балканах.

№ 1055. Запись директора канцелярии министерства иностранных дел [1].

16/3 октября 1912 г.

[16] 3 октября 1912 г. посетивший министра иностранных дел австро-венгерский посол возобновил данные за последнее время несколько раз заверения, что Австрия не ищет для себя территориальных приращений на Балканском полуострове. Граф Турн прибавил, что даже если бы события привели к увеличению Болгарии до размеров, намеченных Сан-Стефанским договором, Австрия могла бы отнестись к этому вполне спокойно.

На вопрос С. Д. Сазонова, «как бы отнеслась Австро-Венгрия к увеличению Сербии», посол ответил, что само по себе приращение сербской территории не представляло бы особенного значения, но что Австрия никоим образом не могла бы допустить, чтобы ей был перерезан путь в Салоники, а потому она не могла бы примириться с расширением Сербии до моря. Посол пояснил, что для австрийской торговли с Востоком необходим выход к Эгейскому морю, свободное сообщение с которым было бы навсегда обеспечено. По мнению графа Турна, последнее, может быть, могло бы быть достигнуто путем предоставления Австрии железнодорожной линии до Салоник на условиях, сходных с теми, на которых Россия владеет Восточно-Китайской ж. д. При этом посол указал, что в Австро-Венгрии все до того свыклись с мыслью о необходимом выходе в Салоники, что никакое правительство не устояло бы против общественного мнения, если бы оно отказалось от этой цели.

Имея основание думать, — вследствие некоторых намеков, сделанных раньше австро-венгерским поверенным в делах г. Силаши, — что в Вене были бы не прочь вперед связать нас каким-нибудь соглашением на случай передела Балканского полуострова, С. Д. Сазонов предпочел пока не входить в более подробное обсуждение с австрийским послом затронутых им вопросов.

Барон Шиллинг.

№ 1056. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 253 [2]. 16/3 октября 1912 г.

Пуанкаре ознакомил меня с ответом, полученным им на вчерашнее его циркулярное предложение [3] из Петербурга, Лондона, Берлина и Вены. Он вполне согласен с содержанием врученной вами Ж. Луи памятной записки [4] и весьма охотно принимает ваше предложение о предварительном соглашении между Петербургом, Парижем и Лондоном по всем вопросам, касающимся медиации и конференции. Лондонский кабинет принимает его программу целиком и без всяких оговорок или изменений. Берлинский кабинет принимает первый и четвертый пункты программы; что касается конференции, то, по его мнению, ее собранию должен предшествовать обмен мыслей между кабинетами относительно предметов ее занятий. Кроме того берлинский кабинет находит, что во всех предусматриваемых дипломатических действиях должны участвовать одни лишь великие державы. Венский кабинет, высказываясь в общем сочувственно к предложению Пуанкаре, предоставляет себе право дать окончательный ответ по сношении с Берлином. Пуанкаре несколько опасается попытки венского кабинета избежать определенного обещания действовать совместно с остальными

[1] Опубл. М., стр. 276. На оригинале помета: «Верно. Сазонов».
[2] Опубл. М., стр. 285.
[3] См. № 1038.
[4] См. № 1033.

кабинетами. Как только из Вены получится окончательный ответ, Пуанкаре обратится к кабинетам с новым циркуляром, в котором будут резюмированы пункты, по которым достигнуто общее соглашение держав.

Извольский.

№ 1057. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 254 [1]. 16/3 октября 1912 г. [2]
Лично.

Заявляя мне о своей готовности принять ваше предложение о предварительном соглашении между Петербургом, Парижем и Лондоном по всем вопросам, касающимся медиации и конференции, Пуанкаре еще раз высказал мне, что он крайне озабочен возможностью разглашения в печати или иным путем содержания секретных договоров между Болгарией и другими славянскими государствами. Договоры эти, повидимому, известны во всех их подробностях не только российскому правительству, но и некоторым русским депутатам и журналистам, и весьма вероятно, что король Фердинанд сообщил их венскому кабинету. Если лондонский кабинет ознакомится с этими договорами из какого-либо постороннего источника, это может внушить ему недоверие к искренности России и Франции, знавших о их содержании, и затруднит соглашение между тремя державами. Пуанкаре не считает себя вправе открыть этот секрет Англии, но, по его мнению, весьма желательно, чтобы мы сами поставили в курс дела лондонский кабинет, объяснив ему истинное отношение к нему российского правительства. Пуанкаре, со своей стороны, готов поддержать это объяснение. Считаю долгом присовокупить, что некоторые здешние газеты уже начинают намекать на будто бы двойственную роль России в настоящем кризисе. Мне удалось удержать газету «Temps» от оглашения письма Брянчанинова к г. Тардье на эту тему. Но вряд ли мы избежим газетной кампании на этой почве, и мне кажется, что если до сих пор вы не имели объяснений по настоящему предмету с лондонским кабинетом, мысли, высказанные мне Пуанкаре, заслуживают серьезного внимания.

Извольский.

№ 1058. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁺/. Телеграмма № 255. 16/3 октября 1912 г.

Крит.

Получил вашу телеграмму № 2170 [3].

Объяснился с Пуанкаре, который вполне понимает затруднительность для нас, а также и для Франции, прибегать к силе против христианского населения Крита. С другой стороны, он не считает возможным для держав-покровительниц окончательно предоставить остров своей судьбе. Он опасается, что в таком случае Англия может решиться на самостоятельные действия и занять те или другие пункты острова. Поэтому лично он склонен к следующему разрешению вопроса: покуда война еще не объявлена, державы-покровительницы должны сохранить настоящее положение, заявив Греции протест против нарушения ею международного статута острова. Если же начнется война, державы должны объявить, что ими не будут признаны никакие самовольные изменения этого статута, и затем временно уйти, предоставив себе вновь взять дело в свои руки по окончании военных действий. Если на острове возникнут беспорядки или резня, то державы

---

[1] Опубл. Stieve, II, S. 305, N 513.
[2] Оригинал ошибочно датирован 15/3 окт.
[3] См. № 1020.

отнесутся к этому событию точно так же, как если бы они возникли в какой-либо другой местности Турецкой империи. Подобный план, конечно, возможен лишь в случае согласия на него лондонского кабинета, с которым Пуанкаре сносится по этому вопросу, после чего он даст мне окончательный ответ.

Извольский.

№ 1059. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 145. 16/3 октября 1912 г.

Французский посол совершенно доверительно передал мне ответ Кидерлена на второе предложение Пуанкаре [1], прося пока не сообщать его в Париж, в случае если ответ этот не был уже известен вам от Извольского: L'Allemagne accepte volontiers l'idée d'une médiation, mais en temps opportun. L'idée d'une conférence doit faire l'objet d'un examen et la réunion d'une conférence doit être précédée d'une étude entre les Cabinets sur les éventualités qui pourraient se produire. Les Grandes Puissances devront seules prendre part à une conférence, en tenant compte évidemment de la fortune de la guerre. Le Secrétaire d'État juge utile que le contact entre les Gouvernements de France et d'Allemagne continue [2]. Очень был бы благодарен, если бы ваше высокопревосходительство сочли возможным уведомить меня, как приняты были нами оба французские предложения.

Свербеев.

№ 1060. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 91. 16/3 октября 1912 г.

Здешний турецкий посланник, предъявивший вчера протест греческому правительству по поводу допущения критских депутатов в палату и не получивший ответа, завтра покидает Афины со всем составом миссии.

Демидов.

№ 1061. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 92 [3]. 16/3 октября 1912 г.

Греческое правительство сейчас официально объявило о разрыве дипломатических сношений между Грецией и Турцией. Грипарис и консулы покинули Турцию [4], ожидается начало военных действий на границе.

Демидов.

№ 1062. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 81. 16/3 октября 1912 г.

Балканский кризис.

Порта обратилась снова к румынскому правительству, в этот раз неофициально, с просьбой произвести демонстрацию на болгарской границе. Просьба эта Румынией была отклонена. Г. Майореску ограничился советом поспешить заключением мира с Италией.

Шебеко.

---

[1] См. № 1038.

[2] «Германия охотно присоединяется к мысли о медиации, но в подходящий момент. Идея конференции подлежит рассмотрению, а созыву конференции должно предшествовать обсуждение кабинетами событий, которые могут иметь место. Только одни великие державы должны участвовать в конференции, считаясь, конечно, с тем, на чьей стороне окажется успех в войне. Статс-секретарь считает полезным, чтобы контакт между правительствами Франции и Германии продолжался».

[3] Опубл. Ор. кн., стр. 20, со стилистическими изменениями и сокращениями.

[4] Грипарис выехал из К-поля 18/5 окт. (тел. М. Гирса от 18/5 окт. за № 868).

№ 1063. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 82. 16/3 октября 1912 г.

Настоящий политический кризис на Балканах отразился крайне неблагоприятно на здешнем денежном рынке и вызвал в стране финансовый кризис, причиной которого являются ограничение кредита здешним крупным кредитным учреждениям со стороны европейских банков и приостановка операций по продаже хлеба последнего урожая. Вышеназванная стеснительная мера со стороны немецких и австрийских банков вызывает большое неудовольствие в стране. Этим обстоятельством могли бы воспользоваться французские и русские банки и своевременным оказанием помощи здешним кредитным учреждениям сделать первый шаг по пути вытеснения немецких капиталов из румынского рынка. Мой французский коллега телеграфирует в том же смысле своему правительству.

Шебеко.

№ 1064. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 229. 16/3 октября 1912 г.

Оттоманское правительство, признав ноту балканских государств не заслуживающей ответа, дало приказание своим представителям в Софии, Белграде и Афинах прервать сношения. Сегодня в 6 часов вечера весь личный состав турецкой миссии покинул Белград[1]. Завтра рано утром престолонаследник, в качестве командующего одной из армий, и князь Арсений Карагеоргиевич, как командир кавалерийской дивизии, отправляются на театр военных действий.

Гартвиг.

№ 1065. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 847. 16/3 октября 1912 г.

Каль телеграфирует[2]: «Прибыл вчера вечером с моими французским и английским коллегами на Самос. За два дня до нашего приезда Софулис поспешил сделать новые выборы и созвать учредительное собрание, которое должно было выбрать его председателем и провозгласить низвержение князя. Нам удалось поддержать временно авторитет князя, заставив последнего объявить это собрание противозаконным и недействительным, не допустив назначенного сегодня в церкви заседания. Мы стараемся путем увещеваний подействовать на благоразумие населения, призывая его к спокойствию, и выразили готовность принять во внимание его разумные жалобы и просьбы. Мне лично кажется, что наши усилия восстановить на острове законный порядок будут тщетны, пока останется здесь Софулис»[3].

Гирс.

---

[1] При деп. от 22/9 окт. за № 67 Гартвиг препроводил копию следующего письма, датированного 16/3 окт., которое турец. представитель в Белграде адресовал представителям других держав в день отъезда: «Мое правительство считает, что Болгария и Сербия не проявили должного уважения по отношению к великим державам, отклонив их посредничество и обратившись к нам с нотой, которую вы знаете. Оно полагает поэтому, что означенная нота не заслуживает ответа».

[2] См. № 967.

[3] В пам. записке от 16/3 окт. англ. пос-во в Петербурге, ссылаясь на намерение Софулиса установить на Самосе временное прав-во, высказывалось за желательность снабдить ген. консулов в Смирне инструкциями, согласно которым они должны были заявить Софулису, что подобный образ действий повлечет за собой возвращение турец. войск на Самос.

№ 1066. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 851. 16/3 октября 1912 г.
Срочно.

Мирный договор между Турцией и Италией подписан вчера, во вторник, в 6 часов вечера. Киамиль-паша сказал мне, что Порта предписала турецким войскам в Ливии вернуться в Турцию. Ослушники будут исключены из армии. Острова, по его словам, будут находиться во власти Италии до тех пор, пока Порта найдет это для себя выгодным, ибо опасается, что иначе при нынешних обстоятельствах Греция могла бы ими завладеть.

Гирс.

№ 1067. Докладная записка генерал-квартирмейстера генерального штаба военному министру Сухомлинову.

16/3 октября 1912 г.
Секретно.

Наш военный агент в Болгарии донес по телеграфу, что болгарское правительство ходатайствует об уступке ему берданок и патронов к ним [1], причем в донесении военного агента указано лишь число берданок в количестве 50 000.

Заведующий ближневосточным отделом 1-го департамента министерства иностранных дел на словах сообщил, что министерство иностранных дел не встречает препятствий к уступке болгарскому правительству просимых ружей и патронов, при условии, что распоряжение по сему поводу будет сделано до объявления войны между Болгарией и Турцией. Поэтому министерство иностранных дел полагает желательным, чтобы таковое распоряжение было отдано в ближайший срок.

Испрашивается: угодно ли будет вашему высокопревосходительству разрешить отпуск болгарскому правительству за плату 50 000 берданок и патронов к ним, о числе которых будет запрошен военный агент, и в утвердительном случае разрешить сделать теперь же необходимые сношения с главным артиллерийским управлением о срочной отправке таковых по назначению. Вместе с тем испрашивается, следует ли представить проект всеподданнейшего доклада о сделанных по этому вопросу распоряжениях [2].

Генерал-майор Данилов.

№ 1068. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

17/4 октября 1912 г.

En réponse à l'aide-mémoire du 10 octobre/27 septembre a. c. [3] relatif au blocus de l'île de Crète, le ministère des Affaires étrangères a l'honneur

---

[1] См. № 988.

[2] На публикуемом документе имеются две пометы: 1) «На словах — недостаточно. Председатель совета министров просит внести этот вопрос в заседание совета министров завтра [17] 4-го. Прошу прислать мне для этого записку.—С[ухомлинов]. [16] 3 октября». 2) «Военный министр указал, что так как его высокопревосходительство имеет согласие председателя совета министров и министра иностранных дел на выдачу оружия, то необходимо теперь же сделать нек[оторые] распоряжения. — Всеподданнейший доклад 17/4. X. — Д[анилов]».

[3] Пам. запиской от 10 окт./27 сент. англ. пос-во в Петербурге сообщало, что англ. консул на Крите предложил, во избежание соединения критских войск с греческими и в целях эффективности блокады острова, запретить греческим судам заходить в критские порты. По мнению Грея, было бы достаточно задерживать при помощи военных судов всякое судно, направляющееся в критский порт, и разрешать дальнейшее его плавание только при условии обязательства со стороны капитана не брать на судно критских милиционеров.

d'informer l'ambassade de Sa Majesté britannique que des instructions télégraphiques ont été données au Consul général de la Russie à la Canée de faire arrêter tout navire se dirigeant vers un port crétois et de [ne] lui autoriser l'accès de ces ports qu'après avoir pris un engagement du capitaine du navire que ce dernier ne prendrait pas à bord des milices crétoises [1].

Néanmoins, étant donnés les liens étroits établis entre la Grèce et l'île, le ministère impérial croit de son devoir d'attirer l'attention du Gouvernement britannique sur les inconvénients que présenterait l'interdiction complète aux navires grecs de mouiller aux ports crétois, — car cette mesure, en isolant complètement la population de l'île, porterait certainement un préjudice considérable à son commerce.

Le ministère impérial s'empresse d'informer par la même occasion l'ambassade britannique, qu'à son point de vue l'application des instructions données en 1909 et 1911 aux commandants des stationnaires, dont il est fait mention dans l'aide-mémoire du 15/2 octobre courant [2], lui semblerait actuellement intempestive, étant donné que le débarquement en Crète d'une force navale pourrait produire un soulèvement général parmi une population déjà fort surexcitée.

Le Gouvernement impérial voudrait éviter toutes mesures coercitives contre la population chrétienne de l'île sans s'immiscer dans les affaires intérieures en conformité avec le principe récemment émis par le Gouvernement de la Grande-Bretagne relativement à l'île de Samos [3].

Le commandant du croiseur russe aura pour instructions de se borner dans le cas échéant à accorder protection à la vie et à la sécurité des Musulmans dans les ports de l'île dans la mesure du possible et d'accord avec ses collègues.

Перевод.

В ответ на памятную записку от 10 октября/27 сентября с. г. касательно блокады острова Крит, министерство иностранных дел имеет честь уведомить посольство его британского величества, что российскому генеральному консулу в Канее посланы по телеграфу инструкции дать распоряжение останавливать все суда, направляющиеся в какой-либо порт на Крите, и разрешать им доступ к этим портам, лишь взяв с капитана судна обязательство, что он не примет на борт критских милиционеров.

Однако, принимая во внимание тесную связь, существующую между Грецией и островом, императорское министерство считает своим долгом обратить внимание британского правительства на неудобства, сопряженные с полным запретом греческим судам заходить в критские порты, так как эта мера, полностью изолируя население острова, неизбежно нанесла бы значительный ущерб его торговле.

Пользуясь этим случаем, императорское правительство спешит уведомить британское посольство, что, с его точки зрения, применение инструкций, данных в 1909 и 1911 гг. командирам стационеров, о которых упоминается в памятной записке от 15/2 сего октября, в настоящее время кажется ему несвоевременным, ввиду того, что высадка морского десанта на Крите могла бы вызвать общее восстание среди населения, которое и без того уже сильно возбуждено.

Императорское правительство желало бы избежать каких бы то ни было принудительных мер против христианского населения острова, не вмешиваясь во внутренние дела в согласии с принципом, высказанным недавно правительством Великобритании касательно острова Самос.

Командир русского крейсера получит инструкции ограничиться, в случае необходимости, лишь защитой жизни и безопасности мусульман в портах острова, по мере возможности и в согласии со своими коллегами.

№ 1069. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

№ 1066. 17/4 октября 1912 г.

Le Gouvernement impérial de Russie n'a pas manqué d'examiner avec toute l'attention qu'elle méritait la proposition du Gouvernement britannique

[1] См. № 1007.
[2] См. стр. 473, прим. 1.
[3] См. № 967.

de prendre en considération l'opposition du Gouvernement chinois à toute administration étrangère des revenus affectés au service de l'emprunt qu'il est en train de négocier avec le Consortium à six, et de modifier en conséquence les conditions posées par ledit Consortium [1].

Le Gouvernement russe regrette de devoir se prononcer contre une pareille modification, qui équivaudrait, en substance, à une capitulation des six Puissances et des six groupes du Consortium devant les exigences de la Chine. L'emprunt que celle-ci vient de conclure à Londres ne paraît devoir suffir en somme que pour rembourser les avances faites par le Consortium et pour payer les sommes dont le Gouvernement chinois est redevable du chef des intérêts et de l'amortissement de l'indemnité des boxers et des différents emprunts que ce Gouvernement a conclus à l'étranger. Il paraît donc évident que la Chine se trouvera sous peu dans la nécessité de recourir à d'autres emprunts. Il est plus que probable qu'elle s'adressera dans ce but au Consortium. Car vu le peu de succès que l'emprunt de la Lloyd's Bank a eu sur le marché de Londres, le Gouvernement russe ne doute pas que le Gouvernement anglais pourra trouver des moyens efficaces de s'opposer à l'émission en Angleterre d'un nouvel emprunt chinois en dehors du Consortium. Par conséquent, dans l'opinion du Gouvernement russe, le Consortium pourrait attendre les nouvelles ouvertures qui lui seront faites par le Gouvernement chinois, et se réserver par là la possibilité de faire accepter ses conditions originelles, qui, se résumant à un contrôle étranger des buts et des garanties des futurs emprunts chinois, répondent exactement tant aux intérêts des créanciers de la Chine qu'à ceux de ce pays lui-même [2].

Перевод.

Императорское российское правительство не преминуло рассмотреть со всем вниманием, которого оно заслуживает, предложение британского правительства о необходимости учесть противодействие китайского правительства какому бы то ни было иностранному управлению доходами, служащими обеспечением займа, о котором оно ведет переговоры с Шестерным консорциумом, и, в связи с этим, изменить условия, поставленные Консорциумом.

Российское правительство, к сожалению, вынуждено высказаться против такого изменения, которое, по существу, равносильно было бы капитуляции шести держав и шести групп Консорциума перед требованиями Китая. Займа, заключенного Китаем в Лондоне, хватит, повидимому, лишь на то, чтобы вернуть авансы, выданные Консорциумом, и покрыть те суммы, которые китайское правительство должно уплатить в виде процентов и амортизации по боксерскому возмещению и по различным займам, заключенным этим правительством за границей. Вследствие этого представляется очевидным, что в недалеком будущем Китай будет вынужден прибегнуть к новым займам. Более чем вероятно, что с этой целью он обратится к Консорциуму. Ибо, судя по незначительному успеху, который имел заем Ллойд-банка на лондонском рынке, российское правительство не сомневается в том, что английское правительство сможет найти эффективные средства для противодействия выпуску в Англии нового займа помимо Консорциума. А потому, по мнению российского правительства, Консорциум может выждать новых предложений со стороны китайского правительства и тем самым сохранить возможность заставить принять свои первоначальные условия, которые, устанавливая иностранный контроль над назначением и гарантиями будущих китайских займов, вполне отвечают как интересам кредиторов Китая, так и интересам самой этой страны.

№ 1070. Нота турецкого посла в Петербурге министру иностранных дел.

№ 29692/257. 17/4 октября 1912 г.

Monsieur le Ministre,

D'ordre de mon Gouvernement, j'ai l'honneur d'informer Votre Excellence que la mobilisation générale et la concentration des forces bulgares et serbes sur la frontière ottomane, les attaques journalières des fortifications et posi-

[1] См. № 805.

[2] На публикуемом документе имеется помета: «Копия сообщена [16] 3 октября 1912 г. японскому послу при частном письме д. с. с. Козакова за № 1063».

tions sur tout le long de cette frontière, l'ingérence dans les affaires intérieures ottomanes et les exigences non moins inadmissibles et inconcevables ayant rendu impossible le maintien de la paix entre la Turquie, la Bulgarie et la Serbie, que le Gouvernement impérial était désireux de conserver, — les Chefs des légations royales de Bulgarie et de Serbie et leur personnel ont été informés qu'ils doivent prendre leurs passeports et quitter le territoire de l'Empire aussitôt que faire se peut, et qu'en conséquence la Sublime Porte est en état de guerre avec ces deux pays.

Veuillez agréer, etc. Turkhan.

Перевод.

Господин министр,

По распоряжению моего правительства, имею честь уведомить ваше превосходительство, что, ввиду того что общая мобилизация и концентрация болгарских и сербских войск на турецкой границе, ежедневные нападения на укрепления и позиции вдоль всей этой границы, вмешательство во внутренние дела Турции и не менее неприемлемые и непостижимые требования сделали невозможным сохранение мира между Турцией, Болгарией и Сербией, мира, который императорское правительство желало сохранить, — главы королевских миссий Болгарии и Сербии и их личный состав получили уведомление, что им надлежит получить свои паспорта и покинуть в возможно короткий срок территорию Империи и что, следовательно, Высокая Порта находится в состоянии войны с этими двумя странами.

Примите и пр. Турхан.

№ 1071. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 263. 17/4 октября 1912 г.

Cambon a vu hier le Ministre de Bulgarie qui lui a dit que concentration armée bulgare est très difficile et qu'en réalité Bulgarie n'était pas tout à fait prête. Cambon m'a dit qu'il ne serait pas étonné si cette confidence signifiait qu'en dernière heure Bulgarie est plus hésitante qu'elle ne paraissait l'être. Paix italienne a pu contribuer à créer disposition. Cambon m'en a parlé non pas comme d'une conviction, mais comme d'une impression. Elle commence pourtant à se répandre ici. Je constate dans presse libérale un commencement de changement de face en faveur revendications slaves. Paix reste premier souci, mais satisfaction pour pays slaves prend une importance qui commence à se substituer aux exigences ménagement pour Turquie. Je crois devoir vous signaler ce symptôme important. Il serait utile que presse russe en tienne compte.

Benckendorff.

Перевод.

Камбон виделся вчера с болгарским посланником, который сказал ему, что концентрация болгарской армии испытывает большие затруднения и что в действительности Болгария не совсем готова. Камбон сказал мне, что он не был бы удивлен, если бы это признание означало, что в последнюю минуту Болгария колеблется больше, чем это могло казаться. Мир с Италией мог способствовать созданию [такого] настроения. Камбон высказал мне это не как убеждение, а как впечатление. Тем не менее оно начинает здесь распространяться. Я нахожу, что в либеральной прессе начинает намечаться изменение позиции в пользу славянских требований. Забота о мире остается на первом плане, но удовлетворение [пожеланий] славянских стран начинает приобретать значение, в ущерб требованиям щадить Турцию. Я считаю своим долгом сообщить вам этот важный симптом. Было бы полезно, чтобы русская пресса приняла это во внимание.

Бенкендорф.

№ 1072. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 264. 17/4 октября 1912 г.

Communiqué Paris.

Reçu télégramme N 2170 [1].

Cambon est venu me dire qu'il avait été chargé par son Gouvernement de

[1] См. № 1020.

sonder Grey au sujet de votre opinion concernant la Crète[1]. Ce soir l'Ambassadeur m'informe que Grey pense que la paix entre la Turquie et l'Italie laissant la mer libre, les Turcs pourraient tenter un débarquement en Crète, qu'en outre les Crétois chrétiens, très excités en ce moment, pourraient s'attaquer aux Musulmans, ce qui aboutirait à un massacre. Grey croit donc préférable de laisser dans les eaux de l'île des vaisseaux avec mission d'empêcher un massacre. Quant aux autres questions, comme l'embarquement des réservistes, le mieux serait de ne pas s'en occuper. Si la Porte se plaignait, on lui répondrait qu'on assure la protection des Musulmans dans l'île et que pour la police en pleine mer c'est à la Turquie de l'exercer.

Benckendorff.

Перевод.

Сообщено в Париж.
Получил телеграмму № 2170.
Камбон заходил ко мне и сказал, что его правительство поручило ему выяснить, как относится Грей к вашему мнению по вопросу о Крите. Сегодня вечером посол сообщил мне, что, по мнению Грея, ввиду того что по заключении мира между Турцией и Италией море остается свободным, турки могут попытаться высадить на Крите десант; что, кроме того, критские христиане, сильно возбужденные в настоящий момент, могут напасть на мусульман, и это приведет к резне. Поэтому Грей считает предпочтительным оставить в водах острова суда для того, чтобы воспрепятствовать резне. Что же касается других вопросов, как посадка на суда резервистов, то самое лучшее этим совсем не заниматься. Если Турция станет жаловаться, ей можно будет ответить, что [державы] заняты обеспечением безопасности мусульман на острове, что же касается полицейской службы в открытом море, то это дело самой Турции.

Бенкендорф.

№ 1073. Посол в Париже министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 256[2]. 17/4 октября 1912 г.

Получил № 2195[3].

Сообщая сюда по телеграфу ваш устный ответ на переданные им вам новые четыре пункта[4], Ж. Луи вовсе не упомянул о том, что вам казалось бы предпочтительным в настоящее время исключить пока четвертый пункт, касающийся суверенитета султана и целости Оттоманской империи. Пуанкаре, вполне готовый принять ваши возражения против третьего пункта, настаивает на необходимости сохранить полностью четвертый пункт, во-первых, потому, что от него вряд ли откажутся принявшие его лондонский и берлинский кабинеты, а главное потому, что, по его убеждению, лишь этим путем можно связать свободу действий Австрии. Он телеграфирует в этом смысле Ж. Луи. Позволяю себе еще раз указать на путаницу, производимую сообщениями Ж. Луи, и на желательность либо передавать ему ваши ответы в письменной форме, либо сообщать их сюда через меня.

Извольский.

№ 1074. Посланник в Софии министру иностранных дел.

⁄. Телеграмма № 174. 17/4 октября 1912 г.

Король уехал в армию этой ночью, свита короля и Данев — сегодня утром. Манифест о войне уже подписан и будет распубликован завтра утром по всей Болгарии.

Неклюдов.

[1] См. № 1058.
[2] Опубл. М., стр. 286.
[3] См. № 1051.
[4] См. № 1053.

№ 1075. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 94. 17/4 октября 1912 г.
Срочная.

Греция только что объявила войну Турции.

Демидов.

№ 1076. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

./. Депеша № 40. 17/4 октября 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По прибытии короля в Афины [1] я тотчас же испросил установленным порядком аудиенцию у его величества и был сегодня им принят во дворце.

Его величество изволил меня приветствовать в Грецию [2] несколькими милостивыми словами и сейчас же перешел на тему жгучих политических вопросов. В разговоре король не пощадил великих держав, недоброжелательству и бездействию коих он приписывает настоящее острое положение на Балканах.

Его величество в особенности упрекал Англию и ее теперешнее правительство в лице сэра Эдуарда Грея, которому, он надеется, не удастся долго устоять против негодующей волны общественного мнения. По отношению же к единоверной России король высказал свою полную уверенность, что она заступится за попранные права балканских христианских народностей.

Говоря о своей встрече в Берлине с императором Вильгельмом, король между прочим поведал мне, что германский монарх приписывает критские осложнения главным образом Англии, стремящейся, будто бы, к завладению островом. Я позволил себе возразить, что я этого мнения не разделяю.

Проездом через Вену его величество изволил видеться с императором Франц-Иосифом, который сказал ему, что *он предоставил своему министру иностранных дел полную свободу действий в балканском вопросе, с тем, однако, условием, чтобы Австро-Венгрия не была вовлечена в войну*. Относительно же графа Берхтольда у короля осталось впечатление, что в данную минуту он не знает, как поступить.

Примите и пр.

Демидов.

№ 1077. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

./. Депеша № 41. 17/4 октября 1912 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как я уже имел честь уведомить ваше высокопревосходительство телеграммами от [14]1 и [15] 2 тек. октября, за №№ 87 [3] и 88 [4], после речи председателя совета министров в палате министр иностранных дел зашел ко мне как к представителю одной из держав-покровительниц, чтобы дать мне некоторые разъяснения по поводу сказанной речи и нового положения, созданного на Крите под влиянием событий.

Подобные же разъяснения были им представлены и другим здешним представителям держав-покровительниц.

Подтвердив слова, произнесенные г. Венизелосом с трибуны, министр счел нужным убеждать меня в том, что принятое правительством «среднее» направление являлось единственным возможным выходом из настоящего тупика. Критские депутаты допущены были на «историческое» заседание

---

[1] См. стр. 366, прим. 12.
[2] Так в оригинале.
[3] См. № 1026.
[4] Содержание тел. за № 88 исчерпывается публикуемым документом.

не в качестве представителей острова, а как дорогие гости и зрители; ныне же они отправятся по домам для производства законных выборов. Само заседание пришлось прервать вследствие их требования о присяге и об участвовании на выборах председателя палаты.

Все эти меры были приняты, согласно г. Коромиласу, исключительно во внимание к державам-покровительницам. Международный status quo Крита остается пока непоколебленным, т. е. в том положении, в каком он был установлен державами-покровительницами до эвакуации острова международными отрядами в 1909 г.; сюзеренитет султана сохранен, и турецкий флаг будет продолжать развеваться над Судской бухтой. По всему остальному же, т. е. по внутренним своим делам и администрации, остров *отныне будет управляем Грецией*, причем его представители, избранные по греческим законам в количестве уже не 60, а приблизительно 20 человек, будут заседать совместно с их греческими товарищами в афинском парламенте. Иначе говоря, нынешний трехлетний революционный режим острова сменяется, с точки зрения греческой, законным греческим управлением, хотя еще и не одобренным державами-покровительницами. Окончательное же решение о судьбе Крита, т. е. о его присоединении к Греции, воспоследует в зависимости от успехов греческого оружия.

Я не мог скрыть от министра, что, вполне сознавая затруднительное положение в этом вопросе греческого кабинета, я тем не менее склонен усмотреть в таком решительном мероприятии некоторое пренебрежительное отношение к державам-покровительницам, точка зрения коих по этому поводу, вероятно, в скором времени выяснится; на это г. Коромилас сказал, что, отнюдь не сомневаясь в благорасположении России, он искренне надеется на содействие императорского правительства, чтобы склонить Англию к принятию нового положения вещей на Крите. Небезынтересно и то заявление министра, что на почве критского вопроса Греция обеспечена соглашением, полнейшей поддержкой со стороны своих балканских союзниц.

Что же касается присоединения острова, то таковое еще не имеется здесь в виду; г. Венизелос мне по этому поводу категорически заявил, что с этим вопросом он спешить не намерен и к нему подойдет лишь впоследствии и по подробном изучении обстоятельств, связанных с ходом войны.

В заключение считаю долгом сообщить, что здешний турецкий посланник тотчас же предъявил официальный протест против допущения критских депутатов в греческую палату.

Примите и пр. Демидов.

№ 1078. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Письмо. 17/4 октября 1912 г.
Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вашему высокопревосходительству угодно было поручить мне телеграммой от [13 октября] 30 сентября за № 2161[1] строго доверительным путем постараться здесь выяснить, на каких условиях Греция примкнула к балканским государствам, дабы, осведомившись о взаимных стремлениях последних, впоследствии по возможности примирить их разумно понятые интересы с условиями общеполитической обстановки.

К сожалению, задача эта представляется нелегкой, и те скудные и отрывочные сведения, которые мне пока удалось получить, едва ли в состоянии осветить наш путь к будущему согласованию общеевропейских интересов с частно-балканскими. При своевременной же подготовке почвы для неизбежного вмешательства держав в предстоящую войну по необходимости

[1] См. № 1006.

придется *до некоторой степени* принять во внимание и умеренные требования балканских государств. Но требования эти будут непомерно расти с удачным ходом военных действий, и хотя в настоящее время общим лозунгом является освобождение христианских братьев от турецкого гонения, для меня все же нет сомнения, что все они мечтают о соответствующих территориальных приобретениях, на основании этнического подразделения округов. Такие виды проскальзывают иногда и в здешней печати.

Если, с одной стороны, г. Венизелос мне недавно еще заявлял, что при проявлении общего согласия держав в случае надобности силой настоять на реформах, Греция тотчас оттянула бы свои войска от границы, то, с другой стороны, г. Коромилас не раз говорил мне о будущем «*соприкосновении» (contact) балканских государств в Македонии* и об оставлении в Европе «маленькой Турции», указывая при этом на выгодность для нас подобного разрешения кризиса. Меня постоянно поражало его пренебрежение к воле держав и полное игнорирование общеевропейских условий. На мои естественные возражения он отвечал, что общественное мнение Европы и, в частности, наше покровительство никогда не допустят австрийского активного выступления! При таких взглядах трудно надеяться на греческую умеренность, особенно при сколько-нибудь удачных действиях на театре войны. В случае поражения Греция, конечно, надеется на вмешательство держав и на недопущение ими Турции воспользоваться плодами своей победы.

Даже такой благоразумный и уравновешенный государственный деятель, как здешний председатель совета министров, и тот бесспорно льстит себя трудно осуществимыми надеждами. Говоря мне как о сплоченности балканских государств перед общим врагом, так и о представляемой ими нравственной и материальной силе и возражая моим словам о твердой решимости России не быть вовлеченной в какие-либо осложнения, он выразил мне тем не менее уверенность, что Россия всегда заступится против других держав за единоверную Грецию и в будущем станет верховной покровительницей не только славянства, но и всего православия. Г. Венизелос, между прочим, доверительно сообщил *мне одному*, что между союзными балканскими государствами *пока лишъ общим образом* затронут вопрос об эвентуальном разграничении областей, и что *никакого подробного по этому поводу сговора еще не состоялось*. В худшем случае он, очевидно, надеется на окончательное присоединение Крита, относительно коего Греция может рассчитывать на полную поддержку своих союзниц, а по всей вероятности, и на значительное «исправление» эпирской границы, помимо требования строгих гарантий осуществления реформ в Европейской Турции.

Из вышеизложенного, думается мне, ясно вытекает настоятельность принятия ныне же необходимых мер для согласованного вмешательства держав после первых решительных действий; и чем скорее державы покажут свою твердую волю положить конец этому бесполезному кровопролитию, тем лучше; ибо следует полагать, что при первых же возможных военных удачах вожделения балканских государств не будут уже знать пределов, и чем дальше пойдет, тем труднее окажется их остановить.

При предположенном общем выступлении держав ключ положения находится, очевидно, в Австрии. Весьма до сих пор умеренное и, повидимому, искреннее ее отношение к балканскому кризису подает, мне кажется, надежды на достижение в этом направлении благоприятных результатов.

В случае получения мной более обстоятельных по этому вопросу данных, я не премину немедленно сообщить их вашему высокопревосходительству.

Примите и пр.

Демидов.

№ 1079. Военный агент в Румынии в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Рапорт № 156. 17/4 октября 1912 г.
Секретно.

По вопросу о румыно-турецком соглашении.

Положение Румынии в случае болгаро-турецкого столкновения оставалось неясным до самого последнего времени, когда началась общая мобилизация балканских государств.

Некоторые предполагали, что существовало вполне определенное военное соглашение Румынии с Турцией, другие допускали возможность лишь словесного соглашения, основанного на соперничестве румын с болгарами; наконец, раздавались голоса, что вообще никакого соглашения у румын с их бывшими врагами турками быть не может.

В рапорте № 88 1911 г. [1] я высказывался против предположения о существовании определенного письменного военного соглашения между этими странами, вполне допуская, что Румыния вела с Турцией словесные переговоры по вопросу о возможности общих действий в случае возникновения на Балканах осложнений.

Нижеприводимый незначительный факт дает возможность вывести заключение, что, не связав себя, вероятно, формальным письменным договором с Турцией, Румыния все же действительно дала в последние годы кое-какие, может быть условные, словесные обещания Турции, обнадежив ее, таким образом, в помощи против Болгарии.

Как только началась общая мобилизация славянских государств на Балканах, турецкий посланник в Бухаресте г. Сефа-бей отправился к председателю совета министров г. Майореску, желая, очевидно, выяснить положение Румынии, и имел с ним долгую беседу. Выходя от г. Майореску, он встретился с здешним французским военным агентом, ожидавшим аудиенцию, и горько пожаловался ему, что на румын совершенно нельзя положиться, что они говорят и обещают одно, а когда доходит до дела, то иначе объясняют свои слова и делают другое. Г. Сефа-бей был при этом разговоре бледен и чрезвычайно взволнован и, видимо, говорил то, что у него было на душе, не будучи в состоянии сдерживать себя.

В этот же день г. Майореску говорил нашему посланнику, что Румыния в возникающем конфликте намерена, при настоящем его положении, держаться нейтралитета [2].

Как я узнал, положение г. Сефа-бея в Константинополе сейчас очень пошатнулось.

Что касается турецкого военного агента в Бухаресте, майора Адиль-бея, то таковой, после продолжительной аудиенции у начальника румынского генерального штаба, генерала Авереску, в день объявления Болгарией мобилизации, тогда же уехал в Константинополь для занятия должности начальника штаба одной из турецких дивизий, и с тех пор в Румынии совершенно не имеется турецкого военного агента.

Принимая во внимание, что Румыния по своему географическому положению и как маленькая держава не может и не ведет самостоятельную политику, а всегда должна примыкать к той стороне, которая ей кажется более сильной в данный момент и союз с которой может ей поэтому сулить и бо̀льшие выгоды, считаю, что не будет ничего невозможного, если в будущем, с развитием военных действий, изменится и направление настоящей политики Румынии по отношению к Турции.

Румынские правительственные круги и интеллигенция прекрасно сознают, что разгром Турции, усилив Болгарию, тем самым невыгоден Румы-

[1] Указанный рапорт в делах Воен.-Истор. Арх. не обнаружен.
[2] См. № 875.

нии, и поэтому в душе горячо, хотя и платонически, желают успеха туркам в предстоящей войне, что отражается и в прессе и в обществе. Если румыны и сдержанны в проявлении этих туркофильских чувств, то лишь для того, чтобы их не упрекали в отсутствии сочувствия к угнетенным христианам турецких провинций.

Полковник Искрицкий.

№ 1080. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 231. 17/4 октября 1912 г.

Сегодня сербское правительство открытой телеграммой предписало Ненадовичу покинуть Константинополь и заявить Порте, что настоящие недоразумения могут быть разрешены только оружием. Завтра во всех церквах Сербии, Болгарии и Греции будут отслужены молебны. Король в 6 часов утра отбывает в Ниш, где отдаст соответствующий приказ по армии. В субботу [1] появился [2] манифест к сербскому народу. Так как у Мрдаре турецкие волонтеры напали на сербские аванпосты, то возможно, что уже сегодня ночью фактически откроются военные действия.

Гартвиг.

№ 1081. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 215. 17/4 октября 1912 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 213 [3].

Только что вернулся из Подгорицы, где имел объяснение с королем и наследником по вопросу о военных действиях в Санджаке. Король мне заявил, что он не только далее Белополья не пойдет, но уже оттянул оттуда все войска к Беранам, Гусинье и Плаво. Кроме того, оттуда отозваны те черногорские офицеры, которым поручена была, под общим руководством командированного туда же и теперь уже отозванного министра внутренних дел, организация местных чет. Его величество прибавил, что войска будут вновь высланы к Белополью лишь только в том случае, если турки туда двинутся для отвоевания этого пункта. Король отдает себе ясный отчет в опасности для Черногории всех последствий недоброжелательного отношения к нейтральной Австрии на почве вопроса о Санджаке и тщательно воздержится от всего, что может этот вопрос поднять или обострить. Продолжение следует.

Гирс.

---

[1] 19/6 окт.

[2] Так в оригинале; должно быть: «появится».

В своей деп. от 22/9 окт. за № 67 (см. также стр. 482, прим. 1) Гартвиг между прочим писал: «На рассвете [18] 5 октября король Петр отбыл из Белграда в Ниш, отдав приказ своим войскам переступить турецкую границу; одновременно издан был и королевский манифест к сербскому народу об объявлении войны Турции».

[3] В тел. от 16/3 окт. за № 211 А. Гирс сообщал, что в беседе с королевичем Данило он «настоятельно рекомендовал величайшую осторожность». «Королевич заявил мне, — добавлял Гирс,—что он совершенно проникнут необходимостью ее соблюдения, передаст мой совет королю, и уверил, что никаких военных действий в Санджаке, способных вызвать выступление Австрии, предпринято не будет».

Тел. от 16/3 окт. за № 213 А. Гирс добавлял, что он получил от короля Николая тел., которая заканчивалась следующей фразой: «Относительно того, о чем вы говорили с моим сыном, я хотел бы переговорить с вами, если это возможно: вы будете удовлетворены». Гирс извещал Сазонова, что он выезжает в Подгорицу.

№ 1082. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 216. 17/4 октября 1912 г.

Продолжение телеграммы № 215 [1].

Наследник был еще определеннее и откровеннее. Он поручился за короля и за себя, что в Санджаке черногорцы ничего не предпримут, но прибавил, что вступление в Санджак сербов неизбежно, если нам более не удастся их удержать. «Поверю вам тайну, — сказал он мне, — по заключенной с нами конвенции [2] сербы обязались тотчас по объявлении войны двинуть в Санджак 50 000-ный корпус. Это было бы величайшим несчастием для Черногории, и, спасая себя, мы должны будем нарушить конвенцию [3]. Не выдавайте меня, но сделайте все, что можете, чтобы Россия удержала сербов». С захватом Гусинье и Плаво и занятием Скутари, если таковое удастся, наступательные военные действия черногорцев закончатся, и они займутся укреплением занятых позиций и подготовкой их к защите от неизбежного нападения турецких войск, в случае решительной победы последних над войсками Болгарии, Сербии и Греции.

Гирс.

№ 1083. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 858. 17/4 октября 1912 г.

Получил № 2167 [4].

Мнение англичан основано на многократных обещаниях Порты, ею, однако, до сих пор неисполняемых. Ввиду этого английский посол и я вполне сходимся в убеждении, что более чем когда-либо следует нам настаивать теперь на принятии Портой обеих наших нот касательно северного и южного участков турецко-персидской границы. В этом смысле Лоутер и я продолжаем настойчиво действовать на Киамиля и на министра иностранных дел. Лично полагаю, что одновременная поддержка наших настояний в С.-Петербурге и в Лондоне была бы крайне своевременна. Не откажите сообщением указаний по содержанию моей телеграммы № 676 [5]. Копия инструкций Орлова о Зохабе выслана в министерство. В ней изложены все подробности, интересующие нас.

Гирс.

№ 1084. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 860. 17/4 октября 1912 г.

В разговоре с болгарским посланником министр иностранных дел заявил, что паспорта не были посланы в греческую миссию, так как греки не вручили идентичной ноты [6]. Между тем накануне греческий посланник по

---

[1] См. № 1081.

[2] См. стр. 297, прим. 3.

[3] Тел. от 12 окт./29 сент. за № 205 А. Гирс сообщал, со слов итальянского посланника в Черногории, что последний, по поручению своего прав-ва, ездил в Подгорицу с целью «уговорить короля Николая не предпринимать решительных военных действий в Санджаке», на что король ответил, что это не входит в его планы, но если сербы начнут военные действия в Санджаке, то ему «было бы трудно не сделать того же».

[4] Тел. от 14/1 окт. за № 2167 Сазонов сообщал М. Гирсу, что, «по мнению великобританского правительства, положение вопроса о турецко-персидской границе ныне более удовлетворительно, и возможно, что уступки Турции в Зохабе окажутся ненужными» (см. стр. 254, прим. 3). Сазонов запрашивал Гирса, на чем основано это мнение англ. прав-ва.

[5] Тел. за № 676 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[6] Тел. от 17/4 окт. за № 857 М. Гирс сообщал: «Порта только что вручила представителям балканских государств паспорта на выезд». В тот же день тел. за № 859 Гирс сообщал: «По дополнительным сведениям, Порта передала паспорта лишь болгарскому и сербскому посланникам. Греческому же, до сих пор по крайней мере, не передавала».

приказанию своего правительства посылал драгомана заявить Порте, что эллинское правительство просит считать ноту переданной [1]. Вследствие этого Грипарис ездил сейчас в Порту объясниться. Министр ответил ему, что заявление драгомана было получено после заседания совета министров, постановившего отослать паспорта болгарам и сербам, и поэтому постановление его не касалось Греции. Министр добавил, что лично он не может принять решения по заявлению Греции, которое будет рассмотрено лишь в следующем заседании. Нет сомнения, что усилия Порты направлены к разъединению Греции от славянских государств.

Гирс.

№ 1085. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 861. 17/4 октября 1912 г.

Английский и французский послы получили идентичную телеграмму, в коей генеральные консулы на Крите заявляют, что меры для принуждения Крита не принимать участия в греко-турецкой войне могут пагубно отразиться на положении мусульман на острове. Консулы предвидят необходимость сосредоточить мусульман в портах и высадить европейский десант для их защиты. Лоутер и Бомпар телеграфируют своим правительствам, что лично они не видят необходимости воспрещать критянам вступать в ряды греческих войск, лишь бы они последовали совету Венизелоса и сохраняли порядок на острове; высадку же европейского десанта и сосредоточение мусульман в портах, где пришлось бы их содержать, послы считают при настоящих обстоятельствах нежелательными. Хотя я не получал идентичной телеграммы, тем не менее считаю долгом донести, что я вполне присоединяюсь к мнению моих коллег.

Гирс.

№ 1086. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 793. 17/4 октября 1912 г.

Копия Тифлис.

Телеграфирую Казвин:

По полученным персидским правительством сведениям, Салар-эд-Доуле получил на-днях подкрепление в 500 человек и появился ныне в десяти фарсахах от Тегерана. Смелость его движения на столицу после поражения его сторонников в Керманшахе [2] как бы доказывает, что ему обещана помощь здешних демократических и анархических элементов. Правительство выслало разъезды для разведок и сегодня станет лагерем за городом отряд из бахтиар, казаков и жандармов, числом до 800 человек. Сила эта, может быть, и достаточна, чтобы отразить нападение Салар-эд-Доуле, но положение совсем изменится, если одновременно начнутся беспорядки в столице — при возникновении же таковых жизнь и имущество русско- и иностранно-подданных несомненно будут в опасности, вследствие чего казвинскому отряду надлежит быть готовым к выступлению, по первому требованию, в Тегеран. Начальнику отряда следует, однако, иметь в виду возможность полного прекращения телеграфного и телефонного сообщения между Казвином и Тегераном. В последнем случае со стороны миссии не встретилось бы препятствий к самостоятельному выступлению отряда по направлению к столице, причем нам не следует вступать в вооруженные столкновения с Салар-

[1] См. № 1027.
[2] См. стр. 312, прим. 3.

эд-Доуле. Миссия постарается войти с отрядом на пути в непосредственные сношения для ознакомления его с положением дел в Тегеране и для определения характера дальнейших действий наших войск. В экстренных случаях телеграммы из Казвина можно посылать по «Индо».

Поклевский.

№ 1087. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 794. 17/4 октября 1912 г.

Дополнение № 793 [1].

Ввиду некоторых тревожных симптомов, я счел себя обязанным дать начальнику казвинского отряда изложенные в вышеупомянутой моей телеграмме указания, но могу заверить ваше высокопревосходительство, что без действительной надобности войска наши не вступят в Тегеран. При нынешних обстоятельствах положение нашего отряда будет несколько сложным и затруднительным, так как он не должен принимать участия в борьбе правительства с Салар-эд-Доуле, а лишь ограничиваться защитой жизни и имущества европейцев. Задача наших войск была бы гораздо яснее и проще, если бы им было поручено не допускать Салар-эд-Доуле в Тегеран с его курдами и фидаями и тем самым предупредить беспорядки со стороны сочувствующих ему революционных враждебных нам элементов в столице, которые могли бы быть сдержаны и самим правительством. Если бы такой наш образ действий и имел характер защиты нынешнего правительства, то нельзя забывать, что последнее выказывает полную готовность удовлетворять наши пожелания, а оказывать помощь и поддержку какому-либо здешнему правительству необходимо, так как предоставленные самим себе персы доведут страну до полной анархии. Имея, однако, категорические на этот счет инструкции, я считал долгом ограничиться уже известными вашему высокопревосходительству указаниями.

Поклевский.

№ 1088. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 796. 17/4 октября 1912 г.

С точки зрения местных условий, мы с Тоунлеем никаких возражений против кандидатуры в регенты министра двора принца Мувассак-эд-Доуле [2] не встречаем и постараемся теперь выяснить отношение к ней здешних влиятельных политических кругов. Принц иностранными языками не владеет, ведет довольно замкнутый образ жизни, посвящая все свое время заботам о шахе, и в политической жизни страны до сих пор никакого участия не принимал. В частности, он поддерживал очень хорошие отношения с миссией и всегда оказывал большое внимание Смирнову [3]. Сердар-Асад заверил Тоунлея, что он и Самсам-эс-Солтане готовы в любой момент вызвать сюда Саад-эд-Доуле, обещая ему поддержку и защиту бахтиар. Сердар также вновь высказался за назначение Саада первым министром по прибытии его в Тегеран. Можем ли посоветовать немедленно вызвать сюда Саада? Прошу указаний.

Поклевский.

---

[1] См. № 1086.
[2] См. № 992.
[3] Смирнов был воспитателем велиагда (брата шаха).

№ 1089. Докладная записка генерал-квартирмейстера генерального штаба военному министру Сухомлинову.

17/4 октября 1912 г.
Секретно. Срочно.

Ввиду предстоящего заседания совета министров спешно докладываю вашему высокопревосходительству вопрос об отпуске болгарскому правительству винтовок на случай рассмотрения этого вопроса в упомянутом заседании [1].

Вызванный мной для урегулирования вопроса о приемке разрешенных 50 000 берданок болгарский военный агент майор Сирманов заявил, что прибывший в г. С.-Петербург г. Людсканов имеет полномочия от своего правительства ходатайствовать об отпуске необходимых Болгарии предметов. В силу этого он через майора Сирманова обращается с просьбой доложить вашему высокопревосходительству просьбу о том, чтобы, не отменяя уже данного разрешения на отпуск 50 000 берданок и соответственного числа патронов, которое он определяет в 300 на винтовку, самую приемку придержать до выяснения результатов нового ходатайства, с которым он обращается к вам об отпуске теперь же 50 000 трехлинейных винтовок новых или же, если нельзя, то бывших в употреблении [2], с 1 000 патронов на каждую винтовку.

Винтовки с патронами, шинели и сапоги будут приняты особо доверенными болгарской миссией частными лицами.

Испрашивается: Будет ли разрешена выдача за плату 50 000 3-хлинейных винтовок с упомянутым числом патронов, не отменяя уже данного разрешения об отпуске 50 000 берданок [3].

Генерал-майор Данилов.

---

[1] См. № 1067.

[2] Слова: «то бывших в употреблении» подчеркнуты, и на полях помета рукой Сухомлинова: «Да».

[3] На публикуемом документе имеется помета: «Доложено в заседании совета министров [17] 4-го сего октября. Согласие последовало, но при соблюдении условий совершенно частного характера. С[ухомлинов]. [17]. 4. Х».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Соглашения между генеральными штабами Сербии и Болгарии [1].

№ 1. Соглашение, заключенное между сербским и болгарским главными генеральными штабами [2].

Согласно § 13 военной конвенции, заключенной между королевством сербским и королевством болгарским [3], назначенные ими делегаты, сообразуясь с соответствующими планами военных действий, постановили следующее:

На случай войны Сербии и Болгарии с Турцией.

Предположив, что главная турецкая армия будет сосредоточена на пространстве: Скопле, Куманово — Кратово — Кочаны, Велес, союзные войска будут распределены для действия на вардарском театре следующим образом:

1. Одна сербская армия из двух дивизий будет наступать через Кара-Даг к Скопле, составляя правое крыло союзных войск.

2. Одна сербская армия из пяти пехотных и одной кавалерийской дивизии будет наступать долиной Моравицы и Пчиньи на линию Куманово — Кратово.

Эта армия образует центр союзных войск, с задачей нападения на неприятеля с фронта.

3. Одна болгарская армия из трех дивизий (болгарская дивизия состоит из 24 пехотных батальонов и вспомогательных войск) образует левое крыло союзных войск с задачей действовать против правого фланга неприятеля и в тыл по направлениям Кюстендиль — Эгри-Паланка — Скоплье и Кюстендиль — Царево-Село — Кочаны.

4. Оба начальника главных генеральных штабов произведут совместную рекогносцировку местности между Кюстендилем и Враньей, и если рекогносцировка эта выяснит, что по линии Кюстендиль — Эгри-Паланка — Скоплье могут действовать большие массы войск, то в этом случае и при условии, что в зависимости от общего положения это будет признано возможным, две сербские дивизии, предназначенные для действия через Кара-Даг, будут присоединены к армии, составляющей левое крыло союзных войск, которые сосредоточатся около Кюстендиля.

5. Для обеспечения правого фланга союзных войск начальник сербского главного генерального штаба по своему усмотрению использует три остающиеся дивизии второго призыва.

6. Начальник болгарского главного генерального штаба обязуется принять меры к возможно скорейшей постройке пути Босильград — Власина.

7. Если обстоятельства потребуют усиления болгарских войск на марицком театре и если для операций на вардарском театре не встретится надобности в удержании установленного числа войск, то в таком случае необходимое количество частей будет переведено с вардарского на марицкий театр.

---

[1] Эти документы были препровождены Гартвигом Сазонову при деп. от 27/14 мая 1913 г. за № 21.

[2] Маш. копия. Заголовок оригинала. Перевод с сербского. Опубл. *Гешов*, Балканский союз, стр. 92.

[3] См. т. XIX, приложение к № 888.

И обратно — если обстоятельства потребуют усиления союзных войск на вардарском театре и если для действий на марицком театре не встретится надобности в удержании предназначенного числа войск, то в таком случае необходимое количество частей будет переведено с марицкого на вардарский театр.

Приложение.

Оба главные штабы обязуются:

а) Доставлять друг другу все данные о войсках своих соседей.

б) Предоставлять друг другу необходимое количество всех правил, инструкций, карт и т. д. как явных, так и доверительного характера.

в) Посылать в союзные войска известное число офицеров для ознакомления с армией и изучения языка, согласно статье 11 военной конвенции.

г) Начальники главных штабов сербской и болгарской армий должны ежегодно осенью встречаться для ориентировки с общим положением и для введения необходимых изменений в их соглашения в зависимости от обстоятельств.

Генерал Р. Путник.

Генерал Фичев.

Варна, [2 июля] 19 июня 1912 г.

№ 2[1].

При свидании и обсуждении плана военных действий против Турции начальник сербского главного генерального штаба находит:

1. «Что вардарский театр войны является главным и что неприятельские главные силы будут на нем сосредоточены».

2. «На основании этого он полагает: что принципиально следовало бы на этом театре сосредоточить наибольшие силы союзников».

3. «Главный генеральный штаб, сознавая общую важность вардарского театра, а в частности, имея в виду общий рельеф местности, равно и время года, когда предполагаются военные действия, а кроме того, и то политическое обстоятельство, что против турецких войск на этом театре будут действовать одновременно войска греческие и черногорские, — заявляет»:

а) «Что против турецкой армии на вардарском театре должна оперировать вся сербская армия»;

б) «Что союзная болгарская армия должна выставить на вардарский театр, по направлению от Кюстендиля, не менее одной дивизии (24 батальона с артиллерией и соответствующими вспомогательными частями) в состав сербской армии».

За начальника главного генерального штаба сербской армии помощник, полковник генерального штаба Животин Р. Мишич.

Белград, [5 сентября] 23 августа 1912 г.

№ 3[2].

При свидании и обсуждении плана военных действий против Турции начальник болгарского главного генерального штаба предлагает:

1. «Нахожу, что главным театром военных действий в войне против турок, куда надо направить решительный удар, явится долина реки Марицы, ибо предполагаю, что вследствие условий местности и важных стратегических целей главные силы турецкой армии будут там сосредоточены».

2. «Предлагаю союзному сербскому главному генеральному штабу обсудить, каким образом, имея в виду вышеозначенное мое мнение, может быть усилена болгарская армия в долине реки Марицы, дабы, принимая во

[1] Маш. копия. Перевод с сербского. Опубл. *Гешов*, Балканский союз, стр. 95.
[2] Маш. копия. Перевод с сербского. Опубл. *Гешов*, Балканский союз, стр. 94.

внимание те турецкие силы, которые могут быть там сосредоточены, она имела численное превосходство над неприятелем».

3. «Необходимые военные части для подкрепления болгарских войск на марицком театре могут быть взяты от союзных контингентов с македонского театра, безразлично национальностей, к которой они принадлежат».

Начальник главного генерального штаба болгарской армии генерал-майор Фичев.

Белград, [5 сентября] 23 августа 1912 г.

№ 4.

Соглашение, заключенное между сербским и болгарским главными генеральными штабами [1].

На основании § 4 военной конвенции, заключенной между королевством сербским и королевством болгарским, назначенные ими делегаты — начальники соответствующих главных генеральных штабов — по рассмотрении плана наступательной войны против Турции, по взаимному соглашению, приняли следующее решение:

1. Вся сербская армия будет действовать на македонском театре с обязательством обеспечить операционный базис: Эгри-Паланка — Кюстендиль.

2. Вся болгарская армия будет действовать в долине реки Марицы, оставив на первое время одну дивизию на линии Кюстендиль — Дупница. Для обороны Дупницы оставляется специальный гарнизон.

3. Одна сербская дивизия первого призыва будет перевезена по железной дороге в Кюстендиль и с болгарской дивизией составит на первое время одну армию, которая будет действовать совместно с сербской главной армией.

Если сербская главная армия оттеснит турок с линии Скоплье — Велес — Иштиб и будет наступать на юг, то болгары могут воспользоваться своей дивизией для подкрепления своей армии на марицком театре, оставив предварительно на македонской границе отряды ополченцев.

4. Перевозка войск будет производиться следующим образом: линия Пирот — Царибрд — София — Кюстендиль предоставляется в распоряжение сербского генерального штаба уже с пятого дня мобилизации. Перевозка будет производиться сербскими поездами, так как в это время болгарский подвижной железнодорожный парк будет занят.

5. Продовольствие сербской дивизии на первое время будет обеспечено болгарским военным министерством.

Полученное заимообразно продовольствие будет возвращено в натуре сербским военным министерством.

6. § 7-й соглашения, заключенного между начальниками соответствующих главных генеральных штабов от [2 июля] 19 июня 1912 г., подписанного в Варне, остается в силе и при данных обстоятельствах.

Начальник штаба болгарской армии генерал-майор Фичев.

Генерал Р. Путник.

София, [28] 15 сентября 1912 г.

II

Проект меморандума российского министра иностранных дел статс-секретарю по иностранным делам Грею [2].

Nomination d'un consul russe à Bombay.

Le Gouvernement britannique n'a pas donné jusqu'à ce moment son consentement à la nomination d'un représentant consulaire russe à Bombay

[1] Маш. копия. Заголовок оригинала. Перевод с сербского. Опубл. *Гешов*, Балканский союз, стр. 95.

[2] См. стр. 254, прим. 3.

exigeant en échange l'admission d'un représentant consulaire britannique soit à Tachkent soit à Boukhara.

En demandant la création d'un poste consulaire à Bombay, la Russie ne prétend qu'à un droit déjà acquis par d'autres Puissances qui ont des consuls à Bombay et même à Madras. Il n'en est pas de même pour les possessions russes de l'Asie Centrale, où non seulement aucun représentant consulaire n'a jamais été admis, mais dont l'accès même n'est permis à tout sujet étranger que sur une autorisation spéciale délivrée par le Gouvernement dans chaque cas séparé. L'admission d'un consul anglais entraînerait l'obligation d'y admettre également des consuls d'autres Puissances.

Le retard mis par le Gouvernement britannique à admettre un consul russe à Bombay oblige, à son grand regret, le Gouvernement impérial à retarder son consentement à la nomination de représentants consulaires anglais à Krasnoyarsk et Nikolaïevsk et à l'élévation du vice-consul d'Angleterre à Vladivostok au rang de consul.

La situation créée par cet état de choses ne paraît guère compatible avec les relations sincèrement amicales qui existent entre les deux pays. Le refus opposé par le Gouvernement britannique au désir légitime de la Russie d'avoir un consul à Bombay produit sur l'opinion publique aux Indes l'impression d'une permanence de l'ancien antagonisme entre les deux Puissances ce qui ne saurait évidemment entrer dans les vues des deux Puissances [1].

Перевод.

Назначение российского консула в Бомбей.

Британское правительство до сих пор не дало согласия на назначение российского консульского представителя в Бомбей, требуя взамен этого допущения британского консульского представителя либо в Ташкент, либо в Бухару.

Ходатайствуя о создании консульства в Бомбее, Россия претендует лишь на право, уже полученное другими державами, имеющими консулов в Бомбее и даже Мадрасе. Иначе обстоит дело в отношении русских среднеазиатских владений, куда не только никогда не допускались консульские представители, но куда въезд иностранных подданных допускается лишь по особому на каждый отдельный случай разрешению правительства. Допущение туда английского консула повлекло бы за собой обязательство допустить туда также и консулов других держав.

Промедление британского правительства в допущении российского консула в Бомбей вынуждает императорское правительство, к его великому сожалению, задержать свое согласие на назначение английских консульских представителей в Красноярск и Николаевск и на возведение английского вице-консула во Владивостоке в ранг консула.

Положение, созданное этими обстоятельствами, представляется мало соответствующим искренне дружественным отношениям, существующим между обеими странами. Отказ, противопоставленный британским правительством законному пожеланию России иметь консула в Бомбее, производит на общественное мнение Индии впечатление, что антагонизм между обеими державами продолжается, а это безусловно не может входить в намерения обеих держав.

---

[1] Публикуемый меморандум не вполне совпадает с текстом, опубл. в Brit. Doc. (v. IX, P. I, p. 757). Там же (p. 766) опубликован ответный меморандум от 4 окт. 1912 г. нов. ст., в котором Грей объяснял ходатайство англ. прав-ва о создании консульства в Ташкенте теми крупными торговыми интересами, которые Англия имеет в среднеазиатских владениях России и которые не могут быть приравнены интересам других держав. В том случае, если Россия не сочтет для себя возможным удовлетворить это ходатайство, англ. прав-во предлагало договориться о следующем: 1) будут облегчены паспортные правила для индийских торговцев в среднеазиатских владениях России и 2) помощнику англ. ген. консула в Мешеде будет разрешено периодически посещать главные торговые центры русского Туркестана для рассмотрения исключительно коммерческих дел, касающихся интересов англ. подданных. В случае принятия росс. прав-вом этого предложения и в случае согласия его на создание англ. консульств в Красноярске и Николаевске и возведения в ранг консула вице-консула во Владивостоке, англ. прав-во, — сообщалось в меморандуме, — не будет иметь возражений против допущения росс. вице-консула в Бомбей.

УКАЗАТЕЛЬ I

Именной[1]

[1] Цифры обозначают страницы.

УКАЗАТЕЛЬ II

Корреспондентский [1]

Австро-Венгрия

Англия

Болгария

Германия

Голландия

Греция

Дания

Индия

[1] Цифры обозначают номера документов.

Испания

Италия

Китай

Монголия

Персия

Румыния

Сербия

Соединенные Штаты Америки

Турция

УКАЗАТЕЛЬ III

Темы дипломатической переписки[1]

Австро-Венгрия

Албанский вопрос

Англия

[1] Цифры без скобок обозначают номера документов; цифры, поставленные в скобках, обозначают соответствующие пункты рубрик.

Афганистан

Балканский кризис

Бельгия

Болгария

Германия

Голландия

Греция

Дания

Индия

Испания

Италия

Итало-турецкая война

Китай

Марокко

Монголия

Норвегия

Персия

Проливы

Россия

Румыния

Сербия

Соединенные Штаты Америки

Средиземноморский вопрос

Тибет

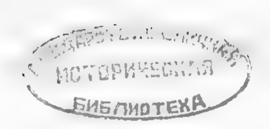
Тройственное согласие

Тройственный союз

Турция

Франция

Черногория

Международные отношения в эпоху империализма, т. XX, ч. II.

Редактор А. Могилевич. Переводы Е. Желябужской.
Техред Е. Женин. Корректор Л. Саксаганская.

Подписано к печати с матриц 15/V 1940 г.
Государственное издательство политической литературы, 1940 г.
Индекс МОЭИ. Изд. № 1768. Леноблгорлит № 2115.
Формат 70×108/16. 33¾ печ. л. Уч.-авт. л. 47,78. 134.400 зн. в 1 печ. л. Заказ № 3882.
Тираж 15 000 экз. Цена 12 руб.

Набрано и сматрицировано во 2-й типографии ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига“ „Печатный Двор“ им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26. Отпечатано с матриц в 4-й типографии ОГИЗа, им. Евгении Соколовой. Ленинград, просп. Красных Командиров, 29.

СХЕМА
Балканского полуострова
К рапорту вр. и. д. российского военного агента в Англии № 108, от 14/1 августа (см. № 468).
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
государственные границы 1912 года.
намеченные границы будущих владений.
границы владений России.
границы владений Австро-Венгрии.
границы владений Италии.
границы владений Греции.
границы владений Болгарии.
границы Румынии.
границы Черногории.
Масштаб
80 60 40 20 0 80 160 верст.
АВСТРИЯ
РОССИЯ
РУМЫНИЯ
БОСНИЯ
СЕРБИЯ
БОЛГАРИЯ
ЧЕРНОГОРИЯ
АЛБАНИЯ
ТУРЦИЯ
ГРЕЦИЯ
ИТАЛИЯ
Адриатическое море
Ионическое море
Черное море
Мраморное море
Южные Спорады
Средиземное море
Ос. Хиос
Ос. Родос
Ос. Крит
Кечкемет
Мезо-Тюр
Гросвай
Чаба
Колошвар
Сабатка
Середин
Арад
Карлсбург
Зента
Темешвар
Лугош
Кронштадт
Осек
Виковцы
Брод
Даль
Н. Сад
Бечкерек
Вершец
Белая Церковь
Митровиц
Белград
Босния Нова
Баньялука
Добой
Н. Бречка
Яйче
Зеница
Смедерево
Сараево
Прибой
Мостар
Парачин
Сеница
Нова-Базар
Ниш
Пирот
Лесковац
Митровица
Рагуза
Никшич
Андриевица
Подгорица
Цетинье
Плава
Ипек
Приштина
Вранье
Антивари
Скутари
Варош
Призрен
Скопье (Ускюб)
Алессио
Кроя
Дибра
Иштиб
Дураццо
Ельбасан
Монастыр
Дойран
Берат
Валона
Вериа (Бер)
Салоники
Серес
Драма
Корфу
Янина
Превеза
Елабак
Трикала
Лариса
Кардица
Воло
Воница
Ламия
Агринион
Навпактос
Месолонгион
Левадия
Халкис
Патрас
Афины
Пирей
Н. Коринф
Пиргос
Аргос
Навплия
Лаврион
Каламата
Пятра
Яссы
Роман
Гуш
Бакеу
Бырлад
Текуч
Фокшаны
Галац
Бузев
Фаурей
Питешти
Плоешти
Бухарест
Коларащи
Крайова
Каракалу
Журжево
Видин
Турутукай
Силистрия
Рущук
Никополь
Свищов (Систов)
Разград
Добрич
Плевна
Шумла
Варна
Тырново
София
Карлово
Ихтиман
Кюстендиль
Марица
Чирпан
Эски Загра
Н. Загора
Бургас
Филиппополь
Семенли
Хас-киой
Мустафа-Паша
Адрианополь
Кирк-Килиса
Демотика
Баба-Эски
Люле-Бургас
Виза
Мидия
Гюмюльджина
Фереджик
Деде-агач
Энос
Родосто
Чорлу
Чаталджа
Фанараки
Рава
С. Стефано
Скутари
Константинополь
Гонос
Галлиполи
Гемлик
Султание Кале
Едремид
Баба-Калисса
Смирна
Кушадаси
Бендеры
Тирасполь
Кагул
Болград
Рени
Вильково
Тульча
Сулина
Бабадаг
Черноводы
Костанца
Каварна
р. Прут
р. Серет
р. Дунай
р. Ялонница
р. Марош
р. Тиса
р. Сава
р. Морава
р. Вардар
р. Дрин
р. Ибар
р. Ергене

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть	По чьей вине
193	12 св.	воз	воз-	типогр.
300	19 сн.	D'apres	D'après	типогр.
300	19 сн.	renseıgnements	renseignements	типогр.
321	12 св.	баропом	бароном	типогр.
331	27 св.	1919	1912	типогр.
331	23 сн.	que	qui	редакц.
353	15 сн.	Македонии	в Македонии	типогр.
353	16 сн.	гссударствам	государствам	типогр.
409	15 сн.	reformes	réformes	типогр.
409	14 сн.	inatten.	inatten-	типогр.
442	5 св.	de réformes	des réformes	редакц.
520	2 сн.	Лнниниград	Ленинград	типогр.

